

БЕРЛИН-45

Сергей
Мухеенков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга «Берлин-45» необычная. Дни и ночи последнего штурма показаны в ней через судьбы его участников — солдат и генералов, командиров корпусов и рядовых разведчиков, танкистов, пехотинцев. Некоторые герои книги прошли войну от западных границ Советского Союза до Москвы, а затем через Смоленщину, Белгородчину, Донбасс, Белоруссию и Польшу до Берлина. Судьбы героев показаны на фоне сложного времени. Автор вводит в оборот многие малоизвестные и неизвестные широкому читателю документы, которые во многом по-новому позволяют взглянуть на нашу историю, загромождённую в прежние годы завалами идеологием, мифов и откровенной лжи. Среди героев — генерал Иван Рослый, танкист полковник Амазасп Бабаджанян, разведчик Григорий Булатов, гвардии певица Лидия Русланова, которая в мае сорок пятого дала свой знаменитый победный концерт на ступеньках поверженного Рейхстага. Впервые развёрнуто показана картина тыла и обеспечения войск 1-го Белорусского фронта — через судьбу генерала Н. А. Антипенко, талантливого организатора и бесстрашного воина.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Сергей Михеенков](#)

o

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)

- [146](#)
 - [147](#)
 - [148](#)
 - [149](#)
 - [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
 - [153](#)
 - [154](#)
 - [155](#)
 - [156](#)
 - [157](#)
 - [158](#)
 - [159](#)
 - [160](#)
 - [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
 - [164](#)
 - [165](#)
 - [166](#)
 - [167](#)
 - [168](#)
 - [169](#)
 - [170](#)
 - [171](#)
 - [172](#)
 - [173](#)
 - [174](#)
 - [175](#)
 - [176](#)
 - [177](#)
 - [178](#)
-

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1961

(1761)

Сергей Михеенков

БЕРЛИН-45

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Автор выражает сердечную благодарность всем, кто помогал и сочувствовал ему в период работы над рукописью, в том числе: Каро Саргсяну (г. Москва); Николаю Яшкину (с. Жерелёво Калужской области); Владимиру Перепечёнову (г. Казань); Аркадию Елфимову (г. Тобольск); Юлии Маркос (г. Москва); Ларисе Бабаджанян (г. Москва); Ирине Тюленевой (г. Пермь); Анатолию Войтенко (г. Екатеринбург).

© Михеенков С. Е., 2018

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

До весны 1945 года русские войска брали Берлин дважды.

В первый раз — во время Семилетней войны в августе 1759 года.

Второй раз — во время освобождения Германии от войск Наполеона Бонапарта в 1814 году.

И вот пришёл срок взять его в третий раз.

После окончания Ялтинской конференции, когда было ещё не совсем ясно, кто будет брать Берлин, прощаясь с дядюшкой Джо, Черчилль и Рузвельт в один голос сказали:

— До свидания. До встречи в Берлине.

— Милости просим, — ответил Сталин.

ДРАКА ПРЕДСТОИТ СЕРЬЁЗНАЯ...

Лишь несколькими сражениям суждено будет стать символами войны, и среди них обязательно будет битва за вражескую столицу.

Алексей Исаев. Битва за Берлин

Берлинская наступательная операция, проведённая Красной армией в апреле — мае 1945 года, стала апофеозом Великой Отечественной войны. Взятие советскими войсками Берлина, гибель и пленение военной и политической верхушки Третьего рейха поставили точку в войне на Европейском театре военных действий. Решение японской проблемы было лишь делом времени: по расчётам штабов, полутора — двух месяцев. Так оно и вышло.

Войска, занимавшие центральный участок советского фронта, сделав необходимую перегруппировку и накопив достаточное количество сил и средств, бросились в последнюю атаку.

Прологом последнего штурма были сражения зимы 1944/45 года. В том числе и на Западном фронте, где наступали войска западных союзников по Антигитлеровской коалиции.

Маршал Г. К. Жуков ещё в ноябре 1944 года, когда его армии стояли на Висле, отдал распоряжение штабу фронта приступить к предварительной разработке плана взятия Берлина. В феврале 1945-го армии 1-го Белорусского фронта получили директивы на последний удар, но затем последовали распоряжения, отменяющие удар вглубь Германии, в направлении на Берлин. В

результате удачно проведённой Висло-Одерской наступательной операции войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов взломали оборону противника и продвинулись по немецкой территории до Одера, захватив на некоторых участках выгодные плацдармы. Однако немецкому командованию удалось быстро восстановить линию фронта на новых рубежах и одновременно значительно усилить группу армий «Висла». К тому же войска двух советских фронтов и без того слишком далеко выдвинулись вперёд. Реальная опасность фланговых ударов под основания глубокого вклинения из районов Восточной Померании с севера и Силезии на юге заставила советское командование приостановить наступление на центральном участке фронта и, прежде чем идти на штурм Берлина, разобраться с сильными группировками противника на флангах.

Маршалы И. С. Конев и Г. К. Жуков вынуждены были развернуть свои линии на юг и на север. Им было предписано нанести удары по немецким фланговым группировкам, покончить с ними, а уже затем начать беспрепятственно двигаться вглубь Германии, к ее сердцу.

Основу ударных группировок обеих фронтов составляли танковые армии. Они-то и понесли главные потери. Висло-Одерская, Восточно-Померанская, Верхне-Силезская и Нижне-Силезская наступательные операции увенчались успехом. Они не просто приблизили Победу, они обеспечили её. Но без восстановления потерь в боевой технике, ремонта вышедших из строя машин, пополнения экипажами маневр в направлении Берлина был невозможен. Войска фронтов на какое-то время, необходимое для перегруппировки и приведения себя в порядок, остановились на рубеже рек Одера и Нейсе.

Тем временем после неудачи немецкого наступления в Арденнах активизировались союзники. 1 апреля 1945

года британский премьер-министр Уинстон Черчилль написал американскому президенту Франклину Рузвельту: «Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убеждённость, которая уже очевидна, в том, что всё сделали они. Поэтому моё мнение таково, что с политической точки зрения мы должны вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости»^[1].

Говорят, содержание письма, посланного с одного континента на другой, благодаря усилиям советской разведки тут же стало известно «дядюшке Джо»^[2], и он немедленно отреагировал.

Во-первых, войска фронтов Центрального направления начали готовиться к решающему броску на Берлин.

Во-вторых, следом за письмом Черчилля в Белый дом полетело послание Сталина. На первый взгляд совершенно по другому поводу. Но тема была всё та же.

Лично, строго секретно.

От маршала И. В. Сталина президенту господину Рузвельту.

Отправлено 3 апреля 1945 г.

Получил Ваше послание по вопросу о переговорах в Берне [...]

Вы утверждаете, что никаких переговоров не было ещё. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были, и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг

согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами [...]

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться вглубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников — русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами.

Тем временем армии, действовавшие на Центральном направлении, расширили Кюстринский плацдарм (1-й Белорусский фронт) и вели успешное наступление в Силезии (1-й Украинский фронт). Одновременно войска проводили перегруппировку, накапливали ресурс, принимали пополнение.

В создавшихся обстоятельствах, при том, что планы союзников относительно Берлина были неясны и двусмысленны одновременно, и с военной точки зрения, и с политической затягивать с Берлинской операцией было нельзя.

Г. К. Жуков вспоминал: «29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отработывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлёвский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьёзная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении»^[3].

Сталин опасался глубокого прорыва союзников и, в сложившихся обстоятельствах, беспрепятственного их марша на Берлин через Эльбу. Вот почему к операции были неожиданно привлечены также подвижные силы 1-го Украинского фронта и даже часть левого фланга 2-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского. По первоначальному замыслу армиям И. С. Конева и К. К. Рокоссовского отводились блокирующие функции. А 1-й Белорусский должен был совершить маневр на Берлин в обход многополосной линии обороны на Зееловских высотах. Но потом планы пришлось менять.

Новый план штурма предполагал некоторые преимущества, но одновременно усложнял задачи армий маршала Г. К. Жукова, направляя их удар через эшелонированную оборону Зееловских высот. Директива Ставки ВГК № 11059 командующему 1-м Белорусским фронтом предписывала: «Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырёх общевойсковых армий и двух танковых армий». И ещё: «Танковые армии ввести на направлении главного удара после прорыва обороны для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока». А это был уже марш-маневр, который блокировал возможность проникновения союзников в район Берлина с северо-запада и запада.

В этих обстоятельствах перед маршалом Г. К. Жуковым вставала, пожалуй, самая трудная задача за всю войну. Ставка, по сути дела, изымала танковые армии, обрекая ударную группировку 1-го Белорусского фронта на медленное прогрызание немецкой обороны, что, конечно же, грозило максимальным расходом собственных ресурсов. Что вскоре и произошло. При этом невозможно было избежать и ещё одной серьёзной опасности: противник под давлением атакующих войск 1-го Белорусского фронта будет отходить на запасные позиции и в конце концов окажется в городских кварталах, за полутораметровыми стенами зданий, в подвалах и полуподвалах, в бетонных ДОТах, откуда его придётся выковыривать, как говорят, штучно, тяжёлой артиллерией или сапёрным подразделениям. А это — время, сверхусилия и новые потери в личном составе. Чтобы не допустить отхода в Берлин 9-й армии генерала пехоты Т. Буссе, Г. К. Жуков запланировал, в частности, удар левофланговых 69-й и 33-й армий в направлении Бонсдорфа.

С Кюстринского плацдарма наступающим войскам Г. К. Жукова предстояло с боями пройти, проползти,

пробежать, преодолеть на броне танков и самоходок шестьдесят километров по пересечённой местности, изобилующей каналами, реками и исхлётанной линиями окопов и траншей, занятых изготовившимися к обороне войсками.

Перед самым началом штурма Г. К. Жукову всё же удалось переубедить Сталина и оставить за собой одну танковую армию, так как изъятие из ударной группировки обеих танковых армий слишком рискованно. 1-ю гвардейскую танковую армию генерал-полковника танковых войск М. Е. Катуква комфронта предложил поставить в затылок дивизиям 8-й гвардейской армии генерал-полковника В. И. Чуйкова.

«Выслушав мои доводы, — вспоминал Г. К. Жуков, — И. В. Сталин сказал:

— Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее».

Основной удар с Кюстринского плацдарма Г. К. Жуков решил нанести силами 5-й ударной, 8-й гвардейской и двумя гвардейскими танковыми армиями — 1-й и 2-й.

Так вскоре и произошло. Правда, танковые армии по первоначальному замыслу решено было вводить примерно на полпути к Берлину, чтобы нарастить удар общевойсковых армий, ввести в пробитые бреши бронетанковые мобильные соединения. Этот тактический приём был уже отработан в ходе предыдущих операций. Но всё пойдёт не так.

Войска левофлангового 1-го Украинского фронта наступали с юга. В директиве Ставки войскам маршала И. С. Конева предписывалось «разгромить группировку противника [...] южнее Берлина». В своих мемуарах И. С. Конев после войны писал: «Обрыв разграничительной линии у Люббена как бы намекал, наталкивал на инициативный характер действий вблизи Берлина. Да и как могло быть иначе? Наступая, по

существо, вдоль южной окраины Берлина, заведомо оставляя его у себя нетронутым справа на фланге, да ещё в обстановке, когда неизвестно наперёд, как всё сложится в дальнейшем, казалось странным и непонятным. Решение же быть готовым к такому удару представлялось ясным, понятным и само собой разумеющимся».

Уже 8 апреля И. С. Конев директивой войскам фронта № 00211 дал отмашку командующему 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко: «Иметь в виду усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга».

Основу обороны подступов к Берлину и самого города составлял Одерско-Нейсенский оборонительный рубеж и непосредственно Берлинский оборонительный район. Основу главной оборонительной линии составляли до пяти (в зависимости от участка) сплошных полос окоп, первая из которых проходила по восточным берегам рек Одер и Нейсе. За ней начиналась вторая линия, опиравшаяся на Зееловские высоты. Высоты закрывали Кюстринский плацдарм и непосредственно Берлинское направление. Именно Зееловские высоты были наиболее насыщены инженерными сооружениями, тяжёлым вооружением и защищались надёжными частями и соединениями. В этом оборонительном районе были развернуты четырнадцать дивизий противника. Накануне советского наступления их численный состав был доведён до штатного.

За высотами была возведена следующая полоса обороны.

Атака началась в 5.00 по московскому времени за два часа до рассвета. На участке 1-го Белорусского фронта немецкую оборону обрабатывали 9000 орудий и миномётов и 1500 «Катюш». Артиллерийское

наступление проводилось на отрезке в 27 километров — там, где планировалось осуществить основной прорыв.

Что касается «прожекторной атаки», то её эффективность и непосредственными участниками тех событий, и историками оценивается как сомнительная. Тем не менее на отдельных участках уцелевшие пулемётные и противотанковые расчёты были ослеплены мощным светом прожекторов и не могли вести точного огня.

Первые часы наступление развивалось успешно. Авангарды ударной группы вышли к траншеям второй полосы обороны. И тут они столкнулись с ожесточённым сопротивлением. Стрелковые соединения не смогли преодолеть мощных инженерных сооружений Зееловских высот, плотно набитых огневыми средствами. Пехота залегла. Продвижение застопорилось. Успех операции оказался под угрозой. Чтобы сдвинуть войска с места, маршалу Г. К. Жукову пришлось срочно вводить в дело 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Противник отреагировал, бросив в бой на этом участке оперативные резервы группы армий «Висла». Только к утру 18 апреля, то есть на третьи сутки наступления войска 1-го Белорусского фронта овладели Зееловскими высотами. А к исходу 19 апреля была прорвана и третья линия обороны противника.

Двадцатого апреля артиллерия 3-й ударной армии нанесла мощный удар по Берлину. А на следующий день, 21 апреля авангарды 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армий завязали бои на окраинах вражеской столицы.

К исходу дня 21 апреля, совершив многокилометровый марш-маневр с левого фланга 1-го Украинского фронта на правый, на южные окраины города вышли танки генерал-полковника П. С. Рыбалко.

В последующие дни битва за Берлин носила особенно ожесточенный характер.

К 23 апреля наибольшего успеха добился 9-й стрелковый корпус генерал-майора И. П. Рослого. Части корпуса, действуя в авангарде 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Н. Э. Берзарина, ворвались в Карлсхорст и Кёпеник. К 24 апреля темп наступления группировки 1-го Белорусского фронта снизился, однако остановить атакующих было уже нельзя. Перед ними лежал центр Берлина.

Тем временем на вспомогательном направлении наступали 61-я армия и 1-я армия Войска Польского. Эта группировка атаковала на правом крыле фронта маршала Г. К. Жукова на участке, первоначально предназначенном для наступления танковых армий. Они охватывали Берлин с севера и продвигались к Эльбе.

Битва за Берлин рушила многие планы. Отмотаем ленту событий немного назад. Неожиданно первый значительный успех наметился на участке 1-го Украинского фронта. Атака началась ранним утром 16 апреля сорокаминутным артиллерийским наступлением. Артиллерия перенесла огонь с переднего края в глубину немецкой обороны, а тем временем передовые усиленные батальоны уже приступили к форсированию реки Нейсе. Под прикрытием дымовой завесы за короткий промежуток времени были оборудованы 133 переправы и поток войск хлынул на западный берег. Немцы, видя угрозу прорыва, бросили в бой не только оперативные, но и тактические резервы с целью сбросить авангарды маршала И. С. Конева в Нейсе. Но было уже поздно.

Утром 17 апреля танковые армии генералов П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко были уже на западном берегу и развивали удар на северо-запад в направлении Берлина.

Авиация обеих фронтов работала непосредственно по переднему краю обороны противника и в её глубине. Уничтожались огневые точки на пути продвижения

наступающих войск, инженерные сооружения, скопление резервов, склады и транспортные колонны.

Войска 1-го Украинского фронта действовали на двух направлениях, главном и второстепенном. По узкому коридору, пробитому 13-й, 3-й и 5-й гвардейскими армиями, И. С. Конев гнал вперёд свои подвижные силы — 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии. К исходу второго дня атаки танки подошли к Шпрее и начали форсирование реки.

На второстепенном, Дрезденском направлении, которое по первоначальному плану было основным, успешно наступали части 52-й армии генерал-полковника К. А. Коротева и 2-й армии Войска Польского генерал-полковника К. К. Сверчевского.

Успех войск И. С. Конева подтолкнул Ставку к неожиданному решению: повернуть танковые армии 1-го Украинского фронта на Берлин. Комфронта тут же направил П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко приказ: «На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперёд. Города и крупные населённые пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. Требую твёрдо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях».

Танковые генералы поняли замысел своего маршала. Темп движения танковых потоков 1-го Украинского фронта к Берлину составлял 35–50 километров в сутки.

Тем временем общевойсковые армии блокировали сильные группировки противника в районе Котбуса и Шпремберга.

К исходу 20 апреля войска маршала И. С. Конева рассекли немецкую оборону. Немецкие группы армий «Висла» и «Центр» уже не составляли цельного фронта и единой силы. Германское командование бросало под гусеницы советских танковых армий свои последние резервы. Но тщетно! На рассвете 22 апреля корпуса 3-й

гвардейской танковой армии форсировали канал Нотте, с ходу прорвали внешний оборонительный обвод Берлина и к исходу дня заняли оборону на южном берегу канала Тельтов.

В этот день, 22 апреля, немецкое командование предприняло последнюю серьёзную попытку повлиять на ход сражения. В ставке А. Гитлера было принято решение снять с Западного фронта 12-ю армию В. Венка и деблокировать 9-ю армию Т. Буссе.

События ближайших дней развивались следующим образом.

Весь день *23 апреля* войска маршала И. С. Конева проводили перегруппировку и стягивали к мощной обороне противника по линии Тельтов-канала артиллерию большой мощности. Противоположный северный берег нависал над водой отвесной стеной. С ходу не перепрыгнешь. По берегу и в глубину — траншеи, железобетонные ДОТы, окопанные танки и самоходки, противотанковые орудия для стрельбы прямой наводкой. По обресту канала — плотная застройка домов со стенами толщиной от метра и более. В полосе действий 6-го гвардейского танкового корпуса плотность бронетехники была доведена до 650 стволов на километр фронта. Тяжёлые снаряды разносили двухметровые стены зданий в пыль. После артподготовки генерал-майор танковых войск В. А. Митрофанов успешно переправил свой 6-й гвардейский танковый корпус на северный берег.

Группа армий «Центр» ещё 20 апреля начала контратаковать советские войска. *23 апреля* последовал мощный контрудар в стык 52-й армии и 2-й армии Войска Польского, в результате которого боевые порядки на левом фланге 1-го Украинского фронта были смяты, ударные части немецких войск продвинулись в глубину, угрожая тылам наступающих.

В полдень *25 апреля* западнее Берлина авангарды 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта встретились с ударными группами 47-й армии 1-го Белорусского фронта.

В тот же день часть сил 4-й гвардейской танковой армии совместно с 13-й общевойсковой армией отбивали попытку 12-й армии В. Венка прорваться в Берлин. 3-я гвардейская и часть сил 28-й армии зажали в кольцо и кромсали 9-ю армию Т. Буссе.

Задачи 2-го Белорусского фронта в Берлинской наступательной операции состояли в следующем.

Первое. Нанести рассекающий удар севернее Берлина и тем самым обеспечить правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможного воздействия противника с севера.

Второе. Прижать к морю немецкую группировку, находящуюся севернее Берлина и уничтожить её.

Задача морякам Днепровской военной флотилии: бригады речных кораблей должны содействовать частям 5-й ударной и 8-й гвардейской армий в переправе через Одер. Кроме действий на переправах, моряки обеспечивали противоминную оборону водных транспортных путей.

Корабли Краснознамённого Балтийского флота действовали совместно с войсками маршала К. К. Рокоссовского, блокируя с моря войска немецкой группы армий «Курляндия».

Кольцо вокруг Берлина замкнулось в полдень *25 апреля*. 6-й гвардейский механизированный корпус 4-й гвардейской танковой армии соединился с авангардом 47-й армии генерал-лейтенанта Ф. И. Перхоровича.

По оценке советской разведки, гарнизон Берлина насчитывал более 200 тысяч солдат, офицеров и бойцов фольксштурма при трех тысячах орудий и 250 танках.

Каждый дом был превращён в крепость. Каждая улица — в цитадель. Подземелья служили

коммуникациями, по которым перебрасывались резервы и боеприпасы.

В этот же день самолёты 16-й воздушной армии генерал-полковника авиации С. И. Руденко нанесли два массированных удара по центру Берлина. Первая волна — 899 самолётов, вторая — 590. Проведено 27 воздушных боёв, сбито 20 немецких истребителей FW-190. Из них 13 сбито в районе Берлина.

Корпус генерал-майора И. П. Рослого по-прежнему двигался в первом эшелоне 5-й ударной армии. Его дивизии продолжали наступление вдоль западного берега реки Шпрее. В тот же день 25 *апреля* части 8-й гвардейской армии генерал-полковника В. И. Чуйкова захватили переправу через Ландвер-канал — целёхонький мост, который немцы заминировали, но взорвать не успели. Его тут же разминировали и пустили танки и артиллерию. Одновременно 11-й гвардейский танковый корпус полковника

А. Х. Бабаджаняна овладел исправной переправой через Ландвер-канал и сразу же ею воспользовался — танки и самоходки пошли вперёд.

Во второй половине дня всё того же 25 *апреля* случилась неувязка в полосе действий 3-й гвардейской танковой армии. Бомбардировочная авиация 1-го Белорусского фронта с больших высот, возможно из-за создавшейся тесноты, отбомбила боевые порядки наступающих войск 1-го Украинского фронта. Убито и ранено только в 3-й гвардейской танковой армии до ста человек. Потери понесла также 4-я гвардейская танковая армия Д. Д. Лелюшенко.

Командующие фронтами были в бешенстве. Говорят, дело дошло до столкновения, и не только сильных характеров. Правда, достоверных сведений об этом нет. Однако, когда речь заходит о штурме Берлина, «знатоки» непременно упомянут и о схватке маршалов. Что ж, если даже такой эпизод в истории сражения за

Берлин и, как говорят, имел место, то это легко объяснимо.

Следующий день, *26 апреля*, выдался трудным на всех участках советской атаки и немецкой обороны.

Дивизии 3-й ударной армии подошли к Фербиндунгс-каналу, где встретили яростное сопротивление. 150-я стрелковая дивизия после артподготовки попыталась переправиться на противоположный берег, но под шквальным огнём отошла. 171-я стрелковая дивизия одним полком захватила небольшой плацдарм на другом берегу, но вскоре, атакованная танками и пехотой противника, вынуждена была оставить его.

Наступавшая юго-восточнее 8-я гвардейская армия

В. И. Чуйкова и позиции 1-й гвардейской танковой армии в этот день были контратакованы в районе аэропорта Темпельхоф танками дивизии «Мюнхеберг». Аэродром необходим был для обеспечения гарнизона грузами. Немцы пытались его отбить. Но атака была пресечена в самом её начале. Как только танки «Мюнхеберга» вышли на рубеж атаки, большая их часть тут же была поражена противотанковой артиллерией и огнём танков генерала М. Е. Катуква. Советские артиллеристы и танкисты напомнили немцам, что это не сорок первый год, и даже не сорок третий, когда их «Пантеры» и «Тигры» казались неуязвимыми.

В этот день снова успешно наступал 9-й стрелковый корпус.

Окончательно определилась тактика наших наступающих войск. В уличных боях среди плотной застройки, частично разрушенной авиацией и артиллерией, наилучшим образом себя проявили небольшие по численности штурмовые группы: до взвода мотопехоты, отделение сапёров, два-три орудия, в том числе одно противотанковое, самоходка и танк.

Из Хальбского «котла», где были блокированы основные силы 9-й армии Т. Буссе, *26 апреля* смогла

вырваться часть войск. Прохудившийся «котёл» маршал И. С. Конев тут же «заклепал» тремя дивизиями 28-й армии и 63-й танковой бригадой 4-й гвардейской танковой армии.

Весь день *27 апреля* был отмечен упорными боями, в ходе которых наши штурмовые группы и 2-й эшелон буквально прогрызали сплошную оборону противника. Борьба шла за каждый дом. Фаустников и засевших в развалинах и полуподвальных помещениях домов приходилось выковыривать огнём артиллерии, выжигать огнеметами.

К полудню следующего дня, *28 апреля*, штурмовые группы 3-й ударной армии в бинокли сквозь дым и рыжую кирпичную пыль увидели местами обрушившийся купол над зданием Рейхстага.

А к исходу *29 апреля* батальоны капитана С. А. Неустроева и старшего лейтенанта К. Я. Самсонова овладели зданием Имперского министерства внутренних дел на Доротеен-штрассе, 93. Следующим на очереди был Рейхстаг.

На этот день командование 1-го Белорусского фронта назначило общий штурм. Вначале была проведена тридцатиминутная артподготовка, затем войска пошли в атаку.

Атаку 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии поддерживала 9-я танковая бригада 9-го танкового корпуса. Главной пробивной силой броневой поддержки пехоты был полк тяжёлых самоходок ИСУ-152. Именно этой группировке суждено было атаковать Рейхстаг, хотя по плану комфронта эта роль принадлежала другому соединению.

Начальник Генерального штаба германских сухопутных войск генерал пехоты Г. Кребс встретился с командующим 8-й гвардейской армией генерал-полковником В. И. Чуйковым и передал ему письменное обращение оставшихся в Имперской канцелярии

Г. Геббельса и М. Бормана о том, что А. Гитлер покончил с собой, власть передана К. Дёницу (рейхспрезидент), М. Борману (министр партии) и ему, Г. Геббельсу (рейхсканцлер), что он, Геббельс, «уполномочен Борманом установить связь с вождём советского народа». Командующий армией выслушал Кребса и, как солдат солдату, заявил, что «не уполномочен вести какие-либо переговоры с германским правительством и речь может идти только о безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона». Чуйков связался по телефону со штабом фронта. Жуков задал Кребсу два вопроса:

1. Где находится труп Гитлера?
2. Обратилось ли одновременно германское правительство с аналогичной просьбой к командованию англо-американских войск?

Кребс ответил, что труп Гитлера сожжён и что с командованием англо-американских войск у них связи нет.

Для дальнейших переговоров в штаб Чуйкова прибыл заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Д. Соколовский. Была сделана попытка связаться с Геббельсом для переговоров по поводу капитуляции Берлинского гарнизона. Однако немецкая сторона предложение штаба 1-го Белорусского фронта о капитуляции не приняла. Двусторонняя связь прервалась. Атаки возобновились с прежней яростью.

30 апреля бой шёл уже в здании Рейхстага. Над зданием разведчики 674-го стрелкового полка подняли штурмовой красный флаг — Знамя Победы. Бои в здании продолжались.

В этот день гвардейцы Катуква вели штурм Зоологического сада. 2-я гвардейская танковая армия плечом к плечу с 1-й польской дивизией сражалась в районе Тиргартена.

1 мая бой в здании Рейхстага продолжался.

В этот день застрелился генерал пехоты Г. Кребс и многие другие офицеры разгромленного вермахта.

Потери Красной армии в Берлинской операции за этот день составили: 254 человека убитыми и 893 ранеными.

2 мая Берлинский гарнизон капитулировал.

Всё. Дело было сделано.

БРОСОК «ЧЁРНОЙ ПАНТЕРЫ»

***Амазасп Хачатурович Бабаджанян,
гвардии полковник,
командир 11-го гвардейского танкового корпуса
1-й гвардейской танковой армии
1-го Белорусского фронта***

1

Десятилетия спустя, уже став главным маршалом бронетанковых войск Советской армии, Амазасп Хачатурович Бабаджанян в одной из книг своих воспоминаний^[4] написал: «Победителей судят. Судят дважды: современники — однополчане тех, кто полёг; история, которая в назидание тем, для которых цель оправдывает средства, сохранила воспоминания о пирровой победе. Но первый суд, суд однополчан, может быть, самый суровый, ибо он требует ответа за человеческие жизни. Тот, кому они доверены, имеет право рисковать и жертвовать ими гораздо меньше, чем своей собственной. И потому обязан всегда, и при всех обстоятельствах, и во имя любой цели руководствоваться единственной мыслью: а всё ли я сделал, чтобы избежать этих жертв?»

Выживших в той войне, уцелевших в жестоких боях, победивших и вернувшихся на родную землю, к своим семьям и очагам, не оставляли видения пережитого, зачастую усугублённые искажённым сознанием вследствие перенесённых контузий и тяжёлых ранений. Последние зачастую меняли не только сознание, но и

судьбы. И в памяти всегда жили образы погибших товарищей. Казалось, живые простились с мёртвыми. Простились, по точному определению поэта, *в тот день, когда окончилась война...*^[5] Торжественные залпы победного салюта возвестили не только о том, что кровавый и великий поход завершён.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег...

Но образы павших не исчезали. Не смогли живые, *оставив их вдали, прожить без них в своём отдельном счастье...*

Шло лето 1941 года. После тяжёлых боёв за Ельню войска Западного фронта проводили перегруппировку. Полки 127-й стрелковой дивизии оперативной группы полковника А. З. Акименко^[6] отводили в тыловой район на пополнение и приведение себя в порядок.

Майор Амазасп Бабаджанян, Армо, как его называли в дивизии боевые товарищи, шёл в общей колонне. Лошади были наперечёт, на них навьючили миномётные плиты, ящики с патронами и штабными документами. Уже два месяца он командовал 395-м стрелковым полком 127-й стрелковой дивизии. Полк принял по приказу командарма-19 генерал-лейтенанта И. С. Конева после гибели в бою его командира. Отпуская молодого майора оперативного отдела штаба армии в полк, Конев похлопал его по плечу и сказал:

— Что ж, если так рвёшься на передовую... А вообще-то ты поступаешь правильно. Если погибнешь, то смертью храбрых. Выживешь — будь героем. Лучше второе.

Некоторое время полк занимал оборону юго-восточнее Смоленска на западном берегу Днепра. Потом начался отход. И вот подошли к Соловьёвой переправе.

В своих воспоминаниях А. Х. Бабаджанян напишет: «Кто не познал войну в сорок первом, начале сорок второго, тот не знает, что такое настоящая война. Пожалуй, они правы». Это *«пожалуй, они правы»* многого стоит. Всегда сдержанный и деликатный даже в спорах, не допускавший горячности в суждениях, он всё же твёрдо занял шеренгу солдат 1941-1942 годов, то есть те окопы, которые были не единожды проутюжены немецкими танками и перепаханы снарядами германской артиллерии, а она в начальный период войны на востоке не знала недостатка в боеприпасах.

И вот Соловьёва переправа. Это была единственная коммуникация, которая связывала группировку Западного фронта — 16-ю, 20-ю армии, а также многие отдельные части и подразделения, оказавшиеся в тот период в полуокружении юго-восточнее Смоленска, — с тылами. Несколько дней 127-я стрелковая дивизия, заняв новые позиции на западном берегу Днепра, сдерживала натиск передовых войск противника, чтобы дать возможность измотанным частям 16-й армии, которые покидали район Смоленска, переправиться на восточный берег. И только выполнив эту непростую задачу, начала переправу сама.

По воспоминаниям А. Х. Бабаджаняна, его полк преодолевал водную преграду вплавь. Сам комполка плавать не умел. Обычно этому учатся в детстве. А он родился и вырос в горном селении, где не было ни реки, ни озера. Что он тогда пережил, сказать трудно, фрагмент о переправе написан с юмором. Но юмор отдаёт остро пережитым и с годами подавленным ужасом. Рассказывая уже о более поздних событиях, о Курской дуге и действиях его танковой бригады под

Обоянью, он признаётся: «В войну к каждому приходил страх, приходил не раз и не два».

Полковника. З. Акименко был опытным воином. Прекрасно понимал, что в обстоятельствах, когда немецкие самолёты буквально ходят по переправе, соваться на неё не стоит, лучше поискать брода где-нибудь рядом. Брод вскоре был найден — песчаная широкая отмель с пологими берегами, вполне пригодными для съезда техники и повозок. Сапёры быстро переправились, подправили колеи, срезали берег, сделав подъём более пологим. Солдаты связали плоты, погрузили на них орудия артполка, раненых, другую материальную часть. А Соловьёва переправа гудела моторами, ревела сиренами и ухала рядом. Там, как ошалевшие осы, вились в небе немецкие самолёты.

Вот как вспоминали переправу у деревни Соловьёво на Старой Смоленской дороге те, кто её пережил.

Военврач Б. И. Феоктистов: «Когда мы подъехали на своей повозке к переправе, то увидели море людей и всевозможного транспорта. Самой переправы не было видно, к ней не подступиться. Образовалась пробка, пропустить которую «ниточка» понтонного моста была не в состоянии. Немецкие самолёты безнаказанно бомбили и обстреливали скопище возле переправы. Это был кошмар. Вой сирен, взрывы бомб, крики раненых и людей, обезумевших от страха. Люди бегут, раненые ползут, таща за собой окровавленные лоскуты одежды, длинные полосы бинтов с соскочивших повязок. Я не полез в гущу толпы к переправе и к моменту налёта авиации я упал в небольшое углубление, напоминающее отлогий окоп, и там увидел знакомого врача, Фишера, он был старшим нашей группы на сборах. Встреча не принесла нам радости, каждый из нас высматривал, куда бы отползти подальше от этой жуткой картины...»

Медсестра Е. Ф. Силипецкая: «Бомбили там без конца — столько людей погибло. Как начинается

бомбёжка, это что-то страшное, земля под нами — как живая. И думается, закрыла бы глаза и убежала. Стоны раненых, крики обезумевших беженцев... Немцы специально включали какие-то сирены — такой гул, прямо симфония смерти, иначе не назовёшь».

Исследователи определяют количество погибших на Соловьёвой переправе весьма приблизительными цифрами: от 100 до 200 тысяч человек.

Майор Бабаджанян на левый берег перебрался вместе со всеми. Но, как вскоре обнаружилось, не без потерь — размок партбилет. За это ему потом выговорили в политотделе.

Как пожалел он тогда, в который раз, что возле родных Чардахлов не было хотя бы небольшой речушки! Рек и речейков до Берлина будет ещё много...

2

Чардахлы — высокогорное армянское село в равнинном Карабахе — историческом Арцахе, уставленном, как оберегами, каменными крестами — могучими, как сам армянский народ с его древней верой, хачкарами. Здесь 18 февраля 1906 года^[7] в семье Хачатура Бабаджаняна и Екатерины (Катеньки) родился будущий маршал. «Семеро по лавкам» — это как раз о семье Бабаджанян. По-семейному Амаз или Армо, а по метрикам Амазасп, был вторым ребёнком в большой семье. Старшим был Шаген, а уже позже родились Гурген, Сирануш, Ареват, Астхик, Сируи.

В детстве Армо пас баранов. Ходил за отарой с самодельным деревянным луком. Воин! Вспоминал о детстве так: «Мальчуганом удостоился высокой чести быть посланным на эйлаги^[8] подпаском к чабану Мехтидаи, дядюшке Мехти». Чабан был азербайджанцем из соседнего села. «Наши сёла были соседями —

азербайджанское Аиплу, неподалёку русская деревня Славянка. С эйлагов, с высоты, казалось, что они примыкают друг к другу...»

Село Чардахлы (Чардахлу, Чар дах, в переводе на русский буквально — Четыре горы) относилось в ту пору к Елизавет-польскому уезду одноимённой губернии Российской империи. Население его, по переписи тех лет, насчитывало 1862 человека. Забегая вперёд, стоит сказать, что в годы Великой Отечественной войны из Чардахлов ушли на фронт почти все мужчины призывного возраста — 1250 человек. Целый полк! Вернулись 798 человек. Двенадцать стали генералами. Двое — маршалами. Семерым присвоено звание Героя Советского Союза. В Советском Союзе не было больше такого села! (После Карабахской войны 1988-1994 годов^[9] село оказалось отторгнутым от Нагорно-Карабахской автономной области, переименовано в Чанлибель и отошло к Кубатлин-скому району Азербайджана.)

После окончания пяти классов Авлабарской армянской приходской школы Амазасп работал в хозяйстве отца и нанимался в качестве работника в богатые семьи. Трудился чернорабочим на строительстве шоссе в Шамхорском районе, в колонии Анино.

В 1924 году вступил в комсомол. Вскоре возглавил сельскую комсомольскую ячейку. В 1925 году в уездном комитете комсомола Амазаспу предложили:

— Хочешь дальше учиться?

Учиться Амазасп хотел. Ведь только так, через образование, можно было выбиться в люди. Все образованные жили хорошо: врач, учитель, инженер...

Беседовал с ним секретарь укома Алексей Ваграмов^[10].

— Вот смотри и думай: есть две комсомольские путёвки, одна на рабфак, другая в военную школу. Что

выбираешь?

— Военную школу, — ответил Бабаджанян.

Вернувшись в Чардахлы, он показал матери рекомендательное письмо в ЦК комсомола Армении. Мать покачала головой, молча достала из сундука три рубля, вырученные за шкуру старой коровы, и протянула деньги сыну. Это была затёртая трёхрублёвка — единственные деньги, скопленные семьёй. Билет только до Тифлиса на поезде «Максим Горький» стоил два рубля двадцать копеек, а там ещё пересадка на Эривань... Решил ехать «зайцем». Забрался на третью полку вагона 3-го класса, забился там между мешками-хур-жинами и затих. До Тифлиса Амазасп добрался благополучно, а вот с поезда на Эривань его, сонного, снял кондуктор и передал дежурному милиционеру. Видимо, во сне потерял бдительность, разоспался, захрапел... Пришлось рассказать правду. Милиционер проникся к нему сочувствием, покачал головой, угостил булкой и отпустил парня.

А вскоре его обмундировали по второму разряду, в б/у, и зачислили курсантом условно. Так Амазасп оказался в Армянской объединённой военной школе им. А. Ф. Мясникова. Армия тогда строилась по национальному признаку. В школе изучались следующие предметы: тактика, военная топография, артиллерийское дело, военное строительство, сапёрное дело, стрельба, физкультура, армянский язык и литература, русский язык и литература, математика, физика, химия, обществоведение, другие. В 1926 году школа была переведена в Тифлис, где разместилась в здании бывшего военного училища.

Учился прилежно.

В сентябре 1929 года выпущен из Закавказской военно-пехотной школы и направлен в 4-й Закавказский краснознамённый стрелковый полк на должность командира и взвода. Молодая Закавказская

федерация^[11] формировала вооружённые силы для защиты своих рубежей. Через год роту, в которую входил взвод Бабаджаняна, направили в ущелье Карадараси в район Кедабека близ Кировабада на ликвидацию банды Меджид-бека. «Банда, — как вспоминал бывший комвзвода, — терроризировала крестьян, вступивших в колхозы, совершала злодейские убийства работников советских учреждений, партийных активистов». В одной из схваток погиб командир роты, и руководство операцией легло на плечи молодого взводного. Банда была ликвидирована. Но во время последней перестрелки пуля настигла и исполняющего обязанности командира роты. Ранен в бою за советскую власть... Этим он гордился всю жизнь.

После излечения продолжил службу в 4-м Закавказском пехотном полку.

В 1928 году стал членом ВКП(б).

В 1932 году выдвинут на должность секретаря партбюро батальона.

В 1934 году назначен командиром пулемётной роты, затем переведён в Баку на должность начальника штаба пулемётного полка. В 1937–1938 годах там же, в Баку, служил при штабе ПВО на должности начальника оперативного отделения. В 1938 году переведён в Ленинградский военный округ на должность помощника командира 2-го зенитно-пулемётного полка по строевой части. Воинское звание — капитан.

Ещё в 1929 году Бабаджанян женился на своей односельчанке Арегназ Аршаковне Еганян (в семье ее звали Аргунья Аркадьевна). Аргунья была на четыре года моложе. Он проживёт с ней всю жизнь, более сорока пяти лет.

Через год после свадьбы родился сын Виктор. Потом в семье появятся две дочери — Лариса (1938) и Бела (1951).

В Зимнюю войну с Финляндией были вовлечены основные силы Ленинградского и Московского военных округов. На передний край перебросят и батальоны 2-го зенитно-пулемётного полка. Любая война требует новых и новых резервов.

В декабре 1939 года Бабаджаняну было присвоено очередное воинское звание майор. А вскоре он был ранен. Произошло это в феврале 1940 года, за месяц до окончания Советско-финской войны.

После излечения он был вновь направлен на юг, служил на различных штабных должностях в частях и соединениях Северо-Кавказского военного округа. Командовал стрелковым полком, а в самый канун войны переведён в штаб 19-й армии Киевского Особого военного округа на должность начальника оперативного отдела.

Стоит заметить, что его односельчанин Иван Баграмян к тому времени уже окончил не только Ленинградские кавалерийские курсы, но также Военную академию им. М. В. Фрунзе и Академию Генерального штаба РККА и в звании полковника занимал должность начальника оперативного управления штаба Юго-Западного фронта, сформированного на базе управления Киевского Особого военного округа.

3

В конце августа дивизия полковника А. З. Акименко была придана 24-й армии и дралась на правом, северном фланге войск Западного фронта, вовлечённых в масштабный контрудар, который при благоприятных обстоятельствах мог перерасти в контрнаступление на Смоленском направлении. Средоточием противостояния на центральном участке советско-германского фронта стала Ельня. 365 километров от Москвы. Несколько

танковых переходов. А если брать во внимание, что Ельню ещё 19 июля заняли 10-я немецкая танковая дивизия 46-го моторизованного корпуса и мотопехотный полк «Великая Германия», относившиеся ко 2-й танковой группе Г. Гудериана, то, не наткнись они на жёсткую оборону наших войск, танки и мотопехота «быстрого Гейнца» оказались бы в пригородах Москвы ещё в августе.

Бои за Ельню в августе-сентябре 1941 года носили исключительно ожесточённый характер. И дело было вовсе не в городе и взятии его одной стороной и оставлении другой. Подтекст ельнинского сюжета свидетельствовал о том, что дотоле успешно наступающая (германская) сторона оказалась не просто остановленной на рубеже, который за неё определил её противник. Её ударная группировка оказалась потеснена. И не просто потеснена, а основательно побита, частично отрезана от тылов и главных сил группы армий «Центр», и только энергичный маневр на отход, при котором пришлось бросить часть имущества и тяжёлого вооружения, спас её от полного окружения и гибели в «котле». Так что на карту обеими сторонами ставилось многое.

Усиленный двумя батальонами 535-го и 875-го полков, 395-й стрелковый полк был на марше, когда вестовой вручил Бабаджаняну приказ командира 102-й танковой дивизии срочно развёртывать сводный отряд в боевой порядок и атаковать противника, оборонявшего горловину, соединявшую его Ельнинскую группировку с тылами. К счастью, к сводному отряду уже на марше присоединились батальон тяжёлых танков КВ и артиллерийский дивизион. В назначенный час батальоны поднялись в атаку. Восемь КВ двигались впереди цепей. Сводный отряд майора Бабаджаняна в истории сражения за Ельню стал именно той последней решающей силой резерва, который решил исход всего

дела. Немцы продолжали изо всех сил удерживать горловину незакрытого «котла» и через неё снабжать свою группировку, оборонявшую Ельню, и основательно укрепленные окрестности. Наши войска, давя с юга и севера, никак не могли преодолеть эти последние шесть-восемь километров, чтобы замкнуть кольцо. И вот настал решающий момент.

В «Журнале боевых действий» 127-й стрелковой дивизии этот героический эпизод отражён так: «По приказу командующего 24-й армией 395 СП 127 СД был временно подчинён 102 танковой дивизии и получил задачу: совместными действиями перерезать эту горловину.

395-й СП сломил ожесточённое сопротивление частей пр[отивни]ка, прикрывавшего горловину и в течение 5 дней удерживал её, обеспечивая нашим частям окончательный разгром сильной группировки пр[отивни]ка в р[айо]не Ельня. За время операции бойцы и командиры 395 СП проявили чудеса храбрости и героизма, уничтожая живую силу и технику врага. Далеко по неполным данным 395 СП в течение 5 дней уничтожил 2 тыс. солдат и офицеров пр[отивни]ка. Было захвачено более 100 автомашин, 2 арт[тиллерийские] батареи. Захваченные у пр[отивни]ка трофеи составили обоз в 69 подвод»^[12].

В 1970 году Ельня, как весь советский народ, праздновала 25-летие Великой Победы. В честь этой даты бывшему командиру 395-го стрелкового полка, который своим мощным концентрированным ударом вынудил группировку противника покинуть свои позиции вокруг города и оставить городские кварталы, благодарные ельнинцы присвоили звание почётного гражданина Ельни. Во время той поездки Амазасп Хачатурович побывал в тех местах, где держал оборону его полк, посмотрел на окопы, на россыпи стреляных гильз, вспоминал...

Шёл сентябрь. Полковник А. З. Акименко отводил свою дивизию на новые позиции. Майор Бабаджанян вместе с комиссаром полка Н. И. Пивоваровым ехали верхами во главе полковой колонны. Шли поротно, растянувшись по просёлку нескончаемой солдатской рекой. Впереди показался всадник. Вскоре узнали коня начальника политотдела дивизии. Батальонный комиссар Е. И. Сорокин осадил коня и возбуждённым голосом приказал:

— Майор, остановите движение колонны! Постройте полк для оглашения приказа наркома обороны товарища Сталина!

Когда Бабаджанян отдал необходимые распоряжения, указав местом построения лесную поляну рядом с просёлком, батальонный комиссар пожал командиру полка, комиссару и собравшимся офицерам руки и рассеял недоумение:

— Поздравляю вас с присвоением вашей дивизии гвардейского звания!^[13] Кто будет зачитывать приказ? — И посмотрел на командира полка.

— Считаю, товарищ батальонный комиссар, что это лучше сделает комиссар полка, — сказал Бабаджанян. — Давай, Николай Игнатьевич, действуй!

С комиссаром Пивоваровым у Бабаджаняна завязались крепкие деловые отношения с первого дня их знакомства. Постепенно они начали перерастать во фронтовую дружбу. Комполка доверял своему комиссару, а тот целиком полагался на командирские качества майора.

— «В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии, — читал приказ, подписанный наркомом и начальником Генштаба, комиссар полка, — 100-я, 127-я, 153-я и 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно

наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас.

Почему этим нашим стрелковым дивизиям удавалось бить врага и гнать перед собой хвалёные немецкие войска?

Потому, во-первых, что при наступлении они шли вперёд не вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьёзной подготовки, после того, как они прощупали слабые места противника и обеспечили охранение своих флангов.

Потому, во-вторых, что при прорыве фронта противника...»

Командир полка слушал приказ Сталина сквозь звон в ушах, который временами, когда он особенно волновался, донимал его после лёгкой контузии — рядом, в нескольких шагах разорвалась мина, и теперь время от времени контузия напоминала о себе.

Слова и фразы приказа приподнимали всё сделанное ими, солдатами, командирами и политработниками названных дивизий, на некую высоту, с которой можно было оглянуться назад и по большому счёту не стыдиться перед лицом вышестоящего командования и своих товарищей, которым не суждено было дожить до этого торжественного построения. Смысл приказа словно смывал с них копоть неимоверно жестоких схваток, кровь — свою и врага, — укреплял веру в победу. В каждом слове, произнесённом комиссаром полка, слышался глуховатый и уверенный голос Сталина. Полк слушал этот голос и понимал, что не всё в его словах та правда, которая была, что некоторые эпизоды проведённых боёв были трагичными и сопровождались неоправданными потерями, что из-за нерасторопности и необдуманности принимаемых решений, из-за вынужденной торопливости и прочих просчётов лилась солдатская кровь там, где этого можно было избежать. Сталин будто прощал им эти

просчёты, но одновременно напутствовал их больше не повторять ошибок, чреватых неоправданными потерями.

— «...Потому, в-пятых, что при нажиме со стороны противника эти дивизии не впадали в панику, не бросали оружие, не разбегались в лесные чащи, не кричали «мы окружены», а организованно отвечали ударом на удар противника, жестоко обуздывали паникёров, беспощадно расправлялись с трусами и дезертирами, обеспечивая тем самым дисциплину и организованность своих частей.

Потому, наконец, что командиры и комиссары в этих дивизиях вели себя как мужественные и требовательные начальники, умеющие заставить своих подчинённых выполнять приказы и не боящиеся наказывать нарушителей приказов и дисциплины...»

Это случилось там, позади, откуда они теперь уходили в новый район сосредоточения, покидая старые, обжитые окопы, исклёванные минами и исполосованные вдоль и поперёк гусеницами танков, чужих и своих. Однажды левофланговая рота 3-го батальона, не выдержав налёта немецких «Штук» — пикирующих бомбардировщиков Ju-87, — разбежалась по лесу. Бойцы оставили в окопах пулемёты, некоторые побросали даже винтовки и подсумки с патронами и обезумевшей толпой хлынули в ельник. Произошло это за час до назначенной комполка атаки, начинать которую должен был 3-й батальон. Бабаджанян с комиссаром полка были в это время на батальонном НП, чтобы наблюдать ход атаки и управлять подразделениями по ходу боя. Ждали поддержки своих соколов. Командир дивизии обещал, что за полчаса до атаки немецкие окопы и ближние тылы, где, возможно, сосредоточены танки и артиллерийские позиции противника, обработает наша авиация. Но первыми в воздухе появились немцы. С НП они видели, как «Штуки» накрыли окопы левого фланга

3-го батальона, как из хода сообщения выскочил сперва один боец, потом другой, третий...

— А, твоё-моё! — в сердцах выругался комбат, выхватил из деревянной кобуры тяжёлый «Маузер» и, расталкивая связистов, толпившихся у входа в землянку, бросился по ходу сообщения на левый фланг.

— За ним!

Комполка и комиссар побежали следом.

Отыскивали комбата и его ординарца в овраге шагах в ста от брошенных окопов. Они уже настигли беглецов, вывели из оврага и строили в шеренгу на краю перед обрывом.

Командир батальона, капитан, бывший десантник, тряс перед строем «Маузером» со взведённым курком и, срывая голос на хрипоту, кричал: «Ну?! Кто первый драпанул? Кто, дезертира-мать-перемать! У кого родилась такая подлая мысль? Родину предать!.. Бросить товарищей!..» Он явно отыскивал в неровной, колышущейся от страха шеренге того, первого, чтобы исполнить приказ № 270: трусов и паникёров расстреливать на месте... Выхватил из шеренги молоденького растрёпанного бойца в неподпоясанной шинели. Тот рухнул на колени, зарыдал.

— Отставить! — крикнул комиссар и перехватил руку комбата с «Маузером».

На какое-то мгновение и люди, и лес вокруг оврага оцепенели. Все ждали выстрела, который, согласно приказу Ставки ВТК, в тех непростых обстоятельствах можно было считать законным и даже справедливым. Но выстрела не последовало.

— Товарищ красноармеец, стань в строй, — сказал комиссар бойцу, всё ещё стоявшему на коленях и дрожавшему как осиновый листок.

— Бойцы Красной армии! — обратился Пивоваров к шеренге. — Не позорьте полк. Не подставляйте под удар своих товарищей. Они не побежали. А теперь слушай

мою команду: бегом марш в свои окопы! Сержантам — на месте проверить наличие винтовок и снаряжения! — И уже вдогонку: — Докажите в бою, что бежали не вы, а ваш страх!

— Об остальном поговорим на комсомольском собрании, — сказал комиссар уже себе самому и тем, кто стоял рядом.

Это был урок всем. И бойцам, дрогнувшим в трудную минуту. И комбату, которому легче было вернуть своих людей в окопы выстрелом в первый попавшийся стриженный лоб. И ему, тридцатипятилетнему командиру стрелкового полка, который в те мгновения ещё не знал, что правильно и как надо действовать в подобных обстоятельствах.

Конечно, комиссар рисковал, за всех принимая такое решение, исключавшее какие бы то ни было репрессивные меры, и даже следствие, в отношении беглецов. В атаку рота поднялась дружно, в полном составе. Батальон ворвался в немецкие окопы и в рукопашном бою очистил их от противника, а затем огнём поддержал наступление всего полка. Задача была выполнена. И никто ни в особом отделе, ни в штабе дивизии ни словом не обмолвился о ЧП за час до атаки. Бойцы бранили сталинских соколов, так и не поддержавших их в том наступлении. Командиры названивали в вышестоящие штабы, выясняя причины бездействия авиации. Но о стрелковой роте, в панике сменившей свои окопы на более надёжный овраг, молчали и те и другие.

— «...На основании изложенного и в соответствии с постановлением Президиума Верховного совета СССР Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

Первое: За боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок указанные дивизии переименовать в гвардейские дивизии, а именно:

100-ю стрелковую дивизию — в 1-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии генерал-майор Руссиянов.

127-ю стрелковую дивизию — во 2-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии полковник Акименко.

153-ю стрелковую...»

Для них, стоявших в том каре у просёлка посреди леса, дорога на Берлин уже началась. И началась она в первых атаках в окрестностях маленького районного смоленского городка. Не всем суждено будет пройти её до конца. Но и те, кто пройдёт от той безвестной поляны до Бранденбургских ворот и ступеней Рейхстага, ещё не знали ни того, какой длины она окажется и сколько лет и зим придётся шагать, ползти и бежать по ней, ни того, в какие ворота и в какой порог она воткнётся.

— «...Второе. В соответствии с постановлением Верховного совета Союза ССР указанным дивизиям вручить особые гвардейские знамёна.

Третье. Всему начальствующему (высшему, старшему, среднему и младшему) составу с сентября сего года во всех четырёх гвардейских дивизиях установить полуторный, а бойцам двойной оклад содержания.

Четвёртое. Начальнику тыла Красной армии разработать и к 30 сентября представить проект особой формы одежды для гвардейских дивизий.

Пятое. Настоящий приказ объявить в действующей армии и в округах во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях и командах.

Народный комиссар обороны СССР

И. СТАЛИН.

Начальник Генерального штаба Красной армии

Маршал Советского Союза

Б. ШАПОШНИКОВ».

Комиссар Пивоваров дочитал приказ. Солдатские шеренги не шелохнулись. Комиссар обвёл взглядом

застывшие батальоны. На всякий случай спросил:

— Содержание приказа наркома понятно?

Снова тишина.

Наконец с правого фланга послышался одинокий голос, говорил сержант Стуканев. Рассудительный, как деревенский философ, бывший плотник откуда-то из северных областей России, хороший младший командир. Бабаджанян однажды во время летних боёв с передового НП наблюдал за действиями его отделения. Немцы атаковали при поддержке танков. Отделение Стуканева организовано отсекало пехоту. Вели огонь все, сосредоточенно, прицельно, быстро перезаряжая винтовки и вновь посылая в противника пулю за пулей. Артиллеристы подбили два танка. Третий прорвался к окопам. И там его, оставшегося без прикрытия своей пехоты, бойцы сержанта Стуканева словно и ждали — тут же забросали бутылками с КС^[14]. Немецкий PzKw III пылал высоким факелом и светился раскалённой стальной болванкой до полуночи. И это воодушевляло весь батальон.

— Товарищ комиссар! — сказал Стуканев, округляя своё северорусское «о». — Можно попросить: прочитайте ещё раз.

Всем, конечно, всё было понятно. Их дивизия стала гвардейской. Вот и соответствующий приказ, подписанный самим Сталиным. А все они — гвардейцы. А значит, признаны Верховным главнокомандованием лучшими из лучших на фронте борьбы с немецкими оккупантами. По всей вероятности, улучшится их довольствие, увеличится денежное содержание. Даже форму одежды вводят особую. И эту радостную весть, в которую сразу трудно было поверить, хотелось прослушать от начала до конца ещё раз.

Пивоваров сразу это понял и повторил текст приказа ещё раз. На этот раз более торжественно.

Когда чтение было закончено, после короткой паузы тишины, как вспоминал потом маршал Бабаджанян, «раздался общий, словно по команде, хотя никто её не подавал, крик «Ур-ра!»».

Так начинался путь новой русской, советской гвардии на Берлин.

Позволю себе небольшое отступление. Нас, русских, часто упрекают в том, что мы-де плохо усваиваем уроки истории. Но те же уроки ещё труднее усваивает Запад. При том, что каждый его, Запада, натиск на Восток (*Drang nach Osten*), о чём свидетельствуют уроки истории, заканчивается либо в Вильно или Варшаве, либо в Париже или Берлине.

4

Октябрь 1941 года. Брянский фронт. Оперативная группа генерал-майора Ермакова^[15] пытается отбить удар 2-й танковой группы генерал-полковника Г. Гудерина на Льговско-Глуховском направлении. Немецкая группа армий «Центр» проводит операцию «Тайфун», развивая мощное наступление на Москву. Одновременно 2-я танковая группа Гудериана, завершив окружение войск Юго-Западного фронта, вновь развернула танки на Москву. В Киевском «котле» погибли сотни тысяч бойцов и командиров нескольких армий вместе со своими полевыми управлениями. Сотни тысяч попали в плен. Односельчанин майора Бабаджаняна И. Х. Баграмян, которому в августе было присвоено звание генерал-майора, вырвался из окружения. Он сформировал ударную группу и, вливая в неё попадавшие по пути отставшие отряды, смог обойти немецкие заслоны и вывел через двойное кольцо до двадцати тысяч бойцов и командиров. За этот подвиг был награждён орденом Красного Знамени.

Ничего этого командир 395-го стрелкового полка в те дни, конечно же, не знал.

Оперативная группа генерала Ерамкова, пытаясь погасить наступательный порыв танков «быстрого Гейнца», отбила у противника Глухов. Затем подошла к Путивлю. Движение противника приостановилось. В какой-то миг возникла ситуация, напомнившая той и другой стороне произошедшее под Ельней месяц назад. Но рамки контрудара всегда ограничены ресурсом действующей группы войск, её количеством, которое тает с каждым боестолкновением, а также вооружением, запасом боеприпасов, продовольствия и иным тыловым обеспечением. Контрудар — не контрнаступление, и осуществляется он, согласно уставам, как оборонительное мероприятие. И вот, проведя перегруппировку, Гудериан снова бросил свои ударные части вперёд. Генералу Ермакову с его ограниченным боевым ресурсом оставалось только одно — маневрировать теми подразделениями, которые ещё сохраняли свою боеспособность. Отходить, жечь немецкие танки, закрепляться на новых рубежах и снова жечь немецкую бронетехнику и уничтожать живую силу.

В один из дней после огневого налёта и массовой бомбардировки штурмовой авиации противник бросил в бой большое количество танков, концентрированным ударом одновременно в двух направлениях рассёк боевые порядки 2-й гвардейской дивизии, прижал полки к реке. Часть дивизии успела отойти на восточный берег реки Клевень. На западном остался 395-й гвардейский полк и два батальона соседнего — 875-го — полка. Они отошли из района Путивля и вместе с батальонами майора Бабаджаняна удерживали село Чернево, небольшой плацдарм вокруг села и переправу с чудом уцелевшим мостом. Её-то и приказано было захватить авангардам 2-й танковой группы Гудериана, чтобы развивать успех в глубину

нашей обороны и уже беспрепятственно продвигаться к Москве.

«Противник простреливал наш крохотный плацдарм насквозь, — вспоминал А. Х. Бабаджанян. — В батальонах оставалось по 100-120 активных штыков. Дрались все, даже солдаты хозяйственных подразделений».

Полковой КП находился на сельском кладбище. Бой с каждым часом становился всё ожесточённей. Немцы продолжали напирать, постепенно наращивая удар новыми и новыми резервами. Батальоны Бабаджаняна стояли насмерть. Командир дивизии отход на восточный берег запретил. Спустя несколько минут перезвонил и сказал ровным каменным голосом:

— Ну пойми же, дружок, видимо, так нужно. Я ничего изменить не могу.

Это был приказ умереть, но немецкие танки через свои позиции не пропустить.

И тут из правофлангового батальона сообщили: танки и пехота ворвались в наши окопы. Комиссар Пивоваров, верный друг и боевой товарищ, побежал с группой автоматчиков туда.

О том, как погиб комиссар, Бабаджаняну после боя рассказал командир пулемётной роты лейтенант Василян. В роте к тому времени уцелел всего один пулемёт. Убили командира расчёта, ранили второго номера. Василян молча лёг к пулемёту. Комиссар Пивоваров оттащил в угол окопа раненого второго номера и так же молча принялся выполнять его работу — подавать в приёмник ленту, чтобы не захлестнула. «Максим» молотил длинными прицельными очередями, сметая пехоту противника.

С Николаем Арташесовичем Василяном маршал не раз встречался после войны, навещая родные места. Василян, вернувшись с фронта, окончил институт, возглавил один из крупнейших заводов Еревана.

Каждый раз они вспоминали своих боевых товарищей и тот бой. Там, на крошечном плацдарме на Клевени, они все были смертниками.

— В какой-то миг я почувствовал, что мой второй номер перестал подавать ленту, — рассказывал бывший лейтенант. — Когда атаку отбили, я посмотрел, а комиссар наш лежит на патронных ящиках...

«Командир, — любил вспоминать слова своего друга Бабаджанян, — ты думай о том, как полку достигнуть победу в бою, как врага поразить. Остальное доверь мне — дисциплину, сознательность, снабжение... Не подведу».

И не подводил. Никогда. До последнего боя.

Когда доложили о гибели Пивоварова, метнулся по ходу сообщения во 2-й батальон, стал к пулемёту и, пока не закончилась лента, поливал огнём залёгших за подбитыми танками немецких танкистов и автоматчиков.

Ночь прошла спокойно. Противник, потеряв больше десятка танков, отошёл и, похоже, перегруппировывался. До утра там урчали моторы. Значит, подводили танки.

Утро началось с налёта штурмовиков. Связист, пожилой сержант, сидевший у телефонного аппарата, насчитал 27 и бросился на дно окопа, потому что ведущий «лаптёжник»^[16] уже включил сирену и свалился в отвесное пике прямо на их КП. Завыло, загрохотало, земля затряслась, заходила ходуном, так что бревенчатый накат над головой, казалось, вот-вот обрушится и придавит всех их, сгрудившихся в этом ненадёжном укрытии. Ещё не осела пыль, густо смешенная с толовой копотью, из хода сообщения донеслось:

— Танки!

Резко захлопали сорокапятки^[17], расчерчивая фосфорисцирующими трассами нейтральную полосу. Вот

одна из трасс встретила с башней немецкого танка, напозавшего на траншею боевого охранения, и стальную коробку обдало яркой вспышкой, похожей на сварку. Танк качнулся, остановился. Из бокового люка вывалился танкист в чёрном комбинезоне и кубарем скатился под гусеницы. Открылся верхний люк, показалась фигура в офицерской фуражке. И тут в окопах второго батальона заработал «максим». Командир полка сразу узнал характерный почерк лейтенанта Василяна: одна короткая очередь, пристрелочная, и следом — длинная, прицельная. Фигура в офицерской фуражке замерла и через мгновение провалилась вниз, в люк, откуда уже вытягивало чёрный маслянистый дым, завертелся волчком другой танкист, успевший выскочить и пытавшийся укрыться за гусеницами своей машины.

Танки и пехота накатывали на батальоны волна за волной. От села Чернева уже ничего не осталось. Догорали последние постройки, которые бойцы не успели разобрать на блиндажи и землянки. На некоторых участках танки уже утюжили окопы, и бойцы отбивались связками гранат и бутылками с КС. Белое пламя горючей смеси вспыхивало на броне, разгоралось, но и горящие танки продолжали двигаться вдоль линии окопов, заползали в тыл, продолжая вести огонь из короткоствольных пушек и пулемётов.

Выдержат ли, думал комполка, окидывая взглядом поле боя. Мельком взглянул в сторону переправы и увидел, что мост целёхонек, что ни на настил, ни на предмостные въезды не упала ни одна бомба, ни один снаряд. Конечно же, им нужна переправа. Мост они берегут для себя и огня по нему не ведут.

Вот два танка повернули в сторону КП. Один остановился, угловатая башня его начала медленное вращение, шевельнулся короткий ствол пушки. Видимо, танкисты обнаружили КП. Сейчас накроют. От окопов,

которые накануне старательно отрыло отделение сержанта Стуканева, отделились две фигуры и, сгорбившись, побежали к танку. Одна вскоре упала и стала отползать к воронке. Видимо, ранен, понял Бабаджанян. Но вторая сблизилась с танком на расстояние десятка шагов, полетели, кувыркаясь, одна за другой две бутылки. Танк, выбрасывая струю чёрного дыма выхлопных газов, резко сдал назад и сделал крутой разворот в сторону гранатомётчика. Но поздно. Боец уже спрыгнул в воронку, и огненная струя трассирующих пуль курсового пулемёта пронеслась выше, не задев смельчака. А по корме танка уже струилось белое пламя. Оно быстро охватывало ещё живую машину, затекало в моторную решётку и под башню.

После боя, уже на переправе, комполка увидел своего верного боевого товарища, сержанта Стуканева, и из короткого разговора понял, что немецкий танк у полкового КП остановил он.

Вечером позвонил Акименко и отдал приказ на отход.

Отошли благополучно, под прикрытием дыма от горящих построек и немецких танков и бронетранспортёров.

За переправой их встречал генерал Акименко.

— Спасибо, сынок. — И командир дивизии обнял майора.

— Вот всё, что осталось от гвардейского полка, товарищ генерал.

Они стояли возле дороги и смотрели на редкую колонну бойцов.

Сапёры уже минировали сваи и настил моста.

В своих мемуарах Бабаджанян будет постоянно полемизировать с Гейнцем Гудерианом. Порой его страстные схватки будут напоминать те, которые происходили в сорок первом под Ельней, Глуховом и

маленьким селом Черневом на реке Клевени. Старый солдат знал свою правду, с которой и победил в той войне, и упорно и храбро отстаивал её всю жизнь.

5

После кровавого противостояния на Клевени 2-я гвардейская стрелковая дивизия сдерживала удары 2-й танковой группы в районе Тима, порой успешно контратаковала. Об этих боях, в том числе об успешных действиях 395-го гвардейского полка подполковника Бабаджаняна в ноябре 1941 года в газете «Правда» появилась статья. Авторами её была писательская бригада, побывавшая в расположении дивизии накануне — Ванда Василевская, Александр Корнейчук, Микола Бажан.

В конце 1941 года дивизия участвовала в первом освобождении Ростова-на-Дону, затем, весной 1942-го, дралась на Таганрогском направлении.

В апреле 1942 года подполковника Бабаджаняна направили на учёбу в Академию Генерального штаба^[18]. Войска нуждались не только в опытных, но и грамотных во всех отношениях командирах, которые могли бы побеждать противника не только силой оружия и стойкостью своих солдат, но и военной мыслью в ходе планирования, подготовки и проведения операций различного масштаба. Однако, прибыв в Москву, в Главном управлении кадров РККА он узнал, что на него сделано представление — командиром механизированной бригады.

Академические двери перед ним война на время закрыла. Прихотливая фронтовая судьба влекла его на другую стезю. Танки!

«Я ехал в распоряжение командира 3-го мехкорпуса генерала М. Б. Катуква^[19], к которому был назначен

командиром 3-й механизированной бригады»^[20]. Он кинулся постигать теорию нового рода войск. Пришлось читать не только статьи советских теоретиков, но и Фуллера^[21] и — о, ирония обстоятельств! — Гудериана. В Москве время зря не терял, зашёл в спецбиблиотеку и упросил дать ему на фронт («После Победы верну!») их работы. «...Броня, движение и огонь — существеннейшие признаки новых средств атаки...»

«Танки... Я много думал о них, я представлял их в бою, видел, как они помогают стрелковым подразделениям прогрызть оборону противника...

Но сейчас, в полутьме вагона, мне представлялись уже другие танки. Не те, что поддерживают пехоту, а те, что, соединённые в огромные массы, берут в клещи вражеские боевые порядки, вклиниваются, вколачиваются в оборону противника, обходя его города, замыкают их в тиски, несут победу...»^[22]

Работая в оперативном отделе штаба армии 1-го эшелона, а затем командуя стрелковым полком, который месяцами не выбирался из окопов, Бабаджанян часто наблюдал на поле боя действия танков, танковых подразделений, своих и чужих, и хорошо понимал их ударную мощь и быстроту маневра.

Третьим механизированным корпусом командовал человек, который не хуже Гудериана понимал значение танков в современной войне и, самое главное, успешно жёг танки «быстрого Гейнца» на поле боя — генерал-лейтенант танковых войск М. Е. Катукوف. Бабаджаняну повезло, он попал в подчинение талантливому танковому командиру и хорошему учителю.

В октябре 1942 года корпус генерала Катукова перебросили в район Осташкова и включили в состав 22-й общевойсковой армии, которая вела тяжёлые бои на Ржевском выступе. После нескольких операций, в ходе которых 3-я механизированная бригада потеряла большое количество техники и личного состава, корпус

отвели в тыловой район. На его базе началось формирование 1-й танковой армии.

Весной 1943 года 1-я танковая армия вошла в подчинение штаба Воронежского фронта и обживалась на новых рубежах на южном фланге Курской дуги под Обоянью. Танки Катюкова стояли во второй линии обороны в затылок дивизиям 6-й гвардейской общевойсковой армии. Корпуса имели задачу: быть готовыми к нанесению контрударов и уничтожению подвижной группы противника в направлениях Обоянь — Суджа, Обоянь — Ракитное, Обоянь — Белгород, Обоянь — Короча.

Именно сюда, на позиции 6-й гвардейской, противник направил основной удар своих подвижных сил — 4-ю танковую армию генерал-полковника Германа Гота. Главную ставку немецкое командование сделало на II танковый корпус СС, состоявший из трёх элитных моторизованных дивизий СС — 1-й «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», 2-й «Дас Рейх», 3-й «Мёртвая голова», — элитной моторизованной дивизии «Великая Германия», отдельных танковых батальонов, вооружённых новыми тяжёлыми танками «Тигр» и «Пантера», штурмовыми орудиями «Фердинанд», усовершенствованными StuG III Ausf. G с 75-мм противотанковой пушкой и 50-мм лобовой бронёй, другими моделями военной техники с мощным ходом и вооружением, способным пробивать броню наших «тридцатьчетвёрок», тяжёлых КВ и ИСов. Когда Гитлеру продемонстрировали технические и огневые качества новых танков и штурмовых орудий, он был в восторге: «До сих пор достигнуть того или иного успеха русским помогали их танки. Мои солдаты! Наконец вы имеете теперь лучшие танки, чем они!..»

В первый день сражения ударная группировка Германа Гота обрушилась на позиции 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И. М. Чистякова^[23]. Дивизии

1-го эшелона были разрезаны по частям. Одни подразделения были полностью уничтожены, другие понесли большие потери и продолжали драться изолированно в полном или частичном окружении. Стальная армада 4-й танковой армии генерала Гота вошла в оборону дивизий 1-го эшелона как нож в масло. Военные историки признают, что командование Воронежского фронта, не имея точных разведданных о направлении главного удара танкового клина, слишком растянуло свои войска по фронту и потому оборону 1-го эшелона немцы прорвали сравнительно легко.

Уже на второй день в дело вступили корпуса и бригады 1-й танковой армии. Позиции 3-й механизированной бригады полковника Бабаджаняна атаковали танки и мотопехота 11-й танковой дивизии^[24] при массированной поддержке гаубичной и противотанковой артиллерии и авиации. Состав 11-й танковой дивизии был довольно серьёзным и вполне сопоставим с силами корпуса 1-й гвардейской танковой армии. Только один 15-й танковый полк имел 113 танков различной модификации. Кроме того, в дивизию входили два моторизованных полка (110-й и 111-й) и 119-й полк штурмовой артиллерии, а также разведывательные подразделения, способные действовать самостоятельно и решать тактические задачи. Забегая вперёд, замечу, что к концу Курского сражения 11-я танковая дивизия насчитывала едва 20 боеспособных единиц бронетехники. Часть танков, штурмовых орудий, бронетранспортёров и артиллерийских тягачей вместе со своими пушками остались в полях, оврагах и перелесках перед позициями 3-го механизированного корпуса, в том числе и 3-й мехбригады полковника Бабаджаняна.

Из оперативной сводки 3-го мехкорпуса от 3 июля 1943 года:

«...В течение дня части и соединения 3-го мк вели тяжёлые оборонительные бои с наступающими танками и мотопехотой противника, пытавшимися продвинуться, в основном, вдоль шоссе ОБОЯНЬ — БЕЛГОРОД через ЯКОВЛЕВО. Все атаки противника были отбиты».

«...7 июля, 3-я мбр — занимает следующее положение: ДУБРОВА, ур. БОЛЬШОЙ ЛОГ, развилка дорог, что 2 км западнее ПОГОРЕЛОВКА, ПОКРОВКА, южные отроги оврагов, что 3 км юго-западнее СЫРЦЕВО. Танков в строю: 33 танка Т-34 и 3 танка Т-70. Потери в матчасти и личном составе: 3 танка Т-34, 3 автомашины, одна 45-мм пушка, одна 76-мм пушка, один станковый пулемёт. Убито — 7 человек, ранено — 10 человек. Уничтожено: до 20 танков противника, в остальном уточняется».

«...С 6 по 8 июля, 3-я мбр: убито и ранено 317 человек, подбито 29 танков Т-34, автомашин — 3, станковых пулемётов — 1, 45-мм пушек — 1, 76-мм пушек — 9».

Восьмое июля для 3-й механизированной бригады было тяжёлым. Бригада потеряла почти все танки. К счастью, многие из них были всего лишь подбиты. Экипажи уцелели. Ночью ремонтные бригады часть боевых машин вытащили, отбуксировали в тыл, и вскоре они снова пошли в бой.

Корпуса и бригады 1-й танковой армии схватились с ударными силами 4-й танковой армии Гота не на жизнь, а на смерть. Попытка глубокой контратаки нашим танкистам не удалась. Потеряли много боевых машин. Генерал М. Е. Катукوف настоял перед командованием фронта и Ставкой драться на своих позициях, в основном используя танки из засад, окопанные и тщательно замаскированные в складках местности. Это спасло боевые машины и экипажи от точного огня немецких «Тигров» и «Фердинандов».

Вот что вспоминал о тех днях, поясняя расположение своих войск, сам Бабаджанян: «3-й мехкорпус выдвинул в первый эшелон обороны 1, 3, 10-ю механизированные и 1-ю гвардейскую танковую бригады. Впереди бригад, на расстоянии примерно в полкилометра, заняли позиции танковые засады.

Наша бригада оседлала автостраду Белгород — Курск, центр обороны — высокий курган в двадцати метрах от дороги. На самой вершине кургана спрятан в укрытии танк командира бригады. Тут тебе и наблюдательный, и командный пункты, и долговременная огневая точка — танк буквально зарыт в землю по самую башню: стоять насмерть! Так и стояли советские солдаты. Сколько их здесь сложило головы... После войны белгородцы воздвигли на нашем кургане памятник павшим. На нём слова: «Путник! Куда б ни шёл, ни ехал ты, но здесь остановись. Могилам этим дорогим всем сердцем поклонись».

На участке Чапаево, Яковлево танковые дивизии противника «Адольф Гитлер», 3-я и 7-я, моторизованная дивизия «Великая Германия», пехота прорвали главную полосу обороны 6-й гвардейской армии, не подозревая присутствия целой нашей танковой армии на второй полосе обороны. Полагая, что основная трудность уже позади, немцы неожиданно столкнулись с нашими танковыми засадами.

Преодолев первое замешательство, «Тигры», «Пантеры», самоходки развернулись в боевые порядки и снова кинулись в атаку.

На степном просторе, на холмах, в балках и оврагах, в населённых пунктах завязались танковые сражения, ожесточённые и невиданные...

Масштабы сражения превосходили человеческое воображение. Сотни танков, орудий, самолётов превращались в горы металлического лома. Во мгле — солнце, его диск еле пробивался сквозь тучи дыма и

пыли от тысяч одновременно раздающихся разрывов снарядов и бомб. От ударов снарядов о броню адский скрежет, столбы копоти от горящих машин...

Со своего НП на кургане, лишь малость утихнут артиллерийская канонада и авиационная бомбёжка и медленно рассеется дым, вижу всё вокруг километров на шесть — восемь, ведь летний солнечный день! Вот за первым — 2-й эшелон танков противника в предбоевых порядках, вот расположение наших соседей — танковой бригады моего друга Горелова. Танкисты и мотопехота, артиллеристы, сапёры вместе отбивают уже, наверное, десятую атаку врага.

Но вот новая авиаволна противника. Навстречу им наши истребители, снизу залпы зениток, такие частые, что напоминают скорее пулемётную пальбу...

С переднего края в полосу обороны бригады отошли артиллерийские подразделения 6-й гвардейской армии, снова включились в борьбу с танками врага. С ними чувствуем себя веселее, хотя становится всё тяжелее».

Основной удар танкового клина, прорвавшего оборону 6-й гвардейской армии, пришёлся на 3-й механизированный корпус.

Историк 1-й гвардейской танковой армии Игорь Небольсин о событиях тех дней, происходивших на участке гвардейцев, писал: «При атаке порядки танков, как правило, немцы строили в три и более эшелона. Причём в первый эшелон включалось наибольшее количество тяжёлых танков «Тигр». Вместе с ними и за ними шли тяжёлые самоходные орудия, и только вслед за самоходной артиллерией шли танки других типов. Встречая мощные узлы сопротивления, организованный артиллерийский огонь, немецкие танки, как правило, откатывались назад и искали пути обхода. При невозможности обойти узел сопротивления в дело вступали артиллерия и пикирующие бомбардировщики. После артиллерийской, и особенно после сильной

авиационной обработки танковые атаки повторялись снова».

Позиции 3-й мехбригады немцы обходить не собирались. Им нужно было очистить участок шоссе Белгород — Курск. Как вскоре стало очевидным, любой ценой. Чтобы сбить темп немецкого наступления, остановить его на втором рубеже, командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин ввёл в бой фронтовые резервы — гвардейские танковые корпуса. Одновременно генерал М. Е. Катуков маневрировал своими резервами, более скромными. Танковые и механизированные бригады, оказавшиеся на острие удара 4-й танковой армии Гота, были потеснены и отошли на запасные позиции.

Из сводки 3-го механизированного корпуса:

«На 11 июля 3-я мбр занимает оборону на участке КРАСНООКТЯБРЬСКАЯ МТС, ЗОРИНСКИЕ ДВОРЫ, ур[очище] ДУРАСОВСКОЕ. Предпринятые контратаки противника до батальона пехоты при поддержке 15 танков дважды были отбиты. Потерь нет. На 24.00 11 июля 1943 г. бригада имеет танков в строю — Т-34 — 2, активных штыков — 341, 120-мм миномётов — 6, 82-мм — 24».

Итак, на седьмой день сражения под рукой у полковника^[25] Бабаджаняна остался батальон бойцов при двух «тридцатьчетвёрках» и 30 миномётах. Структура механизированной бригады на тот период была следующей: танковый полк двухбатальонного состава имел на вооружении 35 танков Т-34 и 4 — Т-70, три мотострелковых батальона, миномётный батальон, артиллерийский дивизион, зенитно-пулемётная рота, разведывательная рота, инженерно-минная рота, автотранспортная рота, санитарный взвод. Личный состав бригады — 3726 человек.

Иногда на связь выходил командир соседней танковой бригады полковник Владимир Горелов^[26]:

— Держись, Армо! Новая волна идёт. Прямо на тебя. Марс иногда и армянам помогает!

Держались полки Бабаджаняна. Стояли насмерть полки Горелова. Стойко дрался весь корпус. Держалась, врывшись в землю, армия Катукова.

Что чувствовали немецкие солдаты, через неделю боёв подойдя к новому рубежу обороны советских войск? Что видели и понимали их генералы, разматывая нить сюжета, предусмотренного планом операции «Цитадель»? Почему они не размотали ее до конца и отступили? Ведь потенциал и наступательный ресурс у немецких дивизий ещё был. Правда, не у всех. Теперь остаётся лишь додумывать возможные варианты исхода самой грандиозной битвы Великой Отечественной и Второй мировой войн. И историки додумывают! Некоторые западные исследователи додумались до того, что ничтоже сумняшеся утверждают: вермахт и СС не проиграли сражение на Курском выступе, более того, они его выиграли. При этом приводят цифры потерь и оставшихся в строю единиц бронетехники, орудий, самолётов и солдат.

Да, ресурс для ещё нескольких атак у противника оставался. Но в этом историческом и нравственном споре давайте обратимся к классике и доверимся доводам великого писателя и мыслителя Льва Николаевича Толстого. Роман «Война и мир», та самая глава, в которой Толстой размышляет вместе со своими героями и одновременно полемизирует с историками о Бородинском сражении.

«В начале сражения они только стояли по дороге в Москву, загораживая её, и точно так же они продолжали стоять при конце сражения, как они стояли при начале его. Но ежели бы даже цель русских состояла бы в том, чтобы сбить французов, они не могли сделать это последнее усилие, потому что все войска русских были разбиты, не было ни одной части войск, не

пострадавшей в сражении, и русские, оставаясь на своих местах, потеряли половину своего войска.

Французам, с воспоминанием всех прежних пятнадцатилетних побед, с уверенностью в непобедимости Наполеона, с сознанием того, что они завладели частью поля сраженья, что они потеряли только одну четверть людей и что у них ещё есть двадцатитысячная нетронутая гвардия, легко было сделать это усилие. Французам, атаковавшим русскую армию с целью сбить её с позиции, должно было сделать это усилие, потому что до тех пор, пока русские, точно так же как и до сражения, загораживали дорогу в Москву, цель французов не была достигнута и все их усилия и потери пропали даром. Но французы не сделали этого усилия. Некоторые историки говорят, что Наполеону стоило дать свою нетронутую старую гвардию для того, чтобы сражение было выиграно. Говорить о том, что бы было, если бы Наполеон дал свою гвардию, всё равно что говорить о том, что бы было, если б осенью сделалась весна. Этого не могло быть. Не Наполеон не дал своей гвардии, потому что он не захотел этого, но этого нельзя было сделать. Все генералы, офицеры, солдаты французской армии знали, что этого нельзя было сделать, потому что упавший дух войска не позволил этого.

Не один Наполеон испытывал то похожее на сновидение чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но все генералы, все участвовавшие и не участвовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал), испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена».

Нравственная сила армии-агрессора всегда истощается раньше. Ужас этого истощения, упадка моральных сил, уровня мотивации, как сейчас говорят, начинает ощущаться намного раньше истощения материальных ресурсов. В то время как нравственная сила армии, защищающей своё Отечество, постоянно укрепляется.

Проводя аналогии, русских, пожалуй, оставим на своих местах. Французов заменим немцами, Наполеона — Гитлером. Всё. Сопоставляйте, размышляйте. Картина была бы полной, если бы не одно, и весьма существенное, но. Если на Бородине русское войско было истощено и уже не имело резервов, то на Курской дуге за спиной солдат, офицеров и генералов Воронежского фронта стоял колоссальный резерв. Целый фронт — Степной, которым командовал генерал-полковник И. С. Конев. Именно он вскоре двинется вперёд и проведёт одну из самых ярких операций Великой Отечественной войны. В ходе фронтовой операции «Полководец Румянцев» будут очищены от неприятеля сотни сёл и деревень, освобождены города Белгород и Харьков. В Москве в честь этой победы дадут первый салют.

Третья механизированная бригада потеряла значительно больше половины своего численного состава — в строю оставался лишь один из десяти, — но она всё так же грозно стояла на новом рубеже, как и в начале сражения.

В своих мемуарах маршал Бабаджанян подытожил неделю боёв так: «...К вечеру 11 июля на Обоянском направлении была полностью сорвана попытка противника прорваться здесь к Курску». А дальше вот такое резюме, уже в стиле трактата о военном искусстве: «Использование крупных соединений и объединений бронетанковых войск при ведении оборонительной операции для удержания полос

обороны в глубине — второй и тыловой оборонительных полос общевойсковых армий — было новой формой оперативного применения танковых войск, резко увеличивало устойчивость оперативной обороны и позволило отражать атаки крупных танковых масс противника, наступавших на узких участках фронта группами по 200–300 машин.

Оборонительная часть Курской битвы многим обогатила советское военное искусство. Особенно по вопросам применения в обороне крупных танковых масс. Причём обогащению служат и недостатки, имевшие место при использовании крупных масс бронетанковых сил, если их критически осмысливать.

Ход сражения подтвердил, например, что контрудар достигает цели лишь в тех случаях, когда он наносится мощной группировкой, а действия участвующих в нём танковых армий и корпусов достаточно согласованы, когда ему предшествует не только умело проведённая арт- и авиаподготовка, но атака непрерывно поддерживается артиллерией и авиацией по всей глубине действия войск, осуществляющих контрудар.

Когда не соблюдены эти условия, как это было 8 июля при контрударе 40-й нашей армии и трёх танковых корпусов, должного успеха не жди, недаром же противник на этом участке не отказался от намерения продолжить своё наступление...»^[27]

Это был уже не 1941 год. Эпоха господства немецких танков на поле боя, эпоха всесокрушающих ударов танковых клиньев в глубину советской обороны ушла в прошлое. Началась эпоха торжества на поле боя советских танков.

Через несколько дней, когда войска пойдут в наступление, полковник Бабаджанян будет срочно госпитализирован — воспалится старая рана, возникнет угроза гангрены.

В госпитале Бабаджанян, как всегда, не задержался. Чуть спала опухоль, унялась боль, сам разрезал, раскрошил и снял гипс. Настоял на выписке. И — в родную бригаду.

И в первый же день по прибытии, только успел войти в курс дел, повёл бригаду в атаку на Богодухов. Немцы встретили танки 3-го мехкорпуса на заранее подготовленных позициях, неоднократно атаковали подвижными резервами.

В октябре 1943 года 3-я механизированная бригада получила гвардейское знамя и стала именоваться 20-й гвардейской Краснознамённой. Так её командир стал дважды гвардейцем.

В составе 1-й танковой армии 20-я гвардейская Краснознамённая механизированная танковая бригада полковника Бабаджаняна участвовала в Житомирско-Бердичевской, Корсунь-Шевченковской, Проскуровско-Черновицкой и Львовско-Сандомирской наступательных операциях 1-го Украинского фронта.

Бригада особенно отличилась во время проведения Проскуровско-Черновицкой операции, одной из самых крупных в истории Великой Отечественной войны. Бронетанковые войска сыграли в её проведении особенную роль. Быстрый маневр, глубокие прорывы и рейды ошеломили противника, нарушили его стройную оборону. Сильная немецкая группировка, сравнимая по численности со Сталинградской, оказалась в окружении. Бригада полковника Бабаджаняна, действовавшая в 1-м эшелоне, с ходу форсировала Днестр, захватила плацдарм на западном берегу, расширила его и удерживала до подхода основных сил. Указом Президиума Верховного совета СССР от 26 апреля 1944 года за умелое руководство боевыми действиями 20-й

гвардейской механизированной бригады и успешное форсирование ею в числе первых реки Днестр, за личное мужество гвардии полковнику Амазаспу Хачатуровичу Бабаджаняну присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В ходе Львовско-Сандомирской операции произошёл такой случай. 1-я гвардейская армия и 13-я общевойсковая армия генерал-лейтенанта Н. П. Пухова^[28] захватили на западном берегу Вислы огромный плацдарм и начали его энергично и успешно расширять. Немцы, видя неладное — возникла явная угроза атаки на Варшаву, — начали непрерывно контратаковать, чтобы ликвидировать опасное вклинение. «Противник перебросил в район Сандомира 17 дивизий, 6 бригад штурмовых орудий и отдельные батальоны танков «Королевский тигр». Гитлеровцы стремились встречными ударами на Баранув отрезать советские войска на плацдарме от главных сил и уничтожить их»^[29].

Бои завязались упорные. На некоторых участках противник потеснил наши порядки. На долю гвардейских экипажей и артиллеристов истребителей танков 20-й мехбригады выпала задача замыкать Сандомирский «котёл», формировать самое трудное внутреннее кольцо. В результате согласованного удара двух танковых корпусов и мотоциклетного полка XLII немецкий армейский корпус и некоторые другие части и подразделения немцев оказались в плотном окружении.

Вечером 18 августа Бабаджанян получил телефонограмму Катукова: ввиду опасности несогласованных действий войск, замыкающих «котёл» вокруг XLII армейского корпуса противника, возглавить группу бригад и организовать оборонительные бои до подхода основных сил. А дальше предоставим слово бывшему командиру бригады:

«Утром 19 августа с группой офицеров и солдат проверяем готовность наших опорных пунктов к отражению новых атак противника и неожиданно натываемся на несколько танков противника.

Деваться некуда. Танки заметили нас, открыли огонь из пушек. Один снаряд разорвался в центре нашей группы.

Взрывной волной меня подбросило в воздух и кинуло наземь. Сначала показалось — нет руки. Шевельнул — цела! Хотел позвать на помощь — сам себя не слышу, а изо рта хлынула кровь. Оказывается, ранен осколком в горло.

Кое-как поднялся на ноги. Гляжу — рядом, опрокинувшись навзничь, лежит комбриг-21, подполковник И. В. Костюков^[30], громко стонет. Вместе с капитаном В. С. Бобровым тащим Костюкова в овраг — у него перебита нога. Появилась молоденькая медсестра — знаком велю в первую очередь заняться Костюковым.

Вслед за ней фельдшер — старший лейтенант. Увидел, сколько раненых, кинулся прочь. Куда это он — сдрейфил? Но фельдшер через минуту возвращается на «Виллисе». Грузим раненых, «Виллис» на полном ходу пытается проскочить болотце, но застревает. Раненых приходится снова выгружать — прячем их в овраг.

Вокруг меня столпились офицеры, те, кто остался в живых. Ждут указаний. Пытаюсь говорить — ничего не выходит, голоса нет, только сочится из раны кровь. Пытаюсь командовать жестами. Не понимают. Хватаю лист бумаги, пишу: «Всем по своим местам, в подразделения. Без моей команды ни шагу назад!» Добавляю жестом: сам буду здесь. Поняли.

Танки противника горят — наши артиллеристы славно сработали.

Приносят радиogramму от командарма: «Наступать на юго-запад, навстречу нашим наступающим войскам». Знаю: там наступает наша 13-я общевойсковая армия.

Пишу на бумаге: «Собрать два мотобатальона, несколько арт-батарей».

Главные силы бригад оставил в обороне, чтобы не подвергать опасности 11-й танковый корпус. Два мотобатальона развернулись цепью и двинулись на юго-запад.

Мой командирский танк сопровождает пехоту. Уложил в него и раненого Костюкова, сам занял место орудийного наводчика, только что тоже тяжело раненого.

Зову в танк капитана Боброва. «Вас и так там уже пятеро! — кричит он в ответ. — Я с мотобатом, разрешите!» Действительно, шестому в танк не влезть, да ещё в нём раненые...

Ведёт танк его командир, старший лейтенант А. И. Алексеев. Мы едем в боевых порядках пехоты наших батальонов. Мне кажется, что пехота движется медленнее, чем могла бы, ведь по ней противник не ведёт огня. Велю прибавить обороты, надеюсь, что пехота за нами пойдёт быстрее.

Старшина Полторак жмёт на педали, танк вырывается вперёд, огибает высотку.

Прямо на нас — вражеское орудие. Полторак давит его гусеницами. Но рядом, оказывается, ещё и другие орудия врага. Они открывают по нас беглый огонь. Каждое попадание прямо качает танк.

Успеваю выстрелить из своей пушки в упор — немецкое орудие замолкает. Но остальные, увы, ещё целы и бьют. Танк вздрагивает ещё и ещё. Внутри дым.

— Танк горит! — докладывает старший лейтенант Алексеев.

Командую оставить машину.

Из танка выпрыгивает Алексеев и, сражённый, падает замертво. За ним выскакивает заряжающий и тоже падает — ранен в ногу. Из верхнего люка выбираюсь наружу, ползу по борту танка к люку

водителя. Старшина Полторак вытаскивает раненого Костюкова.

Машина наша в огне, вспыхивают топливные баки, нас обволакивает дымом, и в этом наше спасение. Подползает заряжающий, его не видно в дыму, узнаю его по голосу.

Полторак взваливает на себя Костюкова, и мы ползём в сторону наших. Но те, видимо, посчитав нас погибшими, никого за нами не посылают, а сами стремительно движутся навстречу подходящим главным силам.

Мы одни в поле. Жаркий августовский полдень. Кругом горят хлеба.

Ползём, закусив губы, подавив стон, — ранены все, кроме Полторака, а он тащит на себе тяжёлого Костюкова.

Неподалёку на высоте возникают два немецких бронетранспортёра. Замечают нас. Но тут рядом с ними рвётся один, потом другой снаряды. Видно, испугавшись, они поворачивают — и наутёк.

Однако ползти дальше уже нет мочи. Спустились в большую воронку.

Шепчу Полтораку:

— Оставь нас. Приведи людей.

— А вас как же оставить, товарищ полковник!

— Иди! Не заставляй повторять — видишь... —

Показываю, что через перевязку на горле сочится кровь.

И всё-таки мне легче, чем Костюкову. Он уже и стонать не может, только губы кусает, чтобы не закричать: ещё бы — перебита нога...

— Потерпи, дружище... — хриплю я, чтоб поддержать его.

С трудом расцепив сжатые от боли челюсти, он еле слышно произносит:

— Одно прошу: не оставляйте здесь, если надо будет — застрелите...

Больше он ни о чём не просит, молчит.

Трус человек или нет — особенно видно, когда он ранен. За годы войны я много видел людей и храбрых и трусливых. Последние обычно склонны преувеличивать свою боль, своё страдание — жалуются, зовут на помощь, просят, требуют, чтоб их скорее отправили в госпиталь.

Страх за свою жизнь на войне испытывают все. Но люди смелые и храбрые — люди большого сердца — ощущают страх после того, как опасность миновала. Иное дело — малодушные. Эти дрожат уже в ожидании опасности.

Полтораки вернулись быстро с двумя офицерами. Костюкова уложили на плащ-палатку и потащили. По дороге офицеры сообщили, что наши батальоны сумели соединиться с частями 13-й общевойсковой армии.

С ужасом узнаю — будто сердце чувствовало! — что замначштаба бригады по разведке капитан Бобров — мой Бобров! — трагически погиб в этом бою».

Удивительное дело: Амазасп Хачатурович Бабаджанян в своих воспоминаниях о танках и бронетранспортёрах пишет как о живых существах. Впрочем, такое отношение к боевым машинам характерно для многих танкистов. «Танки заметили нас...» «Немецкие танки, увлечённые деревней, не сразу заметили машину...» «Видно, испугавшись, они поворачивают — и наутёк» (это — о немецких бронетранспортёрах.)

О том, что он назначен на 11-й гвардейский танковый корпус, Бабаджанян узнал в госпитале, где его в один из дней навестил командующий армией М. Е. Катуков.

Потом была Висло-Одерская наступательная операция. 11-й гвардейский танковый корпус поддерживал огнём и бронёй 8-ю гвардейскую армию генерала В. И. Чуйкова^[31]. Забегая вперёд, замечу, что Зееловские высоты и Берлин, его кварталы, превращённые в неприступную крепость, они снова будут преодолевать бок о бок.

Здесь же, между Вислой и Одером, Бабаджанян обкатал в деле ударную группу своего корпуса — 44-ю танковую бригаду полковника И. И. Гусаковского^[32] и 1454-й самоходно-артиллерийский полк полковника П. А. Мельникова^[33]. Бои в Одерском треугольнике, захват Мезеритцкого УРа. Каждая из этих страниц славного западного похода гвардейцев Бабаджаняна достойна отдельной главы. Но мы поторопимся вперёд, к развязке, как торопились наши танкисты с постоянной мыслью о том, что с каждым часом, с каждым боем и маршем ближе день окончания войны, ближе Победа и что своими усилиями, своей тяжкой работой, своей кровью они приближают этот желанный день.

До Берлина оставалось меньше ста километров. Для ударной группы — день марша. Но маршем эти последние километры не пройти. Впереди — мощнейший укрепрайон, сплошная оборона. Траншеи, ДОТы, каналы и рвы, заполненные водой, противотанковые районы, минные поля. И везде, в каждом окопе, в каждой траншее, за каждой амбразурой — солдаты противника, готовые умереть, но не уступить свои позиции.

К тому времени, севернее, войска 3-го Белорусского фронта (Маршал Советского Союза А. М. Василевский) осадили город-крепость Кёнигсберг и добивали немецкую группировку на Земландском полуострове.

Армии 2-го Белорусского фронта (Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский) вышли к Балтийскому морю севернее Эльбинга, рассекли

немецкий фронт и изолировали Восточно-прусскую группировку противника.

Войска 1-го Белорусского (Маршал Советского Союза Г. К. Жуков) и 1-го Украинского (Маршал Советского Союза И. С. Конев) фронтов захватили на Одере плацдармы и вели перегруппировку для дальнейших действий. Перед ними лежали Берлин и его предместья.

На юге войска двух Украинских фронтов только что отбили крупное контрнаступление противника в Венгрии и готовились к броску на венском направлении. Шло наступление в Чехословакии.

Союзники охватывали крупную группировку немцев в Рурском бассейне. Одновременно англо-американские войска подходили к Эльбе. До Берлина им оставалось 100–120 километров.

Тем временем в Восточной Померании немцы проводили перегруппировку, усиливая группу армий «Висла». В условиях, когда мощная группировка угрожала правому крылу 1-го Белорусского фронта и его коммуникациям, а войска 2-го Белорусского фронта были связаны затяжными боями на Данцигском направлении, наступать на Берлин было опасно. Реальная угроза удара немцев во фланг заставила Ставку расправиться вначале с северной группировкой. Так началась Восточно-Померанская наступательная операция, в которой приняла участие и 1-я гвардейская танковая армия. Она вошла в состав сильной группировки 1-го Белорусского фронта, которую наше командование повернуло на север, и была временно переподчинена командованию 2-го Белорусского фронта.

Это был незабываемый рейд. За сутки бригады корпуса отмахивали по 100–120 километров. И снова Бабаджанян гнал вперед свои ударные части — танки Гусаковского и самоходки Мельникова.

В Путциге^[34] танкисты полковника Гусаковского перехватили немецкую автоколонну. Груз оказался неожиданным — сотни, тысячи бутылок различных вин. Командир бригады прислал несколько ящиков, сославшись на бригадного врача: мол, тот свидетельствует доброкачественность трофея... Вскоре в штаб корпуса начались звонки: у многих обнаружили признаки отравления. Маршал Бабаджанян вспоминал: «Страхи, впрочем, быстро улеглись — оказалось, что это вовсе не вина, а специальная жидкость, которую придумали немецкие химики для своих солдат, долгое время питающихся сухим пайком...» Воистину: что для немца хорошо, русскому — смерть. Бригадному врачу пришлось сделать выговор...

В середине марта, когда корпус стоял под Гдыней, готовясь к штурму немецких укреплений, произошла встреча полковника Бабаджаняна с маршалом Рокоссовским. Вот как это было.

В штаб корпуса позвонил Катуков:

— Как там у тебя?

— Тихо.

— Твой НП не обстреливают? Нет?

— Нет. Разрывы далеко, и те редкие.

— А дорога к НП?

— Дорога неплохая.

— Ага... Ну тогда мы приедем к тебе с Константиновым. Понял?

Как не понять? Константинов — это командующий, сам Рокоссовский. А порядок вокруг нужно срочно навести. Срочно вызвал сапёрную роту, приказал подправить окопы, ходы сообщения. Нельзя перед маршалом ударить в грязь лицом.

Через некоторое время снова звонок, на этот раз из политотдела. Бабаджанян доложил, что всё готово.

— Так, значит, порядок? — слышалось в трубке. — Ну, смотрите, большой хозяин с Ефимовым будут у вас

между четырнадцатью и пятнадцатью часами. Организуйте встречу и безопасность? Как там немцы себя ведут?

— Тихо.

В назначенное время показались машины командования. Дальше командир корпуса повёл генералов по свежесотрытым ходам сообщения.

«Не успели мы пройти несколько шагов, — вспоминал ту историю Бабаджанян, — как прямо перед нами разорвался снаряд. Через минуту второй, сзади. «Вилка!» — мелькнуло в голове. М. Е. Катуков, наклонившись ко мне, громко зашептал: «Что же ты, а говорил...» Константин Константинович услышал, улыбнулся, сказал Катукову:

— Не пили, не парад — война. Стреляет же не он — противник, не запретишь же ему. Давайте пока что в надёжный окоп, а машины с бугра прикажите убрать.

Мы сидели в окопе молча минуты три-четыре, пока обстрел не прекратился.

— Ну, — сказал Рокоссовский, — доложите коротко ваши соображения по наступлению.

Слушал внимательно, всё время глядя на карту.

— Когда хотите начать?

— Завтра с рассвета, если разрешите, товарищ маршал.

— Хорошо, начало в 8.00. Но город должен быть освобождён.

— Постараемся.

Однако Рокоссовский не намеревался заканчивать разговор.

— Давно командуете корпусом?

...Я хочу ещё раз подчеркнуть обаяние Константина Константиновича, которое порождало глубокую симпатию к нему не только среди тех, кто имел с ним непосредственный служебный контакт, но и в среде широких солдатских масс. Рокоссовский помнил и лично

знал сотни людей, заботился о них, никогда не забывал о тех, кто достоин поощрения и награды, умел вникать в дела и заботы командиров, умел благожелательно выслушивать каждого».

Наутро танки и самоходки Бабаджаняна атаковали главную полосу Гдынского УРа, проломили его, ворвались в Гросс-Катц, вместе с другими соединениями начали расширять и углублять прорыв, разрезая 2-ю полевую армию немцев на две группировки — Данцигскую и Гдынскую.

А уже в конце марта Восточно-Померанская операция была успешно завершена, и танковую армию Катукова Ставка направила назад, на Одер.

«На запад, опять вперёд на запад! — вспоминал маршал. — Прощай, Польша. Твоему освобождению мы отдали всё, что было в наших силах. И даже больше — жизнь своих товарищей, твоих братьев. Немало дорогих могил мы оставляем на твоей земле, чтоб ты тыла свободна, чтоб ты процветала, чтоб был счастлив твой народ...»

Польша, Польша... Ты непростительно забыла страдания и кровь твоих освободителей!

8

Пятого апреля командующие армиями, члены Военных советов и начальники штабов армий, а также командиры корпусов собрались в штабе 1-го Белорусского фронта на окраине небольшого немецкого городка Бирнбаума^[35]. Ни до этого часа, ни накануне никто не произносил слов «Берлин», «штурм» и подобных. Личному составу говорили о приготовлениях к «очередной наступательной операции». Солдаты же — народ мудрый — тонко чувствовали напрягшийся нерв войны, поговаривали о своём, о конце войны, о доме,

часто упоминали «логово» и с беспокойством поглядывали на запад, где каждый вечер садилось тёплое весеннее солнце, обливая розовым молоком уцелевшие зацветающие сады. В шестидесяти километрах от танков и самоходок 11-го гвардейского корпуса, тщательно замаскированных в садах, перелесках и лесополосах, лежала столица Германии, Берлин, это ненавистное «логово». И вот они, танкисты, самоходчики, артиллеристы, миномётчики, санитары, ремонтники-оружейники, механики, пехотинцы, шоферы, поглядывая на заходящее солнце, терпеливо ждут последней атаки.

Вошли командующий войсками фронта маршал Г. К. Жуков, член Военного совета фронта К. Ф. Телегин, начальник штаба М. С. Малинин^[36].

Начал командующий. Тихо, делая после каждой фразы небольшую паузу и подчёркивая важность и своих слов, и обстоятельств, в которых они проводят своё совещание, произнёс:

— Был у Верховного. Обстановка складывается так, что пришлось созвать вас немедленно. Раньше мы полагали, что Берлинская операция начнётся... несколько позднее... Сроки меняются. Нас торопят союзники. Есть сведения, источники надёжные, что наши союзники имеют следующие намерения: в ближайшие дни покончить с Рурской группировкой противника, а затем высвободившиеся силы бросить на Лейпциг, Дрезден, а заодно, так сказать попутно, захватить Берлин.

Командиры загудели. Заскрипели ремни и стулья. Такой помощи от союзников никто не ожидал. И не желал. Послышались реплики. Бывшие командиры полков и бригад вспоминали, как ждали открытия Второго фронта в 1941, 1942 и 1943-м, когда истекали кровью под Москвой, Брянском и Смоленском. А теперь, когда зверь загнан в угол и осталось его прикончить

последним ударом, за его шкурой прибежали союзники...

Маршал сделал необходимую паузу, чтобы дать командирам выплеснуть эмоции, и продолжил:

— Ставке доподлинно известно, что истинная цель ускорения их наступления — именно захват Берлина до подхода наших войск. Ставке также известно, что спешно готовятся две воздушно-десантные дивизии для выброски на Берлин. Это, как вы понимаете, абсолютно устраивает нашего противника. Нам они оказывают упорное сопротивление в каждом населённом пункте, без боя не оставляют ни одной позиции. А на Западном фронте сдают крупные города по телефону, до подхода танков союзников. Всё это заставляет Ставку торопиться. — Маршал снова сделал паузу. — Что касается точной даты наступления, об этом скажу позднее. А сейчас приступим к изучению предстоящей задачи.

Бабаджанян вспоминал: «Отодвинулась шторка — и перед нами предстала карта, вся испещрённая пятнами озёр, прожилками ирригационных сооружений. Чётко были обозначены полосы немецкой обороны — от Одера до Зееловских высот они шли одна за другой с интервалами в какие-нибудь 10–15 километров.

Вот отдёрнута вторая шторка — открылась рельефная карта Берлина. На ней было всё: улицы, дома, укрепления, завалы, ДОТы, даже изображены разрушенные бомбёжками кварталы. На важнейших зданиях были наклеены ярлыки с номерами. Это был настоящий шедевр картографии. Потом нашему штабу удалось скопировать эту карту, и она очень помогла нам в штурме Берлина».

Когда общие вопросы предстоящего дела были разрешены, командующий указал на непропорционально крупный четырёхугольный объект в лабиринте берлинских улиц:

— Объект номер 105. Прошу обратить особое внимание. Это и есть Рейхстаг. — Пауза. — Кто первым войдёт туда? — Маршал окинул быстрым взглядом собравшихся. — Катукوف? Чуйков? А может, Богданов или Берзарин?

Все замерли. Молчат. Все понимают — войти первыми означает великую честь. Новые звёзды на погонах и на груди.

Маршал между тем продолжал:

— А это номер 106 — Имперская канцелярия.

Жуков был, как всегда перед боем, собран, деловит, немногословен. Те, кто его знал близко, заметили некоторую напряжённость. Дело в том, что несколько дней назад в Ставке, когда Верховный вызвал их, командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами на совещание по поводу предстоящей битвы за Берлин, сосед слева маршал Конев неожиданно решительно заявил о своём желании тоже участвовать в Берлинской наступательной операции. Начальник Генштаба А. И. Антонов при этом напомнил об особой роли 1-го Белорусского фронта и что существующая разграничительная линия фактически исключает участие войск Конева в штурме Берлина. Конев стоял на своём: при существующей конфигурации фронта и расположении группировок целесообразно «нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина».

Сталин пренебрёг теми нормативами, правилами и уставами, которые святы для военных и, как вспоминал бывший начальник Главного оперативного управления Генштаба генерал С. М. Штеменко, «на карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разграничения, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довёл её до населённого пункта Люббен (60 километров к юго-востоку от столицы) и оборвал».

— Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин, — прокомментировал Верховный после совещания своё политическое решение. Этим он заставил командующего 1-м Белорусским фронтом торопиться и действовать с оглядкой на соседей. Это скажется очень скоро, в первые же часы атак на Зееловские высоты.

В какой-то степени Г. К. Жуков копировал Верховного, когда спросил своих командармов: «Кто первым войдёт туда?» Играл на честолюбии. Знал огромную силу этого чувства, включающего в человеке всё: и волю, и сверхсилы, и непреклонность, граничащую с жестокостью. Впрочем, жестокость на войне не самое худшее качество солдата, а особенно командира. В своё время маршал читал трактаты Мольтке, что даёт нам право предположить, что Жуков всё-таки владел немецким языком. Некоторые его выводы и умозаключения выучил наизусть. Некоторые сами глубоко врезались в память, будоражили сознание своей противоречивостью и точностью, как, например, это: «Высшей формой милосердия на войне является жестокость...»

Задача для ударной группировки 1-го Белорусского фронта стояла непростая. Немцы создали вокруг Берлина глухую оборону. Особенно высокой её оперативно-тактическая плотность была на Кюстринском направлении в районе Зеелова и окрестных высот. Главный удар наносили пять общевойсковых и две танковые армии, сосредоточенные на Кюстринском плацдарме. Пехота должна была прорвать линию обороны и создать благоприятные условия для ввода в прорыв бронетанковых соединений.

Согласно плану, 1-я гвардейская танковая армия Катуква вводилась в прорыв в полосе 8-й гвардейской армии Чуйкова после выхода последней на рубеж Зеелов — Долгелин — Альт — Малиш. Удар планировался мощным и стремительным. «Мы были сильны, как

никогда», — вспоминал Бабаджанян. 2-я гвардейская танковая армия с задачей такого же характера вводилась в полосу 5-й гвардейской армии и должна была действовать севернее.

Участник последнего штурма, в то время генерал-лейтенант и заместитель командующего 1-й танковой армией генерал-лейтенант А. Л. Гетман^[37] писал: «К началу операции 1-я гвардейская танковая армия имела в своём составе три корпуса — 11-й и 11-й гвардейский танковые и 8-й гвардейский механизированный. Она по решению командарма вводилась в прорыв в одноэшелонном построении, что должно было обеспечить нанесение мощного первоначального удара».

Перед группировкой, изготовившейся к решающему рывку на Кюстринском плацдарме, немцы сосредоточили основные силы и мощь обороны своей столицы. Все города, городки, деревни и фольварки в полосе глубиной до 20 километров и более были превращены в опорные пункты. Их оборона увязывалась между собой промежуточными позициями и представляла тщательно продуманную систему огня. Дороги перекрыты противотанковыми препятствиями. Рвы, заполненные водой, надолбы, завалы, одиночные пулемётные и артиллерийские ДОТы. Минные поля. Проволочные заграждения в несколько колов. Противотанковые засады, занятые специальными командами, в которых каждый солдат вермахта, СС или фольксштурма имел по три и более фаустпатронов.

Берлин же и вовсе был превращён в сплошную крепость, где каждый дом представлял собой отдельный опорный пункт со своей автономной системой противотанкового и противопехотного огня.

Бронетанковым войскам, предназначенным для глубоких рейдов и широких маневров, в частности и для 11-го гвардейского танкового корпуса, имевшего

большой опыт боевых действий на открытой местности, предстояло иметь дело с противником, засевшим в подвалах, среди узких улочек, где обзор ограничен стенами тесно стоящих домов, а маневр практически невозможен. Последние дни были наполнены учёбой по темам: «Действия танкового экипажа с десантом автоматчиков при блокировании ДОТов», «Танковый взвод в составе штурмовой группы в бою за крупный населённый пункт», «Штурм и блокировка ДОТов с преодолением минных полей и проволочных заграждений».

Командир корпуса сформировал ударную группу. В неё вошли: 44-я гвардейская танковая бригада, 1454-й самоходный и 108-й зенитный артиллерийские полки, 53-й отдельный гвардейский миномётный дивизион, понтонный батальон и две роты сапёров. Лучшие из лучших, не единожды проверенные в бою. Задачу передовому отряду командир корпуса поставил следующую: «После форсирования Шпрее нанести удар на северо-запад и к исходу второго дня выйти на рубеж в районе Потсдамского вокзала».

Перед Берлинской наступательной операцией 1-ю гвардейскую танковую армию пополнили новой техникой, вооружением, людьми.

Всё было готово. Танки прогревали моторы. Катукоев время от времени связывался по телефону, беспокоился, как дела. И вот во время очередной связи последовал приказ: в ночь на 15 апреля выдвинуться на восточный берег Одера и быть готовыми следующей ночью скрытно и без задержек переправиться на Кюстринский плацдарм; исходный район-южнее населённого пункта Киц.

Когда читаешь немецких авторов из числа бывших генералов и фельдмаршалов, часто встречаешь мысль о генеральном сражении. Всю войну немцы искали случая большой, решающей битвы. Сражения такого масштаба,

в результате которого лучшая армия мира и лучший солдат всех существующих армий, а им был, по их мнению, естественно, германский солдат, наголову разгромил бы Красную армию, испепелил бы её до основания, сжёг в гигантском огне до последней петлицы («ни петлички, ни лычки с гимнастёрки моей^[38]»), так, чтобы она никогда уже не встала на пути вермахта даже взводом солдат. Они, авторы, постоянно сетовали, что, мол, Красная армия уклоняется от решающего сражения... Мало им было Курской дуги. И вот, наконец, «нашли такое поле». Зееловские высоты, предместья Берлина, сам Берлин...

Передовой отряд и артиллеристы ушли на плацдарм, а основные силы 11-го гвардейского танкового корпуса Бабаджанян по приказу Катукова ещё до рассвета 16 апреля сосредоточил южнее Зоненбурга на восточном берегу Одера.

Перед самым наступлением 53-й отдельный гвардейский миномётный дивизион и ещё два артполка срочно перебросили на огневые позиции — им предстояло участвовать в общей артподготовке 1-го Белорусского фронта.

В пять утра артиллеристы натянули шнуры, и ураган огня хлынул в сторону Зеелова и окрестностей. Тысячи орудий и миномётов. «Даже на восточном берегу Одера, — вспоминал А. Л. Гетман, — нужно было кричать изо всех сил, чтобы услышали стоящие рядом». Бабаджанян свои впечатления от артподготовки передавал так: «Здесь были ветераны, слышавшие московскую, сталинградскую, курскую канонады. Но то, что совершалось теперь, мы не могли сравнить ни с чем».

— Началось!

Танкисты опасались боёв в городских кварталах. Ещё 5 апреля на совещании в штабе фронта командующий 2-й гвардейской танковой армией

генерал-полковник С. И. Богданов^[39], как вспоминал Бабаджанян, «настойчиво доказывал Г. К. Жукову, что надо дать больше свободы его армии для более глубокого обхода Берлина с севера. Жуков тогда одёрнул командарма:

— Вы собираетесь, товарищ Богданов, воевать за Берлин или будете всё время уходить на север?»

Генералу Богданову очень не хотелось жечь свои танки на берлинских улочках. Впоследствии произойдёт именно так: 2-я гвардейская танковая совершит широкий маневр с охватом Берлина с севера и выйдет в тыл войскам противника, обороняющим город. 1-ю гвардейскую танковую обстоятельства запрут в Берлине...

Впереди были Зееловские высоты. Они ограничивали действия не только танковым частям, стесняли их маневр, но и, как отмечал впоследствии маршал Г. К. Жуков, «являлись серьёзным препятствием и для артиллерии. Они закрывали глубину обороны противника... К 13 часам я отчётливо понял, что оборона противника здесь в основном уцелела».

Произошло самое неприятное, что может произойти во время крупного наступления. Артподготовка не достигла нужного эффекта, оборона противника уцелела, и когда пехота пошла в атаку, её встретил шквал огня. Стрелковые дивизии несли большие потери, танки и САУ поддержки горели от огня противотанковых орудий. Продвижение общевойсковых гвардейских армий замедлилось, а вскоре и вовсе остановилось.

В этих обстоятельствах Военный совет фронта принял решение бросить вперёд гвардейские танковые армии, чтобы увеличить пробивную способность ударной группировки фронта. Это не было предусмотрено первоначальным планом наступления. Командующий пошёл на риск. Верховный по телефону подбадривал

Г. К. Жукова: мол, а у Конева, товарищ Жуков, дела идут лучше...

Уже в середине 16 апреля гвардейцы Бабаджаняна приступили к выполнению поставленных задач. Затор на Зе-еловских высотах существенно изменил и планы 11-го гвардейского танкового корпуса.

Бригада полковника Гусаковского пошла вперёд, подавила пулемётные точки и ДОТы, не позволявшие продвигаться пехоте, и в какой-то момент обогнала стрелковые батальоны. Однако вскоре была остановлена огнём противотанковых орудий. Атака с ходу не удалась. Более того, бригада дважды была контратакована группой «Тигров» и «Пантер» при поддержке пехоты. Весь день почти непрерывно оборону противника обрабатывала авиация. Штурмовики Ил-2 буквально «ходили по головам немцев», как было принято говорить в военной авиации. А вечером к высотам подошли основные силы корпуса. Вступила в дело артиллерия и миномёты. Пятнадцать минут длился огневой налёт. После него Бабаджанян ввёл в бой 40-ю и 45-ю гвардейские танковые бригады. Однако преодолеть оборону противника не удалось.

М. Е. Катуков вспоминал: «Когда мы вышли к Зееловским высотам, развернулись и устремились вперёд, все наши попытки успеха не имели. Все, кто высунулся вперёд, моментально горел, потому что на высотах стоял целый артиллерийский корпус противника, а оборона немцев на Зееловских высотах сломлена не была. Когда же потребовалось развёртывать всю армию, конечно, мы не могли дать полных результатов через 2 часа, а отсюда страсти разгорелись, шёл бой, создавалось серьёзное положение и, естественно, были нелестные отзывы по нашему адресу».

Тем временем полковник Гусаковский выслал вперёд разведку — взвод Героя Советского Союза лейтенанта И. Х. Кравченко^[40]. Разведчики должны были прощупать

юго-западные подступы к опорному пункту противника. Лейтенант Кравченко повёл свои танки к Людвигслусту. Немцы обнаружили советские танки и открыли огонь. Но взвод на быстрых скоростях миновал открытое пространство, буквально влетел в фольварк, где оказался в недосягаемости для огня немецких противотанковых пушек. Тогда противник организовал контратаку — на фольварк двинулись несколько танков с пехотой. Но экипажи лейтенанта Кравченко успели занять выгодные позиции и встретили немецкие танки огнём. В считанные минуты схватки три советских танка с близкого расстояния подбили четыре немецких танка, в том числе «Пантеру». Заработали курсовые пулемёты, обращая в бегство пехоту, пытавшуюся проникнуть в фольварк. Немцы были ошеломлены. Они не ожидали, что три советских танка без пехоты смогут нанести им такой урон. Лейтенант Кравченко связался по радиации с командиром бригады, доложил результаты разведки и только что состоявшегося боя. Вскоре основные силы бригады подошли к Людвигслусту и закрепились здесь.

Бабаджанян осторожничал. Уже потеряно много боевых машин. Сгорели экипажи. Многих он знал лично. Он приказал передовому отряду занять оборону на достигнутых рубежах и ждать, когда подтянутся остальные бригады и части. Выслал вперёд разведку.

Ночью подошли 40-я и 45-я бригады, усиленные артиллерией. Появились передовые части 8-й гвардейской армии.

Атаку на Фридерсдорф, лежавший впереди, наметили на утро. До утра изучали разведданные, уточняли вопросы взаимодействия, ставили задачи артиллеристам и миномётчикам.

Как рассказали после боя пленные, немецкое командование ожидало начало атаки русских, как всегда, на рассвете. Но Бабаджанян намеренно затянул наступление. Немцы решили, что русские ночью ушли,

наметив для прорыва другой участок. В 10.00 артиллерия корпуса провела артподготовку, а потом вперёд пошли танки и пехота. Два часа шёл бой за Фридерсдорф. Каменные здания деревни, похожей на небольшой городок, стояли вплотную друг к другу и все, от подвальных и полуподвальных помещений до слуховых окон на кровлях, были превращены в пулемётные и артиллерийские ДОТы, в позиции для снайперов и одиночных стрелков. Когда ударная группа выбила немцев из Фридерсдорфа, из района Зеелова последовала мощная контратака, в которой участвовало до тридцати танков с пехотой. Немцев встретили в роще в километре западнее Фридерсдорфа и основательно потрепали. Отличились самоходчики подполковника Мельникова. Батарея СУ-100 лейтенанта Н. К. Ваничкина, находившаяся в засаде, встретила атаку противника мощным огнём и в первые же минуты боя уничтожила семь танков, в том числе три «Тигра», несколько самоходных штурмовых орудий, а затем, когда атака немцев была расстроена, контратаковала бегущих. Было захвачено 92 пленных и много трофеев.

Южнее немецкую оборону ломала 40-я гвардейская танковая бригада подполковника М. А. Смирнова^[41]. Одновременно танкисты-гвардейцы 45-й бригады охватили противника с юго-востока и действовали в направлении опорных пунктов Дидерсдорф и Герльсдорф.

Корпус брал один опорный пункт за другим, преодолевал очередную полосу обороны противника, а за ней оказывалась другая.

На полпути от Зеелова до Берлина находился город Мюнхеберг, окружённый крупными населёнными пунктами. Целая система опорных пунктов, насыщенная противотанковыми средствами, зенитками, пулемётами.

Бабаджанян на этот раз бросил вперёд 45-ю гвардейскую танковую бригаду полковника

Н. В. Моргунова^[42].

Мюнхеберг и окрестности обороняла довольно крупная группировка, имевшая танки, штурмовые орудия, оснащённые длинными 75-мм пушками и способные на равных тягаться с нашими «тридцатьчетвёрками». Подступы и предполье были насыщены противотанковыми заграждениями и различными инженерными сооружениями, напичканы минами.

Из штаба армии и фронта постоянно радировали: вперёд! вперёд! вперёд! Ещё два дня назад, 17 апреля, маршал Г. К. Жуков подписал приказ. Его доставили в ночь на 18-е.

«1. Хуже всего проводят наступательную Берлинскую операцию 69-я армия под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1 ТА генерал-полковника Катукова и 2 ТА под командованием генерал-полковника Богданова. Эти армии, имея колоссальнейшие силы и средства, второй день действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником. Командарм Катукоев и его командиры корпусов Ющук, Дрёмов, Бабаджанян за полем и за действием своих войск не наблюдают, отсиживаясь далеко в тылах (10–12 км). Обстановки эти генералы не знают и плетутся в хвосте событий.

2. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся, израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлин».

Г. К. Жуков диктовал этот приказ, будучи явно раздражённым. Не иначе, после разговора с Верховным и известия о том, что войска Конева успешно форсировали Нейсе и продвигаются вперёд. Конечно, командующий 1-м Белорусским фронтом переоценил силу первого удара, сократил время артподготовки, считая, что 25 минут достаточно для подавления первых линий обороны противника. Артиллерия же 1-го

Украинского фронта обрабатывала немецкие позиции на всю глубину досягаемости в течение 145 минут, в три этапа, пока не раскалились стволы гаубиц. Вместо эффективного, но неэффективного приёма с прожекторами войска Конева поставили плотную дымовую завесу, под покровом которой энергично и успешно форсировали водную преграду и захватили первую линию обороны противника. Свои гвардейские танковые армии, 3-ю и 4-ю, Конев впереди пехоты не бросал, он ввёл их в прорыв, как и предусматривалось планом наступления.

Жуков нервничал. Всё с самого начала пошло не так. Бросил танки Катукова и Богданова под неподдавленную противотанковую оборону, насыщенную огневыми средствами, способными поражать средние и тяжёлые танки на расстоянии до двух километров, а когда бригады начали нести огромные потери и замедлили темп продвижения, отхлестал лучших танковых командиров явно несправедливым приказом.

Но война есть война. И тот её эпизод на Зееловских высотах, возможно, и стал проявлением «высшей формой милосердия», когда в топку нужно было бросить танки, чтобы спасти сотни тысяч жизней пехотинцев. Кто знает...

Все названные в приказе Г. К. Жукова, конечно, не были трусами. Дрались они с сильными противником, на его земле, в обстоятельствах ограниченного маневра. Впрочем, всё потом списала, сгладила Победа. Берлин разгромили вместе с его защитниками. Всех наградили. Кто получил Героя, кто Суворова 1-й степени. Все были отмечены в приказах командующего и благодарностях Верховного главнокомандующего.

В приказе Г. К. Жукова говорилось: «Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперёд днём и ночью на Берлин, тогда Берлин будет очень скоро наш».

В том же приказе предписывалось строго-настрого запретить выдавать личному составу водку, даже гвардейские «сто грамм». Ветераны, знавшие и Сталинград, и Курскую дугу, ворчали: вот, мол, подъёмные отменили, как тут Берлин брать, голыми, что ль, руками...

«Бои к югу и к востоку от Мюнхеберга, начавшиеся с утра 19 апреля, — вспоминал А. Л. Гетман, — сразу приняли чрезвычайно тяжёлый, кровопролитный характер. В первых же схватках с врагом корпус понёс немалые потери в личном составе и материальной части. Только в 45-й гвардейской танковой бригаде выбыли из строя десятки воинов. Среди них были и командиры батальонов — капитан П. З. Попов и тяжелораненые капитаны А. М. Долгов и Г. Р. Букетов.

К середине дня бригаде полковника Н. В. Моргунова удалось продвинуться на незначительное расстояние. Ещё менее успешными были атаки остальных бригад, действовавших с востока. Таким образом, бои за Мюнхеберг принимали затяжной характер».

Война — это ещё и неразбериха и необходимость действовать на грани её. А тем более в таком сумбурном наступлении, когда первоначальные планы постоянно ломали новые и новые обстоятельства. Старший офицер Генштаба полковник И. В. Соловьёв, находившийся во время операции в 1-й гвардейской танковой армии, доносил в Москву о причинах медленного продвижения вперёд войск 1-го Белорусского фронта следующее: сильно укреплённая оборона противника; отсутствие должного взаимодействия между стрелковыми, артиллерийскими, авиационными и танковыми частями не только в передовых частях, но и в штабах корпусов; отставание артиллерии от танков и пехоты. В результате, как доносил полковник Соловьёв, имели место случаи обстрела и нанесения ударов с воздуха по своим войскам. Так, 18 апреля в 1-й гвардейской

танковой армии из-за отсутствия передового наблюдательного пункта артиллерия неоднократно в течение дня вела огонь по боевым порядкам 44-й гвардейской танковой бригады, а в пять часов вечера было произведено два дивизионных залпа «Катюш» с большими потерями в живой силе и технике.

Как вспоминали фронтовики, когда артиллерия и авиация бьёт по своим, это всегда точно и с большими потерями.

Как бы стойко ни сопротивлялся враг, но наступающие войска ломали его оборону и двигались вперёд.

За день непрерывных боёв 19 апреля корпус полковника Бабаджаняна продвинулся вперёд на 10-12 километров.

Вышедшие из строя из-за незначительных повреждений боевые машины тут же ремонтировали специальные ремонтные бригады. Порой под огнём вытаскивали их с поля боя и отбуксировывали в тыл. Поэтому многие потери тут же, через несколько часов, компенсировались.

Бой продолжался и в ночь на 20 апреля. Бригады овладели опорным пунктом Кинбаум, подавили сопротивление Лиденберга, затем Рюдерсдорфа. Вечером ударная группа корпуса была контратакована танками и пехотой при поддержке артиллерии из района Калькберга. Движение вперёд снова приостановилось. А возобновилось 21 апреля, когда к Калькбергу подошли главные силы корпуса и в штабе прочитали только что полученную телефонограмму маршала Г. К. Жукова: «1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы... Пошлите от каждого корпуса по одной бригаде в Берлин». Катков в приказе командующего сделал приписку: «Выделить усиленные бригады и

выполнить поставленную задачу... О выходе к Берлину доложить».

Понимал комфронта, чем взять своих командармов и командиров корпусов. На фронте это работало сильнее драконовских приказов и даже самых высоких орденов, отлитых из золота и серебра.

Бабаджанян знал, кого послать вперёд добывать честь и славу 11-му гвардейскому корпусу и всей 1-й гвардейской танковой армии. В полдень бригада полковника Русаковского, усиленная самоходчиками подполковника Мельникова, запустила моторы.

В полку Мельникова к тому времени были снайперы и экипажи не хуже, чем в танковой бригаде. На счету у некоторых было по 5–8 и больше подбитых и сожжённых танков различных типов, от PzKw III до «Тигров» и «Фердинандов». Когда ещё только разворачивались в боевые порядки перед Зееловскими высотами, над лавиной самоходов на бреющем пронесли штурмовики 16-й воздушной армии, которая поддерживала наступление войск 1-го Белорусского фронта. Они отработали по немецкой обороне и, возвращаясь назад, сбросили над самоходками четыре вымпела. К парашютам были прилажены символические ключи от Берлина и дощечки с надписью: «Гвардейцы-друзья, к победе — вперёд! Шлём вам ключи от берлинских ворот!»

Вот что произошло в бою под Мюнхебергом. Когда немцы отбили первую атаку нашей ударной группы, танкисты и самоходчики вернулись на исходные, чтобы перегруппироваться, подождать подхода артиллерии и гвардейских миномётов и с дистанции основательно обработать оборону очередного неприступного опорного пункта. Не успели танкисты и самоходчики занять временную оборону, из города появилась колонна танков и бронетехники. Всё происходило как в старом рыцарском романе: осаждённые в неприступном замке

открыли ворота и неожиданно для неприятеля атаковали их...

До тридцати «Тигров» и «Пантер» при поддержке пехоты атаковали командный пункт и резервную батарею самоходчиков. Начался бой. За оружие взялись все, от повара до командира полка. Снаряд, выпущенный из «Тигра», ударил в командирскую машину, но, к счастью, под углом и сильного вреда самоходке не нанёс. Однако сколом от внутренней брони ранило наводчика. Подполковник Мельников сам сел за прицел. После серии точных выстрелов перед командирской СУ-100 горели три танка. Как правило, после первого попадания танк останавливался. Иногда его разворачивало. И тогда тяжёлые болванки калибра 100 миллиметров добивали его. За несколько минут боя самоходчики подожгли шестнадцать танков. Атаку отбили, нанеся противнику колоссальный урон.

Этот небольшой немецкий городок в земле Бранденбург встретил Красную армию с таким ожесточением и с готовностью испепелить её боевую технику и живую силу не случайно. Дело в том, что в Мюнхеберге и окрестностях только что, месяц назад, один из лучших танковых командиров вермахта генерал-майор Вернер Муммерт^[43] сформировал танковую дивизию «Мюнхеберг». Танковые батальоны этой дивизии были укомплектованы новенькими, только что с завода, «Пантерами» и «Тиграми». Первый бой дивизия приняла в районе Кюстрина во время наступления Красной армии на Зеелов. И вот теперь она обороняла свою *alma mater* — город и опорный пункт Мюнхеберг. Через несколько часов дивизию генерала Муммерта собьют с занимаемых позиций. Теряя свои танки, она отойдёт к юго-восточным окраинам Берлина и займёт оборону на внешнем обводе. По существу, на её плечах танки Бабаджаняна и ворвутся в «логово». Но «Мюнхеберг» будет ещё драться в самом городе,

медленно пятясь к центру и теряя свои боевые машины и экипажи.

Надо отдать должное работе политорганов Красной армии. В течение нескольких часов после получения приказа о Знамени Победы политработники провели в корпусе митинги, партийные и комсомольские собрания. На них «покаялись выполнить историческую задачу — водрузить Красное знамя над первыми же захваченными кварталами Берлина, возвестив всему миру о начале разгрома фашизма в его логове».

К исходу дня 22 апреля ударная группа под огнём противника переправилась через канал западнее Рюдерсдорфа и завязала бой на противоположном берегу. Всю ночь танкисты, самоходчики проламывали оборону опорных пунктов, оказавшихся на их пути. Утром танки и самоходки ворвались в Уленхорст. Это была уже окраина Берлина.

Из политотдела бригады полковника Гусакове кого в штаб корпуса ушла телефонограмма:

«11-й гвардейский танковый корпус. Генерал-майору танковых войск И. М. Соколову.

1. Водружён государственный флаг СССР в Берлине над зданием фольксштурма.

2. Поднят государственный флаг СССР в 8 часов 30 минут взводом младшего лейтенанта Аверьянова Константина Владимировича, кандидата в члены ВКП/б/, командиром танка гвардии младшим лейтенантом Бектимировым Фёдором Юрьевичем, членом ВЛКСМ, которые первыми вошли в Берлин в 8 часов 22.4.45 г.».

Ворваться-то танкисты в Уленхорст ворвались, но вскоре поняли, что запрыгнули в дупло с осиным роем...

Дальше события развивались следующим образом. Ударная группа полковника Гусаковского и подполковника Мельникова протиснулась в берлинские предместья в узкую щель. Основные силы корпуса продвигались не столь стремительно. И противник отсёк

танкистов и самоходчиков от корпуса. Начались непрерывные контратаки. Немцы атаковали и окружённых, и боевые порядки корпуса. Танковые бригады понесли значительные потери. Однако окружённых в Уленхорсте всё же удалось деблокировать и отбросить противника.

После короткой перегруппировки танки снова устремились вперёд — мимо южной окраины Уленхорста к каналу. Технику направили по уцелевшему и захваченному разведчиками мосту. Десант автоматчиков бросился переправляться вброд. Каждая минута была дорога. Вскоре вышли к реке Шпрее недалеко от Карлсхорста. Оставленный позади Уленхорст зачищала 27-я мотострелковая бригада полковника К. К. Федоровича^[44].

Вот что писал об операции в районе Уленхорста А. Л. Гетман: «Одна из главных задач командования состояла в том, чтобы не только вовремя увидеть, где появились хотя бы первые признаки успеха, но и без промедления их использовать.

Такое умение — одна из отличительных черт советского военного искусства — позволяло нашим командирам успешно преодолевать, казалось бы, непробиваемые преграды на пути к Берлину.

Оно эффективно проявилось и в методах командования 11-го гвардейского танкового корпуса. Примером тому служат бои за Уленхорст, представлявший собой крупный узел сопротивления. Его многочисленные укрепления, сосредоточенные здесь значительные силы гитлеровцев, по замыслу вражеского командования, должны были остановить наступающих. Однако полковник А. Х. Бабаджанян и его штаб во главе с полковником Н. Г. Веденичевым^[45] противопоставили усилиям врага свой план, с успехом осуществлённый бригадами под командованием подполковника

М. А. Смирнова, полковников И. И. Гусаковского, Н. В. Моргунова и К. К. Федоровича.

В результате, едва обозначился успех 40-й гвардейской танковой бригады на восточной окраине Уленхорс-та и противник начал стягивать сюда свои силы, ослабив оборону на другом участке, как именно там, левее, нанесла удар 44-я гвардейская танковая бригада. Пробившись через южную окраину, она в свою очередь содействовала успеху 40-й бригады. А затем, правее, последовало наступление 45-й гвардейской танковой бригады. В итоге враг был разгромлен и на северо-восточных подступах. Всё это и позволило затем 27-й мотострелковой бригаде во взаимодействии с танкистами очистить Уленхорст от противника и вслед за танковыми бригадами прорваться к Карлсхорсту».

Немцы называли 11-й гвардейский танковый корпус и её командира «чёрной пантерой». Так они обращались к танкистам и артиллеристам в своих агитационных листовках, призывая бросать оружие и сдаваться. Дело в том, что личный состав бригад был одет в чёрные комбинезоны. Да и сам командир корпуса отличался довольно смуглой кожей. А противник хорошо знал, кто стоял перед ним, в том числе и послужной список командира.

Карлсхорст корпус атаковал вместе с частями 8-й гвардейской армии.

Все эти дни 1-я гвардейская танковая армия действовала в полосе наступления общевойсковой армии В. И. Чуйкова. Эта вынужденная подчинённость тяготила танкистов и особенно командарма М. Е. Катукова.

В боях и схватках за Карлсхорст отличился 1-й танковый батальон 40-й гвардейской танковой бригады, которым командовал майор Б. П. Иванов^[46]. Взаимодействуя с приданной пехотой, при поддержке артиллерии, батальон ворвался на восточную окраину

города, высадил десант и начал зачищать дом за домом, квартал за кварталом. Карлсхорст — это уже пригород Берлина. За два дня боёв 22 и 23 апреля вместе с пехотой из состава 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии батальон майора Иванова очистил от противника 30 кварталов, уничтожил до 170 немецких солдат и офицеров, 9 танков и самоходок, 4 полевых орудия, 6 зенитных установок и 36 грузовиков с боеприпасами, захватил 87 пленных.

Многие экипажи, особо отличившиеся в эти дни, попали в наградные списки. Гвардии майор Б. П. Иванов удостоен звания Героя Советского Союза.

На третий день боёв за Карлсхорст из штаба корпуса в политотдел 1-й гвардейской танковой армии полетела телефонограмма:

«Начальнику политотдела тов. Журавлёву.
Соколов.

Доношу, что 23.4.45 г. в 16.00 в пригороде Карлсхорст на авторембазе № 59 было водружено Красное знамя 40-й гвардейской танковой бригады. Водрузили знамя комсорг моторизованного батальона автоматчиков гвардии лейтенант Гогишвили и радист 1-го танкового батальона гвардии старшина Краминов.

24.4.45 г. 18.35.»

Через две недели, а точнее, в ночь с 8 на 9 мая, здесь, в Карлсхорсте, в здании офицерского казино сапёрного училища сухопутных войск, которое временно занимал штаб 5-й ударной армии, стороны, победители и побеждённые, подпишут Акт о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Советскую сторону будет представлять Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Перед каждым боем, где особенно нужна была поддержка пехоты, Бабаджанян встречался или созванивался с командиром 29-го гвардейского

стрелкового корпуса генерал-майором
А. Д. Шеменковым^[47].

Афанасий Дмитриевич, начинавший военную карьеру в лейб-гвардии Преображенском полку, был человеком старой закваски, своеобразным и всегда при своём мнении. Мог возразить начальству. Всегда следил, чтобы его гвардейцев-пехотинцев не сунули головой под колесо обстоятельств. Бабаджаняну, за танками которого генерал Шеменков вёл свой корпус с самого Кюстринского плацдарма, не раз пенял. Вы, мол, танкисты, народ ненадёжный. Соберёшься с вами в бой, а вас перед самой атакой — швырь на другой участок... И правда, такое случалось не раз, когда намеченную совместную операцию пехоте приходилось проводить без броневой поддержки. Мог Шеменков и отменить атаку, перенести её начало на более поздний срок, если его дивизии и полки не успевали подходом в исходные районы или имелись другие причины, могущие сильно повредить корпусу.

Но однажды, в самый, надо сказать, разгар наступления на Берлин, эта хозяйская распорядительность и упорное стояние на интересах своего корпуса основательно подвели характерного Шеменкова.

Перед прорывом третьего рубежа обороны, за которыми уже начинались пригороды Берлина, Бабаджанян с начальником штаба и офицерами оперативного отдела прибыл на КП 29-го гвардейского стрелкового корпуса. Шеменков на этот раз расположился по-царски — в старинном особняке, похожем на замок, среди леса. Остроконечные готические крыши построек, крытые черепицей, массивные дубовые двери и оконные переплёты, толстые стены, выложенные из дикого камня, старый парк с тенистыми аллеями и ухоженными прудами...

«Мы остановились в одном из залов замка, — вспоминал Бабаджанян. — Это библиотека: книги в старинных переплётках до потолка. Нам навстречу вышел сухопарый седоватый человек с погонами советского подполковника, представился. Увы, не вспомню сейчас его фамилии. Он объяснил, что библиотеке этой цены нет, и он специально прибыл сюда из Ленинграда, чтобы сохранить эти бесценные книги.

Наконец, миновав анфиладу залов, добрались до помещения, где работал штаб стрелкового корпуса.

А. Д. Шеменков сообщил мне, что в сроки, предписанные приказом, в восемь часов утра, начать наступление не сможет и переносит его на девять ноль-ноль.

— Но ведь тогда надо доложить по команде в армию — Чуйкову.

Однако уговоры мои не возымели успеха. Стрелковый корпус готовился начать прорыв только в девять часов.

Рано утром появились В. И. Чуйков и М. Е. Катукоев.

— Готовы ли войска начать прорыв? — спросил В. И. Чуйков.

А. Д. Шеменков начал было мотивировать, почему он перенёс час наступления.

— Как «перенёс»?! — вскричал В. И. Чуйков.

Что произошло на КП стрелкового корпуса дальше, я не знаю, потому что М. Е. Катукоев сказал мне вполголоса:

— Тебе здесь делать нечего, скорее в войска — приказ должен быть выполнен в срок!

Приказ был выполнен. Совместная атака ударных групп танкового и пехотного корпусов началась ровно в 8.00. Спустя несколько часов 29-м гвардейским стрелковым корпусом командовал уже другой генерал — один из командиров дивизии. А Шеменков отбыл

принимать дела в другой корпус, на более спокойное направление».

К исходу 23 апреля бригады Бабаджаняна, занимая положение в центре построения боевых порядков 1-й гвардейской танковой армии, вышли к Шпрее в районе Карлсхорста. Справа наступал 11-й танковый, а слева 8-й гвардейский механизированный корпуса. Севернее Берлин охватывала 2-я гвардейская танковая армия Богданова.

Позади остались руины Зееловской оборонительной полосы, линии внешнего и внутреннего обвода, где стояли, медленно остывая остовы сгоревших «тридцатьчетвёрок» и ИСов, иногда вместе с экипажами. Пепел их уже разносил тёплый весенний ветер по чужой земле...

Маршал Г. К. Жуков знал цену той победы. В своих мемуарах он писал: «Следует подчеркнуть роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, которая, выйдя на юго-восточную окраину Берлина, отрезала пути отхода 9-й армии в Берлин. Это облегчило дальнейшую борьбу в самом городе».

Берлинский гарнизон не пополнился дивизиями 9-й армии. Их было пять: 32-я добровольческая гренадерская дивизия СС «30 января», 25-я моторизованная, 712-я пехотная, а также пехотные дивизии «Берлин» и «Дёбериц», не учитывая ещё нескольких дивизионных штабов и отдельных полковых групп. Напрасно Гитлер в те последние дни Третьего рейха забрасывал ОКВ своими телефонограммами: «Где 9-я армия?» Наконец, 30 апреля в 1.00 начальник ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель направил ему ответ: «9-я армия окружена». Армия генерала пехоты Теодора Буссе была зажата в Хальбском «котле», где её перемалывали танки и артиллерия соединений двух фронтов — 1-го Белорусского и 1-го Украинского. Забегая немного вперёд, отметим, что её остаткам

удалось пробиться к позициям 12-й армии генерала В. Венка лишь 1 мая 1945 года. По данным немецких исследователей, из Хальбского «котла» вышли до 40 тысяч человек. Колонна была смешенная — в ней шли и гражданские беженцы. Маятник войны качнулся в обратную сторону, и то, что происходило на дорогах Смоленщины и Подмосковья в 1941-м, теперь происходило здесь, под Берлином.

Однако части вермахта, вырвавшиеся из одного «котла», тут же угодили в другой. Ни Буссе, ни Венк, ни другие генералы и командиры из остатков 9-й и 12-й армий уже не обращали внимания на приказы, поступавшие из Берлина. На следующий день они начали с боем прорываться к Эльбе и уже 3 мая направили к союзникам своих парламентёров.

Утром 23 апреля солдаты 11-го гвардейского танкового корпуса из уст в уста передавали содержание переданного по радио приказа Верховного главнокомандующего: личному составу корпуса объявлялась благодарность за прорыв вражеской обороны и успешное наступление на Берлин. Слова И. В. Сталина солдаты воспринимали как благодарность Родины и потому в бой шли с осознанием высокой значимости своей ратной работы.

В ночь на 24 апреля Катукоев телеграфировал Бабаджаняну: не медля ни минуты, приступить к подготовке и форсированию Шпрее на участке Карлсхорст — Шеневейде, с ходу нанести удар в направлении Трептова, выйти главными силами в район Гёрлитцкого вокзала.

Шпрее на участке, предназначенном для переправы, зажата крутыми, до семи метров, берегами. На другом берегу несколько каналов, которые текут поперёк направления предстоящего удара. Немцы создали здесь мощный противотанковый район, насыщенный

артиллерией и позициями одиночных бойцов, вооружённых фаустпатронами.

Апрельские ночи в Берлине в тот год оказались светлыми. Всю ночь над огромным городом стояло зарево. Вперёд пошла мотострелковая бригада полковника Федоровича с задачей захватить на том берегу плацдарм, закрепиться и обеспечить переправу танковых бригад и корпусных частей.

Третий мотострелковый батальон 27-й гвардейской мотострелковой бригады майора М. С. Безматерных^[48] переправлялся первым. С мотострелками шла противотанковая батарея лейтенанта А. Н. Азарова^[49]. Немцы обнаружили переправу батальона в тот момент, когда первые лодки и плоты уже уткнулись в их берег и началась высадка десанта. Запоздало ударили миномёты. Но бойцы майора Безматерных, не мешкая, уже провели высадку. С противоположного берега их поддержали огнём артиллеристы. Дом за домом очищали роты пространство для плацдарма. Но вскоре противник предпринял контратаку. Пять танков и штурмовые орудия при поддержке пехоты начали теснить мотострелков. Немцы стремились пробиться к батарее лейтенанта Азарова. Чтобы ликвидировать плацдарм, надо было вначале уничтожить артиллерийские орудия и оставить высадившихся без огневой поддержки. Вскоре были ранены оба командира взводов, в некоторых расчётах выбыли из строя наводчики. Чтобы орудия не замолчали и экипажи немецких танков и штурмовых орудий не получили перевеса, лейтенант Азаров перебегая от позиции к позиции, ставил задачи расчётам, а иногда и сам наводил орудия и вёл огонь по приближающимся танкам.

В результате скоротечного боя батальон отбросил противника. Немцы понесли большие потери. Только батарея лейтенанта Азарова уничтожила один танк, два

штурмовых орудия, 12 пулемётов и до двухсот солдат и офицеров гарнизона, оборонявшего этот опорный пункт. Многие бойцы и командиры батареи и мотострелкового батальона были награждены орденами и медалями. Лейтенант А. Н. Азаров удостоен звания Героя Советского Союза.

К утру мотострелковая бригада переправилась через Шпрее, завязала бой в Трептов-парке и продвинулась к железнодорожной насыпи западнее Трептов-парка. Здесь, по приказу командира корпуса, заняла оборону до подхода основных сил.

Тем временем переправа через Шпрее затягивалась. Немцы контратаковали во фланг вдоль реки. В какой-то момент они прорвались к переправе, выдвинули свои орудия на прямую наводку и открыли огонь по понтонам и парому. В осложнившихся обстоятельствах полковник Бабаджанян принял решение повернуть основные силы корпуса в район Кепеника, где завершал переправу соседний 8-й гвардейский механизированный корпус. Первыми выдвинулись танки бригады Гусаковского. Вскоре они уже атаковали немцев в Трептов-парке и, взаимодействуя с батальонами бригады полковника Федоровича, к исходу дня овладели им.

Уличные бои, теснота и ограниченность маневра для танков — смерть. Но война научает многому, в том числе и, казалось бы, невозможному. Штурм Зееловских высот, за которыми последовали не менее упорные бои на внешнем и внутреннем обводах Берлина и промежуточных полосах обороны, стал хотя и кровавой, но важной школой для экипажей. Усвоен опыт штурма городов во время Варшавско-Познанской и Восточно-Померанской операций. Позади были успешные штурмы Кольберга, Нойштадта, Гдыни, Познани и других городов.

С учётом полученного опыта городских боёв по решению Военного совета фронта в дивизиях, полках и

бригадах были сформированы штурмовые отряды. Состав их в зависимости задач и обстановки мог быть самым различным. Иногда: танковая рота, батарея самоходок, батарея противотанковых орудий, разведгруппа, взвод или рота автоматчиков и сапёров-подрывников. Иногда же это была группа автоматчиков до десяти человек, два-три танка и противотанковое орудие или истребитель танков СУ-100.

Танки по узким берлинским улочкам и проспектам, заваленных обломками рухнувших домов и битым кирпичом, шли «ёлочкой». Впереди, прижимаясь к одной стороне дороги, продвигалась «тридцатьчетвёрка» в сопровождении автоматчиков, следом, держа интервал и прижимаясь к другой стороне дороги, шёл тяжёлый ИС, а позади их прикрывала самоходка.

А. Л. Гетман писал: «Очень важную роль в действиях штурмовых отрядов и групп играли отважные разведчики. Так, именно они помогли группе капитана А. Я. Власова^[50] успешно выполнить задачу в районе железнодорожной станции. При подходе к ней наши подразделения были встречены ураганным артиллерийско-миномётным огнём. Наступающим пришлось остановиться. Чтобы подавить вражескую артиллерию, нужно было предварительно установить её местонахождение. Выполнить эту рискованную задачу, требовавшую огромного самообладания и бесстрашия, взялось отделение разведчиков во главе и сержантом Н. А. Прижимовым, не раз отличавшимся в предшествующих боях.

Ползком, от дома к дому, пробирались смельчаки к станции. Вскоре они уже смогли увидеть, что огонь вёл вражеский бронепоезд, причём он оказался на довольно близком расстоянии от нашей залёгшей пехоты. Быстро оценив обстановку, сержант Прижимов подал автоматчикам заранее условленный сигнал и первым бросился вперёд.

Внезапный удар, который танки поддержали сначала с места огнём своих пушек, а затем атакой, привёл противника в замешательство. Воспользовавшись этим, штурмовая группа ворвалась на станцию. Тем временем разведчики во главе с Н. А. Прижимовым, обойдя бронепоезд, гранатами пробили себе путь на одну из его площадок. Уничтожив четверых фашистских офицеров, шестерых солдат и захватив их оружие, они открыли из него огонь по оборонявшейся вражеской пехоте.

В результате хорошо согласованных действий подразделений штурмовой группы станция и бронепоезд были захвачены почти без потерь. Продолжая наступление уже в пределах Берлина, группа капитана А. Я. Власова в течение ночи овладела восемнадцатью кварталами города».

Ещё 24 апреля в пригороде Берлина Адлерсхофе состоялся разговор М. Е. Катукова с командующим войсками фронта.

Катуков доложил об успешной переправе корпусов через Шпрее и готовности армии наступать к центру Берлина.

— Хорошо, — сухо сказал Жуков.

— Товарищ Жуков, до сих пор мы действовали в одной полосе с армией Чуйкова, и он был старшим.

— И это правильно. Претензии?

— В городе, товарищ командующий, обстановка иная. Прошу дать нашей танковой армии самостоятельную полосу наступления в Берлине.

Пауза длилась недолго. Катуков знал: Жуков доверяет танкистам со времён Халхин-Гола^[51]. За спиной командующего злые языки пошучивали: мол, не выветрился из него красный конник — использует танковые войска как кавалерию.

— Действуйте, — сказал маршал и подошёл к карте Берлина. — Вот ваша полоса наступления... По Вильгельм-штрассе направлением на Тиргартен-парк —

к зоопарку. Это уже совсем близко от Имперской канцелярии и Рейхстага.

— Понял, товарищ командующий. Танкисты не подведут!

— Да уж не подведут, знаю.

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте. Только будьте осторожны. Там в каждом канализационном колодце по фаустнику. — И Жуков указал на Вильгельмштрассе. — Танки беречь. Они нам ещё будут нужны. Вперёд — штурмовые группы.

Теперь гвардейцы Катукова наступали, имея чёткую разграничительную линию с соседней 8-й гвардейской общевойсковой армией Чуйкова. Тем не менее при необходимости поддерживали друг друга, когда без прикрытия брони или пехоты преодолеть тот или иной опорный пункт немцев было невозможно.

Солдатское радио работало бесперебойно. Любая весть разлеталась по подразделениям, от окопа к окопу, от пролома к пролому, от окна к окну мгновенно. Утром 25 апреля солдаты и офицеры 11-го гвардейского танкового корпуса узнали, что накануне войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов соединились западнее Берлина. В штабах поговаривали о том, что в результате блокирования Берлина немецкая группировка оказалась рассечённой на две части. А также о том, что с выходом наших войск к Эльбе дорога на Берлин нашим западным союзникам перекрыта.

Чем ближе к центру продвигалась бронетехника корпуса, тем ожесточённее становилось сопротивление оказавшихся в окружении немцев. Улицы, ведущие к Потсдамскому вокзалу, в нескольких местах перегорожены деревянными срубами в несколько рядов, засыпанные землёй и камнями. Трамвайные вагоны, наваленные друг на друга. За каждой баррикадой — несколько пулемётных точек. Улицы насквозь

простреливались противотанковыми орудиями. Орудия ведут огонь из проломов и тщательно замаскированы, их прикрывают пулемётчики и команды фаустников. Кроме того, одиночные фаустники поджидают в окнах полуподвальных помещений и на мансардах. У каждого из них по три-четыре фаустпатрона. Часто это подростки из Гитлерюгенда или фольксштурмисты — последняя надежда Великогерманского тысячелетнего рейха.

Постепенно наступление танковых и механизированного корпусов превращается в медленное «прогрызание» немецкой обороны. Это не только затягивание сроков операции, по поводу чего тогда нервничали все, от штаба фронта до штаба стрелкового батальона, не только сверхнапряжение войск, огромный расход ресурсов, боеприпасов и прочего, но и большие людские потери. Последние залпы, последние бои и схватки в подвалах и на чердаках зданий, в подземных канализационных тоннелях, среди вековых деревьев старинных парков уносили новые и новые десятки и сотни жизней. Пехотинцы и миномётчики, танкисты и артиллеристы, связисты, разведчики, сапёры, тыловики — они гибли в уличных боях в том последнем сражении, которое по мере продвижения к центру Берлина становилось только ожесточённей и яростней.

Но дни Берлинского гарнизона и с ними часы Третьего рейха истекали.

Апрель, 25-е. Девятый день атаки.

По плану «Салют» бомбардировщики и штурмовики 16-й воздушной армии двумя волнами нанесли массированный удар по центру Берлина. Первая волна — 899 самолётов, вторая — 590. В этих налётах участвовали истребители. Дело в том, что в небе по-прежнему появлялись истребители противника. В документах в тот день зафиксировано 27 воздушных боёв. Лётчики истребительных полков доложили о двадцати сбитых «Фокке-Вульфов» FW-190, из них

тринадцать были сбиты над городскими кварталами и рухнули на улицы и дома.

На других участках шли упорные бои. 3-я ударная армия расширяла плацдармы вдоль Берлинско-Шпандауского судоходного канала. Там в качестве ударной группы шла вперёд 150-я стрелковая дивизия генерал-майора В. М. Шатилова. Её поддерживали танки и самоходки 9-го танкового корпуса генерал-лейтенанта И. Ф. Кириченко^[52]. Танковые и механизированные бригады 2-й гвардейской танковой армии успешно «вскрыли» захваченные плацдармы и завязали бой в глубине немецкой обороны, захватили цеха завода в районе Симменштадт и стадион «Олимпия», уже вечером стремительным броском вышли к железнодорожному мосту через Шпрее и овладели им, не дав отступающему противнику взорвать его. По рельсам моста пошли танки и самоходки.

Южнее, в полосе наступления 5-й ударной армии, впереди, как и в прежние дни, успешно продвигался 9-й стрелковый корпус генерала И. П. Рослого. Истекали третьи сутки штурма Берлина. За это время 9-й корпус продвинулся вперёд на 2800 метров. Другие два корпуса армии — 26-й и 32-й — смогли преодолеть лишь до 450 метров.

В секторе Юго-Западной группировки, где атаковали войска 1-го Украинского фронта, складывалась следующая обстановка. 3-я гвардейская танковая армия, совершив широкий маневр с левого фланга фронта на правый, «успешно развивала наступление веером с плацдарма у Тельтова». Танкисты и мотострелки энергично зачистили от противника берлинские пригороды Целендорф, Шлахтзее, Николазее, Берлин-Эйгенхерт и ударили во фланг немецкой группировке, стоявшей на Тельтов-канале и препятствовавшей переправам, и подошли к пригороду Шмаргендорф.

В этот день произошло то, чего опасались в штабах, когда планировали операцию с нечётко определённой раз-гранлинией. Бомбардировщики 1-го Белорусского фронта с больших высот разгрузились на боевые порядки танковой армии П. С. Рыбалко. Убито и ранено до ста человек, разбито и сожжено 16 грузовиков с боеприпасами и тыловым имуществом, 6 орудий. Потери, сопоставимые с потерями в суточном бою бригады или полка.

Бригады 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса генерала Е. Е. Белова^[53] из состава 4-й гвардейской танковой армии с боями пробивалась на Потсдам.

В полосе наступления армий Катуква и Чуйкова наметился успех. Пехота 8-й гвардейской армии захватила подготовленный к взрыву мост через Ландвер-канал. Началась переброска бронетехники и тяжёлой артиллерии. Разведгруппа 11-го гвардейского танкового корпуса на своём участке захватила точно такой же мост через Ландвер-канал. Бригады тотчас начали переправу.

Накануне произошёл курьёзный случай. Разведчики доставили в штаб корпуса группу странных людей. Оказалось — японцы. Бабаджанян тут же позвонил в штаб армии и, едва сдерживая смех, доложил командарму:

— Михаил Ефимович, мои разведчики только что привели японцев. Что с ними делать?

— Какие японцы?! Что за шутки, Армо? Откуда вы взяли японцев?

— Да чёрт их знает. Вышли на наше охранение. Говорят — посольство.

— Японское...

— Так точно. И выглядят как настоящие японцы.

В трубке возникла небольшая пауза.

— Только японцев нам сейчас не хватало... Ладно, шлите их сюда, разберёмся.

Катуков с изумлением наблюдал, как вошедшие в штаб начали вежливо кланяться ему. Как с ними поступить, он не знал. Звонить в штаб фронта глупо.

— Мы хотим наша родина, — сказал один из вошедших, к счастью, неплохо говоривший по-русски. — Фронта — страшно.

Катуков хмыкнул:

— Страшно... Тут теперь всем страшно.

— Товарищ генерал, они же союзники Гитлера! — вмешался в разговор кто-то из офицеров штаба. — Припекло, вот и пришли сдаваться.

Японец, переводивший своим соотечественникам, вежливо, с улыбкой, поклонился.

— Гитлер им сейчас не защитник, — подытожил Катуков. — Ладно, в плен их брать не будем. Какие из них военнопленные? Будем считать беженцами. Дайте им транспорт и отправьте с разведчиком, который их привёл, в штаб фронта. Там, я думаю, в дипломатах больше разбираются...

Самоходчики подполковника Смирнова по приказу командира корпуса наступали через Блюхерплац по Йорк-штрассе. Видя, что Смирнов продвигается успешно, Бабаджанян повернул на его маршрут и остальные бригады. Улицы были перегорожены баррикадами, завалены грудями кирпича и железобетонных конструкций обвалившихся зданий.

В голове колонны гремело и вспыхивало. Там шёл почти непрерывный бой. Оттуда встречным потоком везли и вели раненых. В эти дни были тяжело ранены начальник политотдела 44-й гвардейской танковой бригады подполковник В. Т. Помазнев, командир бригады полковник И. И. Гусаковский, убит майор

Н. Е. Золин, исполнявший обязанности начальника политотдела бригады.

По информации, постоянно получаемой от пленных, корпусу противостояли части дивизии СС «Шарлоттен»^[54], охранные подразделения и батальоны фольксштурма.

В этот день произошло событие, которое история Великой Отечественной и Второй мировой войны поставила в ряд символов, величина и значение которых оцениваются не меньше, чем Знамя Победы над Рейхстагом: 34-й гвардейский корпус генерала Г. И. Бакланова^[55] вышел к Эльбе и встретил вышедшие на западный берег американские войска.

Апрель, 26-е. Десятый день атаки.

В этот день войска 3-й Ударной армии вышли к очередному каналу — Фербиндунгсканалу. 150-я стрелковая дивизия, проведя мощную артподготовку, пошла вперёд, на мост, но вскоре её атака захлебнулась. Не имела успеха и соседняя 171-я стрелковая дивизия. Она к тому часу одним своим полком форсирована Фербиндунгсканал, но противник атаковал при поддержке танков, и плацдарм пришлось спешно эвакуировать. Генерал Богданов погнал свои танки на переправу по захваченному накануне железнодорожному мосту через Шпрее, но немцы открыли огонь из противотанковых пушек. Загорелись «тридцатьчетвёрки», успевшие выйти на мост, и Богданов отменил переправу до наступления темноты. Части и соединения, двигавшиеся к центру Берлина с севера, в этот день безуспешно пытались захватить и расширить плацдармы на другом берегу Шпрее. Но немцы яростно контратаковали при поддержке танков, артиллерии и миномётов и не позволяли нашим частям закрепиться на захваченных плацдармах.

В эту ночь позиции 8-й гвардейской общевойсковой и 1-й гвардейской танковой армий подверглись яростной,

из последних сил, атаке дивизии «Мюнхеберг». Гарнизон Берлина уже несколько суток находился в плотном окружении. Железное кольцо с каждым днём и часом сжималось, давя и перемалывая новые и новые батальоны фольксштурма, полки СС и различные подразделения, зачастую собранные наспех, с бору по сосенке — это было всё, что ещё был способен выставить против Красной армии немецкий вермахт. Снабжение окружённой группировки велось по воздуху. Но аэродром Темпельхоф был уже в руках наступающих. Для того чтобы его вернуть, в бой была брошена дивизия «Мюнхеберг», вернее, то, что от неё осталось. Военный историк А. В. Исаев так описывает эту атаку: «С первыми лучами солнца последние 10–12 танков «Мюнхеберга» в сопровождении немногочисленных пехотинцев пошли в атаку. Она захлебнулась, не успев начаться. Часть танков сразу же запылала — контрудар пришёлся по сильной группировке 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армии»^[56].

На соседнем участке 9-й стрелковый корпус генерала Рослого ломился вперёд, к исходу дня очистив от противника 80 кварталов. Две его дивизии шли в 1-м эшелоне, одна — за ними, зачищая остатки недобитых гарнизонов и групп, не желавших сдаваться.

Армия Катукова в этот день успешно развивала наступление в северо-западном направлении в районе Нейкельна и захватила 30 кварталов. Везде, на улицах и перекрёстках, путь армии к центру города был отмечен горячей бронетехникой противника. Противник не ослаблял сопротивления, маневрировал танками, штурмовыми орудиями, истребителями танков, фаустниками. Достаточно было одного точного выстрела из фаустпатрона, который мог осуществить даже мальчишка из фольксштурма, если его не успевали вовремя обнаружить бойцы штурмовой группы, и

советский танк вспыхивал факелом. Не всегда удавалось спасти экипажи.

На юго-западе части танковой армии П. С. Рыбалко уже дрались на улицах Берлина, шлифуя гусеницами брусчатку окраинных районов Шмаргендорф и Рейгау, захватили железнодорожную станцию. В тот день запертая в Хальбском «котле» немецкая группировка двинулась на прорыв, остатки 9-й и 12-й армий пытались соединиться с Берлинским гарнизоном. Маршал Конев тут же направил наперехват им три стрелковых дивизии и танковую бригаду.

Апрель, 27-е, Одиннадцатый день атаки.

Дивизии 3-й ударной армии в этот день продвинулись лишь незначительно. 33-я гвардейская стрелковая дивизия смогла отбить у противника всего несколько зданий. Причём понесла значительные потери. 79-й стрелковый корпус, накануне сбитый с плацдармов на Шпрее, командарм развернул на новое направление. Удача сопутствовала лишь 171-й стрелковой дивизии: она с боем переправилась через канал и заняла исходное положение для броска на Маобит.

Бригады 2-й гвардейской танковой армии очистили от противника западные пригороды Берлина, окончательно отрезали пути из Берлина к озёрам, куда всё это время просачивались небольшие группы немцев, чтобы уйти к союзникам, повернули на Шарлоттенбург в направлении на Зоологический сад и Тиргартенштрассе.

В этот день генерал Богданов получил усиление — 2-ю гаубичную артиллерийскую бригаду Войска Польского. Бригада была вооружена нашими гаубицами.

Войска 5-й ударной армии до вечера очистили от противника более сорока кварталов. До Рейхстага по прямой им оставалось чуть больше 2000 метров.

Бригады 1-й гвардейской танковой армии не прекращали боевых действий всю ночь. Мотострелковая

бригада полковника Федоровича с начала наступления понесла большие потери. В этих обстоятельствах танковые части Катукова остро нуждались в поддержке пехоты. Как в прежние дни, выручали соседи из 8-й гвардейской армии. В результате совместных действий в этот день они захватили более восьмидесяти кварталов и вышли к железнодорожному узлу в районе южнее Потсдамского вокзала.

В этот день Жуков снова напомнил Катукovu о шансе первым поднять Знамя Победы над Рейхстагом. Тут же в штаб 11-го гвардейского танкового корпуса ушла телефонограмма: «11 гв. тк с прежними частями усиления и 274-м батальоном особого назначения с овладением сетью ж.-д. путей южнее Ангальтского и Потсдамского вокзалов и выходом на рубеж Потсдамерштрассе форсировать канал на участке Потсдамский вокзал, Викторияштрассе и нанести удар на север вдоль Херман-Герингштрассе и овладеть Рейхстагом»^[57]. 274-й отдельный моторизованный батальон особого назначения — это 100 ленд-лизских амфибий Ford GPA, рота управления, две трёхсоставные роты, в которых каждый взвод имел три амфибии, миномётная рота, сапёрная рота, рота обслуживания. На каждой боевой машине — пулемёт. Большая сила!

Можно предположить, что именно на гвардейцев Катукова возлагал свои надежды маршал Жуков, считая, что они смогут прорваться в глубину немецкой обороны, пробить броней и огнём коридор до Рейхстага и водрузить над его куполом Знамя Победы. Потому и выделил из резерва фронтового управления 274-й ОМБОН. Катукov, в свою очередь, выбрал из своих корпусных командиров самого лучшего, дисциплинированного и надёжного.

О том, что происходило дальше, рассказывает генерал А. Л. Гетман: «По решению полковника А. Х. Бабаджаняна 40-я, 44-я и 45-я гвардейские

танковые бригады должны были продвигаться через железнодорожное полотно на север, к центру города, по параллельным маршрутам. Впереди них было приказано наступать 27-й гвардейской мотострелковой бригаде. Её батальонам предстояло первыми форсировать пересекавший путь корпуса канал Ландвер и, захватив плацдарм на его северном берегу, в районе Линкштрассе, обеспечить переправу танковых и артиллерийских частей.

Однако выполнение задачи застопорилось с самого начала. Застопорилось в буквальном смысле, так как 40-я и 45-я гвардейские танковые бригады, выйдя к железнодорожному полотну, не смогли продолжать движения из-за большого скопления здесь танков и автомашин соседних соединений. Что касается 44-й гвардейской танковой бригады, то она, наступая по параллельному маршруту, встретила в районе Меккернштрассе сильное огневое сопротивление и вступила в бой с противником, длившийся до ночи. Здесь вместе с танкистами сражались 1-й и 2-й батальоны мотострелковой бригады. Пройти же через железную дорогу и форсировать канал удалось лишь её 3-му батальону.

Возобновить наступление части корпуса смогли только утром 28 апреля. Вскоре они вышли к каналу Ландвер».

Ударные группы *особого назначения* в эти дни сформировали все армии. Эти группы вырывались вперёд с единственной целью — проломиться к Рейхстагу. Они везли каждый своё Знамя Победы. А порой несколько знамён. Имея каждая свой маршрут, иногда они сходились на переправах. Всем хотелось пройти по мосту или воспользоваться паромом первыми. Никто не хотел уступать.

Танковые корпуса 1-го Украинского фронта на юго-западе Берлина в этот день вели тяжелейшие бои

против дивизии «Потсдам» и других частей противника у острова Ванзее и в районе Фриденау. 9-й механизированный корпус 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко смог выйти на Хауптштрассе, но до Рейхстага ему оставалось ещё восемь километров. Часть сил маршал Конев вынужден был отвлекать на то, чтобы предотвратить возможность прорыва немцев из Хальбского «котла».

Апрель, 28-е. Двенадцатый день атаки.

А. Л. Гетман: «Более благоприятными поначалу были условия на участке 44-й гвардейской танковой бригады, у Блюхерплац. Переправившись через канал, она начала продвигаться по Садрландштрассе, однако наткнулась на сплошные завалы и минные поля. По приказанию командира корпуса бригада возвратилась на Блюхерплац и затем несколько восточнее вновь переправилась через Ландвер. Вслед за ней здесь же преодолела канал 45-я гвардейская бригада. Теперь она двинулась по Садрландштрассе, медленно, шаг за шагом ломая сопротивление противника.

44-я же бригада наступала по Альтякобштрассе, а также по соседним Ланденштрассе, Вильгельмштрассе. К исходу дня ей удалось овладеть семью кварталами и достичь перекрёстка Вильгельмштрассе и Хадеманштрассе.

Ночью, в разгар боёв, в штабе корпуса был получен приказ командующего 1-й гвардейской танковой армией, в котором говорилось, что на 29 апреля назначен общий штурм Берлинской группировки, засевшей в парке Тиргартен и в кварталах северо-восточнее и юго-восточнее. 11-му гвардейскому танковому корпусу с прежними частями усиления ставилась задача очистить от противника парк Тиргартен».

Но участь Рейхстага и его гарнизона была уже предрешена.

Вечером Катуккову позвонили из штаба фронта:

— Говорит майор Иващенко. Приказ командующего: по Рейхстагу огонь не открывать! Повторяю: огонь по Рейхстагу не открывать! Как поняли?

— Понял. По Рейхстагу огонь не открывать.

Катукова этот приказ ошеломил. Он сразу всё понял: кто-то из соседей уже там. Интересно, кто.

— Там уже наши? — спросил он майора Иващенко. — Кто?

— Части генерал-полковника Кузнецова.

Катуков положил трубку. И подумал: опоздали его гвардейцы к Рейхстагу, опередил его Василий Иванович...^[58] Но, несмотря ни на что, дело надо доделывать — гнать танки к Зоологическому саду, добивать противника на своём участке, в зоне досягаемости.

Апрель, 29-е. Тринадцатый день атаки.

Тиргартен — это как раз на пути корпуса к Рейхстагу, в конце Садрландштрассе, по которой с тяжёлыми боями, выкуривая из каждого подвала, из каждой подворотни фа-устников, растаскивая завалы и обезвреживая сотни мин, продвигалась 45-я гвардейская танковая бригада. Ночью до рассвета сюда же была перегруппирована 44-я гвардейская танковая бригада. Стальной кулак для последнего броска «чёрной пантеры» нужен был мощный. По существу, из двух основательно потрёпанных бригад получилась одна, и та неполная.

В полдень началась артподготовка. В ней участвовали все расчёты ствольной и реактивной артиллерии. Били гаубицы большой мощности. Били «катюши». По заранее разведанным и нанесённым на огневые карты целям. По площадям. Били фугасными и бетонобойными снарядами. Атподготовка длилась полчаса. В 12.30 взревели моторы советских танков. Атака началась.

Немцы обороняли каждый дом, контролировали каждый переулок, простреливали всё открытое пространство вокруг зданий. Когда закончилась артподготовка, гарнизоны домов, каждый из которых был превращён в крепость, вышли из подвалов и поднялись к своим огневым позициям. Схватки шли за каждое здание, за каждый подвал, за каждый этаж. Порой они переходили в рукопашные.

К исходу дня бригады зачистили Садрландштрассе из конца в конец. До Имперской канцелярии, где в это время, сбиваясь с ритма, всё ещё стучало сердце Третьего рейха и Гитлер хладнокровно готовился к смерти, танкам Бабаджаняна оставалось всего несколько сотен метров. За комплексом зданий Имперской канцелярии в клубах дыма и кирпичной пыли виднелись очертания заветной цели — Рейхстага. Туда снаряды и мины не долетали. Там — наши. Но гарью и копотью заволакивало всё.

Ряд исследователей утверждают, что наши войска, выполняя приказ командования, напрасно, мол, стремились именно к зданию Рейхстага, ведь он имел чисто символическое значение. Сердце нацистского рейха билось в Имперской канцелярии. Отсюда всё ещё исходили приказы и распоряжения: «Тот, кто отдаст вам приказ об отходе, подлежит, если вы его не знаете в лицо, немедленному аресту, а в случае необходимости — расстрелу, независимо от его звания». Здесь был центр власти. Утверждают, что солдаты и офицеры, прорывавшиеся к Рейхстагу, и не знали вовсе о существовании Имперской канцелярии и её значении. Если верить им, то шансы у танкистов Бабаджаняна захватить Гитлера и его главных подручных были весьма велики.

На фронте всякое бывало. Но Имперская канцелярия фигурировала в приказах разного уровня. К тому же, если Рейхстаг имел только символическое значение, то

почему же его обороняла многотысячная группировка отборных частей, подразделений и команд?

Бабаджян вспоминал, что в ночь на 30 апреля к нему в бункер привели немецкого майора-парламентёра, тот сообщил о готовности гарнизона парка «Генрих-V» сложить оружие, их около девятисот человек, но будет ли им сохранена жизнь? «Я заверил, — пишет бывший командир танкового корпуса, — что всем, кто сложит оружие, советское командование гарантирует безопасность».

Небольшими группами сдавать начали ещё два дня назад, 27 апреля. Теперь, после мощной артподготовки и очередного штурма, желающих выжить становилось заметно больше.

Далее маршал пишет: «Всё теснее становилось кольцо окружения. Особенно яростно сопротивлялись воинские соединения «Мюнхеберг», 11-й моторизованной дивизии СС и другие. Они обороняли центр Берлина, район Тиргартена — зоосад, Рейхстаг, здание гестапо, Имперской канцелярии.

В ночь на 30 апреля танки 44-й и 45-й гвардейских танковых бригад били из своих пушек прямой наводкой по имперской канцелярии.

Никто из нас не знал тогда, что именно здесь, в бронированных подземельях, прячутся Гитлер, Геббельс, Борман и другие главари фашистской Германии и что именно тут разыгрывается финальная сцена трагедии, кончившейся как бессмысленный фарс».

По всей вероятности, придерживаясь политкорректности, Амазасп Хачатурович не указал, что в числе оборонявших Рейхстаг и центр Берлина были французы из 33-й гренадерской дивизии войск СС «Шарлемань» (французской № 1), а также латыши из 15-й гренадерской дивизии войск СС (латышской № 1).

Тиргартен был крепким орешком. Вот что вспоминал о тех боях М. Е. Катукон: «Зоологический сад, за

которым виднеется зелёный массив парка Тиргартен, обнесён железобетонным забором двухметровой высоты. В самом парке возвышались железобетонные бункера, а каменные здания были заранее подготовлены к обороне. Все улицы, ведущие к зоосаду, были перекрыты баррикадами, которые простреливались артиллерийско-пулемётным огнём. Гарнизон сада насчитывал до 5 тысяч человек. Ликвидировать этот последний узел обороны нам предстояло совместно с гвардейцами 39-й стрелковой дивизии».

Эта твердыня и обнесла 1-ю гвардейскую танковую армию возможностью первыми ворваться в Рейхстаг и закрепить на его куполе Знамя Победы.

Что ж, история писала эту страницу по-своему.

Здесь, в боях при штурме Тиргартена, штурмовая авиация 16-й воздушной армии применяла необычную тактику. При поддержке атаки танков и пехоты Ил-2, сопровождаемые истребителями, снижались до предельно низкой высоты и на бреющем пролетали над позициями противника. Это были ложные атаки. Штурмовики летали и «атаковали» ключевые здания и окопы немецкой обороны налегке, без бомбовой нагрузки. Во-первых, при такой плотности атакующих и обороняющихся войск можно было попасть по своим. А во-вторых, Ил-2 был тяжеловат, не мог пикировать, тем более грузёный. Вот и утюжили штурмовики Тиргартен вхолостую, чтобы, пока немцы, опасаясь бомбового удара приближающихся «летающих танков», сидели в подвалах и укрытиях, наша пехота и танки подошли вплотную и ворвались в зону обороны.

Апрель, 30-е. Четырнадцатый день атаки.

Дивизии 3-й ударной армии (171-я и 150-я стрелковые) своими ударными группами ещё в ночь на 30-е сосредоточились перед зданием Рейхстага для атаки. Сюда подтягивали артиллерию большой мощности для стрельбы прямой наводкой. Все

расстояния в битве, приближающейся к своему финалу, сократились до минимума. В 11.30 начался огневой налёт. В нём участвовали и гаубицы калибра 203-мм, и «сорокапятки», и танки, и САУ.

После полудня роты 674-го стрелкового полка подполковника А. Д. Плеходанова из 150-й Идрицкой стрелковой дивизии 3-й ударной армии ворвались в Рейхстаг. Разведчики установили самодельное Знамя Победы на крыше здания, внутри которого всё ещё продолжался бой.

Катукову предстояло покончить с группировкой противника, удерживавшей Зоологический сад. Для этого он развернул 11-й гвардейский танковый корпус Бабаджаняна от Имперской канцелярии на запад, сдав позиции соседнему 4-му гвардейскому стрелковому корпусу армии Чуйкова.

Утром в 9.00 Бабаджанян сосредоточил свои ударные силы в районе парка «Генрих-V» с задачей совместно с 8-м гвардейским механизированным корпусом сокрушить оборону противника в Зоологическом саду, переправиться через канал Ландвер и захватить на том берегу плацдармы.

Задачу танкисты и пехотинцы выполнили. На этом действия 11-й гвардейской танковой бригады в Берлинской наступательной операции оказались завершены. На улицах центра Берлина возникла теснота. Движение танков и техники прекратилось. Войска разбирали баррикады и завалы.

Май, 1-е. Пятнадцатый день атаки.

Ночью состоялись переговоры начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала пехоты Ганса Кребса с представителями командования Красной армии. Кребса в своём штабе встретил генерал В. И. Чуйков, который был уполномочен штабом фронта вести переговоры. Кребс передал Чуйкову папку с документами, среди которых было обращение Геббельса

и Бормана: «Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут самовольно ушёл из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Дёницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождём советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери.

Геббельс».

Чуйков выслушал Кребса и сказал, что «не уполномочен вести какие-либо переговоры с германским правительством и речь может идти только о безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона». Кребс заявил, что без санкции рейхспрезидента Дёница ни Геббельс, ни Борман на капитуляцию пойти не могут. Чуйков связался с Жуковым. Из штаба фронта тут же прибыл заместитель командующего генерал армии В. Д. Соколовский. Переговоры продолжились. Соколовский передал для согласования с Геббельсом предложения, первый пункт которых настаивал на «немедленной и безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона».

Кребс, угостившись коньяком, отбыл со своими офицерами для согласования предложений советской стороны. Вскоре из штаба Кребса был получен отказ.

Сражение закипело с новой силой.

Знамя над Рейхстагом реяло, развивалось. Вернее, их, красных знамён, возвещавших Победу, было несколько. Но теперь советскому гарнизону Рейхстага пришлось их и свои позиции защищать.

В подвалах и подземных лабиринтах под Рейхстагом продолжал держаться отступивший туда немецкий гарнизон — до полутора тысяч солдат и офицеров. В этот день они предприняли отчаянную попытку выбраться наружу и атаковать главный зал. Их встретили огнём и загнали обратно под землю.

Согласно штабным документам 3-й ударной армии, её части понесли в этот день следующие потери: убитыми — 254 человека; ранеными — 893 человека. Слишком большая цена за несговорчивость немецкой стороны.

Потери понесли в тот день и другие армии, войска которых продолжали атаковать и зачищать тыловые кварталы, где всё ещё продолжали упорно сопротивляться окружённые группы немцев, французов, латышей, бельгийцев, шведов и прочих представителей европейских народов, воевавших за идею фашизма и присягнувших Гитлеру.

Вторая гвардейская танковая армия своим 9-м корпусом вела бои в Тиргартене. Танкисты и самоходчики крушили всё на своём пути. Потери составили: убитыми — 19 человек; ранеными — 52.

Май, 2-е. Шестнадцатый день. Капитуляция.

Вскоре после полуночи с немецкой стороны по радио было передано срочное сообщение: «Алло! Алло! Говорит LVI танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 12.50 по Берлинскому времени высылаем парламентёров на Потсдамский мост. Оповестительный знак — белый флаг на фоне красного цвета. Ждём ответа».

Ровно в означенное время на мосту появилась группа немецких офицеров под белым флагом. Их возглавлял начальник штаба корпуса полковник Теодор фон Дурффинг. Он сообщил, что уполномочен командиром LVI танкового корпуса и комендантом Берлина генералом артиллерии Гельмутом Вейдлингом заявить о капитуляции Берлинского гарнизона. Спустя несколько часов через громкоговорители немецким войскам был передан приказ о капитуляции: «Я призываю вас немедленно прекратить сопротивление. Вейдлинг, генерал артиллерии и командующий обороной Берлина».

К 14.00 на позиции 1-й гвардейской танковой армии с белыми флагами вышло 7700 солдат и офицеров. Они складывали оружие, снимали снаряжение и следовали в тыл, на пункты сбора.

Многие солдаты и офицеры стремились попасть к Рейхстагу. В первый день Победы на ступеньках Рейхстага состоялся концерт Лидии Руслановой. После концерта солдаты лихо отплясывали «русского». А бойцы 89-й Таманской (армянской) стрелковой дивизии 33-й армии исполнили танец кочари^[59]. Танец, который во время праздников и особых торжеств исполняют мужчины.

Всё. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Г. К. Жукова завершили свою тяжкую работу и терпеливо принимали пленных.

Одновременно на войска свалилась другая забота.

Маршал А. Х. Бабаджанян вспоминал: «В разрушенном городе не действовал водопровод, не было электроосвещения. В подвалах, засыпанных обломками, томились женщины и дети. Для спасения населения мы организовали специальные команды. Они извлекали из-под обломков людей, оказывали им первую медицинскую помощь. Немало при этом гибло советских солдат, противник заминировал всё, даже жилые кварталы.

Я собственными глазами видел, как наши солдаты заботливо помогали немецким женщинам переносить детей в безопасное место, как отдавали при этом свой солдатский паёк малышам.

Маленькие берлинцы без страха подходили к предназначённым специально для населения походным кухням, протягивали худенькими ручонками свои чашки и тарелки и смешно просили: «Кушат».

«Кушать» — это было первое русское слово, которое они научились произносить.

Повар наливает мальчугану полную кастрюльку. «Данке шён», — говорит мальчуган, но не отходит. «Чего тебе, хлопчик? — непонимающе спрашивает повар. — Ещё налить?» Но ведь у мальчугана больше нет посуды в руках. «Фюр швестер», — объясняет маленький берлинец, тычет пальцем на свою кастрюльку и убегает. «Значит, ещё придёт, — соображает повар».

«Я собственными глазами видел...» Но ведь командир корпуса, полковник, начальник огромного хозяйства был в этих обстоятельствах не посторонним наблюдателем. Именно он отдал приказ в бригады, батальоны и роты, во все подразделения: кормить берлинцев, оказывать первую медицинскую помощь, помогать нуждающимся.

Корпус зачехлил пушки и приводил себя в порядок. В штабах подсчитывали потери и трофеи, писали реляции.

В Берлинской операции гвардейцы 11-го танкового корпуса уничтожили и захватили^[60]:

	<i>Уничтожено</i>	<i>Захвачено</i>
Танков и САУ	224	4
Орудий разного калибра	416	51
Миномётов	235	—
Автомашин	1161	222
Самолётов	35	—
Вагонов	53	150
Паровозов	2	—
Пулемётов	669	69
Складов разных	17	30
Железнодорожных эшелонов	3	12
Солдат и офицеров	13 730	6661

На победителей посыпались награды.

11-й гвардейский танковый корпус приказом Верховного главнокомандующего за образцовое выполнение заданий командования удостоен

наименования Берлинского. Теперь его полное название было таким: 11-й гвардейский танковый Прикарпатско-Берлинский Краснознамённый ордена Суворова корпус. После Победы он остался в составе Группы советских оккупационных войск в Германии со штабом в городе Дрездене. Корпус был сведён в дивизию. Впоследствии 11-я гвардейская танковая дивизия войдёт в группировку войск ГСВГ, примет участие в операции «Дунай» в 1968 году и войдёт в мятежную Чехословакию. В 1991 году она будет выведена из Германии и временно дислоцирована в Белоруссии, там же реорганизована в 11-ю отдельную мехбригаду, затем переведена во Владимир и реорганизована в 44-й танковый полк.

Корпус закончил войну, имея в своём неувядаемом славном списке 43 Героя Советского Союза и одного полного кавалера ордена Славы.

Командир корпуса Герой Советского Союза полковник Амазасп Хачатурович Бабаджанян был представлен ко второй Золотой Звезде. В реляции написано:

«В период операции 1-й Гвардейской танковой армии от р. Одер до Берлина и в боях за овладение столицей Германии г. Берлином 11-й Гвардейский танковый корпус под командованием гвардии полковника А. Х. Бабаджаняна настойчиво и вовремя выполнял все приказы командования фронта и армии.

Во взаимодействии с пехотой 8-й Гвардейской армии корпус прорвал сильно укреплённый рубеж на дальних подступах к Берлину на линии Зеелов — Фридерсдорф, отразил многочисленные контратаки танков и пехоты противника и к 29 апреля 1945 г. вышел к центру г. Берлина.

За время с 16 апреля по 29 апреля 1945 г. корпус уничтожил и захватил живой силы и техники противника: солдат и офицеров — 8450, танков и

самоходных орудий — 103, орудий разных калибров — 262, миномётов — 62, много другого военного имущества и боевой техники.

За образцовое выполнение боевых заданий в операции за овладение г. Берлином гвардии полковника. Х. Бабаджанян достоин награждения второй медалью «Золотая Звезда».

Командующий войсками 1-й ГвТА гвардии генерал-полковник танковых войск М. Е. Катуков.

Член Военного совета 1-й ГвТА гвардии генерал-лейтенант танковых войск Н. К. Попель.

Достоин присвоения звания Дважды Герой Советского Союза. Командующий БТ и МВ 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант танковых войск Н. Г. Орёл.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта Трижды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Члены Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, генерал-лейтенант С. Ф. Галаджев»^[61].

Тогда многих представляли к званию Героя: время было такое, и настроение — всплеск радости и победного восторга. Но и достойных было много. В верхах эти настроения начали потихоньку гасить: война окончена, военные своё дело сделали, нужда в них стала исчезать. В первые ряды начали выступать политики и партийные функционеры.

Золотую Звезду командиру корпуса заменили орденом Суворова 1-й степени. Среди военных и фронтовиков орден весьма почитаемый, считался рангом не ниже Героя Советского Союза. Постановлением председателя Совнаркома СССР И. В. Сталина от 11 июля 1945 года полковнику Амазаспу Хачатуровичу Бабаджаняну было присвоено воинское звание генерал-майора танковых войск.

Война отгремела. Красная армия проводила демобилизацию. Домой, в Россию, в Белоруссию, на Украину, в Армению, Грузию и Молдавию, в другие республики Советского Союза из Германии, Восточной Пруссии, Австрии и Венгрии потянулись эшелоны с победителями. Они возвращались к семьям, к мирному труду. Одновременно в те же дни и по тем же маршрутам на восток спецэшелонами следовала двухмиллионная армия — на Дальний Восток. Предстояло покончить с Квантунской армией Японии.

Генерал А. Х. Бабаджанян продолжал служить и командовать своим соединением. Какое-то время корпус дислоцировался в районе Ферх, а затем его перевели в Даме, где он был реорганизован в дивизию, а бригады переформированы в полки. И вскоре танки своим ходом перебазировались в район Дрездена.

Началась боевая учёба.

В ноябре 1946 года Бабаджаняна направили на учёбу в Москву в Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова. К этому времени академия перешла на мирный, двухгодичный курс. Герои минувших боёв, участники многих операций изучали опыт сражений, удач и поражений, осваивали новые вопросы стратегии, оперативного искусства и тактики. В праздники надевали парадные мундиры, украшенные орденами, вспоминали боевых товарищей и первую рюмку выпивали не чокаясь, за них, заполнивших тот ушедший вдаль берег, навсегда скрытый дымкой времени...

По окончании полного курса А. Х. Бабаджаняна назначили на должность начальника штаба 2-й гвардейской механизированной армии ГСОВГ, а вскоре он возглавил всю армию. В 1956 году армия была реорганизована в 8-ю механизированную и выведена в

Прикарпатский военный округ. В ноябре 1956-го, уже в звании генерал-лейтенанта, Бабаджанян со своими войсками участвовал в походе в Венгрию, где разгоралось восстание населения, не довольного политикой Компартии. Операцию возглавлял маршал И. С. Конев. После возвращения армии в свои казармы командующий был награждён орденом Кутузова 1-й степени, а на генеральских погонах прибавилась ещё одна звезда.

В январе 1958 года последовало ещё одно повышение — Бабаджанян занял пост 1-го заместителя командующего войсками и членом Военного совета Прикарпатского военного округа. Округ был непростым, он охватывал Волынскую, Ровенскую, Житомирскую, Винницкую, Хмельницкую, Тернопольскую, Львовскую, Ивано-Франковскую, Черновицкую и Закарпатскую области Украинской ССР, его штаб находился во Львове. Командовал округом фронтовой товарищ, от которого в сентябре 1944 года он принял командование 11-м гвардейским танковым корпусом — генерал армии Андрей Лаврентьевич Гетман.

Войска округа осваивали новую технику и вооружение, вели боевую учёбу, обустроивали военные городки.

В западных областях Украины в те годы было, мягко говоря, неспокойно. Ещё с весны — лета 1944 года, когда Западная Украина была освобождена от немецкой оккупации, полноправными хозяевами здесь почувствовали националистические формирования. Немцы ушли, новая власть ещё не укоренилась. В этих обстоятельствах отряды ОУН — УПА приступили к созданию своего государства — Украинской соборной самостийной державы (УССД). Если государство они создать не смогли, то армию, пусть партизанскую, полубандитскую, вполне себе сформировали. Основу этой армии составили легионеры расформированных в 1942

году особых батальонов «Нахтигаль» и «Роланд», всевозможных батальонов шуцманшафта, полицаи, в период немецкой оккупации служившие новой власти, дезертиры из Красной армии. Многие прошли подготовку в школах Абвера, в том числе и на территории Германии и Польши, владели навыками диверсионной и разведывательной работы. Когда Красная армия ушла на запад, здесь, в тылу, началась другая война, не менее жестокая. Своими врагами «хлопцы из леса» считали «жидов, ляхов, москалей и комиссаров».

Против вооружённых отрядов ОУН — УПА проводились операции, в которых участвовало до пяти тысяч штыков. В «больших облавах», прочёсывании лесов и гор принимали участие не только спецподразделения внутренних войск, но и армейские формирования при поддержке артиллерии и авиации.

К концу 50-х годов с организованным вооружённым подпольем в Прикарпатье и других областях Западной Украины, с кровавым террором «хлопцев из леса» было покончено. Свою лепту в это внесли войска Прикарпатского военного округа.

Дочь маршала Лариса Амазасповна, вспоминая конец 50-х и ту тревогу, с которой она каждый вечер с мамой и сестрой ждала возвращения со службы отца, рассказывает, что по ночам на улицах Львова гремели выстрелы. Ещё беспокойней жили другие города.

В июне 1959 года последовало новое назначение — командующим войсками Одесского военного округа. Округ сложный, ответственный, пограничный. Офицерам и солдатам округа новый командующий запомнился тем, что много своей энергии уделял строительству жилья для офицеров и их семей, благоустройству военных городков, строительству казарм, оборудованию учебных полей, аэродромов, танкодромов, стрельбищ. При нём был построен стадион с футбольным полем Спортивного

клуба армии (СКА). «За большой вклад в дело укрепления оборонной мощи войск Одесского военного округа и в связи с 60-летием со дня рождения генерал-полковник танковых войск А. Х. Бабаджанян Указом Президиума Верховного совета СССР от 17 февраля 1966 г. награждён орденом Ленина».

Через год старый танкист был назначен на должность начальника Военной академии бронетанковых войск им. Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. В октябре 1967 года был опубликован Указ Президиума Верховного совета СССР о присвоении ему звания маршала бронетанковых войск.

Занимая различные высокие посты и имея самые широкие возможности, генерал Бабаджанян всегда оставался человеком скромным. Однажды произошёл такой случай.

Рабочая группа академии готовила к выпуску фундаментальный научный труд «Танки и танковые войска». Бабаджанян к тому времени имел ряд научных работ. И Учёный совет академии хотел представить его к званию профессора. Он тут же возразил: «У меня достаточно высокое звание — маршал! Хватит для одного человека».

В мае 1969 года последовало новое назначение — командующим бронетанковыми и моторизованными войсками Советской армии и членом Военного совета Сухопутных войск. В апреле 1975 года вышел Указ Президиума Верховного совета СССР о присвоении ему звания главного маршала бронетанковых войск.

Советская армия усиленно перевооружалась в условиях глобальной гонки вооружений, навязанной Советскому Союзу и странам Варшавского договора Соединёнными Штатами Америки и её военными блоками, в первую очередь НАТО. Во многом благодаря настойчивости и заботе командующего о том, чтобы танкисты Советской армии были вооружены

первоклассным и современным оружием, а бронетанковые соединения обеспечены маневренной и надёжной техникой, в это время в конструкторских бюро, а вскоре и на конвейерах заводов появляется уникальная боевая машина — танк Т-64А. В войсках новый танк сразу оценили. Международные эксперты признали лучшим в мире. Автоматическое заряжание, комбинированная броня. Другие боевые характеристики, не имевшие на то время аналогов. Затем танковые полки и соединения получили уникальный по надёжности и комплексу боевых характеристик Т-72. До сих пор во многих странах он стоит на вооружении в качестве основного боевого танка, участвует в боевых действиях, подтверждая свою надёжность и эффективность огневой мощи.

Танк без умелого и опытного водителя, слаженного экипажа, в котором каждый знает своё место, свой маневр и является специалистом своего дела, как не раз подчёркивал Главный маршал бронетанковых войск, просто груда металла. Но и подразделение, оснащённое свехсовременными боевыми машинами, обеспеченное лучшим снаряжением, средствами навигации и связи и даже укомплектованное вышколенными экипажами, но лишённое инженерного и командного звена, хорошей ремонтной базы, тоже не в состоянии выполнить тех сложных задач, которые ставит перед танкистами современный бой. Командующий смог поставить дело в доверенных ему войсках так, что танки и танковые соединения в Советской армии по-прежнему, как и в годы Великой Отечественной войны, оставались мощным аргументом на поле боя.

Корреспондент «Красной Звезды» Виталий Мороз писал: «Я видел Главного маршала бронетанковых войск Бабаджаняна уже в новом качестве — начальника танковых войск Советской Армии под Днепропетровском. Там на учебных полях двух дивизий

в климатических условиях средней полосы одновременно испытывались три образца танка второго поколения — созданный в Харькове Т-64А, в Нижнем Тагиле — Т-72, и в Ленинграде — Т-80. Батальон трёхротного состава эксплуатировал машины беспощадно, на износ, при минимуме техобслуживания, характерного для фронтовой обстановки.

Помню, на берегу реки Самары свободные от занятий офицеры наблюдали, как танки с разными двигателями преодолевали водную преграду по дну. Маршал Бабаджанян, такой же запылённый, чумазый, как и механики-водители батальона, охотно делился впечатлениями:

— Конкуренция между конструкторскими бюро — конечно, благо. Можно сравнивать, сопоставлять. Да только выбирать, отдавать предпочтение трудно. У каждой из машин свои достоинства. И вам, товарищи офицеры, на моём месте тоже пришлось бы ломать голову...

Казалось, что для этого небогатырского сложения человека с большими звёздами на погонах жизнь и танки неразделимы»^[62].

Знал ли он, командир стрелкового полка, только что прославившегося в решительной атаке под Ельней и получившего гвардейское звание, уже явно видевший свою дальнейшую судьбу в пехотном строю, что война основательно, на всю жизнь, усадит его в танк. Что он полюбит этот род войск. Что танкисты станут его второй семьёй и будут чувствовать в нём своего главного покровителя, заботливого командира, армейского «батю».

Из статьи маршала Бабаджаняна для военного журнала «Техника и вооружение»: «Танк остаётся главной ударной и маневренной силой сухопутных войск. Сегодняшний танк — это не только мощная пушка, пулемёт, сильный двигатель, но и радиостанция,

инфракрасные приборы видения и стрельба в темноте, боеприпасы, снаряжение для маскировки, различное оборудование. Нынешний танк ведёт прицельный огонь достаточно эффективно не только с места, но и с ходу. На нём установлено стабилизирующее устройство, обеспечивающее устойчивое положение орудия, даже если танк в этот момент круто нырнул вниз или, наоборот, задрал нос кверху. Танк устойчив к ударной волне, противостоит радиоактивности... При правильной организации боя, чётком взаимодействии со средствами ПВО, хорошо поставленной разведке и наблюдении танки могут вести успешную борьбу и с вертолётами. Конечно, наши конструкторы всё время их усовершенствуют...»^[63]

Заботился главный танкист Советского Союза об оснащении современными боевыми машинами армий союзных стран — Монголии, Польши, Болгарии.

Была у него и ещё одна большая и постоянная забота — депутатская. Бабаджанян неоднократно избирался депутатом Верховного совета СССР, а также Верховных советов РСФСР и Армянской ССР.

Однажды к нему обратилась семья, в которой оба ребёнка имели тяжёлые заболевания. Маршал сразу же понял — беда, детям надо помогать. Одного тут же устроил в лечебный институт, где им занялись специалисты. Другого отправил поправлять здоровье в Евпаторию, в профильный санаторий. Потом долго с ними переписывался и интересовался не только здоровьем.

Детей любил. Мог часами рассказывать о своих внучках. Их у него четыре. «Мои любимые женщины», — шутил он.

В последние годы занимался научно-литературной деятельностью. Война возвращалась, беспокоила память. Как будто возвращался в дымке на тот «заполненный товарищами берег...». Результатом этих

размышлений стала книга мемуаров «Дороги Победы», которая вышла в свет в 1972 году. Ветераны корпуса, бывшие танкисты и самоходчики, мотострелки гвардейских бригад тут же завалили письмами, благодарили, дополняли своими воспоминаниями и впечатлениями. В 1973 году вышла новая книга — коллективный сборник «Люки открыли в Берлине», авторами которого стали ветераны 1-й гвардейской танковой армии генералы Н. К. Попель, М. А. Шалин, И. М. Кравченко и он, маршал, бывший командир 11-й гвардейской танковой бригады и в то время гвардии полковник.

Часто ездил на родину, в Нагорный Карабах, в Чардахлу. Тосковал по родному пейзажу, по четырём горам, по интонациям речи земляков, по звукам дудуки, по древним хачкарам, которыми, казалось, была уставлена вся земля Карабаха. В эти поездки иногда отправлялся вместе с односельчанином Маршалом Советского Союза Иваном Христофоровичем Баграмяном.

Приезжали на родину и тут же собирали застолье. Вспоминали погибших. Чествовали героев. «Из воинов Чардах-лы впору делать полк смертников», — говорили в местном военкомате. Лариса Амазасповна поясняет:

— Говорили так потому, что земляки отца в бою стояли насмерть. Перед боем чардахлинцы по своему обычаю надевали на плечи и спину скрученный белый саван в виде креста. Это означало — идём на верную смерть, готовы погибнуть, защищая свою землю. Каждый хотел, чтобы его род им гордился. Это чувство любви к Родине воспитывалось с младенчества. С раннего детства каждому чардахлинцу внушали: мужчина должен уметь защищать себя, свой род, свой народ. В деревне был культ оружия. В каждом доме были старинные ружья, шашки, сабли. Каждый

мальчишка уже в семилетнем возрасте мастерил себе самострел и выходил с подростками пасти скот.

— Оба маршала, и Баграмян, и Бабаджанян, — рассказывает дальше Лариса Амазасповна, — помогали колхозу в Чардахлы чем могли, доставали технику, машины. Говорят даже, что по распоряжению отца после войны колхозные поля в селе пахали танки. И поле с тех пор называют Маршалским. Что поделаешь, ведь тракторов в те трудные годы не хватало. Когда отец приезжал сюда и видел, что его односельчане копают картошку, он снимал мундир, засучивал рукава и брал в руки лопату. Две девчонки не успевали за ним складывать в корзины выкопанную картошку. А он возвращался — проверял, чтобы ни одного клубня в земле не осталось. При этом повторял: «Работаешь в поле — не бойся навоза, воюешь — не бойся смерти».

А потом все гости и жители села собирались в огромном клубе. В зале на 700–800 человек накрывали столы, выставляли бутылки с водкой и крепчайшим домашним самогоном, который местные жители называли почему-то «ишачья смерть». Когда Баграмяну в первый раз попала рюмка с этим самогоном, он её только пригубил и еле выдохнул: «Что это вы пьёте?!» А Бабаджанян, чтобы не спасовать перед земляками, выпил весь стакан залпом. Оказавшись в родной деревне, маршалы расслаблялись, с удовольствием говорили на армянском языке, который, конечно же, не забыли, делились воспоминаниями детства и юности, рассказывали смешные истории, анекдоты. Когда веселье было в самом разгаре, посылали за своими друзьями детства в соседние сёла. После угощения женщины и дети шли домой, а мужчины собирались в местной сельской школе. Отец садился за свою парту и говорил: «Задавайте жизненные вопросы!» Когда к нему обращались: «Товарищ маршал!», он перебивал: «Говорите — Амаз или дядя Амаз!» Однажды кто-то

спросил его, думал ли он в молодости, что станет маршалом, Героем Советского Союза. И он ответил: «О званиях думать не надо, просто учись воевать, учись Родину защищать. А Родина сама воздаст тебе должное, то, что ты заслужил».

Собрал хорошую библиотеку. Всю жизнь любил книги. Читал много. Самым великим писателем считал Льва Николаевича Толстого. Самым великим поэтом — Михаила Юрьевича Лермонтова. Дорожил томиком пьес Александра Корнейчука с дарственной надписью: «Дорогому Амазаспу Бабаджаняну — выдающемуся полководцу и человеку красивой большой души. Никогда не забуду встречу с Вами в тяжёлые дни войны. Взволнован Вашими воспоминаниями о Великой Отечественной войне. С глубоким уважением и лучшими чувствами АЛЕКСАНДР КОРНЕЙЧУК, 22.1.1971 г.».

Любил театр и вместе со своей семьёй старался не пропустить ни одного нового спектакля.

Умер Бабаджанян 1 ноября 1977 года в Москве в Центральном военном госпитале им. П. В. Мандрыки. Причина смерти: острая сердечная недостаточность, ишемическая болезнь сердца. В 45-м, в апреле, перед атакой на Берлин, маршал Г. К. Жуков, понимая, что, возможно, танковый корпус идёт на смерть, спросил Бабаджаняна, где бы он хотел умереть, в бою или на больничной койке. Бабаджанян ответил, что, конечно, в бою. Жуков ответом остался доволен. Потому что и сам мечтал встретить свой последний час в бою. Как настоящий солдат. Но и тот и другой умерли среди врачей и запаха не пороха, а карболки.

Некролог подписали 46 руководителей партии, правительства, Советской армии. Тело маршала было погребено на Новодевичьем кладбище. На его могиле был поставлен памятник скульпторов А. Шираза и Р. Джулакяна. На постаменте на русском и армянском

языках выгравировано: «Вечная слава великому полководцу».

КОМАНДИР БОЛЬШОЙ ВОЛИ

***Николай Эрастович Берзарин, генерал-полковник,
командующий 5-й ударной армией,
первый комендант Берлина***

1

Весной 1941 года заместитель командующего 1-й Краснознамённой армией Дальневосточного фронта генерал-майор Николай Эрастович Берзарин получил телеграмму от начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова. Телеграмма была зловеще короткой: «Выехать немедленно. Жуков».

Тучи собирались в грозу. Г. К. Жуков, хорошо понимая, что гроза вот-вот грянет, собирал под руку надёжных генералов.

Берзарин ехал в Москву с беспокойным сердцем. Знал, что вот так три-четыре года тому назад нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов вызывал генералов, которых затем при подъезде к столице снимали с поезда сотрудники НКВД и прямиком везли во внутреннюю тюрьму в Лефортово, к следователям НКВД. Только что состоялся арест начальника Управления ПВО РККА Г. М. Штерна, с которым Берзарин служил на Дальнем Востоке. Бывший командующий войсками Дальневосточного фронта к тому времени уже несколько месяцев служил в Москве, руководил противовоздушной обороной Красной армии. Но случилось ЧП: 15 мая 1941 года немецкий транспортный

самолёт Ju-52, минуя посты ПВО, беспрепятственно пролетел по маршруту Белосток — Минск — Смоленск — Москва, где и приземлился на одном из основных аэродромов. Штерна тут же арестовали. Расстреляют его в конце октября под Куйбышевом, а тогда многих допрашивали по делу бывшего начальника Управления ПВО РККА и командующего войсками Дальневосточного фронта...

Немного успокаивало то, что перед самым отъездом из Генштаба позвонил адъютант Жукова и сообщил, что гостиница для него заказана на Чистых прудах. Там Берзарин не раз останавливался во время московских командировок. Ни в голосе, ни в интонации адъютанта не чувствовалось ни подвоха, ни фальши.

В Наркомате обороны СССР дежурный доложил, что его ждут в Главном управлении кадров РККА. В управлении действительно его ждали: вежливый полковник тут же ознакомил с приказом наркома от 26 мая 1941 года № 00190 о назначении генерал-майора Н. Э. Берзарина командующим 27-й армией. Только тут он вздохнул с облегчением. И ещё раз перечитал приказ. Армия стояла на западном направлении на стыке Новгородской и Калининской областей со штабом в районе железнодорожного узла Бологое.

После ознакомления с приказом кадровик достал из сейфа синюю папку с красной звездой — личное дело Берзарина. Протянул новоначенному командарму-27. Раньше читать своё личное дело не позволялось. Вот лист с его аттестацией за подписью командующего Приморской группой войск ОКДВА И. Ф. Федько. Аттестация датирована декабрём 1934 года. В феврале 1939 года Ивана Фёдоровича Федько, командарма 1-го ранга, героя Гражданской войны, кавалера ордена Ленина и четырёх орденов Красного Знамени расстреляли как активного участника «военно-фашистского заговора».

Берзарин пробежал глазами текст аттестации, при этом невольно пропуская смысл каждой фразы через призму нынешних и минувших обстоятельств и событий: «Тов. Берзарин, выдающийся строевой командир с большой волей, хороший методист и организатор боевой подготовки. Участник Гражданской войны. Будучи временно исполняющим обязанности (командира) для особых поручений тов. Берзарин выполнял исключительную работу, связанную с боевой учёбой частей армии. По моему заданию провёл ряд сборов с начсоставом группы. По своей подготовке, опыту тов. Берзарин подлежит выдвижению на должность командира и комиссара стрелкового полка вне очереди.

Командующий войсками группы *Федько*.

Декабрь, 1934 год».

Нет, не всё здесь безобидно. Не всё...

Дальше были подшиты знакомые документы. Ещё одна аттестация, партийная: «Тов. Берзарин защищал людей, впоследствии уволенных из РККА, идя вразрез с мнением политаппарата...» «Недостаточно самокритичен...» Но в целом аттестация положительная.

А вот кое-что из незнакомого. Когда Берзарин перевернул очередной лист, полковник отвернулся к окну. Полковник, конечно, знал этот документ. Хорошо, что бумага, а по сути дела донос, на него, на члена партии Берзарина, осел здесь, в личном деле Главного управления кадров и не был направлен в другой наркомат, к лефортовским спецам. Автор неизвестен, фамилия и подпись старательно вымараны чёрной тушью, осталось только звание: «полковник».

Легко же у тебя, должно быть, складывается служба, полковник, если хватило времени и сил писать такие длинные «характеристики», подумал Берзарин. Чёрт бы тебя побрал, полковник...

Берзарин бегло просмотрел документ:

«Месяца 3–4 назад я слышал, что командир 32 дивизии Берзарин арестован. Я и другие считали, что это так и должно быть, и вот почему:

1. Берзарин был порученцем у Федько не один год, и его в то время считали подхалимом. Он подхалимом и остался — это подтверждает его бывший комиссар Тентов.

2. Берзарин благодаря протекции врагов Федько, Балакирева, Могон скакал, как блоха, добиваясь высокого положения, а именно:

по ходатайству Федько он назначен командиром 77 полка.

Примерно через год, по ходатайству врага Балакирева был назначен начальником 2-го отдела штаба Примгруппы.

Не прошло и года, при участии Могона и Федько — он назначен командиром 32 дивизии.

Будучи в ОКДВА, я слышал удивление быстрой карьере Берзарина всех, кто его знает. И приписывал это его подхалимству и непосредственно его любимчику Федько. Причём никто о нём, как о хорошем работнике, не отзывался. Враги его нахваляли, в частности, я знаю — Могон.

Говорили о Берзарине так: «Берзарин пошёл в гору после того, как он всеми правдами и неправдами достал и оборудовал для Федько мягкий салон-вагон».

Сегодня я слышал от дальневосточников, что Берзарин назначается командиром на сугубо ответственное направление на Посьет.

Считаю своим долгом высказать сомнение в его политической преданности. У меня о Берзарине сложилось мнение, как о подхалиме и участнике в делах врагов.

Считаю необходимым поставить Вас об этом в известность.

Полковник...»

Донос датирован декабрём 1938 года. Тогда уже затихало. Все, кого взяли, были расстреляны, другие, кого не успели взять, но собирались, сами покончили с собой.

Да, что и говорить, знал этот полковник, где щель посуше и куда лучше горящую головешку сунуть... Ведь мягкий салон-вагон был... По поводу сомнения в политической преданности и участия в деле врагов, конечно, чушь собачья! Но вот салон-вагон действительно был.

Между лопаток по спине вниз скользнула холодная струйка.

А хороший метод воспитания у этого кадровика, со злой усмешкой подумал Берзарин, при всём при том всё же испытывая к хозяину кабинета подспудное чувство благодарности.

Кадровик рассказал, что до подписания приказа о назначении на 27-ю армию состоялся разговор между маршалом Тимошенко и Жуковым. Что Тимошенко, ознакомившись с личным делом, выразил сомнение. Но Жуков решительно настоял на назначении: «Смелый, решительный командир. Армию ему можно доверить вполне». — «Но как же письмо?» — «Письмо... Это не письмо. Таких цидулек нам ещё насочиняют. Пятая колонна... Фактически помогают Гитлеру».

Потом в буфете они пили кофе с бутербродами. Говорили о семьях. Разговор был хороший. Спокойный. Непринуждённый. Кадровик расспрашивал о Дальнем Востоке. Берзарин — о 27-й армии, о командирах. С этим настроением на следующий день он и отбыл к новому месту службы.

В Бологое прибыл к вечеру. И всю ночь просидел над штабными документами, входя в курс дел и пытаясь понять положение армии, состояние её частей и соединений.

На 27-ю армию его назначили временно, для «наведения порядка». Нарком заверил, что скоро последует перевод в Прибалтику. Сказал во время встречи: «Начальник Генерального штаба рекомендует вас как смелого и решительного командира. Такие нам нужны там, поближе к границе». Тогда же и договорились с С. К. Тимошенко, что семью из Хабаровска можно сразу перевозить туда, «поближе к границе».

Вскоре Наталья Никитична с дочерьми из Хабаровска переехала в Ригу. Берзарин отправил своего адъютанта, чтобы помог семье с переездом и устроиться на новом месте. Вскоре адъютант вернулся из Риги и передал просьбу жены увезти её куда угодно, только бы подальше из Риги. Рига Наталье Никитичне не понравилась, и прежде всего отношением рижан к русским, к мигрантам, к переселенцам. Берзарин тут же перезвонил в наркомат, и там проблему решили сразу и радикально: пусть семья не распаковывает чемоданы и ближайшим же поездом возвращается в Москву — «жилплощадь генерал получит в российской столице».

В глубине души он надеялся, что, возможно, квартиру дадут в родном Ленинграде. Но — Москва так Москва...

Очень скоро он будет благодарить судьбу, что с местом проживания семьи сложилось так, как сложилось.

2

Родился Берзарин в Санкт-Петербурге 1 апреля 1904 года.

Отец, путиловский рабочий, слесарь, неплохо зарабатывал и вполне мог прокормить большую семью. Рождению сына был рад. До этого родились две девочки.

Сына назвали Николаем. После него родились ещё две сестры.

Мальчик рос шустрым, хватким. Рано выучился читать, и ещё до школы одолел несколько книжек. Когда поступил в начальную школу, за один год смог усвоить программу и 1-го, и 2-го классов. Так что на следующий год пошёл сразу в третий класс.

В 1913 году Николай Берзарин поступил на вечерние курсы и получил специальность переплётчика. Работал в типографии. Профессия переплётчика ему понравилась. Цех тихий, не то что печатный, там шум, грохот. Рядом работают наборщики. Ловко набирают из касс — металлических ящичков — отлитые из металла буквы, складывают в слова и фразы, верстают целые страницы. Потом оттискивают на бумаге, вычитывают, не случилось ли ошибки. Если находилась ошибка или какая-либо пометка, тут же поправляли. Снова делали оттиск.

Переплётным делом он овладел быстро. Кожа, картон, бумага, клей. Оттиски краской, золотом. Присматривался к работе старых мастеров, перенимал различные тонкости и секреты. У тех книги получались — как шкатулки из мрамора. Ни морщинки, ни марашки. Между делом переплёл свою старую «хрестоматию» с картинками, подаренную отцом. По ней он учился читать. В ней сказки, стихи, рассказы любимых писателей. Младшие сёстры были довольны — теперь «хрестоматия» перешла к ним.

Так бы и работал Николай Берзарин в переплётном цехе, одевал в кожу тома Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и зарабатывал бы на жизнь своим мастерством, если бы однажды среди заготовок, которые шли внутрь переплёта, подклеивались для прочности и жёсткости, не попался плакат, который призывал молодёжь молодой Советской России вступать в ряды Красной армии.

Политикой Николай не интересовался. Революционные волнения и вихри пролетели мимо, не задев ни его самого, ни его семью. В автобиографии потом так и напишет: «В забастовках, стачках активного участия не принимал, на рабочие демонстрации ходил, и обе революции прошли у меня на глазах, активно собирал листовки, разбрасываемые по городу, и передавал рабочим, матросам и солдатам...» Этим занимались все питерские мальчишки. Да и надо было внести в автобиографию хоть что-то в духе времени, революционное.

На картонке плаката был указан адрес, где велась запись добровольцев.

Его, физически крепкого и знающего грамоту, определили в пулемётную команду. Пулемётчики — элита пехотного полка. Пулемётная команда — 60 бойцов при восьми пулемётах. Но было в уставе пулемётной команды, кроме всего прочего, роковое предназначение: во время отступления полка она отходила последней, прикрывая батальоны своим огнём. А это, как потом оказалось, было непросто. Пулемётчиков в плен не брали.

Прощай, переплётное дело! Запах кожи, типографской краски и клея! Прощайте, девушки из наборного цеха!

Даёшь запах казармы и ружейного масла! Даёшь пулемёт, тяжёлый, как могильная плита! Даёшь огонь «крестом» и «веером»!

Дома его ждали сёстры. Старшие уже вышли замуж, жили отдельно. А за младшими надо было присматривать. Родители ушли из жизни рано. Отец в 1917 году. Мать немного позже.

Однажды в новенькой красноармейской форме, в скрипучих ремнях, пахнущих заводской добротной кожей, пришёл на побывку. Принёс подарки. Сёстрам

свидание со старшим братом, которым был им теперь вместо отца, — настоящий праздник.

Вскоре полк ушёл на фронт. Летом 1919 года в портах Мурманска и Архангельска высадились англичане, французы, американцы и канадцы. В Кемском крае хозяйничали финны. Белогвардейцы всюду проводили мобилизацию в подконтрольных уездах.

Под Шенкурском полк в составе 6-й полевой армии участвовал в масштабной и, как оказалось, решающей операции. «Максимы» пулемётной команды работали так, что вторые и третьи номера едва успевали набивать патронами и подавать ленты, а в кожухах то и дело закипала вода. Иностранные легионы пытались контратаковать. Но пулемётчики пресекали всякую попытку приблизиться к позициям полка — «крестом», «веером»...

В вещмешке в чистой паре портянок юный первый номер хранил заветную книгу. Он захватил её из дома. «Неволя и величие солдата» Альфреда де Виньи^[64]. Купил её у букиниста и переплёл перед самым уходом в Красную армию. В минуты тишины доставал книгу, раскрывал наугад и читал страницу за страницей. «Неволя...» была уже не раз прочитана от начала до конца, и теперь он пытался осилить и осмыслить те места, которые пока оставались неясными, противоречивыми, похожими на цель, которая вроде и определена, и достигаема, постоянно уклоняется. Мысли металась между идеалом, о котором он мечтал, уходя добровольцем в Красную армию, между *величием солдата*, и тем, жестоким и грубым, пахнущим потом, мочой и кровью, чем пах каждый окоп и каждая стоянка в пути, что и было, как ему казалось, *неволей солдата*. Он тогда ещё и не предполагал, какими картинками и какими страданиями время наполнит то и другое.

Шенкурская наступательная операция закончилась триумфом Красной армии. 6-я армия наголову разбила

противника. Союзники ничего не могли противопоставить мощному напору красноармейцев. Канадско-американские войска побросали свои позиции вместе с артиллерией, несколько хорошо укреплённых линий вокруг Шенкурска, и налегке отступили через замёрзшие болота, спасая самое ценное — свои жизни. В портах началась спешная погрузка на корабли, всё это время стоявшие на рейде. Угроза прорыва иностранного корпуса на Пермь с целью соединения с войсками А. В. Колчака и общей атаки на Москву миновала. В столицах вздохнули с облегчением. Захваченные трофеи восхищали своим количеством и разнообразием: пушки и гаубицы, пулемёты «Льюис», «Виккерс», «Гочкисс», винтовки (около двух тысяч) «Ремингтон», «Энфилд», «Манлихер», «Лебель». Большое количество боеприпасов: тысячи снарядов и гранат, три миллиона патронов.

Судя по захваченному арсеналу, планы Антанты в России были большими.

Пулемётчики, приводя в порядок трофейные «Гочкиссы», бережно протирали тонкие стволы, латунные рукоятки, с любопытством разглядывали пластинчатые обоймы на 25 патронов, раскладывали и складывали массивные и удобные треноги. Рассуждали так:

— Эти мерикашки — вояки так себе. А вот пулемёты у них — ничего себе...

Берзарину тоже достался «Гочкисс». Взамен «павшему» в бою товарищу «Максиму» — в трёх местах продырявило пулями кожух, осколком снаряда повредило затвор, и пулемёт отправили в ремонт.

Молодой пулемётчик быстро освоил новое оружие. Когда выпадали свободная минута, открывал Альфреда де Виньи. Книга, как и пулемёт, всегда была рядом.

Солдатская воля тяжка и неумолима, как железная маска безымянного узника, и придаёт физиономии любого военного что-то однообразно бесстрастное.

Вот почему, когда смотришь на какой-нибудь полк, можно заметить, что солдатские лица выражают обычно скуку и недовольство. Усталость, вдобавок, накладывает на них морщины, солнце сообщает им своеобразную желтизну, и преждевременная старость бороздит черты тридцатилетнего мужчины. И вместе с тем есть некая общая идея, которая придаёт порою всем этим собранным воедино суровым людям красоту подлинного величия — идея Самоотречения. Самоотречение воина — это крест ещё более тяжкий, нежели крест мученика. Нужно очень долго носить его, чтобы понять, сколь велико и страшно это бремя^[65].

Берзарин вглядывался в лица своих товарищей, но не замечал ни особой скуки, ни радости. Усталость отяжеляла их плечи и лица только после боя. Но они были молоды, и достаточно было двух-трёх часов сна и котелка наваристой каши, чтобы лица товарищей снова просветлели, а морщины усталости исчезли.

В 1921 году, когда на большинстве фронтов операции Красной армии закончились успехом, Берзарина направили на учёбу на Смоленские командные пехотные курсы, которые курировал сам командующий фронтом М. Н. Тухачевский. Тот не раз бывал на занятиях, проводил с курсантами беседы. Берзарин и его однокурсники слушали героя Гражданской войны, командарма-7, войска которого были дислоцированы в Смоленске и его окрестностях, затаив дыхание. Многие втайне мечтали о такой же военной карьере.

Именно Тухачевский во время одной из бесед и сообщил им, курсантам, что в стране вспыхнул мятеж — взбунтовались матросы и гарнизон Кронштадта. Вскоре

сорокатысячная 7-я армия, усиленная сводным, до трёх тысяч, полком курсантов, заняла исходные для атаки на островной город и окружающие его форты.

После основательной обработки крепости артиллерией 7-й армии по льду Финского залива двинулись густые правильные цепи передового отряда. Это пошли на приступ Смоленские курсы красных командиров. Им-то, этой первой волне, и досталось больше всего. В первую волну Берзарин не попал. Судьба в тот раз горькой чашей обнесла, берегла его для другой... Он стоял во 2-м эшелоне и с ужасом смотрел, как лопался, расходился и вставал дыбом лёд от ответного огня крепостной артиллерии, как волокли назад по белому снегу его товарищей с перебитыми ногами и руками, оставляя кровавые следы. Уцелевшие возвращались подавленными. На войне, в бою, пули попадают и ранят не только тело...

Готовилась вторая волна. В горячке неудачи первой атаки М. Н. Тухачевский приказал расстрелять первых попавшихся под руку из командиров и бойцов морского дивизиона, расквартированного в Ораниенбауме (поддержали кронштадтцев), и полка, отказавшегося идти в атаку. Расстреляли телеграфиста — «за распространение провокационных слухов», за «дезертирство» расстреляли нескольких курсантов из первой волны: во время атаки, когда цепи залегли, они поползли назад.

Перед новой атакой их пришли напутствовать М. Н. Тухачевский и И. Ф. Федько. Федько, несмотря на особые обстоятельства, как всегда, выглядел щеголеватым. Ходил перед строем как на пружинах. Позванивали малиновым звоном редкой ручной работы «савельевские» шпоры. Зачитали приказ: «В ночь с 16 на 17 марта стремительным штурмом овладеть крепостью Кронштадт... Движение колонн Северной группы начать в 3 часа, Южной группы — в 4 часа 17 марта...» Берзарин

со своими товарищами был в Северной группе. Она начала своё движение со стороны Сестрорецка. Пулемёт волокли вдвоём со вторым номером. Впереди толкали санки с мешками, наполненными песком. Без них нельзя. Если доберутся до стен форта, придётся вести огонь, и мешки станут бруствером. Обмотались патронными лентами. Ноги отяжелели. То ли затекли и замёрзли, когда ждали начала атаки, то ли от страха. Со стен фортов заметили их цепи, открыли огонь. Засвистели над головой снаряды, зафырчали осколки. Товарищи бегут, подбадривая себя свирепыми возгласами и криками. Один упал, другой, ещё двое... Впереди разорвался снаряд. Другой чуть погодя позади. Вилка! «Ложись!» — кричит второй номер и толкает его на мокрый лёд. Взрыв! Окатило ледяной водой. Полынья в двух шагах впереди. Дымится, качается, затаскивает в своё чрево санки с песком и пулемёт. Пропал пулемёт... Где ящик с гранатами? Ящик цел. Хоть гранаты не снесло взрывом. Схватили ящик, побежали вперёд, к отвесной стене. Добежали. Там уже перекинули верёвки, полезли вверх. Мигом залетели на стену, как хищные звери в погоне за добычей, вместе с ящиком гранат. Набросились на оружейную прислугу. Добивали прикладами, кололи штыками, топтали сапогами. После первой схватки появились лишние винтовки. Разобрали их. Побежали дальше. По улицам города. От дома к дому. Кололи, били, крушили. Раненых матросов добивали. Пленных вначале не было. На Якорной площади сбились в кучу матросы и солдаты мятежного гарнизона. Некоторые уже бросили оружие, некоторые были обезоружены. Но накатила новая волна, и их обступили и начали колоть штыками, убивать прикладами. Они кричали разбитыми ртами, падали на колени, молились...

Атакующие, как показало дело, хорошо усвоили следующий пункт из приказа М. Н. Тухачевского:

«Жестоко расправляться с мятежниками, расстреливать их безо всякого сожаления... пленными не увлекаться».

По итогам операции начальник курсов в числе прочих объявил Берзарину благодарность.

Он будет уже носить полковничьи петлицы, когда в Ворошилове-Уссурийске в гарнизонной библиотеке найдёт старый журнал со статьёй М. Н. Тухачевского «Борьба с контрреволюционными восстаниями». Тот, кто послал их «на кронштадтский лёд», писал: «Несмотря на малую численность Северной группы, за неё всё время можно было быть спокойным. Задача на долю Северной группы выпала почти невыполнимая. Ей предстояло взять открытой силой пять неприступных фортов, обнесённых колючей проволокой и фугасами, и после этого ворваться в цитадель Кронштадта...

Северная группа наступала с какой-то стальной отчётливостью...

Атака фортов курсантами беспримерна по своей смелости, натиску и единству действий».

Солдат — человек, нанятый за сольду, т. е. за жалованье, — это гордец, вызывающий к себе чувство жалости; это одновременно и осуждённый, и палач, это — козёл отпущения, постоянно приносимый в жертву своему народу и ради своего народа, который над ним потешается; это — мученик, ожесточённый и вместе с тем безропотный, которым попрекают друг друга то Власть, то Нация, непрестанно враждующие между собою.

Смоленские курсы Берзарин окончил в 1923 году с отличием и был направлен для прохождения дальнейшей службы в Забайкалье, где получил должность командира пулемётной команды и взвода в 5-м Амурском стрелковом полку 5-й Амурской стрелковой дивизии. В те годы по тайге бродили банды из остатков

Азиатской конной дивизии барона Р. Ф. фон Унгерна-Штернберга, в отдалённых станицах и на хуторах жили, затаившись, офицеры из армии А. В. Колчака, из отрядов атамана Г. М. Семёнова, генералов В. О. Каппеля и А. Н. Пепеляева. Из Харбина, ставшего в те годы центром русской эмиграции, время от времени пробирались вооружённые группы, в основном из числа белых офицеров: вели антисоветскую агитацию, расправлялись с партийными активистами, жгли советские учреждения. Оперативники местных отделов ОГПУ и отряды ЧОНа с ними не справлялись. Приходилось привлекать расквартированные поблизости части РККА. Берзарину довелось участвовать в нескольких таких операциях.

В 1925 году Берзарин женился на Наталье Никитичне Просенюк, 1904 года рождения, служащей сберкассы. Брак зарегистрировали^[66]. В 1926 году родилась дочь Лариса, в 1938 году вторая — Ирина.

В 1925 году Берзарин поступил на курсы «Выстрел», слушал лекции известных военных теоретиков В. К. Триандафиллова, А. В. Кирпичникова, Н. Н. Шварца, Е. А. Шкловского, А. А. Самойло и др. А через два года окончил Курсы комсостава Сибирского военного округа в Омске и был направлен в Иркутск на должность начальника учебной части Курсов усовершенствования комсостава. Там его избрали секретарём курсовой партийной организации.

Иркутские курсы усовершенствования командного состава — это почти три тысячи человек, включая преподавателей и обслуживающий персонал. Здания, учебное оборудование, подсобные помещения, полигон. Хозяйство большое. Одновременно Берзарин исполнял еще и обязанности коменданта города. Начал подкручивать дисциплину. Армейские в последнее время разболтались, пьянки-гулянки. Милиция в те годы не имела полномочий задерживать или каким-либо

другим образом воздействовать на военных. Нужна была твёрдая рука. Комендантский патруль стал хозяином города. Под присмотром комендатуры теперь работали все питейные заведения, рестораны и даже столовые, где в буфетах наливали.

В Москву полетели жалобы. Жаловались и сигнализировали, разумеется, не по поводу ограничения торговли спиртным и сокращения работы питейных заведений. А здесь, в Иркутске, ворчали: «Здесь Сибирь, а не Филадельфия. Доведёт нас этот комендант до «сухого закона»...»

Но порядок был наведён.

В 1929 году грянул конфликт на КВЖД. Началось с нападений ватаг хунхузов на станции и поезда. Стало очевидным, что за беспорядками на КВЖД и разбоем хунхузов стоит антисоветская политика губернатора северных провинций Китая и Маньчжурии. Под своей рукой он имел большую армию. Ему подчинялась полиция. Полицейские захватили телефонную станцию КВЖД. Арестовывали работников и служащих железной дороги. Группы неизвестных постоянно обстреливали советские пограничные посты. Появились убитые и раненые. Правительство СССР, чтобы пресечь провокации китайской стороны, разорвало с Китаем дипломатические отношения. Последовал приказ командующему войсками на Дальнем Востоке В. К. Блюхеру: погасить конфликт силой оружия.

Китайцы двинулись двумя армиями численностью до 370 тысяч. Сабельные эскадроны были укомплектованы в основном бывшими офицерами и солдатами белых армий.

В открытом бою войска РККА, численно значительно уступавшие китайцам, нанесли им ряд чувствительных поражений, после которых китайское командование запросило перемирия.

В тех боях Берзарин командовал стрелковым полком. Кстати, в соседнем полку ротой командовал будущий защитник Москвы А. П. Белобородов^[67]. А 5-ю отдельную Кубанскую кавалерийскую бригаду, принимавшую участие в тех же боях, в атаку водил будущий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

В декабре 1929 года советская и китайская стороны подписали протокол, по которому КВЖД вновь признавалась совместным советско-китайским предприятием.

В 1933 году Берзарина перевели в Приморскую группу войск, штаб которой размещался в Ворошилове. Группой командовал старый знакомый — Иван Фёдорович Федько, бывший командир стрелковой бригады на кронштадтском льду. Через два года Берзарин получил полк — 77-й в 26-й стрелковой дивизии. Как отмечают биографы Н. Э. Берзарина, командуя полком, «он проявил себя отличным методистом, умелым организатором боевой и политической подготовки».

В августе 1937 года полковника Берзарина назначили начальником 2-го отдела штаба Приморской группы войск. В тот год японцы ввели войска в Северный и Центральный Китай, заняли ряд провинций на территории Маньчжоу-Го и начали развертывать здесь свои воинские части. Вскоре численность личного состава Квантунской армии достигла миллиона солдат и офицеров. Это была решительная попытка островного государства расширить свои владения за счёт материкового соседа.

В июне 1938 года Берзарин вступил в командование 32-й стрелковой дивизией. Уже через месяц из штаба Особой Дальневосточной армии за подписью маршала Блюхера пришла телеграмма: 32-й стрелковой дивизии выдвинуться в район залива Посьета, к озеру Хасан.

Накануне рота солдат Квантунской армии сбила пограничные заставы, перешла границу и захватила сопку Заозёрную. Пограничники вступили в бой. Японцы увеличили свою группировку до двух пехотных дивизий и двух бригад, усилили танками и авиацией и заняли сопку Безымянная.

Тридцать вторая стрелковая дивизия, совершив многокилометровый марш по ущелью Сихотэ-Алиня, силами двух передовых полков с ходу, стремительной атакой заняла сопку Заозёрная. Спустя час таким же решительным броском, сблизившись с неприятелем до расстояния броска ручной гранаты, овладели сопками Чёрной и Безымянной. Советским стрелкам достались большие трофеи и много пленных.

Седьмого августа японцы начали интенсивно контратаковать с целью вернуть утраченные позиции. В бой были введены элитная 19-я пехотная дивизия, танки, артиллерия. Японская авиация непрерывно наносила бомбовые удары. Но к 10 августа японцы выдохлись: атаки прекратили, начали собирать убитых. 19-я пехотная дивизия потеряла убитыми и ранеными более трёх тысяч человек, много боевой техники, самолётов. Полки Берзарина тоже стояли на месте, атаковать было нечем.

Из представления к награде командира 32-й дивизии: «Командир 32-й стрелковой дивизии полковник Берзарин Николай, член ВКП(б) с 1926 года, в РККА с 1918 года. В боях с 5 августа по 11 августа возглавлял действия 32-й стрелковой дивизии.

Несмотря на ряд недочётов в ходе операции, командир дивизии Берзарин организацией боя и поднятием боевого духа бойцов в значительной мере повлиял на успешное выполнение боевой задачи 32-й стрелковой дивизии и содействовал полному овладению и удержанию высоты «Заозёрная».

Не прекращал непрерывного управления боем при интенсивном обстреле командного пункта.

Достоин награждения орденом «Красное Знамя».

Своим хасанским орденом Берзарин гордился всю жизнь.

Несмотря на общий успех операции, в ходе военных действий обнаружился целый ряд недостатков, которые в иных обстоятельствах могли стать роковыми. Берзарин видел всё это и тяжело переживал. Жизнь офицера РККА того времени протекала в таких условиях, что поделиться своими сокровенными мыслями и переживаниями, пусть даже они касались сугубо служебных дел, было нельзя. Опасно.

Из приказа наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова: «Военная подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздёрганы и небоеспособны, снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр военных действий к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)». К батареям, выдвинутым на огневые, не подвезли снарядов. Винтовки не пристреляны. Во время тревоги некоторые бойцы оказались и вовсе без винтовок. Обувь в некоторых подразделениях изношена до крайности и не вынесла марша, так что солдаты вступили в бой по существу босиком. Командирам и штабам не хватало карт районов, где предстояло действовать их войскам.

Двадцать первого октября 1938 года арестовали Блюхера. Через полмесяца он умер в тюрьме.

Карьера же Берзарина после успеха у озера Хасан быстро пошла в гору. В феврале 1939 года его назначили командиром 59-го стрелкового корпуса ОКДВА, в июне 1940 года присвоили звание генерал-майора, в июле 1940 года он получил пост заместителя

командующего 1-й Краснознамённой армией Дальневосточного фронта.

Новый, 1941 год принёс много событий и новых назначений.

3

Западнее уже шли бои. 27-ю армию включили в состав Северо-Западного фронта. Вскоре последовал приказ — выдвигаться вперёд вплоть до соприкосновения с противником, прикрыть город Холм. Первые же бои показали, что армия противостоит сильному и гибкому противнику, который в совершенстве владеет тактикой современного боя, искусно маневрирует, при этом быстро увязывает вопросы взаимодействия родов войск в зависимости от обстоятельств. Где-то ударит танками, где-то авиацией, где-то тем и другим одновременно. Концентрирует силы на узких участках, в особенности танковые и моторизованные, взламывает оборону и молниеносно действует на охват. 27-й повезло, она не попала под каток танковых клиньев немцев в период крупных операций, когда от армий, оказавшихся на острие удара, оставались одни ошмётки. Дивизии и артполки её сохранили материальную часть и представляли большую силу. Армия получила участок обороны в районе Валдая.

В конце октября 1941 года Берзарин силами до двух дивизий (33-й и 28-й стрелковых) предпринял контрудар. В ночь на 30 октября войска переправились через озеро Селигер по заранее разведанному маршруту, захватили несколько населённых пунктов и начали энергично расширять плацдарм. Противник отступил и вынужден был подтянуть резервы к цепи своих опорных пунктов.

Контрудар под Старой Руссой. Август 1941 года. Против наступавшей на Ленинград группировки группы армий «Север» Ставка бросила четыре армии Северо-Западного фронта: 11-ю, 34-ю, 27-ю и 48-ю, а также семь стрелковых и кавалерийских дивизий резерва. Они должны были ударить во фланг противнику, наступающему на Ленинград. Основная роль отводилась 34-й армии генерала К. М. Качанова^[68]. В первые месяцы войны, в боях под Даугавпилсом и Псковом Кузьма Максимович умело командовал 24-м стрелковым корпусом 27-й армии. Учитывая его успехи и опыт, командование назначило генерала Качанова на 34-ю армию. Его предшественник явно не справлялся с управлением войсками в боевой обстановке. Такое явление тогда было частым.

Ранним утром 12 августа генерал Качанов повёл свои дивизии в наступление и наскочил на встречный удар X немецкого армейского корпуса. Завязались жестокие бои. 34-я армия продвинулась в глубину немецкой обороны на 40 километров и через два дня достигла железной дороги Дно — Старая Русса. Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб, чтобы остановить наступление русских, вынужден был перебросить в этот район дивизию СС «Мёртвая голова», а также 3-ю моторизованную дивизию. Группировкой командовал один из лучших танковых командиров вермахта Эрих фон Манштейн. К отражению советского контрудара был привлечён VIII авиакорпус барона Вольфрама фон Рихтгофена.

Наступавшую на левом фланге 27-ю армию немцы остановили восточнее Холма. Но Берзарин, выполняя приказ комфронта, упорно продолжал атаки. Начальник Генштаба сухопутных войск вермахта Франц Гальдер 18 августа 1941 года записал в своём дневнике пересказ телефонного разговора с фон Леебом: «Он сообщил мне,

что крайне озабочен положением на участке X армейского корпуса. Все солдаты выведены в первую линию. Войска переутомлены. Противник ещё продолжает оказывать давление в районе севернее Старой Руссы. Здесь для использования в первой линии остаются только сапёрные роты. Командир корпуса и командующий группой армий будут довольны, если наши части удержат занимаемые ими позиции в течение сегодняшнего дня»^[69].

Немцы поняли, что советская группировка южнее озера Ильмень опасна, что, не разгромив её, нельзя двигаться дальше к Ленинграду. И мгновенно подготовили частную операцию. Буквально 19 августа LVI моторизованный корпус фон Манштейна, проведя необходимую перегруппировку и усилившись за счёт подошедших резервов и частей 2-го эшелона, нанёс мощный контрудар, который и решил судьбу 34-й армии. Немцы ударили во фланг. В авангарде шла дивизия СС «Мёртвая голова». Уже 20 августа войска генерала Качанова были разрезаны на две части. Одна часть успела отойти на Ловать и уклонилась от сокрушительного удара. Другая была окружена в районе западнее Старой Руссы и уничтожена. По различным данным, в плен попало от четырех до десяти тысяч бойцов и командиров. В «котле» осталась почти вся артиллерия армии, танки, склады с боеприпасами. Именно тогда немцам впервые удалось захватить неповреждённую реактивную установку БМ-13 («катюша») с боеприпасами.

Однако это было только началом в цепи неудач Северо-Западного фронта. Наступление окончательно прекратилось. Но советским войскам пока что удавалось удерживаться на занятых позициях. И вот в начале сентября под ударами II армейского корпуса генерала пехоты графа Вальтера фон Брокдорфа-Алефельда фронт 27-й армии был прорван, немцы немедленно

бросили в прорыв свои танки и мотопехоту, развивая наступление на Демянск и создавая непосредственную угрозу нашим тылам. Пал Демянск, немцы захватили станцию Лычково, повернули к Селигеру. Часть сил 27-й и 11-й армий оказалась в окружении; впоследствии они были уничтожены. Немецкое командование объявило о пленении 35 тысяч красноармейцев и захвате богатых трофеев: 117 танков и 254 орудия.

Поражение было слишком серьезным, чтобы избежать поиска виновных. Началось следствие. Командующего Северо-Западным фронтом генерал-майора П. П. Собенникова отдали под трибунал, приговорили к пяти годам лагерей, но впоследствии приговор смягчили, ограничившись понижением в звании.

Одиннадцатого сентября в деревне Заборовье, ныне Калининского района Тверской области, разыгралась трагедия. «Во внесудебном порядке за дезорганизацию в управлении артиллерией армии и личную трусость» был расстрелян перед строем личного состава штаба 34-й армии начальник ее армейской артиллерии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров. Как всё происходило, рассказал один из тех, кто стоял тогда в строю рядом с генералом Гончаровым — полковник В. П. Савельев: «По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошёл вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: «Где пушки?» Гончаров неопределённо махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. «Где, я вас спрашиваю?» — вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: «В соответствии с приказом наркома обороны СССР № 270...» Для исполнения «приговора» он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в

силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызвать отделение солдат...»

Мехлис в историю Великой Отечественной войны вписан намертво, кровью, в основном — красноармейцев и офицеров нашей армии. Чаще всего, ликвидируя на каком-либо угрожаемом участке прорыв, он использовал излюбленный, отработанный до совершенства приём — расстрел перед строем без суда и следствия. При этом, надо заметить, что сам Мехлис (всё же уполномоченный ГКО СССР, армейский комиссар 1-го ранга, государственный человек), конечно же, понимал, что совершает преступление. За ним стоял приказ Верховного главнокомандующего № 270 от 16 августа 1941 года.

В Заборовье, чтобы придать своему кровавому театру вид законности, на следующий день, а именно 12 сентября 1941 года, то есть задним числом, Мехлис издал приказ № 057 по поводу «осуждения и приведения в исполнение приговора в отношении В. С. Гончарова». Текст писал собственноручно: «За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившейся в прямом невыполнении приказа фронта о выводе на помощь наступающим с запада частям, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боёв командующий артиллерией 34-й армии Гончаров на основании приказа Наркома обороны № 270 расстрелян публично перед строем командиров штаба армии». Текст примечательный. Жаль, комментировать его нет возможности по причине ограниченности объёма книги.

С Мехлисом Берзарин встречался ещё на Дальнем Востоке. Офицеры трепетали, когда на их участке появлялся «верный пёс» Сталина. По всей вероятности, после прорыва немецких танков на участке 27-й армии

ожидали его приезда и в штабе Берзарина. К счастью, миновало.

В тот же день, когда писался приказ, арестовали генерала Качанова. 29 сентября его расстреляли. В приговоре Военного трибунала Северо-Западного фронта отмечалось, что «отход произведён в беспорядке, управление войсками было утрачено, в результате чего врагу был открыт фронт и дана возможность занять часть нашей территории».

Повезло начальнику артиллерии 245-й стрелковой дивизии полковнику В. И. Брежневу^[70]. Он вышел из окружения на участок той же калининской деревни Заборовье через несколько часов после того, как комиссия уполномоченных Ставки оттуда уехала. Тело его непосредственного командира генерала Гончарова к тому времени уже забросали сырой осенней глиной. Полковника Брежнева не тронули. Вскоре новый командующий 34-й армией генерал Берзарин назначит его командующим артиллерией армии, и он будет успешно воевать на Северо-Западном фронте.

Маршал К. А. Мерецков в своих мемуарах писал: «Хуже получилось с К. М. Качановым. Л. З. Мехлис доложил в Ставку о его поведении, и на этом карьера командарма окончилась. На мой взгляд, его судьба могла бы оказаться лучшей, и он ещё проявил бы себя достойным образом. В начале войны многим военачальникам не удавалось сразу наладить дело. Это не помешало им отлично действовать в дальнейшем». А ведь Кирилл Афанасьевич Мерецков, как член Комиссии уполномоченных Ставки ВГК, вместе с заместителем председателя Совнаркома СССР Н. А. Булганиным были в тот расстрельный день в деревне Заборовье и молчаливо наблюдали сцену исполнения приказа № 270. Никто не вмешался. Считали действия Мехлиса правильными.

Принято думать, что у тех, кто умирает в солдатском мундире, нет ни отца, ни матери, ни жены, ни возлюбленной — никого, кто был бы сражён этим горем. Эта кровь — безвестная.

До сих пор неизвестны места захоронений генералов К. М. Качанова, В. С. Гончарова и других, расстрелянных сгоряча в те дни в Заборовье и в других местах, где выходили из окружения красноармейцы и командиры, бросив в болотах и на лесных дорогах увязшую в грязи технику и тяжёлое вооружение.

4

Когда обстановка на левом фланге Северо-Западного фронта стабилизировалась, Берзарина вызвал командующий Калининского фронта генерал-полковник И. С. Конев. 27-я и 34-я армии к тому времени перешли в подчинение управления Калининского фронта. Конев и Берзарин, оба дальневосточники, общий язык нашли быстро. Коротко обсудили обстоятельства, в которых находилось полевое управление и войска 34-й армии после комиссии товарища Мехлиса.

— У вас, Николай Эрастович, крепкий штаб, надёжные и энергичные заместители, они вполне способны выполнять наши приказы. А вы отправляйтесь на командный пункт в 34-ю. Разберитесь. Надо там как можно скорее прекратить хаос и неразбериху.

Хаос и неразбериха в 34-й вскоре были прекращены твёрдой рукой Берзарина и его помощников. По существу, пришлось создавать новое полевое управление армии. Не хватало офицеров, специалистов. 22 сентября в плен попал начальник штаба генерал М. Т. Романов, бывший командир 172-й стрелковой дивизии, отличившийся в июльских боях при обороне

Могилёва. Герой Буйничского поля, которым восхищался Константин Симонов, умрёт в декабре 1941 года в офицерском лагере Хаммельсбурге в Нижней Франконии. В 1945-м Хаммельсбург будут освобождать войска маршала И. С. Конева...

Берзарин поочерёдно занимался делами двух армий. 27-ю, как наиболее боеспособную на левом крыле Северо-Западного фронта, Ставка реорганизовала в 4-ю ударную. Назначили и нового командующего — генерал-лейтенанта А. И. Ерёменко, тоже из дальневосточников. Летом и осенью он командовал Центральным и Брянским фронтами.

Берзарина в конце концов назначили на 34-ю армию. Жалко было расставаться с армией, которую уже полюбил и считал своей, с которой побывал в бою. К тому же, переведённая в статус ударной, она значительно усиливалась. Ударные армии, которые создавались в тот период на многих фронтах, предназначались для наступательных операций на важнейших направлениях. По сравнению с обычными общевойсковыми ударные имели больше танков, артиллерии, миномётов, в том числе установок БМ-13. Им придавались кавалерийские и даже танковые корпуса. Ударные армии действовали на самостоятельных операционных направлениях. Личный состав получал двойное денежное довольствие и гвардейское обеспечение. Но приказ есть приказ. 25 декабря 1941 года приказом наркома обороны СССР № 6048 Берзарин был утверждён в должности командующего войсками 34-й армии Северо-Западного фронта.

Наступил 1942 год. Южнее, в полосе Западного и Калининского фронтов, шло контрнаступление. Группа армий «Центр» оставила Тарусу, Калугу, Волоколамск, Малоярославец, Сухиничи и откатывалась к Вязьме и Ржеву. Немцы пока сохраняли Юхновский и Ржевский

выступы, надеясь в скором времени стабилизировать фронт, пережить на новых позициях контрудар Красной армии, накопить сил и снова двинуться на Москву.

А здесь, на севере, Ставка готовила Демянскую наступательную операцию. 34-й армии в ней отводилась роль главного фронтового объединения в окружении и уничтожении войск противника на Демянском выступе. Новая армия Берзарина перед атакой на Демянский выступ располагала следующими силами: пять стрелковых дивизий, противотанковый артиллерийский полк и отдельный танковый батальон. Перед началом операции из фронтового резерва выделили усиление. На день начала наступления 34-я армия, пополненная и усиленная резервами, при численном составе 36 700 человек располагала 22 танками, 368 орудиями и миномётами (из них 105 орудий калибра 76-мм и крупнее).

Против пяти дивизий 34-й армии только в 1-м эшелоне стояли четыре дивизии противника. Они занимали основательно оборудованную полосу опорных пунктов с промежуточными позициями, между которыми всё просматривалось и простреливалось. Кругом лес, болота, снега по грудь, в которых застревали даже тяжёлые танки.

Берзарин, согласно плану операции, двинул вперёд правый фланг с задачей прорвать оборону на участке железной дороги Старая Русса — Валдай. Через два дня вперёд пошли дивизии левого крыла. 241-я стрелковая дивизия по льду перешла озеро Селигер, сбила противника с побережья, вышла к крупным опорным пунктам, охватила их, но взять не смогла. То же самое происходило на правом фланге. К концу января наступление заглохло в мёрзлых снегах Валдая. Ставка подбросила резервы: стрелковую дивизию, семь стрелковых бригад и три лыжных батальона. Эти силы были распределены по флангам, где шло наступление.

Кроме того, на одно из направлений вперёд выдвинули стрелковый корпус фронтового подчинения. Корпус и части 34-й армии, наступая вдоль шоссе Старая Русса — Залучье через Рамушево, к концу февраля в районе Залучье замкнули, наконец, кольцо вокруг немецкой группировки. Целый месяц, до 20 марта, армия продолжала безуспешные попытки взять окружённый Демянск, дожать немецкую группировку, но ничего не вышло. Одновременно, каждая на своём участке, окружённых атаковали 11-я, 3-я ударная, а потом и 4-я ударная армии. Безрезультатно.

Кто же, несмотря на атаки, удерживал Демянский «котёл»? Шесть дивизий. Весь II армейский корпус вместе со своим полевым управлением во главе с графом Вальтером фон Брокдорф-Алефельдом. Всего около 90 тысяч человек, в том числе дивизия СС «Мёртвая голова». Таким образом, в Демянском «мешке» оказалась достаточно крупная и сильная немецкая группировка. И уничтожить её никак не получалось.

Гитлер категорически запретил фон Брокдорфу эвакуировать Демянский плацдарм. Ежедневно в «котёл» 100-150 транспортных самолётов доставляли до 250 тонн грузов. Кроме того, каждый транспорт доставлял взвод солдат подкрепления. Назад вывозили раненых, обмороженных и больных. Морозы стояли лютые. Наши истребители редко появлялись в небе, оно безраздельно принадлежало люфтваффе. Но иногда над Демянском и Старой Руссой, над позициями противостоящих сторон вспыхивали воздушные бои. В одной из таких схваток был сбит Як-1 старшего лейтенанта Алексея Маресьева ^[71].

Для деблокады «котла» немецкое командование сформировало с внешней стороны группировку войск под командованием генерал-лейтенанта Вальтера фон Зейдлица-Курцбаха, перед которой была поставлена

задача пробить коридор к окружённым. И это ей удалось 2 мая 1942 года.

После войны фон Зейдлиц-Курцбах, который попал в советский плен под Сталинградом через год после своего триумфа в районе Демянска, в одном из интервью признался: «Моя группа билась на протяжении месяца. Людей и техники мы потеряли порядочно. Но мне из Франции и Дании подбросили подкрепления. В ходе операции я получил 36 батарей разных калибров, 181 противотанковую пушку. И ещё добавили 50 миномётных батарей, 1440 пулемётов и около 60 танков. Число сил люфтваффе не помню. Я ударил по стыку на Рамушево и потеснил русские войска».

Из интервью генерала Берзарина газете «Красная Звезда»: «Да, битва у Демянского плацдарма была кровопролитной, но пролитая кровь — не ошибка, сделано великое дело. Мы сорвали план немцев взять Ленинград. Гитлер перебросил сюда из Западной Европы шесть дивизий на помощь группе Зейдлица. У нас элементарно не хватило сил. Но мы сковали крупные силы немцев. И немало их перемололи. А то бы они давно вышли на Неву и к устью Волги. Совесть наша чиста!» Интервью Берзарин давал главному редактору «Звёздочки» Д. И. Ортенбергу, и это было ответом командующего 34-й армией на аналитическую записку Генштаба, подготовленную по итогам Демянской наступательной операции и разосланную в штабы фронтов и армий. В ней говорилось: «С поставленной задачей советские войска не справились. Не увенчались успехом и последующие попытки Северо-Западного фронта ликвидировать Демянский плацдарм противника. Это объяснялось тем, что наступление организовывалось плохо. Командование фронта действовало нерешительно, управление войсками было слабым. Удары наносились не одновременно и на узких участках фронта, весь же остальной фронт оставался

пассивным. Неоднократно повторявшиеся удары следовали из одного и того же района».

И во время войны, и до сих пор бои под Демянском сравнивают со Сталинградской битвой. Похоже, Ставка учла ошибки, допущенные в период проведения Демянской наступательной операции. Войск в междуречье Дона и Волги нагнали достаточно. И для того, чтобы удержаться в Сталинграде, и чтобы охватить железным кольцом 6-ю армию Паулюса, и для того, чтобы отбить деблокирующий удар танков Манштейна, и для того, наконец, чтобы дожать потом окружённую группировку.

В Сталинграде немцы надеялись повторить то, что им удалось в районе Демянска год назад. Сюда же еще раньше прибыл и генерал фон Зейдлиц. Но Демянска в районе Сталинграда на этот раз не вышло. Деблокирующий удар танковой группировки наши войска погасили в районе реки Мышковой. Воздушный мост в окружённую группировку обрушили наша истребительная авиация и зенитная артиллерия.

Армиям, атаковавшим позиции противника под Демянском, дать было нечего. Дивизии и бригады, танки, артиллерийские орудия и миномёты, боеприпасы были брошены в топку контрнаступления под Москвой. К концу зимы всё, накопленное Ставкой, было израсходовано. Под давлением войск Западного и Калининского фронтов немцы откатились от Москвы, закрепились на заранее подготовленных позициях и предприняли ряд частных контрударов. В результате несколько армий и группировок, особенно глубоко продвинувшихся вперёд, оказались отрезанными и вскоре уничтоженными. 29-ю армию генерала В. И. Швецова зажали в Мончаловских лесах западнее Ржева. Часть войск вырвалась, вышла на позиции соседней 39-й армии Калининского фронта. Среди вышедших — группа писателей, в том числе Александр

Фадеев и Борис Полевой. Западный фронт понёс значительно бдльшие потери. Под Вязьмой в полном окружении погибла Западная группировка 33-й армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова, тяжело раненный командарм застрелился, чтобы не попасть в плен. Там же и та же участь постигла части 4-го воздушно-десантного корпуса генерала А. Ф. Левашова, сам генерал погиб во время десантной операции. Несколько дивизий 50-й армии генерала И. В. Болдина были отсечены в районе Мосальска и уничтожены.

Итак, операцию в районе Демянска Ставка и Генштаб оценили как провальную. Погибли несколько командармов, заместителей командующих армиями, командиров дивизий, тысячи красноармейцев. Десятки тысяч попали в плен, был потерян большой парк автотранспорта, лошадей, тяжелого вооружения, танков.

Осенью 1942 года на 34-ю армию назначили генерал-лейтенанта А. И. Лопатина, а Берзарина пока что отправили в кадровый резерв штаба Северо-Западного фронта. 14 октября Ставка назначила его, с понижением, на должность заместителя командующего 61-й армией. Армия стояла западнее Сухиничей и Козельска перед сильной Жиздринско-Брянской группировкой противника. Командовал армией генерал-лейтенант П. А. Белов^[72].

«Опала» длилась недолго, и уже в январе 1943 года Берзарина назначили командующим 20-й армией. К этому времени она прошла большой боевой путь: в 1941 году участвовала в Лепельском контрударе; во время Смоленского сражения попала в окружение, с большими потерями вышла; в октябре во время операции «Тайфун» попала в Вяземский «котёл», потеряла своего командующего, генерала Ф. А. Ершакова, и члена Военного совета Ф. А. Семеновского. Во время контрудара под Москвой армия наступала на правом

фланге Западного фронта, затем приняла участие в Клинско-Солнечногорской наступательной операции, а в ходе Ржевской битвы в апреле 1942 года прорвала оборону противника на реке Ламе. Личный состав дивизий и бригад армии был основательно выбит, однако они тем не менее продолжали активные боевые действия на фронте.

Командующие в 20-й армии менялись часто. За август-сентябрь 1942-го их сменилось четверо. Одним из них был Берзарин.

Во время очередного авианалёта немецкий Ju-87 спикировал точно на землянку КП. Из-под дымящихся брёвен и комьев мёрзлой земли вытащили тела погибших. Командарм, однако, подавал признаки жизни. Наспех перевязали, доставили в санчасть. Очнулся Берзарин в белой просторной комнате одного из корпусов Тимирязевской академии в Москве. Левая нога в массивном гипсе, подвешена. Подумал: хорошо хоть цела. Потом было несколько операций. Осколки падали в эмалированный сосуд, как рваная картечь.

Однажды к нему в палату шумно ввалился его дальневосточный приятель генерал А. П. Белобородов. Вспомнили КВЖД, сопки Забайкалья, обсудили пьесу Александра Корнейчука «Фронт», которая в те дни печаталась с продолжением в газете «Правда». Афанасий Павлантьевич хмыкнул:

— Маршалы на Корнейчука Верховному собираются жаловаться.

— Пускай. Ты же сам понимаешь, то, что сейчас происходит на фронте, это не бои на КВЖД...

Генерал Белобородов в своих мемуарах спустя многие годы о своём боевом товарище напишет: «Мы с ним были хорошо знакомы по Дальнему Востоку, где он был заместителем командующего 1-й отдельной Краснознамённой Дальневосточной армией. Николай Эрастович являлся типичным представителем новой

плеяды командармов Великой Отечественной войны. Молодой (ему не было и сорока лет), широко эрудированный, очень волевой и решительный человек, он отлично проявил себя ещё в тяжкую пору сорок первого года».

Вскоре генерал начал вставать, ходил на костылях, как-то спросил доктора:

— Доктор, вы меня выпишете. А там, на фронте, я и с палочкой похожу.

Доктор рассмеялся:

— В строй, товарищ Берзарин, непременно вернётесь. Но вначале надо пройти курс послеоперационной реабилитации. Вы говорили, ваша семья сейчас в Ташкенте? Вот и поезжайте к ним.

Берзарин не знал, огорчаться решению лечащего врача или радоваться.

Санаторий для старшего офицерского состава находился в пригороде Ташкента. А совсем недалеко центральная усадьба совхоза им. В. И. Ленина, где снимали комнату Наталья Никитична с дочерьми.

Старшая, Лариса, к тому времени окончила школу и краткосрочные курсы медицинских сестёр. Дежурила в военном госпитале, мечтала о фронте. Ташкентские дни были днями счастья. Семья собиралась вместе. Смотрели друг другу в глаза и невольно думали о том, что скоро, очень скоро, всё это закончится. Когда у Берзарина закончился срок санаторного лечения, дочь получила в военкомате направление на фронт и стала собирать чемодан.

5

Пять месяцев пролетели как один день.

В августе 1943 года Берзарин прибыл в Москву в Главное управление кадров РККА. Ещё в апреле вышел

указ о присвоении ему очередного воинского звания — генерал-лейтенант. Теперь по заявке командующего войсками Калининского фронта его направляли на 39-ю армию.

Южнее от Белгорода до Орла гудела Курская дуга. Задвигался фронт и на северном фланге, от Брянска и Рославля до Вязьмы и Духовщины и Рудни.

В середине сентября после артподготовки части 39-й армии пошли в наступление и вышли к Духовщине. Оборона противника была прорвана на всю её глубину. В ночь на 19 сентября воины 17-й гвардейской дивизии 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Белобородова, накануне с боем переправившись через реку Царевич, ворвались в Духовщину, очистили улицы от последних эсэсовцев и подняли над этим смоленским городом красный флаг. В Москве в честь славной победы 39-й армии был дан салют.

На следующий день 4-я ударная армия освободила Велиж. 21 сентября соседняя 43-я армия взяла Демидов. Духовщинско-демидовская группировка группы армий «Центр» была разгромлена, Смоленская группировка оказалась охваченной с севера. Противник, опасаясь полного окружения, начал оставлять свои позиции и отходить на запад. 29 сентября 1943 года дивизии Берзарина поставили точку — была взята Рудня. На этом войска Калининского фронта завершили Духовщинско-Демидовскую операцию.

Дальше по фронту армий Западного и Калининского фронтов лежали Смоленск, Витебск и другие города Смоленщины и Белоруссии. В освобождённой Духовщине тут же развернули армейский госпиталь, в нём медсестрой работала Лариса Берзарина.

В мае 1944 года Берзарина снова затребовали в Москву. И — новое назначение. На этот раз самолёт уносил его на юг, в Молдавию, в полосу действия войск 3-го Украинского фронта. Приземлились в Тирасполе,

где Берзарин принял командование 5-й ударной армией, которая тогда занимала часть левобережной Молдавии.

В армии шутили: мол, новый командующий прибыл из-под Смоленска с пополнением. Дело в том, что дочь Лариса прилетела в Тирасполь вместе с отцом. И тут же была зачислена медсестрой в полевой армейский госпиталь. Теперь она, его верный адъютант, всюду следовала за ним. Порой он подолгу смотрел на неё и думал с сожалением, что у него нет сына...

Как-то офицеры штаба показали своему командующему трофейную румынскую карту. Берзарин посмотрел на неё и невольно крикнул: «Великая Румыния» на ней захватывала Одесскую область и всю Молдавию. Это были провинции Транснистрии и Бессарабии.

На первых порах перевод с Центрального направления на юг и расставание с 39-й армией Берзарин воспринял как проявление недоверия командования. С главного направления, где назревало крупное наступление в Белоруссии, на второстепенное...

Перед порядками 5-й ударной армии за Днестром стояла 6-я немецкая полевая армия 2-го формирования. В неё входили три немецких и один румынский корпуса. Армия «мстителей за Сталинград», по идее немецкого командования, должна была формироваться из родственников тех, кто погиб в междуречье Волги и Дона. Наблюдатели смотрели в бинокли и стереотрубы на правый берег Днестра, следили за передвижением в окопах противника и думали: «Здорово же им врезали под Сталинградом, раз столько родственников набралось».

Два корпуса 5-й ударной армии держали оборону на фронте в 135 километров. 32-й стрелковый корпус генерала Д. С. Жеребина^[73] и 26-й гвардейский стрелковый корпус генерала П. А. Фирсова^[74] были

растянуты тонкой ниточкой по всему фронту и, пользуясь затишьем, занимались боевой учёбой.

Всю войну Берзарин старался окружить себя дальневосточниками. Храбрые, надёжные воины, превосходные управленцы, не боящиеся никаких трудностей. Именно таким был генерал-майор Д. С. Жеребин, который ещё молодым инженером-сапёром в звании капитана прибыл в Приморскую группу и принял участие в боях на озере Хасан. Это он с группой бойцов после кровопролитного боя поднял красный флаг над сопкой «Заозёрная»...

Перед новым наступлением Военный совет армии принял решение усилить боевую учёбу. Провели пятидневные сборы командиров батальонов, батарей и рот. Офицеры переднего края слушали доклады на следующие темы: «Об офицерской чести», «О ротном хозяйстве», «Об использовании огневых средств роты в наступательном бою», «Командир — единоначальник и политический воспитатель своих подчинённых», «О политической работе в подразделениях». Беседы проводили офицеры штаба, член Военного совета армии Ф. Е. Боков и сам командующий.

В эти дни, кроме всего прочего, он решил побывать во всех дивизиях и полках, в отдельных частях, батальонах и батареях, приданных армии. Его днестровская инспекция запомнилась многим солдатам и офицерам. О ней потом упоминали в своих мемуарах многие бывшие комбаты, командиры полков и дивизий 5-й ударной армии. До него дошли неприятные разговоры о подполковнике Романовском — командире одного из полков 26-го гвардейского стрелкового корпуса. Тот прибыл в полк недавно, когда войска уже стояли по Днестру: кто-то в верхах решил полечить «болезнь» подполковника фронтом. Берзарин затребовал его личное дело и нашёл в нём документ с резолюцией маршала Г. К. Жукова: «Тысячи советских людей ему

доверять нельзя. Направить на хозяйственную работу». Но «хозяйственника», как оказалось, прислали в гвардейский корпус.

Берзарин прибыл в полк. Было ещё утро, а подполковник уже «на бровях». Состоялся разговор с глазу на глаз. «Вот что, товарищ Романовский, — подытожил командующий. — Полк я вам доверять не могу. Завтра людей в бой вести, а вы, простите, не просыхаете... Но на хозяйственной работе вы и вовсе погибнете. У вас уже штабная изба, как соляной амбар йодом, цуйкой^[75] пропиталась...» Подполковник Романовский согласился на лечение, а Берзарин приказал выписать ему направление в Одессу, к профессору Е. А. Шевелёву^[76].

6

После удара в Белоруссии (летняя, 1944 года, операция «Багратион» против группы армий «Центр») Красная армия, накопив силы и средства, готовилась к наступлению на юге. Штабы 2-го и 3-го Украинских фронтов и Черноморский флот подготовили масштабную операцию с целью охвата и уничтожения войск группы армий «Южная Украина». Пример двух основных ударов, увенчавшихся триумфальным успехом для войск 1-го Белорусского фронта (маршал К. К. Рокоссовский) в ходе операции «Багратион», явно требовал повторения. Каждый из фронтов готовил свой прорыв.

Яско-Кишинёвская наступательная операция началась 20 августа. Артиллерия фронтов и Черноморский флот совместно с кораблями Дунайской военной флотилии провели артиллерийское наступление. Это была уже не просто артподготовка. Артиллерийский удар вначале пришёлся на передовую линию немецко-румынской обороны, основательно

перепахал её, захватив районы сосредоточения бронетехники, артиллерии и живой силы, а затем, когда наша пехота, танки и самоходки пошли вперёд, двойным огневым валом сопровождал атаку. Наступление велось из двух районов: с Кицканского плацдарма и из района западнее Ясс.

Бывший артиллерист 4-го гвардейского воздушно-десантного полка И. М. Новохацкий вспоминал: «Когда мы двинулись вперёд, то на глубину примерно десять километров местность была чёрной. Оборона противника практически была уничтожена. Вражеские траншеи, вырытые в полный рост, превратились в мелкие канавы, глубиной не более чем по колено. Блиндажи были разрушены. Иногда попадались чудом уцелевшие блиндажи, но находившиеся в них солдаты противника были мертвы, хотя не видно было следов ранений. Смерть наступила от высокого давления воздуха после разрывов снарядов и удушья».

Наши ударные группировки сразу же разорвали немецкую оборону, в прорыв прошли танковые и механизированные корпуса, развивая наступление. А 5-я ударная продолжала стоять на месте: сильная, основательно пополненная маршевыми батальонами, в достатке обеспеченная стрелковым оружием и тяжёлым вооружением, усиленная артполками и танковыми бригадами. В штабах корпусов, дивизий и на передовых НП батальонов нервничали, прислушиваясь к гулу наступления, которое шло в десятках километров справа и слева.

В конце июля комфронта собрал командующих армиями и командиров корпусов. Берзарин на совещании был напряжён: в предстоящей операции его сильной армии отводилась явно не та роль, на которую была способна 5-я ударная. Когда слово предоставили командармам, он это напрямую и высказал. Маршал С. С. Бирюзов, в то время генерал-полковник и

начальник штаба фронта, вспоминал: «Вот вышел к карте командующий 5-й ударной армией Н. Э. Берзарин. Молодой, темпераментный, широкомыслящий. Докладывает ясно. Но по всему видно, страшно недоволен тем, что не его 5-я ударная (ударная!) армия наносит главный удар. Заканчивая доклад, с нескрываемой горечью обратился к Толбухину Фёдору Ивановичу:

— Товарищ командующий, армия растягивает свой фронт, как гармошку. Всего получается 135 километров! Тут не только наступать — обороняться трудно.

Толбухин с улыбкой поглядел на Берзарина и приложил руку к груди: сочувствую, мол, но помочь ничем не могу...»

На острие удара развертывалась 37-я армия генерала М. Н. Шарохина. Не мог тогда, в целях сохранения секретности, комфронта сказать ему о запланированной роли 5-й ударной. Что точка всей операции будет поставлена в Кишинёве. Трое суток армия Берзарина стояла на своих позициях, и лишь 23 августа, когда Кишинёвская группировка противника начала отход к реке Прут, ей дали отмашку из штаба 3-го Украинского фронта: вперёд!

Пружина разжалась мгновенно, как спусковой механизм винтовки. Бросок 5-й ударной армии на Кишинёв оказался таким стремительным, что «мстители за Сталинград» не успевали уносить ноги. Ударная группа прорвала оборону 6-й армии у Оргеева, после чего, уже не встречая сколь-нибудь чувствительного сопротивления, основные силы стали быстро продвигаться вперёд.

В авангарде наступающих шёл штурмовой батальон капитана Алексея Бельского. Бельский со своими молодцами буквально бегом гнал перед собой «мстителей». К исходу дня батальон прошёл около пятидесяти километров и завязал бой на окраине

Кишинёва. После скоротечного боя на реке Бык гвардейцы смяли защитников опорного пункта и вошли в город. К утру столица Молдавии была очищена от противника. Батальон капитана Бельского зачистил центр города и водрузил красный флаг на руинах здания на перекрёстке улиц Ленина и Гоголя.

Перед наступлением на Кишинёв командарм напутствовал своих солдат и офицеров: «Мы идём по следам армии Суворова! Вперёд!» Солдаты выполнили приказ генерала.

В донесении 24.08.44. штаба 5-й ударной армии Военному совету 3-го Украинского фронта говорилось: «Войска 5 ударной армии в ночь на 23.8.44 года прорвали оборону противника и, стремительно продвигаясь вперёд, 17.00 23.8.44 года ворвались в столицу Молдавской ССР город КИШИНЁВ и штурмом к 04.8.44 года овладели им.

За 23.8.44 года части и соединения 5 ударной армии с боями прошли свыше 40 километров, освободив при этом более 200 населённых пунктов.

В боях за овладение города КИШИНЕВ отличились войска Гвардии Генерал-майора ФИРСОВА, Гвардии Генерал-майора ЖЕРЕБИНА, Гвардии Генерал-майора СЕРЮГИНА, Гвардии Генерал-майора СЫЗРАНОВА, Полковника ФОМИЧЕНКО.

Артиллеристы: Генерал-майора КОСЕНКО, Подполковника КЛИМЕНКОВА, Полковника ПАВЛОВА, Подполковника ДМИТРИЕВА, Гвардии Подполковника РАХН И НА, Подполковника КОТОВА, огнемётчики Подполковника ЛИЗУНОВА.

Сапёры: Подполковника ФУРСА, Полковника ЧЕВЫЧЕЛОВА»[\[77\]](#).

К исходу 23 августа войска 3-го Украинского фронта перерезали пути отхода 6-й армии. На следующий день они соединились с передовыми частями 2-го Украинского фронта. Железный обруч вокруг

Кишинёвской группировки замкнулся и надёжно заклёпан усилиями танковых бригад и стрелковых дивизий. В окружении оказались части пяти армейских корпусов противника.

Командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Ф. И. Толбухин 26 августа через парламентёров и по радио предложил окружённой группировке во избежание лишних жертв сложить оружие. Предложение о капитуляции было отклонено, и 27 августа Красная армия возобновила боевые действия. В какой-то момент десятитысячной группировке немцев удалось захватить переправы через Прут и вырваться на его западный берег. Неожиданно у немцев появилась призрачная надежда пробиться к Карпатским перевалам. Но вскоре их настигли брошенные наперехват стрелковые дивизии 7-й гвардейской армии и бригады 23-го танкового корпуса. 28 августа они уничтожили немецкую группировку.

Яско-Кишинёвская операция закончилась полным разгромом основных сил группы армий «Южная Украина». Советским войскам открылся путь для дальнейшего наступления. Румыния вышла из союза с Германией и вскоре повернёт винтовки против бывших своих союзников.

Яско-кишинёвские дни стали первым триумфом генерала Берзарина как командующего армией. Из приказа по армии: «В боях за овладение городом Кишинёвом бойцы, сержанты, офицеры и генералы показали возросшее воинское мастерство, боевую выучку и героизм, мужество и отвагу.

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин высоко оценил наши боевые действия и объявил всему личному составу армии благодарность. Столица нашей Родины Москва салютовала 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий...»

В те дни ордена и медали пролились на 5-ю ударную золотым и серебряным дождём. Только в 94-й стрелковой дивизии, которая отличилась в штурме Кишинёва, было награждено 1620 бойцов и командиров.

После освобождения Кишинёва в городе состоялся торжественный митинг. Армейская газета «Советский боец» писала: «Несмотря на пережитое, жителям Кишинёва хотелось отметить событие. Все улицы были заполнены людьми. Старые люди, подростки, дети, мужчины и женщины устремились в центр города, к площади Победы. Там уже войска, приготовившиеся к парадному шествию. Там — гремит оркестр, там возведена трибуна, на которой представители власти, генералы и офицеры, освободившие город. Ликование трудящихся города невозможно описать, когда они увидели поднявшегося на трибуну генерал-лейтенанта Николая Эрастовича Берзарина. Делегация горожан преподнесла командарму хлеб-соль. Он выступил перед собравшимися с взволнованной речью.

Перед трибуной по площади торжественным маршем прошли войска. Вид участников победного шествия был молодцеватым. Только тёмные тени под глазами у бойцов и офицеров напоминали о том, что эти люди всего сутки назад были в пекле боя. Они, атакуя, бежали и падали, они стреляли и бросали гранаты, дрались с фашистами в рукопашных схватках. Они выносили с поля боя своих раненых товарищей. И вот теперь, вымывшись и почистившись, они встали в парадный строй. Люди видели: таких воинов победить нельзя. Они справятся с любым врагом. Глядя на своих освободителей, горожане чувствовали, что окончательная победа близка. И потому последние слова речи командарма покрылись возгласами «Ура!».

Представитель Ставки маршал А. В. Василевский в те дни с восхищением, пожимая руку, сказал Берзарину:

— На этом направлении так быстро не наступал никто!

Ещё по Дальнему Востоку Берзарин знал: следом за восторгом триумфа идёт полоса тревог и бед. Перетолковывание старых сказок. Сочинение легенд. Обиды оказавшихся за бортом событий, обделённых славой и орденами.

Итак, за меня будут чаще говорить другие, если не считать тех случаев, когда мне придётся призывать себя в качестве свидетеля. Мне всегда как-то претило выступать перед публикой: в такие минуты меня вдруг охватывал стыд. Когда же это случится, я, разумеется, смогу говорить одну только правду. Когда речь идёт о себе, лучшей музой является Откровенность. Я не хочу, да и не умею рядиться в павлиньи перья. Как они ни красивы, каждому человеку, думается мне, надобно предпочесть им своё собственное оперение...

В эти дни при встрече в штабе фронта с генералами, командующими соседними армиями, Берзарин заметил холодноватость и отчуждённость. Командармы смотрели то мимо него, то издали поглядывали через плечо и ухмылялись. Однажды услышал насмешливое: «Берзарин-Задунайский...»

Не зря при встрече Г. К. Жуков со своей солдатской прямоотой, без всякой задней мысли, предупредил: «Ты, Николай Эрастович, конечно, герой. Жми и дальше в том же духе. Но, смотри, не зазнавайся. Этого у нас не любят. Через ГУК сожрут. А то и похуже...»

Он знал, что и отсюда, с фронта, особо бдительные строчат наверх «сигналы». Что ж, надо было пережить и это.

В какой-то мере Берзарин в эти дни оказался в тех же обстоятельствах, в которых в мае 1945 года

окажется покоритель Берлина маршал Г. К. Жуков. Там тоже недостатка в «доброжелателях» не будет.

Может быть, к счастью в те дни он почувствовал недомогание — начало трясти, особенно на солнце. Дочь осмотрела его и сразу определила: малярия. Эта болезнь тогда валила его армию полками. Когда ещё стояли перед Кишинёвом, в Ганчештах генералу доложили по команде: в некоторых батальонах людей трясёт, тошнит, иногда при высокой температуре. Стали давать бойцам и офицерам акрихин. Медсёстры и санинструкторы консультировали больных: нельзя находиться на солнце, воздержаться от купания в открытых водоёмах, не ночевать в сырых землянках... Основные разносчики малярии — комары. Попробуй спасись от них.

Эпидемия есть эпидемия. Медработников не хватало. И вот в одном артполку, по воспоминаниям ветеранов 5-й ударной армии, «нашёлся умник, из астраханцев, который внушил, что акрихин полезно запивать не водой, а цуйкой...». И ведь действительно помогало! Особенно на первых порах.

Что ж, солдат, известное дело, и из топора суп сварит...

7

Малярия осталась позади, ногу тоже подлечили, хотя Берзарин ходил всё же с палочкой.

В сентябре 1944 года последовал приказ Ставки: 5-ю ударную армию отвести в тыл. Покидавшие Бессарабию дивизии выдвигались в район станции Раздельная и там грузились в эшелоны. 7 сентября первые составы двинулись на северо-запад, старшие офицеры знали конечный пункт следования — Волынь.

Армия была развёрнута в окрестностях Ковеля, только что освобождённого нашими войсками. Началась

боевая учёба: войска изучали приёмы и способы форсирования водных преград, действия в условиях малых и больших городов. Осваивались новые образцы оружия и боеприпасов. Военные конструкторы и промышленность всю войну усиленно работали над усовершенствованием стрелкового оружия, артиллерийских орудий, танков, боеприпасов к ним, а также другого снаряжения, необходимого солдату в бою и повседневной жизни на фронте.

В это время в войска стали поступать самоходные артиллерийские установки. У пехоты был праздник, когда на фронт поступили первые САУ. Особенно СУ-76.

По сути дела это была 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3, поставленная на лафет лёгкого танка Т-70. Получилась самоходная пушка, защищённая бронёй, лёгкая и маневренная. Механик-водитель и расчёт. Предназначалась для действия в боевых порядках пехоты. Достаточно прочная броня и калибр орудия позволяли на равных тягаться с лёгкими и средними танками противника. Но «Пантеры» и «Тигры» были ей не по зубам, хотя были случаи, когда СУ-76 выходила победителем из поединков с тяжёлыми немецкими танками. Открытая рубка позволяла расчёту мгновенно реагировать на изменения, происходящие на поле боя, получать задачи от пехотных командиров на уничтожение огневых точек противника. Лёгкая самоходка помогала пехоте разрушать и подавлять инженерные сооружения опорных пунктов, прикрывала и усиливала огнём и гусеницами атаку пехоты. Могла она и перевозить десант. Относительная лёгкость новой боевой машины позволяла ей двигаться по бездорожью в лесисто-болотистой местности, по гатям и сравнительно лёгким мостам.

Когда самоходки начали массово поступать в армию, Берзарин собрал совещание командиров полков и батальонов и поставил задачу: отработать приёмы

взаимодействия в бою пехотных взводов и рот с новыми боевыми машинами в условиях плотных городских застроек и открытого поля. Это становилось особо актуальным.

Впереди была Германия. Солдатское сердце подсказывало Берзарину, что всё закончится в большом городе, и лучше бы в Берлине...

В лесах, на лесных дорогах, в дальних деревнях и на хуторах в предгорьях Карпат, Ровенской и Винницкой областей, где стояли части 5-й ударной армии, готовясь к предстоящим боям, в то время было неспокойно. Повсюду действовали отряды боевиков ОУН, бандеровцы различных мастей, бывшие полицаи, сотрудники зондеркоманд, бежавшие от Красной армии. Сотрудники СМЕРШа, подразделения войск НКВД, отряды местной милиции прочёсывали окрестности в поисках схронов. Иногда, когда своих сил не хватало, в операциях участвовали подразделения 5-й ударной армии. В основном использовались разведчики и бойцы из бывших партизан, призванные полевыми военкоматами на территории недавно освобождённых областей.

Летом во время Львовско-Сандомирской операции войска 1-го Украинского фронта маршала И. С. Конева разбили наголову целый ряд формирований, основу которых составляли украинские националисты, в том числе и 14-ю гренадерскую дивизию СС «Галичина»^[78]. Произошло это в середине июля под Бродами в секторе действий 38-й армии генерала К. С. Москаленко. Вот и разбежались по лесам и хуторам бывшие легионеры, роттенфюреры и унтершарфюреры, кому под Бродами не досталось пули. Бежавших от советской власти руководители и функционеры ОУН и УПА энергично сбивали в боевые подразделения для противодействия Красной армии. Курени (батальоны), сотни (роты), чоты (взводы) и рои (отделения) были разбросаны по всему Прикарпатья и Волыни. Сформированные из разного

отребья, в том числе бежавших от красноармейского штыка из внутренних областей России, эти чоты и курени начали настоящую войну против советских войск. Они перехватывали обозы, хватали одиночек, нападали на санчасти, военные госпитали и небольшие гарнизоны.

Женщин, как правило, уводили в лес, а красноармейцев убивали. В 1944 году Красная армия понесла от бандитских нападений следующие потери «убитыми и повешенными»: 187 офицеров и 1880 солдат и сержантов; ранеными 74 офицера и 1770 солдат и сержантов; «пропавшими без вести и уведёнными в лес» — 31 офицер и 402 солдата и сержанта.

Бандеровские схроны, отдалённые хутора в западных областях Украины стали идеальными местами для отсидки и действий оставленных абвером агентов — диверсантов и разведчиков. Десятки раций в назначенный час передавали в эфир шифровки, которые принимали на той стороне. Врагу становилась известной самая разнообразная информация о наших войсках: передвижение армейских эшелонов, колонн боевой техники, вооружение частей, направляющихся к фронту, их состав, количество, настроение, содержание разговоров командиров, политработников и солдат.

К сожалению, власти недооценили степени той опасности, которую представляли собой тогда националистические организации Западной Украины. Малочисленные группы и отряды НКВД не справлялись с обстоятельствами, а зачастую и сами оказывались жертвами бандеровцев.

Однажды Берзарина срочно вызвали в штаб фронта в Ровно. Штабную группу, кроме личной охраны командарма, сопровождал взвод солдат НКВД майора Л. Ф. Аликина. Колонна штабных машин возвращалась, как тогда было принято, другим маршрутом. Он проходил недалеко оттого злосчастного места, где

полгода назад — 29 февраля — был тяжело ранен генерал армии Н. Ф. Ватулин. Последний раз он разговаривал с Николаем Фёдоровичем на передовом НП у Демянска в мае 1942 года.

В дороге Берзарин вспомнил ту встречу, разговор.

— Может, всё же заедем? — предложил Берзарин.

— В данное время — опасно, — сказал майор Аликин.

Венец воина — терновый венец, и среди его колючих терний нет, как мне кажется, ни одного, которое бы заставляло человека страдать сильнее, нежели слепое повиновение...

Войска 5-й ударной армии перешли на зимнее обмундирование. На станции в ее тылу прибывали эшелоны с новой техникой и вооружением. Противотанковые дивизионы получили новенькие 57-мм противотанковые пушки с великолепными прицелами. Эти орудия способны были останавливать немецкие «Тигры» и «Фердинанды». Стрелковые роты, наконец удалось довести до штатной численности — 120 человек. В полках провели тактические учения на тему: «Атака и наступление усиленного стрелкового батальона в глубине обороны противника». В рядах атакующих двигались новенькие СУ-76. Позиции занимали новенькие 57-мм противотанковые орудия. В ротах появились автоматные взводы, а в батальонах — автоматные роты. Значительно увеличилась огневая мощь подразделений.

В середине октября дивизии начали покидать Волынь и Ровеныцину. Армию перебрасывали на северо-запад, в Польшу. Она занимала позиции на центральном участке 1-го Белорусского фронта юго-восточнее Варшавы на Магнушевском плацдарме. Через всю Юго-восточную Польшу растянулись колонны 5-й ударной. И снова командарм попал на языки острословов: мол,

Берзарин наступает как Александр Македонский — тылы перебрасывает караванами верблюдов... Верблюды в обозах некоторых дивизий армии — это правда. Их дали вместо лошадей ещё на Днестре — пригнали из калмыцких степей. Выносливые, надёжные животные, погонщики навьючивали на них десятки ящиков с боеприпасами и перевозили на дальние расстояния по лесам и болотам. Что и говорить, Александр Македонский был мудрым воином...

8

Висло-Одерская операция в масштабах Второй мировой войны, по сути дела, решала проблему Берлина, а для Красной армии — проблему сроков взятия «логова». Она началась 12 января 1945 года. Войска четырёх фронтов — 1-го Белорусского (маршал Г. К. Жуков) и 1-го Украинского (маршал И. С. Конев), 3-го Белорусского (генерал армии И. Д. Черняховский) и 2-го Белорусского (маршал К. К. Рокоссовский) — после тщательной подготовки, накопив мощнейший боевой ресурс, нанесли удар невиданной силы, разгромили немецкую группировку в Польше, освободили десятки польских городов и очистили от немцев огромную территорию. К началу февраля Красная армия приостановила наступление в 60–70 километрах от Берлина.

В эти дни над головой Берзарина за клубились чёрные тучи. Стали циркулировать слухи, что в 5-ю ударную вот-вот будет прислан новый командующий и на Берлин армия пойдёт уже без Берзарина.

Генерал Ф. Е. Боков вспоминал: «8 ноября ко мне пришёл Н. Э. Берзарин. Мы побеседовали с ним о текущих делах, а затем он вдруг предложил сфотографироваться.

— Что ж, дело хорошее. Сначала сфотографируемся здесь, а потом в Берлине... К тому ведь дело идёт. Не так ли?

Я дружески обнял Николая Эрастовича. Но командарм как-то странно и задумчиво посмотрел на меня и тихо произнёс:

— Думается, на Берлин войска 5-й ударной поведёт другой командующий. Надо полагать, мне скоро придётся уехать из армии...

— Не понимаю...

— Увы, печальный опыт, Фёдор Ефимович! — сказал Берзарин после небольшой паузы, вздохнув. — Вот так же, как сейчас, я в своё время готовил войска 39-й армии к Белорусской операции. И вдруг за считанные дни до её начала был назначен новый командующий^[79]. Меня же перевели в другую армию. Вот и теперь, думается, произойдёт нечто подобное. А жаль. Много сделано, да и к людям я привык...

— Неужели вы рассматриваете этот перевод из 39-й как выражение сомнения в ваших способностях командовать войсками в наступательной операции?

— Безусловно. У меня твёрдо сложилось такое мнение.

— Думаю, что вы ошибаетесь, — возразил я решительно. — На войне обстоятельства меняются и за день, а после Белорусской операции вон сколько воды утекло. Да и не следует сбрасывать со счетов успешное наступление нашей армии в Молдавии.

— Всё это так. Но в Яско-Кишинёвской операции мы были на второстепенном направлении, а здесь перед 5-й ударной будут поставлены задачи наиважнейшие.

— И всё же я уверен, что предположения ваши окажутся ошибочными. Вот увидите. А теперь пойдёмте фотографироваться.

Мы пригласили и командующего артиллерией, члена Военного совета генерала Петра Ивановича Косенко. Эти

снимки я и по сей день храню как память о нашей дружной совместной работе в период подготовки к наступлению на берлинском направлении.

Вскоре после праздников поступил приказ, согласно которому 5-й ударной армии до 18 ноября 1944 года предстояло сосредоточиться в районе Сенница, Домбровка, Станы, Луков (40–65 километров от Магнушевского плацдарма). Передислокация проводилась быстро и организованно. На новом месте в относительно спокойной обстановке началась подготовка к наступательной операции, получившей впоследствии название Висло-Одерской.

Фронтальная жизнь, в сущности, складывается из двух слагаемых — боя и учёбы. Войска учились напряжённо, и это было оправданно.

Каждое наступление — это непрерывные бои, длительные, утомительные марши. Поэтому в учёбе не допускались условности. Так, например, на занятиях огневой вал имитировали взрывами толовых шашек и взрывпакетов, а заключительные дивизионные учения проводились с боевой стрельбой. Занятия в каждом стрелковом полку проходили на учебных полях, оборудованных по типу обороны противника перед Магнушевским плацдармом [...]

В целях изучения боевых уставов и внедрения опыта Великой Отечественной войны политуправление фронта издало массовым тиражом ряд листовок-памяток бойцу-автоматчику в наступлении, миномётчику, артиллеристам — истребителям танков и т. д. [...]

В 20-х числах ноября стало известно, что на 1-й Белорусский фронт прибыл новый командующий — заместитель Верховного главнокомандующего, член Ставки Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Новый командующий фронта объехал армии и соединения, познакомился на местах с их составом. Затем маршал Г. К. Жуков и Военный совет

фронта поочередно стали вызывать командующих армиями, членов Военных советов и заслушивать доклады о боевой готовности войск, ставили перед ними задачи.

Настал и наш черёд. Мы с командармом приехали в расположение штаба фронта. Генерал Берзарин обстоятельно доложил о состоянии и ходе боевой подготовки в армии, а я — о политико-моральном состоянии войск и партийно-политической работе.

Вдруг маршал Г. К. Жуков, прервав меня на полуслове, спросил:

— Товарищ член Военного совета! Скажите откровенно, справится ли генерал Берзарин с командованием армией в предстоящей наступательной операции?

Этот вопрос командующего фронта не был вызван характером моего выступления и явился для меня полной неожиданностью.

Я невольно взглянул на генерал-лейтенанта Берзарина. Николай Эрастович как-то помрачнел, опустил голову. Я же почувствовал какую-то невидимую связь между недавним нашим разговором перед фотографированием и этим вопросом маршала.

— Товарищ маршал, если это возможно, то прошу разъяснить, чем вызвана такая постановка вопроса о Николае Эрастовиче? — спросил я в свою очередь.

Командующий фронта немного помолчал, а потом сказал:

— Что ж, поговорим начистоту. В Москве при утверждении плана предстоящей наступательной операции будет разговор и о соответствии некоторых командующих армиями занимаемым должностям. У высшего начальства почему-то возникли сомнения о генерале Берзарине. Поэтому я решил предварительно посоветоваться с вами.

Из практики своей прежней работы в Генеральном штабе я знал, что в Ставке всегда уделяли особое внимание подбору командующих для проведения очень важных наступательных операций. Что греха таить, бывали случаи, когда у отдельных командармов, умело водивших длительными оборонительными боями, вырабатывалась «оборонческая психология», и они потом, в быстро меняющейся обстановке наступления, терялись, действовали порой нерешительно. Но генерал Берзарин был отнюдь не таким. Я убедился, что он является мастером маневра, с инициативой командует войсками в наступлении и добивается успешного выполнения поставленных задач.

— Генерал Берзарин командует армиями с первых дней войны, — ответил я маршалу, — и, как мне известно, проявил себя весьма положительно. Сейчас он деятельно готовит армию к прорыву вражеской обороны и наступлению. В войсках его авторитет очень высок. На мой взгляд, Берзарин как командующий ударной армией вполне на месте. Это, безусловно, опытный и способный военачальник, преданный коммунист. Я, как член Военного совета, твёрдо убеждён, что нет никаких оснований сомневаться в отношении Николая Эрастовича...

Георгий Константинович внимательно посмотрел на Н. Э. Берзарина и твёрдо заявил:

— Я с вами полностью согласен. Так и буду докладывать Сталину.

На обратном пути, помрачневший и, казалось, осунувшийся Николай Эрастович молчал, но уже на следующее утро со свойственной ему энергией взялся за дело.

Вскоре Г. К. Жуков уехал в Москву для доклада Ставке плана предстоящей операции. Вернувшись на фронт, он через некоторое время позвонил мне.

— Фёдор Ефимович, — сказал он весело, — поздравь Берзарина. Государственный Комитет Обороны оставил его командармом. Желаю вам дружеской совместной работы, а армии — ратных успехов.

Неоднократно я убеждался в том, какую гигантскую силу таит в себе доверие к человеку, как оно его одушевляет. Так и Берзарина окрылило — это по всему чувствовалось — оказанное доверие. Теперь он уже не только уверенно, но и вдохновенно руководил подготовкой войск к проведению этой особо важной и напряжённой операции...»

В Висло-Одерской операции многие решили первые часы — артиллерийское наступление. Огненный вал. На участках прорыва плотность артиллерии составляла 250–300 стволов на километр. Как отмечают историки, «эффект от удара превзошёл все ожидания». Немцы совершили роковую ошибку — они подвели свои резервы близко к первой линии и оказались в зоне поражения губительного огня артиллерии. Немецкий военный историк генерал-майор Ф. В. фон Меллентин писал: «Русское наступление за Вислой развивалось с невиданной силой и стремительностью. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи».

На пятый день атаки войска маршала Жукова освободили Варшаву, окружили крупную группировку (до 60 тысяч солдат и офицеров) в городе-крепости Познань. Части маршала Конева овладели Краковом, предотвратив разрушение древнего города отступающим противником, охватили город-крепость Бреслау с крупным гарнизоном и намертво блокировали его. Фронты продвинулись вперёд до 500 километров, сломив семь рубежей обороны группы армий «А». Темп наступления составил 25 километров в сутки, у танковых и механизированных частей — до 70

километров. Наши войска уничтожили 35 дивизий, захватили в плен до 150 тысяч солдат и офицеров противника. К началу февраля Красная армия вышла к Одере и с ходу захватила на западном берегу на Берлинском направлении цепочку плацдармов.

Вскоре эти плацдармы и решат судьбу последнего штурма Третьего рейха.

Армия Берзарина атаковала прямо по фронту с Магнушевского плацдарма. Справа 61-я армия генерала П. А. Белова, слева — 8-я гвардейская армия В. И. Чуйкова. В первый же день её ударные группы разметали немецкую оборону на участке Выборув — Стшижка. Вот что вспоминал о наступлении с Магнушевского плацдарма бывший офицер штаба 899-го стрелкового полка 9-го стрелкового корпуса, впоследствии писатель и биограф генерала Берзарина В. Е. Скоробогатов: «В четыре утра батальоны подняли по сигналу «Тревога!» Людей накормили завтраком, выдали на сутки сухой паёк. Стрелков снабдили патронами и гранатами. Эта деловая суета продолжалась до шести утра. По окопам пробежал полковой почтальон, солдат Фесенко, раздавал листочки с воззванием Военного совета 1-го Белорусского фронта. Достался такой листочек и мне. Приведу цитаты из этого волнующего документа, адресованного бойцам, сержантам, офицерам и генералам войск:

«Боевые друзья! Настал великий час! Пришло время нанести врагу последний сокрушительный удар и осуществить историческую задачу, поставленную Родиной, — добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы...»

«Мы идём в Германию после Сталинграда и Украины, после Белоруссии, через пепел наших городов и сёл. Горе государству мракобесов! Ничто теперь не остановит нас!»

«Нам не впервые бить врага. Войска нашего фронта били его смертным боем под Сталинградом и под Курском, на Днестре и на Нарве. Мы били его и тогда, когда он шёл на нас со своими подручными. Теперь гитлеровские прихвостни, жестоко проученные Красной армией, поворачивают оружие против фашистской Германии. Мы били врага и тогда, когда сражались против полчищ захватчиков одни, а теперь вместе с нами его бьют американцы и англичане, французы и бельгийцы. На этот раз мы добьём врага окончательно».

На нашем участке немцы, узнав о прорывах на флангах, стали с боем отходить, избегая контакта с наступающей пехотой. Вступали в бой только подразделения прикрытия.

Всё пришло в движение. Вокруг нас простиралась чуть-чуть всхолмленная равнина, поросшая ёлочками и сосняком. Ночью в воздухе кружились снежинки, а сейчас воздух был чист, стоял лёгкий морозец, градусов до пяти. Подразделения сначала двигались по пространству врассыпную, но некоторые из них постепенно стали сворачиваться в колонны и выходить на просёлки и к грейдеру, в направлении селения Нова Гура [...]

Не говоря уже о командирах полков и дивизий, большинство высших чинов корпусов, армий находились с нами, непосредственно в зоне боевых действий. С ними небольшими группами передвигались на разных видах транспорта и штабные офицеры. Таким способом оперативные группы офицеров во главе с генералами осуществляли управление войсками».

В первый день наступления комфронта маршал Г. К. Жуков находился в одной из колонн наступающей 5-й ударной армии. Вместе с войсками — вперёд. Передвигался то на штабном вездеходе, то пешком. Берзарин, опираясь на палку, шёл рядом. Жуков часто связывался со штабами армий, разговаривал то с

В. И. Чуйковым, то с генералом Ф. И. Перхоровичем^[80], чья 47-я армия наступала на правом фланге фронта и охватывала Варшаву с севера, командармом-33 генералом В. Д. Цветаевым^[81]. 33-я совместно с 69-й и 7-м гвардейским кавкорпусом осуществляла вспомогательный удар с Пулавского плацдарма. Судя по настроению маршала, по тому, как он сбивал на затылок папаху, дела шли хорошо. Однако по привычке накручивать своих подчинённых, он постоянно поторапливал командармов.

Из воспоминаний В. Е. Скоробогатова: «В первый день наступления с Магнушевского плацдарма маршал Жуков находился фактически в боевых порядках в нашем 9-м корпусе. Мы в этом убедились.

Убедились потому, что произошло дорожное ЧП. По грейдеру, проложенному здесь через небольшое болотце, двигался наш стрелковый полк и ещё врезались какие-то грузовики, орудия, обозы. И вдруг возник затор, потому что у какого-то шофёра впереди, как говорится, «по закону подлости», заглох мотор. Транспорт напирал друг на друга, и движение прекратилось. Люди суетились, офицеры бегали, отдавая какие-то команды, бегал и я в том числе, а сдвига не получалось. Вдали заскрежетал немецкий шестиствольный миномёт.

Я по кочкам, через болотце, отбежал в сторону и остолбенел. Правее, совсем недалеко, виден был изрытый ямами бугор и на нём — курган. В неглубокой траншее — группа высших чинов. Они были узнаваемы — Жуков, Берзарин, авиаторы, танкисты.

Маршал, увидев безобразие на грейдере, оставил свой окопчик и широким шагом направился к скоплению паниковавших людей и техники.

И мгновенно, как молния, над столпотворением раздались возгласы: «Жуков! Жуков! Жуков!»

И тут по грейдеру прошло что-то вроде судороги. Сотни рук схватились за свою технику, за транспортные средства. Десятки рук вцепились в борта и скаты злосчастного повреждённого «Студебеккера». Неисправная машина вместе с какими-то ящиками полетела с насыпи в болото. Колонна мгновенно стала выправляться и силой солдатских мускулов, конской энергией, загрепевших моторов начала принимать привычную форму: тягачи, обозы, пушки резко сдвинулись, и вся эта масса ринулась вперёд.

Я увидел лицо маршала. Комфронта пошёл к кургану. Там были Берзарин, Косенко, Кущев, Боков, другие генералы; один из них — авиатор. Держа в руке микрофон, лётчик-генерал отдавал команды своим эскадрильям, видневшимся в небе».

Что для наступающего полка, а тем более фронта, какой-то грузовик? Будь он нагружен боеприпасами или продовольствием, за который старшина роты, когда узнает, что случилось с недельным пайком роты, голову оторвёт. Вот так и судьба одного солдата, а в иных обстоятельствах и целого полка — ничто, дорожный эпизод на пути армий и фронтов к Берлину...

Полки шли вперёд. То колоннами, то рассыпавшись побатальонно и поротно перед опорными пунктами, которые встречали наступающих огнём. Сбивали немецкую оборону и двигались дальше.

Вскоре вышли к гряде холмов, опоясанных линиями ходов сообщения и противотанковых бетонных надолбов.

— «Зубы дракона», — пояснил кто-то из штабных офицеров.

«Виллис» командарма и штабной бронетранспортёр остановились.

Перед «зубами дракона» стояли огнемётные танки. Видно, спешили помочь пехоте выкурить из бункеров и блиндажей гарнизон укрепрайона. Но немцы ушли

заблаговременно, бросив позиции, не дожидаясь подхода частей 5-й ударной армии.

Берзарин вышел из «Виллиса». Прочитал надпись на серой стене каземата — чёрной краской аршинными буквами, по-русски: «Смерть разбойникам Жукова!» И сказал:

— «Зубы дракона» мертвы. Они не изрыгают огня. Видно, не нашлось для этих казематов в Третьем рейхе зуавов-смертников.

— Да, — покачал головой генерал Боков, — дело сделали большое, а не воспользовались.

Кто-то из офицеров сказал:

— Видать, наших пленных немало здесь зарыли...

Помолчали.

Берзарин снова окинул взглядом линию бетонных «зубов» и подытожил:

— Вся-то суть дела, Александр Михайлович, — обратился Берзарин к своему начальнику штаба, — вот таких грозных «зубов» заключается в человеке, а не в бетоне. Солдат порой в бетонном бункере, за метровыми стенами, боя не выдерживает, а порой в простом окопе его не взять...

У Берзарина великолепный штаб.

Начштаба генерал Александр Михайлович Куцев. Спокойный, порой производит впечатление человека флегматичного, замкнутого. Берзарин знал: эта черта характера благоприобретённая. И дело вот в чём. До рокового 1939 года Куцев успел окончить курс двух академий: в 1932 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1938 году — Академию Генерального штаба РККА. Службу начинал ещё в Русской императорской армии, воевал в Первую мировую в чине унтер-офицера. В 1917 году добровольно вступил в Красную гвардию, через два года уже командовал артиллерийским дивизионом. В 1938-м, после окончания Академии Генштаба, его направили на Дальний Восток,

где он получил назначение на штаб 57-го особого стрелкового корпуса, который под командованием комкора Г. К. Жукова вскоре отличился в сражении на реке Халхин-Гол. В период боёв в штабе пропал единственный экземпляр оперативной карты. Начштаба, как известно, отвечает за всё: Кущева арестовали, обвинили в передаче оперативной карты японцам. Следователи старались так, что комбриг наговорил на себя бог знает что. Потом, при передаче дела в прокуратуру, от своих показаний отказался. Но это не помогло. Обвинялся в том, что ещё в 1935 году «завербован японской разведкой и проводил подрывную предательскую работу в период боёв в 1939 году в районе реки Халхин-Гол». В ноябре Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по статье 58-16 УК РСФСР — 20 лет без права переписки с поражением в правах, конфискацией имущества и лишением воинского звания «комбриг». Отбывать наказание Кущева отправили в Устьвымлаге, там получил ещё «пятёрку». В июне 1943 года, когда железным огнём горела Курская дуга, по ходатайству и под поручительство Г. К. Жукова он был освобождён из заключения досрочно, восстановлен в РККА с понижением в воинском звании до полковника. В сентябре 1944 года был произведён в генерал-майоры. Все, знавшие его историю, прекрасно представляли себе и роль Мехлиса в его аресте и жестоком приговоре, равносильном смертной казни. Дело в том, что, когда Жуков, вопреки уставу, бросил в бой танковую бригаду без прикрытия пехоты на позиции японцев, из корпуса тут же по каналам особой связи в Москву сигнализировали о «проступке» волевого комкора. И в район боевых действий по поручению Л. П. Берии вылетел начальник Главного политуправления РККА комиссар 1-го ранга тов. Мехлис. Вот тогда-то в корпусе и начались аресты «шпионов» и «врагов народа».

Г. К. Жуков чувствовал и свою вину перед Кущевым. Там, на Халхин-Голе, когда за комбригом пришли офицеры НКВД, он пытался вступить за своего начальника штаба, но ничего не вышло. Если бы карта вдруг нашлась... А то ведь сверхсекретный документ пропал. Где он? Все тогда в штабе стояли на ушах. Возможно, был недостаточно настойчив, убеждая работников спецслужб в добросовестности Кущева. Теперь, как бы между прочим поинтересовавшись у Берзарина работой начальника штаба и услышав в адрес дальневосточника похвалы, маршал старался всячески опекать своего бывшего комбрига. После ряда удачно разработанных и блестяще проведённых армией армейских и фронтовых операций настало на представлении скромного — всегда в тени — Александра Михайловича к званию Героя Советского Союза. Этого высокого звания генерал Кущев был вполне достоин. Но Жуков смотрел дальше: судимость с Кущева, несмотря на его фронтовые заслуги, была ещё не снята. Официально реабилитирован он будет спустя 20 лет после войны, в 1965 году.

Войну генерал А. М. Кущев закончит в Берлине. Его парадный мундир будут украшать высокие награды: два ордена Ленина, три Красного Знамени, Кутузова 1-й и 2-й степени и дорогая ему медаль «XX лет РККА».

Должно быть, и вправду на свете нет ничего выше самопожертвования — недаром так много прекрасного заложено в людях незаметных, которые подчас не имеют и представления о собственных достоинствах и не задумываются о тайном смысле своего существования. Именно благодаря самопожертвованию у человека, чья жизнь проходит в лишениях и невзгодах, каким-то чудом создаётся характер, формируемый нарочито и вместе с тем исполненный великодушия,

черты которого крупны и благородны, как черты лица на древней медали.

Полнейшее самоотречение, о котором я только что говорил, постоянное и равнодушное ожидание смерти, безусловный отказ от свободы мыслей и поступков, медленность продвижения по службе, почти не дающая простора честолюбию, и невозможность накопления богатств пробуждают добродетели, весьма редкие среди тех категорий людей, которые вольны поступать, как им захочется...

Рядом с командармом и в штабе, и на НП передовой линии, и в колонне наступающих войск всегда был член Военного совета генерал-лейтенант Фёдор Ефимович Боков. Уроженец Воронежской губернии. До войны окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. С начала войны на фронте — член Военного совета Северо-Западного фронта, 2-го Белорусского фронта. Берзарин познакомился с Боковым во время боёв под Демянском. Когда получил назначение на 5-ю ударную, тут же перетащил его к себе.

Артиллерия в 5-й ударной, как правило, начинала каждую очередную операцию. Она же ликвидировала прорывы и останавливала контрудары противника, отбивала его танковые атаки. Артиллерией командовал генерал-майор Пётр Иванович Косенко. Родился в селе Великомихай-ловка под Новым Осколом. В Красной армии с 1919 года, участник Гражданской войны. Окончил артиллерийскую школу в Харькове, затем — Одесскую командную школу тяжёлой береговой артиллерии. Командовал огневым взводом и дивизионом. В 1938 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и отбыл на Дальний Восток. Командовал артиллерией 1-й Краснознамённой Дальневосточной армии. В самый канун войны окончил Курсы высшего

комсостава при Академии Генерального штаба РККА. Воевал под Москвой, в районе Демянска, на Воронежском фронте командовал 1-й истребительно-противотанковой артиллерийской дивизией. Отличился в ходе Курской битвы. С 1944 года командовал артиллерией 5-й ударной армии. После войны Герой Советского Союза генерал Косенко будет командовать артиллерией воздушно-десантных войск.

Хорошо была поставлена работа оперативного отдела. Не подводила связь.

Широкомасштабная Висло-Одерская операция распадалась на целую серию более мелких и частных операций. Одной из них была Варшавско-Познаньская операция 1-го Белорусского фронта. Основной удар в рамках этой операции осуществляли 5-я ударная, 8-я гвардейская и 61-я армии.

Шестнадцатого января вводом в прорыв 2-й гвардейской танковой армии в полосе армии Берзарина маршал Г. К. Жуков начал классическое наступление на охват с последующим разгромом.

За четыре дня наступления войска 1-го Белорусского фронта разгромили главные силы 9-й армии противника, а подвижные силы фронта прорвались в оперативную глубину обороны немцев на расстояние до 130 километров. То, что себе позволяли летом 1941 года танковые группы Г. Гудериана, Э. фон Клейста и Г. Гота, теперь, и более успешно, осуществляли гвардейские танковые армии генералов М. Е. Катукова, С. И. Богданова, П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко. 26 января танковые клинья 1-го Белорусского фронта достигли польско-германской границы. 29 января гвардейские танковые корпуса успешно преодолели Мизе-ритцкий УР и выкатились на булыжные мостовые приграничных немецких городов.

Тридцать первого января авангарды 5-й ударной армии достигли Одера. Берзарин тут же передал им

приказ: вперёд, без остановки — на западный берег! К исходу 3 февраля в районе Кюстрина были захвачены, а затем расширены плацдармы.

Жуков был явно настроен идти дальше и завершить удачно протекавшую операцию в Берлине. Не зря же его штаб накануне операции внушал каждому бойцу: «Пришло время нанести врагу последний сокрушительный удар и осуществить историческую задачу, поставленную Родиной, — добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы...»

Но тут случилось то, чего опасались в штабе фронта больше всего. Противник усилил свою группировку в Померании. Группа армий «Висла» изготовилась для удара в южном направлении во фланг наступающим войскам 1-го Белорусского фронта. В помощь группировке 2-го Белорусского фронт маршал Г. К. Жуков направил четыре общевойсковых, две танковых армии и один кавалерийский корпус. Вскоре они покончили с Померанской группировкой противника. Но силы были израсходованы, а момент для молниеносного удара на Берлин оказался упущен. Немцы успели укрепиться в Заодерской равнине, создать глубокоэшелонированную оборону до самого Берлина, в том числе линию Зееловских высот.

Впоследствии маршал В. И. Чуйков напишет: «Если бы Ставка и штабы фронтов как следует организовали снабжение и сумели вовремя доставить к Одеру нужное количество боеприпасов, горючего и продовольствия, если бы авиация успела перебазироваться на приодерские аэродромы, а понтонно-мостостроительные части обеспечили переправу войск через Одер, то наши четыре армии — 5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я танковые — могли бы в начале февраля развить дальнейшее наступление на Берлин, пройти ещё восемьдесят — сто километров и закончить эту

гигантскую операцию взятием германской столицы с ходу».

Дело не в фантазиях Чуйкова. И не в его полуфантастических публицистических «если бы». (Если бы на наш горох не мороз, он бы и тын перерос...) Дело в том, что такие, февральские, настроения в войсках, сосредоточенных перед Берлином, существовали. У Чуйкова это настроение выплеснулось: такой у него был характер — прямой, солдатский. Другие помалкивали или подбивали итоги, исходя уже из событий общего контекста завершённой истории взятия Берлина.

Армия Берзарина сделала самый глубокий бросок вперёд и остановилась на Кюстринском плацдарме. До «логова» оставалось всего ничего — 60 километров. Через Зееловские высоты.

Однажды, после успешного завершения Яско-Кишинёвской операции начальник штаба 3-го Украинского фронта генерал С. С. Бирюзов позвонил Берзарину и поздравил с овладением Кишинёва.

— Желая так же успешно взять Берлин.

Берзарин ответил в тон Бирюзову:

— Спасибо, Сергей Семёнович. Но если вам поручат планировать Берлинскую операцию, то вы опять поставите меня на второстепенное направление.

— Вас хоть куда ставь, вы всё равно будете впереди.

9

«Дату вступления войск 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта на территорию коренной Германии, — вспоминает В. Е. Скоробогатов, — можно назвать точно: 27 января 1945 года. В этот день на пути следования наших частей в городе Лукац-Крейц мы прочли надпись на фанерном щите, прибитом к телеграфному столбу: «Вот она, проклятая Германия!»

Выступив из Магнушева 14 января 1945 года, мы к 28 января преодолели более 500 километров. С боями, по бездорожью, сквозь ветер и снегопад. «Пехота — царица полей» — красиво звучит. Но какой тяжкий ратный труд был взвален на матушку-пехоту! Никогда не забуду одни страшные сутки марш-броска. До цели, до села Эшенбуш, надо было преодолеть что-то около 60 километров. Шли просёлками и перелесками, в условиях густой снежной метели. Каждый боец был нагружен, как верблюд. Что нёс солдат? Вещмешок с предметами личной гигиены и с суточным пайком. Имел набитую патронную сумку, винтовку и автомат, несколько ручных гранат. На салазках обычно волокли ящики с минами, станковые пулемёты...

Проходили черные пустые селения, лесные чащи. Наконец-то показались какие-то огоньки, скопление транспорта, орудия. Эшенбуш! Шли очень долго, а достигли посёлка после полуночи. Я полностью потерял способность передвигаться [...] Забрался внутрь какого-то помещения, где при свете керосинового фонаря спали вповалку люди.

«Кто-то уступил мне место в углу, где я сел на пол. Нет, я не уснул — я просто потерял сознание».

Берзарин гнал вперёд свои корпуса и дивизии. На узлах сопротивления не задерживались, обходили их, оставляя вторым эшелонам, артиллерии и авиации. На Одер его войска вышли первыми. В первых числах февраля 248-я стрелковая дивизия (генерал-майор Н. З. Галай^[82]) 9-го стрелкового корпуса завязала бой на берегу Одера и с ходу, «под огнём врага, по ненадёжному льду, разбитому авиацией и артиллерией», начала переправу. Одновременно на соседнем участке начали переправу на западный берег 89-я и 94-я гвардейские дивизии.

Берзарин доложил Жукову: дошли! Жуков: нужен плацдарм, вперёд! Берзарин: есть плацдарм,

закрепляемся! Жуков: поздравляю, держись! И тут же подтвердил свой приказ письменно: «На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача — удержать занимаемый плацдарм на западном берегу реки Одер и расширить его хотя бы до 20 километров по фронту и 10–12 километров в глубину.

Я вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной им задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от всех исключительной стойкости и доблести.

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха. *Г. Жуков*».

Жуков явно выделял 5-ю ударную и её командующего.

В приказах комфронта этого периода начинает пробиваться пафос. Что ж, события развивались стремительно. Финал был уже близок.

Берзарину везло. Но, как говорят, везение — это тщательно подготовленное стечение обстоятельств. Однако на подходе к Одере 5-й ударной действительно повезло. Бойцы 899-го стрелкового полка^[83] захватили капитана инженерных войск, занимавшегося строительством оборонительных рубежей на подступах к Берлину и в самом городе. У него оказался подробный план Большого Берлина и пригородов с нанесёнными на него инженерными сооружениями оборонного значения и другими военными объектами. Курсанты допросили инженера, тщательно изучили план, словно знали, что скоро им идти с боем через предместья и по улицам Берлина, и отправили его в штаб дивизии, к генералу Н. З. Галаю. Тот тут же направил его в штаб корпуса, к Ивану Павловичу Рослому. Вскоре план и немецкий капитан оказались в штабе фронта.

Штабы в те дни работали день и ночь. Офицеры оперативных отделов добросовестно исполняли на пузе все наиболее важные участки предстоящего

наступления, истоптали все ходы сообщения переднего края. Наносили на карты лощинки, высотки, здания, рощи и речки, каналы и фольварки. Авиационная разведка проводила регулярную фотосъёмку. Самолёты-разведчики забирались в глубину немецкой обороны, за Зееловские высоты, до пригородов. Артиллеристы фиксировали свои цели, лётчики — свои, танкисты — свои, офицеры-наблюдатели стрелковых частей — свои. Дорожные перекрёстки, мосты, линии траншей, бетонные бункеры, каналы, противотанковые орудия и пулемётные ДОТы, которыми, как правило, заканчивались отрезки дорог на перекрёстках и за поворотами. Четыре года войны научили их распознавать под стогами сена и различными хозяйственными постройками позиции пулемётных расчётов, под крышами сараев и конюшен — одиночные противотанковые орудия, танки, во дворах припаркованные грузовики, бронетранспортёры и тягачи, за стенами фольварков замаскированные ветками и маскировочными сетками миномётные батареи.

На плацдармах у Кюстрина было тесно от войск и боевой техники.

Накануне в штаб 1-го Белорусского фронта из Москвы поступила директива Ставки ВГК № 11059: «Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырёх общевойсковых армий и двух танковых армий».

Берзарин рассматривал в стереотрубу линии проволочных заграждений, холмы на горизонте, жилки каналов и дорог. С волнением думал: скоро. Сбывалось то, о чём мечтали, но о чём боялись сказать вслух под Ржевом и Демянском. До Берлина, если напрямик на запад, всего 60 километров.

Комфронта поставил задачи армиям на первые четыре дня наступления серией отдельных приказов

ударным группировкам. Первым номером шла частная директива за № 00539/оп, в которой определялась роль и место в колоннах наступающих 5-й ударной, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й гвардейской танковыми армиями. Этим четверкам предстояло атаковать с Кюстринского плацдарма. Но роль коренника в этой гонке отводилась армии Чуйкова.

Берзарину предписывалось:

«Прорвать оборону противника на участке: отм. 9,3 (2 км сев. Цехин), Ной-Харденберг, Грунов, Безенталь, Блумберг, Бланкенбург, Тегель, овладеть рубежами:

а) в первый день операции — искл. Альт-Фридлянд, Ной-Харденберг, искл. Альт-Розенталь;

б) во второй день операции — искл. Претцель, Рульдсдорф;

в) в третий день операции — искл. Люме, Куммензее, Альт-Ландсберг.

В дальнейшем овладеть северо-восточной и северной частью г. Берлина и на шестой день операции выйти на восточный берег оз. Хавельзее»^[84].

Общевойсковые армии должны были прорвать первые линии обороны, обеспечив возможность для ввода в прорыв мобильных сил танковых армий с целью развития наступления. Согласно плану Берлинской операции события должны были развиваться по классическому сценарию, отработанному в предыдущих масштабных атаках. Танковые бригады М. Е. Катуква и С. И. Богданова должны были проложить дорогу к пригородам Берлина от юго-западной его части до северной и затем выйти к Эльбе навстречу союзникам.

Историк Алексей Исаев пишет: «Ни 1-й, ни 2-й танковыми армиями не ставилась задача водрузить красное знамя над Рейхстагом. Их задачей был быстрый прорыв на окраины Берлина и захват пригородов по периметру города. Шесть танковых и механизированных корпусов по плану «обволакивали» немецкую столицу,

подобно тому как паук заматывает жертву в паутину. Тем самым Берлин блокировался и подготавливался к генеральному штурму с запада 8-й гвардейской и 5-й ударной армиями. Через Силезский вокзал к центру города должна была идти пехота армии Чуйкова, а не танки Катюкова. По первоначальному плану операции участие танковых армий в уличных боях было минимальным. Они должны были только предотвратить усиление гарнизона».

Состав 5-й ударной армии перед последним штурмом выглядел следующим образом: четыре корпуса — 26-й гвардейский, 9-й, 32-й стрелковые, 11-й танковый; 61-я инженерно-сапёрная бригада; 4-я гвардейская истребительно-противотанковая бригада; 220-я танковая бригада; 89-й тяжёлый танковый полк; 92-й инженерно-танковый полк (15 тральщиков Т-34); 396-й тяжёлый самоходный артиллерийский полк; 274-й отдельный механизированный батальон особого назначения. В каждой из девяти стрелковых дивизий был самоходно-артиллерийский дивизион. Армия располагала 353 бронеединицами: 128 ИС-2, 41 Т-34, 3 Т-70, 134 СУ-76, 26 ИСУ-122, 21 ИСУ-152. Махина! Мощь, как говорили тогда солдаты, глядя, как на марше их обгоняют танки и бронетехника усиления. Такой бы кувалдой в 1942-м Демянский «котёл» крушить...

Ударной группировке маршала Г. К. Жукова противостояла 9-я полевая армия генерала пехоты Теодора Буссе группы армий «Висла». По численности имевшая в своем составе около 200 тысяч человек немецкая группировка значительно уступала нашей. Но инженерные сооружения, прекрасно оборудованные позиции вполне компенсировали эту разницу. Так что драться предстояло на равных. Решал, как всегда в таких сражениях, моральный дух войск или, как говорят теперь, мотивация.

Плотность артиллерии в период артподготовки на участке 5-й ударной армии была 286 стволов на 1 км фронта. Для сравнения: на участке 8-й — 268 стволов. Прожекторы распределили по всему периметру. 5-й ударной досталось 36 установок из 143. Толку от них было мало.

Армии Берзарина судьба поднесла горькую чашу сразу, ещё перед общей атакой, когда поступил приказ провести разведку боем.

Каждая армия, изготовившаяся к штурму, проводила разведку боем перед своим фронтом своими силами. Но на Кюстринском плацдарме, где стояли ещё две армии — подведённые сюда накануне 3-я ударная и 47-я, — разведку боем решено было провести силами частей, ранее занимавших плацдарм. Так что батальоны полезли на проволоку не только на своих участках, но в полосе соседей.

Короткие бои продолжительностью два-три часа, в ходе которых пехота и танки продвинулись до 400 метров в глубину обороны противника, показали: на первом рубеже немцы держат немногочисленные боевые охранения; во второй линии находятся основные силы пехоты и артиллерии, а между ними — отдельные узлы сопротивления, ДОТы, одиночные самоходные орудия, которые своим огнём контролируют промежуточное пространство. Берзарин со своим штабом сделал вывод: «Проводить полную артподготовку по первому рубежу и прилегающей к нему тактической глубине не имеет смысла»^[85].

На следующий день командарм приказал усилить группы тяжёлыми танками, орудиями большой мощности, миномётами. На некоторых участках батальоны продвинулись до 2-2,5 километра и закрепились там. В результате была сбита со своих позиций 25-я моторизованная дивизия немцев. Её окопы заняли берзаринцы.

В полосе 8-й гвардейской армии разведку боем проводили штрафники.

Наконец наступило долгожданное и роковое 16 апреля.

10

Протяжённость фронта наступления у 5-й ударной армии составляла девять километров. Свои войска Берзарин выстроил в два эшелона: в авангарде — пять дивизий. На их пути стояли части 309-й пехотной и 9-й парашютной дивизий армии Буссе.

В 5.00 началась артподготовка: на участке 5-й ударной армии огонь вели 1999 орудий различных калибров и 306 установок гвардейских миномётов БМ-13 — «Катюши».

В первый же день наступления выяснилось: продвижение вперёд слабое, сопротивление сильное. 26-й гвардейский стрелковый корпус сбил противника с железнодорожной насыпи и продвинулся на три километра. Успехи соседей в первый день наступления оказались ещё более скромными. Тем не менее первая линия была всё же прорвана, войска подошли ко второй линии немецкой обороны — «позиции Харденберг».

Потери 5-й ударной были самыми большими — 369 человек убитыми и 1298 ранеными.

Наступление не прекращалось и ночью. Теперь в боевых порядках дивизий 1-го эшелона шли танки и самоходки 2-й гвардейской танковой армии. К исходу второго дня наступления войска Берзарина продвинулись ещё на 8—14 километров и перерезали шоссе 167, за которым открывался вид на Зееловские высоты. Советские войска прорвали позиции «Харденберг» и «Штейн». И вновь потери армии были самыми высокими: 615 человек убитыми и 2034

ранеными. Такова цена успеха армии, добившейся во второй день наступления 1-го Белорусского фронта наибольших результатов.

В одной полосе с пехотой Берзарина шли танки 1-го механизированного Красноградского корпуса генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина^[86], входившего в состав 2-й гвардейской танковой армии. Корпус сильный. Его состав: 19-я, 35-я, 37-я механизированные бригады, 219-я танковая бригада, 57-й отдельный мотоциклетный батальон, 347-й гвардейский, 75-й и 1822-й самоходно-артиллерийские полки, 294-й миномётный полк, 1382-й зенитный артиллерийский полк, 41-й гвардейский отдельный миномётный дивизион реактивной артиллерии.

Танковая и механизированные бригады были укомплектованы исключительно ленд-лизскими танками «Шерман» и «Валентайн», а также бронемашинами «Скаут Кар». («Скаут Кар» — машина большой проходимости с мощным мотором и противопульной обшивкой, по хорошей дороге он развивал скорость до 90 км/час. Что-то вроде современного джипа. На нём устанавливались два, иногда три, а то и четыре пулемёта на турелях. В условиях городского боя в кварталах с плотной застройкой такой бронетранспортёр был незаменим. Представьте себе, во двор влетает бронированная машина с открытым верхом и из пулемётов, установленных на турелях, начинает поливать свинцом окна и мансарды, где засел противник. Два из четырёх пулемётов — крупнокалиберные 12,7-мм «Браунинги». Джип Второй мировой использовали и в качестве автомобиля-разведчика, и в качестве артиллерийского тягача, и как штабную машину. На его платформе устанавливали лёгкую противотанковую пушку или миномёт.)

С прорывом ударников Берзарина и бригад генерала Кривошеина к Зееловским высотам наметилось, наконец, направление предстоящей атаки в глубину немецкой обороны.

Штаб группы армий «Висла» лихорадочно латал образовывавшиеся то тут, то там бреши во фронте 9-й армии, перебрасывая сюда новые и новые части из резервов и с более спокойных участков.

Войска маршала Г. К. Жукова, остановленные перед Зееловскими высотами, начала усиленно обрабатывать немецкая авиация. Видя, какие потери начали нести передовые части, Берзарин тут же запросил у штаба фронта прикрытия с воздуха. Пехотинцы и танкисты с восторгом наблюдали, как наши Яки и ЛаГГи буквально рвали над Зееловскими высотами немецких асов. Десятки «Юнкер-сов» и «Фокке-Вульффов» были сбиты в тот день. В штабе 5-й ударной с удовлетворением и восхищением повторяли: «В небе Савицкий!»

Генерал-лейтенант Е. Я. Савицкий командовал 3-м истребительным авиационным корпусом. И каждый день поднимался в воздух на своём командирском Як-3 в группе со своими «соколами». К концу войны на его личном счету было 22 самолёта и два сбитых в группе. А всего с 1942 года по 1945-й генерал Савицкий произвёл 216 боевых вылетов.

Берзарин какое-то время наблюдал, как кувыркаются, словно игрушечные, над сопками высот истребители 3-го корпуса, как вываливаются из «карусели» дымящие «Фоккеры» и «Мессершмитты», потом позвал шифровальщика Аверину и продиктовал телеграмму для генерала Савицкого: «Прошу объявить благодарность лётчикам вашего корпуса, отлично действовавшим в сложных метеорологических условиях при обеспечении войск и переправ через Одер».

На третьи сутки штурма войска Берзарина и Чуйкова при поддержке танковых армий начали развивать успех,

наметившийся на их стыке. Их пытались контратаковать 11-я моторизованная дивизия СС «Нордланд». Ударом наших авангардов контратака была сорвана ещё на стадии развёртывания. Немецкие тылы уже давали сбой, танки «Нордланда» стояли без горючего и использовались в бою как неподвижные огневые точки.

На четвёртый день 61-я армия генерала П. А. Белова, действовавшая правее, с Франкфуртского плацдарма, начала переправу через Одер. Бывший командир LVI танкового корпуса генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг вспоминал: «18 апреля русские продолжали расширять прорыв между LVI и XI тк СС, а равно между LVI тк и CI ак, оказывая одновременно давление с фронта на части LVI тк». Вводом в бой последних резервов, в том числе моторизованных дивизий СС «Нордланд» и «Нидерланд», группе армий «Висла» на сутки удалось задержать обвал своего фронта.

Девятнадцатого апреля «позиция Вотан» была взломана сразу на широком фронте в полосах наступления 5-й ударной, 3-й ударной и 8-й гвардейской армий.

Корпус генерала Кривошеина, сменив направление, ушёл вперёд. Атаки 5-й ударной армии теперь поддерживал 12-й гвардейский корпус генерала Н. М. Телякова^[87]. Корпус сильный, при трёх гвардейских танковых бригадах, гвардейской мотострелковой бригаде и вспомогательных частях. Стрелковые корпуса 5-й ударной армии при поддержке гвардейской бронетехники сбили части 9-й армии с рубежа восточнее Ригенвальде и продвинулись в глубину на десять километров и более.

С прорывом «позиции Вотан» фронт 9-й немецкой армии начал рассыпаться.

Из штаба фронта в связи с изменившимися обстоятельствами тут же поступили директивы, определившие армиям новые направления.

Общевойсковые армии Берзарина и Чуйкова и танковая громада Катюкова с боями и частыми вынужденными остановками, обусловленными яростным сопротивлением частей 9-й армии, двигались к «имперской столице» вдоль шоссе № 1 и составляли левое крыло фронта. «К вечеру 20 апреля, — пишет исследователь Битвы за Берлин Алексей Исаев, — стрелковые дивизии 8-й гв[ардейской] и 5-й ударной армий выстроились подковой вокруг сбитых с «позиции Вотан» остатков корпуса Вейдлинга». Сам Вейдлинг вспоминал тот день так: «20 апреля сильно побитые части LVI тк вели бои на линии Гартенштадт (севернее Штраусберга), Клостнрдорф, Хозенхольц, Дамсдорф, Мюнхеберг. Это был самый тяжёлый день для моего корпуса и, пожалуй, для всех немецких частей; части, понесшие огромные потери в предыдущих боях, измотанные и усталые до крайности, не могли больше выдерживать огромный натиск превосходящих русских войск...»

Реки... Сколько их пришлось форсировать, переплывать на плотках, переходить вброд и по только что наведённым мостам, перебегать по тонкому окровавленному льду солдату Красной армии на пути к Берлину! Для Берзарина водные преграды начались с озера Селигер на Валдае. Затем были Вазуза, Ловать, реки Подмосковья, Днестр. Последней крупной водной преградой перед Берлином стал Одер. И вот теперь Берзарин со своими солдатами подошёл к Шпрее. Без сомнений — река большая, но всё же не Одер и не Днестр.

Каждый, кому на войне дана власть над подчинёнными, рано или поздно задумывается над ценой своих побед и рисует в воображении картины гибели своих солдат, тех, кого он посылал на смерть. Кто-то из его солдат выжил, кто-то нет, добросовестно исполняя полученный приказ. Такие картины бывают

чудовищны и порой не согласуются с логикой политических задач и военной необходимостью...

Полк принадлежал полковнику, а рота — капитану...

11

Историки признают: «Своё участие в Битве за Берлин 5-я ударная армия начала с блестящего «хода конём» с форсированием реки Шпрее»^[88]. Отличился 9-й стрелковый корпус генерала Рослого. Надо заметить, что с выходом корпуса в предместья «Имперской столицы» его дивизии и части усиления действовали с особым подъёмом и энергией, будто у солдат, сержантов и офицеров открылось второе дыхание.

И здесь Берзарину снова повезло: для форсирования Шпрее армии были приданы катера Днепровской речной флотилии. Небольшие полуглиссеры, вооружённые пулемётами «Максим» на турелях, в считанные минуты приняли десант, и вскоре 400 человек вслед за разведкой высадились на противоположном берегу, подавили немногочисленные гарнизоны противника, разбросанные вдоль побережья, и закрепились на плацдарме. Моряки-днепровцы начали переправу: на катерах и глиссерах они непрерывно перебрасывали на плацдарм пехоту, на паромах — артиллерию.

Пленный, захваченный при расширении плацдарма, рассказал: «Большинство сил подсектора-2 располагалось на главной линии обороны, так как готовились отразить удар с юго-востока; на левом фланге по р. Шпрее имелось только боевое охранение, так как мы не думали, что русские будут форсировать озёра. Однако русские ударили нам во фланг, тем самым нарушили всю систему обороны сектора». Вслед за артиллерией на паромы начали заезжать танки. В этот

день 26-й стрелковый корпус генерала Фирсова захватил Силезский вокзал. Бой не утихал ни днём ни ночью.

Утром 23 апреля Берзарину передали 11-й танковый корпус генерала И. И. Ющука^[89]: три танковых бригады, каждой из которых придан полк СУ-76. Сила!

По приказу командарма в полках и батальонах начали формировать штурмовые группы. В зависимости от поставленной задачи штурмовые группы могли быть численностью от отделения до роты. Их оснащали пулемётами, 45-мм орудиями, а также 76-мм дивизионными и полковыми пушками, 122-мм гаубицами, миномётами различных калибров. Усиливали двумя-тремя самоходками или тяжёлыми танками ИС-2. Штурмовые группы двигались в авангарде соединений, зачищали от затаившихся фаустников дом за домом, квартал за кварталом, разбивали, как скорлупу орехов, панцири железобетонных ДОТов, уничтожали небольшие гарнизоны, расчищая путь основным войскам.

Советские армии медленно продвигались к центру Берлина. Быстрого броска не получалось, шло упорное прогрызание немецкой обороны, постепенное перемалывание Берлинского гарнизона.

Из западной части Берлина на участок действия войск генерала Берзарина была переброшена 18-я моторизованная дивизия генерал-майора Йозефа Рауха. Она была раздавлена, но сумела на один день приостановить наступление 32-го стрелкового корпуса. Теперь части корпуса стояли перед Шпрее. Под шквальным огнём противника передовой отряд захватил небольшой плацдарм, но вскоре от роты, переправившейся на немецкий берег, осталось одно отделение.

Только 9-му корпусу И. П. Рослого удалось лихо и благополучно перемахнуть через Шпрее. Штурмовые группы продолжали выкуривать из полуподвальных

помещений фаустников, терпеливо выжидавших в своих укрытиях приближения советских танков, чтобы с близкого расстояния наверняка израсходовать свои три фаустпатрона и уничтожить бронеединицу и пять человек экипажа. Часто в окнах полуразбитых домов и за грудами кирпича и черепицы сидели, наготове держа своё чудо-оружие, двенадцати-тринадцатилетние подростки — последняя надежда фюрера. Наши автоматчики вытаскивали их за шкуру из канализационных люков, из разбитых троллейбусов на баррикадах, перегораживавших улицы, отнимали фаустпатроны, вытряхивали из слишком больших для них мундиров и отправляли в тыл. Когда засевшие в опорных пунктах немцы оказывали упорное сопротивление, стреляя из проломов в стенах, из окон, с мансард из пулемётов и орудий, штурмовые группы подтягивали 203-мм гаубицы и били прямой наводкой, не жалея при этом снарядов, с расстояния 100–150 метров. А потом по дымящемуся щебню шли вперёд.

Двадцать четвёртого апреля командующий войсками 1-го Белорусского фронта своим приказом назначил генерал-полковника Н. Э. Берзарина комендантом и начальником гарнизона Большого Берлина в границах двадцати районов.

К исходу 27 апреля 5-я ударная армия, накануне наконец переправившаяся через Шпрее, смогла продвинуться вперёд более чем на километр. До Рейхстага оставалось 2250 метров.

Полоса наступления сужалась. Соседи теснили: справа — левофланговая дивизия и бронетехника усиления 3-й ударной армии генерал-полковника В. И. Кузнецова, слева — части генерал-полковника В. И. Чуйкова.

Части авангарда начали сокращать численность штурмовых групп. Пять автоматчиков, два снайпера,

пулемётчик, три сапёра. Часть артиллерии и транспорта Берзарин приказал отвести в тыл.

К исходу 28 апреля войска 9-го стрелкового корпуса очистили от противника 23 квартала и завязали бой у Ангальтского вокзала, на Вильгельмштрассе и Кохштрассе. До Имперской канцелярии штурмовым группам генерала Рослого оставалось совсем немного. 32-й корпус продвигался по западному берегу Шпрее в направлении Лейпцигерштрассе и Потсдамерплац. В этот день в распоряжение штаба армии из фронтового резерва прибыли два артиллерийских дивизиона орудий большой мощности — 305-мм пушки на гусеничном ходу; в каждом дивизионе — четыре установки. Заряд — 24 килограмма ленточного пороха, 120-килограммовый снаряд, фугасный, бронебойный или бетонобойный. Могли стрелять и корабельными снарядами, которые были в два раза тяжелее — калибр линейных кораблей. Самая большая дубина русского «бога войны». Артиллерист запросто мог залезть в ствол этой царь-пушки. Полутора-двухметровые стены домов, превращённых в крепости, разлетались, как картонные.

Маршал Г. К. Жуков явно подталкивал Берзарина к Рейхстагу. Однако к вечеру следующего дня судьбу Рейхстага решила 150-я стрелковая дивизия 3-й ударной армии. Её штурмовые группы уже атаковали высокое, увенчанное провалившимся куполом здание. Артиллерии всех армий, наступающих к центру Берлина, приказано было прекратить огонь.

Когда командир 9-го стрелкового корпуса доложил Берзарину, что его передовые батальоны остановлены перед комплексом зданий гостипографии, что открытая местность перед ними простреливается из пушек и миномётов и что лёгкая артиллерия эффекта не даёт, он приказал подвести для стрельбы прямой наводкой 305-мм орудие. Одно за другим рушились кирпичные здания, погребая под обломками и щебнем своих защитников.

Уцелевшие перебрались в здания, стоявшие в глубине квартала. Огонь 305-мм орудия их не доставал, мешали руины впереди стоявших зданий. И тогда — о, русская смекалка! — бойцы штурмовых групп атаковали их трофейными 300-мм реактивными снарядами. Пуски снарядов производили с лотков, из окон и мансард — по соседним окнам. Лотки конструировали тут же, на передовой, кустарным способом. Вскоре с гарнизонами последних зданий типографии было покончено. Позже Берзарин с интересом и ностальгией разглядывал уцелевшее типографское оборудование, металлические кассы в наборном цеху, переплётные станки...

Вечером 30 апреля в штаб армии поступил приказ штаба 1-го Белорусского фронта № 006: «Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломали сопротивление врага, заняли главное здание Рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. [...] подняли на нём наш Советский флаг. В боях за район и главное здание Рейхстага отличился 79-й стрелковый корпус генерал-майора Перевёрткина^[90] и его 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова». Но бои продолжались. Живые оттаскивали убитых, перевязывали раненых. Те уныло брели в тыл. Пехотинцы короткими бросками перебирались от окна к окну, от здания к зданию, от руины к руине. В ход шли ручные гранаты и трофейные фаустпатроны. Перед самым штурмом Берлина личный состав обучили пользоваться этой нехитрой штуковиной, и теперь бойцы не хуже фольксштурмовцев палили по целям из сверхоружия фюрера. Из глубины кварталов через головы атакующих штурмовых групп, нащупав цели, часто били самоходки и танки. Когда наступала пауза или ночь прекращала атаки, бойцы и командиры засыпали тут же, под уцелевшими стенами на грудах

щепня в обнимку с автоматами, положив под головы потные пилотки.

После окончания боёв в интервью одному из корреспондентов центральных газет Берзарин сказал: «Думаю, что такого массового героизма, какой проявлялся в эти дни в битве за Берлин, ещё никогда не было. Да, да, поверьте мне, старому солдату. В чём секрет этого героизма, понять нетрудно: желание быстрее добить врага и победно закончить войну. И как результат этого — всеобщее воодушевление! И, конечно, воинское мастерство и труд. Солдатский подвиг рождается в труде. Без этой взаимосвязи невозможно понять и правильно оценить героизм советских воинов...»

Самое прекрасное после вдохновения — это самоотверженность; вслед за Поэтом первым идёт Солдат; не его вина, если ему суждена доля илота.

Армия слепа и бессловесна. Она бьёт наугад оттуда, куда её ставят.

Ей ничего не надо, и она действует механически. Это большая машина, которую приводят в движение и которая наносит смерть; но это и нечто такое, что способно страдать.

Бои продолжались с прежним ожесточением. 30 апреля передовые группы 5-й ударной ворвались в Имперскую канцелярию.

В коридорах — вороха бумаг. Пачки листовок, перевязанные шпагатом. Отпечатаны, видимо, в той самой типографии, которую только что разнесли в пух и прах орудия большой мощности и сапёры из штурмовых групп. На одной из них воззвание Йозефа Геббельса к берлинцам и солдатам гарнизона: «Браво вам, берлинцы! Берлин останется немецким! [...] Уже движутся отовсюду к Берлину корпуса и армии, готовые

защищать столицу, нанести решающее поражение большевикам и в последние часы изменить судьбу нашего города...»

Бои продолжались. А новый советский комендант Берлина часть своего времени и энергии уже тратил на то, чтобы на освобождённой от нацистов территории гражданское население почувствовало бы себя действительно освобождённым. И прежде всего было необходимо, чтобы в полную силу заработали тылы: ротные и батарейные повара, согласно отданному приказу, должны делать дополнительную закладку и кормить гражданских.

Из воспоминаний бывшего командира 771-го артиллерийского полка 248-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии полковника В. А. Жилкина: «Кажется, 29 апреля мы оказались в расположении полков своей дивизии, в зоне вражеского пулемётно-артиллерийского и миномётного огня. С наступлением темноты наша 6-я батарея произвела смену позиции, чтобы участвовать в штурме главного объекта немецкой обороны.

Здесь я должен уточнить, что карт Большого Берлина у нас оказалось мало, на всех офицеров не хватало. Командующий артиллерией корпуса пообещал нам, что выдаст нам некоторое количество карт дополнительно. Указали координаты, и я с двумя автоматчиками отправился в штакор. Это был уже «тыл». Я стал свидетелем того, как берлинцы, старые и малые, начали выбираться из подвалов и других укрытий. У афишной тумбы уже толпилось до десятка немцев, они читали наклеенный там приказ коменданта города. Возвращаясь с пачкой карт, полученных в штабе корпуса, я увидел порядочную толпу. Стоял грузовик, и двое наших солдат выдавали немцам хлеб и консервы. Под напором голодной толпы солдаты растерялись. Подбирая немецкие слова, я крикнул, призывая

соблюдать порядок. Мгновенно люди вытянулись в цепочку: слова мои подействовали.

В сторонке, не решаясь подойти к толпе, стояла ветхая старушка с девочкой 10-12 лет. Обращаясь ко мне, офицеру, старушка стала что-то лепетать. Фразы её можно было понять и без перевода — от голода у неё блестели глаза. Рот у её внучки был раскрыт, она делала глотательные движения. Я взял у солдат из ящика банку консервов, буханку хлеба и отдал старой женщине. «Данке щён, данке щён», — шептала старушка, а девочка протянула руку, и на раскрытой ладонке лежали золотые женские часики. Я сделал отрицательный жест рукой, как мог, пояснил, что вот-вот стрельба закончится. Вся толпа стояла тихо и смотрела на меня, как на чудотворца. Снабженцы пояснили мне, что раздача продуктов ведётся по приказу советского коменданта. В тот день Берзарин накормить берлинцев не мог, конечно, но он сеял надежду на спасение...»

Штаб Берзарина в те дни по-прежнему размещался в Карлсхорсте, в комплексе зданий бывшего сапёрного училища сухопутных войск. Несколько дней назад 301-я стрелковая дивизия выбила отсюда элитное подразделение немцев, и теперь из училища расходились приказы, обращённые не только к наступающим войскам, но и к тылам, а также к берлинцам. Комендант Берлина уже действовал. 30 апреля в освобождённых кварталах города было расклеено обращение — знаменитый Приказ № 1:

«Населению города соблюдать полный порядок и оставаться на своих местах.

Национал-социалистскую немецкую рабочую партию и все подчинённые ей организации («Гитлерюгенд», «Фрауеншафт», «Штудентенбунд» и проч.) распустить и деятельность их воспретить.

Руководящему составу всех учреждений НСДАП, гестапо, жандармерии, охранных отрядов, тюрем и всех других государственных учреждений в течение 48 часов с момента опубликования настоящего приказа явиться в районные и участковые военные комендатуры для регистрации.

В течение 72 часов на регистрацию обязаны также явиться все военнослужащие немецкой армии, войск СС и СА, оставшиеся в Берлине.

Не явившиеся в срок, а также виновные в укрывательстве их будут привлечены к строгой ответственности по законам военного времени.

Должностным лицам районных управлений явиться ко мне для доклада о состоянии их учреждений и получения указаний о дальнейшей деятельности этих учреждений.

Все коммунальные предприятия, как-то: электростанции, водопровод, канализация, городской транспорт, метро, трамвай, троллейбус; все лечебные учреждения; все продовольственные магазины и хлебопекарни должны возобновить свою работу по обслуживанию нужд населения.

Рабочим, служащим перечисленных учреждений оставаться на своих местах и продолжать исполнение своих обязанностей.

Должностным лицам государственных продуктовых складов, а также частным владельцам в течение 24 часов с момента опубликования настоящего приказа зарегистрировать у военных комендантов районов все имеющиеся запасы продовольствия и расходовать их только с разрешения районных военных комендантов.

Впредь до особых указаний выдачу продовольствия из продуктовых магазинов производить по ранее существующим нормам и документам. Продовольствие отпускать не более как на 5-7 дней. За незаконный отпуск продовольствия сверх установленных норм или

за выдачу на лиц, отсутствующих в городе, виновная в этом администрация будет привлечена к строгой ответственности.

Владельцам и управляющим банков временно всякие финансовые операции прекратить. Сейфы немедленно опечатать и явиться в военные комендатуры с докладом о состоянии банковского хозяйства.

Все лица, имеющие огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, радиоприемники и радиопередатчики, фотоаппараты, автомашины, мотоциклы и горюче-смазочные материалы, обязаны в течение 72 часов с момента опубликования настоящего приказа всё перечисленное сдать в районные военные комендатуры.

За несдачу в срок вышеперечисленных вещей виновные будут строго наказаны по законам военного времени.

Владельцы типографий, пишущих машинок и других множительных аппаратов обязаны зарегистрироваться у военных комендантов районов и участков. Категорически запрещается печатать, размножать и расклеивать или распространять по городу какие бы то ни было документы без разрешения военных комендантов.

Все типографии опечатываются, и допуск в них производится только с разрешения военного коменданта.

Населению города запрещается:

а) выходить из домов и появляться на улицах и во дворах, а также находиться и выполнять какую-либо работу в нежилых помещениях с 22.00 до 8 утра по берлинскому времени;

б) освещать помещения с незамаскированными окнами;

в) принимать в состав своей семьи, а также на жительство и ночлег кого бы то ни было, в том числе и

военнослужащих Красной Армии и союзных войск, без разрешения военных комендантов;

г) Допускать самовольное растаскивание брошенного учреждениями и частными лицами имущества и продовольствия. Население, нарушающее указанные требования, будет привлекаться к строгой ответственности по законам военного времени.

Работу увеселительных учреждений (как-то: кино, театров, цирков, стадионов), отправленные религиозных обрядов в кирках, работу ресторанов и столовых разрешается производить до 21.00 часа по берлинскому времени.

За использование общественных учреждений во враждебных Красной Армии целях, для нарушения порядка и спокойствия в городе — администрация этих учреждений будет привлечена к строгой ответственности по законам военного времени.

Население города предупреждается, что оно несёт ответственность по законам военного времени за враждебное отношение к военнослужащим Красной Армии и союзных ей войск.

В случае покушения на военнослужащих Красной Армии и союзных ей войск или совершения других диверсионных действий по отношению к личному составу, боевой технике или имуществу войсковых частей Красной Армии и союзных ей войск виновные будут преданы военно-полевому суду.

Части Красной Армии и отдельные военнослужащие, прибывающие в Берлин, обязаны расквартировываться только в местах, указанных военными комендантами районов и участков.

Военнослужащим Красной Армии запрещается производить самовольно, без разрешения военных комендантов выселение и переселение жителей, изъятие имущества, ценностей и производство обысков у жителей города»[\[91\]](#).

Тот ж приказ предписывал сдать имеющееся на руках либо найденное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, военное снаряжение и имущество.

Надо было удерживать и воинскую дисциплину в войсках, расквартированных в Берлине и в предместьях после подписания немцами капитуляции. 7 мая 1945 года под грифом «Для служебного пользования» Берзарин подписал приказание № 0180 «Об организации патрульной службы в г. Берлине».

«Комендант Берлина *приказывает*:

1. В целях решительного пресечения мародёрства и другого противозаконного поведения ввести всеохватывающее патрулирование в тех районах, где размещены армейские подразделения.

2. Для несения патрульной службы выделить лучшие силы из числа рядовых, сержантов и офицеров.

3. Для контроля патрульной службы и поддержания общего порядка в Берлине, а также в целях пресечения грабежей и насилий привлекать всех, без исключения, штабных офицеров всех уровней.

4. Проводить патрулирование на автомашинах с командой от четырёх до шести автоматчиков, а именно:

- от каждого из стрелковых полков: одна машина;
- от каждого дивизионного штаба: две машины;
- от корпусных штабов: три машины;
- от штаба армии: десять машин».

В каждом полку был сформирован комендантский взвод.

В. Е. Скоробогатов вспоминал: «У нас в полку командиром этого взвода служил Сергей Астахов, до призыва в армию работавший начальником районной милиции. Он и группа штабников оборудовали грузовик для патрульной службы. Вооружив людей автоматами, Астахов дал знать всей округе, что здесь он не потерпит каких-либо бесчинств. Саратовец, лейтенант Володя Жевак, например, в кварталах, занятых нашим полком,

через громкоговоритель оповестил жителей на немецком языке, куда им обращаться с сигналами, если кто-либо из военных допустит притеснения.

Потом мы учредили в штабе приёмную, где постоянно вместе с дежурным офицером находился переводчик Киселёв. На этом пункте жители имели возможность изложить свои просьбы».

Маршал Г. К. Жуков назначил Берзарина на пост коменданта Берлина в те дни, когда ещё продолжались яростные схватки за центр «Имперской столицы» и когда ещё формально не сложил свои обязанности немецкий комендант и начальник Берлинского гарнизона генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг. Пушки ещё не умолкли, и уставшие от четырёхлетней тяжкой фронтовой работы солдаты продолжали ходить в атаки, когда в районах германской столицы уже начала действовать сеть районных комендатур.

Город был условно разделён на три сектора, секторы — на районы, каждому из которых был присвоен свой номер. В южный сектор входили районы Целендорф, Штеглиц, Шёнеберг, Кройцберг, Темпельгольф и Нойкёльн; в северо-западный — Райникондорф, Велдинг, Тиргартен, Шарлоттенбург, Шпандау и Вильмерсдорф; в северо-восточный — Панков, Пренцлауер-Берг, Митте, Вайсензее, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Трептов и Кёпеник. В каждом районе — военный комендант, штат заместителей и специалистов, обязательно переводчик, комендантский взвод. Комендатуры тут же приступили к исполнению своих обязанностей. Вместе с донесениями из штабов атакующих корпусов и дивизий Берзарин получал доклады от военных комендантов о состоянии городского хозяйства, о том, какая помощь оказывается местным жителям, какие проблемы возникают и какие из них необходимо решить в первую очередь.

Однажды во время последних дней штурма позвонили сразу из нескольких районных комендатур:

прекратилась подача электричества и воды. Для большого города — это катастрофа. Правда, советские солдаты и офицеры вправе были бы вспомнить Сталинград и другие города и городки своей Родины, разбитые войной до основания. Но, войдя в «логово», откуда ещё исходило зло, и подавив сопротивление Берлинского гарнизона, Красная армия сразу же приняла на себя заботу о мирных гражданах большого города. Если провести справедливые аналогии, то немцы обязаны были сбрасывать голодающим ленинградцам контейнеры с консервами и хлебом, не угрожать обороняющейся Москве затоплением, не выжигать вместе с жителями белорусские, смоленские, тульские и брянские деревни...

Оказалось, во время подрыва мостов через Шпрее и каналы немцы основательно повредили электростанцию в Шарлоттенбурге, последнюю из уцелевших. Берзарин тут же бросил туда разведку и бригаду специалистов. Электричество поступало от турбин плотины в Руммельсберге. Под огнём противника всю ночь инженерная служба 5-й ударной армии устраняла неполадки. К утру заработала вначале одна турбина, потом все остальные.

Жуков в своей директиве новому военному коменданту, кроме всего прочего, предписывал: «Мы ожидаем, что в каждом работнике нашей берлинской комендатуры сплетутся в тугой узел все высокие нравственные понятия: долг, порядочность, воля, доброта». Жуков прекрасно знал, кому доверить хозяйство. Знал и Берзарин, кого назначает военными комендантами районов. Знал каждого. По боям. По отношению к службе, к подчинённым, к порученному делу, к материальным ценностям, к врагу, к пленным, к мирным жителям.

— *Насколько этот старый солдат, покоровшийся судьбе, — сказал я, — лучше всех нас, молодых офицеров, обезумевших от честолюбия.*

Это навело нас на размышления.

— *Да, я твёрдо уверен, — продолжал я, проходя через малый мост, который подняли сразу же вслед за нами, — я уверен, что в наши времена нет ничего чище души такого вот солдата, до того щепетильного в вопросах чести, что он считает её запятнанной, даже если совершит самый пустячный промах в дисциплине или допустит малейшую небрежность. Не зная ни честолюбия, ни тщеславия, ни стремления к роскоши, он вечный невольник, который горд и доволен своей Неволей и приемлет её; для него самое драгоценное в жизни это — воспоминание, овеянное чувством признательности.*

— *И он полагает, что Провидение не сводит с него глаз, — заметил глубоко потрясённый Тимолеон, прощаясь со мною, чтобы пройти к себе.*

Ещё со времён дальневосточной службы, с озера Хасан, Берзарин полюбил кавалерийскую бурку. Чёрного цвета. Она и плащ в дождь, и шинель, и полог, и постель. изнашивал одну, заводил другую. Друзьям в минуты откровения признавался: «Уйду в отставку, пойду на конный завод». Лошадей он любил, часто садился в седло. Но ещё чаще — на мотоцикл, при этом езде на мотоцикле считал прекрасным спортом, очень полезным для мужчины, особенно в его годы. А годы-то были молодые — в начале апреля ему исполнился сорок один. Хотя выглядел генерал старше своих лет: после тяжёлого ранения ходить стал меньше — болела нога, немного раздобрел, раздвинулся в плечах, осел. Вот и завёл снова мотоцикл: и быстро, и удобно крутиться по берлинским улочкам, расчищенным во многих местах

только наполовину. И свиту из охраны с собой возить не надо, достаточно одного автоматчика.

При этом одновременно Берзарин оставался командующим 5-й ударной армией. Надо заметить, что его войска, должно быть, закончили боевые действия самыми последними.

Когда на других участках уже затихла стрельба, когда иссяк поток пленных, вылезших из-под обломков зданий после объявления генералом Вейдлингом капитуляции гарнизона, солдат армии-победительницы, уставших после многолетней тяжкой боевой работы, одолел вязкий, словно августовский мёд, сон. И вдруг в секторе 899-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии поднялся переполох. Вначале подумали: славяне на радостях палят в воздух, разряжают диски и обоймы, чтобы не оттягивали ремень. Но вскоре командиры насторожились: «Что за чёрт!?»

Впереди по фронту исклёванный прямыми попаданиями снарядов и пуль комплекс зданий Имперской канцелярии. Где-то за ним, во дворе фюрер-бункер. Уже было известно, что Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством. Перед атакой Имперской канцелярии штурмовой группе полка поступил приказ от командарма: «Постарайтесь захватить живыми оставшихся главарей фашистской Германии». Никого из главарей захватить не удалось. То ли все главные трофеи уже расхватили штурмовые группы из других частей — здесь, в центре в эти дни всё перемешалось, сбились в кучу многие подразделения не только соседних дивизий и корпусов, но и армий, — то ли главари фашистской Германии последовали за своим фюрером. Это мы теперь знаем, кто в какую яму попал. А в то время царила полная неразбериха...

В штаб астраханского полка доложили: на позиции батальона капитана Боровкова на Инвалиденштрассе со стороны Имперской канцелярии зафиксирована попытка

прорыва колонны бронетехники в количестве до пяти единиц; две из них артиллеристы подбили, остальные прорвались на второй рубеж, там остановлены бронебойщиками. Экипажи противника, потеряв несколько человек, укрылись в руинах зданий и ведут непрерывный огонь, в переговоры не вступают.

Комполка выслушал доклад и распорядился:

— Кончайте быстрее.

На всякий случай, памятуя приказание генерала Берзарина, послал туда группу автоматчиков: «Если есть кто из важных, взять живыми».

Живыми взяли двоих в форме с петлицами СС, мужчину и женщину. Мужчина управлял бронетранспортёром, а женщина назвала себя фрау Эрной, машинисткой из бюро руководителя немецкого радио Ганса Фриче. Именно она и рассказала, что в другой группе, укрывшейся среди руин, находится комендант правительственного района Берлина бригадефюрер СС Вильгельм Монке, личный пилот Гитлера группенфюрер СС Ганс Баур, личный врач фюрера оберштурмбанфюрер СС Людвиг Штумпфеггер, имперский руководитель молодёжи Артур Аксман и, самое важное, рейхсляйтер Мартин Борман.

Пленных тут же доставили в штаб дивизии.

Атаку на засевших за руинами эсэсовцев возглавили командир одного из батальонов астраханского полка капитан Кошурников и командир роты лейтенант Личугин. Они попали под шквальный огонь и почти все погибли. После чего командир полка полковник Артёмов приказал сапёрам взорвать остатки домов, где засели эсэсовцы.

Полковник Сергей Артёмов был молод, ему шёл двадцать девятый год. С Кошурниковым и Личугиным он шёл с Днестра. До слёз было жаль боевых товарищей, погибших, когда Берлин уже был взят и война, считай,

закончилась. Кому нужна эта кровь? К чёрту Монке! К чёрту Бормана!

Когда кирпичная пыль осела, он ещё раз посмотрел на тела своих офицеров и солдат, рядом, словно для братского погребения сложенных возле подбитого бронетранспортёра, и сказал адъютанту:

— Сообщи в штаб дивизии: больше пленных нет.

Смерть Мартина Бормана долгое время вызывала сомнения. Нет тела — нет дела. Пошли разного рода кривотолки, спекуляции. Но в 1973 году во время проведения строительных работ на Инвалиденштрассе в отвале обнаружили «скелетированные останки человеческого тела». Судебно-криминалистическая экспертиза показала — эти останки принадлежат «партайгеноссе» Мартину Борману.

Не выпустил его полковник Артёмов в Аргентину...

Части 5-й ударной армии начали покидать центр Берлина. Им определены были места расквартирования в менее разрушенных кварталах. Оставлял Инвалиденштрассе и астраханский полк. Лошади и трофейные грузовики тащили дивизионные пушки с зачехлёнными стволами. Шли роты взводными колоннами. Полевую кухню с дымящейся трубой, в нескольких местах пробитой то ли осколками, то ли пулями, с кашеваром на передке тащил верблюд. Полевая кухня, даже с кашеваром и запасом дров, ему была не в тягость. Он шествовал своей царственной походкой среди руин по центру Европы, с величественным равнодушием окидывая взглядом окрестности только что отгремевшей «битвы народов».

Потери армии, как, впрочем, и всех соединений 1-го Белорусского фронта, атаковавших Берлин, были очень

большими — 17 966 человек убитыми и ранеными. Больше 5-й ударной потеряла лишь 8-я гвардейская (24 484 человека), 69-я армия (18 446 человек) и 3-я ударная (17 993 человека). Когда в первых числах мая возле Бранденбургских ворот выстроили 248-ю стрелковую дивизию, по воспоминаниям её ветеранов, полки, без тылов, едва дотягивали до батальона каждый.

На следующий день после капитуляции в расположение армии прибыл комфронта Г. К. Жуков. Из Карлсхор-ста на автомобилях в сопровождении офицеров штаба 5-й ударной Жуков и Берзарин подъехали к Имперской канцелярии. Маршала интересовала судьба Гитлера, желательно подтверждённая наличием трупа.

Поиском останков Гитлера и Евы Браун занимались специальные команды. Жукову доложили, что тела не обнаружены, что они сожжены и, по всей вероятности, закопаны где-то неподалёку. Пошли к кострищам. Берзарин всё время шёл рядом с Жуковым, они вели беседу. Главноначальствующему советской военной администрацией в Германии и коменданту Берлина было что обсудить. Сталин требовал точной и исчерпывающей информации о Гитлере. Быть может, говорили о Бормане, о бое накануне на Инвалиденштрассе. Ночью патрули задержали бригаде-фюрера СС Монке и после основательного допроса его под усиленной охраной самолётом отправили в Москву.

Они вошли во двор Имперской канцелярии. Посреди небольшого сквера чернели остатки давно остывших костров. Ещё вчера здесь всё было завалено трупами. Убитых убрали.

Офицер из группы поиска сказал, что, возможно, в одном из этих костров и были сожжены трупы Гитлера и Евы Браун.

После некоторой паузы Жуков сказал:

— Нет. На этих кострах немецкие солдаты кипятили воду... — И тут же отдал распоряжение Берзарину организовать прочёсывание окрестностей. Комендант немедленно отправил несколько взводов. Ничего и никого не нашли. Не обошлось без курьёза: один взвод всё же арестовал «Гитлера» — чуть выше среднего роста, чёлка на лбу, зачёсанная набок, прямой нос, усики щёткой... СМЕРШевцы тут же выяснили — хозяин лавочки с соседней Фридрихштрассе. «Ступай, папаша, домой...» Молодые автоматчики, отличившиеся при поимке «фюрера», посмеивались друг над другом.

Как известно, 7 мая 1945 года в Реймсе, в здании, занимаемом оперативным отделом штаба Верховного главнокомандующего англо-американскими экспедиционными силами состоялось подписание Акта о безоговорочной капитуляции вооружённых сил Германии. От имени Германии его подписал начальник Штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковник Альфред Йодль, от имени союзников — начальник Главного штаба Союзных экспедиционных сил генерал-лейтенант Армии США Уолтер Беделл Смит и генерал-майор Красной армии И. А. Суслопаров, в тот момент прикомандированный к штабу Союзных экспедиционных войск в качестве представителя Ставки ВКГ. Именно благодаря эпизоду в Реймсе история и сохранила имя этого неприметного генерала: своё дело сделал — на итоговом акте, видимо, имея на то особые инструкции, сделал приписку, что это соглашение не окончательное.

На 8 мая в Карлсхорсте, в штабе 5-й ударной армии, в одном из просторных офицерского казино сапёрного училища сухопутных войск была назначена церемония подписания главного документа — Акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил перед армиями союзных государств.

Берзарин был принимающей стороной. Этот день оказался для него непростым. В аэропорту Темпельхоф один за другим приземлялись самолёты с советскими и союзными генералами и гражданскими. Военный комендант Берлина, начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Д. Соколовский, член Военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Боков и группа офицеров центральной комендатуры, переводчики, фотокорреспонденты и кинооператоры часами стояли на краю взлётной полосы в ожидании прилёта очередного борта.

Прибыли заместитель главнокомандующего Союзными экспедиционными силами главный маршал авиации Артур У. Теддер (Великобритания) с группой офицеров, командующий Стратегическими воздушными силами США в Европе генерал Карл А. Спаатс (США), главнокомандующий союзными военно-морскими силами в Европе вице-адмирал Королевского флота сэр Гарольд Барроу (Великобритания), из Франции — командующий 1-й армией генерал армии Ж. де Латр де Тассиньи. Из Москвы прилетел 1-й заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, назначенный^[92] политическим советником при главноначальствующем Советской военной администрации в Германии Маршале Советского Союза Г. К. Жукове. Сталин уже включил механизм медленной и постепенной отставки Маршала Победы: вначале он всячески и со всех сторон ограничит его власть, потом выведет на второй план, а затем и вовсе — в тень, в Одессу и, наконец, на Урал.

Один из членов этого почётного эскорта после войны рассказывал, что стоять в ожидании очередного борта было тягостно. Все знали, что у Берзарина болела нога — после тяжёлого ранения он так до конца и не восстановился. И вот стали замечать: вначале Николай Эрастович начал прихрамывать, потом с тоской стал поглядывать по сторонам, на что бы опереться, но, не

найдя ничего подходящего — ни дерева, ни парапета на взлётной полосе не было, сел прямо на бетонку. Так и сидел, пока не пошёл на посадку очередной самолёт.

Для церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции подготовили зал бывшего офицерского казино сапёрного училища. Мебель и огромный ковёр были привезены из Имперской канцелярии. Дорогу из аэропорта до Карлсхорста отремонтировали. Сапёры взорвали и расчистили остатки немецких баррикад, укреплений и завалов.

Из Фленсбурга под охраной английских офицеров доставили бывшего начальника Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, главнокомандующего ВМС Германии генерал-адмирала Ганса Георга фон Фридебурга и начальника Генштаба люфтваффе генерал-полковника Ганса Юргена Штумпфа. Они имели полномочия от правительства Дёница на подписание Акта о капитуляции.

Ровно в полночь по московскому времени участники церемонии вошли в зал. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков открыл заседание: «Мы, представители Верховного главнокомандования советских вооружённых сил и Верховного командования союзных войск уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования».

Текст акта почти дословно повторял текст документа, подписанного двумя сутками раньше в Реймсе. Изменения коснулись следующего:

а) словосочетание «Советское Верховное Командование» заменено на «Верховное Главнокомандование Красной Армии»;

б) расширена и детализирована статья 2-я в части требований к германским вооружённым силам по

разоружению, передаче и сохранности оружия и военного имущества^[93];

в) удалена преамбула: «Только данный текст на английском языке является авторитетным» и добавлена статья 6-я с преамбулой: «Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными».

В нашей официальной историографии акт, подписанный в Реймсе, считается «предварительным протоколом капитуляции». На Западе реймский акт расценивается как собственно Акт о безоговорочной капитуляции, а подписанный в Карлсхорсте документ — как его ратификацию. У. Черчилль в те дни заявил по британскому радио: «Вчера утром, в 2:41 утра, генерал Йодль [...] и гросс-адмирал Дё-ниц [...] подписали акт безоговорочной капитуляции всех германских сухопутных, морских и воздушных сил [...] Сегодня это соглашение будет ратифицировано и подтверждено в Берлине». Американские историки карлсхорстский акт даже не упоминают^[94].

Граждане Советского Союза узнали о подписании в Карлсхорсте Акта о безоговорочной капитуляции Германии из сообщения Совинформбюро 9 мая в 2.10 ночи по московскому времени. Диктор Всесоюзного радио Ю. Б. Левитан торжественно зачитал текст Акта и Указ Президиума Верховного совета СССР об объявлении дня 9 мая праздником Победы. Радио транслировало сообщение всю ночь и весь день 9 мая. Вечером 9 мая с обращением к советскому народу выступил Верховный главнокомандующий маршал И. В. Сталин, после чего Левитан зачитал его приказ о полной победе над фашистской Германией и об артиллерийском салюте — «сегодня, 9 мая, в 22 часа тридцатью залпами из тысячи орудий».

Вот почему День Победы 9 Мая у старшего поколения ассоциируется с голосом Левитана и Сталина.

Генерал Берзарин присутствовал на церемонии подписания Акта.

Праздники проходят быстро. Шампанское было выпито. Ордена и медали розданы. Начались будни. Три недели Берзарин был в Берлине единоличным правителем. За эти дни и ночи (именно так) было сделано многое и главное: налажено коммунальное хозяйство города с населением в три с половиной миллиона жителей. Открылись магазины. Заработали поликлиники и больницы. По предложению коменданта маршал Г. К. Жуков распорядился освободить из лагерей и мест накопления врачей, фельдшеров и медицинских сестёр. Ими тут же укомплектовали медучреждения, которые крайне нуждались в специалистах.

Энергичную работу генерала Берзарина и его комендатур берлинцы восприняли с энтузиазмом. С утра до вечера мужчины и женщины, старики и подростки разбирали завалы, стены рухнувших домов. Уцелевшие кирпичи и всё, пригодное для стройки, складировали в отдельные штабели. Мусор и щебень грузили на вывоз. Ими засыпали овраги, окопы и воронки от авиабомб.

Как вспоминают ветераны 5-й ударной, в те дни поступил приказ командарма в самые кратчайшие сроки представить всех отличившихся в боях во время Берлинской наступательной операции, а также во время боевых действий, предшествующих штурму Берлина. Боевого серебра и золота в те дни не жалели.

Однажды Берзарин приехал в расположение одного из стрелковых батальонов. Адъютант подал список награждённых. Солдаты, сержанты, старшины и лейтенанты выходили к столу, командарм вручал им ордена Славы и Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». И вот награды закончились. Берзарин поблагодарил командира батальона и ротных и уже собирался уезжать, но заметил солдата, стоявшего в конце шеренги. Пожилой, в застиранной

гимнастёрке, аккуратно залатанной на плече. На ногах стоптанные ботинки, чёрные обмотки. На груди ни одной награды, только нашивки за ранения. Нашивок много, целая колодка — жёлтые, за лёгкие ранения, красные — за тяжёлые. Подошёл к нему. Солдат, как положено, шагнул из строя, представился.

— С какого года на фронте?

— С сорок первого, товарищ генерал-полковник! — бодро ответил солдат.

Берзарин тут же оглянулся на офицеров. Те подбежали к нему.

— Где воевали?

— Московское направление, — ответил солдат. — Вязьма, Тула, Калуга...

— Командир роты, — спросил Берзарин старшего лейтенанта, — хороший солдат?

— Так точно!

— Представить к медали «За боевые заслуги».

Подошёл к другому:

— С какого года воюете?

— С сорок третьего! С Курской дуги! С вами, товарищ генерал-полковник, с Днестра!

— Командир роты, хороший солдат?

— Так точно, хороший.

— Как вёл себя во время штурма? Где находился?

— Был в танковом десанте. Одним из первых переправился через Шпрее.

— Представить к медали «За отвагу». Всех наградить, кто добросовестно выполнял приказы командиров и не запятнал себя в дни мира.

Вот за что ещё любят солдаты своих генералов.

Постепенно, когда машина городского хозяйства начала работать более или менее ровно, некоторые рычаги налаженного самоуправления комендант начал передавать самим немцам.

Десятого июня 1945 года маршал Г. К. Жуков подписал приказ о разрешении деятельности политических партий. В театрах возобновились репетиции. Уже 27 мая в театре «Ренессанс» состоялась первая постановка. А днём ранее в Штётглице, в зале «Титания-паласт» дал первый концерт оркестр Берлинской филармонии под управлением Лео Борхарда. Заработали музеи. Восстанавливались выставочные залы картинных галерей, приводились в порядок их собрания и запасники.

Ожили стадионы. Состоялся футбольный матч Франция — Советский Союз. Команды собрали из солдат и офицеров. Болеть пришли тысячи берлинцев. Во время матча возбуждённые французские болельщики пели «партизанский гимн»: «От леса и до леса дорога идёт вдоль обрыва...»

Для берлинцев Берзарин ничего не жалел. Порой выбивал из армейских фондов продукты для стационаров больниц. Детям начали выдавать бесплатное молоко.

В один из дней с купола Рейхстага сняли святой символ Победы — знамя 150-й стрелковой Идрицко-Берлинской ордена Кутузова дивизии^[95] 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии. Знамя Победы отправляли в Москву. На флагштоке закрепили полотнище государственного флага Союза ССР.

Идрицкая дивизия для Берзарина не чужая, хотя и не его армии. Формировалась она^[96] в тех местах, где он когда-то воевал, — на Валдае. И даже какое-то время входила в состав 34-й армии. Прикрывала Ильменское и Старорусское направление.

Берзарин руководил церемонией прощания со знаменем. Провожал эскорт в аэропорт Темпельхоф. Передал письмо и посылку для семьи. Скучал по родине.

Родина — это некое бесплотное существо, которое я видел лишь мельком, но которому я рабски служу и которое ко мне тем суровее, чем нужнее я для него становлюсь. Таков общий удел, больше того: эти цепи должны быть для нас дороже всего на свете, но порою они очень тяжки.

Из рассказа первого коменданта Рейхстага полковника Ф. М. Зинченко: «Впервые я встретился с Николаем Эрастовичем в 20-х годах в Благовещенске. Он командовал взводом, а я был у него помощником. А в 30-е годы армейская служба лихо закрутила нас — Берзарин дорос до командира дивизии.

Его дивизия отличилась в боях у озера Хасан. В Великую Отечественную Берзарин командовал уже армией. Фронтовая судьба разбросала нас по разным фронтам. Хотелось встретиться. Но узнает ли он меня? Узнал! Не забыл имя и отчество.

«Здравствуй, здравствуй, Фёдор Матвеевич! Когда я прочитал о героях штурма Рейхстага и о том, что полком, воины которого водрузили победный стяг над Рейхстагом, командует Зинченко, сразу подумал: «Не тот ли? Мой командир...» Оказывается, он самый. Как братья твои воюют? У тебя их, кажется, трое...»

«Было, Николай Эрастович. Алексей погиб уже здесь, под Берлином. Емельян погиб ещё в сорок первом под Москвой. В Сталинграде — Владимир...»

«Крепись, Фёдор Матвеевич... Огромное количество народа погибло. И сколько ещё умрёт от ран и других последствий войны».

Я слушал генерала Берзарина, старавшегося утешить меня, и не мог предположить, что самому ему оставалось жить чуть больше месяца».

С 14 мая начал действовать городской трамвай. Пошли автобусы. На следующий день, 15 мая, Берзарин подписал приказ о разрешении берлинцам свободно

передвигаться по городу с 5.00 до 22.30. А ещё через день районные коменданты сообщили, что начала работать канализация. В магазинах увеличивался ассортимент товаров. В какой-то период основными покупателями в Большом Берлине были офицеры и солдаты Красной армии, потом, когда город разделили на секторы, покупателей из числа военных стало ещё больше — англичане, янки, канадцы, новозеландцы...

Началась демобилизация солдат старших возрастов и военнослужащих женщин. Всем хотелось привезти домой из богатой Германии хоть какие-то подарки. Демобилизованные тратили в магазинах и на барахолках накопленные за войну деньги. Часть денег выдавали марками. На рынках в ходу были и рубли. Ещё когда советские войска только вступили в пределы Третьего рейха, вышел приказ НКО СССР № 0409 от 26 декабря 1944 года: всем военнослужащим действующей армии разрешалось раз в месяц отправлять на родину одну посылку, для рядового и сержантского состава — пять, для офицерского — десять, для генералитета — шестнадцать килограммов. Определён был и размер посылки: не больше 70 сантиметров в каждом из трёх измерений. Чаще всего домой посылали американские сухпайки, консервы, растворимый кофе, медикаменты — стрептомицин, пенициллин. Демобилизованным разрешалось увезти домой всё, что они могли взять с собой в качестве личной поклажи. Крупногабаритные вещи и предметы закрепляли между вагонами и на крышах.

Грабежи и насилие прекратили быстро. Приказы в отношении насильников и мародёров были жёсткими — расстрелы перед строем. Вещи покупали в основном на барахолках: там можно было купить всё, и сравнительно недорого. Лучшей и универсальной валютой были продукты, спиртное, табак. Хотя ходили рейхсмарки, оккупационные марки, валюта стран-победительниц.

Самые ловкие срывали свой барыш на разнице стоимости валют, поскольку курс был искусственным. С декабря 1944 года красноармейцам и офицерам шло двойное жалованье: в рублях и в марках. Курс рубля был необычайно высоким, так что марки солдаты получали пачками. Вдобавок ко всему полковые полевые сберкассы выплатили ежемесячные оклады за все прошлые месяцы и годы. А потому и тратили их при каждом удобном случае, иногда с куражом, по-русски. Американцы, к примеру, которые и организовали в Берлине самые большие «толкучки», считали русских «самыми хорошими покупателями — легковерными, плохо торгующимися и очень богатыми».

Впрочем, дураков всегда хватало. Находились такие, кто, вопреки здравому смыслу, прямиком лез на рожон. Но рано или поздно они попадали в руки комендантских взводов, а там, как правило, суд был недолгим. Трибуналы работали споро. Архивы не спешат снимать замки со своих шкафов. Однако данные по 1-му Белорусскому фронту опубликованы. По докладу военного прокурора 1-го Белорусского фронта о противоправных действиях военнослужащих в отношении гражданского населения за период с 22 апреля по 5 мая 1945 года зафиксировано 124 преступления, в том числе 72 изнасилования. А это семь армий — 908 тысяч 500 человек. Можно предположить, что число действительных случаев насилия солдат и офицеров РККА в отношении немцев было значительно большим. Однако «подвиги» американских оккупационных войск перекрывают «советские» цифры. Профессор и криминалист Роберт Лилли (США) после тщательной работы в американских военных архивах опубликовал следующие данные: к ноябрю 1945 года трибуналы армий, действовавших в Германии, «рассмотрели 11 040 случаев серьезных сексуальных преступлений». Профессор истории Университета

Констанца (Юго-запад Германии) Мириам Гебхардт провела многолетние архивные исследования, многочисленные интервью с жертвами и очевидцами, результатом которых стала её книга «Когда пришли солдаты». Выводы фрау Гебхардт таковы: «джи-ай» за время своего освободительного похода в нацистскую Германию изнасиловали 190 000 немцев.

Впрочем, реальности войны были таковы, что американцы и во время боевых действий, если это можно назвать таковыми, демонстрировали те же манеры. Одна только бомбардировка Дрездена чего стоит. Около 150 тысяч убитых, растерзанных, раздавленных обломками домов, сгоревших заживо жителей города^[97], где не было ни военных объектов, ни воинских частей. Под удар союзной армады попали в основном женщины, дети, старики. Когда войска Антигитлеровской коалиции подошли к границам Германии, в Дрезден потянулись беженцы со всех германских земель. Люди надеялись на то, что город, не имеющий ни малейшего военного значения, бомбить не будут. 796 самолётов, двумя волнами. Огненный смерч с температурой в полторы тысячи градусов по Цельсию гулял по городу несколько часов. Кирпич плавился. Площадь разрушения в четыре раза больше, чем в Нагасаки. Во время штурма Берлина нашими армиями ничего подобного не было. Никому из военных и политиков и в голову не пришло, что, проводя Берлинскую наступательную операцию, к примеру, ради устрашения защитников Большого Берлина и войск, стоявших в Заодерской равнине и на Зееловских высотах, надо жестоко, до тысячи бомбардировщиков, несколькими волнами, отбомбить город. Разрушить, зажечь его, чтобы над ним гулял смерч в полторы тысячи градусов. Бомбардировки были, в том числе и центра Берлина, но не такой интенсивности. К тому же, как известно, бомбардировке подвергались

исключительно военные объекты, оборонительные позиции, инженерные сооружения военного назначения.

Налёты же союзной авиации сеяли смерть в основном среди гражданского населения. Вот откуда популярная среди немецких женщин горькая шутка «Лучше русский на мне, чем янки надо мной...».

А в расположении советских войск и у дорог, по которым курсировали машины с красноармейцами, висели фанерные плакаты:

«Смотрит на тебя немка ласковым оком.

Гляди, боец, как бы тебе это не вышло боком».

13

Мотоциклы Берзарин любил. Лошадей, правда, больше. Но мотоциклы — сразу после лошадей. Первый мотоцикл он завёл ещё на Днестре, в дни Яско-Кишинёвской операции. Правда, тогда комфронта Ф. И. Толбухин, узнав о том, что командующий армией увлёкся быстрой ездой на мотоциклетке, да ещё без охраны, при первом же удобном случае сделал ему выговор. И Берзарин подчинился — передал мотоцикл в батальон связи. И ведь действительно, там он нужнее.

— Ради чего вы рискуете? — качал головой генерал Толбухин. — Вы даже не пользуетесь шлемом. В мотоциклетном полку это считается серьёзным нарушением правил езды.

— Экономлю время, — попытался оправдаться командарм.

— Для экономии времени у вас есть бронетранспортёр. Если этого недостаточно, я вам выделю лёгкий танк.

В Берлине он снова сел на мотоцикл. Мощный, скоростной «Харлей», подарок американцев, носил его по городу, от комендатуры к комендатуре, от объекта к

объекту. В коляске — сержант-ординарец с автоматом. Вначале Берзарин ездил в танкистском комбинезоне, но потом стал надевать генеральский мундир, обычно белоснежный, всегда чистый, тщательно отглаженный. Был у него и другой мотоцикл — трофейный немецкий «Цундапп» KS 750. Из-за больших габаритов его называли «зелёным слоном». На него-то и сядет в то роковое утро генерал Берзарин.

Из воспоминаний генерала Ф. Е. Бокова: «Поздно вечером 15 июня я зашёл в кабинет командарма. Из штаба мы часто уходили домой вместе. Наши коттеджи располагались по соседству. Николай Эрастович был в прекрасном настроении, по дороге много шутил и смеялся. Через несколько суток он должен был лететь в Москву на Парад Победы и с нетерпением ждал этого часа.

— Очень соскучился по семье, по маленькой дочурке, по Москве, — говорил он. — Так хочется видеть наш столичный город мирным, без затемнения и зениток.

— Сейчас июнь, самое чудесное время: её улицы утопают в зелени, всюду цветы, — поддержал я разговор.

— Да разве важно, какой месяц? Москва всегда прекрасна! — воскликнул Николай Эрастович почти с юношеским задором.

Мы договорились встретиться на приёме демократических женщин и попрощались. А утром дежурный по штабу позвонил мне домой и срывающимся голосом доложил:

— Товарищ член Военного совета, убит генерал Берзарин». Убит. Так доложил дежурный офицер.

В Москву полетела «молния». Верховному главнокомандующему сообщали об обстоятельствах гибели одного из лучших его генералов:

«Сегодня, 16 июня в 8 ч. 15. В городе Берлине от катастрофы на мотоцикле погиб Герой Советского

Союза, командующий 5 Ударной армией и комендант города Берлина — Берзарин Николай Эрастович.

Смерть произошла при следующих обстоятельствах. В 8.00 тов. Берзарин на мотоцикле с коляской выехал в расположение штаба армии. Проезжая по улице Шлосштрассе со скоростью 60–70 км, у перекрёстка с улицей Вильгельмштрассе, где регулировщиком пропускалась колонна грузовых автомашин, Берзарин, не сбавляя скорости и, видимо, потеряв управление мотоциклом, врезался в левый борт грузовой автомашины «Форд-5».

В результате катастрофы Берзарин получил пролом черепа, перелом правой руки и правой ноги, разрушение грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом. С ним вместе погиб находившийся в коляске ординарец — красноармеец Поляков.

Учитывая особые заслуги перед Родиной генерал-полковника Берзарина Н. Э., а также нежелательность оставления могилы в последующем на территории Германии, прошу Вашего разрешения на похороны тов. Берзарина в Москве, с доставкой самолётом.

Семья тов. Берзарина, состоящая из жены и двух детей, проживает в Москве».

Телеграмму подписали маршал Г. К. Жуков и его заместитель по политчасти генерал-лейтенант К. Ф. Телегин.

Гроб с телом генерала Берзарина установили в том самом зале, где в мае маршалы и генералы подписывали Акт о капитуляции Германии. На церемонию прощания пришли командиры корпусов и дивизий, офицеры комендатуры. Пришёл и православный священник, отпел по полному чину. Никто ему не мешал. Говорили потом, что его пригласил маршал Жуков.

Маршал стоял в траурном почётном карауле, слушал слова молитвы берлинского батюшки, по всей вероятности, из бывших русских эмигрантов. Вместе с

офицерами нёс гроб и шёл потом за грузовиком с откинутыми бортами по дороге в аэропорт. Этим же бортом он улетел в Москву. Принимать Парад Победы...

Существует несколько версий гибели генерала Берзарина. Вплоть до самых невероятных. Повторять их, даже вкратце, не стану. Ни к чему, их можно найти в Интернете.

Достоверно одно: «...С разрушением грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом...». Как в бою. Как во время кромешной атаки, когда — грудью на штык, когда непонятно, чья возьмёт...

— ...Мне остаётся посоветовать вам лишь одно: служите идее, а не человеку. Любовь к родине — идея достаточно высокая, чтобы заполнить ею наше сердце и занять наш разум.

— Увы! Милорд, — ответил я, — бывают времена, когда не так-то просто узнать, чего от нас хочет Родина. Я спрошу об этом у моей...

ПОСЛЕДНИЙ ПРИВАЛ

***Иван Павлович Рослый, генерал-лейтенант,
командир 9-го стрелкового корпуса
5-й ударной армии***

В ходе наступления на Берлин и боёв в городских кварталах на протяжении всей операции больших, а зачастую наибольших, успехов добивался 9-й стрелковый корпус 5-й ударной армии. Наступал он в составе главной ударной группировки, через Зееловские высоты, а затем сместился на левый фланг 1-го Белорусского фронта. В утренних и вечерних сводках корпус неизменно числился среди соединений первой линии, и по его продвижению вперёд, вначале к городу и его внешнему оборонительному обводу, а потом по улицам — к центру, в штабах определяли глубину успеха атакующих войск.

Командовал корпусом генерал Иван Павлович Рослый.

1

Иван Павлович Рослый родом с Брянщины. Его родина — село Петровая-Буда, ныне Гордеевского района Брянской области. Родился он 8 июля 1902 года в бедной крестьянской семье; отец — Павел Игнатьевич Рослый, мать — Прасковья Семёновна. «Земля в нашем селе бедная, — вспоминал родину генерал И. П. Рослый, — болота с зарослями осоки, небольшие луга, где мы косили траву на сено, да песчаные

пригорки, на которых выращивали озимую рожь, гречиху и, конечно же, главную кормилицу нашу — картошку.

На бедных землях и урожаи были скудными. Работали много, а из нужды не вылезали. Нужда гнала людей на заработки, заставляла батрачить у помещиков, кулаков. Приход Советской власти жители нашего села встретили восторженно, и, когда потребовалось защитить новый строй, десятки молодых парней добровольно ушли в Красную армию».

Иван окончил высшее начальное училище, которое находилось в соседнем селе. Когда настала пора делить помещичью землю, его, имеющего понятие по части измерения площадей, назначили землемером. Через год избрали членом сельсовета, так в 17 лет Иван Рослый стал сельским активистом. Земляки поручили ему заниматься культурно-просветительской работой среди молодёжи Петровой-Буды. Вскоре в селе появилась комсомольская ячейка, секретарём которой избрали Ивана.

Жизнь его резко изменилась в 1924 году, когда Ивана Рослого призвали в Рабоче-крестьянскую Красную армию. На первых порах он служил рядовым красноармейцем в конвойном батальоне, затем был назначен командиром отделения. Хваткий, дисциплинированный, ответственный, уже через год он был переведён в 151-й стрелковый полк на должность политрука роты. В 1929 году окончил курсы политруков при Киевской пехотной школе. В 1933 году откомандирован на должность начальника штаба в 105-ю стрелковую дивизию на Дальний Восток. С августа 1936 года командовал батальоном в 95-м стрелковом полку 32-й стрелковой дивизии. В 1937 году был зачислен на 1-й курс Военной академии им. М. В. Фрунзе. А затем была Советско-финская война.

Биограф и фронтовой товарищ генерала И. П. Рослого генерал М. Ф. Лощиц об этом периоде

биографии нашего героя писал следующее: «Командирский взлёт Рослого был необычайно стремительным. С последнего курса Военной академии имени М. В. Фрунзе его направили командиром стрелкового полка на советско-финляндский фронт. Не прошло и полутора месяцев, как его полк отличился при прорыве никак не поддававшейся злополучной «линии Маннергейма». Майор Рослый тут же стал полковником, Героем Советского Союза, а его 245-й стрелковый полк — Краснознамённым. 123-я стрелковая дивизия, в которой воевал Рослый, была награждена орденом Ленина. Иван Павлович, единственный из командиров полков, был приглашён на заседание Главного военного совета по итогам той зимней кампании 1939–1940 гг. и выступил на нём. Из Москвы уезжал уже не командиром полка, а командиром стрелковой дивизии. Именно тогда, на том заседании, услышал запавшие в душу слова И. В. Сталина о том, что война с фашистской Германией неизбежна, неизвестно только, когда она начнётся...»

Действительно, стремительный взлёт военной карьеры И. П. Рослого начался с захвата его полком нескольких железобетонных ДОТов на Выборгском направлении, ДОТы принадлежали той самой непреодолимой «линии Маннергейма», которая на какое-то время остановила наступление Красной армии. Героизм и мужество полка, полководческое мастерство майора Рослого определили успех всей дивизии и судьбу дальнейшего наступления на этом направлении.

Финская война научила многому.

Запомнились слова Сталина, сказанные в ходе дискуссии во время заседания по итогам Зимней войны:

— Надо смело критиковать наши приказы и уставы! Уставы мы сами создавали и, если нужно, заменим...

...Войну полковник Рослый встретил командиром 4-й стрелковой дивизии Закавказского военного округа. Дивизия была хорошо экипирована и укомплектована по

существующим штатам. Сформирована в основном из уроженцев Ворошиловградской области: шахтёры, рабочие, казаки. В августе 1941 года в округе сформирована 46-я общевойсковая армия, и 4-я дивизия вошла в её состав. Вскоре дивизию перебросили на Южный фронт и включили в состав 18-й армии. Она участвовала в Донбасской оборонительной и Ростовской наступательной операциях, в составе 12-й армии сражалась севернее Ворошиловграда, дралась в донской степи и отходила на Туапсинском направлении.

Тринадцатого мая 1942 года полковнику Рослому было присвоено звание генерал-майора. В августе того же 1942 года он вступил в командование 11-м гвардейским стрелковым корпусом 9-й армии. В Битве за Кавказ корпус под его командованием отличился в ходе оборонительных боёв на Малгобекском направлении, а удачно проведённая нашим командованием Малгобекская оборонительная операция поставила крест на попытках противника прорваться в нефтеносные районы Кавказа.

В конце 1942 года генерал Рослый был назначен заместителем командующего 46-й армией и с 25 января по 10 февраля 1943 года исполнял обязанности ее командующего и руководил действиями армии в Новороссийско-Майкопской наступательной операции и освобождении городов Майкоп и Краснодар.

В июне 1943 года он принял командование 9-м Краснознамённым стрелковым корпусом и прошёл с ним от Донбасса до Берлина.

А теперь отмотаем плёнку немного назад, в ноябрь 1942 года. Под Сталинградом шло тяжелейшее сражение. С новой силой вспыхнули бои в районе Ржева

на центральном участке фронта. Продолжалось упорное противостояние под Ленинградом. Только что закончилась неудачей попытка замкнуть окружение немецкой группировки в районе Демянка.

На юге события развивались в пользу Красной армии. Из мемуаров генерала И. П. Рослого: «Потерпев неудачу в районе Моздока, Вознесенской, а позже под Эльхотово, противник решил попытать счастья на другом направлении. Для этого он избрал район Нальчика и нанёс удар по 37-й армии. Слабые силы этой армии, занимавшие оборону на фронте 120 километров без танков и без резервов, не смогли устоять перед напором крупных танковых масс. Из района Нальчика фашисты двинули свои танковые колонны на восток, в общем направлении на Орджоникидзе^[98]. Их расчёт сводился к следующему: захватив город, выйти на тылы 9-й армии и, разделавшись с ней, наступать на Грозный, Махачкалу и далее на Баку. Часть своих сил немцы думали направить через Крестовый перевал на Тбилиси.

Планы врага оставались, как видим, по-прежнему дерзкими, и на Владикавказ он бросил свои главные силы. Стал перемещаться сюда и весь спектр противоборства на Кавказе. Оттого и наш корпус, и не один он, оказался здесь и спешно обустроивался на новом рубеже».

Корпус генерала Рослого занял оборону в Архонской равнине. Командный пункт командира корпуса был оборудован в непосредственной близости от передовой линии. Всё, что происходило перед фронтом его бригад и батальонов, Рослый видел и без бинокля.

Первого ноября в полдень головной дозор ударной группировки 1-й танковой армии противника подошёл к переднему краю 34-й стрелковой бригады с намерением с ходу атаковать её. Однако противотанковый ров остановил немцев. Тут же захлопали бронебойки, и один танк загорелся, остальные отошли. Через несколько

часов налетели «Юнкерсы» и начали тяжёлыми бомбами срывать ров. Часть обрушилась на боевые порядки 34-й бригады. После того, как «Юнкерсы» улетели, в дело вступили танки и пехота. «Со своего НП я видел, — вспоминал генерал И. П. Рослый, — как довольно большая группа танков ворвалась на наш передний край и овладела высотой 608,2. Здесь кипел жаркий бой. От огня наших сорокапятков и противотанковых ружей, от ударов умело брошенных бутылок КС гитлеровцы потеряли 6 машин, но остальные продолжали двигаться на восток, пока не напоролась на огонь бригадного артиллерийского дивизиона, стоявшего несколько сзади. Танки остановились».

Корпус Рослого был стойким и твёрдым, как гранит. Основу его составляли две воздушно-десантных бригады и две бригады морских пехотинцев, а также артполк, истребительно-противотанковый дивизион и пулемётный батальон. Чуть позже в состав корпуса была также включена 34-я отдельная стрелковая бригада, сформированная из курсантов военно-морских училищ.

Второго ноября немцы повели мощнейшую атаку, бросив в бой до ста танков при поддержке густых цепей пехоты. Корпус одновременно закрывал путь немецким танкам к Орджоникидзе и не пропускал противника в Суарское ущелье, через которое, в случае успеха, немцам открывался прямой путь к Военно-Грузинской дороге — важнейшей коммуникации, по которой шёл основной подвоз. Генерал Рослый приказал так расставить артиллерию и зенитки, что каждая новая атака стоила противнику десятка танков и бронетранспортёров. И всё же противник постепенно, день за днём, продвигался вперёд на этом узком участке.

Основу ударной группы 1-й танковой армии составляли 13-я и 23-я танковые, 2-я горнострелковая дивизии и 800-й полк особого назначения

«Бранденбург». Вскоре между Фиагдоном и Дзуарикау немцам удалось пробить брешь и продвинуться в направлении на Орджоникидзе на 18 километров. Ширина прорыва от Дзуарикау до западных окраин Орджоникидзе, где были остановлены немецкие танки, составляла всего четыре километра.

Разведка сразу же определила расположение головной группировки. «Проводя такую глубокую операцию, — писал в своих мемуарах И. П. Рослый, — немцы рассчитывали на панику среди частей 9-й армии, которую они намеревались окружить и уничтожить. А чтобы не выталкивать наши войска из этого района, гитлеровцы очертя голову ломились вперед, не заботясь о расширении прорыва в сторону флангов. Главный удар ста танков, поддержанных таким же количеством самолётов, пришёлся по центру обороны 34-й стрелковой бригады. В результате 2-й стрелковый батальон, которым командовал старший лейтенант Сатаев, понёс очень большие потери. Сильно пострадали и примыкающие к нему 3-й и 4-й батальоны. Боевые порядки бригады, точно огромным ножом, были разрезаны пополам.

Но паники не возникло. Все, кто уцелел, продолжали сражаться, развернув свои фланги в сторону вклинившегося противника. На помощь бригаде спешили другие части, которые стали занимать оборону на растянувшихся открытых флангах неприятеля».

К 3 ноября 1942 года немцы и румыны основательно втянулись в прорыв, который по периметру составлял сорокакилометровый коридор. Своими очертаниями он напоминал мешок. Когда командиру корпуса принесли из оперативного отдела карту с закрашенным синим карандашом «мешком», он тут же набросал план возможного контрудара на отсечение ударной группировки противника от основных сил и уничтожение его согласованными ударами с оголённых флангов.

Командующий войсками Закавказского фронта генерал армии И. В. Тюленев одобрил план Рослого:

— Противник забрался в ловушку, которую вы хотите захлопнуть. Это разумно. А подкрепление мы дадим.

Рослый просил усилить корпус танками и артиллерией. Рассматривая на карте положения сторон, генерал Тюленев вдруг спросил:

— А вы, Иван Павлович, не боитесь, что немцы ударят из Гизели на север, вот сюда, займут Архонскую и начнут гулять по тылам 9-й армии?

— Нет, товарищ командующий, теперь это исключено. Из Северной группы войск мне переданы пять истребительно-противотанковых артполков. Сейчас они окапываются именно в районе Архонской, куда немцы ударят обязательно. Здесь-то мы их танки и сожжём.

В помощь корпусу вскоре подошёл 10-й гвардейский стрелковый корпус. В операции по охвату немецкой группировки участвовали четыре танковых бригады, артиллерия 9-й армии и самолёты 4-й воздушной армии.

Из воспоминаний И. П. Рослого: «Войска нашего корпуса начали наступление в 9 часов 30 минут 6 ноября. 57-я стрелковая бригада с 5-й гвардейской танковой бригадой наступали в направлении Дзуарикау. Поначалу обе бригады успешно продвигались вперёд. Однако подошедшая с запада большая группа танков противника остановила их на полпути к цели, и все наши старания возобновить продвижение этих бригад оказались напрасными. Населённым пунктом Дзуарикау они не овладели, задачу не выполнили. Но зато прикрыли от удара с запада своих соседей — 10-ю гвардейскую стрелковую и 63-ю танковую бригады, обеспечив им свободу действий в восточном направлении. Наступление 10-й гвардейской стрелковой бригады, образцово сражавшейся под Эльхотово и теперь буквально с ходу снова вступившей в бой,

развивалось успешно. Её части, поддержанные танками, артиллерией, миномётами, нанесли стремительный удар в направлении высоты 370,3, разметали пытавшихся оказать сопротивление гитлеровцев и вышли к селению Майрамадаг, где соединились с группой полковника Ворожищева. Короткий кинжальный удар бригады полковника Бушева^[99] достиг цели.

Так в первой половине дня 6 ноября была проведена операция по окружению фашистских частей, прорвавшихся в район Гизели. С этого момента противник стал думать не о захвате Орджоникидзе, а о том, как бы побыстрее вырваться из западни».

С 7 по 11 ноября шли почти непрерывные бои с окружённой группировкой. Немцы, поняв, что попали в западню, тотчас провели перегруппировку, сформировали ударную группу — 60 танков и мотопехота на бронетранспортёрах — и попытались разорвать кольцо окружения. На участках прорыва бой принял особенно ожесточённый характер. Немцы из последних сил стремились вырваться из окружения. Десантники и моряки-черноморцы не покидали своих позиций. На высоте 370,3 оборудовали свои окопы расчёты ПТР. Братья Остапенко, Дмитрий и Иван, пользуясь удобной позицией и стеснённой маневра противника, уничтожили 20 немецких танков. Дмитрий Остапенко сжёг 13 танков, Иван — семь. Действовали братья-бронейщики согласованно и хладнокровно. Дмитрию присвоили звание Героя Советского Союза, Ивана наградили орденом Ленина.

Командир корпуса, маневрируя резервами и артиллерией неатакованных участков, перебросил противотанковые средства и пулемётные расчёты к горловине наметившегося прорыва, и вскоре «котёл» был заклёпан окончательно. Многослойный огонь артиллерии и реактивных миномётов рушил судьбу окружённых. В историю Битвы за Кавказ ноябрьская

1942 года операция в районе Гизели вошла под названием ««Мешок» Рослого».

Девятнадцатого ноября 1942 года по радио передали сводку Совинформбюро. В ней говорилось:

«В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Многодневные бои на подступах к Владикавказу (гор. Орджоникидзе) закончились поражением немцев.

В этих боях нашими войсками разгромлены 13 немецкая танковая дивизия, полк «Бранденбург», 45 велобатальон, 7 сапёрный батальон, 525 дивизион противотанковой обороны, батальон 1 немецкой горнострелковой дивизии и 336 отдельный батальон. Нанесены серьёзные потери 23 немецкой танковой дивизии, 2 румынской горнострелковой дивизии и другим частям противника.

Наши войска захватили при этом 140 немецких танков, 7 бронемашин, 70 орудий разных калибров, в том числе 36 дальнобойных, 95 миномётов, из них 4 шестиствольных, 84 пулемёта, 2350 автомашин, 183 мотоцикла, свыше 1 миллиона патронов, 2 склада боеприпасов, склад продовольствия и другие трофеи.

На поле боя немцы оставили 5000 трупов солдат и офицеров. Количество раненых немцев в несколько раз превышает число убитых».

В центральных газетах сообщение о победе под Владикавказом было опубликовано в дни, когда под Сталинградом началось контрнаступление советских войск с целью охвата и последующего уничтожения 6-й полевой армии Паулюса.

Тем временем 9-я армия Закавказского фронта держала прочную оборону по рубежу Алагир — Беслан и далее по берегу реки Терек и Сунженскому хребту. В конце декабря войска соседнего Юго-Западного фронта вышли к Ростову, и немцы, и румыны, опасаясь охвата их Кавказской группировки, начали поспешный отход.

Корпус генерала Рослого и части усиления тут же начали преследование бегущего противника.

3

Жаркое лето 1943 года. На южном фасе Курской дуги армии Степного и Южного фронтов освободили Белгород, Харьков и атаковали немецкую оборону, прикрывавшую промышленный район Донбасса. В немецких штабах Дон-басе называли «Восточным Руром». Гитлер приказал своим генералам и солдатам: «Из Донбасса не отступить!»

Ко времени ввода корпуса генерала И. П. Рослого в дело в качестве авангарда 5-й ударной армии общая обстановка на Южном фронте была такой. В районе Таганрога войска Южного фронта генерала Ф. И. Толбухина разгромили крупную немецкую группировку. 5-я ударная и 2-я гвардейская армии вели тяжёлые бои в тактической зоне Миус-фронта. Прорвать глубокоэшелонированную немецкую оборону, состоявшую из трёх линий и отсечных промежуточных позиций, пока не удавалось. Противник постоянно подводил резервы, снимая их с разных участков фронта, в том числе и с центрального. Несмотря на то что в центре положение для германских войск было не легче — советские войска, удержав оборону на Курском выступе, пошли вперёд, взяли Орёл, подступали к Вязьме и Смоленску, — на Миус-фронт были переброшены 9-я танковая и 258-я пехотная дивизии. Поступали резервы и с других участков. В этих обстоятельствах генерал Ф. И. Толбухин тоже вынужден был маневрировать резервами.

Именно в качестве этого маневра в начале сентября 1943 года в бой был брошен 9-й Краснознамённый стрелковый корпус генерал-майора И. П. Рослого. Корпус

сильный, по стандартам зимы 1941/42 года — армия: 230-я, 320-я, 99-я и 301-я стрелковые дивизии. Корпусу накануне ввода в бой были приданы: 485-й миномётный полк 19-й отдельной миномётной бригады, 40-я танковая бригада и другие части.

Вот как вспоминал те бои командир 301-й стрелковой дивизии полковник В. С. Антонов^[100]: «Утром 1 сентября дивизии 1-го эшелона 9-го стрелкового корпуса перешли в атаку. С нашего командного пункта хорошо просматривалось всё поле боя. Мы обратили внимание на то, что стрелковые полки 230-й дивизии неодновременно поднимаются в атаку после окончания огневого налёта артиллерии, в результате ворваться на передний край обороны противника не могут. В разговоре по телефону со своими командирами полков я указал на этот недостаток. Командиры ответили мне, что видят поле боя и понимают промах атакующих полков.

В 13 часов получен приказ о вводе дивизии в бой. Подаю условный сигнал, и 12-тысячная дивизия двинулась вперёд по лощинам и балкам могучей лавиной батальонных и ротных колонн, выходя на участок севернее Благодатного. Из ротных колонн короткими гусеницами разошлись взводные колонны. Я подал команду на открытие огня артиллерии. Вот уже взводные колонны развернулись в цепь. Одновременно, поднимая тучи пыли, мчались танковые ротные колонны и, развернувшись в боевую линию, вошли в атакующие цепи стрелковых полков.

Прогремело могучее «Ура!». Это первые эшелоны ворвались в траншею противника. Около часа там продолжалась огневая и рукопашная схватка. Не выдержали фашисты натиска наших стрелковых и танковых батальонов, дрогнули и начали отступать. По докладам командиров полков и путём личного наблюдения за ходом боя я убедился, что оборона

противника севернее Благодатного прорвана. Как волны, катились цепи стрелковых и танковых рот одна за другой по опалённым холмистым полям, тесня врага.

Полковник Н. Т. Петренко^[101] всё время находился рядом со мной и руководил боем танковой бригады.

Доложив о ходе боя генералу И. П. Рослому, который находился на Горе Синей, я попросил разрешения выехать ближе к боевым порядкам полков. Командир корпуса ответил:

— Атаку дивизии видел. С успехом пока не поздравляю, но желаю такого же продолжения боя. Выход на КП к боевым порядкам разрешаю.

...Поздно вечером я доложил генералу И. П. Рослому о том, что дивизия вышла на рубеж посёлков Алексеево-Орловка, Сердитое, Катык и мною принято решение о переходе к обороне на этом рубеже. Он сказал:

— Ну, вот теперь поздравляю с первым успешным боем на земле донецкой. Ваше решение утверждаю. Основная задача на завтра: не допустить прорыва противника во фланг и тыл корпуса. Ориентирую вас в общей обстановке на нашем направлении: 320-я стрелковая дивизия совместно со 127-й стрелковой дивизией соседнего 31-го стрелкового корпуса штурмует Чистяково (Торез). У 230-й стрелковой дивизии большая неудача, комдив потерял управление полками; 96-я стрелковая дивизия овладела вершиной высоты Саур-Могилы, отражает сильные контратаки противника. Левее вас 50-я гвардейская стрелковая дивизия 3-го гвардейского стрелкового корпуса ведёт наступление в направлении Зугрес. Так что фланги у вас открытые, поскольку дивизия вырвалась далеко вперёд. Ваше продвижение создало благоприятные условия для окружения саур-могильской группировки немцев. Враг дрогнул и сегодня в спешном порядке оставил город Красный Луч. Будьте готовы к отражению возможных контратак».

Контратаки последовали. В ту же ночь — четыре, волна за волной, танки и пехота. Немцы напирали всей мощью, какую имели под рукой. На некоторых участках сходились до рукопашных схваток. Корпус генерала Рослого устоял. А вскоре двинулся вперёд, совместно с 31-м стрелковым корпусом освободил Чистяково (Торез) и двинулся на Енакиево.

Миус-фронт трещал. Но, потеряв первую линию, немцы отвели уцелевшие войска на заранее подготовленную вторую, где прочно закрепились. Рубеж проходил по линии: Никитовка — Горловка — Нижняя Крынка — река Крынка — Харцызск — Моспино и далее на юг. Генерал Рослый с офицерами штаба корпуса объезжал дивизии и полки, осматривал местность, лежащую в предполье: холмы, терриконы, заболоченная пойма реки Крынки.

Затишье на фронте оказалось недолгим. Вначале контратаковали немцы, потом вперёд двинулись дивизии 5-й ударной армии. Из соседних соединений приходили сообщения: освобождён Иловайск, Дебальцево, Горловка, Никитовка... 5 сентября 1943 года передовой отряд 9-го стрелкового корпуса вышел к восточным окраинам Макеевки.

Из записи в журнале боевых действий 301-й стрелковой дивизии: «На рассвете 5 сентября... центр города горел, огромные чёрные клубы дыма медленно поднимались в небо. После боя с танками противника за несколько секунд автоматчики уже разместились на броне наших машин, и мы в стремительном броске подошли к окраине города... Задержать стремительное наступление наших полков немецким захватчикам не удалось. Части дивизии в ночном бою разгромили немцев в опорных пунктах, утром отразили контратаку и к 10 часам освободили шахтёрские посёлки Кирово, Ханженково, Калиновое, Орехово, Марьевку».

Макеевка была взята мощным штурмом, в котором участвовали и стрелковые части, и танковые, и артиллерия. Во время боя в Макеевке немцы использовали свой излюбленный тактический приём, очень часто применяемый ими при отступлении — они мощно контратаковали. Через несколько часов после того как передовые части 9-го корпуса вышли на западную окраину Макеевки, жители вдруг сплошной лавиной стали бежать из города — на восточную окраину— и прятаться там в оврагах. Оказалось, они бежали от немцев. Цепи немецкой пехоты при поддержке тяжёлых танков приближались к городу с запада и северо-запада, охватывая его окраины полукольцом.

К тому времени уже смеркалось. Но артиллеристы и бронебойщики в силуэтах громадных машин, которых прежде не доводилось встречать в бою, узнали тяжёлые танки. Когда немецкие танки вышли на рубеж верного выстрела, истребители танков открыли огонь. Немецкие танки загорались один за другим. Артиллеристам вид горящих по всему полю немецких танков прибавил азарта и злости. Но атака не прекращалась. Пехота, отсечённая стеной ружейно-пулемётного огня, залегла и начала откатываться. А танки продолжали движение к городу. Нескольким танкам удалось прорваться через оборону головной 301-й дивизии, но недолго они ходили по тылам. Их подожгли с прямой наводки артиллеристы 823-го артполка. Танк, прорвавшийся на северо-западную окраину Макеевки, артиллеристы, словно для наглядной агитации, разделали так, что утром жители увидели груды искорёженного металла, покрытую сизой окалиной.

Днём на Макеевку налетели «Юнкерсы» и несколькими волнами отбомбили городские кварталы, дороги, мосты, оборону передовой группы 9-го корпуса. А затем снова пошли танки. На этот раз их было более

сорока. Танковую атаку поддерживала пехота. Следом ползли штурмовые орудия и самоходки — истребители танков. Классическая атака с применением всех родов войск при чётком их взаимодействии. Такой атаке можно было противопоставить только хорошо организованную оборону при той же чёткости взаимодействия пехоты, артиллерии, танков и тыловых служб.

Генерал Рослый усилил корпусной артиллерией 301-ю дивизию и вывел в первый эшелон резервную 230-ю. Поставили заградительный огонь. Тяжёлые 120-мм миномёты прижали к земле пехоту сопровождения. Загорелись первые танки. Но противник сконцентрировал свой удар на нескольких направлениях, и на некоторых участках ему удалось опасно сблизиться с нашей обороной. Пехоту отсекали пулемётным и автоматным огнём, порой контратаками, и эти крошечные контратаки зачастую заканчивались рукопашными схватками. Артиллеристам истребительно-противотанкового полка приходилось постоянно менять позиции, перебрасывать огневые взводы и отдельные орудия на угрожаемые участки. Некоторые танки противника были остановлены на линии окопов, подожжены бутылками с КС, связками гранат, противотанковыми минами, которые бесстрашные бойцы совали прямо под гусеницы «Тигров».

Макеевку солдаты и офицеры генерала Рослого отстояли немалой кровью, многих боевых товарищей потеряли они в том бою.

Дальше развивали наступление на шахтёрскую столицу город Сталино^[102]. Авангарды 9-го стрелкового корпуса подошли к городу, когда в нём ещё орудовали команды немецких факельщиков и подрывников, которые уничтожали городскую инфраструктуру и всё то, ценное для жизни человека, что не успели демонтировать и вывести. Горели студенческие общежития, учебные корпуса Педагогического,

Индустриального, Медицинского институтов, здание Дома Советов, АТС.

Передовые части и подразделения после короткой разведки под покровом ночи атаковали опорные пункты противника и вскоре владели Нивобутовкой и Новочайкино. На рассвете прорвались к шахтам «Щегловка» и «Мария». А дальше продвижение замедлилось. Немцы опомнились после неожиданной ночной атаки, провели перегруппировку и контратаковали. Корпус стоял как вкопанный, встречая огнём каждую новую волну контратакующих. Началась кровавая рубка.

Противник начал выдыхаться, и ударная группа корпуса снова двинулась вперёд, упорно прорубая коридор к центру города. Вскоре овладели стадионом «Шахтёр». Туда тут же переместился командный пункт одной из дивизий 1-го эшелона. На рассвете 8 сентября танки 140-й бригады с десантом автоматчиков на броне захватили аэродром и тут же вышли к Старо-Михайловке.

Из журнала боевых действий 301-й стрелковой дивизии, шедшей в 1-м эшелоне атакующего корпуса: «в 19.15 7.9.43 г. — 1052 сп 301 сд овладел северо-восточной окраиной города; в 10.00 — 1050 и 1054 сп овладели восточной и юго-восточной окраинами города и приступили к очищению городских кварталов. Город горел... В 23.00 7 сентября 1943 г. в результате напряжённых боёв город Сталино — сердце Донбасса — был освобождён полностью, навсегда».

Восьмого сентября 1943 года вся Советская страна слушала по Всесоюзному радио Левитана, который зачитал приказ Верховного главнокомандующего:

«Приказ Верховного Главнокомандующего генерал-полковнику Толбухину, генералу армии Малиновскому.

Войска Южного и Юго-Западного фронтов в результате умелого маневра и стремительного

наступления одержали крупную победу в Донецком бассейне над немецкими захватчиками. Сломив сопротивление врага, наши войска в течение шести дней с боями овладели городами Дебальцево, Иловайск, Лисичанск, Енакиево, Горловка, Чистяково, Славянск, Артёмовск, Краматорская, Константиновка, Макеевка, Красноармейское, Ясиноватая и областным центром Донбасса — городом Сталино.

Таким образом, войска Южного и Юго-Западного фронтов отбили у немцев и вернули нашей Родине Донецкий бассейн — важнейший угольный и промышленный район страны [...]

В знак торжества по случаю крупной победы в Донбассе сегодня, 8 сентября, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Донбасс от немецких захватчиков, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым вами войскам, участвовавшим в освобождении Донбасса.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!»

В приказе Верховного в числе командиров, чьи войска особо отличились в наступательной операции, было названо имя Героя Советского Союза командира 9-го Краснознамённого стрелкового корпуса генерал-майора И. П. Рослого.

Многие дивизии получили наименования Иловайских, Дебальцевских, Макеевских, Сталинских.

Миус-фронт, который немцы и их союзники создавали как несокрушимую твердыню на пути наступающей Красной армии, рухнул. «Непосредственную и главную задачу в освобождении Донбасса и в разгроме 6-й немецкой армии решил

Южный фронт, — писал в своих мемуарах В. С. Антонов. — На главном направлении его удара в 1-м эшелоне находилась 5-я ударная армия, а в ней — наш 9-й стрелковый корпус».

4

С марта и конца августа 1944 года 9-й Краснознамённый стрелковый корпус сражался в составе 57-й армии 3-го Украинского фронта. Освобождал Одессу, дрался на Днестровском плацдарме северо-западнее Бендер, участвовал в Яско-Кишинёвской операции.

Однажды во время Никопольско-Криворожской операции Рослого чудом не убило разорвавшимся снарядом. А произошло вот что... Командир корпуса прибыл на передовой КП 301-й стрелковой дивизии, находившийся на левом берегу Днепра. Противник отходил за Днепр, прикрывая переправы и плацдармы на левобережье. Командир дивизии полковник Антонов коротко доложил: дивизия атакует, противник упорно обороняется; один полк вышел на северо-восточную окраину Большой Лепетихи, другой лежит в овраге и готовится к очередной атаке, третий подошёл к юго-восточной окраине села. Рослый наблюдал в бинокль за действиями батальонов, которые залегли в овраге прямо перед КП. Что произошло в следующую минуту, об этом вспоминает вышедший командир дивизии В. С. Антонов: «В этот момент до нас донёсся звук залпа немецкой артиллерии, слышался вой приближающихся снарядов. Мыс Иваном Павловичем кубарем скатились в траншею. Снаряд ударил в бруствер, земля посыпалась на нас. К счастью, никто не был даже ранен.

— Да, хороши были бы мы, — проговорил Иван Павлович, рассматривая воронку от взрыва

артиллерийского снаряда на том месте, где за секунду до этого мы стояли.

Посмотрев вперёд, мы увидели тёмные цепочки контратакующей пехоты противника. Я приказал начальнику артиллерии дивизии силами всей артиллерийской группы поставить заградительный огонь на пути движения гитлеровцев. Вскоре над нами прошумели снаряды, перед цепью немецкой пехоты возникла стена разрывов. Контратака была сорвана.

Отдав необходимые распоряжения и посоветовав, как и где лучше нанести удар по гитлеровцам в опорном пункте Большая Лепетиха, генерал Рослый уехал, пожелав нам быстрее отбросить врага за Днепр. Этот последний удар по фашистам на левом берегу великой реки 301-я стрелковая дивизия нанесла ночью 8 февраля. Отбив несколько сильных контратак, полки полностью овладели посёлком Большая Лепетиха».

Никопольский плацдарм противника был ликвидирован.

В конце августа генерал Рослый получил новый приказ: корпус выводили из боя во 2-й эшелон и передавали в состав 5-й ударной армии. Тогда ещё дальнейшая фронтовая судьба 9-го стрелкового корпуса не была известна, но вскоре она определилась.

Из резерва Ставки Верховного главнокомандования 5-ю ударную армию передавали в состав 1-го Белорусского фронта. Фронт стоял на главном, Берлинском направлении. Армией командовал генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин, а фронт вскоре принял маршал Г. К. Жуков.

В начале января 1945 года корпуса и дивизии, артполки и приданные части и подразделения 5-й ударной армии вместе с тылами сосредоточились на Магнушевском плацдарме за Вислой. Предстоял удар на запад — распахнуть ворота Германии. Марш проводился скрытно, только в ночное время, все радиостанции были

отключены, никаких письменных распоряжений на марш командирам частей приказано было не отдавать. Маршруты войскам сообщались только на один переход, каждая дивизия должна была двигаться к переправам по собственному плану.

Висло-Одерская операция, в подготовку и проведение которой было вовлечено несколько фронтов, окончательно сокрушила немецкую оборону. Группа армий «Центр», попавшая под удар на Берлинском направлении, в полной мере так и не смогла восстановиться даже к апрелю, когда, после перегруппировки и накопления ресурсов, советские фронты начали заключительную битву, которая поставила точку в боевых действиях на европейском театре^[103].

Девятый стрелковый корпус генерала Рослого стоял в центре ударной группы 1-го Белорусского фронта. Перед наступлением Иван Павлович Рослый не отрывался от карты: оборонительные порядки противника были обозначены синим — от завислинского Кюстринского плацдарма до Одера операторы штаба корпуса нанесли семь полос — на основании данных авиационной и агентурной разведок. Немцы в Польше закрепились основательно, создали многослойный и, как им казалось, непробиваемый буфер: Красная армия в пределы рейха войти не должна!

Но Красную армию уже невозможно было остановить никакой обороной, сколько бы слоёв она ни имела, никаким чудо-оружием. Впрочем, одно чудо-оружие Гитлер всё же имел — надежду на то, что союзники рано или поздно вступят в серьёзный и непреодолимый конфликт и передерутся. Гитлеру не доставало только одного — времени. А Красная армия, её молодые маршалы и генералы с каждым днём лишь ускоряли его.

Наступление началось 14 января 1945 года. Его первые часы и дни хорошо описал в своих мемуарах

бывший член Военного совета 5-й ударной армии генерал Ф. Е. Боков: «В 8 часов 30 минут забушевал шквал артиллерийской подготовки. В одно мгновение 2,5 тысячи наших орудий, реактивных установок и миномётов внезапно обрушили огонь на позиции врага. Густой туман и поднявшаяся пелена пыли и дыма от разрывов исключили возможность корректировать огонь по целям. Артиллеристы вели стрельбу только по заранее подготовленным исходным данным.

С началом огневого налёта группы разграждения из сапёров и пехотинцев, применяя удлинённые заряды, приступили к проделыванию проходов в минных полях и проволочных заграждениях.

Усиленные передовые батальоны изготовились к атаке с задачей овладеть первой и второй линиями траншей, а при успешных действиях — развивать наступление в полосах своих дивизий. Главные силы соединений развернулись за ними.

На участках, где нейтральная полоса была шире 300–500 метров, передовые батальоны стали выдвигаться с началом огневого налёта, а на более узких участках — через двадцать пять минут после открытия огня. Впереди подразделений шли танки-тральщики и отряды разграждения из сапёров, за ними — танки КВ и Т-34 и следом — стрелковые цепи. Начальный бросок пехота сделала в период самой интенсивной работы нашей артиллерии. Передовые батальоны относительно легко овладели первой траншеей, которая оказалась почти не занятой врагом, и, не задерживаясь, устремились в глубину обороны.

Как мы и рассчитывали по опыту предшествующих операций, противник ожидал, что наша артиллерия будет долго обрабатывать его передний край и несколько раз переносить огонь в глубину обороны. Поэтому действительный перенос огня он принял за

ложный и не выдвинул свою пехоту со второй и третьей траншей в первую.

Уже к половине десятого наши воины захватили вторую траншею первой позиции и опорные пункты Грабув Залесьны, Выборув, Грабув Пилица, Подогородзе, Буды Августовские. Благодаря смелым и решительным действиям передовых батальонов была достигнута полная тактическая внезапность, фашисты впали в заблуждение, что создало благоприятные условия для наступления главных сил.

Один за другим командиры корпусов докладывали, что разведка боем проходит успешно. Маршал Жуков разрешил Берзарину ввести первые эшелоны корпусов на двадцать минут раньше срока, установленного плановой таблицей, и артиллерия от артподготовки перешла к поддержке наступления главных сил.

Наблюдая за развитием боевых действий, командующий фронтом с одобрением посматривал на Н. Э. Берзарина, а в отдельных случаях отдавал ему конкретные распоряжения. Маршал Жуков активно влиял на развёртывание наступления 5-й ударной и её соседей...»

Во время наступления сложная ситуация внезапно возникла на правом фланге ударной группы — в полосе действий 9-го стрелкового корпуса. Первый эшелон корпуса составляла 301-я стрелковая дивизия. Она действовала решительно и энергично, быстро заняла две линии траншей, атаковала третью и вплотную подошла к полустанку Грабув. Но сосед справа — 80-й стрелковый корпус 61-й армии отстал. И командиру 301-й генерал Рослый отдал приказ загнуть правый фланг, чтобы не подставить ударную армейскую группировку под фланговый контрудар противника. К исходу первого дня все три рубежа траншей были прорваны. Корпус прошёл до 14 километров, форсировал реку Пилицу. Артиллерию и тяжёлое вооружение перетаскивали по

льду, укрепив его жердями. Разведка доносила: противник отходит на вторую линию. Комфронта отдал распоряжение: не дать немцам усилить вторую линию, атаковать и ворваться на очередной рубеж на плечах отступающих. Темп движения войск пришлось увеличить.

На второй день наступления ранним утром противник всё же решился воспользоваться отставанием 80-го стрелкового корпуса и, перебросив на участок наступления 9-го стрелкового корпуса танки и мотопехоту, организовал серию контрударов. В журнале боевых действий корпуса зафиксировано 14 танковых атак противника. Попытки сбить темп наступления наших войск поддерживала авиация и штурмовая артиллерия. Во второй половине дня генерал Рослый ввёл в бой 248-ю дивизию, 2-й эшелон.

Снова основные бои разыгрались в зоне действия 301-й правофланговой дивизии полковника В. С. Антонова [\[104\]](#).

Владимир Семёнович Антонов был из тех полковников, которыми восторгался Лермонтов: «Слуга царю, отец солдатам». Его передовой КП всегда находился в непосредственной близости, поэтому не раз офицерам штаба приходилось браться за автоматы и гранаты, когда происходил прорыв батальонных линий. Он всё видел своими глазами. Именно Иван Павлович Рослый назначил его на дивизию из командиров полков. Вот каким увидел полковник Антонов картину боя в день немецких контратак: «Танки и пехота ворвались в боевой порядок 2-го батальона 1050-го полка. Всё смешалось в огневом вихре. В упор бьют наши артиллеристы по танкам противника. Снаряды орудия сержанта И. Т. Иванова один за другим жгут немецкие танки. Огневые взводы лейтенанта Берестового и Андрея Кирилюка в облаках дыма, выбрасывают огненное пламя, снаряды ударяются в атакующие танки

противника. Старшина Анатолий Дробаха тяжело ранен, но не отходит от орудия, меткими выстрелами останавливает танки врага. Идёт жесточайшая схватка артиллеристов с фашистскими танками. Во 2-й батарее у трёх пушек вышли из строя орудийные расчёты. Один раненый Анатолий Дробаха у орудия на огневой позиции батареи. Двадцатилетний коммунист один бьётся на огневой позиции. Он подбил ещё три танка.

Стрелковые роты ведут огневой и рукопашный бой. Все офицеры в боевой цепи — и командир капитан Ф. К. Шаповалов, и начальник штаба раненый капитан Азарьян. Тяжёлая обстановка в 5-й стрелковой роте, которой командует молодой командир лейтенант Алексей Храмов. Но вот вместе с комсоргом батальона лейтенантом Солиджаном Алимовым поднимается лейтенант Фёдоров — воспитанник Бакинского морского училища, ветеран дивизии. Он ведёт всю роту в рукопашный бой. За ними 4-я стрелковая рота старшего лейтенанта Яковлева с парторгом батальона старшим лейтенантом Гвоздевым тоже поднялись в рукопашный бой. Гитлеровцы не выдержали могучего удара стрелковых рот, и батальон вновь восстановил свой боевой порядок. Сотни трупов лежат перед фронтом 2-го батальона [...]

В 1052-м стрелковом полку главный удар противника направлен на роту капитана Тышкевича. В её боевых порядках стоит орудие старшины Ивана Приходько. Когда волна танков и пехоты подкатилась к позиции стрелковой роты, забушевал огненный смерч. Орудие Ивана Приходько почти раскалилось докрасна, но он бьёт и бьёт по фашистским танкам.

В огненном бою вся полковая артиллерийская батарея. От метких выстрелов старшего сержанта Кашмина горит подбитый танк. У соседнего орудия погиб весь расчёт. Сержант Кашмин начал вести огонь из двух орудий и подбил ещё три танка. Ранен капитан

Тышкевич. Он отказался уйти с поля боя, от своих боевых товарищей, и продолжает командовать ротой.

Артиллеристы майора Турбина и на этот раз проявили героизм. Командиры орудий, полные кавалеры ордена Славы старшины Владимир Ткаченко, Василий Носич, Андрей Деревянко, подбили 10 немецких танков. Старшина Пётр Чиняев вступил в неравный бой с тремя танками: он подбил головной танк, остальные мгновенно дали задний ход и ушли в укрытие.

Первая мощная двухчасовая атака немцев была отбита. Потом было ещё шесть. Так прошёл тяжёлый, но полный боевой славы день 4 февраля».

Триста первая стрелковая дивизия формировалась на базе двух стрелковых бригад — 34-й курсантской и 157-й. С этими бригадами Иван Павлович Рослый держал фронт на Северном Кавказе. С ними он ликвидировал «мешок» под Владикавказом, когда в окружении оказался авангард 1-й танковой армии противника. Это было уже 3-е формирование дивизии: её пополнили кубанскими казаками, матросами, кавалеристами. Дивизия считалась одной из лучших не только в 5-й ударной армии, но на всём 1-м Белорусском фронте. Генерал Рослый ценил и полковника Антонова, и его кубанцев, доверял им самые сложные задачи.

В ходе стремительного наступления от Вислы до Одера корпус генерала Рослого за 17 суток прошёл с боями 570 километров. Это был незабываемый огненный марш по польской земле, завершившийся на правом берегу Одера, уже на территории «Старого рейха». Первой на немецкий берег переправилась 248-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. З. Галая. Почти одновременно с ней в районе Ной Блессина Одер форсировали полки 230-й стрелковой дивизии полковника Д. К. Шишкова^[105]. Вместе с соседями они тут же начали расширять и углублять захваченный

плацдарм, наводить переправы, ремонтировать взорванные мосты.

Впереди лежал, оцетинившись многослойной обороной, город-крепость Кюстрин. Бой за него длился весь февраль. Висло-Одерская наступательная операция, одна из блестяще проведённых нашими войсками на последнем этапе войны, была завершена захватом плацдарма. С него-то в середине апреля и ринутся армии 1-го эшелона на Берлин.

Висло-Одерская операция закончилась. Но для 9-го стрелкового корпуса бои, самые жестокие бои, как оказалось, только начинались.

5

Немцы решили ликвидировать плацдарм и превратить западный берег, до самого уреза, в неприступную крепость. Одер — последняя крупная водная преграда на пути советских войск в Германию. Это прекрасно понимали и в советских штабах. И плацдарм надо было удерживать во что бы то ни стало.

Первая и самая яростная контратака последовала ранним утром 2 февраля 1945 года и пришлась на участок, который удерживал на плацдарме 9-й стрелковый корпус. Из воспоминаний генерала Ф. Е. Бокова: «На рассвете враг после мощного налёта авиации нанёс внезапный удар в полосе 248-й дивизии 9-го стрелкового корпуса. Из района западнее и юго-западнее Ортвига на 899-й полк при поддержке 25 танков ринулось до полка фашистской мотопехоты, а на 902-й полк из района Амт-Кинитца начали наступать до двух пехотных полков с 30 танками^[106]. Не выдержав натиска превосходящих сил противника, наши войска оставили занятый рубеж. 899-й полк отошёл на 4-5 километров за дамбу, а частью сил, оставив тылы и

артиллерию, на восточный берег Одера. 902-й полк переместился в район Гросс-Нойендорфа и, опираясь на его строения, в упорных боях с трудом удерживал этот населённый пункт».

Из архивных документов и воспоминаний участников тех событий на плацдарме следует, что 248-я дивизия, к сожалению, пропустила первый удар. И тот факт, что противник навалился большой силой, значительно превышающей силы обороняющихся, не утешало. То, что противник бросил против группировки авангарда 5-й ударной армии, переправившейся на западный берег Одера, такое большое количество танков и мотопехоты, свидетельствовало о том, что немцы настроены решительно — ликвидировать отбитый у них под носом, в непосредственной близости от Кюстрина, плацдарм.

«Командарм Н. Э. Берзарин был серьёзно озабочен донесением из 9-го стрелкового корпуса, — вспоминал генерал Ф. Е. Боков, который был непосредственным участником тех событий, читал все донесения, поступающие с плацдарма, видел реакцию командующего на происходящее. — Дела там складываются круто. Мне надо разобраться на месте. Еду к Рослому, в дивизию Галая, — сказал он начальнику штаба и торопливым шагом вышел из блиндажа.

Однако командир 9-го стрелкового корпуса генерал И. П. Рослый успел принять энергичные меры. По его приказу корпусная артиллерия открыла интенсивный огонь по прорвавшимся частям врага. Затем на плацдарм начал форсированное выдвижение 905-й стрелковый полк, находившийся во 2-м эшелоне. Но для этого требовалось время. А на плацдарме борьба накалялась. В ходе боя строения на северо-западной окраине Гросс-Нойендорфа переходили из рук в руки. Гитлеровцы при поддержке танков и штурмовых орудий неоднократно бросались в атаки. Но советские воины стойко держали оборону. Здесь особенно отличились

артиллеристы батареи капитана С. Е. Седукевича из 902-го стрелкового полка. Они надёжно перекрыли огнём дорогу, идущую к городу с запада. Несколько раз гитлеровцы пытались прорваться здесь, но меткий огонь батареи останавливал их. Вскоре 14 вражеских бронетранспортёров и танков уже пылали на поле брани. Ни налёты «Юнкерсов», ни мощные залпы вражеских миномётов не смогли сломить батарейцев. Вышли из строя два орудия, погибли расчёты. У третьего был сражён наводчик, и капитан Седукевич встал на его место. Уже дважды раненый, он поджёг ещё две бронированные машины. Очередная атака врага захлебнулась. К концу дня бойцы 902-го стрелкового уничтожили 15 танков противника».

Командир корпуса во все дни и ночи боя на плацдарме имел хорошую связь со штабом дивизии и непосредственно с дерущимися полками. И постоянно маневрировал теми ограниченными резервами, которые имел под рукой. С прибытием на КП командарма в дело включались армейские резервы, и обстановка на плацдарме вскоре стабилизировалась. Полки отбили оставленные позиции и начали энергично расширять плацдарм. Тем не менее попытки переломить ситуацию со стороны противника не прекращались. Контратаки следовали одна за другой. Немцы вводили в бой всё новые и новые резервы.

— Вот что, Иван Павлович, — сказал наконец Берзарин, не отрываясь от стереотрубы, — пора вводить в бой дивизию кубанцев.

Триста первая стрелковая дивизия полковника Антонова была отведена во 2-й эшелон. Теперь генерал Рослый спешно вводил её в дело. На долю корпуса генерала Рослого легла самая тяжкая доля — удержать Кюстринский плацдарм в самый пик немецких контратак, когда противник, решив ликвидировать оборону группировки 1-го Белорусского фронта на

западном берегу Одера, бросал в бой всё новые и новые части, когда резервы его, казалось, не иссякнут, а силы корпуса таяли с каждым боем.

Четвёртого февраля 1945 года маршал Г. К. Жуков направил генералу Н. Э. Берзарину телефонограмму. Содержание её тут же стало известно в штабах корпусов. В ней говорилось: «На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача — удержать захваченный плацдарм на западном берегу р. Одер и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10-12 км в глубину.

Я всех вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной нам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести.

К сожалению, мы вам не можем помочь авиацией, так как аэродромы раскисли и взлететь самолёты в воздух не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую:

- 1) зарываться глубоко в землю;
- 2) организовать массовый зенитный огонь;
- 3) перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью;
- 4) днём отбивать атаки врага.

Пройдёт 2-3 дня — противник выдохнется.

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха, который вы не только можете, но обязаны обеспечить».

Генерал Рослый все эти дни был на плацдарме. Он приказал зачитать телефонограмму комфронта всему личному составу корпуса, во всех окопах.

В ночь на 7 февраля командир 301-й стрелковой дивизии полковник Антонов доложил:

- Иван Павлович, на нашем участке перебежчики.
- Сколько и что говорят?

— Пятеро солдат и три офицера. Говорят, что они — немецкие рабочие и не хотят больше воевать против советских рабочих, что, мол, «Гитлер капут!» и «Берлин капут!»

— И что же говорят эти интернационалисты о состоянии своих войск?

— Немецкие войска на нашем участке получили приказ прекратить атаки и перейти к обороне на том рубеже, который занимают.

— Вот это уже другой разговор.

Генерал Рослый с офицерами оперативного отдела штаба объехал и обошёл по ходам сообщения весь участок плацдарма, занимаемого частями 9-го стрелкового корпуса. На плацдарме явно не хватало противотанковой артиллерии. Многие орудия и даже целые батареи попали под гусеницы и огонь немецких танков и самоходок. Одни нуждались в ремонте, и к их восстановлению уже приступили походные арт-мастерские, переправленные на плацдарм. Другие восстановлению не подлежали, и их надо было заменять новыми, в некоторых случаях вместе с расчётами. А на Одере начался ледоход. Переправы не работали. Надо было ждать конца ледохода, чтобы подвести понтоны и переправить на западный берег танки, самоходки и необходимое количество артиллерии, установок реактивных миномётов, а также продовольствие, медикаменты и, конечно же, боеприпасы. Расширять плацдарм, да и удерживать занятые позиции в случае новых контратак противника одной пехотой было трудно.

«Солнечное утро 7 февраля осветило всё поле боя дивизии, — вспоминал командир 301-й стрелковой дивизии. — Перед боевыми порядками полков и восточнее Ной-Борнима и Ортвига на всём фронте лежали тысячи трупов, стояли десятки подбитых и

сожжённых танков. Немцы по ночам стали уносить трупы к себе в тыл. Мы не мешали им в этой «работе».

С 3 по 7 февраля полки 301 стрелковой дивизии разгромили пехотную дивизию «Дёберитц», 25-ю мотогренадерскую пехотную дивизию^[107] и 5-й отдельный танковый дивизион противника. Около 40 раз поднимались фашистские цепи в атаку и столько же откатывались назад».

Потери дивизий, и в целом корпуса, тоже были огромными. С 14 по 31 января 1945 года в боях от Вислы до Одера 9-й гвардейский корпус потерял 961 человека. Тогда как на плацдарме за десять дней февраля — 3154 человека.

В феврале — марте 1945 года плацдарм был расширен до 27 километров и раздвинут в глубину до пяти километров. Соседние 32-й и 4-й гвардейский стрелковые корпуса штурмом овладели городом-крепостью Кюстрин^[108]. Тем временем южнее войска 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова расширили свой плацдарм до 14 километров по фронту и до пяти километров в глубину.

После овладения Кюстрином северный и южный плацдармы были значительно расширены и соединены в один.

6

В марте выведенные на восточный берег дивизии 9-го корпуса приступили к подготовке решающей атаки. Штабы согласовывали планы предстоящей операции, проводилась глубокая разведка. Артиллеристы наносили на карты основные цели, пристреливали реперы. Генерал В. С. Антонов вспоминал: «Началась боевая подготовка. Со всех районов страны мчались к нам эшелоны с оружием и техникой. Весну мы уже не

успевали замечать. Начались ротные и батальонные тактические учения. И здесь, на немецкой земле, все поля, леса и город Бервальде превратились в учебные поля и полигон. Днём и ночью проводилась боевая подготовка. Отрабатывались основные темы учения: «Бой в крупном населённом пункте», «Бой в лесу», «Форсирование рек и каналов».

Иван Павлович Рослый в эти дни ездил из дивизии в дивизию, из полка в полк. Проводил занятия с офицерским составом. Вручал награды. Только в полках, частях и подразделениях 301-й стрелковой дивизии за героизм, проявленный в ходе Висло-Одерской операции и в боях на Кюстринском плацдарме, была вручена 21 «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Наступил апрель. Как и во время Висло-Одерской операции, 5-я ударная армия стояла в центре построения 1-го Белорусского фронта: справа — 3-я ударная, слева — 8-я гвардейская армии. Все три корпуса — 26-й гвардейский, 32-й и 9-й стрелковые шли в 1-м эшелоне.

Из состава 9-го корпуса 230-ю стрелковую дивизию приказано было вывести в резерв командующего армией.

Корпуса свои порядки выстроили в два эшелона. 9-й корпус — в 1-м эшелоне имел 301-ю, во 2-м — 248-ю стрелковые дивизии. В затылок 5-й ударной перед самым наступлением встали корпуса и бригады 2-й гвардейской танковой армии.

В ночь на 12 апреля генерал Рослый сосредоточил свой корпус в лесу северо-западнее Кюстрина.

Пятая ударная армия, действуя в центре ударной группировки фронта, имела основной задачей прорыв обороны противника на фронте Кальцениг, Горгаст и наступать в направлении Цехина, Тегеля и далее на северо-восточную окраину Берлина.

Перед наступлением маршал Жуков провёл совещание командного состава в штабе фронта, после которого была проведена штабная игра. «В ходе военной игры, — вспоминал генерал И. П. Рослый, — чётко вырисовывалась и задача нашего корпуса, который, наступая на левом фланге армии, должен был выйти на северо-восточную окраину Берлина. Мне хотелось детальней изучить город по макету, находившемуся в соседней зале, и как только появилась возможность, я направился туда.

Фронтные топографы потрудились на славу: на площади 20 квадратных метров они создали очень подробный макет Берлина. Когда я подошёл ближе, мне показалось, что передо мной город, по улицам которого можно ходить, рассматривать дома и площади. Макет привлёк к себе внимание всех участников совещания, и мы толпились возле него, мысленно путешествуя по улицам города.

Своё заочное знакомство с Берлином я начал с Ландсбергершоссе, которое шло с северо-восточной окраины города и заканчивалось на Александерплац. Отсюда я «пошёл» по Кенигштрассе и «прибыл» на Шлоссплац, где огромным чёрным прямоугольником высился старинный дворец прусских королей. Далее широкой полосой лежала Унтер-ден-Линден, которая через полтора километра упиралась в Бранденбургские ворота. От них, словно разрезая пополам Тиргартенпарк, а вместе с ним и город, тянулось на запад широкое, прямое и бесконечно длинное Шарлот-тенбургское шоссе. Будто устыдившись своих размеров, это шоссе меняло название то на Берлинское шоссе, то на улицы Бисмарка, Кайзера и Андер-Хеер.

Если же пройти в Бранденбургские ворота и повернуть направо, то там, на северо-восточной оконечности Тиргартенпарка стояло огромное здание

Рейхстага, которое на наших планах значилось как объект 105.

Я ещё не знал, в каком районе города придётся наступать, однако «путешествие», которое совершил в тот вечер по Берлину, давало представление о том, что предстоит нам испытать в лабиринте улиц этого города-гиганта...»

С утра 14 апреля сосед слева, 8-я гвардейская армия, начала разведку боем. Однако все попытки разведывательных батальонов преодолеть немецкую оборону успехом не увенчались.

Пятнадцатого апреля настал черёд 5-й ударной армии. Жребий пал на участок 9-го стрелкового корпуса. Рослый приказал атаковать военный городок и железнодорожную станцию Гольцов. Фронт наступления корпуса был узким — всего два километра, — поэтому плотность изготовившихся к атаке войск была высокая. Чтобы не толпиться и не толкаться локтями, генерал Рослый поставил в 1-й эшелон одну 301-ю стрелковую дивизию.

Главная полоса немецкой обороны перед 301-й дивизией состояла из трёх позиций. Перед передним краем, проходившим по восточным окраинам Гольцова и военного городка, виднелись проволочные заграждения. Разведка обнаружила там минные поля. Вторая полоса проходила по рубежу Альт-Одер, Гузов и далее по Зееловским высотам.

«Для обеспечения прорыва тактической зоны обороны гитлеровцев, — вспоминал генерал И. П. Рослый, — корпус был усилен двенадцатью артиллерийскими и миномётными полками, тяжёлым танковым полком и танковой бригадой. Кроме того, его боевые действия поддерживали три артиллерийские бригады и дивизион 305-мм орудий, которые предназначались для разрушения укреплений, построенных на второй оборонительной полосе. Для

прорыва главной полосы обороны противника корпус располагал 578 орудиями и миномётами, 120 реактивными установками, 90 танками и САУ. Это означало, что против одного вражеского батальона мы имели пять своих, против одного орудия — девять и против одного танка — три. Таким ощутимым перевесом мы не располагали в течение всей войны. Это обеспечивало нанесение мощного первоначального удара и наращивание сил в глубине».

В батальонах и ротах бойцы и политработники приготовили штурмовые красные флаги, флажки и вымпелы для установки над занятыми зданиями.

Первый эшелон 9-го стрелкового корпуса замер на исходных на плацдарме близ исторической деревни Кунерсдорф^[109], у которой во время Семилетней войны 12 августа 1759 года русско-австрийские войска под командованием генерал-фельдмаршала П. С. Салтыкова наголову разбили армию короля Пруссии Фридриха II. Через год русский корпус генерал-лейтенанта З. Г. Чернышёва занял Берлин.

Именно эту историю рассказывал командир взвода из бывших студентов своим бойцам.

— А правда ли, товарищ лейтенант, что в том походе на Берлин участвовал и Александр Васильевич Суворов? — спросил ротного пропагандиста такой же юный солдат-связист.

— Правда. Подполковник Суворов участвовал и в Кунерсдорфском сражении, и во взятии Берлина. Ему шёл тогда тридцатый год.

— Значит, русские уже бывали в Берлине, и мы придём туда не первыми, а вторыми?

Солдат-связист явно расстроился.

— Даже не вторыми, а третьими, — уточнил лейтенант.

— Как так?!

— А вот так. Второй раз наши войска побывали в Берлине в 1813 году во время преследования армии Наполеона. Кстати, в армии Наполеона было много немцев.

— Значит, при Наполеоне они в Москве побывали...

— Так точно, побывали.

— А в этот раз их оттрепали на подступах. В Москву не пустили. А Берлин мы возьмём! Так и быть — в третий раз!

Этот разговор на плацдарме генерал И. П. Рослый услышал, обходя части и подразделения своего корпуса перед предстоящей атакой. И после войны по памяти вставил в книгу своих мемуаров.

К исходу дня 15 апреля военный городок и станция Гольцов были очищены от противника. Корпус прорвал первую полосу обороны немцев и вклинился во вторую. В этот же день немецкое командование остатки 20-й моторизованной дивизии срочно заменило свежей танковой дивизией СС «Мюнхеберг». Как позже стало известно, на угрожаемый участок выдвинулось управление LVI танкового корпуса вместе с командиром генералом Г. Вейдлингом. В обороне Берлина Вейдлинг сыграет особую роль.

Вот как вспоминает раннее утро 16 апреля бывший командир 301-й стрелковой дивизии В. С. Антонов: «Неотступно за огневым валом артиллерии катится вал танков и пехоты. Взят господский двор Аннахов. Окончательно прорвана первая полоса одерского рубежа обороны. Полки дивизии продолжают развивать наступление к Зееловским высотам.

Семь часов. Солнце уже поднимается над горизонтом, но туман, пыль и дым плотно укрыли Кюстринский плацдарм. Только Зееловские высоты возвышаются над серой, туманной долиной Одера. Полки вышли к железной дороге восточнее Ной-Лангзова и к стыку железных дорог со станцией Вербиг.

Два этих населённых пункта с треугольником железных дорог на подступах к Зееловским высотам немцы оборудовали как сильный опорный пункт.

С рубежа железной дороги восточнее населённого пункта Ной-Лангзов и стыка железных дорог со станцией Вербиг противник встретил нас сильным и организованным огнём. Весь опорный пункт входил в полосу наступления дивизии. Условий для обхода не было, и мы приступили к подготовке его штурма».

Командир корпуса приказал как можно ближе к насыпи подойти 220-й танковой бригаде, приданной головному эшелону корпуса, артиллерию сопровождения вывести на прямую наводку. В десятиминутном огневом налёте приняла участие и корпусная артиллерия. Батальоны поднялись, но вскоре снова залегли — вся железнодорожная насыпь ответила сплошной лавиной огня.

После нескольких минут подготовки последовала вторая атака. Танки вплотную подошли к насыпи и в упор расстреливали огневые точки противника. Пушечные батареи вслед за танками придвинулись к немецкой обороне и расстреливали её кинжальным огнём. И вот уже батальоны лавиной хлынули на насыпь. Начался ближний гранатный бой, во многих местах переходящий в рукопашный. Вторые эшелоны атакующих перемахнули через насыпь и завязали бой в Ной-Лангзове и на станции Вербиг. Немцы упорно сражались за каждую позицию, каждое строение, каждый окоп. Из 1-го эшелона стали поступать тревожные сообщения: тяжело, противник яростно сопротивляется, продвижение вперёд минимальное. Рослый знает: его храбрый полковник Антонов сейчас в первых рядах атакующих, среди своих кубанцев и матросов-черноморцев, опытных ветеранов, с которыми бок о бок дрались ещё под Владикавказом. «Погоди,

Владимир Семёнович, вводить танки. Потерпи и со вторыми эшелонами. Впереди — высоты».

Во 2-м эшелоне 301-й стрелковой дивизии двигались 1050-й стрелковый и 92-й тяжёлый танковый полки. Уже два раза мощными контратаками с танками и самоходками немцы отбивали Ной-Лангзов. В третий раз полковник Антонов не выдержал, бросил вперёд резерв, и свежие батальоны сломали сопротивление гарнизона, уничтожили бронетехнику и буквально разметали пехоту, истребили во время преследования. Но перед второй железнодорожной насыпью образовался затор. Наши танки с ходу не смогли преодолеть крутой угол склона, а немцы организовали целое гнездо фаустников. Несколько танков было уже подбито. Тогда в дело вступила стрелковая рота. В скоротечном бою стрелки зачистили насыпь и прилегающие строения от фаустников. Танки двинулись вперёд.

Наконец, полковник Антонов сообщил:

— Иван Павлович, батальоны подошли к Зееловским высотам. Впереди сплошная линия обороны. Похоже, утренняя артподготовка её не потревожила.

— Ничего, Владимир Семёнович. Мы потревожим.

Подтягивай свои батальоны вплотную к высотам. Дай точное время, и корпусная артиллерия поддержит твою атаку.

— Понял. Время дам.

— Артиллерийские корректировщики уже ушли к вам. Встречайте. Ваша задача: прорвать первую линию на Зееловских высотах. Как только наметится успех, сообщи. На твоём участке будет вводиться дивизия Галая. А ваша полоса будет севернее высот, включительно населённый пункт Гузов. И ещё имей в виду: правее тебя на участке 26-го гвардейского и 32-го стрелковых корпусов будет вводиться 2-я гвардейская танковая армия.

В полдень авангард 9-го стрелкового корпуса атаковал в направлении Вербига. И тут же, как вспоминали ветераны 301-й, «чёрной стеной танков» немцы бросились навстречу. Рослый тут же отреагировал — в дело вступила артиллерия. «Всё смешалось, — пишет В. С. Антонов. — Громадная завеса пыли и дыма поднялась и закрыла Зееловские высоты. Шёл танковый бой, а чёрные цепи немецкой пехоты, невзирая на огромные потери, всё шли и шли в атаку и разбивались о героизм солдат и офицеров наших стрелковых рот и батальонов».

Можно понять немецкого солдата: для многих немцев Зееловские высоты были последней позицией, там они решили победить или умереть. Победить не получилось. У другой стороны сил оказалось больше. И мотивация сильнее. И штабы работали грамотней, учитывая многие факторы и детали. Немцы, планируя действия своих войск, на многие «мелочи» внимания уже не обращали. Не до того стало. А ведь приказ, не обеспеченный ресурсом и необходимыми условиями, зачастую не выполняется.

На склонах Зееловских высот наступление 301-й стрелковой дивизии противник встретил многоярусным огнём. Пулемёты, орудия прямой наводки, окопанные танки и самоходки. Всё это пришлось выковыривать нашим артиллеристам, танкистам и пехоте в ближнем бою, когда заставить замолчать пулемёт, накрытый железобетонным колпаком метровой толщины, можно было только гранатой.

При штурме Зееловских высот и населённого пункта Вербиг большую роль сыграли действия тяжёлых ИСов 92-го танкового полка и «тридцатьчетвёрок» 220-й танковой бригады.

К исходу 16 апреля 1-й эшелон на своём участке прорвал немецкую оборону на Зееловских высотах. Генерал Рослый тут же ввёл в дело дивизию 2-го

эшелона. Полки 248-й стрелковой дивизии шли через позиции 301-й дивизии и развёртывались в боевой порядок. Левее 9-го стрелкового корпуса высоты штурмовала 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова, а правее, на рубеже Кинвердер и Альте-Одер дрались 26-й гвардейский и 32-й стрелковый корпуса. Там по приказу маршала Г. К. Жукова спешно вводилась в бой на ещё не прорванную оборону Зееловских высот 2-я гвардейская танковая армия.

Дело принимало крутой оборот. Войска 1-го Белорусского фронта продвигались вперёд медленно. Оборона Зееловских высот ещё не была вскрыта. График наступления срывался. Между тем корпус генерала Рослого продолжал давить на противника, и в первый же день операции его передовые батальоны дрались на отметках, которые были определены для второго дня наступления. На пути корпуса лежал город Гузов. В системе обороны Зееловских высот он являлся важнейшим опорным пунктом, «фестунгом», который контролировал целый район и закрывал левый фланг немецкой обороны на гряде высот. Его брали в ночь на 17 апреля. «Всю ночь продолжался ожесточённый бой за город Гузов, — вспоминал В. С. Антонов; его кубанцы и черноморцы, а также бойцы недавнего, донецкого пополнения, по-прежнему находились в первых рядах атакующих. — Вокруг города и в городе были подготовлены сплошные траншеи, на перекрёстках стояли баррикады. Бой шёл за каждый дом, за каждую улицу. Особенно ожесточённое сопротивление фашисты оказывали в районе церкви и замка. Несмотря на отчаянное сопротивление противника, капитан Благинин со своей ротой при поддержке танков атаковал немцев в церкви и в ближнем бою уничтожил их. Батальон капитана Николая Леонтьевича Кузнецова ворвался в замок, обнесённый кирпичной стеной и превращённый в настоящую крепость. Но и здесь фашисты были

перебиты, и над замком герои батальона Кузнецова водрузили Красное знамя. К утру 1052-й стрелковый полк и подошедший 1050-й стрелковый полк окружили и уничтожили немецкий гарнизон в Гузове».

Да, это был не 1941 год. Операции планировались и проводились тщательно, на пулемёты роты не бросали, где необходимо, в дело вступал тяжёлый калибр и бронебойщики. В бой людей вели опытные командиры, от сержанта до генерала. Каждый солдат знал свой маневр.

В полдень 17 апреля противник попытался отбить Гузов мощной контратакой при поддержке танков и самоходных

8 С. Михеенков орудий. Генерал Рослый бросил во встречную атаку 337-й отдельный самоходный дивизион. Бой длился несколько минут. Часть танков и штурмовых орудий противник оставил горящими, другая часть отошла. Дивизионные командные пункты в этот день переместились на северные скаты Зееловских высот.

Писатель и драматург Вс. Вишневский в те дни находился на КП 5-й ударной армии. Всю войну он вёл дневники. Сделал запись и 17 апреля 1945 года: «На Зееловских высотах идёт тяжелейший бой, а севернее Зееловских высот армия генерала Н. Э. Берзарина уже сокрушила оборону противника на Одерском рубеже и вырвалась на 20 километров вперёд...»

В течение дня противник ещё несколько раз предпринимал попытки вернуть Гузов и свои позиции в окрестностях города. Но тщетно. Во встречном бою возле леса Вуль-ковер один из батальонов авангарда при поддержке танков уничтожил до полка пехоты противника и несколько танков. Захватили до роты пленных. Офицеров тут же отконвоировали в штаб корпуса. Допрашивал их комкор.

Выяснилось, что немцы получили приказ любой ценой взять Гузов, оборонять его или умереть в

развалинах города и бросили сюда все имеющиеся резервы. Генерал задал пленным ещё несколько вопросов, а затем отдал приказ в дивизии: наступать в направлении на Вульков и Хермерсдорф.

Ветераны корпуса в прежние годы встречались часто. И всегда рассказывали одну историю. Когда зачистили от немцев Гузов, в северных кварталах недалеко от церкви освободили концлагерь. Содержались там молодые женщины, в основном из Одесской и Николаевской областей, угнанные на работы в Германию. Перед уходом немцы загнали женщин в барак, обложили горючими материалами, подготовили к поджогу. Но запалить не успели. И вот к бараку пробилась автоматчики из роты танкового десанта. Когда боец распахнул створку ворот, к нему тут же бросилась одна из девушек и назвала его по имени. Оказалось, что это его соседка, подруга детства и одноклассница.

Корпус отбил контратаки, нанёс противнику ощутимый урон в бронетехнике, тяжёлом вооружении и живой силе, а затем, не мешкая перед мелкими гарнизонами и немногочисленными заслонами (ими занимались вторые эшелоны), перешёл в наступление. С ходу форсировали реку Флисс и вошли в лес. Лесные дороги были заранее перекрыты завалами из деревьев. Когда передовые батальоны вошли в лес, специальные диверсионные команды одновременно подожгли завалы. Лес загорелся. От дыма не помогали даже противогазы. Ветераны потом вспоминали: всё успели пережить за годы войны — и сорокаградусный мороз в замёрзших окопах, и осеннюю воду по грудь во время форсирования рек, и весеннюю грязь по колёно, и жару, когда на марше у колодца на отделение не хватало ведра воды, но в лесной пожар попали впервые. Вульковёр в тех местах, где были устроены завалы, выгорел почти дотла. Генерал Рослый приказал двигаться вдоль южной и

северной опушек. Впереди танков и пехоты шли сапёры, расчищавшие маршрут от мин и фугасов.

Из воспоминаний генерала И. П. Рослого: «С взятием Гузова вторая полоса вражеской обороны была прорвана полностью.

Впереди нас ждала третья полоса обороны немцев — последняя перед Берлином. Как только части корпуса стали приближаться к ней, гитлеровцы дали ясно понять, что и этот рубеж будут защищать до последней возможности».

Корпус вышел к населённому пункту Вульков. За деревней — высота. На высоте траншеи, окопанные орудия и танки. С ходу атаковали, овладели деревней, западными скатами высоты. Восстановили боевой порядок дивизий и двинулись дальше.

Вечером второго дня наступления генерал Рослый позвонил полковнику Антонову:

— Владимир Семёнович, поздравляю с успешным штурмом Гузова и форсированием Флисса. Передайте мою благодарность войскам. Всех отличившихся немедля представить к наградам. Имейте в виду: дивизия Галая отстаёт, а следовательно, дальше вам придётся продвигаться с оголённым левым флангом. Правее 26-й гвардейский и 32-й стрелковый корпуса нашей армии совместно с танками 2-й гвардейской танковой армии прорвали Зееловский рубеж. Теперь он у них, так же, как и у вас, позади. Но соседи слева застряли на высотах. Между вами уже наметился разрыв.

Немцы бросили против 8-й гвардейской армии дивизию «Курмарк». Завязались тяжёлые бои вдоль Берлинского шоссе. Схватка длилась сутки, атаки сменялись контратаками. Уже непонятно было, кто атакует, а кто обороняется. Но к утру 8 апреля на левом фланге канонада стала затихать.

На КП 9-го стрелкового корпуса офицеры слушали редёющие удары тяжёлых снарядов.

— Похоже, прорвались, — сказал кто-то.

— Прорвались. Только неясно пока — кто.

Тут же зазвонил телефон. Из штаба армии сообщили: Чуйков и Катукон пошли вперёд, Зеелонские высоты остались за их спинами. Затем трубку взял командующий армией Берзарин и попросил к телефону Рослого.

— Иван Павлович, надеюсь, обстановка вам понятна. Меня беспокоит разрыв на фланге. Возвращаю вам 230-ю стрелковую дивизию. Закройте её фланг. Задача ясна?

— Так точно.

Как отмечают исследователи Битвы за Берлин, именно прорыв немецкой обороны с севера и угроза охвата Зеелонских высот с фланга и выход в тыл основательно пошатнули Одерский рубеж немцев.

Генерал Г. Вейддинг, обеспокоенный «прорывом большой массы советских войск севернее Зеелонских высот, ввёл в бой корпусной резерв». Перейдя с должности командира танкового корпуса в статус военнопленного, на первом же допросе он скажет: «17 апреля я ввёл в бой 18-ю моторизованную дивизию в районе Хермерсдорф, Вульков (6–8 километров северовосточнее Мюнхеберга) с задачей контратаковать русские части и восстановить связь с С1 армейским корпусом».

О том, как 18-я моторизованная дивизия контратаковала и чем это закончилось, рассказал в своих мемуарах В. С. Антонов: «Утро 18 апреля было ясное, солнечное, но лёгкий сизый дымок покрывал землю. Он густел в долинах и оврагах. Прозрачная дымка не мешала наблюдению. Мы забрались на чердак самого высокого, двухэтажного кирпичного здания в селе Вульков. Полковники М. И. Сафонов^[110],

Д. С. Наруцкий^[111], Н. Ф. Казанцев^[112] стояли со мной рядом и рассматривали холмистое поле впереди.

Почти одновременно мы опустили бинокли от глаз, посмотрели друг на друга, и сразу же опять бинокли к глазам. Не было сомнения, что мы видели одну и ту же картину. Из леса восточнее Хемерсдорфа и южнее леса на большой скорости выходили машины. С них соскакивали чёрные фигурки и развёртывались в цепь. Появились танки. 2-я батарея отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона старшего лейтенанта В. Аксёнова с ротой автоматчиков 1054-го стрелкового полка, находившаяся в боевом охранении, залпами открыла огонь по появившемуся противнику. Открыла огонь артиллерия. В течение получаса всё поле западнее Вулькова покрылось чёрной пехотой, танками.

Мы мгновенно слетели в окоп наблюдательного пункта, и началось управление боем. 1052-й стрелковый полк занял высоты западнее Вулькова, 1054-й стрелковый полк — дорогу южнее Вулькова, батальоны 220-й танковой бригады — в боевых порядках стрелковых полков, 1050-й стрелковый полк и 92-й тяжёлый танковый полк сосредоточились в северо-западной части леса Вульковер.

Полковник Н. Ф. Казанцев и командир миномётного полка полковник Б. В. Котов уже командуют огнём дивизионной артиллерийской группы. Рвутся снаряды нашего заградительного огня в чёрной массе фашистов. Но они идут и идут.

Немецкие танки вырвались вперёд и мчатся на Вульков. Пушечные дивизионы М. А. Вишневого и В. И. Турбина пока молчат. Но вот по команде раздался орудийный залп, и вспыхнули сразу 10 немецких танков. Залп, и горит ещё 12 танков. Остальные остановились. Перепуганная чёрная пехота легла на линии горящих танков.

Нашим танкистам мы огонь открывать пока не разрешали. Из леса на широком фронте появилась новая волна танков, бронетранспортёры с пехотой и новые цепи пехоты.

— Сейчас дело будет посерьёзнее, — сказал Д. С. Наруцкий.

— Ну что ж, раз комбриг сделал такую оценку, тогда подавайте команду: «Заряжай!»

Я отдал распоряжение командиру 1050-го стрелкового полка полковнику Гумерову^[113] и командиру 92-го тяжёлого танкового полка полковнику Мясникову^[114] о выходе в рощу севернее Вулькова и готовности к атаке на поляну западнее Вулькова. Полковник Казанцев подал команду на открытие заградительного огня дивизионной артиллерийской группы. К новой немецкой волне танков присоединились ушедшие в укрытие танки первой волны. Поднялись чёрные бугорки лежащих фашистов и присоединились к бегущей цепи пехоты.

Грянул залп танковой бригады и пушечных батарей. Понеслись пулемётные и автоматные очереди стрелковых батальонов. Между Вульковым и Хемерсдорфом загудел бой».

Дивизия полковника Антонова в этом жестоком поединке у Хемерсдорфа уничтожила 18-ю моторизованную дивизию. Это подтверждают и архивные документы. Полки 301-й стрелковой дивизии при поддержке танков и самоходок пошли вперёд и заняли Хемерсдорф.

В тыл потянулась колонна пленных. Многие срывали с мундиров нашивки, свидетельствующие об их принадлежности к СС.

К исходу второго дня наступления 9-й корпус при поддержке танков и самоходок 2-й гвардейской танковой армии прорвал немецкую оборону на позициях «Харденберг» и «Штейн». На следующий день 8-я гвардейская армия во взаимодействии с танковыми и механизированными корпусами 1-й гвардейской танковой армии взломали оборону противника на «позиции Вотан». Наступающие войска пошли вперёд уже быстрее. Как отмечает в своих мемуарах генерал Ф. Е. Боков, «штурм Берлина 5-я ударная армия начала 21 апреля с боёв за его пригороды». 22 апреля корпус дрался уже в Карлсхорсте.

Карлсхорст с его пригородами входил в систему опорных пунктов внутреннего оборонительного рубежа Берлина. В этом городе было много мощных кирпичных зданий, превращённых обороняющимися в ДОТы с множеством окон-бойниц, наполовину заложённых мешками с песком. Дома вплотную подходили к восточному берегу Шпрее и соединялись траншеями и ходами сообщения. Комплекс зданий военно-инженерного училища представлял собой настоящую крепость с многочисленным гарнизоном. Кроме всего прочего, через Карлсхорст проходило несколько железнодорожных путей. В насыпь на всём ее протяжении были врыты бетонные сооружения, где ждали появления противника пулемётчики. За Карлсхорстом протекала река Шпрее, ширина которой в полосе наступления 9-го стрелкового корпуса доходила до 300 метров. За рекой начинались парки Трептов и Плентервальд.

Иван Павлович Рослый отдал приказ на атаку. А когда приказ ушёл в дивизии, переговорил по телефону с каждым комдивом. Суть разговора сводилась к следующему: Карлсхорст необходимо занять быстро, не мешкая перед немецкой обороной, прорыв провести стремительно, тараном, и тут же форсировать Шпрее.

— И не просто форсировать, — потребовал от своих подчинённых Рослый, — а перелететь Шпрее! Вместе с танками и артиллерией!

В 1-м эшелоне шли 301-я и 320-я стрелковые дивизии, танки 220-й танковой бригады и 92-го гвардейского полка ИСов. Во 2-м — дивизия генерал-майора Галая.

Танкистам было приказано перед форсированием Шпрее вплотную подойти к берегу, по возможности определить цели и, когда начнётся переброска, подавить всю огневую систему на противоположном берегу.

— Чтобы не только пулемётные очереди или снаряды, а и мухи не летели оттуда! — приказал генерал Рослый танкистам и артиллеристам.

После зачистки Карлсхорста дивизии подошли к берегу. На плечах солдаты несли лодки. До прибытия полуглиссеров 1-й бригады Краснознамённой речной флотилии батальоны 1-й волны 301-й стрелковой дивизии были уже на той стороне Шпрее и завязали бой, расчищая плацдарм. Во время переправы на западном берегу открыли огонь несколько пулемётных гнёзд, но их тут же, как было приказано, подавили своим огнём тяжёлые танки и артиллерия.

Полковник Антонов вскоре докладывал генералу Рослому:

— Иван Павлович, 301-я через реку перелетела. Первый лодочный рейс дивизии форсировал Шпрее на участке парк Трептов, парк Плентервальд. Подошла бригада речных кораблей. Форсирование продолжается. Левый фланг открыт, развернул Пешкова [\[115\]](#).

— Пешкова снимайте, и пусть тоже форсирует. На прикрытие выдвигается один полк от Галая. Передаю благодарность личному составу от имени командующего. И за Карлсхорст, и за Шпрее. Первых,

форсировавших Шпрее, представляйте к присвоению звания Героя Советского Союза.

— Прошу вашего разрешения на перенесение своего КП на западный берег в район лесопильного завода.

— Разрешаю.

Маршал Г. К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях», оценивая действия войск фронта в этот день, писал, что «наибольшего успеха в штурме Берлина добился 9-й стрелковый корпус под командованием Героя Советского Союза генерал-майора И. П. Рослого. Воины этого корпуса решительным штурмом овладели Карлсхорстом, частью Копеника и, выйдя к Шпрее, с ходу форсировали её».

Утром 23 апреля Жуков передал Берзарину на усиление 11-й танковый корпус И. И. Ющука. Пробивная сила 5-й ударной армии значительно увеличилась. Танки Ющука побригадно распределили между корпусами 1-го эшелона. С 9-м теперь шла 20-я танковая бригада (21 Т-34) и 1493-й самоходно-артиллерийский полк (19 СУ-85 и СУ-100).

А ещё накануне генерал Рослый приказал создать в полках и батальонах штурмовые группы. Состав штурмовой группы на тот период был примерно следующим: рота пехоты при двух-трёх станковых пулемётах, двух 45-мм орудий, одной 76-мм ЗиС-3, одной-двух 122-мм гаубиц, двух СУ-76 и одного или двух тяжёлых танков. Впереди двигалось отделение сапёров. По мере продвижения к центру Берлина состав штурмовых менялся, как правило, в сторону численного их сокращения. Незачем было толкаться на одной улице двум танкам или самоходкам, двум гаубицам, если уже хватало огня одной.

Подразделения, переправившиеся через Шпрее, сразу же сталкивались с мощными контратаками. В первые часы огневую поддержку переправившейся на другой берег пехоты могли осуществлять лишь

миномёты. Наводчик 1-го расчёта миномётной роты 1-го батальона 899-го стрелкового полка младший сержант А. Т. Молодан вспоминал: «Задачу нам ставили прямо в окопе. Пришёл командир роты Иванов и говорит, что когда переправимся на тот берег, то ни артиллерии, ни танков наших там не будет, а батальонные миномёты станут на первых порах главной силой для подавления огневых точек и живой силы врага. Так что смотреть в оба и поворачиваться живее. Чуть где залает вражеский пулемёт или контратака какая, тут же не зевать — заткнуть врагу глотку. Особенно надеюсь на наводчиков...

Переправились через Шпрее^[116] без особых происшествий — не то что на Одере, где лодка получила пробоину и начала тонуть. Но как только высадились на другой берег Шпрее, тут и пошло. Контратака то с одной стороны, то с другой — командир роты как в воду смотрел. Иной раз миномёты стояли почти вертикально — так близко подкатывался враг».

Младший сержант Андрей Тихонович Молодан за героизм и находчивость, проявленные в берлинских боях, был награждён третьим орденом Славы: к орденам 3-й и 2-й степени, полученным за Днестр и Одер, прибавилась Слава 1-й степени.

Двадцать четвёртого апреля корпус расширял плацдарм и одновременно отбивал многочисленные атаки противника. Дело в том, что соседние 26-й и 32-й стрелковые корпуса 5-й ударной армии с захваченных плацдармов были в этот день сбиты. К 25 апреля полоса наступления начала сужаться, 26 и 32-й корпуса, составлявшие правый фланг и центр наступления 5-й армии, уплотнили свои порядки, получив общую задачу — выйти в район Рейхстага. Правый фланг — 9-й стрелковый корпус — по-прежнему занимал свою полосу и упорно ломил вперёд. Армии генерала Берзарина противостояла 11-я моторизованная дивизия СС

«Нордланд», усиленная артиллерией, танками и отдельными частями фольксштурма. 24 апреля генерал Рослый своими дивизиями и частями усиления продвинулся вперёд лишь на 2800 метров.

На следующий день, 25 апреля, в стане противника произошла рокировка. За провал обороны сектора «Ц» на линии Шпрее от командования дивизией «Нордланд» был отстранён бригадефюрер СС И. Циглер^[117], которого сменил бригадефюрер СС доктор Г. Крукенберг^[118]. Причиной смены командования обороной в секторе «Ц» был прорыв советского 9-го корпуса на западный берег Шпрее и неспособность танков и мотопехоты «Нордланда» ликвидировать захваченный русскими плацдарм.

Корпус генерала Рослого, перелетев Шпрее, по сути дела, обрушил немецкую оборону в этом секторе. И уже на следующий день 11-й гвардейский танковый корпус полковника А. Х. Бабаджаняна вышел на своём участке атаки к Ландвер-каналу и захватил неповреждённую переправу. По исправному мосту тут же пошли танки и самоходки.

Из воспоминаний генерала И. П. Рослого: «Не давая врагу передышки, части нашего корпуса 25 апреля вышли к каналу, соединяющему Шпрее с Ландвер-каналом. Теперь полоса наступления корпуса определилась особенно чётко. На правом фланге она была ограничена рекой Шпрее, за которой наступал 32-й стрелковый корпус генерала Д. С. Жеребина, а на левом — Ландвер-каналом, отделяющим наши боевые порядки от частей 8-й гвардейской армии.

230-я дивизия, действовавшая на правом фланге, овладела заводами шарикоподшипников и анилиновых красок, 301-я — набережной Визенуфер. 248-я дивизия, составляя 2-й эшелон корпуса, продвигалась за двумя другими, уничтожая оставшиеся в тылу отдельные очаги сопротивления гитлеровцев.

На противоположной стороне соединительного канала, к которому вышел корпус, находился Гёрлицкий вокзал. За ним, можно сказать, уже начинался центр Берлина, превращённый в особый район обороны под названием «Цитадель». Тут находились важнейшие государственные учреждения, обороне которых фашистская верхушка уделяла особое внимание.

Сердцевиной «Цитадели» являлась Вильгельмштрассе. На этой улице находились учреждения, задававшие тон всей идеологической, административной, военной и экономической жизни третьего рейха. В самом центре Вильгельмштрассе стояло здание Имперской канцелярии. На наших картах оно значилось как объект 153 и до него оставалось всего пять километров. К югу от объекта 153 находились здания Имперского министерства авиации, гестапо, Имперского министерства финансов и Центральный почтамт, к северу — здания Имперского министерства иностранных дел, Имперского министерства юстиции, Национальная галерея и другие учреждения.

К исходу 25 апреля гитлеровцы были зажаты на территории общей площадью 325 квадратных километров. Но этот островок фашистской империи был битком набит войсками. Там насчитывалось до 300 тысяч человек с 3000 орудий и миномётов и 250 танками. На улицах и перекрёстках были устроены баррикады, проходы к ним заминированы. Все угловые окна приспособлялись для ведения огня из пулемётов; окна верхних этажей предназначались для автоматчиков и гранатомётчиков с фаустпатронами. Враг применял также бронеколпаки, приспособлявал для обороны подземные сооружения, в том числе станции метро».

Двадцать шестого апреля корпус очистил от фаустников, одиночных пулемётных гнёзд и танков, превращённых в стационарные огневые точки прямо в скверах и на улицах, ещё 80 городских кварталов.

Построение боевых порядков выглядело следующим образом: в 1-м эшелоне наступали 301-я и 320-я стрелковые дивизии с приданными танками, во 2-м, охраняя тылы и зачищая дома от остатков немецкого гарнизона, двигалась 248-я стрелковая дивизия генерала Галая.

К исходу 27 апреля штурмовые группы корпуса, забираясь на высокие здания, уже рассматривали в бинокли мерцающее в дыму и кирпичной пыли здание Рейхстага. До него оставалось чуть больше двух тысяч шагов. Из-за тесноты штурмовые группы уменьшили до полувзвода. Их поддерживали танк или самоходки и одно-два орудия или столько же миномётов. В штурмовых группах были автоматчики, снайперы, сапёры, пулемётчики, химики.

Двадцать восьмого апреля корпус выбил противника из 23 кварталов в центре Берлина и к исходу дня, продвинувшись гораздо глубже соседей, подошёл к Имперской канцелярии. На его пути уже не оставалось ни рек, ни каналов — улицы и кварталы, заваленные бетонными глыбами разрушенных зданий и кирпичной крошкой. Передовые группы вели бой в районе Ангальтского вокзала. В каменной коробке вокзала и прилегающих зданиях засел разведывательный батальон дивизии СС «Нордланд» и другие подразделения. К комплексу зданий Ангальтского вокзала подошли также части соседнего 29-го стрелкового корпуса и атаковали с другой стороны. Эсэсовцам деваться было уже некуда.

Генерал И. П. Рослый вспоминал: «Когда я прибыл на наблюдательный командира дивизии^[119], там оживлённо обсуждали, как действовать дальше.

— Выбить фашистов с вокзала, — излагал своё мнение начальник штаба дивизии полковник Михаил Иванович Сафонов, — можно только массированным огнём артиллерии. Причём по всем без исключения

дверям, окнам, нишам. Словом, на каждое окно — орудие. А потом — штурм.

Доводы Сафонова — ветерана дивизии, человека многоопытного и вдумчивого — показались мне убедительными. Я согласился с ним, добавив лишь, что атаковать вокзал следует с юго-востока, где укрепления послабее.

На стрельбу прямой наводкой были поставлены не только орудия 823-го артполка, но и танки 220-й танковой бригады. Огневые позиции служили развалины близлежащих домов.

Артиллерийско-танковая группа отлично справилась со своей задачей, а атака полка под командованием подполковника И. Н. Гумерова была неудержимой. Вскоре Ангальтский вокзал остался в тылу наших войск».

Надо признать, что наша разведка не смогла точно определить мозговой центр обороны Берлина, а штабы неверно оценили военное значение Имперской канцелярии, где концентрировалась последняя воля обречённых и откуда в те дни и ночи исходили все основные приказы на продолжение сопротивления. Главной целью войскам, их штурмовым и знамённым группам командование наметило Рейхстаг. И к вечеру того же 28 апреля подразделения 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии уже разглядывали с моста Мольтке массивное здание с возвышавшимся над ним каркасом обгорелого купола. Знамёна готовила каждая рота, каждый батальон и батарея.

Южнее в этот день авиация 1-го Белорусского фронта достаточно точно отбомбила боевые порядки 1-го Украинского фронта. Под удар попали части 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса.

На следующий день 29 апреля состоится первый штурм Рейхстага. Он окажется неудачным, на этот раз

немцам удастся отбиться. 150-я и 171-я стрелковые дивизии 79-го стрелкового корпуса залягут перед морем огня из здания Рейхстага и близлежащих строений.

Девятый корпус штурмовал здание типографии. Из воспоминаний И. П. Рослого: «В это время трудную задачу решала 230-я стрелковая дивизия, встретившая на своём пути громадное, на целый квартал, здание государственной типографии. Бой здесь шёл без малого два дня. Противник, построив круговую оборону, держал под огнём все подходы к типографии. В этих условиях решающую роль сыграли действия штурмовых групп».

Кто же противостоял в эти дни ударным группам 9-го стрелкового корпуса? 11-я моторизованная дивизия СС «Нордланд», в составе её полков «Норвегия» и «Денмарк» служили наряду с немцами добровольцы из Скандинавских стран. Боевая группа 33-й гренадерской дивизии СС «Шар-лемань» (французской № 1). Разведывательный батальон 15-й гренадерской дивизии войск СС (латышской № 1) — дивизия была сформирована из латышей, служивших в охранных частях на оккупированной германской армией территории, многие из них были участниками жестоких расправ над местными жителями в Прибалтике, в Белоруссии и России и за ними числились многие тяжкие преступления. Этим и объяснялся феномен их стойкости на последних позициях в Берлине. Сдаваться им было нельзя. Вот и дрались до последнего патрона и последней гранаты.

В этот день на передовой КП генерала Рослого приехал начальник политотдела 230-й стрелковой дивизии полковник И. Ф. Веремеев и рассказал такую историю. Он только что побывал в батальоне майора Железного. Батальон вышел из тяжёлого боя за типографию и приводил себя в порядок. Солдаты поели горячей каши, пополнили боекомплекты и улеглись отдохнуть. Кто на обломках мебели, кто прямо на куче

щебня под полуразрушенной стеной. Нач-по с комбатом Железным подошли к батальонным кухням. Комбат спросил повара, много ли осталось каши, хлеба и консервов?

— А вы, товарищ майор, никак немцам хотите остаток отдать? — поинтересовался повар.

Обычно после боя, когда ротные ещё не представили списки выбывших, комбат определял приблизительные потери по остатку каши в ротных котлах.

— Позади тебя, в подвале, около восьмидесяти голодных детей, женщин, стариков.

— Да я лучше всё на землю выплесну, чем соглашусь кормить фашистов! — в сердцах выкрикнул повар. — Они мою деревню сожгли!

Что и говорить, все они несли сюда, в Германию, священное чувство мести. Многих только оно и несло через неприступные линии и огненный смерч.

— Пойдём-ка, браток, со мной, — сказал Железный повару.

Они спустились в сумрачный подвал, наполненный запахом человеческого ужаса. Из всех углов на них со страхом смотрели измождённые дети, старики, женщины. Многие уже с трудом держались на ногах.

— Это, товарищ майор, что ж, заключённые ихние? Что-то вроде концлагеря?

— Нет, браток, это жители Берлина. Они пережили штурм и несколько суток ничего не ели.

Повар растерянно молчал.

— Ну что, поглядел? Теперь иди, выливай на землю суп и кашу!

— Детишков жалко, товарищ майор. Изголодались ведь...

— То-то, кормилец. Немцы, как видишь, тоже люди.

— Осталась... Осталась у меня и каша, и суп, и консервов немного, — спохватился повар. — Думаю, что и в других ротах есть.

Пришёл переводчик.

— Переведи, лейтенант, — сказал ему майор Железный, — что советское командование предлагает им солдатский обед. И обязательно скажи следующее: они получают порции тех, кто погиб сегодня за этой вот стеной...

Вскоре у полевых кухонь батальона выстроились длинные очереди. К ним подходил пастор и что-то говорил людям.

— Что он говорит? — спросил майор Железный переводчика.

— Это пастор. Он говорит людям, что этот обед надо принимать как святые дары.

Тридцатого апреля. 9-й корпус продолжал бои в типографском квартале. Движение вперёд практически прекратилось. В этот день главная интрига берлинской эпопеи происходила в штабе 8-й гвардейской армии, где генерал В. И. Чуйков пытался договориться с начальником Генерального штаба сухопутных войск генералом Г. Кребсом о полной и безоговорочной капитуляции германских войск. Условия капитуляции немцы не приняли. Бои продолжились.

В батальоне связи 248-й стрелковой дивизии рядовым связистом воевал младший брат генерала И. П. Рослого Михаил. Призвали его в 1944 году. В военкомате, узнав, что его старший брат командует стрелковым корпусом, спросили:

— Хотите воевать вместе со старшим братом?

— Хочу.

«Его зачислили в батальон связи нашего корпуса, — вспоминал генерал И. П. Рослый. — Так мы оказались вместе...»

Все эти дни 248-я дивизия шла во 2-м эшелоне. На КП генерала И. П. Рослого приехал начальник политотдела дивизии полковник Ф. И. Дюжилов.

— Как дела, Фёдор Иванович, — спросил его Рослый. — Какое настроение у личного состава?

— У личного состава, Иван Павлович, настроение плохое, — мрачно ответил полковник Дюжилов. — Все недовольны.

— Чем же?

— А тем, товарищ генерал, — переходя на официальный тон, пояснил начальник политотдела дивизии, — что боевые полки уже несколько суток плетутся во 2-м эшелоне, а ударные группы занимаются только тем, что время от времени очищают от случайно уцелевших мелких групп противника берлинские задворки. И я разделяю настроение наших бойцов и командиров. Дивизия сюда шла от самой Астрахани!

Иван Павлович Рослый впоследствии часто вспоминал тот разговор с полковником Дюжиловым. И, как признавался, «руководствуясь скорее морально-политическими, нежели военными соображениями, принял решение ввести в бой и 248-ю дивизию».

«Вечером 29 апреля 248-я вступила в бой и сразу отличилась при захвате кирхи, которую взял обходным маневром 905-й стрелковый полк под началом подполковника Д. Т. Филатова, — писал в мемуарах генерал И. П. Рослый о своих берлинцах-молодцах. — Решающую роль сыграл батальон, возглавляемый майором Педченко. Он атаковал кирху с тыла, когда другой батальон под командованием майора Андреева наносил отвлекающий удар с фронта. Мастерски действовал в том бою орудийный расчёт сержанта Глазко, заставивший замолчать три вражеских пулемёта. Отличились многие десятки людей...»

Астраханцы дрались храбро и умело. Рослый часто бывал в их расположении. В этот раз, обсуждая с командиром дивизии генералом Галаем ход боёв, поинтересовался тылами и обеспечением. И между прочим спросил:

— Николай Захарович, а верблюды-то ваши целы? Дошли?

— Дошли, Иван Павлович. Не все, правда. Одни убиты, другие выбыли по ранению.

— Вы вот что, Николай Захарович, проведите как-нибудь свой караван по центру Берлина. Когда добьём последних. Когда жители выползут из подвалов. Пусть посмотрят на нашу Азию! Пусть запомнят наших верблюдов...

Караван верблюдов из тылового обоза 248-й астраханской стрелковой дивизии по Берлину прошёл. Генерал Галай выполнил приказ командира корпуса. Это шествие властелинов пустынь по поверженной столице Третьего рейха запомнили многие. О верблюдах астраханцев упоминают в своих мемуарах бывшие солдаты и офицеры, штурмовавшие Берлин, иностранные корреспонденты, жители Берлина.

Рушились последние бастионы фашистской «Цитадели». 30 апреля 3-я ударная армия штурмовала Рейхстаг, а наш корпус всё ближе подходил к Имперской канцелярии — последнему убежищу Гитлера. Радостное чувство от происходящего усиливалось приближением праздника Первомай.

В боевых сводках и донесениях этих дней 9-й стрелковый корпус занимал первые строки как соединение, имеющее наибольшее продвижение вперёд, к центру Берлина.

Первого мая газеты опубликовали приказ № 20 Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина. В нём говорилось: «Гитлеровские заправилы, возомнившие себя властителями мира, оказались у разбитого корыта. Смертельно раненный фашистский зверь находится при последнем издыхании».

Знамённые группы, выделенные командирами от всех подразделений 9-го стрелкового корпуса, с боем

продвигались к зданиям Имперской канцелярии. Пехотинцы, танкисты, артиллеристы, миномётчики, связисты, самоходчики — все они были победителями, и всем хотелось поставить в этой войне последнюю и яркую, как сама Победа, точку.

Из воспоминаний генерала И. П. Рослого: «Утром 2 мая полковник Антонов доложил, что части 301-й дивизии при поддержке и во взаимодействии с 248-й и 230-й дивизиями полностью овладели зданием Имперской канцелярии и её подземными сооружениями. Поздравив Владимира Семёновича с Победой, я, в свою очередь, доложил об этом командующему 5-й ударной армией генералу Берзарину, а затем отправился на Вильгельмштрассе. На перекрёстке этой улицы с Фоссштрассе, где находилась Имперская канцелярия, меня встретили Антонов, Гумеров, Радаев^[120] и другие офицеры дивизии.

Бой здесь уже затих. Только со стороны Тиргартена и Бранденбургских ворот всё ещё доносились отдельные выстрелы и короткие автоматные очереди.

Антонов коротко доложил обстановку и попросил меня решить вопрос о назначении коменданта Имперской канцелярии. Комдив 301-й предложил кандидатуру своего заместителя полковника Шевцова. Я знал Василия Емельяновича как опытного организатора, офицера с высокими деловыми качествами и без колебаний утвердил его кандидатуру.

Мы тут же приступили к осмотру Имперской канцелярии.

Через главный вход прошли в просторный вестибюль. Длинная анфилада мрачных комнат кончалась круглым залом. Высокие, украшенные бронзой двери вели из зала в кабинет Гитлера — огромное помещение, в конце которого стоял большой письменный стол, а в углу — громадный глобус на подставке из полированного дерева.

Когда-то, чтобы подчеркнуть величие и незыблемость «Тысячелетнего рейха», это помещение было обставлено с истинно прусской помпезностью. Теперь от бывшего блеска не осталось и следа. Мы увидели обломки мебели, висящие клочьями дорогие гобелены, осколки хрусталя и фарфора, а между ними целую россыпь Железных крестов...

Полуподвальное помещение было забито ранеными защитниками «Цитадели». Среди них находилось много офицеров и генералов. Судя по зловонию, которое встретило нас, раненые давно были лишены какого-либо ухода. Полковник Антонов распорядился, чтобы им оказали необходимую медицинскую помощь и накормили.

Затем мы осмотрели фюрер-бункер — змеиную нору фашистских главарей. Во всех помещениях этого убежища, как и наверху, царил полнейший хаос. Не хотелось задерживаться в этой гробнице, особенно после того, как в одной из комнат мне показали трупы шестерых детей Геббельса, которых отравили собственные родители...

Поднявшись наверх, мы увидели, что к зданию Имперской канцелярии стекаются толпы бойцов из самых различных частей и соединений. Людям хотелось своими глазами увидеть один из последних бастионов фашизма...

Покидая Имперскую канцелярию, я ещё раз оглянулся назад. Над зданием алело уже не менее полутора десятков красных полотнищ.

На Вильгельмштрассе, по которой мы шли, царило праздничное оживление. Отовсюду доносились песни, где-то за углом заливалась гармонь. У Бранденбургских ворот в лихой пляске сошлись молоденький лейтенант и седоусый старшина.

С волнением смотрел я на радостно возбуждённых людей, а перед мысленным взором вставала другая

картина. Август сорок второго, знойные ставропольские степи, час короткого отдыха после очень трудного боя и изнурительного перехода. Здесь-то и услышал я сказанную кем-то из бойцов и навсегда запомнившуюся фразу: «Не унывайте, братцы, не вешайте носа. Кто сказал, что это последний наш привал? Последний привал будет в Берлине».

8

Не думал генерал Иван Павлович Рослый, что ему тогда же, в 1945-м, снова придётся командовать полком и что полк этот будет особым. Такие полки формируются, может, раз в 100–200 лет.

«Как-то во второй половине мая, — вспоминал он, — позвонил генерал-полковник Берзарин и приказал немедленно прибыть к нему.

— Поздравляю! Маршал Жуков назначил вас командиром сводного полка 1-го Белорусского фронта, который примет участие в параде Победы в Москве. — И тут же предложил ознакомиться с директивой о порядке формирования сводного полка.

В конце директивы подчёркивалось, что командиры частей и соединений обязаны выделить в состав полка солдат и офицеров, наиболее отличившихся в боях за Берлин.

— Как видите, товарищ Рослый, вам доверено командовать героями Берлина! Это великая честь! — сказал Берзарин.

Я и сам думал так и не скрывал свою радость.

Вскоре на сборный пункт стали прибывать лучшие из лучших: Герои Советского Союза, кавалеры ордена Славы трёх степеней, воины, удостоенные других высоких наград.

Полк был сформирован и отправлен в Москву специальными поездами».

Двадцать четвёртого июня 1945 года «коробка» 1-го Белорусского фронта замерла на Красной площади напротив Мавзолея. Пройдут годы, и генерал Рослый снова и снова будет перебирать в памяти дни сражений и часы, минуты торжественного Парада Победы.

Торжества рано или поздно кончаются. Наступают будни.

Война прошла, но служба военная продолжалась. Продолжил её и Иван Павлович Рослый: новым местом его службы стал Прибалтийский военный округ, где он занял пост помощника командующего 11-й гвардейской армией. В 1948 году он окончил Высшие академические курсы при Военной академии им. К. Е. Ворошилова, а в августе того же года был назначен на должность командира 16-го гвардейского стрелкового корпуса. В марте 1957 года генерал получил новое назначение — 1-м заместителем командующего войсками Прикарпатского военного округа по военно-учебным заведениям. В отставку вышел в 1961 году.

Четвёртого мая 1945 года командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н. Э. Берзарин подписал ходатайство о награждении командира 9-го стрелкового корпуса, который во все дни штурма с блеском маневрировал и лихо продвигался вперёд, второй «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. Однако, как и многим в те дни, «Золотую Звезду» заменили орденом, Рослому — орденом Ленина. А всего генерал-лейтенант И. П. Рослый был награждён медалью «Золотая Звезда», тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, медалями.

Скончался генерал И. П. Рослый 15 октября 1980 года. Перед смертью он успел написать мемуары. Книга

вышла через три года после смерти автора в Москве в Военном издательстве под названием «Последний привал в Берлине».

«ЧЁРНЫЕ НОЖИ»

**Михаил Георгиевич Фомичёв, полковник,
командир 63-й гвардейской
Челябинской танковой бригады
10-го гвардейского
Уральского добровольческого корпуса.**

**Леонид Ефремович Бураков, лейтенант,
командир танкового взвода
63-й гвардейской Челябинской танковой
бригады
10-го гвардейского Уральского
добровольческого
танкового корпуса**

1

В годы войны люди отдавали фронту последнее, что имели. Известно, что на собственные сбережения советские граждане строили самолёты, установки реактивных миномётов, танки. Жители небольшого районного городка Мещовска построили эскадрилью бомбардировщиков Ту-2С «Мещовский колхозник». Крестьянин Ферапонт Головатый дал деньги на строительство двух истребителей. Писатель Леонид Леонов отдал гонорары от издания своих книг на строительство танка КВ. Мария Октябрьская вместе с сестрой продали всё, оставив только одежду, которая была на них, построили танк, назвали его «Боевая подруга», и на этом танке Мария, солдатская вдова,

отправилась на фронт. Однако в истории этого самоотверженного патриотического движения есть страница, которую стоит прочесть подробно.

В феврале 1943 года Свердловский, Челябинский и Молотовский^[121] обкомы партии обратились в Центральный комитет ВКП(б) с просьбой разрешить сформировать за счёт внутренних ресурсов трёх областей добровольческий танковый корпус. Коммунисты Урала в своём письме заверяли ЦК: «Мы берём на себя обязательство отобрать в Уральский танковый корпус беззаветно преданных Родине, лучших людей Урала — коммунистов, комсомольцев, непартийных большевиков. Добровольческий танковый корпус уральцев мы обязуемся полностью вооружить лучшей военной техникой: танками, автоматами, орудиями, миномётами, боеприпасами, сделанными сверх производственной программы».

Идея корпуса родилась в дни Сталинградской битвы, когда маятник войны качнулся в сторону Красной армии. Стало очевидным: «От количества наших великолепных боевых машин, сведённых в крупные танковые соединения, во многом зависит успех предстоящих сражений, окончательная победа над гитлеровской Германией». И вот опорный край державы решил своим трудом и бронёй усилить ряды и огневую мощь сражающейся армии.

Формирование корпуса началось весной 1943 года. Одновременно в цехах заводов появились лозунги: «Танковый корпус сверх плана!», «Сделаем сверхплановые танки и самоходки и поведём их в бой!»

На идею, одобренную Сталиным, работали все: школьники собирали металлолом, семьи отдавали последние сбережения, драгоценности, обручальные кольца, рабочие после смены не покидали цехов и трудились сверх нормы. Средства и труд необходимы были не только на постройку бронетехники и

вооружения, но и на обмундирование личного состава корпуса, на экипировку, снаряжение, медикаменты, продовольствие. Уральцы брали на себя буквально все расходы. Патриотическую идею в буквальном смысле отливали в доменных печах, ковали в цехах, формировали в военкоматах.

Случай в истории Великой Отечественной войны уникальный!

В январе 1943 года военкоматы объявили набор добровольцев в корпус. Заявления подали более 110 тысяч человек, в 15 раз больше, чем требовали штаты формируемых частей и подразделений корпуса. Среди добровольцев оказались многие ценные специалисты, которых просто нельзя было отпустить из цехов и конструкторских бюро, их уход на фронт нанёс бы ущерб производству. Поэтому все заявления вначале рассматривались на рабочих собраниях, в цехах, на предприятиях. Красноармейскую форму надевал лишь один из 15-20. Из 9660 отобранных, прошедших медкомиссию, всего у 536 человек был армейский опыт, остальные взяли в руки оружие впервые.

Началось формирование:

— на территории Свердловской области формировались: штаб корпуса, 197-я танковая бригада, 88-й отдельный разведывательный мотоциклетный батальон, 565-й медико-санитарный взвод, 1621-й самоходно-артиллерийский полк, 248-й дивизион реактивных гвардейских миномётов («Катюши»), 390-й батальон связи, а также подразделения 30-й мотострелковой бригады;

— в Молотовской области: 243-я танковая бригада, 299-й миномётный полк, 3-й батальон 30-й мотострелковой бригады, 267-я ремонтная база;

— в Челябинской области: 244-я танковая бригада, 266-я ремонтная база, 743-й сапёрный батальон, 64-й отдельный броневтобатальон, 36-я рота подвоза ГСМ,

инженерно-миномётная рота, автотранспортная рота, подразделения 30-й мотострелковой бригады (2-й мотострелковый батальон, рота противотанковых ружей, рота технического обеспечения бригады).

Бригады так и именовались: 197-я Свердловская, 243-я Молотовская, 244-я Челябинская.

В архивных документах более позднего периода упоминаются экипаж танка Т-34 «Омск», бойцы и офицеры, прибывшие на фронт из других городов Сибири.

Исследователи истории Уральского корпуса свидетельствуют, что соединение было сформировано в короткие сроки. 11 марта 1943 года приказом наркома обороны ему присвоили наименование — 30-й Уральский добровольческий танковый корпус.

Первым командиром корпуса был назначен генерал Г. С. Родин^[122], опытный танковый командир. Он повёл уральцев в бой.

Перед отправкой на фронт, ещё на родине, личный состав принял Клятву бойцов, командиров и политработников Уральского добровольческого танкового корпуса.

«Уральцы, родные наши!

Нам, сынам своим, поручаете вы защиту Советской Родины, свободы и независимости Отечества!

Столетиями ковалась воинская слава Урала. В Полтавской битве за Петром шли отважные наши предки. Они переходили с Суворовым неприступные Альпы. Знамена Екатеринбургского и Пермского полков развевались на полях битв с Наполеоном. Не жалея крови и жизни своей, отцы отстаивали молодую Советскую власть. Стойкими, верными сынами Отчизны показали себя уральцы в дни смертельной схватки с немецкими захватчиками. И теперь, в решающий момент Великой Отечественной войны против самого сильного и

самого коварного врага, седой Урал снова благословляет сынов своих — добровольцев на ратные подвиги.

Товарищи уральцы!

Вы доверили нам повести грозные боевые машины на врага. Вы создавали их, недосыпая ночей, напрягая всю волю и силы свои. В броне наших танков, в наших пушках и автоматах ваша мысль и энергия, ваша неукротимая ненависть к детоубийцам, ваша всепобеждающая страсть и уверенность в победе. На заводах, на фабриках и в колхозах мы, как знамя, несли трудовую клятву уральцев. Теперь, находясь в рядах Красной армии, мы произносим слова боевой клятвы на верность Родине.

Клянёмся!

Быть образцом воинской дисциплины. Свято соблюдать порядок и организованность. В совершенстве овладеть боевой техникой. Мы не дрогнем в боях за нашу святую землю. Не пожалеем крови и самой жизни ради свободы и счастья нашего народа, ради полного освобождения родной земли от захватчиков.

Клянёмся!

Отомстить врагу за разрушенные города и сёла, фабрики и колхозы, за пытки и слёзы стариков и детей, сестёр и матерей. Мы ничего не забудем, ничего не простим фашистским варварам.

Клянёмся!

В решающих боях с ненавистным врагом быть в первых рядах защитников Родины. Мы не опозорим вековую славу уральцев. Мы выполним ваш наказ и вернёмся на родной Урал только с Победой».

Ещё в дни формирования каждый зачисленный в танковую бригаду, в сапёрную или артиллерийскую часть получил отпечатанную типографским способом листовку-наказ. Наказ «седого Урала» взяли с собой на фронт, хранили рядом с письмами из дома, как оберег, до Победы.

«Помните, сыновья и братья наши: всегда, когда над родной землёй бушевали грозы войны и иноземный захватчик шёл на Русь с мечом, Урал оцетинивался грозными жерлами пушек, стеной штыков, встречая захватчиков [...]

И ныне сыны Урала с первого дня Великой Отечественной войны встали в ряды доблестных защитников Советской Родины. Не посрамили они славы предков, высоко несут гордое звание уральцев. Тысячи и тысячи наших земляков покрыли себя бессмертной славой на полях сражений. Весь советский народ чтит их за беззаветное мужество и храбрость [...]

Родные наши!

Вы вступили в Уральский добровольческий танковый корпус. Такое особое почётное имя ко многому обязывает. Не забывайте об этом ни на час.

Советская Родина каждому из нас дорога. Честь, свобода и независимость её — дороже собственной жизни. Где бы вы ни сражались — у стен ли Смоленска, у порогов Днепра или в ущельях Крымских гор, — помните, что вы сражаетесь за Родину, за Москву, вы отстаиваете народные богатства Урала, вы защищаете Свердловск и Магнитку, город стали и булата Златоуст и индустриальный Челябинск, Ильменскую сокровищницу минералов и жемчужину Урала — красивейшее в мире озеро Увильды, плодородные степи и дремучие уральские леса — всё то, что полито потом и кровью дедов, отцов и братьев [...]

Бейтесь так, чтобы ещё ярче разгорелось имя «Уралец», написанное на башнях ваших танков, чтобы в боях и сражениях завоевали вы почётное наименование гвардейского особого корпуса. Вести о присвоении гвардейского звания мы ждём от вас вместе с вестью о победах [...]

Мы наказываем вам: полностью используйте высокую маневренность ваших замечательных машин,

станьте мастерами танковых ударов, овладейте тактикой ведения боя, показывайте образцы высокой воинской дисциплины, стойкости и организованности [...]

Не забывайте: вы и ваши машины — это частица нас самих, это наша кровь, ваша старинная уральская добрая слава, ваш огненный гнев к врагу. Смело ведите стальную лавину танков. Ждём вас с победой, товарищи!»

Эти два документа, приведённые выше, суть черты того времени, тех обстоятельств и того народа, который историей был поставлен перед роковой чертой — быть или не быть. И Клятва, и Наказ исполнены пафосным, трогательным и вместе с тем строгим пером. Но одного, другого и третьего здесь в меру. А потому слова били в самое сердце, доходили до самых глубин человеческих, будоражили и взывали к действию все силы, всю энергию и все умения бойца, командира, политработника. В бой шли люди, наполненные праведным гневом, ненавистью к врагу и одновременно любовью к Родине, к своим семьям и самым близким людям.

2

Перед боями корпус сосредоточился в подмосковной Кубинке в военных лагерях. Началась усиленная учёба. Экипажи осваивали боевые машины, привыкали к командирам, а командиры, в свою очередь, к экипажам.

Двести сорок четвёртой Челябинской танковой бригадой командовал подполковник Михаил Георгиевич Фомичёв. Родился он в 1911 году в деревне Слободке под Белёвом. Семья была большой: кроме Михаила, ещё десять братьев и сестёр. Мать рано умерла. Детей кое-

как, с хлеба на квас, тащил отец. Земля кормила, но всё же жили впроголодь.

В 1924 году Михаил окончил четыре класса начальной школы. Отец сказал: «Хватит, читать-писать научился и довольно. Иди работать, хлеб зарабатывать». Пошёл. В совхозе «Белёвский» работал на разных работах, самых что ни на есть чёрных. Специальности-то никакой не было. Потом попросился в помощники тракториста. Была такая профессия. Многие тогда свою карьеру начинали с неё. А окончив курсы в 1930 году и сам стал трактористом совхоза «Берёзово» Белёвского района Тульской области! Звучало солидно, размашисто. В те годы трактористы были колхозной, деревенской аристократией. При том, что страна была аграрной, это означало многое.

В конце 1930-х годов на экраны вышел кинофильм Ивана Пырьева «Трактористы». Само появление такой ленты свидетельствовало о заботе партии и правительства страны о мобилизационных ресурсах государства. Но только заботой партии дела не объяснишь. Это был ещё и заказ времени. Главный герой фильма Клим Ярко (Николай Крючков) — демобилизованный старшина — прибыл с Дальнего Востока, где, как известно, только что отгремели бои на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Одна из ключевых реплик Клима, обращённая к бригаде: «Трактор, хлопцы, это танк!» А какие песни звучат в фильме о пахарях-хлеборобах? «Три танкиста — три весёлых друга — экипаж машины боевой...» А в финале: «Броня крепка, и танки наши быстры, / И наши люди мужества полны...» В этой песне есть такие слова:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим...

На XVI съезде партии 27 июля 1930 года И. В. Сталин произнёс такие слова: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

В декабре 1933 года Михаила призвали в Красную армию. Вот тут-то судьба его и окликнула. Ещё в военкомате получил направление в танковые войска — тракторист! — которые тогда интенсивно формировались и комплектовались новой техникой, в основном лёгкими танками и танкетками. Да и трактористы в танковых войсках были нужны: без трактора никуда полевым армейским ремонтным мастерским; тракторы таскали тяжёлую технику и артиллерийские орудия, которые имелись на вооружении бронетанковых соединений. Уже через несколько месяцев он курсант полковой школы 3-го танкового полка Московского военного округа. А с ноября 1934-го по ноябрь 1937 года — курсант Орловского бронетанкового училища им. М. В. Фрунзе. По окончании училища, показав экзаменационной комиссии превосходные знания по всем изучаемым дисциплинам, Фомичёв был оставлен в Орловском БТУ им. М. В. Фрунзе командиром взвода курсантов. Сделал один выпуск и в сентябре 1938 года был направлен на учёбу на командный факультет Военной академии механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина.

Учился Михаил Фомичёв с азартом. Много читал. О прочитанном потом беседовал с преподавателями. Начальство отмечало — проявляет склонность к штабной работе. Поэтому вполне закономерно, что после выпуска он был назначен на должность помощника начальника штаба 85-го танкового полка 43-й танковой дивизии Киевского Особого военного округа.

Выпуск состоялся буквально накануне немецкого вторжения. 5 мая 1941 года старший лейтенант Фомичёв был в числе выпускников военных академий, которых

собрали в Кремле для важной встречи. Перед офицерами-«академиками», уже получившими назначения и имевшими на руках проездные документы к новым местам службы, выступил И. В. Сталин. Прежде чем взять слово, он сидел рядом с наркомом обороны СССР маршалом С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба РККА генералом армии Г. К. Жуковым. Офицеры сразу обратили на это внимание. А дальше вождь страны, по сути дела, поставил перед ними, молодыми офицерами, боевую задачу на самое ближайшее время. Делать записи было категорически запрещено: у «академиков» при входе в Кремль изъяли все письменные принадлежности — записные книжки, авторучки, карандаши. Но старший лейтенант Фомичёв хорошо запомнил то, что касалось его. Именно его. Потому что когда И. В. Сталин заговорил о танках, Михаил был убеждён, что вождь разговаривает именно с ним: «Танки изменили свой облик. Раньше все были тонкостенные. Теперь этого недостаточно. Теперь требуется броня в три-четыре раза толще. Есть у нас танки первой линии, которые будут рвать фронт. Есть танки второй-третьей линии — танки сопровождения пехоты. Увеличилась огневая мощь танков».

Язык тогда старались держать за зубами. Лишние разговоры — лишние проблемы. Но после той встречи они поняли: не сегодня завтра — война, и только что они об этом услышали от самого Сталина.

Полк, куда М. Г. Фомичёв получил направление, дислоцировался в районе Ровно. Здесь в первые дни войны он и вступил в бой. Сам он так вспоминал эти события: «85-й танковый полк, в котором я служил помощником начальника штаба, боевое крещение получил в районе города Дубно Ровенской области. Противник имел численное превосходство в силах. Нас непрерывно бомбила его авиация, атаковали танки.

Командир 43-й танковой дивизии приказал нашему полку во что бы то ни стало сдержать фашистов хотя бы на два-три часа. И мы двинулись вперёд, навстречу врагу.

А по пыльной дороге бесконечной лентой тянулись на восток гружёные обозы, беженцы. Ходуном ходила земля: с малых высот гитлеровские лётчики сбрасывали одну за другой бомбы.

— Ридни мои сынки, спасите! — умоляла старушка, прижимая к груди ребёнка. — Внучок мой...

Танки одного из батальонов рассредоточились на опушке леса. Подхожу к экипажу старшины Григория Можейко. Красноармейцы роют окопы. На вылинявших гимнастёрках выступил пот. Люди трудятся молча.

— Видели, товарищи, что творится на шоссе? Так знайте: они на нас надеются.

После бомбёжки медленно оседает пыль. Я иду по опушке роци, подбадриваю людей.

— Товарищ старший лейтенант, танки!

Танки противника двигались в колонне. У перекидного моста через небольшую речушку остановились. Насчитываю пока восемь танков. Из люка головной машины вылез офицер, небрежно вскинул бинокль. Взмахнул рукой: вперёд, мол, путь свободен!

Лязгая гусеницами, фашистские танки медленно вползали на мост. Комбат Г. М. Перовский меня торопит:

— Начнём!

— Минуточку, пусть продвинется ещё. Бить по первому и последнему. Создадим пробку, а потом...

Спустя минуту-другую резко ударили наши орудия. Побольше бы огонька, помощней пушки. Но вот запылал головной танк, за ним — замыкающий... Гитлеровцы всполошились, открыли по нам огонь. У моста запылало четыре немецких танка, но фашисты продолжали наступать. В том бою погиб командир танкового

батальона Глеб Михайлович Перовский, а мы продолжали удерживать рубеж».

Дивизия оказывала ожесточённое сопротивление, контратаковала, жгла немецкие танки, теряла свои и, уступая силе, оставляла рубеж за рубежом. Основной парк танков составляли лёгкие Т-26, те самые — «тонкостенные». Да и они были порядком изношены. Документы той поры свидетельствуют, что потери по причине поломок составляли половину всех потерь. Новых танков, о которых в мае после выпуска говорил на совещании в Кремле И. В. Сталин, в дивизии было всего шесть единиц: три Т-34 и три КВ.

Дубно, Ровно, Корец, бои на рубеже реки Горынь... Затем, когда от дивизии не осталось и полка, — попытка остановить противника на линии Новоград-волынского укрепрайона.

В начале августа 1941 года дивизию вывели в тыл, под Харьков. Здесь она была реорганизована в 10-ю танковую бригаду, а М. Г. Фомичёва назначили её начальником штаба бригады. После тяжёлых боёв под Барвенково и Харьковом бригаду перебросили в район Сталинграда.

Летом 1943 года М. Г. Фомичёв принял 244-ю Челябинскую танковую бригаду только что сформированного 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса. Вот уж где были танки так танки! Новенькие, только что из сборочных цехов. Все — «тридцатьчетвёрки» со штампованными башнями.

После сражения на Курской дуге с сентября 1943-го служил уже начальником штаба 30-го (с октября — 10-го гвардейского) Уральского добровольческого танкового корпуса. 16 февраля 1944 года Фомичёв вновь принял командование своей бригадой, которая теперь носила название 63-й гвардейской Челябинской танковой.

На фронте несколько раз был ранен, в мае 1942 года под Харьковом — тяжело. Горел в танке.

Поэт Михаил Львов, сам фронтовик и танкист, прибывший в корпус в качестве корреспондента газеты «Уральский рабочий», в своих записных книжках оставил такие записи:

«Фомичёв — самородок. Своеобразный танковый Чапаев.

Детство его прошло в деревне. В бедной семье. Отец его, Григорий Кириллович, послал его в школу со словами: «Может, из тебя выйдет толк, учись, Миша!»

Полуодетый, он ходил в школу. Окончил четыре класса. Много работал по дому. Работал в совхозе. Был грузчиком. Помощником тракториста, потом трактористом. Вступил в комсомол. В тридцать третьем году был призван в армию, и так он стал танкистом. Воюет с первого дня Отечественной войны.

Воевал под Сталинградом. Продвигались через трупы. Высшая степень ожесточения. Степь. Кроме гадюк, ничего нет. Ложишься спать, боишься гадюк. И эта степь горела вся. Был бой — через два часа 200 танков.

Потом, после Сталинграда, в Генштабе занимался «Тиграми», разбирал их по частям. На «Тиграх» стоят зенитные пушки. На Волховском фронте захватили целого «Тигра». Стрелять по нему пробовали — снаряд разлетался. На полигоне Фомичёв изучил этот «Тигр», выяснил его уязвимые места.

Потом сдали «Тигр» на выставку, в Парк культуры.

Бойцы любят своего комбрига. Никакой надменности, «ранговости» — он всегда с ними разговаривает как равный, как танкист, как друг.

Фомичёв звонит вверх (в армию):

— Человек поле боя видел, и не раз! Заслужил награду. Я вот наградил сто двадцать человек! Давайте знаки! Человек награждён, а на груди ничего нет. Иной раз ведь медаль осколки задерживает».

Командовал 4-й танковой армией генерал В. М. Баданов^[123] — опытный танковый командир, за плечами которого был Сталинград.

Курская дуга уже пылала, когда поступил приказ Ставки: 30-му Уральскому корпусу передислоцироваться в район восточнее Козельска. Стало понятно, что их вводили на северном фланге Курского выступа, в районе Орла.

Ставка держала в тылу довольно крупные резервы, и в случае, если бы немцам всё же удалось прорвать нашу оборону выступа на всю её глубину и вырваться на оперативный простор, здесь бы немецким танкам простора не было, их тут же контратаковали бы резервы.

Шли проливные дожди, когда уральцы разгружали с железнодорожных платформ прибывшие на станцию Сухиничи танки и боевую технику. Здесь корпус понёс первые потери — от налётов немецкой авиации, которая непрерывно бомбила станцию и окрестности.

Перед маршем к передовой Михаил Георгиевич успел побывать на родине. Командующий армией узнал, что до родной деревни его подчинённого всего несколько десятков километров, разрешил ему, если, конечно, не будет возражать командир корпуса, на несколько часов отлучиться из расположения бригады.

С Василием Михайловичем Бадановым Фомичёва связывала давняя фронтовая дружба. Под Сталинградом майор Фомичёв воевал в танковой бригаде В. М. Баданова.

Подполковник Фомичёв быстро домчался на «Виллисе» до своей родной Слободы. В это время как раз шёл сенокос. Отец Георгий Кириллович сперва не узнал сына, потом обнял, повёл домой. Лавиной обрушились новости: почти все ровесники Михаила были на фронте, на некоторых пришли похороны. Погиб одноклассник и друг детства Сергей Семин. Воевали

где-то неподалёку старшие братья Пётр и Никифор. От них отцу и сёстрам приходили письма.

Вошли с отцом в дом. Григорий Кириллович тут же расстроился: нечем угостить сына и бойцов, сопровождавших его, большого командира. Налил молока, достал сумочку с сухарями, вот и все нынешние гостинцы...

— А больше, сынок, угостить тебя и твоих товарищей нечем.

Сын достал вещмешок, выложил хлеб, консервы.

Деревня тогда жила туго, кормила фронт, последнее хлебное зёрнышко отдавала воюющей армии.

Первым боевым приказом по корпусу генерал Родин поставил задачи бригадам:

— 243-й Молотовской танковой бригаде во взаимодействии с 30-й мотострелковой бригадой и с приданной артиллерией атаковать противника с рубежа Рылово, Лунёво в направлении Войково, Сурыпово, Рожково и с ходу форсировать реку Нугрь;

— 197-й Свердловской танковой бригаде наступать левее в направлении Однощёкино, Массальское;

— 244-й Челябинской танковой бригаде, находящейся в резерве командующего армией, двигаться за бригадами 1-го эшелона в готовности развить их успех и выйти в район платформы Беднота.

Из воспоминаний генерала М. Г. Фомичёва: «В дальнейшем, по замыслу командования Западного фронта, войска фронта должны были перерезать в районе Хотынец, Нарышкино железную и шоссейную дороги, соединяющие Орёл и Брянск, отсечь пути отхода Волховской группировки противника, а затем во взаимодействии с Брянским фронтом окружить и уничтожить её. В этих боевых действиях важная роль отводилась и нам, танкистам».

Начиналась новая фаза боёв на Орловско-Курской дуге — наступательная операция под кодовым названием «Кутузов». 4-я танковая армия генерала В. М. Баданова наступала во 2-м эшелоне вслед за 11-й гвардейской армией генерала И. Х. Баграмяна. Чтобы сбить темп наступающего клина советских войск, немцы перебросили в район Волхова 183-ю, 253-ю перхотные дивизии, полки 95-й пехотной дивизии и часть сил моторизованной дивизии «Великая Германия».

Какое-то время челябинцам «не везло»: они двигались во 2-м эшелоне, в резерве командующего армией, видели следы боёв, сгоревшие немецкие танки и бронетранспортёры, вдавленные в землю противотанковые орудия вместе с их расчётами, подбитые «тридцатьчетвёрки» пермяков. Уже гнали по обочинам дорог, в тыл, понурых и оборванных, будто вырванных из-под гусениц танков, пленных немцев с манжетными лентами «Великая Германия» над обшлагами. А их 244-ю всё никак не пускали в бой.

И вот, наконец, поступил приказ командующего 4-й танковой армией: Челябинской бригаде войти в прорыв, пробитый Свердловской и Молотовской танковыми бригадами южнее деревни Борилово и развивать успех на юг, на Злынь; батальон автоматчиков в качестве десанта посадить на броню танков.

Но, как оказалось вскоре, прорыва как такового сделано не было. И как только челябинцы развернулись в боевой порядок, за деревней Борилово «тридцатьчетвёрки» были встречены огнём окопанных самоходок «Фердинанд» и тяжёлых танков PzKw VI — «Тигров».

Из воспоминаний генерала М. Г. Фомичёва: «Ясно было, что оборона немцев не прорвана. По радию я связался с командиром первого танкового батальона майором Степановым. Майор доложил, что атаковать противника без артиллерийского и авиационного

обеспечения нецелесообразно. Огонь со стороны врага очень высокой плотности.

— Зря погубим людей, — заключил комбат.

Связываюсь с командиром 197-й Свердловской бригады. Полковник Троценко^[124] сообщил, что бригада понесла потери и за день почти не продвинулась вперёд.

По расчётам командира корпуса наша бригада уже должна перевалить небольшие высоты за Борилово, а мы топчемся на месте. Мне становится не по себе. Подчинённые просят артиллерийского огня, а у меня под рукой лишь рота 82-миллиметровых миномётов и батарея 76-миллиметровых пушек.

Выскакиваю из танка, взбираюсь на чердак уцелевшего дома. Хочется получше рассмотреть оборону противника. Вскидываю бинокль. Со стороны немцев огонь не утихает. На участке не более чем 500 метров оказалось несколько закопанных танков, штурмовых орудий. Из-за высоты огонь вели тяжёлые миномёты. Подступы к переднему краю плотно заминированы. Чтобы прорвать немецкую оборону, нужна артиллерийская и авиационная поддержка.

— «Юнкерсы»! — крикнул сопровождавший меня лейтенант Лычков, и в ту же секунду откуда-то из-за леса ударили зенитки.

Но «Юнкерсы», казалось, не обращали внимания на огонь зенитных орудий. Они стройно летели на север.

— Смотрите, вон за ними ещё одна группа! — воскликнул Василий Лычков. — Сейчас нас будут бомбить.

Немецкие самолёты тем временем сделали разворот и с включёнными сиренами обрушились на боевые порядки бригады. Я видел, как автоматчики оставили броню танков и рассыпались по ржаному полю. От взрывов содрогалась земля, загорелись некоторые

постройки. Рядом дружно застрочили пулемёты: это челябинцы открыли огонь по вражеским самолётам.

— Ложитесь! — крикнул кто-то из танкистов.

Раздался оглушительный грохот, взрывная волна отбросила нас с Лычковым в сторону, и тотчас рухнул дом. Я с трудом выкарабкался из-под обломков. В ушах стоит неистовый звон. Пытаюсь идти, но меня бросает из стороны в сторону. Подбегает окровавленный Лычков.

— Что с тобой? Ранен? — спрашиваю его.

— Никак нет, просто поцарапан.

— Тогда вызывай сюда машину с радиостанцией.

Крайне тяжёлая обстановка вынуждала меня связаться с командиром корпуса. «Наверное, он не знает в полной мере истинного положения перед фронтом бригады, — думал я. Надо доложить ему».

Оглушённый взрывом, я с трудом добрался до танка, расположенного в воронке, образовавшейся от разрыва большой бомбы. Мимо меня по огороду санитарки Маша Бахрак и Лида Петухова кого-то несли на носилках. Я остановил девушек, приподнял покрывало:

— Ранен?

— В грудь, — с трудом проговорил воин.

Лицо раненого показалось мне знакомым. Это не тот ли лейтенант из второго батальона, чей танк на учениях первым ворвался на фланг? Кажется, он.

— Лейтенант Пеху?

— Он самый, товарищ комбриг, — тихо проговорил офицер. — Жаль, рановато. Вылечусь — и снова к челябинцам.

...В тыл прошло ещё несколько раненых солдат. «Может быть, и убитые уже есть, — подумал я, — а бригада по существу ещё не вступила в бой».

Подъехала машина с рацией. Начальник радиостанции старший сержант Виктор Колчин доложил: связь со штабом корпуса есть. Я попросил к микрофону генерала Г. С. Родина, доложил обстановку

и, конечно, не преминул сказать, что меня неправильно ориентировали — никакого прорыва обороны противника в действительности нет. Я просил комкора помочь нам артиллерией и авиацией.

Генерал приказал закрепиться на данном рубеже.

Солнце скрылось за горизонтом, наступил вечер. Пошёл проливной дождь. Противник прекратил стрельбу. Я отдал распоряжение: личному составу бригады временно перейти к обороне, зарыться в землю. Люди приступили к инженерным работам».

Бригада подполковника Михаила Фомичёва возле деревушки Борилово повторяла судьбу полка Андрея Болконского на Бородинском поле...

Несколько дней бригада пыталась таранить оборону противника. Во время атак погибли командир автоматного батальона капитан Голубев и командир первого танкового батальона майор Степанов. Наконец, командование решило подвести к месту предполагаемого прорыва артиллерию. На этот раз атаковали ночью. И атака удалась. Бригада продвинулась в глубину до шести километров и продолжала наступление. Впоследствии ночные атаки танкисты Челябинской бригады применяли не раз и постепенно этот вид боя довели до совершенства.

Из воспоминаний генерала М. Г. Фомичёва: «Наступил рассвет.

— Справа отходящая колонна противника, — доложил командир танка Лычков и указал ориентир.

Я приник к прибору наблюдения. Действительно, группа колёсных и гусеничных машин, в том числе танки, отходила в сторону населённого пункта Злынь. Значит, наш замысел удался.

Враг, видимо, решил, что мы его окружаем, и начал поспешно отходить, двигаясь параллельно нашему маршруту.

У меня созрело новое решение: ударить по отступающей колонне машин. Тотчас были выдвинуты на прямую наводку артиллерийская батарея и взвод танков. Огонь по подставленным бортам немецких танков был эффективным. Запылали три машины. Из «Фердинандов» и «Пантер» выскакивали гитлеровцы и тут же попадали под пулемётные очереди.

— Молодцы, артиллеристы! Молодцы, танкисты! Ещё дайте огонька! — передал я по радиации.

Горели подбитые танки. Сплошной дым окутал землю. Слева от меня показалась небольшая высотка, поросшая мелким кустарником.

— Жми на высотку, — последовала команда механику-водителю Мурашову.

В кустарнике на высотке наш танк остановился. Впереди простиралось пшеничное поле, слева от которого тянулась небольшая рощица. Она привлекла моё внимание, и не зря. В тот же миг из-за неё показалось несколько танков, вслед за которыми бежала пехота. Стало очевидным: противник наспех подготовил контратаку, пытается задержать наше продвижение.

Я связался по радиации с командиром второго батальона.

— Говорит первый. Как слышишь меня? Приём!

— Слышу вас пло...

— Двадцать второй! Двадцать второй! Говорит первый!

В ответ молчание. Оборвалась связь. Как быть? Связаться с командиром первого батальона? Но ведь его нельзя снимать с правого фланга, да и времени на переброску уйдёт много.

Между тем немецкие танки уже шли на нас. Выход был один — связаться с кем-либо из командиров рот и взводов. Радист Петров нашёл нужную частоту. Мне кто-то ответил. Я открытым текстом спросил, с кем имею дело.

— Лейтенант Акиншин вас слушает, товарищ комбриг, — узнал он меня по голосу.

Я кратко изложил обстановку и приказал организовать отражение контратаки.

— Вас понял. Рядом со мной ещё два наших танка. Всё будет в порядке.

Вскоре три танка выдвинулись влево и укрылись в густой пшенице. Немцы, не подозревая о засаде, продолжали выдвигаться вперёд. И угодили прямо под огонь наших танкистов. Внезапность ошеломила гитлеровцев, их танки начали пятиться назад, а пехота попыталась спрятаться в роще. Отступающих настигли снаряды и меткие пулемётные очереди. Загорелся один фашистский танк, другие торопливо ретировались.

Не скрою, в эти минуты я испытывал большую радость. Солдаты немецкой дивизии поспешно отступили на юго-запад. Вскоре мне всё же удалось связаться по радиации с командиром второго батальона.

— Как идут дела?

— Отлично, товарищ первый. Вижу отдельные строения и ветряную мельницу. Кажется, Злынь.

— Действуй, Фёдоров, но смотри в оба...

— У меня всё хорошо, — доложил командир первого батальона Чирков. — Немцы поспешно отступают. Только что догнал их тылы. Часть машин раздавил, несколько немцев сдались в плен.

— Не останавливайтесь! Вперёд на Злынь!

Я распорядился посадить автоматчиков на броню танков.

Сминая небольшие заслоны, танки успешно продвигались вперёд, давили грузовики и повозки, в упор расстреливали бегущих гитлеровцев.

— Вышел на окраину деревни Злынь, преследую отходящего противника, — сообщил Чирков.

Такой же доклад последовал и от комбата Фёдорова. Он добавил, что его подчинённые подбили пять средних

танков и уничтожили в Злыни несколько огневых точек.

— Хорошо, Василий Александрович! После боя представьте к награде отличившихся.

А тем временем немцы, сосредоточив крупные силы на небольших высотах за Злыню, встретили челябинцев мощным заградительным огнём. Последовали тревожные доклады. Противнику удалось подбить три наших танка и одно орудие. Наступление пришлось приостановить».

Этот яркий и динамичный отрывок из мемуаров боевого генерала — свидетельство того, что М. Г. Фомичёв действительно был «танковым Чапаевым». Решительный, порывистый. Быстро принимал нужные решения в ходе боя, когда обстановка менялась каждую минуту.

В районе Злыни бригада оказалась в трудном положении. Немцы успели подготовить мощную оборону и поджидали наступавшие батальоны на выгодных позициях. Разведка не сразу обнаружила тщательно замаскированные противотанковые орудия и окопанные танки. Некоторые взводы и отдельные танки, увлечённые погоней за отступающим противником, зашли вглубь его обороны. Начались бои в полуокружении.

Начальник штаба бригады доложил о потерях. Среди погибших значился и экипаж Т-34 «Челябинский пионер» лейтенанта П. И. Бучковского. Накануне во время наступления танк Бучковского вырвался вперёд. Вначале броневой болванка сорвала гусеницу, но танкисты быстро натянули её и снова начали маневрировать. Потом «тридцатьчетвёрка» провалилась в глубокую воронку, откуда не могла самостоятельно выбраться. И мгновенно стала мишенью для немецких артиллеристов. Спустя некоторое время рота капитана Бахтина прорвалась к месту гибели экипажа. «Челябинский пионер» выгорел дотла. Члены экипажа

П. И. Бучковский, В. Г. Агапов, М. Г. Фролов и В. И. Русанов сгорели. Возле гусеницы был найден ТТ лейтенанта Бучковского, в стволе записка: «Жаль, что так рано приходится расставаться с жизнью. Повоевали немного, но успели убить более сотни гитлеровцев. Отомстите за нас, друзья. Прощайте!»

В то время существовал приказ: если танк подбит, но есть возможность вести огонь, нужно вести огонь; если танк загорелся, то нужно сделать всё, чтобы потушить огонь и спасти боевую машину; экипаж может покинуть танк только с разрешения командира.

«Тридцать дней из пятидесяти, — вспоминал бывший командир Челябинской танковой бригады, — в течение которых продолжалась Курская битва, наша бригада провела в непрерывных боях. Уже одно это потребовало от танкистов-челябинцев исключительной выносливости и выдержки, неиссякаемого наступательного духа. Мы несколько раз ходили в наступление, отражали многочисленные контратаки противника, которые часто заканчивались рукопашной схваткой. И всегда люди бригады держались стойко, дрались мужественно.

...Мне хорошо запомнился день 10 сентября 1943 года. С утра я был занят разработкой документа для штаба корпуса. В штабной автобус вошёл бригадный почтальон рядовой Григорий Онуприенко. Он был с мешком, в котором оказались письма, не вручённые бойцам и командирам, погибшим в боях.

— Что с ними делать, ума не приложу, — сказал Онуприенко.

Писем было немало. К адресатам они так и не попадут, и те, кто писал их, никогда уже не получат ответа. Передо мной и сейчас, как наяву, лежат эти невостребованные треугольники...»

Труден был путь на Берлин. И зачастую бой за небольшую деревушку и за «небольшие высотки», едва обозначенные на карте, оказывался куда труднее

штурма плотно застроенной каменными зданиями твердыни, основательно приспособленной к долговременной обороне. Хотя бы потому, что десяток уцелевших дворов и гряды высоток необходимо было брать своими силами, без поддержки корпусных и, тем более, армейских резервов, а на «фестунг» наваливались силами всей армии, а то и фронта, при поддержке артиллерии и авиации РКК.

3

Двадцать третьего октября 1943 года корпус за успешное выполнение боевых задач в битве на Курской дуге был преобразован в 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус. Бригады тоже получили новые, гвардейские номера. 197-я бригада стала именоваться 61-й гвардейской Свердловской танковой, 243-я — 62-й гвардейской Молотовской танковой, 244-я — 63-й гвардейской Челябинской танковой, 30-я мотострелковая — 29-й гвардейской мотострелковой. Позже, как тогда было принято, прибавились в качестве наград новые почетные имена — наименования освобождённых городов.

В феврале 1944 года в корпус с Урала поступили новые танки.

В 63-й гвардейской бригаде колонну «тридцатьчетвёрок» новой конструкции встречали с гармошками. На фронте давно уже поговаривали, что в Нижнем Тагиле разработана улучшенная модель Т-34.

Первые годы войны показали: в ходе армейских, фронтовых и стратегических операций многое решают танки. Весь 1941 год немцы демонстрировали мощь своих танковых моторов и брони. Глубокие и стремительные прорывы. Концентрация танковых и моторизованных соединений на решающих участках

приносила быстрый и сокрушительный успех. Захват транспортных узлов и важнейших коммуникаций с целью сковывания противника, лишения его маневра резервами. Успехи танковых войск формировали тактику немцев на поле боя, определяли стратегию («Блицкриг»), и даже становились прозвищами их танковых генералов. Знаменитого мастера танкового маневра Г. Гудериана называли «быстрым Гейнцем».

Основным парком немецких танков первого периода войны (приграничные сражения — Луцк — Броды — битва за Киев — Смоленское сражение — битвы за Ленинград, Москву, Кавказ, Крым — Сталинград, Харьков, Ростов-на-Дону) были лёгкие и средние танки PzKw II, PzKw III, PzKw IV, а также трофейные польские, шведские и чешские танки. Надо отметить, что чешскими PzKw 37(t) было вооружено несколько дивизий, входивших в состав группы армий «Центр» в 1941 году под Москвой. Это был довольно маневренный и хороший танк сопровождения пехоты: лобовая броня 25-мм, пушка 37-мм. Разработан танк был на чешских заводах группой конструкторов под руководством эмигранта из России А. М. Сурина. Наша «сорокапятка» — «Прощай, Родина!» — её броню, конечно, пробивала. Но танк всё же дошёл до Малоярославца и Волоколамска. Более грозную силу представляли: средний танк PzKw IV и штурмовое орудие StuG III. Это были более тяжёлые боевые машины, с бронёй до 50 мм и пушками калибра 75 мм. Благодаря своей маневренности, оснащённости средствами связи, а также — очень важно! — элементами конструкции для постоянного наблюдения за полем боя эти танки с вышколенными экипажами могли на равных тягаться с советскими «тридцатьчетвёрками».

Историк бронетанковой техники М. Б. Барятинский пишет: «С сожалением приходится констатировать, что для боя немецкие танки были приспособлены гораздо

лучше. Простой пример. Почти все немецкие танкисты в своих воспоминаниях отмечают, что русские танки запаздывали с открытием ответного огня, а порой и просто долго не могли определить, откуда по ним стреляют. Немудрено! Недостаточное количество, плохое качество, а также неудачное расположение приборов наблюдения просто не позволяли экипажу танка Т-34, например, вовремя обнаружить цель. Кроме того, у этого танка в бою отсутствовал командир, не по должности, а по выполняемым обязанностям. Выполняя функции наводчика, он видел только то, что мог увидеть в телескопический прицел. Появление в 1943 году на "тридцатьчетвёрке» командирской башенки, вопреки расхожему мнению, мало что изменило. В бою командир-наводчик всё равно не мог ею пользоваться. Достаточно взглянуть на расположение многочисленных приборов наблюдения на Т-34, чтобы понять, что остальные члены экипажа почти не могли ему помочь. Изменить ситуацию удалось только на Т-34-85».

Урал по-прежнему снабжал свой корпус всем необходимым. Уровень обеспечения бригад, частей и подразделений 10-го гвардейского был на порядок выше соседних соединений. И вот что пишет генерал М. Г. Фомичёв о новых танках, полученных бригадами накануне наступления на Правобережной Украине весной 1944 года: «На рассвете остановились на небольшом полустанке восточнее города Славута. Здесь предстояло получить продовольствие, боеприпасы, боевую технику — танки, автомашины. Подошёл эшелон, на платформах которого были укреплены скрытые серым брезентом танки. Разгружаться будем вечером, под покровом ночи.

Мы, конечно, в те дни не знали, что советское Верховное главнокомандование решило развернуть в начале марта широкое наступление силами 1, 2, и 3-го Украинских фронтов с целью завершить освобождение

Правобережной Украины. Не знали об этом и в штабе командующего Южной группой немецких армий. Противник полагал, что советским войскам понадобится определённое время для осуществления крупной перегруппировки сил фронтов.

А тем временем в сторону фронта шли составы с боевой техникой, боеприпасами, горючим, продовольствием. До начала наступления оставались считанные дни. За это время надо было в строжайшей тайне подтянуть войска на исходные позиции для наступления, разведать вражескую оборону, подвезти к линии фронта в весеннюю распутицу десятки тысяч тонн боеприпасов, горючего, продовольствия.

Уже не спали офицеры штаба фронта, производя расчёты на столь крупную операцию. Не до отдыха было и нам, воинам бригады. Едва стемнело, как мы приступили к разгрузке танков. Сброшены брезенты, и танк за танком спускаются с платформ.

Ко мне подбегает командир третьего батальона гвардии капитан Маслов.

— Что случилось?

— Во танки! — восклицает комбат. — Модернизированные, часть из них с новой 85-миллиметровой пушкой. Вы посмотрите, что творится в экипажах! От радости люди пляшут.

И впрямь вдоль колонны танков веселье, смех, пляска. Да, о таких танках мы давно мечтали: и в 1941 году, и во время сражений у стен Сталинграда, и на Курской дуге. И вот они, новенькие «тридцатьчетвёрки».

С «тридцатьчетвёркой» у меня связано многое. Трудно сосчитать, сколько дней и ночей я провёл в этом танке. Машина обладала многими замечательными качествами: высокоманевренна, подвижна, быстроходна. Ей не страшны ни распутица, ни водные преграды, ни заболоченные участки. Для неё все пути проходимы. К тому же танковый двигатель в любое время готов к

действию. И конечно, огневая мощь великолепна. А тут ещё 85-миллиметровая пушка. Здорово!»

Надо признать, что Т-34 до реконструкции 1943 года и Т-34 модернизированный и массово поступавший в действующую армию с весны 1944 года до самого конца войны — это два разных танка.

Уральцы, хорошо знавшие конструкцию первой модели, так называемой «звёздочки», постоянно усовершенствовали боевую машину кустарным способом. К примеру, чтобы защитить экипажи от попаданий бронебойных снарядов в башню, накрывали «звёздочку» штампованным колпаком. Ходят легенды, что колпаки эти штамповали чуть ли не из вольфрама. Поэтому болванки, выпущенные из «Тигров» и «Пантер» уходили рикошетом, не причиняя ни машине, ни экипажу никакого вреда. Возможно, легенда, но то, что самые уязвимые места «тридцатьчетвёрок» 10-го гвардейского Уральского добровольческого корпуса были защищены наваренными листами дополнительной брони, а в некоторых случаях вольфрамовой стали, — факт. Уральцы ведь старались для своих. И доступ к материалам, в том числе и к редким дорогостоящим металлам у них был.

В 1943 году у немцев появились новые танки. Толстая броня, мощные пушки. Сражение на Орловско-Курской дуге показало явную недостаточность 76,2-мм пушки «тридцатьчетвёрки» в единоборстве с хорошо защищёнными «Пантерами» и «Тиграми». Конструкторы предложили новую модель среднего танка — Т-34-85. Новая, увеличенная башня. Новая, усиленная пушка калибра 85-мм. До пяти человек вырос экипаж. Башня танка была не только увеличена, но и основательно защищена. Трое членов экипажа теперь помещались в ней. Увеличился объём боевого отделения. Командир танка освобождался от обязанностей наводчика, он теперь имел значительно больше возможностей

наблюдать за полем боя и координировать действия экипажа.

Командиром именно такого танка стал младший лейтенант Л. Е. Бураков. Но в первых боях ему довелось быть артиллеристом-самоходчиком.

Родился Леонид Ефремович Бураков 28 февраля 1925 года на северо-западе Псковской области в городе Невеле. В 1940 году окончил среднюю школу и вместе с родителями переехал в город Тихвин.

Когда началась война, Леонид вместе со своими сверстниками работал на строительстве обороны под Тихвином и Ленинградом. Отрывал окопы и противотанковые рвы, бетонировал ДОТы. Потом навыки, приобретённые «на окопах», пригодятся на фронте.

Уже тогда он всюду носил с собой блокнот и карандаш, делал зарисовки с натуры.

В октябре 1941 года родителей как специалистов эвакуировали вместе с заводом в город Петропавловск Северо-Казахстанской области. Надо было обживаться на новом месте. Родители работали на заводе, а он устроился в военизированную охрану, одновременно учился на курсах водителей.

В феврале, когда пришла весть о победе под Сталинградом, Леонида призвали в Красную армию. Прошёл медкомиссию. Военком покрутил в руках его учётную карточку: среднее образование, знает оружие, да ещё окончил курсы управления грузовой машиной...

— Танкистом хочешь стать?

— Хочу, — сразу, не раздумывая, согласился Леонид.

— Поедешь в Харьковское танковое училище.

Первое Харьковское бронетанковое училище им. И. В. Сталина находилось в эвакуации в городе Чирчик Ташкентской области Узбекской ССР. Училище с началом войны перешло на годовой цикл и теперь выпускало младших лейтенантов, командиров танков, каждую

весну. Всего с 1941 года по 1945-й из его учебных классов на фронт ушло семь тысяч младших офицеров. Младший лейтенант Леонид Бураков вышел с предпоследним военным выпуском.

Во время учёбы он, как всегда, не расставался с блокнотом. Командиры на его художества смотрели сквозь пальцы, так как не видели в увлечении курсанта никакого вреда. А политработникам художник был очень даже нужен — то боевой листок оформить, то плакат написать, то афишу.

Весной 1944 года младший лейтенант Бураков прибыл в штаб 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады. Командир бригады подполковник Фомичёв оказался на месте. Доложил о прибытии на должность командира танка Т-34-85.

Комбриг с удивлением посмотрел на смельчака:

— А почему именно на «тридцатьчетвёрку»? Да ещё восемьдесят пятую?

— Я хорошо знаю эту машину. Учился на ней.

Бригада проводила перегруппировку перед Львовско-Сандомирской операцией. Экипажи были все укомплектованы.

— В батальонах для вас вакансии нет, — сказал командир бригады. — Не хватает командира расчёта в батарее самоходчиков.

— Предлагаете пойти в артиллерию? Но я ведь танкист! — возразил младший лейтенант Бураков.

Но в бой Бураков пошёл артиллеристом.

СУ-122 — это самоходно-артиллерийская установка класса штурмовых орудий. Иногда её называли штурмовым танком. По существу таковым эта боевая машина и являлась. Гаубица М-30, посаженная на шасси танка Т-34. Мощный гибрид, по мысли конструкторов, обещавший великолепный результат: маневренность «тридцатьчетвёрки», которая по праву считалась лучшим средним танком на полях Второй мировой

войны, помноженная на огневую мощь лучшей на тот период гаубицы. Но в массовое производство СУ-122 не пошла. На Урале было изготовлено несколько сотен самоходок этой конструкции, и в 1943 году производство прекратили. Предназначалась она для поддержки действий танков и пехоты в наступлении. Двигалась позади наступающих танков на расстоянии 300–600 метров и, как только случался затор по причине непреодолимого огня противника, возникшего на пути атакующих, вступала в дело: подавляла огневые точки, ДОТы, окопанные танки. По танкам противника СУ-122 вела огонь с прямой наводки. Ни «Пантеры», ни «Тигры», ни «Фердинанды» не выдерживали её огня.

Однако вскоре конструкторы создали более эффективного «зверобоя» — СУ-85, а потом и СУ-152. В серию пошли новые артиллерийские установки, более совершенные и технологичные.

Младший лейтенант Бураков в свой первый бой пошёл на СУ-122. Батарея самоходок — четыре единицы — шла в составе головной походной заставы 1-го батальона. Корпус наступал на Львов в авангарде ударной группировки 1-го Украинского фронта. Штурм Львова был тяжёлым и кровопролитным. Экипаж младшего лейтенанта Буракова расстрелял не одну укладку снарядов. Потери в бригаде были большими.

После взятия Львова^[125], в январе 1945 года последовала Висло-Одерская наступательная операция. Челябинская гвардейская танковая бригада перед штурмом последних линий немецкой обороны получила новые танки. Одну из «тридцатьчетвёрок» укомплектовали экипажем младшего лейтенанта Буракова.

Обычно новые танки в бригады поступали вместе с экипажами. Танкисты прибывали в новеньких комбинезонах и шлемофонах, с новенькими чёрными ножами на поясах. В экипажах были и бывалые

танкисты, возвратившиеся из госпиталей, и необстрелянная молодёжь. Но присылались также боевые машины и для экипажей, оставшихся «безлошадными» после ожесточённых боёв.

4

В снаряжении солдат, офицеров и политработников 10-го гвардейского корпуса была одна, и очень яркая, отличительная особенность — «чёрный нож». На первый взгляд — нож как нож. Похож на нож разведчика и парашютиста НР-40. «Нож армейский образца 1940 года».

Сделали «чёрный нож» для добровольцев Уральского корпуса в Златоусте, на инструментальном комбинате, из хорошей стали. Ножны покрасили чёрной краской, рукоятку изготовили из чёрного эбонита. И выдавали в корпусе всем: от ездового и повара до генерала.

Немецкие разведчики сразу обратили внимание на нестандартное оружие. Их добывали как ценнейший трофей. Корпус начали именовать «Schwarzmesser Panzer-Division» — «дивизия чёрных ножей». Этим ножам солдатская молва, и по эту сторону фронта, и по ту, приписывала сверхсвойства.

Немцы называли танки из «дивизии чёрных ножей» неубиваемыми. В немецких окопах в частях и подразделениях, стоявших против 10-го Уральского корпуса, ходила легенда: «тридцатьчетвёрку» из «чёрных ножей» можно было остановить только подкалиберным снарядом или на близкой дистанции фаустпатроном. А вот экипаж простые пули не брали даже с близкого расстояния. Танкистов можно было убить только бронебойной или разрывной пулей. От простых пуль со свинцовой заливкой танкисты «чёрных ножей» не умирали. Когда наступала ночь, экипаж

вставал и шёл мстить, «неубиваемые» переходили нейтральную полосу прямо по минам, спрыгивали в немецкие окопы и начинали мстить — рвали противника на части, кромсали «чёрными ножами», снимали часовых, пулемётные расчёты, а на рассвете исчезали.

Из записок немецкого солдата Г. Берга: «Перед нами опять появились уральские черти. Мы слишком хорошо знаем их по прежним боям, они... упорные, и сражаются даже тогда, когда тяжело ранены».

Солдаты всех армий чрезвычайно суеверны. Кто-то из корпусных поэтов сочинил фронтовой гимн «Чёрных ножей».

Шепчут в страхе друг другу фашисты,
Притаясь в темноте блиндажей:
«Появились с Урала танкисты —
Корпус чёрных ножей.

Беззаветных бойцов отряды,
Из отваги ничем не убьёшь...»
Ох, не любят фашистские гады
Златоустовский чёрный нож!

Как с брони автоматчики спрыгнут,
Никаким их огнём не возьмёшь.
Добровольцев не смять лавину,
Ведь у каждого есть чёрный нож.

Мчатся танков уральских громады,
Вражью силу вгоняя в дрожь.
Ох, не любят фашистские гады
Златоустовский чёрный нож!

Мы напишем седому Уралу:
«Будь уверен в сынах своих.
Нам не зря подарили кинжалы,

Чтоб фашисты боялись их».

Мы напишем: «Воюем как надо,
И уральский подарок хорош!»
Ох, не любят фашистские гады
Златоустовский наш чёрный нож!

Стоит к этому добавить, что в воспоминаниях ветеранов 10-го корпуса часто встречаются рассказы о том, как ножи не раз спасали жизнь танкистам и автоматчикам, артиллеристам и тыловикам, выручали в тяжёлые минуты боя, во время рейдов и рукопашных схваток.

Среди документов, которые удалось обнаружить, есть список взвода лейтенанта Л. Е. Буракова.

«Танк 1-25: командир взвода гв. лейтенант Бураков Л. Е.;

механик-водитель гв. ст. сержант Каштанов А. А. (ранен у чешской границы);

механик-водитель гв. старшина Марухненко М. И.;

заряжающий гв. сержант Долгополов А. Г.;

командир орудия гв. ст. сержант Котегов А. И.;

радист — ст. пулемётчик гв. ст. сержант Данилов А. А.

Танк 1-23: командиртанка гв. мл. лейтенант Котов П. Д.; механик-водитель гв. сержант Фролов Н. В.;

командир орудия гв. ст. сержант Наймушин П. П.;

заряжающий — *неуказан.*

радист-пулемётчик — *неуказан.*

Танк 1-24: командир танка гв. лейтенант Гончаренко И. Г.;

механик-водитель гв. ст. сержант Шкловский И. Г.;

командир орудия гв. сержант Батырев П. Г.;

заряжающий гв. сержант Ковригин Н. С.;

радист-пулемётчик — мл. механик-водитель гв. сержант Филиппов А. Н.»

В этом составе взвод лейтенанта Буракова вступил в Висло-Одерскую операцию.

Из воспоминаний генерала М. Г. Фомичёва: «Чтобы не дать противнику занять оборону на Висле, войска 1-го Украинского фронта, по замыслу Ставки Верховного Главнокомандования, должны были стремительно развивать наступление в западном направлении и не позже начала августа с ходу форсировать Вислу. Наша 4-я танковая армия вместе с 38-й армией нацеливалась на Самбор, Дрогобыч, Борислав с тем, чтобы овладеть Дрогобыч-Бориславским нефтяным районом.

Как информировал меня командир корпуса, соседняя с нами 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко устремилась к реке Сан с задачей формировать реку и вступить на территорию Польши.

Некоторые немецкие дивизии, боясь полного окружения, ещё 24 июля начали поспешно отходить в юго-западном направлении на Самбор, пытаясь быстрее уйти в Карпаты. На пути фашисты оставили мощные заслоны. Заминировали дороги, мосты, переправы.

Нашей бригаде предстояло идти в передовом отряде корпуса».

В головной походной заставе шёл экипаж младшего лейтенанта Буракова. Командовал головной группой командир роты капитан Михаил Коротеев. Что такое головная группа или головной дозор во время движения танковой колонны? Прежде всего, весь огонь — на тебя. О том, что происходило во время движения, рассказал генерал М. Г. Фомичёв: «На подходе к небольшому населённому пункту Большой Любень танки Коротеева попали под сильный огонь фашистской артиллерии. Заминированной оказалась и дорога: подорвался танк головного дозора.

— Обходите село левее, не ввязывайтесь в бой, — приказал я командиру роты.

Слева овраг. Рота начала совершать маневр, и снова её обстреляли противотанковые орудия. Стало ясно: фашисты в предгорьях Карпат намерены хотя бы на время задержать наше наступление.

Пришлось усилить головную походную заставу взводом 76-миллиметровых орудий, в котором обязанности командира исполнял гвардии старший сержант Левшунов. Туда срочно был послан также взвод разведки гвардии старшины Соколова и отделение сапёров во главе с гвардии лейтенантом Лившицем.

Сильно пересечённая местность позволяла противнику довольно упорно оборонять отдельные рубежи. Фашисты оказали нам огневое сопротивление на подступах к небольшому городку Рудки. Пришлось развернуть почти всю бригаду. 30 июля первыми ворвались на южную окраину городка танки роты Любивца. С северной окраины немцев потеснила рота Пулкова. Искусно маневрируя, вскоре в городок с боем пробилась подчинённая Акиншина [...]

Двигались осторожно. К вечеру 6 августа вышли к селу Дубляны. Штурмовать село решили с двух сторон — от Дрогобыча и Самбора.

Справа в наступление пошёл первый батальон, а слева — второй. Третий батальон наступал во 2-м эшелоне. Танки первого батальона ворвались в село по двум улицам, вдоль которых зеленели высокие деревья. В огородах стояли немецкие подводы, во дворах — автомашины, гружённые продуктами, боеприпасами.

Мы застали противника врасплох. Возникла перестрелка, гитлеровцы в панике заметались, разбегаясь по садам и огородам. Рота Сидельникова разгромила штаб полка, взяла в плен несколько солдат и офицеров.

Второй батальон стремительно прорвался на восточную окраину села. К тому времени первый батальон уже перекрыл все улицы на северо-западной окраине. Немцы оказались в ловушке. Гвардейцы в упор расстреливали танки, бронемашины, давили обозы, которые пытались вырваться из кольца.

К десяти часам вечера подошли и другие части соседней армии. 7 августа село Дубляны было освобождено. По тенистым улицам побрели колонны пленных [...]

Несмотря на жаркий бой, бригада особых потерь не имела. Фашисты подбили два наших танка, один из которых сгорел, и одну приданную самоходку. Мы гитлеровцам нанесли большой урон, пленили несколько сот солдат и офицеров, захватили много боевой техники».

После освобождения Самбора корпус неожиданно перебросили северо-западнее к Мостиске. Там на плацдарме за Саном немцы теснили наши войска, намереваясь их сбросить в реку. Совершив семидесятикилометровый марш, бригада вышла к польской границе, переправилась через Сан и вступила в Польшу.

Начался освободительный поход Красной армии в Европу. Поляки осыпали советские танки цветами. Из воспоминаний генерала М. Г. Фомичёва: «Так же тепло встречали нас поляки в освобождённых Жешуве, Кольбушове, Мельце. В это время ожесточённые бои развернулись в районе города Сандомир. С ходу форсировав в нескольких местах реку Вислу, наши войска прочно закрепились на плацдарме. Противник предпринимал отчаянные контратаки, стремясь ликвидировать плацдарм и восстановить оборону по Висле.

Нашей 4-й танковой армии было приказано переправиться через Вислу в полосе 5-й гвардейской

армии и к рассвету 15 августа сосредоточиться на плацдарме в лесах близ населённого пункта Сташув. Прежде чем выполнить этот приказ, мы совершили четырёхсоткилометровый марш-бросок. На это ушло четыре ночи. Переправились благополучно и вовремя сосредоточились в указанном районе.

Бригада заняла оборону западнее Сташув. Задача состояла в том, чтобы вместе с частями 5-й гвардейской и 13-й армий удерживать Сандомирский плацдарм. Командир корпуса меня предупредил: по данным разведки, противник в районе Хмельника сосредоточил крупную группировку и намеревается нанести удар по нашим войскам.

Ночью в тыл врага ушёл командир взвода разведки Александр Соколов с несколькими бойцами. Вскоре разведчики вернулись и привели пленного. Он подтвердил, что на рассвете гитлеровцы намерены нас контратаковать. Соколов сообщил, что по шоссе со стороны Хмельника движутся колонны танков, мотопехоты, часть которых уже рассредоточилась на опушке леса перед нашей обороной. Пришлось усилить наблюдение и боевое охранение.

На рассвете появились фашистские танки. На подразделения бригады обрушился шквал артиллерийско-миномётного огня. Связываюсь с левофланговой ротой Сидельникова.

— Подбили три немецких танка, — докладывает гвардии старший лейтенант. — Немцы нажимают крепко. Пока держимся.

К обеду на отдельных участках противнику удалось вклинуться в нашу оборону. На угрожаемое направление я успел выдвинуть 76-миллиметровую батарею и приданную батарею самоходно-артиллерийских установок. Самоотверженно дрались челябинцы. Дальнейшие попытки врага развить удар в направлении Сташув разбились о стойкость советских воинов.

Несколько дней противник бешено контратаковал наши позиции. Но безуспешно. Мы продолжали глубоко зарываться в землю. Так называемый Сандомирский плацдарм на Висле составлял теперь 75 километров по фронту и 50 километров в глубину.

Настали дни, о которых в сводках Совинформбюро сообщалось: «На некоторых участках фронта — поиски разведчиков и бои местного значения». За этой короткой фразой скрывались напряжённые фронтовые будни. Немцы нередко прощупывали нашу оборону, они всё ещё надеялись сбросить нас в Вислу. Нам было нелегко. Позади почти месяц непрерывных боёв. Уцелевшие танки можно было сосчитать по пальцам. Ждём пополнение. А пока что гвардейцы роют траншеи, ходы сообщения, землянки».

5

Висло-Одерская стратегическая наступательная операция была прологом широкомасштабного плана советской СВГ по полному разгрому войск противника на его собственной территории. В центре с Магнушевско-го и Сандомирского плацдармов наступали войска двух фронтов: 1-го Белорусского (Маршал Советского Союза Г. К. Жуков) и 1-го Украинского (Маршал Советского Союза И. С. Конев). Историк А. В. Исаев в своей книге «Дорога на Берлин» пишет: «Войскам двух советских фронтов численностью 2,2 млн человек (с тылами и ВВС) группа армий «А» могла противопоставить только 400 тыс. человек. Сам собой напрашивается вопрос: «На что надеялось немецкое командование на рубеже 1944–1945 гг.?» Простые солдаты в окопах ещё могли надеяться на «вундерваффе»^[126], но командиры и командующие должны были осознавать катастрофичность и безнадёжность своего положения.

Особенно после таких катастроф, как разгром ГА «Центр» в Белоруссии...»

Немцы, конечно же, понимали, что это разгром, что финал уже близок. Но продолжали сражаться с тем же упорством, что и под Орлом, и на Днепре, и в районе Львова.

Двенадцатого января 1945 года в 6.15 ударила артиллерия — 240 стволов на каждый километр плацдарма. В 14.00 полковник М. Г. Фомичёв отдал приказ: «По машинам!»

На рубеже населённых пунктов Лисув, Гуменице и Малешув разгорелся танковый бой. С обеих сторон запылали машины. Наконец, челябинцам удалось перехватить инициативу, нарушить боевые порядки противника. Вскоре наметился прорыв. И начался марш на запад, гонка двух танковых потоков. Немцы стремились совершить запланированный «отскок» на заранее подготовленные позиции, чтобы встретить советские танки на очередном противотанковом рубеже. А ударные силы 1-го Украинского фронта — чтобы сбить с этих рубежей не успевших как следует закрепиться немцев и продолжить наступление.

Именно в районах Кельце и Хмельники немецкое командование планировало мощный контрудар силами двух танковых и одной моторизованной дивизий, чтобы в очередной раз попытаться остановить советское наступление. Это был XXIV танковый корпус генерала танковых войск В. Неринга. Цель маневра — окружить часть ударных сил 1-го Украинского фронта, втянуть в затяжные бои 4-ю танковую армию генерала Д. Д. Лелюшенко и, таким образом, погасить силу главного удара на Кельце-Хмельниковском рубеже.

Битва разыгралась упорная. В историю Великой Отечественной войны она вошла под названием Кельце-Хмельниковское сражение.

В 17-й танковой дивизии, которая выкатилась против авангарда 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко, а значит, и против Челябинской бригады, было 156 танков и штурмовых орудий, в том числе «Королевские тигры» 424-го батальона тяжёлых танков. Основную ударную силу полка составляли новейшие PzKw VI Ausf. В («Королевский тигр»). Эти монстры со специальным циммеритовым покрытием были одной из составляющей того самого «вундерваффе», на которое рассчитывали руководители Третьего рейха.

Тринадцатого января генерал Неринг контратаковал. Операцию, как единый удар, немцы скоординировать не сумели. Но на участке 10-го гвардейского танкового корпуса схватка завязалась жестокая. Ударная группа во встречном бою уничтожила десять машин 17-й танковой дивизии и потеряла семь своих. Однако сбита противника с его позиций, нарушила его боевые порядки, рассеяла пехоту по окрестностям. Добивать его разрозненные и уже небоеспособные группы не стала — не до того, продолжила движение в направлении Кельне. Таков был приказ командира корпуса. 2-й эшелон, 61-я гвардейская Свердловская бригада, шедшая следом, столкнулась с новым контрударом. Теперь немцы поняли, что могут оказаться в окружении, и предприняли попытку прорваться на Кельне. Для этого им нужно было сбить наших танкистов с шоссе Варшава — Краков. Другой дороги для них не было. Вначале части корпуса обработала авиация. Потом немцы атаковали одновременно с тыла и с фронта, со стороны Кельне. Но натолкнулись на встречную танковую атаку: 10-й гвардейский Уральский корпус во взаимодействии с 6-м гвардейским танковым корпусом 3-й гвардейской танковой армии нанесли фланговые удары и к исходу 13 января окружили основные силы 17-й танковой дивизии и приданные части. Остатки дивизии, бросив танки и

тяжёлое вооружение, разбились на мелкие группы и, кому повезло, вышли на позиции соседней 16-й дивизии, избежавшей окружения.

В районе Лисува немцы бросили в бой 424-й батальон тяжёлых танков. Оборону Лисува держала 61-я гвардейская Свердловская бригада полковника Н. Г. Жукова^[127]. Танкисты и артиллеристы, изготовившиеся к отражению первой волны немецких танков, приняли их за «Пантеры». Силуэты их действительно были схожи: наклонная броня, скошенные башни. Полковник Жуков приказал подпустить противника на расстояние кинжального огня. «Тридцатьчетвёрки» действовали из засад. Первая немецкая атака была успешно отбита. Спустя некоторое время противник провёл перегруппировку и бросил на Лисув сразу 30 танков, половина из которых была «Королевскими тиграми». Полковник Жуков маневрировал своими ограниченными силами. «Тридцатьчетвёрки» перемещались от дома к дому, вели огонь из-за построек. Вскоре потери 424-го батальона тяжёлых танков исчислялись семью «Тиграми», пятью «Королевскими тиграми» и пятью «Пантерами». 61-я бригада оставила на поле боя четыре сгоревших машины. 19 танков получили различные повреждения, к утру большинство из них были восстановлены ремонтниками.

Через несколько суток упорных боёв немецкая оборона перед фронтом Сандомирского плацдарма рухнула и танковые корпуса 1-го Украинского фронта несколькими потоками хлынули в глубину Польши.

6

В феврале 1945 года начались сражения на новом рубеже немецкой обороны — в Нижней и Верхней

Силезии. Здесь противник укрепил города-крепости — «фестунги»: Бреслау, Глогау, Лигниц [\[128\]](#).

В результате Висло-Одерской наступательной операции войска маршала И. С. Конева вышли к Одру и с ходу захватили несколько плацдармов, обеспечив себе возможность маневра для предстоящего удара вперёд. 8 февраля 1945 года после основательной артиллерийской подготовки началась Нижнесилезская наступательная операция. Она являлась частью масштабной Висло-Одерской операции. Одновременно наносились три удара.

Уральцы наступали севернее Бреслау в составе ударной группировки — 3-я гвардейская, 52-я, 13-я и 6-я общевойсковые, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии, 25-й танковый и 7-й гвардейский механизированный корпуса. К 18 февраля войска 1-го Украинского фронта продвинулись с боями до ПО километров, освободив промышленные центры Нижней Силезии. К 24 февраля танки генерала Д. Д. Лелюшенко подошли в предгорья Судет к реке Нейсе. Группировка заняла выгодное положение для предстоящего наступления на Дрезденском и Пражском направлениях.

Фронт маршала И. С. Конева, без какого-либо интервала, начал Верхнесилезскую наступательную операцию.

Уральский корпус получил очередную задачу: «Совместно с 117-м стрелковым корпусом 21-й армии нанести удар по противнику и выйти в район городов Нойштадт и Зюльц».

К 17 марта 1945 года «чёрные ножи» форсировали Нейсе и двинулись на Зюльц, частью сил на Нойштадт. К исходу 18 марта танковые бригады соединились с передовыми частями 7-го гвардейского механизированного корпуса и замкнули кольцо окружения вокруг Оппельнской группировки противника. 18 марта 1945 года поступила телеграмма

за подписью Верховного главнокомандующего: 4-й танковой армии присваивалось наименование гвардейская.

После ликвидации Оппельнского «котла» 4-я гвардейская танковая совместно с 60-й общевойсковой армией и другими соединениями ударной группировки 1-го Украинского фронта захватили города Ратибор, Рейснитц, Бискау и отбросили противника в предгорья Судет. Около пяти немецких дивизий были окружены и уничтожены.

Во всех этих операциях в составе передовых застав действовал взвод лейтенанта Л. Е. Буракова.

7

В конце марта 1945 года 63-я гвардейская танковая бригада получила боевое распоряжение командира корпуса: «К исходу 27.3.45 г. сосредоточиться в районе ФРАИ — ПРОСКАУ и выслать представителей на ст. ОППЕЛЬН для получения новой материальной части».

После прыжка от Вислы в строю бригада сохранила всего десять «тридцатьчетвёрок». В тяжёлом полку остался один ИС. 30 марта 1945 года в Оппельне танкисты получили 65 новых машин. Из них 20 вместе с экипажами тут же приказано было передать 61-й бригаде и пять — 62-й. Пришло и пополнение личным составом — 116 человек. После пополнения и получения новой техники укомплектованность бригады танками составляла 47 процентов, личным составом — 96 процентов. Батальон автоматчиков вскоре пополнили бывшими военнопленными, освобождёнными из концлагерей, а также партизанами. Пленные красноармейцы, бежавшие из немецкой неволи, воевали в составе польских партизанских отрядов. И те и другие быстро проходили проверку СМЕРШа. За кем не тянулся

шлейф преступлений или смутного прошлого, тех тут же направляли в войска 1-го эшелона. Дрались они, как правило, храбро, действовали умело, со злым азартом и желанием хоть напоследок отличиться, отомстить за свои унижения и за погибших товарищей.

Из тыла в корпус шло пополнение. Прибывали и уральцы, и сибиряки. Из Казани поступали лейтенанты — выпускники Казанского танкового училища. Как правило, это были хорошо обученные танковому делу специалисты.

В начале апреля Челябинскую бригаду перебросили к реке Нейсе в Бранденбургскую провинцию. 12 апреля генерал Д. Д. Лелюшенко собрал в своём штабе совещание командиров бригад, батальонов, частей, в том числе приданных, и начальников всех служб. Коротко пояснил ситуацию и поставил задачу на последний штурм: «С рубежа реки Шпрее войти в прорыв на участке 5-й гвардейской армии. Стремительно развивая наступление на запад, к исходу 5 дня операции, овладеть городом Виттенберг. На шестой день форсировать Эльбу и сильными отрядами захватить Дессау». В Дессау находились военные заводы и велась сборка самолётов «Юнкере».

Но почти сразу после прорыва немецкой обороны маршрут ударной группировки 1-го Украинского фронта и направление её ударов изменились. 16 апреля, когда всё началось, Уральский добровольческий корпус в готовности к рывку вперёд сосредоточился на исходных позициях на восточном берегу Шпрее. Здесь же стояли другие корпуса 4-й гвардейской армии.

Наступление началось после двухчасовой мощнейшей артподготовки. Маршал И. С. Конев, начинавший свою военную карьеру унтер-офицером в артиллерийском дивизионе Юго-Западного фронта Первой мировой войны, знал толк в артиллерии. Иногда его упрекают, что, мол, рано вводил во время прорывов

вторые эшелоны, когда оборона противника была ещё не прорвана пехотными частями и не расчищен для танкового маневра коридор. Но дело в том, что, как правило, артподготовку на участках прорыва И. С. Конев выстраивал по методу артиллерийского наступления, и зачастую пехота и подвижные резервы входили в прорыв по телам противника и собирали трофеи артиллеристов.

Примерно так было и на этот раз. В пойме Нейсе сапёрные подразделения поставили дымовую завесу, и когда артиллерия перенесла свой огонь в глубину обороны противника, во вторую линию, дивизии 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова^[129] переправились на западный берег реки, навели переправы, и вскоре танки и бронетехника уральцев пошла вперёд.

По западному берегу на участках наступления гвардейцев А. С. Жадова и Д. Д. Лелюшенко оборонялась 545-я народно-гренадерская дивизия, артиллерийские части усиления. Их поддерживала штурмовая авиация. На восточном берегу немцы удерживали несколько плацдармов в районе Форет и Мускау. Не прошло и полчаса после того, как артиллерия перенесла огонь в глубину немецкой обороны, а немецкие плацдармы уже перестали существовать.

Генерал Д. Д. Лелюшенко энергично двигал свои корпуса вперёд. Противник упорно сопротивлялся, цепляясь за промежуточные рубежи. Вскоре стало ясно, что график наступления срывается, причина — задержки на тех самых промежуточных рубежах. Немцам необходимо было выиграть время для переброски резервов. И командующий принял решение, не ожидая пехоты, форсированным маршем двигаться вперёд, к Шпрее. Шли несколькими параллельными потоками: сапёры — впереди, расчищали заминированные участки и лесные дороги.

Перед наступлением Челябинскую бригаду усилили пополненным 72-м тяжёлым танковым полком, 1689-м артиллерийским полком, дивизионом РС, ротой сапёров 131-го саперного батальона. Были усилены и другие бригады. Остановить эту стальную лавину было уже невозможно.

Из журнала боевых действий 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады:

«18.4.45 г. 2.00.

Бригада достигла БЛОЙШДОРФ — ШЕНКЕ, встретив сопротивление противника — 18 танков, артиллерия и миномёты, до двух полков пехоты.

18.00.

Части бригады, форсировав р. ШПРЕЕ, достигли КЛЕЙН-БУККОВ. В результате боя за КЛЕЙН-БУККОВ, противник потерял: сожжено 2 танка типа «Тигр», подбито 2 орудия, уничтожено до 100 солдат и офицеров противника.

Захвачено: автомашин — 13, с боеприпасами и военными грузами. Взято в плен 38 человек, из них 4 офицера.

Бригада потерь не имеет».

Стоит и далее почитать журнал боевых действий одной из самых героических танковых бригад, штурмовавших в эти апрельские дни и ночи логово врага. Тем более что эти страницы публикуются впервые.

Накануне 17 апреля состоялся телефонный разговор Верховного главнокомандующего с командующим войсками 1-го Украинского фронта. Сталин, обеспокоенный задержкой войск 1-го Белорусского фронта на Зееловских высотах, приказал Коневу: «Поверните танковые армии на Берлин».

Восемнадцатого апреля командующий 4-й гвардейской танковой армией получил приказ о повороте на Берлин. В бригадах, батальонах и всех

подразделениях это решение командования было воспринято с энтузиазмом. Они будут штурмовать Берлин! Вперёд!

В тот день 4-я гвардейская танковая армия столкнулась с обороной, которую прочно удерживали 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг» и дивизия сопровождения фюрера. Танковые авангарды Лелюшенко действовали решительно и энергично. Вскоре слабые места в немецкой обороне были определены. Основной удар армии сместился на правый фланг, где наступали уральцы. На следующий день Лелюшенко отдал приказ 5-му механизированному корпусу перегруппироваться в затылок 10-му танковому корпусу.

Ночью уральцы переправились через Шпрее и отбили плацдарм. Тут же навели переправу. А утром танки 10-го гвардейского корпуса почти беспрепятственно двинулись к нейсенским переправам, за которыми лежал Берлин.

«19.4.45 г. 7.00.

1 и 2 ТБ, успешно продвигаясь вперёд, овладели РЕЗЕНДОРФ, ДРЕБКАУЗИВИШ, 3 ТБ с приданными 72 ТТП, двумя батареями 1999 ЗАП, дивизионом РС 3 гв. МД, ротой сапёр 131 САПБ, составляют главные силы бригады.

В результате боёв противник потерял: убито до 50 солдат и офицеров. Захвачено: автомашин — 16, пулемётов — 19, винтовок — 36. Взято в плен 18 солдат.

Противник разрозненными группами 10 ТД СС, отдельной танкоистребительной ротой (до 400 человек) и фаустниками прочно удерживает КАЛАУ, МУК.ВАР, РАЙЦОВ, БУХВАЛЬДХЕН.

15.00.

1 и 3 ТБ с боем овладели КАЛАУ.

2 ТБ обходным путём в южном направлении на КАЛАУ ведёт упорные бои на рубеже: МУКВАР, РАЙЦОВ,

БУХВАЛЬДХЕН.

В результате боя за КАЛАУ противнику нанесён урон в живой силе и технике. Уничтожено: танков — 3, автомашин — 30. Убито до 100 солдат и офицеров. Взято в плен 20 человек.

Захвачено: зенитных установок на бронетранспортёрах — 3, автомашин — 40, складов с боеприпасами и разным военным имуществом — 7.

За день боёв бригада потеряла: сожжено танков — 2, автомашин — 6.

В личном составе: убито — 4, ранено — 28 человек, из них 4 офицера, в том числе ранен командир 2 ТБ гв. ст. лейтенант КУДИНОВ, командир 3 ТБ гв. капитан ЗЛОБИН».

Как можно понять из записей в журнале боевых действий, немцы продолжали упорно обороняться. В плен сдавались пока неохотно, мало. Потери противника были большими. Но горели и наши танки. И по мере продвижения вперёд их оставалось в строю всё меньше и меньше. А впереди были уличные бои. Танки в тесноте берлинских улочек и переулков могли стать мишенями для фаустников и противотанковой артиллерии.

Вечером 20 апреля командующие 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями получили директиву штаба фронта: «Войска Маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю сегодня ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести».

Уральский корпус шёл к Берлину. По пути сбивал немногочисленные заставы, уничтожал мелкие гарнизоны небольших городов и населённых пунктов. 22 апреля передовыми частями подошёл к крупному городу Луккенвальду. Проведя разведку, атаковали город. Гарнизон не смог организовать оборону и разбежался. Танкисты освободили концлагерь. В нём немцы держали за колючей проволокой 1600 французов, бельгийцев, англичан, норвежцев. Среди узников лагеря оказался

бывший командующий обороной Норвегии в 1940 году генерал-лейтенант Отто Рюге.

Двадцать второго апреля 63-я Челябинско-Петрокувская бригада овладела Бабельсбергом и освободила ещё один концлагерь, где томились семь тысяч узников. В числе освобождённых был бывший премьер-министр Франции Эдуард Эррио. С этого дня начались бои в пригороде Берлина и в самом городе. Из журнала боевых действий:

«Противник частями неустановленной нумерации обороняется по северному берегу канала ТЕЛЬТОВ, а также оказывает упорное сопротивление в северо-западной части ШТАНСДОРФ и в лесу западнее.

Авиация противника в течение дня проявляла активные действия.

1.00.

Бригада с приданными частями занимает оборону ШТАНСДОРФ.

6.00.

Выслана разведка в двух направлениях: БАБЕЛЬСБЕРГ, ЦЕЛЕНДОРФ.

В результате боя за БАБЕЛЬСБЕРГ и ЦЕЛЕНДОРФ противнику нанесён урон в живой силе и технике. Уничтожено: автомашин — 450, мотоциклов — 95, орудий крупного калибра — 7, миномётов — 4.

Убито 1000 солдат и офицеров противника.

Взято в плен 500 человек, в том числе 5 генералов.

Захвачено: складов с боеприпасами и военным имуществом — 16, автомашин — 800, повозок с военным имуществом — 1200, складов с продовольствием и военным имуществом — 18.

Бригада потеряла: подбит 1 танк; убито — 3, ранено — 8 человек».

«25.4.45 г.

Противник частями неустановленной нумерации оказывает упорное сопротивление на окраинах в г.

БЕРЛИН.

6.00.

Бригада с приданными частями переправилась через канал ТЕЛЬТОВ, очистив г. ЦЕЛЕНДОРФ, и в 18.00. вышла в район леса юго-вост[очнее] ЗАМОК.

1 ТБ ведёт бой за БАБЕЛЬСБЕРГ.

22.00.

Согласно боевому приказу командира 10 гв. танкового Уральско-Львовского добровольческого корпуса бригада с приданными частями (без 1-го ТБ) заняла оборону в центре ЦЕЛЕНДОРФ фронтом на вост, и юго-восток.

В течение дня наша авиация бомбила и обстреливала боевые порядки бригады.

В результате действий нашей авиации бригада потеряла: подбит 1 танк, разбито 2 автомашины, пулемёт ДШК.

В личном составе: убито 15, ранено 18 человек.

В приданном 1990 ЗАП выведено из строя 6 расчётов 37-мм оруд.

В течение 25 и 26.4.45 г. бригада доукомплектовывалась личным составом за счёт лучшей части бывших военнопленных».

В это время соседняя 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко уже продвигалась по улицам Берлина, с каждым часом углубляясь в городские кварталы.

Двадцать пятого апреля авиадивизии и авиаполки 16-й воздушной армии провели масштабную воздушную операцию под кодовым названием «Салют» с целью облегчить наземным войскам уничтожение окружённой и сдавленной в центре города Берлинской группировки, которая упорно не желала складывать оружие и капитулировать перед лицом явной гибели и неминуемого уничтожения. По плану, разработанному в штабе генерала С. И. Руденко^[130], предусматривалось

«мощными ударами с воздуха разрушить основные опорные пункты обороны, воздействовать на войска и парализовать управление».

Первый удар авиадивизии генерала С. И. Руденко нанесли в ночь на 25 апреля. Одновременно бомбардировщики 18-й воздушной армии Главного маршала авиации А. Е. Голованова^[131] сбросили около ста тонн бомб на центр Берлина. Ночные бомбардировки самолёты дальней авиации продолжили. И если в ночь на 25-е в операции участвовали 111 боевых машин, то в следующую ночь, на 26-е, в воздух было поднято 563 самолёта. Самолёты Руденко работали ночью и днём. 25 апреля бомбардировка немецких позиций проводилась двумя волнами: первая — 896 самолётов, вторая — 590 самолётов. Бомбардировщики выходили на цели полковыми группами в колоннах девяток или звеньев. Бомбометание производилось с горизонтального полёта с высот от 800 до 2000 метров. Всего было сброшено 600 тысяч бомб.

Официальная оценка этой операции примерно такова: «Удары советской авиации по центру Берлина оказались эффективными. В городе произошли десятки сильных взрывов складов с боеприпасами и горючим. Были разрушены многие военные объекты и правительственные здания. Противник понёс большие потери. Боеспособность вражеских войск была значительно подорвана. Успешное выполнение операции «Салют» было достигнуто в результате сосредоточения усилий авиации на решении одной важнейшей задачи. Благодаря тщательной организации и умелому руководству боевыми действиями авиасоединений, чёткому и мужественному выполнению боевых заданий лётным составом и его командирами, операция была завершена, по существу, без потерь и с высокими результатами». Вот под этот-то удар и попали танковые соединения 1-го Украинского фронта. Маршал

И. С. Конев был в бешенстве. Конечно же, состоялся тяжёлый разговор с соседом справа, возможно, даже весьма тяжёлый. А каким можно предположить разговор двух командующих, когда позиции одного из них отбомбила авиация другого, и отбомбила точно. Фронтовики, офицеры и солдаты, лётчики, артиллеристы, миномётчики, рассказывая о таких случаях, как правило, мрачно подытоживают: «По своим — всегда точно...»

Уже на следующий день, 26 апреля, авиация начала вылетать на цели мелкими группами. Объяснялось это плохой видимостью, пылью, поднявшейся от взрывов на высоту до двух тысяч метров, ночными туманами — «низкая облачность местами доходила до земли». Неблагоприятные погодные условия, конечно же, мешали работе авиации, но причина резкого сокращения самолёто-вылетов и изменения тактики её применения была иной. Во-первых, по мере продвижения атакующих ударных групп к центру, с каждым днём и часом сокращалась площадь для атаки и количество целей. Уже начали выводить из города часть артиллерии и транспорта. Во-вторых, нельзя было допустить новой кровавой ошибки.

То же самое происходило и в полосе наступления 1-го Белорусского фронта. «Сталинские соколы» неоднократно бомбили расположение и колонны 1-й гвардейской танковой армии. Генерал М. Е. Катукон несколько раз обращался к Жукову, но налёты продолжались. И тогда Катукон приказал сбивать самолёты. Сбили «Бостон». Катукон после войны рассказывал: «Наступила ночь, и вот начался кошмар: идут волны наших бомбардировщиков и сгружают свой груз на мой штаб, на колонны и на боевые порядки... жгут наши танки и убивают людей. Из-за этого мы на 4 часа прекратили наступление, которое развивалось очень успешно... Правда, пока доказывали, у меня штаб

горит, окна вылетают. Машина загорелась, снаряды рвутся в моём бронетранспортёре...»[\[132\]](#)

8

Двадцать седьмого апреля 10-й гвардейский танковый корпус вёл бои на юго-восточной окраине Потсдама и на берлинских улицах.

В этот день 63-я гвардейская Челябинская танковая бригада получила приказ: совместно с 350-й стрелковой дивизией «не допустить прорыва противника с острова ВАНЗЕЕ». Гарнизон острова насчитывал до 20 тысяч солдат и офицеров. Подходы прикрывала противотанковая артиллерия, окопанные танки, авиация. К 30 апреля бригада и пехотные части прочно заперли Ванзейскую группировку, поставив крест на всех её попытках прорваться в Берлин на помощь окружённым частям.

На следующий день, 30 апреля, бригаду перебросили в Треббин, где перед ней была поставлена задача уничтожить группировку противника, пытающуюся пробиться в Берлин. 28-го Ставка Верховного главнокомандования своей директивой приняла решение вывести войска 1-го Украинского фронта из Берлина: войска двух фронтов начали мешать друг другу на тесных берлинских улицах, перерезать линии друг друга, в связи с чем маршал Г. К. Жуков обратился к И. В. Сталину: «Прошу установить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в Берлине». На фоне значительных потерь, понесённых войсками 1-го Украинского фронта от бомбардировки авиации, поддерживающей в ходе Берлинской наступательной операции войска 1-го Белорусского фронта, это

требование было проявлением благоразумия. Но тут просматривалась и другая причина: в борьбе за первенство один маршал выдавливает другого из Берлина. Эта тема в нашей исторической публицистике остаётся неиссякаемой...

Из журнала боевых действий:

«1.5.45 г.

Группировка противника, состоящая из разбитых частей дивизии «Великая Германия», полицейской дивизии СС, 337 ПД, 214 ПД, при поддержке 30 танков стремится прорваться в направлении БЕРЛИН.

Бригада в течение ночи вела ожесточённые бои по уничтожению группировки противника, неоднократно переходящего в контратаки из районов: ЛУККЕНВАЛЬДЕ, лес вост. 3 км ЛУККЕНВАЛЬДЕ, МЕРТЕНСМЮЛЛЕ, ХЕНИКЕНДОРФ.

2 ТБ с ротой МБА^[133], будучи окружён в районе МЕРТЕНСМЮЛЛЕ, в течение ночи и первой половины дня 1.5.45 г. отражал контратаки противника (пехоты, фаустников при поддержке артиллерии и 3 танков).

3 ТБ занял НЭОИНЕДОРФ и наступает на ЛУККЕНВАЛЬДЕ.

2 рота 1 ТБ наступает в направлении на ХЕНИКЕНДОРФ.

МБА — поротно с танковыми батальонами.

Мин. рота и ИПТБ МБА^[134] поддерживает наступление 3ТБ.

2 и 3 ТБ находились в окружении и к 20.00. прорвались из окружения.

В результате боёв противнику нанесён урон в живой силе и технике. Уничтожено: 2 танка, 3 орудия, 4 миномёта, 46 автомашин с военными грузами. Убито до 500 солдат и офицеров; взято в плен 630 человек.

Захвачено: бронетранспортёров — 6, автомашин — 58, пулемётов — 18, винтовок — 264.

Потери бригады: сожжено танков — 2, убито — 5, ранено — 40 человек».

Как видим, противник дрался до последнего. Советские войска наступали на всех направлениях силами, кратно превосходящими численность обороняющихся, и тем не менее на отдельных участках возникали критические ситуации, когда противник опасно контратаковал и даже окружал наши части и подразделения. Сдавленный со всех сторон Берлинский гарнизон взывал о помощи, и к нему стремились извне прорваться разрозненные большие и малые группировки, еще сохранившие боеспособность. Одну из этих группировок, Ванзейскую, удерживала Челябинская танковая бригада и 350-я стрелковая дивизия генерала Г. И. Вехина^[135], которая была 23 апреля передана из состава 13-й армии в 4-ю гвардейскую танковую. Как видно из записи в журнале боевых действий, челябинцы и вехинцы её, эту группировку, не просто удерживали, но постепенно перемалывали.

С каждым днём, с каждым боем становилось всё больше трофеев, больше пленных. Психологический надлом в стане противника уже произошёл, столь долгожданного «вундерваффе» Гитлер своим верным солдатам обеспечить не смог. Более того, «солдатское радио» постоянно поговаривало о «добровольном уходе» фюрера в мир иной. А это означало, что вождь бросил их одних перед угрозой быть раздавленными гусеницами советских танков. Тем не менее тяжело раненный и загнанный в угол зверь отвечал ударом на удар, и некоторые из них были смертельными. Если взять статистику потерянных танков, то она, как видно из документа, такова: 2 на 2. В этих боях принимал участие и танковый взвод лейтенанта Л. Е. Буракова.

Как известно, 2 мая — день капитуляции Берлинского гарнизона. Комендант Берлина генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг выслал своих

парламентёров на Потсдамский мост с белым флагом и просьбой о прекращении огня, с предложением о капитуляции войск гарнизона перед советскими войсками. Колонны пленных потянулись из центра Берлина в 6.00 утра.

Что же происходило в этот день в юго-западном секторе, где все эти дни и ночи сражались уральцы? Здесь бой продолжался.

Из журнала боевых действий 63-й гвардейской Челябинске-Петроковской танковой бригады:

«2.5.45 г.

За день боёв противнику нанесён урон в живой силе и технике.

Уничтожено: танков — 4, орудий — 9, миномётов — 8, бронетранспортёров — 7, зенитных установок — 7, автомашин — 94, повозок с военным имуществом — 97.

Убито до 1500 солдат и офицеров противника.

Захвачено: танк типа «Пантера» — 1, бронетранспортёров — 4, миномётов — 3, пулемётов — 16, орудий — 6, автомашин — 15, повозок с военными грузами — 52.

Потери бригады: подбито 2 танка.

Убито — 24, ранено — 54».

Итак, здесь по-прежнему было жарко. Дело в том, что немецкие группировки, части и подразделения, на момент капитуляции Берлинского гарнизона оказавшиеся вне города, приняли решение пробиваться на запад, к союзникам. Советского плена они панически боялись. И у них были для этого все основания: они прекрасно понимали, что на оккупированных территориях СССР солдаты и офицеры вермахта и СС совершили огромное количество преступлений. «Пепел Клааса стучит в сердцах» миллионов. Некоторым группам действительно удалось пробиться на запад и там сдаться англо-американским войскам. И тут надо понимать следующее: большую часть этих групп

составляли те, кому в советский плен было никак нельзя — для них лучше было погибнуть в бою.

Согласно документам, на 4 мая бригада располагала 46 танками, из них 37 боеготовых, девять — в ремонте. Безвозвратные потери (как правило, это сгоревшие танки) — семь боевых машин.

В Берлине уже осела кирпичная пыль. Жители вышли из подвалов и расчищали завалы. Русские солдаты отдыхали после тяжких семнадцати суток непрерывных боёв. А здесь, на юго-западе всё ещё продолжалось.

Из журнала боевых действий 63-й гвардейской танковой бригады:

«6.5.45 г.

Бригада в полном составе сосредоточилась ОШАТЦ.

Противник поспешно сформированными отдельными батальонами при поддержке артиллерии и метательных аппаратов обороняется по р. ФРАЙБЕР — МЮЛЬЦЕ, ДОЙЧЕН — БОРА, РОШТЕНБЕРГ.

10.00

Бригада из ОШАТЦ перешла в наступление в юго-вост, направлении, пройдя с боями 70 км.

2 и 3 ТБ овладели КОЛЬМНИТЦ.

1 ТБ ведёт бой с усиленным батальоном противника в районе ПРЕТЕНСДОРФ.

За день боёв противнику нанесён урон в живой силе и технике.

Уничтожено: 4 самоходных орудия, 6 зенитных установок, 62 автомашины.

Убито до 200 солдат и офицеров противника. Взято в плен: 120 человек.

Разбито 2 ЖД эшелона.

Захвачено: 3 ЖД эшелона, 20 автомашин.

Потери бригады: подбит 1 танк.

Убито 7 человек, ранено — 20».

Ещё 28 апреля, когда уральцы сражались с группировкой противника в районе Ванзее, преграждая ей путь на Берлин, состоялся телефонный разговор маршала И. С. Конева с Верховным главнокомандующим.

Сталин спросил Конева:

— Как вы думаете, кто будет брать Прагу?

Конев этот вопрос застал врасплох. Но маршал мгновенно всё понял и ответил:

— Исходя из положения основных группировок и конфигурации фронта, Прагу, товарищ Сталин, видимо, придётся брать войскам 1-го Украинского.

Конев чувствовал свои силы, знал, что войска фронта вполне способны выполнить и этот маневр.

В эти жаркие дни и ночи Берлинского сражения Коневу пришлось маневрировать особенно энергично и широко. Такой задачи, с несколькими неизвестными (контрудары со стороны внешнего обвода и изнутри, а также ввод в бой резервных армий), не решал тогда, пожалуй, ни один из фронтовых штабов. Вначале — успешный прорыв за артиллерийским валом, потом свёртывание флангов 4-й танковой армии противника, затем — ввод танковых армий «в игольное ушко» и выход их на оперативный простор с поворотом на север, к Берлину, чтобы помочь замешкавшимся перед внешним обводом войскам соседа справа; рассечение немецкой группировки на три части с последующим их уничтожением; охват Берлина с юга и юго-запада и соединение с войсками 1-го Белорусского фронта.

Теперь предстояло схватиться с группировкой генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера^[136], войска которой противостояли левофланговым 2-му и 4-му Украинским фронтам. 5 мая во время торжества по поводу встречи союзнических войск на Эльбе командующий 12-й

группой армий американский четырёхзвёздный генерал Омар Брэдли вдруг достал свою полевую карту, на которой было нанесено положение его основных группировок, и спросил маршала И. С. Конева:

— Как вы намерены брать Прагу? — И, не дожидаясь ответа, спросил: — Ваши танковые и пехотные части измотаны и, видимо, имеют серьёзные потери. Не следует ли Пражскую операцию провести совместно?

— Сил у нас вполне достаточно, — ответил Конев через переводчика. — Необходимости в такой помощи нет.

Возникла напряжённая пауза. Конев её прервал:

— Вы должны понимать, что любое продвижение американских войск дальше к востоку от ранее обусловленной демаркационной линии может внести только путаницу, вызвать перемешивание войск. А это нежелательно.

— Да, — сказал Брэдли, — подчинённые мне войска и впредь будут соблюдать установленную ранее линию соприкосновения.

Они хорошо понимали друг друга. Потом, чтобы ослабить возникшее напряжение, поговорили о чём-то незначительном. И Брэдли снова спросил:

— Как вы намерены брать Прагу? Ведь там Шёрнер.

Конев прекрасно понимал, что сейчас обсуждать план Пражской операции, даже в общих чертах, неуместно. Тем более с американцем! Но понимал: Брэдли тоже хочется войти в Прагу, ищет лазейку. Конев отшутился. Брэдли убрал карту. Больше к этой теме не возвращались.

Итак, Берлин был взят. Но бои продолжались: на севере войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов добивали остатки отчаянно сопротивлявшейся группы армий «Курляндия», а в Чехословакии украинские фронты зажали в клещи полуторамилионную группировку генерал-фельдмаршала Шёрнера. Для

сравнения: блокированная в Рурском промышленном районе и пленённая армиями союзников немецкая группировка насчитывала 325 тысяч человек. О ней принято писать как о масштабной и весьма удачной операции союзнических войск во Второй мировой войне. О Пражской же операции обычно говорят как о марше армий 1-го Украинского фронта по шоссейным дорогам в сторону столицы Чехословакии...

Штабы и войска группировки генерал-фельдмаршала Шёрнера работали в режиме осаждённой крепости. На некоторых участках глубина обороны составляла 18 километров и более. В эти дни Вильгельм Кейтель подписал Акт о безоговорочной капитуляции и соответствующий приказ был отправлен в штаб группы армий «Центр», но Шёрнер отказался сложить оружие.

Для того чтобы с ходу пробить эту стену, маршал И. С. Конев создал ударную группировку, в которую вошли три общевойсковые армии и две танковые — лучшие соединения фронта. И среди них 4-я гвардейская танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко. По пути к столице Чехословакии советские войска разделили под орех ещё и немецкую группировку, которая прочно засела в Дрездене и прилегающих районах, перекрывая все пути к Праге. Танки генералов Д. Д. Лелюшенко и П. С. Рыбалко неслись к Злой Праге на предельных скоростях. Десять танковых и механизированных корпусов — полторы тысячи боевых машин — сметали любую оборону, встававшую на их пути.

Восьмого мая на рассвете авангарды 4-й гвардейской армии на шоссе близ Жатеца настигли колонну бронетехники и грузовиков. Как впоследствии оказалось, это был штаб генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера. Танки Лелюшенко с ходу атаковали колонну и уничтожили её. Управление окружённой группировки было утрачено. Сам Ф. Шёрнер, оставшись без штаба, переоделся в штатское и на лёгком самолёте «Физилёр

Шторх», прихватив войсковую кассу, улетел в австрийские горы.

Из журнала боевых действий Челябинской танковой бригады:

«8.5.45 г.

Противник остатками разбитых частей отступает в направлении ПРАГА и в юго-зап. направлении.

Бригада, стремительно преследуя отходящего противника, в ночь с 8 на 9.5.45 г. прошла 130 км и к 9.5.45 г. в 6.00 ворвалась на северо-западную окраину г. ПРАГА, завязала уличные бои и в 22.00 г. ПРАГА была очищена от противника.

За время боёв с 8 по 9.5.45 г. бригада нанесла противнику урон в живой силе и технике:

уничтожено до 1500 солдат и офицеров противника.

Взято в плен 500 человек.

Уничтожено: автомашин — 500, бронетранспортёров — 30, орудий разного калибра — 25, миномётов — 15, ПТР — 40, самоходных орудий — 15, эшелонов — 5, мотоциклов — 200, велосипедов — 350.

Захвачено: автомашин — 800, эшелонов с военными грузами — 26, из них с горючим — 2, бронетранспортёров — 11, пулемётов — 70, винтовок и автоматов — до 3000.

Потери бригады:

Убито — 5, ранено — 21 человек».

В боях за Прагу отличились многие экипажи, в том числе взвод лейтенанта Л. Е. Буракова.

Лейтенант вёл свой взвод во главе походной колонны бригады. Когда колонна подошла к Праге, вперёд двинулась разведгруппа — три танка взвода лейтенанта Буракова. Вместе с ними в город вошёл разведвзвод и подразделение сапёров. Вскоре они выяснили, что в центре Праги идёт бой повстанцев с немецким гарнизоном. В своих мемуарах генерал М. Г. Фомичёв об этой операции писал так: «Когда танки

вышли из города Слани, над горизонтом показалось зарево пожара.

— Прага горит! — сказал чех, ехавший с нами от самой границы в качестве проводника. Я вызвал старшин Соколова и Пасынкова.

— Пожалуй, это для вас последняя разведка. Нужно узнать, что происходит в городе.

Разведчики и сапёры устроились на броне танков Ивана Гончаренко, Леонида Буракова, и разведгруппа ушла в ночь.

Вскоре передо мной стояли чехи. Их привёз на танке лейтенант Бураков. Они неплохо изъяснялись на русском языке.

— Прага ждёт вас! Спешите!

Светало. Спустя полчаса передовые подразделения бригады достигли северо-западной окраины Праги. Шоссе перегорожено баррикадой, сооружённой из брусчатки разобранных мостовых. Восставшие не ждали нас с этой стороны. Они предполагали, что мы придём с востока. Из-за баррикады вышел чешский офицер, руководивший отрядом восставших. И тотчас, размахивая винтовками и фуражками, с возгласами «Наздар! Наздар!» побежали к советским танкистам чешские повстанцы. Навстречу нам устремились тысячи мирных жителей. Люди пели, плакали, дарили нам цветы, протягивали своих детей, которые доверчиво обнимали нас. И не было для советских воинов лучшей награды, чем эта сердечная благодарность народа. Танки взвода Буракова, шедшие впереди, встретила группа людей с развёрнутыми красными знамёнами. На полотнищах вышиты серп и молот. Чешская патриотка подошла к сидящим на броне разведчикам и передала им знамя. Люди пели, плакали от радости...

Сопровождаемые ликующими жителями, танкисты настойчиво теснят немцев. Бой не затихает. Оставаться на улицах опасно. Но чехи не хотели расходиться по

домам. Они указывали нам расположение вражеских пушек и пулемётов, предупреждали об опасности, находили наиболее удобные пути движения».

Правды ради необходимо сказать, что до танков Лелю-шенко и Рыбалко в Прагу по просьбе восставших чешских патриотов вошла 1-я дивизия Русской освободительной армии (РОА) полковника Буняченко^[137]. Дивизия вступила в бой с подразделениями СС, которые уже дожимали восставших чехов. Русские батальоны заняли многие пражские районы, в том числе Зличин, Петршин, Рузине, а также аэродром, захватив несколько исправных самолётов. Шли бои в Страшницах, Панкраце.

Буняченко ввёл свои полки в Прагу 6 мая, а уже 7-го на заседании Временного чешского правительства, когда стало известно, что к городу приближаются колонны ударной группировки 1-го Украинского фронта, настроение восставших резко изменилось. Чехи есть чехи. Генералу Буняченко, пришедшему на переговоры с правительством новой Чехословакии, сказали: «Зачем вы пришли в Прагу? Штаб восстания — это не чешский народ... Уходите. Вы для нас такие же враги, как и немцы». Дивизия РОА — русских коллаборационистов, которых в народе называют более определённо — предатели родины, власовцы — вынуждена была покинуть Прагу. (Слишком уж легко власовцы 1-й дивизии РОА хотели искупить грех предательства. Грех, преступление, кровь. Кровь, как известно, смывается кровью. Тем более во время войн.) И в город снова начали входить части СС. Но вошли они ненадолго.

В ночь на 9 мая взвод Буракова в составе штурмовой группы продвигался в сторону Манесова моста. Задачей группы было: обеспечить переход основных сил танковой бригады через Влтаву в центр города. У Карлова и Манесова мостов штурмовая группа встретила заслон — несколько штурмовых орудий и фаустников.

Первым шёл танк лейтенанта Ивана Гончаренко.

Немцы тут же открыли огонь. «Тридцатьчетвёрка» Гончаренко ответила. Завязалась огненная дуэль. Загорелась одна самоходка, потом другая. Т-34 лейтенанта Гончаренко вначале был подбит, потом его начали расстреливать и в конце концов подожгли. Командир танка был тяжело ранен, из горящей машины вылезть не смог. Посмертно лейтенант Иван Гончаренко награждён орденом Отечественной войны 1-й степени. Остальные члены экипажа выжили.

Тем временем огонь вели и другие два танка взвода. Когда стало ясно, что артиллерия противника у мостов подавлена, лейтенант Бураков отдал приказ: «Вперёд!» Вскоре взвод «тридцатьчетвёрок», без одной машины, в составе штурмовой группы выскочил на Староместскую площадь.

Сохранилась фотография, которая стала частью фотолетописи Великой Отечественной войны: танк Т-34 с бортовым номером «1-25», занявший огневую позицию в зарослях цветущей сирени на фоне католического собора в Пражском Граде. Боевая машина лейтенанта Буракова и его экипажа.

Лейтенант Бураков, по воспоминаниям его боевых товарищей, отличался необычайной храбростью и дерзостью. В бою мог рисковать, ходить, как говорят, по самому краю, но при этом был расчётлив, действовал со своим экипажем и взводом грамотно, умело и выходил из боя либо победителем, либо с минимальными потерями, при этом, как правило, выполнив поставленную задачу. Порой допускал дерзость и по отношению к начальству. За Пражскую операцию был представлен к званию Героя Советского Союза, но, как отмечают его биографы, «не удостоили». Где-то, при ком-то, уронил какое-то неосторожное слово. Молодость! 20 лет! Героя ему заменили вторым орденом Красного Знамени. Что ж, два ордена Красного Знамени,

который считался высшим офицерским орденом, для танкиста — это, пожалуй, полный Герой.

На подступах к Одеру его «тридцатьчетвёрка» была подбита. Экипаж продолжал вести огонь. Потом танк загорелся. Потушить не удалось. Когда выскакивал из горящей машины, был ранен осколком мины. За эти бои награждён первым орденом Красного Знамени. Исключительную храбрость проявил во время ликвидации окружённой группировки противника в районе Ванзее. Здесь его взвод действовал в составе разведгруппы, совершал глубокие рейды, действуя фактически в тылу противника, а затем на скоростях, со связанными пленными на броне, притороченными к скобам на корме, возвращался назад.

После Победы Бураков служил в Центральной группе войск — командир танковой роты 110-го отдельного разведывательного батальона 17-й гвардейской механизированной дивизии. Демобилизовался в декабре 1950 года в звании старшего лейтенанта.

Главным трофеем, который старший лейтенант запаса Леонид Ефремович Бураков привёз в родительский дом, были альбомы и блокноты с фронтовыми зарисовками.

10

Уже после Победы, в июне 1945 года, Михаилу Георгиевичу Фомичёву было присвоено звание генерал-майора танковых войск. Стал он и дважды Героем Советского Союза и, в соответствии с законом, его бюст был установлен на его родине, в городе Белёв Тульской области. Первую Золотую Звезду комбриг получил 23 сентября 1944 года за блестяще проведённую операцию во время боёв за освобождение Львова, а вторую — 31 мая 1945 года — за Берлинскую и Пражскую операции.

После окончания Великой Отечественной войны 20 июля 1945 года Фомичёв был назначен заместителем командира 10-й гвардейской танковой дивизии, в которую был сведён его корпус, а в июне 1946 года принял командование ею, правда, не на постоянной основе, а как исполняющий обязанности. Вскоре, в январе 1947 года, его направили на учёбу в Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова, которую он успешно окончил в декабре 1948 года (ещё через 20 лет — в 1969 году — он вновь сядет за парту и окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба).

В январе 1949 года Фомичёв был направлен в Приморский военный округ на Дальний Восток, где принял командование 7-й механизированной дивизией. Затем служил в Прикарпатском, Приволжском, Закавказском, Белорусском и Забайкальском военных округах, сменил много должностей. Сначала с Дальнего Востока в марте 1952 года его вызвали в Москву, в распоряжение штаба бронетанковых и механизированных войск, а после открытия вакансии в июле того же года он занял пост заместителя начальника штаба 8-й механизированной армии в Прикарпатском военном округе, потом с февраля 1953 года некоторое время состоял в распоряжении командующего той же армией. С июня 1953 года местом службы Фомичёва стала 13-я армия, штаб которой располагался в украинском Ровно: сначала он служил командующим бронетанковыми и механизированными войсками армии, затем с января 1954-го помощник командующего по боевой подготовке. В июне 1955 года генерал оставил штабную работу и был переведён в войска командиром 27-го стрелкового корпуса. С августа 1956 года он командовал 40-м стрелковым (с июня 1957 года — армейским) корпусом. В 1958 году получил звание генерал-лейтенанта танковых войск, а в январе

1960 года принял командование 28-й армией Белорусского военного округа, где оставался до августа 1962-го. В сентябре 1962 года он получил своё последнее назначение в войсках — 1-м заместителем командующего войсками Забайкальского военного округа. С декабря 1969 года он служил генерал-инспектором Главной инспекции Министерства обороны СССР. Через три года, в июле 1972-го, уволен в запас. Умер 18 ноября 1987 года в Москве, погребен на Кунцевском кладбище.

После демобилизации Леонид Ефремович Бураков из танка пересел за стол, за мольберт — в 1951 году поступил в Ташкентское художественное училище им. П. П. Бенькова и окончил его с отличием. Затем в 1956–1962 годах учился в Ленинграде, в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. После окончания по распределению приехал в Чебоксары, поступил на работу в Чувашский государственный педагогический институт им. И. Я. Яковлева, работал на кафедре географии преподавателем. В 1966 году перешёл на работу в Чувашское отделение Художественного фонда РСФСР на должность главного художника. Через год его приняли в Союз художников СССР. В 1968 году он переехал на новое место жительства в Ленинград и поступил на работу в Ленинградское художественное училище им. В. А. Серова, преподавал рисунок. В апреле 1991 года ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Как художник Леонид Ефремович Бураков наиболее выразил себя в графике. Свои графические листы он объединил в несколько циклов. В цикле «Лица войны» — портреты бойцов, матросов, офицеров, однополчан. Названия работ говорят сами за себя: «Командир танка», «Заряжающий», «Балтиец», «Механик-водитель»,

«Стрелок-радист». Лица его героев выразительны, строги, трагичны. Как и сама война.

Леонид Ефремович Бураков ушёл из жизни в 1994 году. Но именно после смерти, как у нас часто и случается, начались главные выставки его работ. Графические листы, прекрасно оформленные, объединённые единой стилистикой, представлялись в Нижнем Тагиле, в Санкт-Петербурге, в Екатеринбурге, в картинных галереях и музеях других городов России.

Художники не умирают!

ФРОНТ И ТЫЛ

**Николай Александрович Антипенко,
генерал-лейтенант,
заместитель командующего войсками
1-го Белорусского фронта по тылу**

Начальник тыла всегда за всё в ответе.

Н. А. Антипенко. На главном направлении

1

Старый армейский анекдот.

Старшина выстроил роту новобранцев и задаёт вопрос:

— Товарищи бойцы! Как вы думаете, что на передовой для солдата самое главное?

Один:

— Хорошее оружие, товарищ старшина!

— Молодец! Неверно!

Другой:

— Хорошая позиция!

— Хорошая позиция — это желательно. Но победить можно и на невыгодных позициях.

Третий:

— Хорошая разведка!

— Молодец! Но, запомните, самое главное на фронте — тылы! А что такое, товарищи бойцы, тылы? А хорошие тылы — это горячая каша! Наваристая, с тушёнкой! Это своевременный и достаточный подвоз боеприпасов и горючего. Это тёплая одежда и чистое бельё. Баня! Это

и обеспечение новым оружием и снаряжением взамен выбывшего из строя по причине поломки и огневого воздействия противника! И транспорт! И медицинская помощь раненым.

Строй одобрительно загудел.

В ряду военачальников, внёсших значительный вклад в Победу, в том числе и в сражения на последнем этапе войны, всегда рядом с полководцами называют имя генерал-лейтенанта Николая Александровича Антипенко.

Родился он в 1901 году в Запорожье, в селе Нижний Куркулак^[138] Бердянского уезда Таврической губернии. Мать — Мария Сергеевна, отец — Александр Данилович Антипенко.

Службу свою в Красной армии Николай Антипенко начал в политорганах в пограничных войсках. Вспоминая свою первую заставу, генерал Н. А. Антипенко писал: «В феврале 1922 г. я был назначен политруком роты в дивизионную школу 3-й Казанской дивизии. Штаб и школа тогда стояли в Симферополе».

Введённая в молодой Советской стране новая экономическая политика прекратила голод, разбудила народную инициативу, но и породила множество проблем. На границе — особенно. «Морская граница в Крыму в то время фактически была открыта, — вспоминал Н. А. Антипенко, — контрабандисты почти безнаказанно высаживались на советское побережье, пересекая море от турецкого берега. К нам везли наркотики, турецкий табак, рожки и прочие «восточные сладости», «колониальные товары» и всякую мелочь, а от нас вывозили золото и драгоценности, и этому надо было положить конец. В 1922 г. Наркомвоенмор приказал выделить из состава Красной армии специально отобранные воинские части для передачи их в пограничные войска. Сформированный в Симферополе

отдельный батальон выступил пешим порядком в Евпаторию и взял под охрану побережье (протяжённостью 350–400 км) от Перекопского вала через Ак-Мечеть, Евпаторию и далее до стыка с Севастопольской пограничной частью. В составе этого батальона прибыл на границу и я. С этого времени и началась моя служба в погранохране».

Осенью 1925 года Н. А. Антипенко направили на учёбу в Москву — в Высшую пограничную школу ОГПУ. Через два года он получил назначение — в Среднюю Азию.

Средняя Азия была велика и, по условиям несения военной службы и проживания — место невесёлое. Необустроенность военных городков, удалённость застав от культурных центров, бездорожье, нехватка воды. «Невесело было мне, когда я ехал впервые в эту, казалось, непостижимую страну, — вспоминал генерал Н. А. Антипенко. — Каких только страстей не наговорили нам «бывалые» люди: там и басмачи, и тигры, и шакалы, и скорпионы с фалангами, гигантские ящерицы и прочая нечисть; особенно много ужасов рассказывали про каракумские пески... Пугали и тем, что трудно приноровиться к бытовому укладу местных жителей, к особенностям пограничной службы в тех условиях.

Надо сказать, что за восемь с лишним лет мне многое пришлось увидеть из того, о чём мне рассказывали. Но всё это в натуре воспринималось совсем иначе, чем на словах, не пугало, а, пожалуй, больше привлекало.

Штаб пограничного округа находился в Ташкенте. На пятый день езды по железной дороге мы прибыли в этот «город хлебный».

— Главное — постарайтесь не попасть в Каракумы, — советовал мне ещё в поезде один из попутчиков.

По его словам, самый трудный участок — это граница с Афганистаном, в зону которого входят и

каракумские пески. Но случилось именно то, против чего меня так настораживали: мне вручили предписание о назначении инструктором политработы в пограничный отряд, который находился на этом участке. И это было, пожалуй, лучшим, что могло со мной случиться, если рассматривать всю жизнь до 1941 г. как школу, подготовившую к величайшему испытанию — исполнению труднейшего долга на ответственном посту в боях с нашим смертельным врагом. Здесь, в Средней Азии, на заброшенных в песках пограничных заставах мне пришлось шаг за шагом узнавать нужды войск и каждого бойца, способы их удовлетворения, знакомиться с повседневной жизнью подразделений, находившихся на военном положении и в то время, когда вся страна жила мирной жизнью. Если в ходе войны я более или менее умело выполнял сложную работу начальника тыла, то немалое значение в подготовленности к этой работе, несомненно, имела служба на среднеазиатской границе».

Что и говорить, белое солнце Каракумов не щадило никого и ничего, но в каждом русском пограничнике, которого судьба и начальство занесли сюда по служебным надобностям, оживал красноармеец Сухов, и уже не испугать его было никакими скорпионами, тиграми и песчаными бурями. Никаким врагом.

О городке Керки, где Антипенко начал свою среднеазиатскую одиссею, он писал в мемуарах почти как Лермонтов о Тамани: «Город Керки Туркменской ССР, куда я попал в марте 1927 г., произвёл на меня тягостное впечатление...» В Керках Антипенко снял угол «в комнате одного таможенного служащего». Часто бывал на заставах. Увлёкся стрельбой из винтовки и пистолета, так что вскоре в погранотряде его избрали председателем стрелковой секции спортивного общества «Динамо». С тех пор его часто командировали на заставы проверять стрелковую подготовку

пограничников. Когда же погранотряд выезжал по тревоге на перехват очередной банды басмачей, прорвавшейся с территории сопредельного Афганистана, чтобы пограбить таджикские селения и колхозы, Антипенко брал с собой винтовку системы Леймана с оптическим прицелом. В бою восхищал пограничников точностью и эффективностью огня на больших дистанциях. «Бойцы видели, как при каждом моём выстреле ещё одна чалма подскакивала вверх и исчезала; возможно, поэтому они старались держаться поближе ко мне».

Часто политработнику приходилось становиться снабженцем. Заставы необходимо было обеспечить не только продовольствием, но и керосином для ламп, и самими лампами хорошего качества, чтобы вечерами пограничники не сидели в Ленкомнатах в тоскливой полутьме. Очень скоро эти снабженческие навыки пригодятся ему на новой службе и в новых условиях.

Зимой 1933 года Антипенко назначили на должность начальника и комиссара Ташкентской пограничной радишколы. В 1935 году последовало очередное назначение — военным комиссаром железнодорожной бригады в Киеве. В 1938 году Антипенко вновь вернулся в погранвойска — в Харьков, начальником окружного Управления снабжения пограничных и внутренних войск НКВД. В систему снабжения входило обеспечение войск НКВД и погранотрядов вооружением, боеприпасами, прочим воинским снаряжением, автотранспортом, горючим, продовольствием, вещевым имуществом, финансами, квартирным довольствием.

Зимой 1940 года после Прутского похода войск Южного фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова с целью возвращения в состав Украины и Молдавии занятых Румынией земель Бессарабии и Северной Буковины начал формироваться Львовский пограничный округ. Выпускнику заочного факультета

Военной академии им. М. В. Фрунзе Антипенко было поручено формирование окружного управления снабжения нового пограничного округа с одновременным исполнением обязанностей заместителя начальника пограничных войск нового округа.

Главной заботой была прокладка новой государственной границы с Румынией. Вместе с другими офицерами-пограничниками Антипенко в тот год изъездил и исходил пешком леса и горы в окрестностях Черновиц — выбирали наиболее подходящие места для размещения погранзастав.

Уже в мае ситуация на границе начала резко меняться. «Бывая часто на заставах, — вспоминал генерал Н. А. Антипенко, — я наблюдал оживлённое движение на сопредельной стороне. Если полгода назад у пограничного шлагбаума можно было увидеть одного-двух немецких солдат, то в апреле и мае 1941 г., когда я прибыл на заставу у Перемышля, как по команде, выскочило не менее трёх десятков немецких офицеров, которые вели себя крайне возбуждённо. Признаков нарастания активности немцев вблизи границы с каждым днём становилось всё больше. И не только на земле, но и в воздухе оживилась их деятельность. Немецкие самолёты совершали регулярные разведывательные полёты, углубляясь иногда в нашу сторону на несколько десятков километров; наши зенитные части и истребительная авиация могли лишь созерцать эти наглые выходки — стрелять им не разрешалось из опасения провокации».

Пограничники первыми встретили атаку немецких войск на рассвете 22 июня. Комбриг Антипенко был в их рядах. «Едва успев одеться, я услышал гул самолётов,

затем разрывы авиабомб, — вспоминал он то утро. — Отправил семью в подвал трёхэтажного дома, а сам побежал в штаб округа, находившийся в 2 км от моей квартиры. На улицах Львова уже лежали трупы, слышны были стоны раненых. Я видел очередной заход вражеских самолётов над тем районом, где осталась моя семья. В результате этого налёта был сильно повреждён дом, в котором мы жили, и моя квартира, но, к счастью, все укrywшиеся в подвале остались невредимыми».

Наша авиация и зенитная артиллерия фактически бездействовали. Истребители, не успев подняться в воздух, были уничтожены или основательно повреждены на аэродромах. Зенитные батареи тоже были подавлены во время первых же налётов.

Во Львове активизировалась «пятая колонна», всюду действовали немецкие диверсанты.

Семьи комсостава на грузовиках были отправлены «в направлении Киева без указания определённого адреса». «В тот же день, по приказанию центра, мы начали отправлять на восток весь железнодорожный порожняк и паровозы, — вспоминал Н. А. Антипенко. — Я позвонил в Москву своему прямому начальнику генералу Вургафту^[139] и попросил его разрешения загружать отходящие вагоны имуществом, находившимся в качестве неприкосновенного запаса на окружном складе, подчинённом мне. Там хранилось 15 тыс. пар кожаных сапог, столько же валенок, шинелей, полушубков; было там и артиллерийское имущество. В ответ я был обруган, и мне пригрозили расстрелом за «панические настроения».

К исходу дня 25 июня последовало новое распоряжение из Москвы — немедленно эвакуировать окружной склад. Но было уже поздно, у нас не осталось ни одного вагона: железнодорожники проявили высокую мобильность и успели отправить в тыл один за другим, вероятно, более сотни поездов порожняка... А звонки из

Москвы всё учащались. Теперь мне грубо и грозно напоминали, что я лично отвечаю за эвакуацию складов. Тот же Вургафт на мой неизменный ответ, что, выполняя приказ центра, мы остались без единого вагона, хладнокровно повторял: «Вам там на месте виднее, где изыскать средства. Вы несёте за это имущество персональную ответственность».

Каждое утро комбриг Антипенко приходил на территорию окружных складов. Вскоре эти походы стали опасными. Из окрестных домов начали постреливать. Стреляли в основном по часовым. Но однажды пуля пролетела и над его головой и ударила в кирпичную стену на две головы выше. Ждать больше было нечего, и Антипенко приказал начальнику склада приготовить хранилища к уничтожению. Война только началась, но улицы Львова забиты отступающими красноармейцами, сапоги и ботинки их изношены, а гимнастёрки подраны. В бою форма изнашивается за несколько часов. И тогда он приказал загрузить машины и вывозить обмундирование на перекрёстки дорог, по которым идут потоком войска, переодевать красноармейцев в новое.

— А как же раздаточные ведомости? — спросил начальник склада. — Или хотя бы расписки?

— К чёрту ведомости и расписки! Раздавайте обмундирование так. Только чтобы не толпились, как в примерочных, не создавали на дорогах заторов.

Что успели раздать, раздали. Бойцы с удовольствием переодевались в новое. Распикивали по «сидорам» комплекты белья и запасные портянки. Однако зимнее обмундирование пришлось сжечь. Облили бензином и... «Ужасное это было зрелище! — вспоминал Н. А. Антипенко. — Но предлагать солдатам тёплые вещи в то время, когда стояла жара, было бессмысленно: и без того они были перегружены оружием и боеприпасами».

Львов комбриг покинул 30 июня вместе с последними отступающими войсками. В дороге приключилась история, которую после войны Антипенко вспоминал как забавную. Правда, закончиться для него она могла хуже некуда. Николай Александрович не раз рассказывал её и маршалу Г. К. Жукову, с которым до последних дней поддерживал дружеские отношения, навещая забытого героя Берлина на его подмосковной даче. Оба посмеивались, сочувствуя себе, покачивали головами. В годы войны в подобных обстоятельствах, и не раз, оказывался и Г. К. Жуков. Да и после Победы тоже...

Но тогда, подо Львовом, комбригу Н. А. Антипенко было не до шуток. «Случилось так, что я оказался во главе небольшой группы военнослужащих, — пересказывал он эту историю в своей книге «На главном направлении». — В их числе были прокурор и председатель трибунала округа, работники политотдела и все мои подчинённые по управлению снабжением. Двигались мы на автомашинах. Руководить этой группой выпало на мою долю: все знали, что я по званию комбриг, что имею некоторый боевой опыт, — а в той обстановке каждому хотелось иметь подготовленного в военном отношении начальника. Независимо от своих прежних должностей все чувствовали себя в нашей группе рядовыми бойцами и, останавливаясь в лесочке на привал, несли обязанности бойцов в круговой обороне. Почти через каждый час наша колонна автомашин вынуждена была останавливаться на обочинах или маскироваться у лесных опушек от обнаглевших немецких лётчиков, свободно выбиравших себе цели и охотившихся не только за мелкими группами, но и за одиночками. Во время одного из таких нападений мой «Шевроле» получил несколько пулевых пробоин.

Через два-три дня до нас дошёл слух, что фашистов повсеместно гонят обратно, что Львов снова занят нашими войсками и туда возвращаются областные организации. Ликованию не было границ.

В тот же час ко мне подошёл наш прокурор. Он предложил мне дать письменное объяснение: кто разрешил сжигать склад и раздавать войскам обувь и обмундирование без соответствующего оформления? Тон, которым были заданы эти вопросы, дал мне понять, что меня ждёт...

Делать нечего. Присев у дерева, я стал писать обстоятельное объяснение. Не прошло, однако, и часа, как ко мне снова подошёл прокурор:

— Порвите, Николай Александрович, что написали. Никому это не нужно, — сказал он. — Немец не только удерживает Львов, но и продвигается на восток. Хорошо сделали, что уничтожили склад и хоть часть имущества роздали своим войскам.

Я только подумал: «А что он мне скажет, когда обстановка снова изменится?..».

По прибытии в Киев Антипенко был тут же вызван в Москву. Ехал вместе с начальником Львовского округа генералом В. А. Хоменко^[140]: округ перестал существовать и они ехали за новым назначением. С Василием Афанасьевичем Хоменко они почти в одно время служили на одном пограничном участке среднеазиатской границы: Хоменко — на Кушке, Антипенко — в Керках. Им было что вспомнить. Назначение получили в одну армию — в 30-ю Западного фронта: генерал Хоменко — командующим, а он — армейским интендантом.

В середине июля Антипенко отыскал управление 30-й армии в районе города Белого юго-западнее Ржева.

Населённый пункт, отмеченный на карте как местонахождение штаба армии, по информации офицеров одного из отходящих полков, был уже в руках

противника. Где теперь штаб, никто не знал. Он приказал водителю ехать вперёд, в сторону деревни. Впереди на шоссе показались группы бойцов. Иногда они стреляли из винтовок в сторону деревни. Поравнявшись с ними, Антипенко спросил:

— Где здесь какой-нибудь штаб?

Сержант с удивлением посмотрел на него и ответил:

— Где штаб, не знаю. Здесь никаких штабов нет.

— А немцы далеко?

— Да вон они. Шагов триста будет. За тем бугром. В деревне. — И сержант махнул рукой вдоль шоссе, куда они вели огонь.

Антипенко приказал развернуть машину. Погрузили раненых, которых тащили красноармейцы, и помчались в тыл.

Штаб, наконец, отыскали в трёх километрах от фронта. Хоменко обрадовался, увидев его, и тут же приказал возглавить все службы материального обеспечения, включая арт-снабжение, автомобильный транспорт, железнодорожный подвоз.

— Одним словом, Николай Александрович, в нашей фронтовой неразберихе необходимо срочно установить такой порядок, какой существовал в пограничных войсках до войны, — подытожил генерал Хоменко.

Задача была непростой.

Только в августе 1941 года, после всех неудач начального периода войны и учитывая просчёты и провалы в организации тыла дерущихся войск, были введены новые штаты тыловой службы. Начальником тыла Красной армии был назначен генерал А. В. Хрулёв^[141]. В структуре управлений фронтами и армиями появились должности заместителей командующих по тылу. Вновь учреждённое Главное управление тыла РККА начало энергично выстраивать вертикаль, которая уходила в низовые звенья,

разветвлялась в войсках и заканчивалась старшинами стрелковых рот и подразделений других родов войск.

В начале сентября 1941 года в 30-ю армию прибыл из Главного управления новый заместитель по тылу. Антипенко решили вернуть в пограничные войска, и уже было подготовлено направление — в Читу. Но он тут же написал рапорт и явился с ним к генералу Хрулёву: прошу направить в действующую армию...

На центральном участке фронта назревали большие события. Антипенко направили под Вязьму, в 49-ю армию. Генерал Хрулёв напутствовал:

— Поезжайте в эту армию и не смущайтесь ворчливым характером командира Захаркина^[142]. Ивана Григорьевича я давно знаю. Он значительно старше вас, заподозрит вас поначалу в несолидности. Но он умеет ценить работников. Берите в свои руки всё армейское хозяйство. Покажите твёрдую руку в наведении порядка, там всё разболталось. Нет хозяина в тылах. Нам вообще предстоит создать заново систему управления тылом Красной армии.

И вот новый зам по тылу прибыл в распоряжение 49-й армии. Противник в эти дни проводил последние приготовления к началу решающего наступления на Москву (операция «Тайфун»), а наши войска готовились встретить и отразить этот удар. На участке 49-й армии произошло непонятное. До сих пор историки не могут распутать этот узел вопросов и смутных догадок, затянутый странными действиями наших штабов. Н. А. Антипенко: «Скажу несколько подробнее о сложившейся там обстановке. Находясь в тылу 30-й армии, которая вела тяжёлые бои, войска 49-й армии подготовили новый оборонительный рубеж в 30–40 км от линии фронта. Была создана глубоко эшелонированная система инженерных сооружений, занятых войсками и боевой техникой. Дивизии, входившие в состав 49-й армии, были хорошо укомплектованы и готовились к

активными действиям. Особенно большую работу проделали артиллеристы; они пристрелялись к каждому направлению, отработали взаимодействие с пехотой, выложили на огневые позиции по два боевых комплекта боеприпасов.

Ещё и ещё раз проверил командарм И. Г. Захаркин надёжность оборонительной системы подчинённых ему войск. Личный состав армии хорошо усвоил задачу — стоять насмерть! — и это не было фразой, ибо высоким был дух патриотизма у каждого воина. Казалось, что если противник прорвёт боевые порядки 30-й армии, стоявшей впереди, то он тут же наткнётся на мощную оборону 49-й армии и дальше не пройдёт.

И вдруг приказ Ставки: 49-й армии сняться с занимаемых рубежей, погрузиться в вагоны и переместиться на Курское направление, где занять оборону на рубеже Харьков — Курск — Орёл. Многие из нас недоумевали: неужто следовало бросать столь хорошо подготовленный оборонительный рубеж на главном направлении? Не получится ли так, что мы снимемся с позиций, погрузим людей в вагоны, а в это время и будет нанесён удар значительно превосходящими силами по 30-й армии? В этом случае врагу открылся бы на десятки километров свободный путь.

Но вышло ещё хуже — 30 сентября и 2 октября гитлеровцы начали своё генеральное наступление на Москву. Нанеся поражение ослабленной трёхмесячными боями 30-й армии, они без труда прошли полосу, занимаемую ранее 49-й армией. Одновременно ими был нанесён авиационный удар по железнодорожной рокаде Ржев — Вязьма, где сосредоточилось несколько десятков железнодорожных эшелонов с техникой и войсками 49-й армии.

Вместо Курска командованию и штабу 49-й армии пришлось возглавить войска в районе Калуги; это были

разрозненные части и подразделения. Вскоре была сдана и Калуга. Наши войска, отходящие на восток, обходили этот город.

В тот момент мне было приказано командармом И. Г. Захаркиным отправиться в Калугу, чтобы лично выяснить, кто зажёл спичечную фабрику; она пылала огромными языками пламени, и пожар ещё усиливал панику. Явившись в горком и горисполком, я там никого не обнаружил. Телефонная связь продолжала действовать, но никто не отвечал на вызов.

На соседних с фабрикой улицах уже появились немецкие солдаты. Надо было уходить. Так мне и не удалось выяснить, по чьему распоряжению была подожжена спичечная фабрика в Калуге. Этот слишком преждевременный поджёл создал в войсках и среди населения уверенность, что город обречён на сдачу врагу. И такое настроение создано было как раз в то время, когда мы собирали силы, чтобы Калугу защищать...

Штаб армии с подразделениями обслуживания отходил на г. Алексин. К вечеру дороги размокли от проливного дождя. Транспорт «по брюхо» засел в грязи. Кому его не удавалось вытащить, тот продолжал путь пешком.

Вскоре сдали и Алексин, взорвав предварительно железнодорожный мост через Оку; однако примерно через месяц противник открыл по нему движение. Возникло сомнение — достаточно ли полно был взорван мост? Почему противник его так быстро восстановил?

Началось затяжное следствие. Офицеру-заградителю из службы ВОСО^[143] пришлось пережить немало неприятностей (если можно так деликатно выразиться). Впоследствии, когда снова был занят нашей армией Алексин и нам пришлось восстанавливать мост, теперь разрушенный уже немцами, всем стало ясно, что никакой ошибки офицер ВОСО при взрыве

моста не допустил. Но урок из опыта подрыва Алексинского моста через Оку нами был извлечён, мы его помнили, когда 49-я армия занимала оборону вокруг Серпухова и стоял на очереди вопрос, когда и как взрывать Серпуховской железнодорожный мост через Оку.

В середине октября противник располагался полукольцом в 6–7 км западнее Серпухова. Здесь у нас произошло любопытное эшелонирование штабов. В самом Серпухове находились все службы, подчинённые начальнику тыла армии. Начальник тыла армии со своим штабом был там же. Поскольку я был старшим начальником в войсках Серпуховского гарнизона, то командующий армией назначил меня начальником гарнизона. По положению я вошёл в состав городского Комитета обороны («наш маленький ГКО», как мы его шутя называли); председателем его был секретарь горкома партии Гусев, членом комитета — председатель горсовета Соколов.

Восточнее Серпухова, в деревне Бутурлино, т. е. в 15–18 км от противника, размещался штаб армии — первый эшелон его.

Чтобы иметь хоть небольшую, но вполне боеспособную воинскую часть, подчинённую городскому Комитету обороны, мы сформировали из рабочих серпуховских предприятий, а также за счёт ежедневно приходивших из окружения военнотружущих отряд численностью свыше 600 человек, прекрасно одетых, обутых и вооружённых. Этим наши труды по формированию, конечно, не ограничились. В Серпухов продолжали прибывать в одиночку и группами солдаты и офицеры, выходившие из окружения или отставшие от своих частей. Был учреждён сборный пункт, где этих людей принимали и обеспечивали всем необходимым. Для выходящих из окружения очень важно было простое человеческое внимание, не говоря уже о товарищеском

отношении к ним командования и политических органов. Вырвавшись из окружения товарищам у нас создавались максимально благоприятные условия (к сожалению, не везде так было). Благодаря этому 49-я армия получила довольно значительное пополнение людьми и техникой. Командарм был очень этим доволен.

Немаловажное значение имели в то время направлявшиеся в тыл, так сказать, «бесхозные» автомашины, да ещё с зенитными установками или ценным военным имуществом, которые мы брали в свой отряд. Отряд рабочих и солдат, подчинённый горкому партии, был оснащён зенитными средствами в два-три раза выше любой нормы.

Одной из важнейших обязанностей начальника тыла армии в то время была эвакуация промышленного оборудования на восток. Нельзя было упустить ни одного дня навигации по ещё не скованной льдом Оке. Ранние морозы угрожали ледоставом. День и ночь загружались баржи и отправлялись в сторону Горького. Какое только имущество не проследовало в этом направлении! В те дни прибыл в Серпухов один из заместителей наркома лёгкой промышленности. Его задачей было ускорить эвакуацию текстильных предприятий, сырья и др. Он видел, как много непосредственно военных дел у начальника тыла армии, когда обстановка на фронте так тревожна. И всё-таки он неотступно нажимал на меня, иногда припугивая, а иногда патетически заверяя меня в глубочайшем ко мне уважении, и обещал, что «наркомат и вся Москва никогда не забудут вас, вашу помощь и отблагодарят, как только кончится война».

Тыловики 49-й армии делали всё, чтобы спасти, что можно. Но главное сделали наши доблестные воины, которые не отдали Серпухов на поругание и разграбление врагу».

Как видно из этой обширной цитаты, обязанности у заместителя командующего армией по тылу были неограниченными. Кроме всего прочего, тыловики всегда работали под прицелом своих. К примеру, Антипенко головой отвечал за железнодорожный мост через Оку у Серпухова. В октябре, когда обстановка в зоне ответственности 49-й армии была особенно тяжёлой, когда в её составе после губительного вяземского маневра не осталось ни одного полноценного соединения, а давление противника не ослабевало, генерал Захаркин рассматривал в числе прочих и вариант оставления Серпухова. Вот тогда-то он и поручил своему надёжному и исполнительному заместителю по тылу мост через Оку. При этом предупредил, что взорвать его нужно в последний момент, когда свои войска пройдут и когда станет очевидным приближение противника. Напомнил командарм ему и майору Прохоренко, как бы между прочим, и Алексинский мост. Майора всё ещё таскали в Особый отдел и только крайняя нужда в специалистах и заступничество командарма спасали его от ареста.

Н. А. Антипенко: «Несколько раз вместе с майором Прохоренко из службы сообщений армии мы выезжали на мост, проверяли надёжность приготовлений к взрыву. К каждой балке были подвешены гирлянды шашек. Во всех опорах были вырыты метровые ниши, и в них заложена взрывчатка. Вся эта сложная схема была соединена проводами, и стоило лишь повернуть ручку прибора на несколько градусов, чтобы весь мост превратился в бесформенную грудку металла. В километре от моста в специальном укрытии находился сержант с «машинкой». От движения руки этого сержанта зависела судьба столь любимого нами сооружения. Навещая сапёров-мостовиков, я видел по лицу сержанта, что он понимает трагизм возложенной на него задачи.

Противник в течение нескольких недель вёл методический обстрел этого моста дальноточными орудиями, и лёд был испещрён множеством лунок от снарядов, пролетавших сквозь мостовые фермы, однако не было случая, чтобы снаряд попал в балку или в опору.

Наши войска, отстоявшие подмосковные рубежи, спасли мост не только от артиллерии врага, но и от наших разрушительных намерений. Проезжая по этому мосту в послевоенные годы, я всякий раз живо вспоминал то трудное время».

В октябре 1941 года противник правым крылом 4-й полевой армии упёрся в Серпуховской рубеж обороны 49-й армии. Возникла некоторая пауза. Немцы проводили перегруппировку и готовились к новому удару, чтобы овладеть районом Серпухова, городом, железнодорожной станцией и шоссе Симферополь — Москва. Если бы оборона 49-й армии в районе Серпухова рухнула, ударные части 4-й полевой армии ворвались бы в Москву через Лопасню и Подольск, и для этого им потребовалось бы не больше суток, потому что войск за спиной 49-й армии в октябре ещё не было. С падением Серпухова оказалась бы отрезанной и Тула, которая продолжала мужественно держаться. Сталин приказал генералу Захаркину: «При любых условиях Серпухов врагу не сдавать!» Захаркин со своим штабом выполнил приказ Верховного. Но всё же «гирлянды шашек» к мостовым узлам были подвешены...

В ноябре западнее Серпухова и в районе Высокиничей Ставка провела пробное наступление. В нём участвовали кавалерийский корпус, танковая дивизия, полки двух стрелковых дивизий и части усиления. Ноябрьское наступление Западного фронта удачи не принесло. Стороны разошлись на исходные позиции после нескольких суток кровавой бойни, в которой израсходовали свои скудные ресурсы и последние резервы.

Началось накопление сил перед новым ударом. В первую очередь нужно было обеспечить основную пробивную мощь — артиллерию. Но, как отмечал в своих воспоминаниях генерал Н. А. Антипенко, «основным способом накопления снарядов тогда была экономия их». Действовал приказ генерала Захаркина, разосланный во все батареи, о строжайшем запрещении вести огонь по малозначимым и плохо разведанным целям. Выстрелы огневым взводам и расчётам выдавались поштучно — по два-три на одно орудие в сутки.

Немцы это вскоре поняли и начали открыто и безнаказанно маневрировать перед фронтом наших дивизий.

«Однажды мне случилось быть в деревне, одну половину которой занимали немцы, а другую — наши, — вспоминал Н. А. Антипенко. — На краю деревни стояла полковая батарея. Её командир отдал мне рапорт и доложил о наблюдаемом передвижении противника группами на противоположном конце улицы. Я спросил, почему они не накроют их огнём?

— К сожалению, не имею права, — огорчённо доложил он. — Суточную норму мы уже израсходовали.

Я пообещал ему в виде исключения пополнить запасы снарядов (и даже с лихвой), если он не упустит благоприятного момента.

После нескольких метких выстрелов по видимой цели передвижение людей на стороне противника прекратилось, и воцарилась длительная тишина. Наши артиллеристы отвели душу.

В результате ежедневного подвоза боеприпасов с фронтовых складов и жёсткой экономии в расходовании их к 5 декабря 1941 г. армия накопила не менее двух боевых комплектов, т. е. по 160–200 снарядов на орудие. Этого было достаточно для артиллерийского обеспечения прорыва немецкой обороны».

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок 13 декабря, когда подмосковный фронт немцев уже трещал и расходился по швам, получил приказ: «Группа армий «Центр» должна, мобилизовав все доступные резервы, закрыть бреши к северу от Ливен и к западу от Тулы и держать линию Ливны — Дубна — Алексин.

4-я армия ни на шаг не отступает».

Заклинания Берлина на немецкую армию не подействовали.

Шестнадцатого декабря вслед за армиями правого крыла атаковала 49-я армия. Сапёры наморозили переправу через Оку в том месте, где противник не ожидал удара, в первый же день успешно перескочили на северо-западный берег и углубились в немецкую оборону, сбивая по пути гарнизоны опорных пунктов. Одновременно последовал удар из района Алексина и на Высокиничи. Генерал Захаркин атаковал сложно, одновременно с нескольких направлений.

«Трудно было тыловикам в осеннюю пору, когда казалось, что весь транспорт безвозвратно засел в грязи. Но не легче стало и зимой. Боец с личным и групповым стрелковым вооружением кое-как мог продвигаться вперёд, преследуя противника. Но как быть с крупной боевой техникой, с автотранспортом? Нельзя сказать, что те армии, которые имели в полосе своего наступления шоссейные дороги, находились в лучших условиях, нежели мы, наступавшие в менее благоприятной полосе. Всем было трудно. Везде надо было расчищать снег, прокладывая дороги по целине. Именно в это время мы научились строить дороги, напоминая снежные коридоры, протяжением до 100–150 км.

Для дорожников то было время суровых испытаний. Как показал опыт, им меньше всего приходилось считаться с ранее существовавшими дорогами; крайне разбитые в период осенней распутицы, они не вполне отвечали требованиям, предъявляемым к «снежной дороге». Удобнее были открытые поля, пусть даже перепаханные. На них свободнее можно было выбрать кратчайшее направление, легче применить дорожную технику».

Московское контрнаступление для армий фронтов, участвовавших в этой грандиозной операции, изменившей ход войны, стало той школой, к урокам которой войска возвращались до мая 1945 года.

Как только территория очищалась от противника, тыловики тут же организовывали дорожную службу: расчистку дорог, наведение мостов и переправ, на перекрёстках и перед населёнными пунктами появлялись указатели. Фронт уходил на запад, войска стремительно удалялись от своих баз, госпиталей, артиллерийских складов. Кроме того, приближалось время паводка. Низководные мосты, построенные зимой инженерными и дорожными частями, оказались под угрозой затопления и разрушения разливами рек.

Тыловые службы до вскрытия рек должны были построить высоководные мосты, чтобы в период весенней распутицы подвоз к войскам не прекращался. Но мало построить мост, его надо ещё и защитить от налётов немецкой авиации. Поэтому зенитчики занимали свои позиции сразу же, как только строители забивали первые сваи.

Важнейшей частью тыловых служб была эвакуация раненых с поля боя, оказанием им первой медицинской помощи, транспортировка в медсанбаты и госпитали. Очень скоро и армии, и фронты, и соединения почувствовали, что значит своевременная и квалифицированная медицинская помощь раненым на

поле боя и в ближнем тылу: в строй начали возвращаться те, кого вовремя вынесли из-под огня, а затем прооперировали опытные хирурги, за кем был организован в тылу в медицинских учреждениях хороший уход, обеспечено усиленное питание. В роты и батареи возвращались опытные, умелые бойцы, прекрасно владевшие своими воинскими профессиями, — пулемётчики, миномётчики, артиллеристы, сапёры, истребители танков, разведчики, связисты.

4

Летом 1942 года генерал Н. А. Антипенко получил новое назначение — заместителем командующего войсками Брянского фронта по тылу. На должность командующего прибыл генерал К. К. Рокоссовский, до этого командовавший 16-й армией. Это была первая встреча Антипенко с Рокоссовским. Н. А. Антипенко представился. Комфронта подал руку. Сказал, подойдя к карте:

— Мы попали в очень сложное положение. В 13-й армии большие потери, много раненых.

Антипенко доложил о состоянии тылов, подвоза. Рокоссовский внимательно выслушал его и снова сказал:

— Ещё раз прошу побеспокоиться о раненых 13-й армии.

«В тоне, каким это было сказано, — вспоминал Н. А. Антипенко, — не было ничего похожего на приказ, но я почувствовал серьёзную тревогу за 13-ю армию. По прибытии к себе в штаб я попросил начальника санитарного управления фронта генерала М. С. Ицкина^[144] подробно доложить мне о положении дел. По донесению начсанарма 13-й в деревне Барановке скопилось много раненых, и он просил помочь

эвакуировать их. По словам Ицкина, армия имеет достаточное число свободных госпиталей и санитарных машин, и ему непонятно, как могла образоваться «пробка» в Барановке. Я решил немедленно выехать с ним в Баранов-ку, находившуюся в 70–80 км от моего штаба.

Поучительная картина беспомощности и неорганизованности сразу же бросилась нам в глаза. На участке в 20–30 км вдоль линии фронта располагалось четыре госпиталя в 5–8 км один от другого, в затылок к медсанбатам. По схеме правильно. Но три госпиталя совершенно бездействовали, а четвёртый, в Барановке, принял свыше 2 тыс. раненых. «Принял» — это даже не то слово. Раненых не принимали, а просто разгружали по крестьянским дворам шофёры машин, идущих за боеприпасами на армейский склад у ближайшей железнодорожной станции. Была одна-единственная дорога от войск на армейский склад — она шла через Барановку. А так как санитарная эвакуация осуществлялась главным образом с помощью обратного порожняка, то водители транспортных машин, стремясь как можно быстрее доставить боеприпасы на фронт, не тратили времени на поиски госпиталей, укрытых в лесу, а считали более удобным воспользоваться ближайшим госпиталем. К тому же служба пикетирования была поставлена из рук вон плохо, никаких указательных знаков в сторону развёрнутых в тылу госпиталей мы не обнаружили».

Мемуары генерала Н. А. Антипенко чрезвычайно интересны. Во-первых, хорошо написаны. Во-вторых, в них содержится богатейший фактический материал, касающийся организации службы тыла, и одновременно все приведённые факты пропущены через тончайшие аналитические фильтры фронтовика, профессионала своего дела, практика первого уровня.

С задачами, которые ставили перед заместителем командующего Брянским фронтом война и генерал Рокоссовский, он справлялся успешно.

Наступила осень. Для тыловых служб — пора заготовок. В границы тыла фронта входили Орловская, Тульская, Рязанская, Пензенская и Тамбовская области. Антипенко встретился с руководителями этих областей, договорился о поставках, вскоре необходимое довольствие стало поступать на фронтовые склады. Штаб быстро сверстал план заготовок. В нём, в частности, было указано, сколько транспорта и когда необходимо выделить фронту на вывоз продовольствия и фуража для лошадей. Рокоссовский покачал головой и сказал:

— Трудно будет отвлечь с фронта такое количество машин, но это не катастрофа. Катастрофой будет, если зимой придётся голодать.

Во время заготовок в Орловской области обнаружилась ещё одна проблема: в выжженных деревнях и разбитых городах население поредело настолько, что некому было убирать урожай. Пришлось выделять часть личного состава на уборку и проведение осенне-полевых работ. Как вспоминал Н. А. Антипенко, фронт дал колхозам и совхозам «семенной материал, горючее, а там, где было возможно, и тракторы». Солдаты не только освобождали от противника города, деревни, поля, но и затем восстанавливали заводы, шахты, очищали от мин поля и распахивали их. «Народ и армия едины» — было не пустой фразой.

Осенью 1942 года генерала Н. А. Антипенко «догнал» орден Красного Знамени, к которому он был представлен ещё Военным советом Западного фронта по итогам московского контрнаступления. Боевая награда для начальника тыла в 1942 году была большой наградой и высочайшей оценкой его работы.

В конце сентября Рокоссовский отбыл в район Сталинграда. Там назревали большие события. И они вскоре произошли и принесли нашей армии величайшую победу.

5

Весной 1943 года генерала Н. А. Антипенко вновь назначили начальником тыла в войска, которым командовал К. К. Рокоссовский. Началась подготовка к битве на Курской дуге.

Н. А. Антипенко: «Данные разведки и анализ обстановки не оставляли сомнений в том, что назревает гигантское сражение на Курской дуге. В эти недели мне приходилось почти еженедельно бывать у командующего фронтом, у начальника штаба. Однажды (это было в середине мая) я поехал на КП с докладом. Приближаясь к деревне, я видел, как немецкий самолёт сделал на неё два или три захода. Когда же мы въехали в деревню, нам открылась страшная картина: домик Рокоссовского был полностью уничтожен, и на развалинах лежал раненый дежурный адъютант. Велика была наша радость, когда мы увидели Рокоссовского, идущего нам навстречу. Он ходил завтракать в столовую, в 100 м от своего домика, поэтому остался жив. Он немедленно захотел меня выслушать. Докладывая обстановку, я обратил внимание командующего на то, что противник совершенно безнаказанно производит налёты на железнодорожную линию Касторное — Курск и даже ночью уничтожает подвижной состав и паровозы. За два месяца противник сбросил на этот участок 4 тыс. бомб. К слову сказать, было известно, что за каждый подбитый паровоз немецкий лётчик получал Железный крест.

Командующий поставил перед зенитчиками задачу — отбить у немецких лётчиков желание совершать ночные налёты на наши поезда. Зенитчики успешно выполнили эту задачу. Любопытна была практика: паровоз ставили в середину поезда, составленного из платформ без всякого груза. На некоторых из них устанавливались зенитные орудия и пулемёты. Если обычно машинисты старались не допустить, чтобы искры из трубы демаскировали паровоз, то в данном случае, наоборот, они привлекали к себе внимание противника. После того, как десятка полтора самолётов рухнуло на землю, ночные налёты на поезда прекратились».

Битва на Курской дуге для наших войск складывалась не по классическим канонам. Если противник использовал шаблонный концентрированный удар танковыми клиньями с задачей отсечения курского выступа с последующим окружением советской группировки, то наши фронты, используя тактику преднамеренной обороны, решили встретить противника на заранее подготовленных позициях, эшелонированных в глубину на сотни километров, измотать его ударную группировку, а затем ударить резервами, перехватить инициативу, перейти в наступление. Такой план сражения предполагал особое построение тылов.

Н. А. Антипенко: «Изучая в послевоенное время документы, относящиеся к тылу Центрального и Воронежского фронтов на Курской дуге, я пришёл к выводу, что командование Воронежским фронтом обязывало начальника своего тыла организовать его по принципу, если так можно выразиться, классической обороны, т. е. в соответствии с теорией военного искусства глубоко эшелонировать силы и средства, отнести подальше в тылы склады, госпитали, ремонтные базы и пр.; эшелонирование допускалось на глубину 300–400 км. На Воронежском фронте это требование

теории было полностью соблюдено, и это гарантировало известную устойчивость тыла в случае глубокого вклинения противника. Но при такой организации тыл не мог обеспечить быстрый переход войск фронта в контрнаступление, неизбежна была длительная пауза для «подтягивания тылов». Так оно и случилось».

Генерал Н. А. Антипенко предложил своему командующему другой вариант размещения тылов и взаимодействия их с войсками 1-го и 2-го эшелонов. И Рокоссовский, выслушав своего заместителя и офицеров штаба, согласился с новой концепцией расстановки сил и средств. Ещё перед началом сражения стало очевидным, что оборонительные бои будут непродолжительными, что противник будет остановлен, что он быстро исчерпает свои силы. Исходя из этого, тылы решили размещать по варианту наступательному. Хотя наиболее «тяжёлые» элементы фронтового тыла — ремонтные заводы, нетранспортабельные эвакогоспитали, мукомольно-крупяные перерабатывающие предприятия и другие громоздкие производства и учреждения — решили отнести подальше от театра военных действий, в особенности на направлениях возможного вклинения противника в нашу оборону. Более же мобильные полевые подвижные госпитали, а также склады боеприпасов, горючего, продовольствия и других материальных средств сосредоточивались как можно ближе к войскам.

На заседании Военного совета фронта сразу же возник тревожный вопрос: а что будет, если противник всё же прорвёт оборону фронта и захватит Курск, выйдет на тылы?

— Не войска для тыла, а тыл для войск, — пресёк сомнения командующий. — Задача тыла — максимально обеспечить устойчивость нашей обороны. Если тыл начнёт заботиться о своей безопасности, в первую очередь пострадает устойчивость обороны.

Тыловики в дни подготовки к битве трудились как муравьи. Снаряды и боеприпасы для стрелкового оружия подвозили непосредственно к передовой. И если раньше на артиллерийские огневые позиции выкладывали полтора-два боекомплекта выстрелов, то теперь — по три-четыре, а для некоторых калибров до пяти. Особенно «нагружали» артиллерию на танкоопасных направлениях. «Наша пехота, — вспоминал Н. А. Антипенко, — была готова стоять насмерть, но пехота знает, что самоотверженность и отвага приводят к успеху в том случае, если артиллерия, «бог войны», безотказно её поддерживает, т. е. когда, кроме высокого духа, войска имеют в достаточном количестве боеприпасы. Поэтому и выложили мы на огневые позиции столь значительное количество снарядов. Если бы мы оставили половину их на фронтовых складах в расчёте на подачу в войска автотранспортом в ходе оборонительного сражения, мы не успевали бы их подвозить в короткий срок, а голод на боеприпасы не мог бы не отразиться на устойчивости обороны в целом.

Отрицательно сказался бы на оборонительном сражении, особенно в период нанесения контрудара и перехода в наступление, недостаток горючего и продовольствия, неизбежный, если бы мы не разместили максимум того и другого в непосредственной близости к войскам».

Как известно, удар под основание курского выступа противник наносил из двух направлений: с севера — по обороне Центрального фронта, и с юга — по боевым порядкам Воронежского фронта. Рокоссовский на северном участке не позволил немцам вклиниться в оборону своих войск глубже десяти километров. Да и ширина вклинения была небольшой — до десяти километров. На южном, у Ватутина, прорыв пришлось латать уже в ходе первого, оборонительного этапа сражения резервами Степного фронта, стоявшего в

затылок Воронежскому. Здесь немецкие танки продвинулись до 40 километров, что по существу означало прорыв уже не тактического, а оперативного характера.

Николай Александрович Архипенко во время работы над мемуарами провёл своего рода аналитическое исследование причин временных неудач соседнего левофлангового фронта. «Противник нанёс с юга сильнейший удар по войскам Воронежского фронта, направив главные силы на 6-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта И. М. Чистякова^[145], занимавшую чрезмерно широкую полосу обороны. За четыре дня немцы продвинулись здесь на 30–40 км. Лишь благодаря своевременной помощи силами Степного фронта — Резерва Главного Командования — удалось выправить опасное положение.

Причиной такого глубокого вклинения наши историки считают неправильную оценку командованием Воронежского фронта намерений противника, чрезмерное рассредоточение своих сил на фронте в 164 км, нарезку недопустимо широкой полосы обороны для 6-й гвардейской армии, на которую был нацелен главный удар противника.

Мне хотелось бы дополнить рассмотрение этого вопроса с точки зрения расхода боеприпасов, чтобы яснее стало, какую артиллерийскую поддержку получили в этом сражении войска Центрального и Воронежского фронтов.

По количеству стволов и по весу боевого комплекта оба фронта находились в более или менее одинаковых условиях; вес одного боевого комплекта каждого фронта составлял около 20 тыс. т. На огневые позиции артиллерии 13-й армии Центрального фронта и 6-й гвардейской армии Воронежского фронта было выложено от четырёх до пяти боекомплектов.

Сколько же снарядов было расстреляно в ходе оборонительного сражения с 5 по 12 июля? Иначе говоря, сколько огня и металла обрушилось на голову противника? Ведь от этого в огромной мере зависела устойчивость нашей пехоты, против которой шла невиданная за всю войну армада танков и самоходных орудий и действовала многочисленная артиллерия.

Об интенсивности огня нашей артиллерии можно судить по таким данным: за период с 5 по 2 июля 1943 г. было израсходовано боеприпасов Центральным фронтом 1079 вагонов, а Воронежским — 417 вагонов, почти в два раза меньше».

Далее в своих расчётах Антипенко приводит сравнительную таблицу расхода боеприпасов, из которой видно, что Центральный фронт почти в семь раз больше израсходовал зенитных снарядов (37-мм и 85-мм), в полтора раза больше 76-мм снарядов для дивизионных пушек, которые вели огонь по бронетехнике противника (артиллерия Центрального фронта выпустила по танкам, самоходкам, бронетранспортёрам и другим целям 274 600 снарядов), в пять-семь раз больше гаубичных 122-мм и 152-мм снарядов.

«Эти данные показывают разницу в интенсивности артиллерийского огня, — писал генерал спустя годы после битвы, перечитывая и сопоставляя документы военной поры. — Отсюда напрашивается вывод о несоответствии группировки артиллерии Воронежского фронта характеру оперативной обстановки. Вернее сказать, группировка артиллерии была обусловлена неправильным оперативным построением в обороне войск в целом.

Меньше всего оснований предполагать, что не хватало боеприпасов, так как 6-я армия оставила противнику свой склад с боеприпасами, которые остались нетронутыми и после изгнания оттуда немцев.

13-я армия^[146] Центрального фронта израсходовала за этот же период свыше четырёх боевых комплектов. Такого большого расхода за столь короткий срок не было ни в одной армейской оборонительной операции не только в годы Великой Отечественной войны, но в истории войн вообще. Это стало возможным потому, что заблаговременно было завезено на огневые позиции такое количество боеприпасов, какого хватило и для отражения атак противника, и для обеспечения контрудара. Подвозились боеприпасы до огневых позиций как по железной дороге (в район станции Поныри), так и автотранспортом».

Отбив атаки противника 9-й полевой и 2-й танковой армий немцев, Рокоссовский повёл свои войска в наступление. Орёл — Конопот — Бахмач — Нежин, затем Гомель — Жлобин. 20 октября 1943 года Центральный фронт был переименован в Белорусский.

К тому времени и Ставка, и штабы фронтов, армий работали великолепно. Штабная мысль Красной армии в совокупности с твёрдой волей полководцев и их искусством управления войсками обогнали немецкие штабы, их генералов и фельдмаршалов. Гибкости управления способствовало и то, что Верховный главнокомандующий всё больше инициативы отдавал на места — в штабы фронтов, армий, корпусов. Хотя и продолжал рассылать представителей Ставки.

Но одну ошибку, уже непоправимую, Ставка и Верховный главнокомандующий в то время всё же совершили. Наименование фронтов! Время показало: напрасно Ставка переименовывала фронты; пускай бы так и шли до Берлина, до Вены, до Праги и Восточной Пруссии — Центральный, Северо-Западный, Ленинградский, Степной, Юго-Западный... Или — 1-й Русский, 2-й Русский, 3-й Русский и так далее.

Войска Белорусского фронта подошли к Днепру.

Сердце генерала Н. А. Антипенко затрепетало. «Мы снова на Днепре! — вспоминал он, снова и снова переживая те яркие эмоции, которые подарила ему война периода наступления Красной армии на всех фронтах. — Был конец сентября, серый пасмурный день, моросил дождь, и от выстрелов нашей артиллерии стоял грохот, усиливаемый разрывами немецких бомб. Но как радостно и тревожно было вновь после долгой разлуки увидеть родную реку!

Глядя на Днепр, я вспомнил и о своём родном селе, расположенном недалеко от Днепра в Запорожской области. Что пережили мои дорогие земляки?

Позже я узнал, что село моё было разрушено фашистами, из 300 домов уцелело 5. Только печные трубы торчали среди развалин и пепелищ. Расстреляны были многие из жителей села, не успевшие эвакуироваться. Среди них братья Щусь — Николай и Поликарп. Они были самыми активными участниками партизанского движения области. Обоих я хорошо знал до войны. Моя сестра Антонина Александровна была женой Поликарпа Щуся. После ареста мужа немцы её тоже арестовали. О своих мучениях при аресте и допросах она смогла рассказать мне, лишь пройдя длительный курс психиатрического лечения: почти три года она непрерывно плакала. Фашисты пытали её, дважды выводили за деревню, ставили над оврагом и имитировали расстрел, потом бросали в пустой амбар, где на неё напали крысы, и она едва успевала отбрасывать их руками от лица, от груди. Было от чего сойти с ума. А на допросах она молчала...»

Летом 1944 года войска четырёх советских фронтов сокрушили оборону немцев в Белоруссии. Первую

скрипку в этом мощном оркестре сыграли армии и соединения 1-го Белорусского фронта. В этой масштабной операции тыл воюющих армий, которые после прорыва обороны противника двумя потоками устремились вперёд, к польской границе, снова сыграли значительную, а на некоторых участках буквально решающую роль. Статистика такова: за время операции «Багратион» войска Белорусского фронта израсходовали 400 000 тонн боеприпасов, около 300 000 тонн горюче-смазочных материалов, свыше 500 000 тонн продовольствия и фуража. А ещё потребовалось огромное количество различных строительных материалов для восстановления мостов, железных дорог и инфраструктуры шоссейных дорог.

Как видно из вышеприведённых цифр, первую строчку занимает продовольствие: солдата надо хорошо и регулярно кормить. По словам Антипенко: «В продовольственном снабжении планирование простое: одна сутодача в день — ни больше, ни меньше. Отклонения если и были, то не в сторону уменьшения, а в сторону повышенной нормы питания для солдат. Ещё накануне наступления начальник продовольственного управления фронта распорядился выдать каждому бойцу сверх нормы сухой паёк, в состав которого входили 300–400 г отварного мяса, кусок сала, сахар, бутерброд с маслом и др. Таких индивидуальных пайков было выдано 300 тыс.

В ходе операции, как известно, войска несут потери. Подсчёт их всегда отстаёт, вернее, отчётность приходит со значительным опозданием. Людей стало меньше, иногда даже вдвое, втрое, а вышестоящая инстанция продолжает выписывать продукты на первоначальную численность личного состава. Солдат в ходе наступления получал поэтому неограниченное количество пищи. Правда, не всегда можно было подавать горячую пищу в передовые части.

С водкой же дело обстояло так: выдавалась она обычно для того, чтобы человек мог согреться, находясь в окопе, и чтобы повысить аппетит; но во время наступления каждому доставалось вместо обычных 100 г, как правило, значительно больше.

В ходе войны не раз вставал вопрос: когда лучше выдать солдату водку, перед атакой или после неё? Некоторые считали, что водку лучше всего выдавать перед поднятием людей в атаку, чтобы было больше смелости и порыва. Но мнения по этому вопросу расходились. Большинство командиров соединений и частей пришли к выводу, что водка перед атакой далеко не всегда действует возбуждающе, чаще — угнетающе и даже вызывает сонливость. Поэтому в большинстве случаев выдача водки приурочивалась к концу боя, перед ужином, но тогда водки доставалось на человека зачастую больше нормы, и боец чересчур крепко спал.

В общем, каждый командир решал этот вопрос по-своему.

С продовольственным питанием войск во время Белорусской операции затруднений, можно сказать, не было.

В обеспечении войск боеприпасами перебои наступили уже на седьмой день наступления из-за неравномерности подвоза, и не потому, что не хватало автомобильного транспорта (его не хватало на протяжении всей войны), а потому, что здесь были особые условия подвоза. Откуда вывозить? По каким дорогам? Одно дело — брать с фронтовых складов, расположенных у хороших дорог и обеспеченных хотя бы и примитивными, но всё же механическими средствами погрузки (рольганги и т. п.). Другое дело — собирать боеприпасы в лесу, в труднодоступных местах, где прежде находились огневые позиции артиллерии, и везти по бездорожью. Приходилось искать боеприпасы в белорусских лесах, и это оказалось нелёгкой задачей».

Что и говорить, война, если смотреть на неё из тыла, ближнего и дальнего, видится несколько иной, а именно — более сложной. Зато ясней ответы на некоторые, даже застарелые и весьма непростые вопросы. К примеру, остановка войск 1-го Белорусского фронта перед восставшей Варшавой. Историки спорят до сих пор, что это было: невозможность с ходу атаковать хорошо укреплённый город-крепость ослабленными в предыдущих боях частями, которые нуждались в отдыхе и пополнении, или маршал Рокоссовский действительно намеренно остановил наступление, выполняя некий злокозненный приказ Сталина? Сам Рокоссовский в своей книге «Солдатский долг» об этой истории написал следующее: «2 августа наши разведывательные органы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание против немецко-фашистских оккупантов. Это известие сильно нас встревожило. Штаб фронта немедленно занялся сбором сведений и уточнением масштаба восстания и его характера. Всё произошло настолько неожиданно, что мы терялись в догадках и вначале думали: не немцы ли распространяют эти слухи, а если так, то с какой целью? Ведь, откровенного говоря, самым неудачным временем для начала восстания было именно то, в какое оно началось. Как будто руководители восстания нарочно выбрали время, чтобы потерпеть поражение... Вот такие мысли невольно лезли в голову. В это время 48-я и 65-я армии вели бои в ста с лишним километрах восточнее и северо-восточнее Варшавы (наше правое крыло было ослаблено уходом в резерв Ставки двух армий, а предстояло ещё, разгромив сильного противника, выйти к Нареву и овладеть плацдармами на его западном берегу). 70-я армия только что овладела Брестом и очищала район от остатков окружённых там немецких войск. 47-я армия вела бои в районе Седльце фронтом на север. 2-я танковая армия, ввязавшись в бой на подступах к Праге

(предместье Варшавы на восточном берегу Вислы), отражала контратаки танковых соединений противника. 1-я польская армия, 8-я гвардейская и 69-я форсировали Вислу южнее Варшавы у Магнушева и Пулав, захватили и стали расширять плацдармы на её западном берегу — в этом состояла основная задача войск левого крыла, они могли и обязаны были её выполнить.

Вот таким было положение войск нашего фронта в момент, когда в столице Польши вспыхнуло восстание.

В своё время в западной печати нашлись злопыхатели, пытавшиеся обвинить войска 1-го Белорусского фронта, конечно и меня как командующего, в том, что мы якобы сознательно не поддержали варшавских повстанцев, обрекли их этим на гибель.

По своей глубине Белорусская операция не имеет себе равных. На правом крыле 1-го Белорусского фронта советские войска продвинулись более чем на 600 километров. Это стоило многих сил и крови. Чтобы захватить Варшаву с её мощными укреплениями и многочисленным вражеским гарнизоном, требовалось время на пополнение и подготовку войск, подтягивание тылов. Но в те дни мы пошли бы на всё, чтобы поддержать восставших, объединить с ними наши усилия.

Но те, кто толкнул варшавян на восстание, не думали о соединении с приближающимися войсками Советского Союза и польской армии. Они боялись этого. Они думали о другом — захватить в столице власть до прихода в Варшаву советских войск. Так приказывали господа из Лондона.

В своём могучем движении на запад, сметая все преграды на пути, войска нашего фронта перевыполнили свою задачу, захватив плацдармы для подготовки новой операции. Но, чтобы начать её, требовалось время.

Да, Варшава была рядом — мы вели тяжёлые бои на подступах к [предместью Варшавы] Праге. Но каждый шаг давался с огромным трудом».

Это — слова великого полководца и честного солдата. Не верить им ни у нас, ни у кого бы то ни было нет ни малейших оснований. В последние годы в связи с изменившейся политической ситуацией историки на содержании много энергии, бумаги и телевизионного эфира потратили на доказательство того, что якобы Красная армия намеренно была остановлена перед Варшавой, чтобы немецкий гарнизон смог без помех расправиться с восставшими. Вступить в дискуссию формат этого очерка не позволяет. Однако, во-первых, должен заметить, что поляки не рассчитали своих сил и в итоге руководители восстания сдали польских патриотов карателям из СС. Во-вторых, не выходя за рамки нашей темы, предоставим слово генералу Н. А. Антипенко. Не имея в виду этот давний спор, он с профессиональной точки зрения доказал невозможность дальнейшего наступления войск 1-го Белорусского фронта.

«При планировании своей работы тыл фронта исходил из директив Ставки относительно глубины и длительности операций, — писал Н. А. Антипенко. — По директиве Ставки 1-му Белорусскому фронту, например, глубина задачи определялась взятием Бобруйска и выходом в северо-западном направлении всего на глубину 140 км с продолжительностью операции 10-13 суток; далее — «в зависимости от обстановки». Для фронтового звена тыла обеспечение войск в операции глубиной 150-200 км не составляло каких-либо трудностей. Однако такое малое по глубине ориентирование служб тыла объективно вело к ослаблению усилий этих служб, ограничивало перспективы, снижало готовность к маневру. При более

глубоком планировании по-иному строились бы планы тылового обеспечения и меньше было бы просчётов.

Отрицательно влияла на планирование тылового обеспечения в 1944 г. неполная и несвоевременная осведомлённость руководящих лиц фронтового и армейского тыла относительно замысла операции. Начальника тыла не всегда приглашали на оперативные совещания, где уточнялись задачи и отработывалось взаимодействие. В результате неглубокого планирования Белорусской операции *создалось совершенно неудовлетворительное положение с горючим* [курсив мой. — С. М.]. Его хватило лишь на 8-10 дней наступления, на глубину 200 км, т. е. на запланированную глубину операции. С формальной стороны всё обстояло благополучно, и начальник тыла фронта не имел основания требовать от центра более высокой обеспеченности; но потому-то спустя 10-12 дней после начала наступления фронт стал испытывать истинный голод в горючем. Правда, вся страна в то время испытывала в нём большую нужду.

Командование хорошо понимало обстановку, и поэтому у нас была развёрнута ещё до начала наступления жесточайшая борьба за экономию горючего. Значительная часть автомашин была поставлена на прикол, «на консервацию». Категорически запрещалось использование грузовых машин вместо легковых. Немалое значение имели регулировка моторов, недопущение «холостых» пробегов, инструктирование водителей, обучение их лучшему управлению машиной.

Но самым эффективным способом экономии горючего было быстрее восстановление железных дорог фронта. Опытным путём мы установили, что каждые 100 км восстановленных железных дорог в сторону войск сокращают расход горючего на тысячу тонн. Поэтому командование фронта не скупилось на

оказание всесторонней помощи материалами, людьми и автотранспортом железнодорожным восстановительным войскам^[147].

Обеспечению фронтов горючим мешал несвоевременный возврат в тыл наливного подвижного состава^[148]. Мы это прекрасно понимали, но вынуждены были задерживать цистерны на фронте, превращая их как бы в «передвижные склады на колёсах». За это я получил однажды выговор в телеграмме начальника тыла Красной армии А. В. Хрулёва.

— Я вас отлично понимаю, Николай Александрович, у вас другого выхода не было, но я не могу не реагировать, на меня жмут, — пояснил мне по телефону Андрей Васильевич.

А задержка на сутки или двое происходила оттого, что мы ожидали открытия движения поездов на головном железнодорожном участке. Пропуская наличной поезд на 100–150 км ближе к войскам, мы сэкономили не менее 1000–1500 т бензина. Вот и думаешь каждый раз: сливать ли бензин за 300 км от войск, чтобы быстрее возвратить цистерны, или подождать день-два, пока восстановят железную дорогу, и сократить таким образом пробег автоцистерн на 100–150 км. Обычно избираешь второй путь, хоть за ним неизбежно следует «вздрючка»^[149].

В ходе Белорусской операции снабжение горючим было порой настолько плохим, что приходилось выдавать армиям микродозами — по 30–40 т при потребности в 300–400 т. Не число автомашин, а количество горючего было причиной перебоев в подаче войскам боеприпасов и другого боевого имущества. По той же причине в ряде случаев снижалась боевая активность танковых и артиллерийских частей^[150]. Например, 27 июля 1944 г. значительная часть артиллерии 28-й армии отстала, потому что не было

горючего^[151]. *3-й танковый корпус 2-й танковой армии не мог вести активных боевых действий под Варшавой, так как не имел дизельного топлива, и вся танковая армия фактически перешла к обороне на подступах к Варшаве* [курсив мой. — С. М.].

29 июля 1944 г. 6-я воздушная армия, имевшая в своём составе 1400 самолётов и превосходившая противника в два-три раза, произвела всего лишь 95 самолёто-вылетов, а 30 июля — 232 самолёто-вылета.

Со стороны центра принимались энергичные меры к тому, чтобы пополнить запасы горючего на фронтовых складах. С разрешения начальника тыла Красной армии начальник ОСГ 1-го Белорусского фронта полковник Н. И. Ложкин сформировал 20 фронтовых железнодорожных «вертушек» на 1000 т горючего каждая. Смысл этого мероприятия состоял в том, что поезд цистерн закреплялся за нашим фронтом, во главе его стоял офицер службы ГСМ фронта, который сопровождал поезд до Баку или Грозного, там принимал меры к быстрейшему наполнению его горючим, а затем в пути всеми правдами и неправдами «проталкивал» вверенный ему поезд. Доставив его до фронтового склада ГСМ, офицер быстро сливал горючее и снова отправлялся в Баку или Грозный».

В ходе Белорусской наступательной операции только моторы 1-го Белорусского фронта поглотили более 100 000 тонн горючего. Размышляя о действиях своего фронта в ходе операции «Багратион», Антипенко заметил: «Начальник тыла всегда за всё в ответе. Его сила — в умении сохранить резервы до самого конца операции».

Как известно, кризисные ситуации в период наступления возникают на финальной стадии марша, когда войска уже не просто устали, а выдохлись, израсходовали свой наступательный ресурс, и материальный, и моральный. Противник это знает и

старается именно в этот момент мощной контратакой, заблаговременно накопив достаточное количество сил, восстановить утраченные позиции. История боёв 1-го Белорусского фронта сохранила эпизоды, когда командующий и его штаб не сразу давали добро на захват плацдарма на исходе наступления. Плацдарм был нужен. Очень даже нужен. Для обеспечения нового рывка вперёд. Но одно дело его захватить. С ходу перемахнуть водную преграду, иногда по мосту, который впопыхах не успел взорвать или сжечь противник. Но потом начиналось главное — плацдарм надо было удерживать и по возможности расширять. Однако именно в это время приходил в себя противник и предпринимал, как говорят штабные, ряд мер к ликвидации плацдарма.

Одиннадцатого июля 1944 года, когда войска уже добивали остатки боеприпасов, а танки наступавших частей дожигали последнюю заправку горючего, 65-я армия генерала П. И. Батова своими авангардами подошла к реке Шаре.

Маршал Рокоссовский выслушал доклад командарма и спросил:

— Что не веселы, Павел Иванович?

— Вот какое дело, Константин Константинович. Перепрыгнуть-то через Шару я перепрыгну. Но как удержать плацдарм, ума не приложу. Артиллерия без снарядов, танки без солярки, в ротках последние гранаты раздали. Спихнут они меня в реку...

— Сколько вам нужно грузов и каких, чтобы захватить плацдарм за Шарой и прочно удерживать его?

Генерал Батов тут же назвал заранее заготовленные цифры.

— Хорошо. Сейчас выезжаю к вам. От вас по телефону переговорю с Антипенко. Пока за Шару не суйтесь.

С КП Батова Рокоссовский позвонил своему заместителю по тылу:

— Николай Александрович, можем ли мы в самое ближайшее время подать Батову пятьсот тонн боеприпасов?

Генерал Н. А. Антипенко молчал. Только когда маршал переспросил, он произнёс:

— Да, слушаю.

— От этого зависит судьба всей операции. Не требую от вас немедленного ответа, чтобы не получить опрометчивый ответ. Подумайте. На подсчёты вам даю два часа. Если нет такой возможности, так прямо и скажите. Я задержу дальнейшее продвижение войск.

Антипенко со своими офицерами тут же кинулись «снимать остатки». Оказалось, снаряды есть, патроны и гранаты — тоже. Если горючее перенаправить в 65-ю, то и его хватит. Переговорили с командирами автомобильных полков. Выехали в расположение, выступили перед водительским составом: «Все, кто не выпадет из графика, будут представлены к правительственным наградам».

Забегая вперёд, скажу, что, согласно документам, пробег машин в сутки в некоторых подразделениях достигал 430–470 километров. На выполнение задачи шофёрам потребовалось 47 часов. Порой из-за нехватки грузчиков водители сами загружали кузова своих машин. Награды получили все.

Генерал Н. А. Антипенко через два часа позвонил маршалу:

— Боеприпасы в наличии есть. Транспорт подготовлен. Готовы приступить в ближайший час.

Тыл выполнил приказ маршала. А вслед за ним и войска генерала Батова форсировали Шару и захватили на немецком берегу плацдарм, который в дальнейшем сыграл роль трамплина для прыжка вперёд.

Наступление, как известно, это вдобавок ко всему ещё и трофеи.

Войска захватывали города, деревни, промышленные районы, станции. В некоторых из них располагались склады, забитые продовольствием, различным имуществом, на станциях стояли вагоны с боеприпасами, лошадьми, вооружением и воинским снаряжением. Многие из захваченного можно было тут же пускать в дело. Но прежде всё это необходимо было поставить на учёт. И это тоже была забота одной из тыловых служб.

Н. А. Антипенко: «По прежнему опыту мы знали, что противник при отступлении ничего «приличного» нам не оставляет; приведённые в негодность, облитые бензином и подожжённые автомашины, артиллерия и танки никого не привлекали, кроме представителей трофейной службы. Иное положение сложилось во время Белорусской операции. Видимо, противник не ожидал того, что наши войска так стремительно выйдут ему в тыл и захватят крупные склады с продовольствием и разным другим имуществом. А случилось именно так: в районе Осиповичей нашими передовыми частями были захвачены в полной пригодности тысячи тонн муки, крупы, сахара, миллионы банок сгущенного молока, консервов. Поскольку трофейная служба охраны у складов не выставила, а все двери были открыты, то любая воинская часть, проходя мимо, считала нужным пополнить свои запасы. С большим опозданием удалось навести порядок и учесть оставшееся имущество».

Урок тыловики усвоили, впредь перед наступлением знакомились с разведданными, изучали экономику районов, в которые вступали войска фронта, чтобы

наперёд знать хотя бы предположительно, какие трофеи возможны впереди.

Кроме того, трофейные команды с помощью местного населения собирали на местах боёв оружие, снаряжение, стреляные медные гильзы. Гильзы шли на переплавку как особо ценное сырьё для военной промышленности.

Когда советские войска очистили от немецких войск районы Западной Украины и Западной Белоруссии и началось вооружённое противодействие со стороны националистических групп и формирований различного толка, на тыловые службы легла обязанность охраны тыла, коммуникаций, объектов инфраструктуры. Повсеместно организовывались комендатуры. Советская власть нуждалась, кроме хозяйственной, в мощной и конкретной военной поддержке.

8

Начался заграничный поход Красной армии. Войска 1-го Белорусского фронта вступили на территорию Польши. У тыловиков сразу появились новые проблемы. Заготовки, расквартирование, захоронение убитых, транспортировка грузов, размещение госпиталей, складов с боеприпасами и продовольствием. Всё это предстояло делать на чужой земле, населенной другим народом, у которого свои обычаи, образ жизни, другая вера, другой политический и социальный строй. Личному составу перед вступлением в Польшу внушили, что они входят в дружественную страну как освободители, а поэтому должны вести себя соответственно, «не роняя высокого звания воина Красной армии».

Поляки же в большинстве своём видели в красноармейцах тех, с кем воевали двадцать с лишним лет назад. Впрочем, постепенно отношения стали

налаживаться. Появились общие интересы, взаимовыгодные контакты, польское население стало активнее идти на сотрудничество с Красной армией и её тыловыми организациями. Воюющие части прошли Польшу и были уже на Одере, а их тылы остались. К счастью, новое правительство Польши в августе 1944 года приняло ряд важнейших законов об обязательных государственных военных поставках. У крестьян появился твёрдый заработок, а у Войска Польского и Красной армии — хлеб, мясо, овощи, фрукты.

За годы войны польский народ понёс колоссальные потери. Если США потеряли 0,2 процента своего населения, Англия — 0,8, Германия — 10, СССР — 14,2, то Польша потеряла около 18 процентов населения — немногим больше шести миллионов человек. Какое-то количество поляков воевало в рядах вермахта, поэтому потери шли одновременно с двух сторон. А если прибавить к этому непокорную Армию Крайову, которая вначале воевала в немецком тылу, а потом в тылу наступающей Красной армии, то надо признать, что храбрые и воинственные поляки в годы Второй мировой войны смогли создать целых три фронта. И гибли на всех трёх.

Красная армия, с боями отбросив немцев за Одер, тут же приступила к восстановлению железных и шоссейных дорог, мостов, депо, подвижного состава. После войны эта инфраструктура была целиком передана полякам. Верховный главнокомандующий приказал передать из парка 1-го Белорусского фронта 500 грузовых машин и несколько сотен тонн горючего в распоряжение польского правительства. Как впоследствии признавался генерал Н. А. Антипенко, «это было нам тогда нелегко сделать». Ещё бы, транспорта всегда не хватало. Приходилось экономить, при любой возможности старались заменить автомобильные перевозки железнодорожными. А ведь отдали лучшие

машины, новые или недавно поступившие. Убыль автомобильного транспорта заставила более энергично восстанавливать железнодорожные перегоны, строить новые ветки в объезд крупных городов.

В этот же период поступила просьба Польского комитета национального освобождения правительству СССР о предоставлении формируемому на основе 1-й и 2-й польских армий трёхсоттысячному Войску Польскому тяжёлого и лёгкого стрелкового вооружения. Кроме того, поляков нужно было одеть и обуть, вооружить, укомплектовать части создаваемого войска офицерами, специалистами, инструкторами, которых среди добровольцев не было крайне мало. Склады 1-го Белорусского фронта, в том числе вещевого, были буквально выметены подчистую.

Вот почему солдаты маршала Г. К. Жукова входили в Германию в ободренных гимнастёрках и залатанных шинелях, в изношенных до крайней степени сапогах и ботинках. Как вспоминали фронтовики, некоторые до апреля 1945 года шли в валенках, и им выдали сапоги только перед штурмом Берлина. Так что в буквальном, не метафорическом, смысле русский солдат отдавал освобождённому брату последнюю рубаху.

Висло-Одерская операция потребовала от тыла 1-го Белорусского фронта невероятных усилий. К этому времени все железные дороги до Вислы были перешиты на «союзную колею», дальше шла европейская. Это, несомненно, создавало целый ряд трудностей: перегрузка, замена колёс, в итоге — потеря времени. Командующие фронтами, исходя из военной целесообразности, настаивали на перешивке европейской колеи на союзную, но ГКО и И. В. Сталин, уже с перспективой на послевоенный мир, исходя из интересов Польши и польского народа, отдали войскам приказ восстанавливать старые польские железные

дороги и строить железнодорожные мосты по европейскому стандарту.

Наблюдая за тем, как аккуратно и трепетно советские власти относятся ко всему польскому, ко всему, связанному с политической, экономической и социальной жизнью Польши, в войсках шутили, перефразируя известный лозунг тыла: всё для Польши, всё для Победы...

В ноябре 1944 года прибыл новый командующий фронтом — маршал Г. К. Жуков. Н. А. Антипенко вспоминал: «Проводы Рокоссовского на 2-й Белорусский фронт, командующим которого он был назначен, совпали с Днём артиллерии — 19 ноября 1944 г. мы впервые отмечали этот день. В г. Бяла-Подляска собрался весь руководящий состав штаба и управлений 1-го Белорусского фронта.

В тот же день пронёсся слух, что вместе с Рокоссовским переводятся на тот же фронт и все его заместители. Но приехавший к нам на фронт Г. К. Жуков объявил, что И. В. Сталин запретил какие бы то ни было переводы и все должны оставаться на своих местах.

Не скрою, многие из нас были опечалены. Меня беспокоило, будет ли новый командующий так же внимателен к работе тыла? Будет ли он учитывать особые трудности в работе тыла? Ведь тыл — это такое поприще, на котором ты всегда можешь «погореть», если не будешь иметь поддержки у командующего. О Жукове притом же говорили как о человеке с жёстким характером и крутым нравом...»

Первое, что Жуков сделал в налаживании отношений с тылом, взял генерала Н. А. Антипенко с собой в Москву на доклад Верховному главнокомандующему. Жуков представлял план предстоящей Висло-Одерской операции. Работе тыла в новой операции отводилась большая роль. И в дороге, и в Москве командующий фронтом и его заместитель по тылу продолжали

работать над планом, увязывали некоторые детали предстоящего наступления.

В ноябре — декабре 1944 года тыловые службы 1-го Белорусского фронта приняли около восьми тысяч вагонов с боеприпасами для артиллерии, миномётов, авиации, а также личного стрелкового оружия пехотных частей. Три с половиной тысячи вагонов были тут же перегружены на автотранспорт и боеприпасы доставлены в войска, в основном на Магнушевский и Пулавский плацдармы. Артиллерийские снаряды и мины для миномётов выложили непосредственно на позициях, солдатам роздали патроны и гранаты. Одновременно тылы приняли 6000 железнодорожных цистерн с горючим. Но самые большие объёмы были связаны с продовольственной частью. Ежедневно фронт потреблял около 5000 тонн фуража, 1150 тонн хлеба, 220 тонн круп, 220 тонн мяса, 62 тонны жиров, 44 тонны сахара, 1500 тонн картофеля и различных овощей, 1600 тонн зерна и сена.

В какой-то момент возник дефицит мяса. Польские фермеры не справлялись с поставками. Гурты скота гнали из Союза — из Тамбовской и Саратовской областей. В войсках ввели режим экономии: к одному вегетарианскому дню пришлось прибавить второй. При этом калорийность пайка не уменьшилась и составляла 3800–3900 калорий при норме 3547. Введение второго вегетарианского дня «в переводе на живой скот давал экономию около тысячи голов крупного рогатого скота». За два месяца до наступления было сэкономлено почти восемь тысяч голов.

Главный интендант фронта приказал провести всеобщее обследование бытовых условий солдат. По итогам Военный совет фронта созвал конференцию представителей рот переднего края. Вёл конференцию член Военного совета фронта генерал К. Ф. Телегин [\[152\]](#).

И вот выступает старшина стрелковой роты одного из полков первой линии. Личность известная, по фамилии Карпенко. «Он десять минут с большим подъёмом расхваливал жизнь на переднем крае, — вспоминал Николай Александрович Антипенко, лично знавший этого весёлого и хозяйственного старшину Карпенко, — моются солдаты регулярно через каждые десять дней со сменой белья; горячую пищу получают два, а то и три раза в день; с табаком всё благополучно; письма и газеты поступают регулярно; лоток военторга часто появляется на переднем крае и т. д. Закончив речь, старшина пошёл на своё место. Генерал Телегин остановил его и спросил: «А что говорят бойцы про добавочный вегетарианский день?» Старшина, спохватившись, возвратился на трибуну и стал извиняться, что не сказал «самого главного».

— Бойцы очень полюбили второй вегетарианский день, — сказал он, — и все, как один, заявляют, что если бы в этот день выдавали ещё и по куску мяса, то лучшего желать нечего...

Можете себе представить хохот, когда безудержно смеются 500 человек».

И вот, наконец, наступил день атаки. Удар наших фронтов был столь мощным, а дальнейшее продвижение войск от Вислинских плацдармов к Одру столь стремительным, что тылы, конечно же, успеть за наступающими войсками не могли. Это отставание благодаря энергичным мерам, принимаемым в ходе наступления генералом Н. А. Антипенко и его тыловиками, компенсировалось различными способами и мерами. В самый напряжённый момент, когда подошедшие к Одру танки и артиллерия готовы были остановиться из-за нехватки горючего в баках и снарядов в укладках, подошли эшелоны с необходимыми грузами. Вдобавок ко всему наши войска захватили 15 тысяч вагонов и 380 исправных паровозов. Этот

подвижной состав по приказу Антипенко тут же поставили на работы. И всё же обеспечить такую махину всем необходимым для боя в полной мере, когда разрыв между складами на Висле и новым сосредоточением войск на Одере составлял от 350 до 600 километров, было просто невозможно.

Н. А. Антипенко: «Обеспеченность войск боеприпасами и горючим ко времени выхода их на Одер составляла 0,3–0,5 боекомплекта и 0,5 заправки. Этого хватило лишь для ведения боёв за захват и удержание плацдармов на Одере. А в это время усилились контратаки противника на Кюстринском плацдарме, отбивая которые мы несли большие потери. Говорить, что в этой ситуации надо было идти безостановочно на Берлин, чтобы взять его 1–2 февраля, по меньшей мере, легкомысленно^[153]. Между тем теперь, спустя 20 с лишним лет, пытаются утверждать, что командующий фронтом допустил ошибку, не двинув свои войска с ходу прямо на Берлин. Но разве можно было не считаться с угрозой с севера и состоянием тыла?»

С севера из Померании действительно угрожала мощная немецкая группировка группы армий «Висла». Стремительно наступавший 1-й Белорусский фронт оторвался от левого крыла 2-го Белорусского фронта, в результате чего образовался разрыв, вскоре достигший двухсот километров. Опасность этого разрыва заключалась не только в том, что через него свободно выходили на запад разбитые немецкие части, избегая таким образом окружения и пленения, а в том, что противник готовил фланговый удар. И маршалу Жукову пришлось срочно перебросить на правый фланг четыре общевойсковых и две танковых армии, чтобы совместно с частями 2-го Белорусского фронта покончить с Померанской группировкой. Если учитывать кратчайшие сроки, в которые была произведена перегруппировка ударных сил и тылов, то этот широкий маневр с

блестящими результатами можно поставить в ряд самых ярких операций Великой Отечественной войны.

По результатам Висло-Одерской операции в приказе Верховного главнокомандующего отмечались и «войска генерала Н. А. Антипенко». В первый и единственный раз тылы были поставлены в один ряд с боевыми соединениями.

9

Берлинская наступательная операция готовилась в кратчайшие сроки. Однако, как отмечал генерал Н. А. Антипенко, войска, атакующие Берлин, воспользовались многими приготовлениями, сделанными в ходе предыдущей Висло-Одерской операции.

Маршал Г. К. Жуков очень скоро понял, что за человек достался ему в заместители по тылу. Энергичный, думающий, умеющий все основные нити управлений и служб держать в руках и одновременно давать им инициативу для проявления своих способностей. Вдобавок ко всему высококультурный и порядочный человек, который никогда не подведёт, не предаст. Командующий фронтом начал приглашать генерала Н. А. Антипенко на заседания Военного совета фронта, на текущие штабные совещания на самых ранних стадиях планирования очередной операции, когда обсуждались замысел и цель. И заместитель командующего по тылу это мгновенно оценил. Постепенно их взаимоотношения переросли в личную дружбу, которая сохранилась на долгие годы.

«Организовать тыл, — размышлял после войны Антипенко, — это значит предвидеть. Глубина и точность предвидения зависят от общей военно-теоретической и экономической подготовки

руководящих генералов и офицеров тыла, от их умения извлечь уроки из предыдущего опыта и способности объективно оценить намерения противника не только перед нашим передним краем, но и за много сотен километров впереди, т. е. в оперативно-стратегической глубине.

Одним словом, штаб тыла, планируя обеспечение войск, должен иметь в виду не только противостояние группировки противника, стоящей перед фронтом, но и потенциал его тыла, а также возможности переброски резервов с соседних участков.

Организация тыла на фронте сопряжена с множеством сложных, не всегда поддающихся учёту явлений. Многое зависит и от противника.

Организация тыла на фронте — это не есть чертёж, заново наносимый на чистый лист бумаги. Та или иная организация возникает не только на основе замысла и оперативного решения; она, равно как и само оперативное решение, но в ещё большей степени, зависит от характера театра войны, предыдущих операций, от состояния войск и тыла. Иными словами, *комплекс мероприятий, осуществлённых при завершении предыдущей операции, оказывает прямое влияние на масштаб и сроки подготовки новой операции* [курсив мой. — С. М.]. Зависимость и преемственность между двумя последовательными операциями — одна из характернейших особенностей в работе оперативного тыла. Во всяком случае так было в минувшей войне.

Организаторы тыла не сразу, конечно, научились анализировать обстановку и принимать решение не по заученной схеме, а на основе конкретной обстановки, часто выходящей за рамки формальных положений. Нешаблонное решение требует от начальника не только большой затраты умственной энергии, но и большей смелости, готовности пойти на риск, принять на себя ответственность. Но на то и война. Вероятность

неоправданного риска будет тем меньшей, чем согласованнее работает начальник тыла с общевойсковым штабом.

Классическим примером согласованной работы штаба тыла и штаба фронта, глубокого понимания командующим роли тыла на войне и проявленной им заботы о своевременном оперативном ориентировании начальника тыла я считаю Висло-Одерскую операцию».

Здесь уже чувствуется теоретик, поднаторевший в практике организации тыла на войне, преподаватель Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. Девять лет он читал лекции по своей основной военной специальности в Академии Генштаба — с 1948 года по 1957-й...

Висло-Одерскую операцию генерал Н. А. Антипенко считал образцом организации и проведения наступательных операций второго периода войны. Отмечал как наиболее успешную и работу тыла в этой глубокой операции. При всех трудностях, чрезвычайной растянутости коммуникаций, дефиците транспорта, тыловики смогли полностью обеспечить успех войск 1-го Белорусского фронта.

Успешно завершаемая Висло-Одерская операция плавно переходила в завершающую войну Берлинскую наступательную операцию. Но это были разные операции, разительно отличавшиеся одна от другой. Хотя в ходе последнего штурма тылы смогли воспользоваться опытом и накопленными резервами Висло-Одерской операции.

Генерал Н. А. Антипенко ещё с боёв под Брянском вывел формулу: чем выше темпы наступления, тем меньше противник имеет возможность разрушить и уничтожить инфраструктуру на покидаемой им территории, да и огневое воздействие наступающей стороны на различного рода строения, приспособленные для обороны, меньше. Следовательно, и дороги, и

брошенное хозяйство, в том числе склады, транспорт, вагоны, паровозы, депо, мосты и прочее наступающим достаются целёхонькими. Статистика потерь тоже укладывалась в эту формулу: наибольшее количество убитых и раненых было в момент прорыва обороны, затем резкий спад, и новый всплеск потерь в момент достижения наступающими войсками последнего рубежа. Как правило, это были плацдармы. Они подвергались мощнейшим контратакам. Оставлять же плацдармы было нельзя. Начиналось упорное противостояние. По шесть-восемь атак в сутки. Интенсивное взаимное истребление, которое заканчивалось только тогда, когда одна из сторон выдыхалась. Выдыхались всегда немцы. Мощь, которая напирала с востока, остановить, истощить было уже нельзя. По этой же формуле шёл расход боеприпасов и горючего.

Маршал Жуков ценил своего заместителя по тылу ещё и за то, что у него всегда под рукой, а точнее, в руке был резерв. И этот бесценный резерв тылы могли подать в самый нужный момент.

Н. А. Антипенко: «Тыл не может планировать свою работу, исходя из такого формального момента, как достижение войсками заданного рубежа. Он обязан быть готовым к тому, чтобы обеспечить войска в критические — иногда самые критические — моменты, возникающие нередко тут же без всяких пауз, после того как, условно говоря, конечная цель операции достигнута.

Отсюда вытекает важнейшее значение проблемы резервов — резервов боеприпасов, горючего, медицинских сил и средств, а главное — транспорта.

Начальник тыла без резервов — уже не начальник тыла, это беспомощный созерцатель нарастающей трагедии. Поэтому он должен собрать всё своё мужество, самообладание, волю, чтобы удерживать в

своих руках резервы, пока не наступит крайняя надобность ввести их в дело, чтобы не лишиться резервов преждевременно, уступив бесконечным требованиям, просьбам и даже угрозам с разных сторон.

Забота о разумном использовании тающих с каждым днём ресурсов, о постоянном их восполнении, о резервах — общий закон войны, абсолютно обязательный для начальника тыла».

И это, конечно же, снова из лекций для слушателей Академии Генштаба. Что и говорить, офицерам — слушателям 1948–1957 годов, будущим штабистам и тыловикам несказанно повезло. Думаю, что и маршал Жуков испытывал величайшее удовлетворение, заполучив в тыловики такого организатора, умевшего спланировать и обеспечить работу подвоза так, что артиллерия могла стрелять постоянно, как только обнаруживала цели, самолёты летать и бомбить колонны противника, госпитали принимать любое количество раненых, а солдаты получать два-три раза в день горячую пищу, пополнять подсумки патронами, перед каждым боем иметь под рукой необходимое количество «карманной артиллерии» — гранат.

Генерал Антипенко не раз повторял своим слушателям, что Берлинская операция — необычная операция: «Здесь противник с фанатическим упорством дрался за каждый квартал, улицу, дом, даже этаж и лестничную клетку». И снова приводил цифры статистики. Расход боеприпасов в период Висло-Одерской операции на один погонный километр, отбитый у противника, составлял 250 тонн, а в ходе Берлинской — 2000 тонн; расход горючего всех видов — 333 тонны и 1430 тонн соответственно.

Таковыми же были и людские потери.

Задержка на Зееловских высотах. Потом рывок вперёд. Снова остановки на промежуточных рубежах. Берлинские кварталы.

Тылы были придвинуты вплотную. И постоянно двигались за наступающими войсками. Осуществлялся подвоз. Забирали раненых. Организовывали пункты сбора для военнопленных.

Наступление совпало с разливом рек. Некоторые мосты, возведённые бригадами сапёров под обстрелом немецкой артиллерии между Вислой и Одером, были подтоплены. Возникла угроза разрушения железнодорожных мостов через Вислу у Демблина и Варшавы. «Тревожное это было время! — вспоминал генерал Н. А. Антипенко. — Железнодорожные и автомобильные мосты в полосе 1-го Украинского фронта уже были полностью или частично снесены льдом; вся армада обломков, скованных льдом, продвигалась вниз по течению, угрожая мостам 1-го Белорусского фронта. Мосты эти восстановлены были на временных опорах, которые, конечно, не могли противостоять такому натиску льда. Надо было спасать мосты, иначе весь фронт оказался бы отрезанным на 10–15 дней от центральных баз снабжения. Военный совет учёл всю серьёзность создавшегося положения. Мне было поручено выехать вместе с начальником военных сообщений фронта и начальником железнодорожных войск в район Варшавы и принять самые решительные меры для спасения мостов.

Перед тем как выехать на Вислу, я попросил А. В. Хрулёва выслать самолётом в Варшаву учёных специалистов-мостовиков. Прибыв в Варшаву, я встретился с ними. Состоялась короткая консультация учёных и практиков на берегу Вислы, непосредственно у Варшавского моста.

Широкая и, казалось, спокойная река таила в себе огромную разрушительную силу. Считанные дни оставались до полного вскрытия льдов в этом районе. А выше Демблина уже начался ледоход. Важно было спасти в первую очередь Демблинский

железнодорожный мост, находившийся выше по течению; в этом случае меньшая опасность угрожала бы и Варшавскому мосту.

Спасение мостов вылилось в грандиозную операцию. Невиданный героизм проявили железнодорожные войска и специальные формирования НКПС. В районе Демблинского моста находился в то время мостопоезд № 13. Его начальником был тогда инженер-полковник И. Л. Москалёв; он обнаружил редкую находчивость, предложив создать ледовые коридоры для пропуска раздробленных льдин сквозь пролётные строения мостов, иными словами, бороться со льдом с помощью льда. Эта остроумная выдумка оказалась очень полезной. Для дробления надвигающихся «айсбергов» мы призвали на помощь авиацию и сапёров. Авиация вела непрерывную бомбёжку громадных льдин ещё на дальних подступах. Тяжёлые мостовые фермы, сорванные со своих мест в полосе 1-го Украинского фронта где-то в верховьях реки и угрожавшие нашим мостам, под воздействием авиабомб и сапёрных фугасов превращались в щепу и беспрепятственно проходили между опорами.

Весьма оригинальным методом спасали Варшавский железнодорожный мост. С разных точек он был привязан к обоим берегам тросами, по 4-5 ниток в каждую сторону. Поверх моста поставили около 100 платформ, гружённых булыжником, чтобы повысить устойчивость опор, а также уменьшить вероятность разрыва мостового настила.

В наиболее критический момент лёд так надвинулся на этот мост, что образовался прогиб в центре его — нечто вроде полудуги, вогнутой в направлении течения. Поезд, стоявший с камнями на мосту, растянулся и, казалось, вот-вот разорвётся. Замечательно, что и это положение, близкое к аварии, не вызвало нервозности, не повлекло за собой необдуманных действий или

отчаяния — авиация и сапёры планомерно продолжали своё дело. Более трёх суток длилась эта борьба со стихией. Мосты были спасены».

Одновременно с этим пришлось строить мост через Одер у Кюстрина, чтобы перебросить на плацдарм артиллерию поддержки пехоты 5-й ударной армии. Немцы контратаковали крупными силами при поддержке танков, и стрелковым ротам приходилось отбивать танковые атаки гранатами. Строили мост под непрерывным воздействием артиллерии и авиации противника. За неделю мостостроители потеряли убитыми 163 человека и 38 человек утонувшими, ранеными — 186 человек. Переброска к Кюстрину тяжёлой техники и вооружения была оплачена большой кровью. Но плацдарм удалось удержать, а впоследствии расширить, и он стал местом сосредоточения войск ударной группы 1-го Белорусского фронта для прыжка на Берлин.

Двадцать пятого апреля, когда войска фронта ворвались в Берлин, им на помощь для проламывания стен и бетонных укреплений прибыли орудия большой мощности с расчётами и достаточным запасом снарядов. Их быстро разгрузили с платформ первого эшелона, прибывшего на станцию Берлин-Лихтенберг. Спустя несколько часов орудия уже крушили немецкую оборону непосредственно в городе. Генерал Н. А. Антипенко доложил маршалу Жукову срочной телефонограммой: «Небо — Военному совету. Докладываю: сегодня 25 апреля в 18.00 по участку Кюстрин — Берлин открыто движение поездов до станции Берлин-Лихтенберг. Антипенко, Червяков, Борисов». Из штаба фронта тут же ответили: «Молодцы. Жуков. Телегин». Теперь боеприпасы, топливо и продовольствие начало поступать непосредственно в Берлин.

Как известно, наибольшее количество боеприпасов во время наступления «пожирает» артиллерия. Во время

рывка на Зееловские высоты один стрелковый полк поддерживали пять арtpолков. В первый день атаки планировалось израсходовать 1 147 659 снарядов и мин, 49 940 реактивных снарядов. Каждый расчёт имел по два — два с половиной боекомплекта. Это — очень мало, значительно меньше, чем перед началом Висло-Одерской операции. Тем более что во время начальной арtpодготовки расчёты должны были израсходовать до полутора боекомплектов. По этому поводу начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал М. С. Малинин сказал Н. А. Антипенко: «Мы с вами имеем случай в истории нашей Отечественной войны, когда в силу особой обстановки мы вынуждены начинать наступление с неполными запасами, надеясь на подвоз боеприпасов в ходе операции». Подвоз действительно удалось наладить. По шатким вислинским мостам пошли поезда.

Кроме того, как и во время Висло-Одерской операции, маршал Жуков сократил арtpодготовку до 30 минут. «Полученная благодаря конкретному учёту обстановки экономия боеприпасов, — вспоминал генерал Н. А. Антипенко, — имела большое значение для последующих дней операции и штурма Берлина. Подход поездов хотя и продолжался, но доставляемые боеприпасы не могли бы обеспечить потребности войск в эти дни, так как противник сопротивлялся на каждом рубеже, и каждый новый день наступления наших армий начинался с арtpодготовки при расходе от 0,25 до 0,5 боекомплекта. Вот тут-то и пригодилась экономия от первого дня наступления на Берлин, тем более что гитлеровская артиллерия не была полностью подавлена и вела довольно интенсивный ответный огонь. В самом конце операции боеприпасов накопилось уже довольно много, и не случайно наши войска отмечали победу над фашизмом артиллерийскими залпами почти без всякого учёта выпускаемых снарядов.

Всего было подано боеприпасов с 1 апреля по 9 мая на 1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты (округлено) 10 тыс. вагонов, из них после 16 апреля — 6 тыс.».

Как видим, позиция специалистов по тылу на проблему начальной артподготовки по Зееловским высотам не только оправдывает решение маршала Г. К. Жукова сократить время ведения огня, но и подтверждает практическую разумность приказа.

10

Ещё когда проводилась Померанская операция на правом крыле 1-го Белорусского фронта, на очищенной от противника территории Восточной Пруссии возникла неожиданная проблема, которую пришлось решать тылу. Безнадзорный, брошенный бежавшими хозяевами ферм и фольварков скот. Фронтвики рассказывали, что всюду слышался рёв недоеной скотины. Солдаты, в основном деревенские жители, хорошо отличали рёв страдающих, давно не доенных коров. У некоторых уже начинался мастит. Тысячи бесхозных голов бродили по лугам, лесам и поймам.

Генерал Н. А. Антипенко приказал собирать коров в гурты, сдаивать молоко, на первых порах, чтобы спасти животных, хотя бы на землю, организовать поставку свежего молока и молочных продуктов для нужд войск. Этим тут же заняли женщин, насильно угнанных из оккупированных областей Советского Союза в 1942–1944 годах, бывших узников концлагерей, способных пасти скот и умеющих доить коров. Потребовалась масштабная ветеринарная помощь. Со всего фронта быстро собрали специалистов по лечению и уходу за животными. После того как сформировали гурты, отделили больных коров от здоровых и начали

перегонять в места содержания, выяснилась новая проблема: европейские коровы не могут передвигаться на большие расстояния. Это вам не холмогорочки и не костромские коровки, которых перегоняли к фронту все годы войны от самой Волги и даже из Сибири, чтобы накормить воюющую Красную армию. Пришлось обрезать еврокоровам копыта, заливать смолой, чтобы они могли потихоньку перебираться своим ходом к вольным пастбищам.

«Спасая скот, — вспоминал Николай Александрович Антипенко, — мы думали о людях, освобождённых из концентрационных лагерей, об обездоленном населении прилегающих районов. В частности, благодаря этому мы смогли выполнить указание Советского правительства о выделении 5 тыс. дойных коров в распоряжение берлинских властей для обеспечения молоком детей до 13-летнего возраста из расчёта 200 г молока в сутки на каждого».

Война закончилась. Берлин лежал в руинах. Даже самые прочные здания с полутораметровыми стенами, превращённые защитниками города в крепости, были превращены в груды щебня артиллерией и сапёрами-подрывниками наступавших армий. Боеприпасов уже не жалели, хотя подвоз в какой-то момент прекратили. Забот у тыловиков не уменьшилось: надо было кормить не только победителей, но и побеждённых. Войска 1-го Белорусского фронта захватили в плен 250 534 военнослужащих. Целая армия! Которую до этого кормил Гитлер. Кроме пленных, надо было ещё кормить мирное население Берлина. А оно с каждым днём увеличивалось: перед штурмом жители города покинули свои дома и целыми семьями поселились в предместья и фольварки, спрятавшись от войны. Им внушили, что придут большевики и уничтожат всех. Но тут произошло обратное: разнеслись слухи, что русские, покончив с Берлинским гарнизоном, начали кормить детей,

стариков и всех, кто нуждался в куске хлеба. Что раненым и больным оказывают медицинскую помощь. Что отремонтирован водопровод и началась подача электричества. Что заработали бани и магазины, рынки и кинотеатры. Что ремонтируются здания театров и картинных галерей. Что даже в варьете начались представления.

Советские солдаты распахнули ворота концлагерей, срезали со столбов ненавистную колючую проволоку, и потоки заключённых хлынули на волю.

«Миллион человек!

Надо было их разместить, — вспоминал генерал Н. А. Антипенко, — накормить, подлечить, одеть, обуть. И над всеми этими задачами стояла одна, самая трудная и неотложная — как лучше и скорее отправить миллион человек на родину?

Стали подсчитывать, рассчитывать, но хорошего выхода найти не могли: не хватало ни вагонов, ни дорог с достаточной пропускной способностью. Если посадить в поезд по 1500 человек, то потребуется 700 поездов. Но ведь у каждого репатрианта были личные вещи, и мы не могли допустить, чтобы люди лишались своих скромных пожитков. Практически в поезд можно посадить не более тысячи человек с вещами, следовательно, понадобилась бы тысяча поездов.

В те дни мы отправляли на восток два-три поезда с репатриантами в сутки... Почти полтора года пришлось бы некоторым ждать своей очереди. Невесёлая перспектива! К тому же, по имевшимся тогда сведениям, число репатриированных могло возрасти до нескольких миллионов человек.

После неоднократных переговоров члена Военного совета фронта с Москвой решено было часть репатриантов отправлять в СССР пешим порядком. Люди понимали, что иного выхода нет, но каждый стремился попасть в группу, подлежащую перевозке по железной

дороге. Поскольку детей до 14-летнего возраста твёрдо решили пешком не посылать, то нередко встречались случаи фиктивного усыновления (удочерения) детей женщинами, не желавшими идти пешком.

Оказалось, что многие женщины, раздобывшие себе обувь после освобождения, обуты в туфли на высоких каблуках, а на них далеко не уйдёшь. Встал ещё один вопрос — о выделении десятков тысяч пар женской обуви на низких каблуках для идущих пешком.

В общем по принятому тогда варианту походным порядком отправилось в Советский Союз 650 тыс. человек».

Это был грандиозный марш!

И снова на тылы легли новые и необычные заботы.

Военными дорожниками было определено пять маршрутных путей в тысячу километров каждый. Дороги разбили «на этапные пункты». На «этапных пунктах» были устроены места для отдыха, душевые и пункты медицинской помощи. Выложены печи для выпечки 8-10 тонн хлеба. Подвезли армейские полевые кухни для приготовления горячей пищи. Однако полевых кухонь не хватало. На трофейных пищу готовили для военнопленных... На красноармейских кормили своих солдат и мирных граждан Берлина. Тогда, чтобы увеличить объёмы готовой пищи, установили огромные котлы, в которых и заваривали кашу на целый этап.

В каждой колонне насчитывалось до пяти тысяч человек. Колонны выступали через сутки одна за другой. Перед выходом получали сухой паёк консервами и хлебом. Среди репатриантов проводились беседы о том, как вести себя в пути. Ведь маршруты лежали через Польшу.

Поляки знали, что мимо их селений пойдут колонны репатриантов в СССР, что они будут нести много личных вещей, что в чемоданах и узлах русские женщины и девушки прячут дорогие платья, чулки, бельё. Поляки

выходили к колоннам и предлагали русским в обмен на вещи продукты, а порой и бимбер^[154]. За еду отдашь всё. Так постепенно многие трофеи перекочёвывали в польские сундуки.

Нередкими были случаи, когда на родину возвращались целые семьи, которые появились на чужбине. Иногда с малыми детьми.

Автомобильная служба тыла 1-го Белорусского фронта выделила две тысячи автомашин для подвоза продовольствия. На грузовиках перевозились и личные вещи. Их везли к советско-польской границе в сопровождении офицеров тыла и самих репатриантов.

«Продовольственная служба фронта, — писал в заключительных главах мемуаров генерал Н. А. Антипенко, — отправила на этапные пункты 20 тыс. т муки, 6 тыс. т крупы, 2500 т мясных консервов, 1500 т жиров, 1600 т соли, 1300 т сахара, 50 тыс. т картофеля и др. ввиду того, что в пути большое значение имел сухой паёк, фронт выделил 12 млн. банок консервов — пришлось нам со всех складов фронта и армий изъять все консервы до последней банки».

Тыловики от начала и до конца обеспечивали подготовку и саму процедуру подписания акта о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Генерал-лейтенант Н. А. Антипенко лично отвечал за организационно-хозяйственное обеспечение церемонии. Маршал Жуков лично побеспокоился о том, «чтобы стол для немецких представителей в отведённом для них особняке был накрыт подобающим образом».

Н. А. Антипенко: «Раза два я заходил в домик Кейтеля^[155]. Он сидел за столом, накрытым более скромно. За спиной у него и у других немецких представителей стояли английские офицеры. Кейтель держал себя с независимым видом, к пище едва притрагивался. Ему предстояло с минуты на минуту

быть вызванным в зал заседаний и там, перед лицом всего мира, подписать документ, который навеки пригвоздит к позорному столбу германских милитаристов, — Акт о безоговорочной капитуляции. Он сидел напыщенный, вытянув шею, с моноклем в глазу.

Наконец, наступил долгожданный час.

За столом официальных представителей стран-победительниц в центре сидел сосредоточенный, суровый Жуков. Бесконечно щёлкали затворы фотоаппаратов и кинокамер. Журналисты и кинооператоры суетились, стремительно ходя по огромному залу, пытаясь взобраться повыше, чтобы лучше запечатлеть событие.

Церемонию открыл маршал Жуков. Он приветствовал генералов, дипломатов, всех гостей. Затем он приказал ввести в зал представителей гитлеровского командования. Картиным жестом Кейтель приветствовал собравшихся фельдмаршальским жезлом.

После проверки полномочий германским представителям был предъявлен Акт о безоговорочной капитуляции. Началась процедура подписания каждого экземпляра.

Кейтеля я в эту минуту видеть не мог — он был заслонён толпой журналистов и кинооператоров.

Но вот закончилась процедура подписания Акта о капитуляции, маршал Жуков приказал увести немецких генералов.

Советские люди и поныне вправе гордиться тем, что, олицетворяя силу советского оружия, несгибаемую волю советского народа, во главе всей этой церемонии был Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

После подписания Акта о капитуляции (это произошло около 0,45 минут по московскому времени 9 мая 1945 г.), пока шла подготовка к ужину, вокруг Г. К. Жукова тесным кольцом собрались советские

генералы и журналисты, поздравляя друг друга с окончанием войны. Среди присутствовавших было немало товарищей, прошедших боевой путь от Москвы до Берлина.

Обращаясь к своим соратникам по оружию, Г. К. Жуков произнёс речь, оставшуюся и поныне в моей памяти:

«Партия и правительство в час смертельной опасности, нависшей над родиной, доверили нам оборону столицы нашей Родины Москвы в 1941 г., и это доверие наши доблестные войска оправдали, город не был сдан на поругание врагу. Отборные гитлеровские войска были разгромлены на подступах к столице. Теперь, в 1945 г., нам снова оказаны доверие и великая честь довести до конца разгром ненавистного врага в его собственном логове. И это доверие ещё более блистательно оправдали наши славные воины, водрузив знамя Победы над Рейхстагом».

Во 2-м часу ночи все участники церемонии были приглашены к столу».

Одним из тех, кто прошёл от Москвы до Берлина, был Николай Александрович Антипенко.

А ещё зам по тылу вспоминал, как лихо отплясывал на банкете его командующий. «Второй раз за войну довелось мне увидеть, как пляшет маршал Жуков. Первый раз это было 19 ноября 1944 г. в Бялой-Подляске по случаю Дня артиллерии. Он и генерал Радзиевский^[156] показали тогда изрядное умение — кавалеристы! На этот раз в паре с Жуковым был Делатр де Тассиньи^[157]. Оба они старались превзойти друг друга сложными пируэтами...»

Пили, пели, плясали и веселились до утра. Съели и украинского индюка со сметаной, и уральский пирог с рыбой. Сидевший напротив генерала Антипенко американский генерал заметил, что «восполнением ресурсов» за столом распоряжался именно он, и перед

тем, как разойтись, попросил «на посошок» в дорогу бутылку «Особой московской» и побольше бутербродов с чёрной икрой. И американец, и другие генералы иностранных армий уехали с щедрыми «посошками».

Вскоре после подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии на основании директивы Ставки В ГК № 11095 от 29 мая 1945 года была создана Группа советских оккупационных войск в Германии^[158]. Главнокомандующим был назначен Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, членом Военного совета — генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, начальником штаба — генерал-полковник М. С. Малинин, начальником тыла — генерал-лейтенант Н. А. Антипенко.

Начались послевоенные заботы — увольнение в запас старших возрастов. Всем увольняемым дарили подарок, а также разрешалось отоварить всю иностранную наличность. На складах Военторга было много различной материи, обуви, в том числе женской. В подарочном фонде были радиоприёмники, аккордеоны, фотоаппараты, велосипеды, швейные машинки. Кроме того, вышло распоряжение командующего выдать всем дополнительно комплект верхней одежды. Много можно было купить на тех же армейских складах.

11

Спустя три года, в 1948 году, генерал-лейтенант Н. А. Антипенко был отозван в Союз и возглавил Главвоенстрой Вооружённых сил СССР. Затем преподавал в Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова и большую часть времени провёл на научной и преподавательской работе, став доктором исторических наук. Лишь в 1961–1962 годах он занимал, как тогда говорили, «ответственную должность» в Госкомитете заготовок.

Николай Александрович был человеком мужественным, честным. Когда его боевой товарищ и фронтовой друг маршал Г. К. Жуков попал в опалу, не отвернулся от него, как поступили тогда многие. Более того, в 1965 году он написал в ЦК партии письмо с требованием прекратить преследование маршала: «Мало кто верит, что Жуков противопоставлял себя партии, что он недооценивал роль партии в Вооружённых силах, что ему присущи черты бонапартизма и прочее.

Домыслы, на которых некоторые военные сделали себе карьеру, лишь вызывают неуважение к их сочинителям. Мы идём навстречу 20-летию Победы над фашистской Германией. С этим событием имя Жукова связано больше, нежели чьё-либо другое из отдельных лиц.

Нет нужды лишней раз подчёркивать руководящую и решающую роль партии в исторических победах над врагом. Это каждому понятно. Но наша партия никогда не умаляла роли отдельных лиц, проявивших себя на том или ином участке борьбы за Родину. Политическая реабилитация маршала ЖУКОВА Г. К., которой ждут миллионы советских граждан, прозвучала на весь мир как восстановление справедливости».

Многие из тех, с кем маршал Г. К. Жуков воевал и под Москвой, и под Ленинградом, и под Киевом, могли бы написать и подписать подобное. Всё в письме было выражено точно, по-военному лаконично и ясно. Но автором его оказался лишь он — «член КПСС, генерал запаса АНТИПЕНКО».

Всю жизнь он тосковал по родине. После войны часто приезжал к землякам, много помогал родному селу и колхозу. По сути дела, генерал переселил земляков из землянок в дома — в 1946 году пригнал на ближайшую станцию шесть вагонов леса. Сразу построили школу, другие здания, жильё. Потом — вагон

сельскохозяйственного инвентаря, трактор, «Виллис» из числа списанных и капитально отремонтированных.

Земляки любили своего генерала, всегда встречали его хлебом-солью.

Умер Николай Александрович Антипенко в 1988 году в Москве. Перед смертью генерал завещал похоронить себя на воинском мемориале в родном селе, когда-то носившем название Нижний Куркулак...

ШТУРМ РЕЙХСТАГА

Алексей Прокопьевич Берест, младший лейтенант, заместитель командира батальона по политической части; Григорий Петрович Булатов, рядовой, разведчик взвода пешей разведки 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии;

Абдулхаким Исакович Исмаилов, старший сержант, разведчик 101-й отдельной механизированной разведывательной роты 82-й стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии;

Алексей Леонтьевич Ковалёв, гвардии младший сержант, разведчик 83-й отдельной гвардейской разведроты 82-й стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии;

Рахимжан Кошкарбаев, лейтенант, командир 1-го взвода 3-й стрелковой роты 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии;

Иван Никифорович Лысенко, старший сержант, разведчик 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии;

Степан Гаврилович Орешко, рядовой, разведчик взвода пешей разведки 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии;

Алексей Дмитриевич Плеходанов, подполковник, командир 674-го стрелкового полка

150-й Идрицкой стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии; Виктор Николаевич Правоторов, старший сержант, парторг взвода пешей разведки 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии;

Пётр Николаевич Пятницкий, связной штурмового батальона 756-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, младший сержант.

Семён Егорович Сорокин, лейтенант, командир взвода пешей разведки 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии;

Василий Митрофанович Шатилов, генерал-майор, командир 150-й Идрицкой стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта.

Другие.

Писатель Василий Субботин, фронтовик, дошедший до Берлина, писал: «Страшно сужен круг людей, бравших Рейхстаг... Бралось одно имя, одна фигура, и за её спиной похоронено очень много безымянных... От юбилея к юбилею мы рассказываем об одних и тех же людях. Так создаётся впечатление, что Рейхстаг брали несколько человек. Какая неправда!»

Невозможно в одном кратком очерке восполнить пробелы истории и провалы памяти. Но хоть чьи-то имена удастся собрать в те лихие штурмовые группы, которые ворвались в Рейхстаг 30 апреля 1941 года, дрались за каждый оконный проём и пролом в стене, за каждую ступень наверх, за каждый этаж, чтобы поднять над зданием Знамя Победы.

Со школьной скамьи мы знаем: весной 1945 года войска под командованием маршала Г. К. Жукова штурмом овладели Берлином; был взят Рейхстаг, на куполе которого советские бойцы М. А. Егоров и М. В. Кантария водрузили Знамя Победы.

Потом, по прошествии лет, вдруг рассмотрели на кадрах кинохроники, а также на фотографиях победных дней со Знаменем Победы совершенно другие лица...

В марте 1969 года в канун Дня Победы вышла книга мемуаров Г. К. Жукова. Берлинской наступательной операции, штурму Берлина и последним дням войны автор уделил достойное место. Называл имена героев, рядовых бойцов, сержантов, младших офицеров, отличившихся в боях. О Егорове и Кантарии — ни слова. Но в книге была помещена фотография группы разведчиков лейтенанта С. Е. Сорокина, та самая, где они все радостные, улыбающиеся, только что вышедшие из боя, и на первом плане юный Григорий Булатов. Вряд ли Маршал Победы, командующий войсками 1-го Белорусского фронта, на которые легла основная тяжесть сражения за Берлин, не был посвящён в интригу последних дней боёв за Рейхстаг. Всё он знал. Промолчал, потому что понимал — не время говорить всю правду. Он-то и мемуары писать поначалу не хотел. Но это отдельная история. В последующих изданиях «Воспоминаний и размышлений», где за маршала начали дописывать компетентные товарищи целые главы, фотография сорокинцев исчезла. Вот уж воистину: Бог — своё, а чёрт — своё...

В последние годы появилось много публикаций, проливающих свет на окутанную туманом историю штурма Рейхстага и водружения над куполом здания Знамени Победы. И постоянно нет-нет да и появляются новые. Называются совершенно иные имена бойцов, установивших над Рейхстагом штурмовые флаги и вымпелы, а также полковые штурмовые знамёна. Среди

авторов и «разоблачители», и серьёзные исследователи, беспристрастные и глубокие. Это совершенно два разных потока. Одни ищут правду, восстанавливают историю, ту, которая была, отскабливая её от наростов мифологем, конъюнктурной ретуши и откровенной лжи. Другие — лишь бы в подтексте намекнуть, что всё в нашей истории лживое, ненастоящее, а герои выдуманные, фальшивые, да истории, пожалуй, нет, есть «тысячелетняя парадигма несвободы»...

Итак, имена, которые были вычеркнуты и стёрты.

1

Иван Никифорович Лысенко. Разведчик 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, старший сержант. Непросто и в то же время удивительно сложилась судьба этого героя штурма Рейхстага.

Родился он в 1917 году на Брянщине в селе Кузнецы. В 1929 году окончил четыре класса начальной школы — вот и всё образование. В 2011 году в интервью журналисту Владимиру Павлову для журнала «Брянская тема» Иван Никифорович рассказывал: «Мой отец умер, когда мне было всего шесть лет. Он, здоровый, крепкий, сильный деревенский мужик, неожиданно заболел и сгорел буквально за несколько дней. Мать осталась с двумя детьми на руках: я дошкольник да сестрёнка младшая.

Надо было что-то решать, помогать матери. Так, в возрасте двенадцати лет я пошёл работать в колхоз. Много нас тогда, детей, работало на колхозных полях. Школы побросали — не до того было. Об играх да забавах даже и не думали. Какие игры! Есть нечего...

Я и пахал, и боронил, и сено возил, и торф заготавливал — много всякой работы делал.

С продуктами в то время было очень плохо. Порой сидели на одной мороженой картошке да солёных огурцах. А иногда и этого не было. Правда, от голода в нашем селе никто не умер. Хоть и плохи дела были, но соседи друг друга не бросали: те, кто побогаче, приносили еду бедным. Выживали как могли.

В селе Кузнецы до войны было около ста дворов. И в каждой семье, самое малое, — пятеро детей. За редким исключением, меньше. Иногда, бывало, нарвёшь в поле колосков, обожжёшь усы на костре и ешь. И зерно это вкусное было, спелое, мягкое...»

Колоски... Пшеничные, с привкусом молока, когда они ещё незрелые, и с ярким ароматом свежеспечённого хлеба, когда зёрна уже начинают твердеть. Ржаные — грубоватые, их трудно разжёвывать, и они не так вкусны, как пшеничные, но очень сытные. Колоски, колоски... За них-то и арестовали шестнадцатилетнего Ваню Лысенко, и осудили по Указу «Семь восьмых» или «О трёх колосках», как тогда называли в народе Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Дали «десятку» и отправили в один из самых жестоких лагерей системы ГУЛАГа — на Соловки.

Соловецкий лагерь особого назначения отличался особой жестокостью, порой переходящей в бесчеловечность по отношению к заключённым. Иногда, в особые минуты душевного волнения, Иван Никифорович рассказывал своим знакомым и детям о том, что довелось пережить на Соловках. Тяжкий, бессмысленный труд. Пригоршнями переносили воду из одной проруби в другую... Перекатывали с места на место огромные валуны... За незначительные провинности или за нерасторопность во время этих

«работ» обливали ледяной водой и голыми ставили «в стойку» на скале и заставляли громко, до изнеможения считать чаек... «Летом, бывало, практиковали такое, — вспоминал Иван Никифорович, — раздетых узников привязывали на ночь к дереву. Называлось это — ставить на комара... К утру человек умирал».

Закон «О трёх колосках» был чрезвычайно жесток, настолько, что это вскоре были вынуждены признать даже в верхах. Уже весной 1933 года вышло постановление Президиума ЦИК, которое отменяло некоторые статьи и положения Указа «Семь восьмых»: прекратили практику привлечения к суду «лиц, виновных в мелких единичных кражах общественной собственности, или трудящихся, совершивших кражи из нужды, по неосознанности и при наличии других смягчающих обстоятельствах». 11 декабря 1935 года прокурор СССР А. Я. Вышинский обратился в ЦК партии, СНК и ЦИК с запиской, в которой утверждал, что эти требования не выполняются, и предложил принять новое, более радикальное решение — пересмотреть дела осуждённых по закону от 7 августа. Предложение Вышинского рассматривалось на Политбюро 15 января 1936 года. И. В. Сталин согласился с доводами прокурора СССР и поставил на его записке резолюцию: «За (постановление не публиковать)». Уже на следующий день вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О проверке дел лиц, осуждённых по постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 января 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», согласно которому Верховному суду, Прокуратуре и НКВД поручалось проверить правильность применения вышепоименованного постановления в отношении всех лиц, осуждённых до 1 января 1935 года. Всего полмесяца потребовалось работникам этих учреждений

для проведения проверки 183 000 (!) дел. Проверка показала, что более чем 91 000 граждан осуждены неправильно. И в ближайшие же дни 37 425 человек, чьи сроки ещё не истекли, были освобождены. В их числе оказался и Ваня Лысенко.

Он вернулся в родные Кузнецы. О Соловках старался забыть. В 1940 году женился на односельчанке по имени Татьяна. Молодая семья зажила в согласии, счастье и трудах. И в надежде на то, что самые страшные испытания уже позади.

Когда началась война, Иван Никифорович сразу же явился в Гордеевку, в райвоенкомат. Народу там было уже не протолкнуться. После выступления В. М. Молотова по радио всем стало понятно, что война будет долгой и что она захватит всех. И что врага на свою землю лучше не пускать. Ещё во времена войн со Швецией и Польшей здешний край входил в Новоместскую сотню Стародубского полка. Так что солдатскую службу здесь считали необходимой и почётной. Служить умели, и солдатами были хорошими. Однако военком полистал бумаги Лысенко и ткнул пальцем в запись: «К строевой службе не годен».

Осенью в село пришли немцы.

Иван Никифорович вспоминал: «Мужчин во время оккупации в селе осталось мало, и нам, немногим, кого по разным причинам не призвали в Красную армию, приходилось выполнять самую тяжёлую работу на полях. Мы продолжали пахать землю, выращивали хлеб. Как без хлеба? Проходили по нашим землям и немцы, и партизаны.

Когда впервые в Кузнецы пришли фашистские войска, мужчины ушли в лес, а женщины с детьми остались в домах. Вот такие мы были защитники... Наша первая дочь, Евдокия, родилась 10 августа 1941 года, в начале войны она была совсем младенцем. Колясок и кроваток тогда не было, Дуся спала в люльке,

подвешенной к потолку. Немцы ходили по домам. Когда один из солдат зашёл в нашу хату, он посмотрел на ребёнка в люльке и сказал на ломаном русском: «Ой, матка, какой ребёнок тебя худой! Надо хорошо кормить...» Из своего ранца он достал бутылку с густой розовой жидкостью и протянул жене. В бутылке был какой-то заграничный напиток со вкусом малины. Немец осмотрел дом и вышел. Татьяна испугалась, схватила ребёнка и выбежала в огород, там спряталась в кукурузе. И только когда стемнело, вернулась в хату. Оккупантский подарок, вылили, конечно...»

Немцев с Брянщины выбили в ходе наступления Центрального и Западного фронтов на северном фланге Курской дуги. Сражение началось летом, а закончилось уже осенью мощным наступлением на запад. И снова Иван Никифорович явился в Гордеевку. Теперь военком никаких бумаг особо не листал. Формировали штрафные роты. В одну из них зачислили и его, как и многих других мужиков из Кузнецов.

В бой попал почти сразу, неподалёку, на Гомельщине — штрафная рота форсировала реку Сож с целью захватить плацдарм. Реку форсировали, плацдарм захватили. Несколько раз участвовал в разведке боем — надо было захватить «языка». В одной из таких атак был ранен. «Искупил». Когда командир роты писал ходатайство о переводе в обычную часть, узнал, что родное село его бойца из переменного состава находится недалеко, и отправил его на лечение домой.

Дома быстро пошёл на поправку. И — снова военкомат, назначение. На этот раз — разведчиком в 674-й стрелковый полк 150-й стрелковой дивизии.

Воевал храбро. О смерти старался не думать, поскольку, как он потом сам признавался, она была повсюду, и к ней успел привыкнуть как к неизбежности. Ранений, кроме первого, было ещё три: в пах, в руку и в

шею. Но ни кости, ни позвоночника, ни артерии задето не было, а мясо на молодом теле зарастало быстро.

Несколько раз попадал в обстоятельства, когда нос к носу сталкивался с противником. Выручал надёжный пулемёт — Дегтярёв пехотный. За бои в Прибалтике получил медаль «За отвагу».

Вскоре 3-ю ударную армию с севера, из состава 2-го Прибалтийского фронта, перебросили на центральный участок, на усиление 1-го Белорусского. Так 150-я Идрицкая стрелковая дивизия оказалась вначале на Варшавском направлении, а потом на Берлинском. А вместе с ней и помощник командира взвода пешей разведки старший сержант Лысенко.

Однако, как известно, по первоначальному замыслу роль 3-й ударной армии была иной. Только потом, когда в городе начались трудности, её ввели в бой непосредственно в берлинских кварталах, а затем она оказалась в самом центре Берлина.

Разведка шла впереди. Бывший разведчик Степан Гаврилович Орешко (разведгруппа лейтенанта С. Е. Сорокина) вспоминал: «Утром к нам, разведчикам, пришёл сам комполка подполковник Плеходанов с замполитом майором Субботиным.

Мы уже знали, что Военный совет 3-й ударной армии учредил знамёна, которые нужно водрузить над Рейхстагом как знак нашей победы.

Комполка говорил убедительно и просто:

— Товарищи бойцы, вам выпала большая честь — штурмовать центральное здание Рейхстага. Вчера на совещании у генерала Шатилова, командира нашей дивизии, решался вопрос, какому штурмовому подразделению вручить девять полотнищ. Первые, водрузившие знамя, будут представлены к званию Героя. Скажу сразу — нашему полку жребий не выпал. Но моё личное мнение: над Рейхстагом может развеяться не обязательно знамя Военного совета.

Подыщите подходящий материал — вот вам и Знамя Победы.

В штурмовую знаменосцев отобрали самых храбрых и испытанных разведчиков. В одной из комнат разрушенной канцелярии Гиммлера нашли два куска добротного красного материала и сшили большое полотнище^[159].

— Ну, теперь, — сказал парторг Виктор Правоторов, — или грудь в крестах, или голова в кустах, но мы должны быть первыми».

В штурмовую знамённую группу лейтенанта Сорокина вошли десять человек. Во время штурма погиб рядовой П. Долгих и тяжело ранен рядовой Н. Санкин. В строю остались: лейтенант С. Сорокин, старшие сержанты В. Правоторов, И. Лысенко, рядовые Г. Булатов, П. Брюховецкий, М. Габидуллин, С. Орешко, М. Пачковский. На полотнище пустили наперник от перины, на которой до прихода Красной армии в Берлин, как не без шуток предполагали разведчики, спал сам Гиммлер. Отыскал ту перину Григорий Булатов. Парторг пощупал, оценил добротную материю — пойдёт. Главное, что она была красного цвета. Вначале хотели заштопать дыру на красном фашистском полотнище. Такие гражданские немцы называли «Хайль Сталин!»: чего проще было заделать куском такой же красной материи вырезанный белый круг с чёрной свастикой. Но парторг эту идею сразу забраковал. Шили полотнище из наперника перины Гиммлера, составили его из двух частей. Получилось довольно большое, внушительное. Знай наших — разведку 674-го полка!

С. Г. Орешко: «До самой Королевской площади с разведчиками шёл Субботин. Ему не повезло, уже на ближних подступах к гитлеровской твердыне он был ранен в ногу. Санинструктор Анна Кононенко (ныне Яковлева) бросилась к упавшему замполиту, оказала помощь, но идти дальше майор уже не мог.

До Рейхстага было полтора-двадцать метров. Из амбразур прямо на нас смотрели стволы пулемётов и автоматов. В тринадцать часов наша артиллерия открыла огонь, а потом в атаку пошли штурмовые подразделения. Мы тоже ринулись вперёд. Но дорогу преградил шестиметровый ров, заполненный водой. Сорокин и Брюховецкий прикрыли нас огнём, и мы — кто вплавь, кто по металлическим трубам — переправились через ров, смяли огневые точки и ворвались в здание. Помню, в стене зияла огромная дыра. Прежде чем проскочить в неё, запустили туда гранату, залегли. Как только дым и пыль рассеялись, бросились наверх. Схватки шли на всех этажах и лестничных клетках, горели паркет, мебель. Дорогу приходилось прокладывать гранатами, штыками, автоматными очередями. Коридоры были завалены горами трупов, битого кирпича, щебня, стекла, сорванными со стен картинами, коврами, пустыми бутылками, ящиками из-под патронов и гранат — и всё вокруг бумагами. Особенно отличилась рота Петра Греченкова (впоследствии Героя Советского Союза) из батальона Давыдова. Она поддерживала и прикрывала пулемётным огнём нашу группу, пробивавшуюся со знаменем на крышу. Рука об руку с нами шёл взвод автоматчиков под командованием Леона Литвака.

Наконец мы выбрались сквозь снарядную пробоину на фронтон и здесь на какой-то скульптурной группе (потом уже узнали — Вильгельма Первого) водрузили своё победное знамя. Увидев его, наши бойцы, прижатые кинжальным огнём к площади, поднялись в атаку».

А вот как вспоминает историю с самодельным полковым знаменем Виктор Николаевич Правоторов: «И вот лейтенант Сорокин даёт команду:

— По одному, короткими перебежками, вперёд!

Выполняя приказ, мы встали. Бросок, другой, третий... Оглядываюсь — рядом Булатов. Остальных

отсёк огонь... На пряжке ремня пуля оставила вмятину. Немного передохнули, делаем последний бросок. Вот и стена Рейхстага. Залегли, смотрим, нет ли где свободного от кирпича окна. Находим одно. Улучив момент, мы влезли в окно, предварительно бросив туда по гранате. Коридорами вышли на лестницу, забрались на второй этаж. Здесь мы с Булатовым подошли к разбитому окну, посмотрели на Королевскую площадь, за которой в домах и прямо на улицах залегли наши бойцы, приготовившиеся к решительному штурму. Гриша Булатов просунул знамя в окно, помахал им, затем мы укрепили его. В это время внизу слышались выстрелы, взрывы гранат, стук сапог. Мы приготовились к бою. Гранаты и автоматы — начеку. Но схватка не состоялась. Это по нашим следам пришли Лысенко, Брюховецкий, Орешко, Пачковский. С ними лейтенант Сорокин. Он подошёл к нам, пожал руки и снял флаг.

— Отсюда его плохо видно, ребята, — сказал он. — Надо пробираться на крышу.

По той же лестнице стали подниматься всё выше и выше и нашли выход на крышу. Цель достигнута. Где поставить знамя? Решили укрепить у скульптурной группы. Подсаживаем Гришу Булатова, и наш самый молодой разведчик привязывает флаг к шее огромного коня».

Теперь — воспоминание командира 674-го стрелкового полка подполковника А. Д. Плеходанова: «Через несколько минут отважная горстка солдат из роты лейтенанта Греченкова и разведчиков взвода Сорокина достигла главного входа в Рейхстаг и скрылась в нём. Остальные были отрезаны. Одни из них залегли на площади, другие — отошли назад. Что было в это время в Рейхстаге, я не знал. Неизвестной была и судьба ворвавшихся в него смельчаков. И вдруг я услышал радостный крик моего связного:

— Товарищ подполковник! Посмотрите на крышу Рейхстага! Вон туда, где возвышается всадник!

Я поднял бинокль и увидел Красное Знамя, а возле него движущиеся крохотные фигурки.

Как я узнал позже, движущимися фигурками были сержант Правоторов и рядовой Булатов...

В это время мне позвонил командир дивизии В. Шатилов и спросил, какова обстановка^[160]. Я доложил: часть солдат — из батальона Давыдова и взвода полковой разведки — проникла в Рейхстаг. Остальные отошли назад. Многие залегли на Королевской площади.

— Есть связь с теми, кто в Рейхстаге? — спросил командир дивизии.

— Нет, — ответил я. — Но беспокоиться за них не стоит. Они уже проникли на крышу и водрузили там Красное Знамя Победы.

— Какое знамя? — удивился генерал. — Ведь оно в штабе Зинченко!

— Знамя моих разведчиков. Самодельное. Они его подготовили перед штурмом...»

Генералу В. М. Шатилову нужно было поскорее свести концы с концами. А они, эти концы, болтались в разных местах... Самodelки в зачёт не шли. Нужно было установить одно из знамён Военного совета армии. Только за него можно было получить Героев. В том числе и им, непосредственным командирам, генералам... В сущности, командиру дивизии было всё равно, чей полк отличится, 756-й полковника Зинченко или 674-й подполковника Плеходанова. Это были его, генерала Шатилова, полки. Но в донесении, которое ушло наверх, фигурировал 756-й полк и фамилия его командира. Выходило так, что инициативу перехватил Плеходанов и установил на Рейхстаге свою самodelку.

Опытный разведчик, лейтенант Сорокин постоянно контролировал ситуацию. Знамя установлено, надо

спускаться вниз. Что там, внизу, неизвестно. Шум, выстрелы, взрывы гранат. «Лысенко, — обратился лейтенант к старшему сержанту, — возьми двоих солдат, спустись на первый этаж и посмотри, что там. Если там немцы, очистить путь».

Задача нелёгкая. Разделились на две группы. Одна действовала гранатами, другая прокладывала путь автоматным огнём. Когда очистили весь отсек первого этажа от немецких автоматчиков, Лысенко приказал проверить все смежные комнаты и закутки, где могли прятаться затаившиеся одиночки. Обнаружили дверь, ведущую в подвальное помещение. Приготовили автоматы и гранату. Резко распахнули дверь. Внизу в свете свечей увидели немецких офицеров. Те испуганно смотрели на разведчиков. Лысенко скомандовал: «Хенде хох!» Те мгновенно подняли руки.

Пленниками оказались два генерала со своими адъютантами. Никто из них даже не попытался применить оружие, кобуры пистолетов были застёгнуты. Пленные тут же передали личное оружие разведчикам. Вскоре спустилась группа лейтенанта Сорокина. Лейтенант осмотрел пленных, мгновенно оценил их достоинство и приказал Лысенко срочно доставить генералов в штаб полка.

В журнале боевых действий 150-й стрелковой дивизии за 30 апреля 1945 года есть такая запись: «При подходе к Рейхстагу группа 674 сп во главе с командиром батальона захватила госпиталь противника северо-западнее Рейхстага. В госпитале захвачены в плен генерал-майор медицинской службы Вальтер Шрайбер, начальник военно-санитарных учреждений г. Берлин, и генерал-лейтенант медицинской службы Вильгельм Брекенфельд, ведущий генерал красного креста г. Берлин и провинции Бранденбург...»

В журнале, как видим, два события — захват военного госпиталя «северо-западнее Рейхстага» и

пленение генералов в самом Рейхстаге — объединены в одно. Видимо, руководствуясь заветом А. П. Чехова о том, что краткость — сестра таланта. Впрочем, существует и другая версия захвата немецких генералов-медиков: одного захватили бойцы Греченкова, другого взяли в подземном госпитале к северо-западу от Рейхстага. Версии, версии... Несть им числа.

Доставить генералов в штаб полка... Всё пространство вокруг Рейхстага по-прежнему простреливалось. Противник вёл огонь одновременно из нескольких направлений. Так что пулю можно было получить в любой момент и неизвестно откуда. Разведчики выполнили приказ и возвращались. Таков был приказ командира полка. Изменить его не было возможности: связь отсутствовала, и доложить о выполнении задания можно было только лично. Да и пленных надо было выводить. Снова разделились на несколько групп.

Из рассказа лейтенанта Сорокина: «Мы салютовали знамени несколькими автоматными очередями и спустились вниз. Через несколько часов удалось разыскать подполковника Плеходанова и доложить о выполнении задания...»

Рассказ скупой. В нём, как недавно выяснилось, много недоговорок. А точнее — целая трагедия с сюжетом, который тянется до сего дня...

На выходе из Рейхстага, когда разведгруппа лейтенанта Сорокина объединилась, немцы, пережив в укрытиях огневой налёт нашей артиллерии, вылезли из своих щелей и контратаковали ворвавшихся в здание бойцов из разных частей и подразделений. Разведчики обнаружили свой пролом, через который они проникли в Рейхстаг, заблокированным. Пришлось вступить в бой, чтобы очистить выход из здания. Обошлось без потерь.

Расстояние от Рейхстага до здания Имперского министерства внутренних дел, уже захваченного подразделениями 150-й стрелковой дивизии — а именно там размещались передовые НП 674-го и 756-го стрелковых полков, — составляло 360 метров. Где броском, где ползком, где по-пластунски, а где на карачках, разведчики, наконец, добрались до своих. Вывели и пленных.

Конвоирование пленных оказалось задачей не из простых. По разведчикам вели огонь и немцы, и наши. Во всяком случае, до того момента, пока не поняли, что это возвращаются свои. Пыль, копоть от взрывчатки, дым от пожаров. Многие разведчики по пути назад оторвались от основных групп, потерялись и лишь потом вышли на ориентиры. Старший сержант Лысенко позволить себе действовать произвольно, заботясь только о своей безопасности, не мог. Вёл, подталкивал к зданию МВД, а порой и волок по кирпичной крошке своих генералов.

Старший сержант дошёл. И пленных в штаб полка привёл.

Конечно, ждал, что наградят, отметят его старания и умелые действия при штурме Рейхстага и во время прикрытия знамённой группы. Но награды не последовало, и Иван Никифорович вскоре о своих чаяниях постарался забыть. Ни к чему душу беречь. Война была большая, жестокая, она разлила среди народа много несправедливости, и его личная обида ничего в этом громадном пространстве не значит.

О боях в Германии и штурме Берлина Иван Никифорович рассказывал брянскому журналисту Владимиру Павлову: «Мы заходили в дома и видели, как немки готовились принять смерть. Они сидели не шелохнувшись в углу комнаты, нарядно одетые, не говоря ни слова и не сопротивляясь. Мы успокаивали: «Не бойтесь, мы вас не тронем». Проверяли дома и шли

дальше. Гордые женщины! Хотели умереть красивыми! Они очень боялись русских. Не знали, чего от нас можно ожидать. Их мужей тоже отправили на фронт, многие из них погибли. Жители Германии, как и мы, устали от войны...

В окрестностях Берлина было много заброшенных домов. Мы спускались в подвалы, находили там разнообразные вина, продукты. Многие жители Германии уходили из своих домов, оставляя всё своё имущество на произвол судьбы.

Накануне взятия Рейхстага мне приснился сон. Будто я переплываю канал и неожиданно попадаю в бункер или какое-то подземелье. И плыву, плыву, плыву... А потом вижу, как навстречу мне по воде движется икона Божьей Матери. Я начинаю стрелять по ней из автомата, долго стреляю, в несколько очередей, а она не тонет...

Проснулся я в страхе. Господи, что я наделал и что бы это могло значить? Может, дурное предзнаменование? Я неверующий, но воспитала меня монахиня^[161]. Бункер, как подземелье, икона, да ещё я по ней стрелял... Поделился я тогда с товарищем, он был у нас в отряде за повара, сны умел толковать, в Бога верил. Тот выслушал мой рассказ и успокоил: «Иван, ты пройдёшь всю войну, останешься жив и в итоге получишь высокую награду, будешь жить долго...» В ту ночь, когда мне снилась икона Богородицы, мы ещё не знали, что Гитлер будет уничтожен, что совсем скоро война закончится и наступит мирная жизнь. Обидно было, когда во время взятия Рейхстага погибали наши солдаты. А ведь много ребят погибло в тот день. Вот так: войну прошли и умерли в самом её финале».

В ноябре 1945 года во время очередной волны демобилизации Иван Никифорович завербовался на стройку — в Донбасс, восстанавливать разрушенные войной шахты. В нашей армии это велось издавна: при демобилизации предлагали поехать туда, где страна

нуждалась в рабочих руках, надёжных и здоровых^[162]. Но на шахте Иван Никифорович заскучал по родине, по земле, по жене и семье... Зарабатывал неплохо и решил вначале так: поеду домой, заберу своих, купим где-нибудь на окраине домик с садом и огородом, так и заживём на новом месте. Поехал в родные Кузнецы. Да так и не вернулся на шахту. «Татьяна сказала, что никуда не поедет из родного села, — вспоминал бывший разведчик. — А куда мне без родных?»

Но это не всё воспоминание о возвращении на родину: «Ещё по пути домой мне встретился один мой приятель из Кузнецов. Первые слова, которые я от него услышал, были такими: «Ну что, Иван, ты теперь герой...» Я удивился: «Все, кто прошёл войну, герои. И я ничем от других не отличаюсь». В ответ он воскликнул: «Как?! Ты ещё не знаешь? Тебе же присвоили звание Героя Советского Союза! Недавно собственными глазами видел заметку в газете!»

Через пару дней после приезда отправился я в Гордеевку, нашёл ту газетку, где действительно было написано: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество старшему сержанту Лысенко Ивану Никифоровичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Так я получил сообщение о высокой награде».

Долго же читали в штабах и наградных отделах представление подполковника А. Д. Плеходанова. В те победные дни на волне восторга Великой Победы много было написано представлений на звание Героя Советского Союза. Солдатам, сержантам, старшинам, офицерам, генералам. В том числе — что греха таить? — и чтобы порадовать родному человечку... С окончанием боёв штабы забирали в свои руки многое. Война окончена, и место солдата занял чиновник,

канцелярская жилетка с надёжной партийной подкладкой. Он дождался своего часа, выжил в тылу, далеко от железного огня, и теперь решал практически всё. Многим представления на Героя скостили до ордена Красного Знамени. Офицерам — до ордена Отечественной войны 1-й степени, он тогда ценился высоко, генералам — до орденов Суворова степеней, соответствующих их должностям. А кое-кого и вовсе забыли.

Ивану Никифоровичу повезло. В наградном листе, написанном подполковником А. Д. Плеходановым, говорится: «В боях 16.04.1945 года при прорыве обороны противника с плацдарма на западном берегу реки Одер в районе Грос-Нойендорфа тов. Лысенко в числе штурмовой группы первым ворвался в траншею противника, в упор расстрелял расчёт немецкого крупнокалиберного пулемёта и, захватив пулемёт, открыл интенсивный огонь по отступающему врагу. Ломая ожесточённое сопротивление, группа вышла к Фридландерштром. Используя исключительно выгодную местность, немцы пытались приостановить наше продвижение, группе было приказано переправиться через канал, захватить на западном берегу плацдарм и обеспечить переправу основных сил полка. Под ливнем свинца вплавь тов. Лысенко одним из первых достиг западного берега канала, прикрываясь гранатным огнём, стремительным броском ворвался в немецкую траншею.

Немецкий офицер — командир зенитного орудия, действующего по прямой наводке, дважды почти в упор стрелял в тов. Лысенко из пистолета, но не дано было умереть герою. Подмоченный автомат тов. Лысенко отказал, в какое-то мгновение он прикладом разбил голову немецкому офицеру. В стане врага поднялась паника. Момент был использован. Через канал переправились ещё несколько наших групп.

30 апреля 1945 года в 14 часов тов. Лысенко первым ворвался в здание Рейхстага, гранатным огнём истребил более 20 немецких солдат, достиг второго этажа и водрузил знамя победы.

За проявленное героичество и мужество в бою достоин присвоения звания Герой Советского Союза.

Командир 674-го стрелкового полка подполковник Плеходанов».

Подполковник Плеходанов был мудрым человеком и заботливым, справедливым командиром. Он хорошо знал, кто в его полку настоящий герой, кто на что способен, а кто нет. Понимал и обстоятельства, наступившие в войсках после окончания военных действий. Знал, что представление за Берлин и за Рейхстаг не пройдёт. И потому увёл последние бои на задний план. «Знамённые» представления в те дни писали многие штабы, так что вскоре наверху, где всё решалось, их скопились ворохи. Но Плеходанов не был бы Плеходановым, если бы не настоял на своём: пусть в последнем абзаце, пусть кратко, но всё же — «первым ворвался в здание Рейхстага, гранатным огнём истребил более 20 немецких солдат, достиг второго этажа и водрузил знамя победы...»

Так и жил Иван Никифорович Лысенко скромным колхозным тружеником. Когда получил Героя, сразу назначили бригадиром. В колхозе это должность большая, равная, к примеру, должности начальника цеха на заводе. Потом был председателем сельсовета, киномехаником, завхозом в школе.

Из воспоминаний дочери Героя Екатерины Ивановны: «Отец никогда не кичился своими наградами, всегда помогал людям. На войне погибло более ста восьмидесяти жителей села Кузнецы. Многие женщины остались вдовами. Когда отец топил баню, он говорил заранее женщинам: «Если видите дымок идёт из трубы, значит, приходите и мойтесь, чтоб мне вас лишний раз

не беспокоить». А когда папанька бригадиром в колхозе был, то помогал жителям и зерном, и мукой, и сеном. Говорил: берите столько сена, сколько за один раз можете унести. И люди приходили, брали».

У Ивана Никифоровича и Татьяны Григорьевны было пятеро детей. В 1941 году родилась Евдокия, в 1947-м — Иван, в 1949-м — Василий, в 1954-м — Раиса, в 1956-м — Екатерина.

До последних дней своей жизни Иван Никифорович жил в посёлке Красная Гора в семье младшей дочери Екатерины. В доме на улице Героя Советского Союза Лысенко. Умер он совсем недавно — 30 декабря 2015 года.

2

Подполковник **Алексей Дмитриевич Плеходанов** — это отдельная история, навечно вплетённая в завершающие бои в Берлине, в том числе и в штурм Рейхстага. Имя командира 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии оказалось тесно связано и с той несправедливостью, с историческим подлогом, которые были допущены в мае 1945-го.

Родился он в 1909 году в деревне Шагарово Курского уезда (ныне это Курский район одноимённой области). Вырос в многодетной крестьянской семье. Учился в сельской школе. Добрый, справедливый, честный, работающий. В деревне, как известно, воспитывают мир, труд и школа. Родители, которые с раннего утра и до темна в поле — в последнюю очередь, и то разве что своим примером.

Незадолго до призыва в армию Алексея избрали председателем колхоза «Новый путь». И быть бы ему со временем в секретарях райкома, а то и повыше, когда бы не соблазнила военная служба.

По призыву в 1931 году он ушёл в Красную армию. Провожали на службу молодого председателя всем колхозом. Наказывали, чтобы отслужил как положено и возвращался в родное Шагарово. Не вернулся. Через год вступил в ВКП(б) — в кандидаты его приняли ещё в колхозе. В том же 1932 году окончил дивизионную партийную школу. Учился прилежно. Легко постигал военную науку. Ладил с товарищами. Отличался упорством, принципиальностью. Любил шутку и умел поддерживать в коллективе хорошее, боевое настроение. Такие люди в войсках были нужны. Но был в его характере пункт, который порой возвращался к нему злой шуткой: ироничность и прямолинейность. Позже не кто иной, как полковник Зинченко, его боевой друг, в один момент ставший злым недругом, о нём скажет: «Он мне всегда нравился своей прямоотой и решительностью. К тому же он был человеком острым на слово, с иронией, умел тонко высмеять тот или иной недостаток, не зло подтрунить, весёлой шуткой поднять настроение. 674-й полк под его командованием воевал отлично. Радовало, что наши полки вместе пойдут в этот трудный, ответственный и, возможно, последний бой...»

Хорошие слова. До поры до времени за ними стоял верный, надёжный друг, фронтовой товарищ. Но когда перед ними засияла Золотая Звезда Героя, одна на двоих, один из них тут же оттолкнул другого...

В 1938 году Алексей Плеходанов с отличием окончил курсы лейтенантов, в 1939-м — курсы политсостава. Участвовал в Советско-финской войне, отличился в боях и был награждён орденом Красной Звезды. На той знаменитой войне Красная Звезда была большой наградой.

Войну с Германией встретил в районе Бреста в июне 1941 года. Судьба наполняла ему горькую чашу испытаний до самых краёв... Старший политрук, военный комиссар стрелкового полка, державшего

оборону на реке Ясельда. После кровопролитных боёв отступал вместе с остатками полка в направлении Слонима, далее на Бобруйск, Оршу, Смоленск, Калугу. Вскоре полк расформировали, а политрука Плеходанова назначили в оперативный отдел штаба 31-й армии. В 1943 году Алексей Дмитриевич окончил курсы «Выстрел» и в звании майора отбыл на фронт, в 207-ю стрелковую дивизию на Западный фронт. Дивизией командовал полковник С. Н. Перевёрткин, тогда-то они и познакомились. Перевёрткин назначил Плеходанова командиром 598-го стрелкового полка. Вместе они дойдут до Берлина: Перевёрткин станет генералом и получит корпус, а Плеходанов будет командовать в его дивизии, а потом и корпусе стрелковым полком.

Со своим полком Плеходанов участвовал в освобождении Смоленщины (Смоленско-Рославльская наступательная операция 1943 года), затем Белоруссии, Прибалтики. В сентябре 1944 года, уже командуя 674-м стрелковым полком 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, дрался под Ригой, а потом на Курляндском полуострове.

Во время Псковско-Островской наступательной операции полк Плеходанова успешно форсировал реки Алоя и Великая, с ходу захватил плацдармы, расширил их и способствовал успешному продвижению дивизии. За умелое руководство войсками, личную инициативу и мужество 30 июля 1944 года Плеходанов был награждён орденом Кутузова 3-й степени.

Вскоре дивизию с второстепенных направлений перебросили на главное, Берлинское. Полк подполковника Плеходанова первым в корпусе ворвался в Берлин. Успешно продвигался к центру, занимая дом за домом, очищая от противника улицу за улицей. Свой КП Плеходанов всегда переносил в 1-й эшелон атакующих батальонов, чтобы видеть поле боя и управлять своими подразделениями исходя из быстро меняющейся обстановки. Однажды немцы

контратаковали полк крупными силами при поддержке танков. Танки и бронетранспортёры артиллеристы смогли отсечь, частично уничтожить, а пехота начала просачиваться к полковому командному пункту. Участники того боя вспоминали, как хладнокровно комполка руководил боем по отражению атаки немецкой пехоты, как вёл огонь из автомата, а затем, когда немцы приблизились вплотную, бросал гранаты. В том бою подполковник Плеходанов получил ранение, но из боя не вышел, пока не подоспело подкрепление, которое отбило немецкую контратаку.

На одной из улиц бойцы 674-го полка захватили хранилище, откуда немцы не успели вывезти слитки драгоценных металлов. В хранилище оказалось 46 килограммов золота и 20 тонн серебра. Из этого трофея всему его полку можно было отлить Золотые Звёзды, а ордена Славы — всему 1-му Белорусскому фронту. В хранилище ничего не пропало. Плеходанов тут же выставил охрану и доложил о необычном трофее в штаб дивизии.

На пути к центру Берлина батальоны 674-го полка, прикрываясь огнём артиллерии и танков, ворвались в Имперское министерство внутренних дел и приступили к его зачистке. Это комплекс зданий, почти квартал, превращённый в единый узел сопротивления, в крепость с тщательно продуманной системой огня и жизнеобеспечения. Для разгрома этой твердыни полку Плеходанова потребовались сутки.

От МВД до Рейхстага было рукой подать. Но на несколько суток это пространство стало пространством смерти. Именно здесь в ходе первых атак на Рейхстаг был почти целиком выбит соседний 756-й стрелковый полк полковника Зинченко.

После форсирования Шпрее 150-я дивизия стала двухсоставной. А к 30 апреля в ней остался практически один полк — полк подполковника Плеходанова — и

батальон Неустроева из 756-го полка, в котором не насчитывалось и роты.

При подходе к Шпрее полк Зинченко шёл в 1-м эшелоне. Но после форсирования реки и первых атак в направлении Рейхстага ситуация изменилась.

Из воспоминаний подполковника А. Д. Плеходанова: «29 апреля примерно в 22 часа 30 минут меня вызвал на свой наблюдательный пункт, который находился в туннеле под железной дорогой, Шатилов и сказал:

— Товарищ Плеходанов, у Зинченко большие потери. Вести наступление одним батальоном Неустроева он не может. Говорит, что в этом батальоне осталось всего 75 человек. Так что придётся штурмовать Рейхстаг тебе. Подготовься к штурму. Неустроев будет тебе помогать.

По дороге на свой наблюдательный пункт, подвалами и через проломы в стенах домов, я пошёл посмотреть, какова обстановка в полку Зинченко, можно ли рассчитывать на его помощь.

Полк Зинченко был действительно сильно потрепан. Оставшиеся в строю воины (их было немного) расположились в комнатах большого здания на берегу Шпрее. В одной из комнат я нашёл Зинченко. Он стоял возле койки с нераскуренной трубкой во рту. Поздоровавшись, я спросил:

— Будем штурмовать Рейхстаг?

Он крепко выругался и ответил:

— Чем я буду штурмовать? Остатками батальона Неустроева? Нет, дружище, валяй сам.

Я распрощался и ушёл. Зная, что полк Зинченко в атаке участвовать не будет, а знамя Военного совета находится там, я сказал лейтенанту Сорокину и парторгу подразделения Виктору Правоторову, которые в это время находились при мне, чтобы они подготовили Красное Знамя для водружения на Рейхстаге.

Разведчики обрадовались, заволновались. Вскоре раздобыли где-то перину, здесь же, на наблюдательном

пункте, перину выпотрошили. Кто-то принёс нечто похожее на древко. Подстругали его кинжалами. Знамя получилось грубоватым, но зато прочным и большим. Вручив Красное Знамя разведчикам, я поставил задачу водрузить его на крыше, у скульптурной группы».

Конечно, в своих воспоминаниях Плеходанов многое недоговаривает. Наверняка был разговор о знамени Военного совета, которое теперь, когда выбит 756-й полк, следуя обстоятельствам, надо было бы по логике передать 674-му полку. Но Зинченко знамя № 5 не отдал, видимо, теплил надежду на батальон Неустроева. Или ещё на что-то. И в конце концов выкрутил своё... Но и Плеходанов был малый-хват, приказал разведчикам соорудить знамя не хуже штатного, номерного, официального. Следует предположить, что именно поэтому «перинное» знамя получилось значительно ббльшим по размеру: знай наших!.. Характер подполковника проявился и здесь. Робкие и вежливые города и Рейхстаги не брали...

Тридцатого апреля начался штурм. В этом штурме после артподготовки приняли участие боевые группы из многих других частей и подразделений, в том числе отважная четвёрка разведчиков-артиллеристов капитана В. Макова. Не сразу удалось штурмующим прорваться к Рейхстагу. Артиллерия поддержки вынуждена была повторять артралёты по неподдавленным огневым точкам, которые препятствовали продвижению пехоты к зданию Рейхстага. Пока готовился очередной огневой налёт, генерал Шатилов приказал ввести в бой 756-й полк полковника Зинченко. Полка-то, понятное дело, у Зинченко не было. Но в ряды атакующих влился батальон Неустроева числом до роты. Надо же было кому-то нести знамя Военного совета. Правда, куда его неустроевцы потом дели, до сих пор неясно.

Из боевого донесения начальника штаба 674-го стрелкового полка майора Жаворонкова 2.5.45 г.: «КП район церкви Моабит.

На ваш запрос доношу^[163]:

1. Первые люди нашего полка ворвались в Рейхстаг в 14.25 мин. 30.04.45 г.

2. Водружено знамя над Рейхстагом в 14.25.

3. Бой в Рейхстаге длился с момента входа в Рейхстаг целую ночь.

4. Во время входа наших подразделений в Рейхстаг там никаких других частей не было. Наши подразделения вошли в Рейхстаг одни».

И ещё один документ:

«Итоговое боевое донесение 674 сп 15 °СИД. 29.4.45. — 02.5.45 г.

...Ведя ожесточённые бои, подразделения полка к 5:00 30.4.45 г. заняли министерство внутренних дел — канцелярию Гимmlера и к 9:00 заняли исходный рубеж перед штурмом Рейхстага.

После артподготовки, начавшейся в 14:00, начался штурм Рейхстага. В 14:25 30.4.45 г. ворвались в здание Рейхстага с северной части западного фасада 1 стр. рота и взвод 2-й стр. роты 1 стр. батальона 674 сп, с которыми было 6 человек разведчиков для установления флага над Рейхстагом.

Командиром взвода разведки 1 стр. батальона мл. лейтенантом Кошкарбаевым и бойцом разведвзвода полка Булатовым было водружено знамя над зданием Рейхстага.

Героизм и храбрость при водружении знамени проявили бойцы разведвзвода полка: ст. сержанты Лысенко, Правоторов, Орешко, красноармейцы Габидуллин, Панковский, Брюховецкий во главе с командиром разведвзвода лейтенантом Морокиным...

*Командир 674 сп подполковник Плеходанов,
Нан, штаба 674 сп майор Жаворонков».*

Однако случилось так, что вся слава взятия Рейхстага досталась не тем, кто его брал в действительности и кто под пулями устанавливал над ним победное знамя.

Семён Егорович Сорокин, бывший командир разведгруппы, после войны рассматривая в Центральном музее Вооружённых сил СССР Знамя Победы, узнавал в нём то самое, сшитое его лихими разведчиками из наперника, найденного в «Доме Гимmlера», и промолчал... Кому что докажешь? Как начальство решило в мае 1945-го, так и записали в историю... Но, по всей вероятности, бывший командир разведчиков 674-го стрелкового полка молчал неспроста, посоветовали, убедили, что так для него будет лучше.

Вот записанные на магнитофонную плёнку беглые воспоминания Семёна Егоровича Сорокина о тех днях: «Дал это знамя Булатову. Хотел он в окно. Выше, выше, выше надо, говорю. И пошли выше. Вылезли, видим: конная масса лошадей... Я говорю: вот это самое подходящее — центральный вход. Привязали кое-какими верёвками. Когда я докладывал Плеходанову: «Водрузили знамя вот это наше...» — вырвал у меня трубку Зинченко и этой трубкой ударил по голове мне. Я мог расстрелять всех там... И тогда пошла молва: «Вот они водрузили то знамя...» А уже первого числа, когда наше знамя было там, Рюмкин — корреспондент, Роман Кармен со своими работниками начал снимать эту эпопею, сказал: «Кто водружал-то? Они водружали?» — «Нет, — говорит, — мы не пойдём сниматься. Вы водружали там, вы, — говорит, — и меняйте его». Вот как они сами сказали, Егоров и Кантария. А только ихний командир батальона Неустроев пошёл туда с нами и попросился просто: «Семён Егорович, разреши, — говорит, — мне сняться с вами для истории...» А если бы

я знал, что он такую подлость будет делать, я бы его оттуда... с коней спустил бы...»^[164]

Командир дивизии генерал Шатилов в своих мемуарах «Знамя над Рейхстагом» напишет: «В 14 часов 30 минут я принял почти одновременно два доклада — от Плеходанова и Зинченко:

— Полторы наших роты ворвались в Рейхстаг! — доложил один. — Время — четырнадцать двадцать пять!

— В четырнадцать двадцать пять рота Съянова ворвалась в главный вход Рейхстага! — доложил другой. — Знамя Военного совета поставлено у колонны, справа от входа.

— Знамя вижу! — ответил я.

И снова, если давать ответ на вопрос: «Кто же был первым?» (а вопрос этот вызывает подчас чрезмерно повышенный интерес), я бы ответил: «А так ли уж это важно? Играют ли здесь роль минуты и секунды? Важно, что каждый стремился быть первым и делал всё, чтобы быть им, не прячась за спины товарищей». Первыми были в полном составе рота Петра Греченкова, группа Ивана Лысенко и рота Ильи Съянова».

О знамени Военного совета Зинченко своему командиру сказал неправду. Знамя № 5, как утверждают исследователи, в Рейхстаг по неизвестной до сих пор причине так и не попало. Как его мог видеть генерал Шатилов? Что касается проблемы «Кто же был первым?», то здесь можно согласиться с генералом, что действительно не столь и важно, это же не спортивные соревнования на скорость и ловкость, когда победу решают минуты и секунды. Но почему одних наградили обещанными «Золотыми Звёздами», а другим дали утешительные ордена? Финал с награждением решили по-чиновничьи, не по-солдатски. Исковеркали многие судьбы. Наплевали в души.

О роте Съянова Шатилов тоже написал неправду. Согласно документам и свидетельствам Съянов в 14.30

ещё был в санчасти, куда его доставили после ранения. И роту свою привёл к Рейхстагу много позже. Рота состояла в основном из только что освобождённых узников тюрьмы Моабит. Их подкормили, переодели, дали оружие и — вперёд. Пополнение рвалось в бой: желание отомстить за свои унижения и страдания были высокими. Но сплочённости, а следовательно, слаженности в бою у роты не было.

Видеть Знамя Победы, поставленное у колонны, «справа от входа», со своего НП Шатилов не мог. Выходит, генерал всё уклонился от истины. Сплошная ложь! Вот и мучился потом всю жизнь, допустив однажды малодушие и пойдя на поводу и у обстоятельств и у заинтересованных людей.

Основная тяжесть штурма, а затем и зачистки помещений, в том числе и подземелий Рейхстага, легла на роты 674-го стрелкового полка. Генерал Шатилов, следуя новой версии штурма Рейхстага, и это утаил!

Из воспоминаний подполковника А. Д. Плеходанова: «Около 16 часов, когда огонь несколько стих, ко мне на НП пришёл полковник Зинченко с телефонным аппаратом через плечо. Он был не один, со своей боевой подругой Зиной. Они принесли бутылку шампанского и торт. Поздравили меня с победой.

Вскоре мне снова позвонил В. Шатилов. Он приказал подготовиться к третьей атаке, спросил, не могу ли я во время нового штурма перенести свой наблюдательный пункт в Рейхстаг. Я ответил, что делать это ещё рано. Справа атакуют немцы на танках, левее — бьют их артиллерийские орудия. Да и вообще вся площадь перед Рейхстагом сильно простреливается. А если мне и удастся перенести свой НП с Рейхстаг, то руководить боем будет невозможно. Мы можем оказаться отрезанными и потерять Рейхстаг.

В заключение я предложил генералу послать туда Зинченко, сказал, что он находится у меня на НП.

Генерал попросил передать трубку.

Закончив разговор с В. Шатиловым, Зинченко недовольно сказал:

— Старик беспокоится о знамени Военного совета. Говорит, что комкор Перевёрткин не даёт покоя, всё время спрашивает о знамени Военного совета армии. Приказывает водрузить его.

Я сказал, что обижаться не следует, надо пробиваться в Рейхстаг, что войск у него нет, руководить нечем, а отсиживаться на моём НП неудобно...»

Как можно понять, в состоявшемся на НП 674-го полка разговоре подполковник и полковник, два фронтовых товарища, прошедших немало фронтовых дорог плечом к плечу, сказали друг другу многое. Один не без горечи поздравил другого. Другой, с трудом сдерживая иронию, посочувствовал ему и дал совет пробиваться в Рейхстаг, то есть устанавливать знамя Военного совета армии.

В ночь на 1 мая 1945 года Рейхстаг был очищен: гарнизон его частично истреблён, частично пленён. Потери нашей стороны тоже оказались значительными. Надо отдать должное защитникам Берлина: сражались до последнего патрона и до последнего солдата.

В очищенный от противника Рейхстаг со всего Берлина хлынули бойцы и офицеры, делегации армий, корпусов, дивизий и дивизионов, полков и различных служб. Устанавливали свои флаги, флажки и вымпелы. Делали на стенах и колоннах надписи. Надписи были различными: «Учтено за кур»; «Привет Москве! Берлину крышка!»; «Одесит Пескин. Ленинградец Житмарёв. Осмотрели развалины Берлина. Остались весьма довольны»; «За Ленинград заплатили полностью»; «Урал-Москва. Мы привезли снаряды, бомбы, людей и разбили это гнездо зверей!». Среди прочих была и такая

надпись: «Слава героям, водрузившим Знамя Победы над Берлином!»

А настоящих героев оттеснили в сторону. Назначили других...

По сценарию, написанному кем-то из работников политорганов, настоящим Знаменем Победы могло быть только знамя Военного совета 3-й ударной армии. Такие знамёна были изготовлены заранее и розданы в дивизии. В каждую дивизию по одному. Знамёна были пронумерованы. 150-й Идрицкой дивизии досталось знамя № 5. Командир дивизии генерал Шатилов через политотдел передал его в полк полковника Ф. М. Зинченко. Зинченко, растеряв в боях личный состав, был сильно удручён. А тут ещё на НП забрёл командир разведгруппы лейтенант Сорокин и начал докладывать по телефону в штаб соседнего полка о том, что Знамя Победы установлено... У полковника вначале сдали нервы, поднял руку на младшего по званию. Если бы нервы сдали и у лейтенанта, то лежать бы комполка и жизнелюбу Фёдору Матвеевичу Зинченко в луже крови изрешечённым автоматной очередью в упор... Сорокин сдержался. Видимо, слишком велика была радость только что свершённого его разведгруппой. А Зинченко, охваченный завистью к соседу, тут же позвонил Шатилову и в горячке доложил о том, что его бойцы водрузили над Рейхстагом Знамя Победы. Примерно в это же время, возможно, чуть раньше, в штаб дивизии позвонил подполковник Плеходанов. Но знамя Военного совета № 5 по-прежнему находилось на НП Зинченко...

Военный журналист Евгений Кириченко несколько лет назад опубликовал в Интернете статью-исследование «Молчание знаменосца». В ней он затронул многие аспекты истории штурма Рейхстага. Рассказал правду и о знаменосцах.

«Виктор Тёмин сделал увеличенный снимок для юбилейной выставки, посвящённой Дню Победы^[165]. Под

ним стояла короткая подпись: «1 мая 1945 года». Знамени над Рейхстагом на этой фотографии не было. Да и не могло быть, потому что Егоров и Кантария, как потом выяснится, перенесли победный флаг с фронта на купол только к вечеру 2 мая, когда здание перестало гореть. Эту историю с водружением снимал уже другой человек, корреспондент «Фронтной иллюстрации» Анатолий Морозов.

Спустя почти 60 лет после Победы, — пишет далее Евгений Кириченко, — он рассказал в газете «Известия», как утром 2 мая вытащил Егорова и Кантарию на крышу из подвала Рейхстага, где те отсыпались вместе с остальными разведчиками батальона Неустроева. Приказ сфотографировать их пришёл в телеграмме из ГлавПура. Правда, в Москве ещё не знали фамилий знаменосцев, и найти их должен был сам Морозов.

Сам он их нашёл, или кто помог, но по воспоминаниям командира 756-го полка Зинченко, приказ доставить к Рейхстагу Егорова и Кантарию поступил ему от командира 150-й дивизии Шатилова. Знаменосцы должны были установить на куполе знамя Военного совета № 5, которое таинственным образом куда-то исчезло. Официально считается, что оно, установленное на куполе Рейхстага утром 1 мая, было сбито огнём фашистов или сгорело при пожаре, хотя по воспоминаниям участников штурма Рейхстага его там и не было. Поэтому Егорову и Кантарии пришлось снимать с конной статуи Вильгельма то самое знамя, сшитое из эсэсовской перины разведчиками группы Сорокина, и пробираться с ним к куполу, закинув за плечи автоматы.

Собственно говоря, именно эта деталь — брошенные за плечи автоматы знаменосцев — и выдаёт постановочный характер фотографии. Щёлка затвором камеры, направленной на героев штурма Рейхстага, обходивших древно с развевающимся на порохом ветру флагом, корреспондент предположить

не мог, что ни Егоров, ни Кантария в этом самом штурме как раз и не участвовали. Их просто назначили знаменосцами 150-й дивизии и привели в Рейхстаг в сопровождении автоматчиков роты Съянова, когда сопротивление немецкого гарнизона фактически было сломлено.

В ту, первую ночь мая, путь знаменосцам на крышу Рейхстага автоматом и гранатами расчищал замполит батальона Алексей Берест. По идее, главным героем снимка как раз должен был стать именно он. Но в подвале Рейхстага его не оказалось, и в кадр фотокорреспондента Берест не попал. Как не попал и в указ Президиума Верховного совета о присвоении звания Героя Советского Союза участникам штурма Рейхстага из 756-го стрелкового полка. Говорят, его вычеркнул Жуков, который не сильно жаловал политработников...»

Вычёркивал или не вычёркивал Жуков Береста, неизвестно. Ни свидетельств нет, ни документальных подтверждений. Лишний раз демонизировать Маршала Победы не стоит, тем более что желающих всегда хватало с избытком. К тому же, если предположить, что командующий войсками 1-го Белорусского фронта знал имена тех, кто первым поднял над Рейхстагом Знамя Победы, то уменьшить количество тех, кто ворвался в здание Рейхстага вслед за разведчиками, повод у него был.

Вернёмся к подполковнику А. Д. Плеходанову: «Вскоре в честь героев штурма Рейхстага командование корпуса решило устроить банкет. Это было на даче Геринга. Командир корпуса, глядя на листок бумаги, провозгласил тост, назвав командира дивизии В. Шатилова, воинов 756-го полка: Ф. Зинченко, С. Неустроева, И. Съянова, Береста, Егорова и Кантарии. А затем лишь упомянул меня, моего заместителя по

политчасти Субботна, командира батальона Давыдова, командира роты Греченкова.

Тогда из-за стола встала врач медчасти Р. Дроздова, которая отлично знала, кто штурмовал Рейхстаг, кто первым проник туда и водрузил Знамя Победы. Она сказала:

— Так это и есть все герои штурма Рейхстага? Позвольте, а где же остальные герои и, в частности, разведчики 674-го полка, которые первыми ворвались в Рейхстаг и водрузили на нём Знамя Победы?

— На банкет приглашены только офицеры, — ответил В. Шатилов.

— Но я вижу вон Егорова и Кантария. Какое отношение они имеют к Знамени Победы? Если говорить честно, я больше на это имею право. Во время всех трёх штурмов Рейхстага я находилась на НП полка Плеходанова. Вместе с Плеходановым вошла в Рейхстаг. А Егоров и Кантария пришли туда на много часов позже меня. Да вдобавок к тому — под охраной...

Среди собравшихся произошло замешательство. Люди стали переглядываться, шептаться. Назревал скандал. Чтобы избежать его, мы, офицеры 674-го полка, убралась восвояси. Банкет не получился...

Не забуду я и дня, когда в дивизии отбирали в Москву воинов для участия в первом параде в честь Победы над фашистской Германией. Делалось всё втихомолку, скрытно и в спешном порядке. Помню, В. Шатилов отобрал тогда Съянова, Егорова, Кантария и ещё кого-то из полка Зинченко, несколько воинов из других частей дивизии. И в отместку нам, ни одного представителя 674-го полка, взявшего Рейхстаг!»

Вот так плюнули в душу Героям. Настоящим героям штурма Рейхстага.

Роль маршала Г. К. Жукова в этой истории неясна. Однако известно, что он распорядился Знамя Победы на параде 24 июня 1945 года не проносить, сдать его как

реликвию в Центральный музей Вооружённых сил на вечное хранение. Не были включены в полк 1-го Белорусского фронта комбат Неустроев и знаменосцы Егоров и Кантария. Во время парада они сидели на гостевых трибунах, то есть находились среди зрителей. И ещё один штрих. Когда Жукову положили на стол пачку представлений к званию Героя Советского Союза участников штурма Рейхстага, он просмотрел их и сказал, что список слишком большой, отобрал листы генералов, а по поводу остальных заметил:

— Надо разбираться.

Почти все из списка получили ордена Красного Знамени. Однако некоторые спустя год были всё же удостоены звания Героев. Среди них старший сержант Иван Никифорович Лысенко.

Представление на Героя подполковнику А. Д. Плеходанову генерал-майор В. М. Шатилов подписал 4 мая 1945 года. Командир корпуса генерал-майор С. Н. Перевёрткин своей подписью подтвердил представление, и оно ушло в штаб армии. По всей вероятности, дальше штаба армии документ не пошёл. Приказом командира 3-й ударной армии № 086-н от 13 мая 1945 года подполковнику Плеходанову была утверждена награда — орден Красного Знамени.

Уволившись из армии в звании полковника, Алексей Дмитриевич Плеходанов жил с женой Марией Степановной в Бресте. Умер в 1973 году. Похоронен со всеми воинскими почестями на гарнизонном кладбище. В мемориальном музее «Брестская крепость» хранятся личные вещи, фронтовые документы и реликвии героя штурма Рейхстага А. Д. Плеходанова.

Всю жизнь он искал правду. Не нашёл.

Младший сержант 756-го стрелкового полка **Пётр Николаевич Пятницкий** в историю штурма Рейхстага вошёл под другим именем — Забытый Солдат.

Родился Солдат в 1913 году в селе Мужинове Клетнянского уезда Орловской губернии, ныне Брянской области. Учился в сельской школе. Как и все деревенские дети, рано начал трудиться. Работал в колхозе.

Летом 1941 года он был уже на фронте. Воевал в рядах 267-й стрелковой дивизии. В июле 1942 года в очередном бою был тяжело ранен и попал в плен. Дважды пытался бежать, но оба раза неудачно. После каждого из побегов подвергался жесточайшим наказаниям, пыткам. В 1944 году наступающие войска Красной армии освободили концлагерь. Наступающие войска несли большие потери, нуждались в пополнении, а тыл уже не восполнял редущие роты и батальоны. В подразделения зачисляли бывших военнопленных, предварительно прошедших фильтрацию. В числе таких «призывников» оказался и Пётр Николаевич Пятницкий.

Капитан Неустроев взял его в свой штурмовой батальон связным.

Тридцатого апреля капитан Неустроев передал ему Красное знамя и приказ: вместе с подразделениями, штурмующими Рейхстаг, ворваться в здание и поднять знамя над Рейхстагом.

Из воспоминаний однополчанина П. Н. Пятницкого Анатолия Джугаша: «Среди имён солдат и офицеров — людей, бравших Рейхстаг, несправедливо забыто одно — Петра Николаевича Пятницкого. А между тем он первым выпрыгнул на мостовую из окна дома Гимmlера в Берлине, когда начался штурм Рейхстага 30 апреля 1945 года при самой первой атаке. Потом под перекрёстным огнём на улице Ландвер-канал, когда роты 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта залегли, то

вдруг в полный рост встал один из бойцов, развернул полотнище красного знамени и увлѣк за собой своих товарищей. Это был младший сержант одной из передовых рот 756-го стрелкового полка Пётр Пятницкий. Оставшиеся в доме Гимmlера бойцы увидели, как Пётр Пятницкий вбежал уже на ступени главного входа Рейхстага, взмахнул опять знаменем. Секунда, другая, ещё немного, и он в яростном прыжке зацепился было носком сапога за кромку последней гранитной ступени лестничного марша, но в этот момент его срезала пулемѣтная очередь...»

Сражѣнного пулемѣтной очередью товарища подхватил бежавший за ним младший сержант Щербина. Подбежали другие бойцы. Тело Петра Пятницкого они отнесли к колонне, чтобы не затоптали бегущие по ступеням вверх солдаты и командиры других подразделений. Знамя, как вспоминал Анатолий Джугаш, закрепили на верхней части колонны над парадным входом в Рейхстаг.

По другой версии, тело Петра Пятницкого лежало весь день на ступеньках Рейхстага, пока не началась следующая, вечерняя атака, во время которой подразделения 150-й стрелковой дивизии и других частей ворвались в здание Рейхстага. Он лежал, мѣртвый сжимая в одной руке древко развѣрнутого знамени, в другой автомат с пустым диском. Никто не мог подойти к нему, ни его боевые товарищи, ни те, кто продолжал яростно оборонять Рейхстаг. Огонь вели и те и другие. Била артиллерия, танки, миномѣты, пулемѣты.

Военный корреспондент Василий Субботин написал о подвиге Петра Николаевича Пятницкого заметку. Но в печать она не пошла. К тому времени в штабах уже начали делить Золотые Звѣзды, младший сержант Пятницкий в «золотой список» не вошёл. Более того, тело его похоронили в безымянной могиле и семье ушло извещение о том, что их отец, муж и сын пропал без

вести... Но та неопубликованная заметка, в набросках и черновых записях, сохранилась в блокноте Василия Субботина. Впоследствии, когда начала возвращаться правда о штурме Рейхстага, он рассказал о герое.

Существует версия и о том, что Пётр Николаевич Пятницкий какое-то время воевал в составе партизанского отряда французского Сопротивления и отличился в боях как храбрый пулемётчик.

Из воспоминаний командира батальона капитана С. А. Неустроева: «Кто пойдёт первым? После короткого раздумья я пришёл к твёрдому решению, что следует послать младшего сержанта Петра Пятницкого. Вместе с ним мы прошли большой боевой путь. Я любил его за храбрость, безупречную исполнительность, за хватку в бою. Пятницкий был моим ординарцем. Но когда требовалось выполнить особо важное поручение в масштабе отделения или взвода, я смело поручал его Петру. Вызвав его к себе, я сказал: «Придётся тебе, Петя, со взводом резерва первому преодолеть Шпрее по мосту, за тобой повзводно пойдёт весь батальон». От волнения на скуластом лице младшего сержанта заходили желваки. Я понимал, что он не боится ни гибели, ни ранения, а озабочен в эту минуту только одним: сможет ли он исполнить то, что ему поручено? Пятницкий ответил: «Задача ясна».

Взвод, который вёл младший сержант Пятницкий через Шпрее по полуразрушенному мосту, попал под заградительный артиллерийский огонь немцев. Их артиллерия и миномёты били из Тиргартен-парка и со стороны Бранденбургских ворот. Большие потери заставили капитана Неустроева ввести в дело резервный взвод младшего лейтенанта Лебедева. Разведчики из группы капитана Макова в это время срочно перегоняли по радиации в штаб своей артиллерийской бригады координаты обнаруженных целей. И вскоре огонь немецких батарей стал слабее.

Артиллеристы подавили многие огневые точки на противоположном берегу. И пехота пошла по мосту смелее.

«Настал решающий момент для форсирования Шпрее, — вспоминал С. А. Неустроев. — Взвод Петра Пятницкого и взвод Николая Лебедева бросился вперёд. Следуя за разрывами наших артиллерийских снарядов, солдаты устремились к мосту. Затем вперёд бросились бойцы роты старшего лейтенанта Панкратова. Тем временем Пятницкий перебрался на другой берег реки. За ним Лебедев. Вскоре на тот берег перебралась вторая стрелковая рота лейтенанта Михаила Гранкина, за ней пулемётчики, миномётчики и остальные подразделения моего батальона».

Пётр Николаевич Пятницкий погиб во время первой атаки на Рейхстаг на ступеньках главного входа. В суматохе победного ликования, парадов и других торжеств о нём, погибшем, забыли. И дело вовсе не в награде. Дело в том, что забыли. Хотя награда и не позволила бы забыть. Но — забыли.

Однако память, как и правда, а правда, как и память, — обе эти стихии, со временем переходя в категорию нравственную, имеют свойство возвращаться, и порой тогда, когда их уже не ждут.

4

А теперь — самая трагичная страница этой главы — **Григорий Петрович Булатов.**

Он родился 16 ноября 1925 года в деревне Черкасово Березовского района Свердловского округа Уральской области. Как отмечают исследователи, «свой род Булатовы ведут из староверов, сосланных в Курганскую область». В 1929 году семья Булатовых, как и многие крестьяне в этот период советской истории, из деревни

перебралась в город — бежали от коллективизации, попали в индустриализацию... Сперва Булатовы поселились в городе Кунгуре Пермского края. Потом переехали в городок Слободской под Вяткой. Родители Пётр Григорьевич и Анна Михайловна устроились на работу на спиртзаводе. Семья жила в бараке, принадлежащем спиртзаводу. С восьми лет Гриша пошёл в школу. Как отмечали одноклассники, учился без особой охоты. Родители по крестьянской привычке держали хозяйство — корову, свиней, кур. Пока родители были на работе, на Грише лежала забота о скоте: покормить, убрать, напоить, досмотреть. С отцом и матерью косил сено. Любил лес, прекрасно в нём ориентировался, попадая даже в незнакомое место. Был страстным грибником. Много времени проводил на Вятке. Рыбачил. Плавал как рыба. Несколько раз спасал тонущих. Среди друзей-товарищей, несмотря на свой невеликий рост, был заводилой и авторитетом. Брал энергией, сообразительностью, способностью мгновенно и точно действовать в самых сложных обстоятельствах.

Друг детства Виктор Шуклин вспоминал такой случай. Однажды во время купания на реке он, Виктор, сильно порезал о стекло ногу. Кровь хлестала так, что стало страшно. Гриша первым пришёл в себя, схватил свою рубаху, разорвал её и перевязал рану, перетянул скрученным жгутом ногу. Взвалил друга на спину и на себе потащил домой. Всё обошлось. Шрам на ступне остался на всю жизнь. А Грише досталось от матери за разорванную рубаху...

Перед самой войной пошёл работать на комбинат «Красный якорь». Цех, в который приняли Григория, выпускал фанеру для нужд советского авиапрома. Должность у Григория в цеху была самая «чёрная» и ответственная — кочегар котельной. Без тепла в цеху качественную фанеру для боевых самолётов не склеишь.

Когда началась война, отец Пётр Григорьевич ушёл на фронт. В 1942 году на него пришла похоронка. Григорий тут же метнулся в военкомат. Хотелось поскорее попасть на фронт, отомстить за отца. Военком заглянул в свидетельство о рождении — шестнадцать лет... Посоветовал немного подрасти и выпроводил домой. Целый год он обивал пороги военкомата. Чтобы поскорее «подрасти», всерьёз занялся самоподготовкой. Физзарядка, бег, плавание, подтягивание на турнике. Выучился на шофёра. Потом, на фронте, это не раз помогало, гонял и на своих машинах, и на трофейных. В июне 1943 года военком наконец сдался, Григория призвали в Красную армию. Но, всё же учитывая его малолетство, на фронт не отправили, хотя там, между Орлом и Курском, заваривалась густая каша, — направили в команду по охране военных складов. Склады те находились неподалёку, в посёлке Вахруши.

Весной 1944 года ему выпало неожиданное поручение: сопровождать эшелон лошадей, конечный пункт Великие Луки. Назад рядовой Булатов уже не вернулся — зачислен рядовым стрелком в роту 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 79-го корпуса 3-й ударной армии.

Воевать начал в стрелковой роте северо-западнее Неве-ля. Приказом по 674-му полку 150-й стрелковой дивизии 2-го Прибалтийского фронта № 024/н от 8 июля 1944 года медалью «За отвагу» награждён «стрелок роты автоматчиков рядовой БУЛАТОВ Григорий Петрович (русский 1925 г. р.) за то, что он в бою 22–23 июня 1944 года за высоту 228,4 Пустошенского района под непрерывным огнём противника вброд через реку своевременно доставлял боеприпасы на передний край».

За высоту 228,4 дивизия дралась несколько суток. Не зря её прозвали «Заозёрной», по аналогии с той, памятной, у озера Хасан... Когда полки дивизии овладели высотой, немцы предприняли серию контратак

при поддержке танков и артиллерии. Все они были отбиты с большими потерями с обеих сторон. Захват «Заозёрной» открыл корпусу путь на Идрицу. После освобождения Идрицы 150-я стрелковая дивизия получила почётное наименование Идрицкой.

Пятого июля в бою у озера Учёное Булатова ранило. Это было первое ранение. Через пять дней он уже вернулся в роту. Вскоре познакомился с разведчиками. Командир отдельного взвода пешей разведки младший лейтенант Семён Сорокин сразу заметил в молодом пехотинце качества, необходимые разведчику, и настоял на переводе рядового Булатова из роты в свой взвод.

В сентябре Булатова наградили второй медалью «За отвагу»: «За то, что стрелок роты автоматчиков рядовой БУЛАТОВ Григорий Петрович с группой разведчиков в ночь на 26.7.44 г. в районе деревни ЧЁРНАЯ захватил «языка», который дал ценные сведения».

В октябре получил свой первый орден — Славы 3-й степени. Из наградного листа: «Тов. Буланов участник всех наступательных боёв, проведённых полком с 10.7.44 г., в боях действовал смело и решительно. В бою 20 сентября 1944 г., выполняя приказ командира, смело выдвинулся вперёд и гранатным огнём уничтожил пулемётную точку противника вместе с расчётом...».

В берлинских боях Григорий Булатов по-прежнему воевал в составе разведгруппы лейтенанта Семёна Сорокина. Привожу документ, созданный 6 мая 1945 года. Это — представление к званию Героя Советского Союза на рядового Булатова Григория Петровича, подготовленное командиром 674-го стрелкового полка. В нём «краткое, конкретное изложение личного боевого подвига» разведчика Булатова: «В бою 17.4.1945 года противник, используя водную преграду — канал Фридландерштром, пытаясь приостановить продвижение наших подразделений, стянул много огневых средств и оказал яростное сопротивление. Тов.

Булатов в числе группы разведчиков при поддержке мощного налёта нашей артиллерии вплавь переправился на западный берег и стремительным броском ворвался в траншею противника, захватив несколько его огневых точек, группа разведчиков своими резкими и самоотверженными действиями посеяла замешательство в стане врага. Используя успех разведчиков, через канал было переброшено ещё несколько штурмовых взводов, чем был обеспечен прорыв обороны немцев на участке полка. Тов. Булатов в группе разведчиков, пользуясь тем, что линия обороны противника нарушена, обошли крупный населённый пункт Куненсдорф и отрезали путь отхода его гарнизону. При попытке отхода немцы были встречены сильным огнём из пулемётов и фаустпатронов, и загнаны в подвалы каменных зданий. В результате чего подошедшее наше подразделение захватило в плен более 250 немецких солдат и офицеров и много вооружения. 29.04.1945 г., когда полк, ведя ожесточённые бои на подступах к Рейхстагу, вышел на р. Шпрее, тов. Булатов был из тех, кому было приказано при поддержке артиллерии на подручных средствах форсировать р. Шпрее, пробраться к зданию Рейхстага и водрузить над ним Знамя Победы. Беря с боя каждый метр площади, в 14 часов 30.04.1945 года ворвались в здание Рейхстага, с ходу захватили выход одного из подвалов, заперев там до 300 немецких солдат гарнизона Рейхстага. Пробившись на верхний этаж, тов. Булатов в группе разведчиков в 14 час. 25 мин. водрузил над Рейхстагом Красное знамя.

Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

6 мая 1945 года командир 674 стрелкового полка подполковник Плеходанов...»[\[166\]](#)

Этот документ, хранящийся в архиве Министерства обороны Российской Федерации в подмосковном

Подольске, — свидетельство не только подвига и скрытой от нас правды штурма Рейхстага, водружения над ним победного Знамени Победы, он ещё и суть начала трагедии самого юного знаменосца, и не только его, а десятков воинов, которых забыли в угоду сценарию, придуманному в штабах и партийных кабинетах, вычеркнули из истории самой яркой страницы Битвы за Берлин.

Григорию Петровичу Булатову было в мае 1945 года 19 лет, Михаилу Семёновичу Габидуллину тоже 19, Рахимжану Кошкарбаеву — 20 лет, Ивану Никифоровичу Лысенко (удостоен звания Героя Советского Союза) — 28 лет, Степану Гавриловичу Орешко — 26 лет, Виктору Николаевичу Правоторову — 24 года, Семёну Егоровичу Сорокину — 23 года, Петру Николаевичу Пятницкому, погибшему со знаменем в руках на ступеньках Рейхстага, — 32 года, Михаилу Антоновичу Пачковскому — 21 год. Гвардии капитану Владимиру Николаевичу Макову из артиллерийской группы, которая второй, следом за группой лейтенанта Сорокина, водрузила знамя над Рейхстагом, — 23 года. Ивану Михайловичу Лядову из группы капитана Макова — 28 лет, Александру Фёдоровичу Лисименко из группы капитана Макова — 23 года, Михаилу Петровичу Минину из группы капитана Макова — 23 года, Алексею Леонтьевичу Ковалёву — 20 лет, Абдулхакиму Исаковичу Исмаилову — 26 лет, Гази Казыхановичу Загитову из группы капитана Макова — 24 года. Петру Долгих из группы лейтенанта Сорокина (убит при штурме Рейхстага) — неизвестно. Капитану Василию Иннокентьевичу Давыдову, командиру батальона 674-го стрелкового полка, ворвавшемуся в Рейхстаг (удостоен звания Героя Советского Союза) — 26 лет. Лейтенанту Петру Афанасьевичу Греченкову, командиру роты 674-го стрелкового полка (удостоен звания Героя Советского Союза) — 30 лет. Павлу Дмитриевичу Брюховецкому из

группы лейтенанта Сорокина — неизвестно, Алексею Петровичу Боброву из группы капитана Макова — 26 лет, Алексею Прокофьевичу Бересту — 24 года...

Как можно понять из этого списка знаменосцев и командиров штурмовых подразделений (список далеко неполный), Золотую Звезду получили немногие, и то не за Знамя Победы. Вот почему подполковник Плеходанов, буквально за хвост пытаюсь поймать ускользающую ситуацию, основной упор в представлении на Булатова делает на отличии в боях, а не на установлении знамени полка над Рейхстагом. Но и это не прошло.

Сам Булатов, как и его боевые товарищи, в эти дни испытывал тяжёлое чувство горечи: обманули. Обещали одно: кто первым поднимает над Рейхстагом Знамя Победы, тому — Героев. Подняли они, группа Сорокина. Древко устанавливал он, Булатов. Ему помогал Правоторов. Остальные прикрывали их маневр. Но все они были единой группой под командованием лейтенанта Семёна Егоровича Сорокина, который и руководил ими, и одновременно вёл огонь из автомата, бросал гранаты, пробивая путь наверх, а потом на выход. Так где же их обещанные командованием Золотые Звёзды? Почему знаменосцами назначили тех, кого они не видели ни в бою во время штурма, ни в самом Рейхстаге 30 апреля? Почему не получил звание Героя их командир полка? Обманули... Вдобавок ко всему сыпанули соли на рану — никого из 674-го полка не зачислили в группу участников московского Парада Победы. Поехали полковник Зинченко, Егоров, Кантария, Неустроев... 30 апреля никого из них не было в Рейхстаге!

А ведь Булатову 30 апреля довелось ещё и возвращаться в Рейхстаг. На этот раз со штурмовым флагом вместе с лейтенантом Кошкарбаевым. И штурмовой флаг он установил. Хотя многие погибли тогда, во время очередного штурма и второй волны

установки флагов и вымпелов. Был убит младший сержант Пятницкий, посланный к Рейхстагу командиром батальона соседнего 756-го полка Неустроевым. Многие не вышли из того боя. И некоторых потом, впопыхах, похоронили безымянными. А он дважды пересекал простреливаемое косоприцельным огнём пространство площади перед Рейхстагом и уцелел. Счастье жизни после такой кровавой бойни, конечно, выше всех наград. Но всё же...

С этой горечью и вернулся домой в городок Слободской на Вятке бывший лихой и удачливый разведчик 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии. Вернулся героем — грудь в орденах, самый высокий — орден Красного Знамени. Весьма почитаемая награда, считалась офицерской. А уж рядового солдата награждали этим орденом редко и только за особые заслуги. За него и платили неплохо, пока наградные выплаты не отменили^[167]. Но Булатова это не утешало.

По возвращении домой устроился на работу — снова на фанерный комбинат «Красный якорь», откуда был призван в армию. Вначале работал слесарем в механическом цехе, потом мотористом на катере. О войне, как и многие фронтовики, старался молчать. Но люди, видя на его груди боевые ордена, расспрашивали — за что? Медали «За отвагу» — за бои под Великими Луками и Идрицей, «Славу» — за уничтожение немецкого пулемёта вместе с расчётом, «Красное Знамя» — за Красное Знамя над Рейхстагом 30 апреля 1945 года... Не все верили ветерану. «А где же Звезда Героя? Ведь всем, кто первым поднял Красное Знамя над Рейхстагом, присвоили звание Героя Советского Союза...» Всем... кто первым поднял...

Земляк Булатова и фронтовик Виталий Петрович Луп-пов, долгие годы работавший вместе с Булатовым на фанерном комбинате, вспоминал: «Все вокруг

считали Булатова кто чудачком, кто обманщиком, а кто обычным забулдыгой». Что ж, ничто человеческое не было чуждо бывшему разведчику, не раз глядевшему в глаза смерти. В том числе и на крыше здания Рейхстага 30 апреля 1945-го. Мог и выпить, и крепкое словцо запустить в адрес тех, кто сотворил с ним и его товарищами злую несправедливость.

«Помню, одно раннее утро, — вспоминал В. П. Луппов, — когда на рыбалке мы разговорились и я спросил:

— Григорий, ты ведь знаешь, что в городе у тебя прозвище «Гришка-Рейхстаг»? Скажи правду — оно не кажется тебе обидным?

Григорий в ответ неохотно бросил:

— Герои не умирают.

Странными показались мне тогда его слова. Непонятно было, то ли это горькая ирония над собой, то ли намёк на известные мне обстоятельства. Но шли годы, историки открывали всё больше правды о событиях весны 1945-го — и наконец мне стало ясно: в тот день на рыбалке Григорий говорил искренне, без шуток и намёков.

Пускай в 1945-м его не наградили Золотой звездой Героя, но кто может ставить под сомнение героизм Булатова, если в шаге от Победы боец не побоялся рискнуть жизнью ради того, чтобы установить штурмовое знамя на Рейхстаге и поднять таким образом боевой дух товарищей.

Рассуждать об этом легко в мирное время, но поверьте мне, фронтовику, — трудно шагнуть под пули навстречу смертельной опасности, когда ураганный огонь врага косит твоих однополчан, а до мирной жизни — считанные дни остались.

Потом Булатов рассказал мне и про такой эпизод:

— ...Позднее Кантария отыскал меня, и мы поговорили. Он недоумевал: «Ведь ты, Гриша, первым

водрузил знамя, а мне и Егорову присвоили Героя Советского Союза». Я спросил: «А как же мне?» — «Тебе присвоят позднее», — сказал Кантария».

Теперь, когда Министерство обороны Российской Федерации опубликовало многочисленные документы, касающиеся штурма Рейхстага, на родине Булатова знают правду о своём земляке.

«Григория давно нет среди нас, — вспоминает В. П. Луп-пов. — Сколько же изменилось со дня его уход! Был схоронен неизвестным вдали от глаз людских, а сейчас его памятник виден издали каждому, кто идёт на городской погост через центральные ворота.

Когда я в День Победы прихожу к могиле Булатова, здесь бывает людно, слышны разговоры людей, пришедших поклониться Знаменосцу. Но мне сквозь годы звучат в памяти его собственные слова, сказанные с такой убедительностью: «Герои не умирают».

Ему было уже за тридцать, когда женился на местной девушке Римме Тарнавских. В 1956 году родилась дочь Людмила. Но с годами наметился разлад с женой, и Римма Андреевна от него ушла, забрала дочь. К тому времени мать Анна Михайловна и сестра Наталья уехали на родину, на Урал. Григорий Петрович остался один. По праздникам его приглашала к себе семья Винокуровых. Зинаида Винокурова, племянница Риммы Андреевны и её муж Виктор как могли опекали «дядю Гришу». Зинаида вспоминает некоторые врезавшиеся в память эпизоды: «Рассказывая на людях о своём подвиге, дядя Гриша нередко слышал насмешки в ответ. Неудивительно, что впоследствии он замкнулся, в компаниях старался сдерживаться и лишней раз не упоминать о своей роли в штурме Рейхстага.

Выговориться он позволял себе только в узком кругу родни, где был уверен, что не поднимут на смех. В этот круг входили и мы с мужем Виктором Васильевичем. Вот почему, заглядывая к нам (иногда сразу после работы),

дядя Гриша так часто возвращался мыслью в победную весну 1945-го.

С горечью пересказывал Григорий Петрович эпизоды, которые сегодня подтверждены многими документами, а тогда некоторым казались огульным хвастовством: как после взятия Рейхстага, над которым Булатов первым водрузил флаг, сам маршал Жуков жал ему руку и обещал: свой подвиг не будет забыт, солдат!»

Вскоре и сам маршал Жуков попал в опалу. И его долгие годы оттирали от Победы, не упоминали даже, когда писались, а затем издавались и распределялись по библиотекам и учебным заведениям исторические фолианты, по которым целые поколения изучали историю Великой Отечественной войны. «Вот, мол, тебе, строптивец с наполеоновскими замашками!..» Метили в неугодного маршала, а попали в родную историю...

Жизнь у Григория Петровича Булатова не задалась. Признание его подвига и награждение по заслугам откладывалось, оттягивалось под разными предлогами. Земляки тоже поучаствовали в травле. Отказали в приёме в партию. Высказали недоверие в родном комбинатовском коллективе. Он снова обиделся, уволился с родного предприятия. Новая травма была едва ли менее чувствительной той, которую он получил в мае 45-го.

В 1965 году, когда он ещё работал на комбинате «Красный якорь», сверху пришло указание: дать характеристику на Григория Булатова. В Москве решили запустить новую волну наградений — к 20-летию Победы. И многих действительно наградили, многим дали Героев. Подняли старые представления, пересмотрели ранее принятые решения. Коснулось это и штурмовавших Рейхстаг. Но положительную характеристику на комбинате своему работнику и герою последних дней войны так и не дали. Затянули,

спустили на тормозах. Конечно, после консультаций с руководящими товарищами...

Жизнь Булатова окончательно перекосила тюрьма. А кого она делала лучше?.. Вначале один срок, потом другой. Обзавёлся татуировками — орлом и медведем на груди и плече. Во время одного из допросов к нему пришёл сотрудник госбезопасности. Провёл нужную беседу на тему мая 1945 года, предложил подписать некий документ. Так Булатов дал подписку о неразглашении.

Работал он и на спиртзаводе, и на фанерном комбинате, и на лесосплаве. На лесосплаве однажды произошёл такой случай. «Матки», сцепки из плотов, с верховьев Вятки сплавляли в пору весенней большой воды. Задачей сплавщиков было перехватить «матки» перед Слободским, подвести под них мощные тросы, а затем выводить с мощной речной стремнины на «глухари» — прибрежные крепления, находившиеся напротив фанерного комбината уже на его территории. Сплавщики на катерах и лодках перехватывали идущие с верховьев на крейсерской скорости огромные «матки» и заводили их, гася скорость, на прибрежные «глухари». Работа опасная. Частенько «матки» зажимали лодки сплавщиков, купали их в ледяной воде. Сплавщикам выдавались «сто грамм» спирта — согреться после очередной смены, прийти в себя. Из-за спирта и произошёл скандал, в центре которого в очередной раз оказался Григорий Булатов.

После истории со Знаменем Победы он стал особенно раним и вспыльчив, когда сталкивался с несправедливостью. Заканчивалась смена. Последняя «матка» оказалась особенно норовистой. Брёвна гуляли, выворачивались, били по бортам лодки. Тросы, натянутые в струну, звенели, готовые в любой момент лопнуть. Сплавщики с трудом справились с плотами, промокли, устали.

Прибыл начальник со свитой. Под хмельком. Бригадир напомнил ему про «сплавные». А тот: «Хрен вам, а не спирт! Чуть «матку» не упустили...» Сплавщики оторопели. И тут из их рядов выступил Булатов. Он подошёл к начальнику, взял его за ворот куртки и сказал, что самое последнее дело для начальника крысятничать по карманам работяг... В ответ тот обозвал Булатова «фашистом».

— С фашистами я встречался штык в штык и не бегал от них, а дрался в открытую! Я Рейхстаг штурмовал! А тебе откуда знать, как выглядит настоящий фашист? Ты ведь, говорят, конвоировал «штрафников» к передовой и подолгу там не задерживался! А ну гони спирт, канцелярская душа! — И встряхнул начальника.

Говорят, именно после того случая и прилипло к Булатову прозвище «Гришка-Рейхстаг». Возникло оно на волне уважения к фронтовику, который сумел защитить себя и своих товарищей. Это потом оно наполнилось ироничным и насмешливым смыслом.

Кого тогда напомнил Григорию Петровичу подвыпивший начальник, зажавший «сплавные»? Генерала Шатилова? Полковника Зинченко?

О войне чаще приходилось рассказывать в пивной. Там его фронтовой эпопеей интересовались чаще, и там он видел больше сочувствия и понимания.

Какое-то время после войны в небольшой часовенке на берегу Вятки ютилось городское кафе, а попросту пивная под названием «Голубой Дунай»^[168]. Однажды в пивную зашла компания курсантов речного училища.

«Курсанты балагурили, десятый раз пересмеивались каким-то старым шуткам, когда у слышали чью-то реплику:

— Гришь, глянь-ка, наши водоплавающие. Никак, новое поколение на подходе. — Говоривший выглядел

добрым парнем с косой саженью в плечах... — Верно, салаги?

Вокруг добродушно загудели, а один из курсантов шутку поддержал.

— Верно, батя, — кивнул он.

— Нормальные парни, нашенские, — продолжал новый знакомец. — С юмором — это хорошо. А мы вот тут с Гришей пивом балуемся. — Он указал в сторону невысокого человека со стрижкой полубокс, который всё это время не проронил ни слова. — Знаете хоть, что за человек перед вами? Нет? Это же сам Гришка Булатов!

Булатов опять никак не среагировал, взгляд был устремлён куда-то мимо всех, а вроде и смотрел в упор, но всё равно мимо. Повисла пауза, только знакомец никак не мог уговориться. Когда пиво закончилось, он принялся разливать по кружкам водку.

— Гриш, Гриш, ну что ты, ей-богу, расскажи пацанам. Про знамя расскажи, про Рейхстаг, они же нашенские, они же поймут.

Булатов обвёл всех взглядом, разом выпил, что было налито в кружке, резко отодвинул её в сторону, встал и, уже не обращая ни на кого внимания, вышел из пивной. Вокруг сразу всё ожило, зашевелилось. Народ торопился рассказывать и пересказывать друг другу то, что слышал не однажды, то, что не стал рассказывать Булатов. Припоминали всё подряд, и то, что непросто судьбу такую нести на плечах, и несмело костерили власть за то, что не хочет видеть в нём настоящего знаменосца, кто-то хвастался, что работает с героем на фанерном комбинате, кто-то говорил, что ещё до войны с Гришкой знаком был, достойный он человек — Булатов, а вот приклеилось — Гришка-Рейхстаг...»^[169]

В 1957 году Булатов вместе с другом детства Виктором Шуклиным уехал работать на Север. Эта поездка с переменой места жительства была попыткой убежать от своего прошлого, от вопросов,

сочувственных взглядов и насмешек. Прожил на севере около пяти лет. Но снова потянуло на родину.

А тут ещё в 1961 году, в ноябре месяце, в Институте Маркса, Энгельса, Ленина прошла встреча участников штурма Рейхстага, а затем, через два года, будто затянувшимся эхом вышел в свет 5-й том «Истории Великой Отечественной войны». В очередном томе «Истории...» среди знаменосцев названы Рахимжан Кошкарбаев и Григорий Булатов. Эхо конференции, проведённой в ИМЭЛ, отозвалось в обществе. Начались публикации, интервью, дискуссии. В 1964 году в газете «Комсомольская правда» вышла статья в то время известного корреспондента Игоря Клямкина «Знаменосцы». Снова прозвучало имя Булатова: «Флаг Кошкарбаева и Булатова вспыхнул над входом в Рейхстаг...» В 1965 году начались разговоры о новой попытке представить героя к давно заслуженной Золотой Звезде. Но постепенно Булатов и тут разглядел подоплёку недобросовестности и подмены. Говорили о штурмовом знамени, установленном им и лейтенантом Кошкарбаевым. О первом же, о сорокинском, снова посоветовали молчать. На сделку с совестью он пойти не мог. Предать своих боевых товарищей? Группу лейтенанта Сорокина? Переступить через своих разведчиков?

В сентябре 1966 года Булатов получил новый срок. На этот раз по статье 206, часть II УК РСФСР — хулиганка. Получил два с половиной года колонии усиленного режима. Сидел недалеко, в колонии № 5 в Кирово-Чепецке. Колония с историей: здесь сидел знаменитый футболист Эдуард Стрельцов — «Стрелец», а ещё раньше Эрих Хартман — немецкий лётчик-ас.

Когда Булатов получил свой первый срок, за него заступился маршал Жуков. Теперь в дело вмешался генерал-полковник Шатилов. Приехал сам, разыскал родных. Потом поехал к начальнику колонии. Срок

скостили до полутора лет. Генерал чувствовал свою вину в незадавшейся судьбе своего бывшего солдата.

Но будет у Булатова ещё и третий срок — за воровство.

Весной 1969 года в канун Дня Победы он наконец выбрался в Москву. Встреча с командиром Семёном Егоровичем Сорокиным, бывшим командиром 2-й роты Петром Афанасьевичем Греченковым, братьями Виктора Правоторова. Самого Виктора к тому времени уже не будет в живых.

Сорокин, наконец, добился того, о чём мечтал, наверное, с мая 1945-го, — проведения экспертизы и опознания Знамени Победы, хранящегося в Центральном музее Вооружённых сил СССР. Ещё четыре года назад сорокин-цы составили письмо-опознание: «В ноябре 1965 года мы вместе с Героем Советского Союза Иваном Никифоровичем Лысенко побывали Центральном музее Вооружённых сил СССР, где внимательно осмотрели хранившееся в нём Знамя Победы и обнаружили, что это Знамя Победы НАШЕ, т. е. именно то, которое мы, разведчики 674 полка, сами сделали из перины. Об этом нам напомнили оставшиеся не снятыми на его кромке чёрные нитки, стёганные вручную неравномерными стежками, а также грубо струганное кинжалом древко.

В момент водружения на нашем знамени не было ни серпа, ни молота...»

У Булатова была переписка с маршалом Г. К. Жуковым и кинорежиссёром Романом Карменом. Хранилась фотография Жукова с его автографом: «На память Герою Рейхстага!» Именно так — с прописной. Пока отбывал третий срок, всё из дома пропало.

Девятнадцатого апреля 1973 года тело Григория Петровича Булатова нашли в петле в туалете ремонтного цеха ремонтно-механического завода. Предсмертной записки не обнаружили.

В декабре 2004 года тело торжественно перезахоронили у ворот Трофимовского кладбища города Слободского.

В областном Кирове в парке Победы 8 мая 2015 года открыли памятник Григорию Петровичу Булатову работы скульптора Салавата Щербакова. Деньги на монумент собрали земляки Героя. В народе памятник так и называют — «Знаменосец».

5

Даже после кропотливого и капитального исследования Григория Киселёва и публикации его антологии «Неудобная правда о взятии Рейхстага», история боёв за это здание в центре Берлина полна загадок, предположений, в ней возможны новые и новые открытия.

Впрочем, такова история всей войны. Потому-то и возник в читающем обществе в последние годы интерес к событиям Второй мировой и Великой Отечественной войнам. Историки, исследователи, писатели шагнули глубже в осмысление военной истории, иногда в запретные темы. В книгах публикуются документы, которые долгие годы утаивались под грифом «секретно».

Возвращение из забвения героев штурма Рейхстага — это ведь никакая не сенсация, а всего лишь преображённая тоска по правде. Которая, как известно, рано или поздно занимает то место, которое ей принадлежит изначально.

Разведчика из 82-й стрелковой дивизии Алексея Леонтьевича Ковалёва на штурм Рейхстага командование не посылало. Но он туда всё же попал. С ним и его боевыми товарищами из 8-й гвардейской армии произошла вот такая история.

Как известно, 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова бои закончила в районе Бранденбургских ворот. Там, на Триумфальной арке, и подняла она свои знамёна Победы. Однако разведчикам 83-й отдельной гвардейской разведроты старшему сержанту Абдулхакиму Исмаилову, рядовому Леониду Горячеву и младшему сержанту Алексею Ковалёву однополчане дали поручение — поднять над Рейхстагом и свой стяг как свидетельство того, что и они, чуйковцы, штурмовали «логово» и сделали для Победы ничуть не меньше других. 2 мая, когда войска, вошедшие в Берлин, ликовали, интернациональная знамённая группа 8-й гвардейской армии — кумык, белорус и русский — пришли к Рейхстагу с порученным им знаменем. Здесь их увидел фотокорреспондент ТАСС Евгений Халдей.

Историк и военный реконструктор Григорий Киселёв, тщательно исследовавший эту историю, написал в своей книге-реконструкции: «По сути чуть ли не каждая новая группа, прибывающая на смотрины поверженного здания, прихватывала с собой свой флаг и норовила воткнуть его если не на крыше, то на стене или на колонне у входа. Халдей, с присущей ему сноровкой, действовал не колеблясь. Наткнувшись на нескольких глазеющих бойцов, он достал свой припасённый флаг, и те вызвались помочь забраться на крышу. Надо сказать, взбираться на сам купол, где свято место ещё пустовало, он не рискнул. Рейхстаг ещё дымился, некоторые конструкции купола [...] скрипели и готовы были обрушиться. Но неунывающий фотокор ТАСС не стушевался. Найдя удобную точку для съёмки — пьедестал конного рыцаря у юго-восточной башни «Бавария», он выполнил свой фоторепортёрский долг, отсняв в действительности очередную серию постановочных снимков^[170]. Флаг удерживал отчаянный сержант Алексей Ковалёв, реально рискуя сорваться с высоты. Это он бесстрашно взобрался на верх 2-

метрового скульптурного украшения, торчащего на краю крыши — с её восточной стороны, и, балансируя, уткнул древко халдеевского флага. Помогал ему старший сержант 101-й отдельной механизированной разведроты 82-й гвардейской Краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого Запорожской стрелковой дивизии Абдулхаким Исмаилов из Дагестана и гвардии рядовой Леонид Петрович Горячев, разведчик 83-й разведроты из той же дивизии».

Сам Е. А. Халдей о своих культовых снимках, о том, как удалось их сделать, когда бои в Берлине уже отгремели и все флаги и флажки на Рейхстаге, Имперской канцелярии, Бранденбургских воротах и других зданиях в центре поверженной твердыни уже были поставлены, рассказывал следующее: «Я влетел в здание утром 2 мая, вытащил флаг. Это увидели солдаты: «Эй, лейтенант, пошли на крышу, там ему место». На крыше дым, гарь, языки пламени. Нашёл композицию, еле пристроился на узенькой ступеньке и отснял «Лейкой» две кассеты. Об опасности не думал. Спустился с крыши, глянул вверх и ужаснулся — мог ведь загреметь. Этот снимок часто именуют «водружением Знамени Победы». Но это не так. Кантария и Егоров водрузили знамя 150-й гвардейской дивизии. Но прав был маршал Баграмян, как-то заметив, что у Победы не может быть одного стяга-символа. Безымянные флаги над Рейхстагом бойцы поднимали за тех, кто не дошёл, кто не дожил. Полотнищ было много. У поверженного Рейхстага обнимались солдаты, доставали фляжки с припасённой водкой. Кто плакал, кто смеялся. Но было у всех, в том числе и у меня, ещё какое-то чувство, трудно даже сказать какое. Казалось, что всё то, к чему мы шли все эти 1418 дней, должно было окончиться чем-то более грандиозным. А здесь стоял чёрный от копоти Рейхстаг, стояла удивительная тишина. На крыше Рейхстага и в проёмах стен алели

флаги, красные косынки, куски красной материи. И все — флаги Победы».

Снимок Е. А. Халдея «Красный флаг над Рейхстагом» оказался самым удачным и облетел весь мир. А ведь в Берлине в это время работали фотокорреспонденты многих изданий, газет и журналов, информационных агентств, в том числе иностранных. Рейхстаг и окрестные здания, улицы, берлинские руины фотографировали все, в том числе и фотографы-любители, которых в войсках по мере приближения к немецкой столице становилось всё больше. Фотоаппарат был хорошим трофеем. К тому же солдат, сержантов и офицеров награждали фотоаппаратами, часами, портсигарами. Но постановочные снимки Е. А. Халдея оказались лучшими. Впрочем, они так же достоверны, как и те, которые сделаны чуть раньше, когда под куполом ещё гремели выстрелы.

Алексей Леонтьевич Ковалёв родился 10 мая 1925 года. Таким образом, через неделю после своей экскурсии в Рейхстаг он отметил своё двадцатилетие. Родился и вырос в посёлке Бурлин Бурлинского района на западе Казахстана. Как видите, и малая родина солдата называлась почти что Берлином. О том, как неполных семнадцати лет Алексей Ковалёв попал на войну, история умалчивает. На фронте с 1942 года, попал в 321-ю стрелковую дивизию, которую называли Читинской: формировалась она в Чите и ее окрестностях. Это было уже второе формирование дивизии. Среди бойцов было много бурят и якутов. Основу же составляли сибирские казаки, в том числе и выходцы из районов Северного Казахстана. Дивизия была сильная, хорошо оснащённая, полностью укомплектованная. Летом 1942 года по железной дороге её перебросили в район Сталинграда и включили в состав 21-й армии Сталинградского фронта.

Алексей сразу проявил свой боевой характер: энергичный, любопытный, инициативный, храбрый до безрассудства. Куда такого казака? Известное дело — в разведку! Так и определили разведчиком 83-й отдельной разведроты, которая напрямую подчинялась командиру полка.

После Сталинградской битвы, когда с 6-й армией Ф. Паулюса было покончено, дивизию передали 65-й армии, затем 5-й танковой. В марте 1943 года 321-й стрелковой дивизии было вручено гвардейское знамя, и она стала именоваться 82-й гвардейской стрелковой. Она вошла в состав 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова. С этой армией ей предстояло дойти до Берлина.

Алексей Леонтьевич Ковалёв был полным кавалером ордена Славы. Солдатскую Славу 3-й степени он получил в декабре 1944 года. В наградном листе говорится, что во главе группы в ночь на 15 декабря 1944 года юго-западнее населённого пункта Грабув Залесны в пяти километрах западнее Магнушева младший сержант А. Л. Ковалёв «ворвался в траншею противника, гранатами и из автомата вывел из строя вражеский пулемёт» и его расчёт. Разведгруппа захватила пленных и доставила в расположение штаба полка.

Орден Славы 2-й степени разведчику вручили уже после Победы — 18 мая 1945 года. «29.3.45. младший сержант Ковалёв Алексей Леонтьевич, — говорится в наградном листе, — с разведчиками на окраине г. Кюстрин при отражении контратаки пр[отивни]ка гранатами и из автомата уничтожил ок. 10 враж[еских] солдат, остальных обратил в бегство».

Славу 1-й степени отважный разведчик и знаменосец получил год спустя — 15 мая 1946 года. «28-29.4.45. младший сержант Ковалёв Алексей Леонтьевич, действуя во главе группы разведчиков в тылу врага на подступах к Берлину, внезапно атаковал дом,

занимаемый пр[отивни]ком, уничтожил свыше 10 солдат, двоих взял в плен. При штурме укрепленного] здания на вост[очной] окраине парка Тиргартен истребил много гитлеровцев, фаустпатронами подавил 4 огн[евые] точки».

Что и говорить. Алексей Леонтьевич был солдат лихой. Сорвиголова.

После окончания войны он прошёл медкомиссию. Поскольку тяжёлых ранений не имел, а возраст подходящий, призывной, его оставили дослуживать. 82-я гвардейская дивизия вошла в состав Группы советских оккупационных войск в Германии. Летом 1946 года её расформировали, а в 1950 году Алексей Леонтьевич демобилизовался. Приехал на родину, некоторое время работал в колхозе комбайнёром, потом перебрался в Киев, работал на стройке, восстанавливал разрушенное войной. В ноябре 1951 года восстановился в армии. В 1964 году окончил Львовское военное инженерно-техническое училище. Служил в Управлении пожарной охраны города Киева, в 1988 году ему было присвоено воинское звание подполковника внутренних войск.

Кроме орденов Славы он был награждён орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, а также многочисленными медалями.

Ему довелось принять участие в Параде Победы в Москве в 1985 году в честь 40-летия Великой Победы.

Умер Алексей Леонтьевич Ковалёв 8 сентября 1997 года.

Как и большинство фронтовиков, бывший разведчик о войне вспоминал неохотно. О многом просто-напросто помалкивал. Касалось это и последних боёв в Берлине. Служба у него проходила в хорошем городе, в хорошей конторе, семья обеспечена, рядом верная жена Любовь, с которой в итоге прожил 47 лет. У героя было всё, чтобы, как говорил один известный киногерой, спокойно встретить старость.

Но кое о чём старый солдат всё же проговорился *удивлённой старухе своей...*^[171] Историку Григорию Киселёву Любовь Ковалёва уже после смерти Алексея Леонтьевича пересказывала то, что слышала от мужа в минуты откровения: «Супруг был разведчиком. В ночь на 30 апреля 1945 года он с товарищами уже шёл по Берлину. Этой же ночью они попали в Рейхстаг. Туда вошли семь человек. В их числе были Абдулхаким Исмаилов и Леонид Горычев^[172]. Они не знали, что попали в Рейхстаг. На улице стояла тёмная ночь, Берлин бомбили и обстреливали со всех сторон. Сплошной огонь и грохот. Вошли в здание с тыльной стороны. Начался бой, три часа выбивали оттуда генералов. Едва не погибли...

Муж рассказывал, как в годы войны водрузил несколько знамён в разных городах. Всегда носил с собой полтора метра красного полотна, летом — под гимнастёркой, зимой — под фуфайкой. И на этот раз имел красную материю и искал выход на крышу. Поднялся по винтовой лестнице, а там высоко окошко. Оглянулся, думая, как бы повыше подпрыгнуть, и увидел, что немец ведёт его обезоруженного товарища Михаила Грушина. Прицелился, в общем, сделал своё дело. И оба полезли на купол. Алексею и 20 лет не было. Молодой, ловкий, глазастый. Был левшой, но хорошо стрелял и правой, и левой...

Конечно, это были знаки для наших, ведь разведчики часто ходили на задание ночью, в тыл врага, чтобы очистить дорогу для наступления войск. Алексей и Миша залезли на крышу, чтобы оставить флаг в знак того, что здание уже наше. Муж увидел громоотвод и хорошенько привязал к нему знамя, да и спрыгнул. А зрелище было страшное — сплошной грохот и огонь. Уже брезжил рассвет. Они нашли остальных и вышли из здания...

Когда уже рассвело, во дворе какого-то дома встретил немку. Спросил у неё: «Где Рейхстаг?» Та и

показала на купол, где красная тряпка болтается. Разведчики, понятное дело, поспешили назад, а там наши части уже оцепили здание. И никого не пускают внутрь. Обида-то какая! Ковалёв давай бегать вокруг Рейхстага да показывать: вот, мол, мой автограф — мы были здесь. Да толку никакого. Вот тогда и увидел его Халдей, которому было дано задание: сфотографировать того, кто первым поднимется со знаменем на Рейхстаг. Знамя у него было своё: он взял черенок от лопаты, красную скатерть наподобие той, что накрывали столы в президиуме, нарисовал серп и молот, прикрепил полотнище к палке и с таким знаменем вылетел в Берлин. А как увидел моего Ковалёва, как тот мечется у Рейхстага, так попросил его показать, как разведчики заходили в здание. Алексей Леонтьевич согласился и взял с собой двоих своих товарищей — Исмаилова и Горычева...»

А ведь, если задуматься, рассказ не лишён реальной подоплёки: группа младшего сержанта Ковалёва действительно была в Рейхстаге, забрела совершенно случайно, даже не предполагая, что это тот самый Рейхстаг, который вот уже несколько суток безуспешно штурмуют ударные части целой армии, и красный флаг эта группа над зданием водрузила. И — не первой ли...

Если иметь в виду, что 29 апреля разведчики действовали на восточной окраине Тиргартена, с тыла, обходным маневром уничтожая опорные пункты противника и гарнизоны домов, то что им мешало забрести в некое здание, точного названия которого они не знали. Способами незаметного проникновения в расположение противника разведчики владели в совершенстве — это была их повседневная работа. А дальше события развивались сообразно обстоятельствам. Разведгруппа всего лишь следовала этим обстоятельствам: бой в здании; укрепление полотнища на громоотводе; безуспешная попытка войти

в Рейхстаг утром, когда уже действовало оцепление, выставленное комполка полковником Ф. М. Зинченко; предложение фотокорреспонденту Е. А. Халдею помочь решить его проблему, а заодно и свою одновременно — проникнуть в здание Рейхстага и сфотографироваться. Фотограф московский, наверняка где-то в газете или журнале пропечатает... Вот и утрут они нос тем, кто ворвался в Рейхстаг после них и после них установил своё Знамя Победы.

Разведчики младшего сержанта Ковалёва действовали очень грамотно. Стоит обратить внимание на некоторые детали рассказа, которые свидетельствуют в пользу версии проникновения разведгруппы 8-й гвардейской армии в Рейхстаг ночью 30 апреля. «Вошли в здание с тыльной стороны». Разведчики. Не с главного же входа ломиться. «...три часа выбивали оттуда генералов». А генералы там, в Рейхстаге, действительно были. Значит, они их видели. Разведчики, они есть разведчики. Первыми проникают в расположение противника, будь то полевой опорный пункт, деревня или город. К тому же существовало правило — устанавливать красные полотнища на самых заметных зданиях взятых городов. По архивным документам знаю, что так было осенью 1943 года, когда штрафная рота, приданная одной из дивизий 10-й армии, штурмом взяла город Рославль Смоленской области. Так было и при освобождении Орла, Брянска, Кишинёва, других городов. Разведчики таким способом давали понять своей артиллерии, что они в здании и что по нему огня не открывать. Красное знамя над городом, где ещё удерживает позиции противник, воодушевляло атакующие войска скорее сломить сопротивление, очистить кварталы от вражеских солдат. Зачастую разведчики вывешивали красные вымпелы в окнах и на шпилях громоотводов. Для этого запас красной материи надо было постоянно носить с собой. Упоминание о

винтовой лестнице и невозможности по ней вылезть в окошко свидетельствует о том, что Алексей Леонтьевич хорошо запомнил свой маршрут, расположение той же винтовой лестницы и ближайшего окна. Психологи подтвердят, что в экстремальные минуты человеческая память фотографирует отчётливо и навсегда, и повторяет эту свою кинохронику с болезненной навязчивостью. «Муж увидел громоотвод и хорошенько привязал к нему знамя...» Что ж, приёмы закрепления над зданиями флагов и вымпелов были уже отработаны.

Но скорее всего, в это время в здание Рейхстага вошло сразу несколько групп, из разных частей. И бой они вели разрозненно. И загнали немцев в подвальные помещения, на время сломив их сопротивление. Можно также предположить, что либо бывший разведчик, либо его вдова перепутали числа: всё произошло не в ночь на 30 апреля, а в ночь на 1 мая. Но последовательность событий и их финал, похоже, верны, не придуманы. Тем более что при жизни Алексей Леонтьевич нигде и никогда не бил себя грудь и не доказывал, что он со своим боевым товарищем Михаилом Грушиным был в Рейхстаге раньше разведчиков 150-й Идрицкой стрелковой дивизии.

«...А там наши части уже оцепили здание. И никого не пускают внутрь. Обида-то какая! Ковалёв давай бегать вокруг Рейхстага да показывать: вот, мол, мой автограф — мы были здесь. Да толку никакого». Всё правильно, комендант Рейхстага полковник Зинченко организовал оборону здания парламента куда лучше немцев. Ему уже не резон было сдавать захваченные позиции никому.

Свои выводы из истории разведчика Алексея Леонтьевича Ковалёва сделал и историк-реконструктор Григорий Киселёв: «В ночь с 29 на 30 апреля немногочисленная группа могла, может быть, используя эффект неожиданности, подобраться к Рейхстагу, но

выдержать трёхчасовой бой внутри здания и выбить тысячный гарнизон из Рейхстага — едва ли. Тем более тыльной стороной Рейхстага является восточная, а именно с этой стороны под прикрытием мощных стен концентрировались силы гарнизона, здесь же, по Герингштрассе, осуществлялась связь немецких отрядов с основными силами у Бранденбургских ворот и парка Тиргартен, готовилась контратака силами морских курсантов, переброшенных из Ростка, чтобы отбросить батальоны Неустроева и Давыдова на противоположный берег Шпрее. Думаю, разведчикам не помогло бы даже знание ночного пароля. Обращает на себя внимание действие группы вслепую, то есть она изначально не имела приказа достичь Рейхстага и водрузить на нём свой флаг. Не было такой цели и у разведчиков в ходе рейда. На это указывает то, что узнать, где же находится Рейхстаг, они решают утром после водружения флага, через несколько часов после того, как выполнили приказ о подавлении огня в неопознанном здании».

С этими доводами можно было бы согласиться, когда бы не многие обстоятельства. Путаница в линиях разграничения и вообще перепутанность войск в эти дни. Действия разведгрупп в отрыве от своих частей и подразделений. Приказа проникнуть в Рейхстаг и водрузить на нём свой вымпел разведгруппа Ковалёва действительно не имела. И что из того? Не имела, но в Рейхстаг вошла. Заблудилась, в конце концов. Как незадачливые женихи, которые на ночь глядя пошли в одну деревню, а пришли в другую... Да и само вывешивание вымпела могло иметь изначально совершенно иной смысл. Как известно, наша артиллерия время от времени совершала огневой налёт на Рейхстаг. Разведчики, действуя, по сути дела, в боевых порядках противника, не раз и не два оказывались в подобных

обстоятельствах. Вот и вывесили вымпел — опознавательный знак: «Свои!»

Недоверие, смешённое с элементами зависти и неуважения, к сожалению, становится нашей национальной чертой.

Бывший разведчик 101-й отдельной механизированной разведывательной роты 82-й стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии старший сержант Абдулхаким Исакович Исмаилов на родине в Дагестане почитался как храбрый воин, который дошёл до Берлина и поднял над Рейхстагом Знамя Победы. И ничего ему доказывать на родине не пришлось.

Родился Абдулхаким Исмаилов в селении Чагар-отар в Хасавюртовском районе в Дагестане. В 1939 году был призван в Красную Армию, с лета 1941 года в боях. Под Сталинградом, воюя уже в составе 82-й стрелковой дивизии, был тяжело ранен. В родной полк вернулся в ноябре 1942 года, когда шли упорнейшие бои в самом городе и когда решалась судьба Сталинграда. Участвовал в боях по блокированию 6-й немецкой армии, затем в её уничтожении и пленении. Освобождал Ростов-на-Дону, Донбасс, Запорожье, Одессу. За личную храбрость и умелые действия в бою был награждён медалью «За отвагу» и орденом Славы 3-й степени. Под Одессой снова был ранен. После возвращения из госпиталя зачислен в 83-ю отдельную гвардейскую развед-роту, где познакомился и подружился с Алексеем Ковалёвым. Во время боёв в Польше Исмаилов участвовал в захвате немецкого штабного офицера, у которого оказались ценнейшие документы и карты. Сведения о дислокации противника в районе Вислы, которые были получены от «языка», добытого разведчиками, помогли при разработке и проведении операции по форсированию Вислы. Старшему сержанту Исмаилову вручили орден Красного Знамени. Храбро сражался разведчик и в берлинских боях.

Домой в Чагар-отар старшина Исмаилов вернулся в 1946 году. Работал в колхозе.

В 1996 году Указом Президента РФ № 212 «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне», А. И. Исмаилову было присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда». Представление написали земляки и потом внимательно и постоянно следили за прохождением документа по инстанциям, чтобы нигде не затерялся, не лёг под сукно.

Вот так надо любить свою историю и уважать героев, которые её творили!

А в это время Григорий Петрович Булатов писал своему фронтовому товарищу Рахимжану Кошкарбаеву, из города Слободского Кировской области в Алма-Ату: «Невыносимо, Рахимжан, когда ко Дню Победы тебе поручают выступить перед трудящимися, а кто-то с места кричит: «Если ты водрузил знамя на стене Рейхстага, то почему у тебя нет Золотой Звезды?»

БРАНДЕНБУРГСКИЙ КОНЦЕРТ ЛИДИИ РУСЛАНОВОЙ

Лидия Андреевна Русланова, гвардии певица

1

Говорят, однажды, заполняя какую-то анкету, Лидия Андреевна Русланова в графе о пребывании за границей, будто бы написала следующее: мол, да, один раз бывала, а именно — проездом в Польше и в Германии, вместе с наступающей Красной армией в составе 2-го гвардейского кавалерийского корпуса...

По поводу анкеты, возможно, и легенда. Ни о ком из певцов народ не сложил столько легенд, сколько о своей любимице Лидии Руслановой. Но всё остальное чистая правда. Зарубежными поездками и творческими турне концертное и партийное начальство великую русскую певицу не баловало, не ездила она по заграницам, заморские концертные залы перед ней дверей не распахивали и публику не собирали. Однако один раз, и довольно продолжительно, за рубежами нашей страны Русланова всё-таки побывала. В той поездке она выступила настолько ярко, концерты проходили с таким триумфом, что народ запомнил их навсегда. А один из них вошёл в историю Великой Отечественной войны апофеозом победы.

2

Родилась великая русская певица в селе Даниловка Петровского уезда Саратовской губернии — ныне Лопатинского района Пензенской области. При рождении её нарекли Прасковьей. Село было старообрядческим. Лежало по берегам речки Чернавки. Местность красивая, только картины писать да стихи. Потом эти поэзия и живописность заполнят репертуар певицы, её редчайшую манеру исполнения.

Несчастья навалились на семью в 1904 году, когда отца Адриана Маркеловича, как и многих молодых мужиков Петровского уезда, призвали в армию и отправили на Дальний Восток. А там, известное дело, какая судьба ждала их, — там шла война.

Мать Прасковьи, Татьяна Ивановна Лейкина, чтобы прокормить детей, вынуждена была пойти работать. Работала на кирпичном заводе в Саратове. Дети оставались на руках у слепнувшей бабушки.

Воспоминания Руслановой о детстве совершенно органично вливаются в воспоминания первого впечатления об услышанной песне, о том, какие ощущения и чувства она, та песня, будила, какие струны души тревожила: «Совсем ребёнок, не слыша ещё ни одной настоящей песни, я уже знала, какое сильное вызывает она волнение, как действует на душу. Настоящая песня, которую я впервые услышала, был плач. Отца моего в солдаты увозили, бабушка цеплялась за телегу и голосила. Потом я часто забиралась к ней под бок и просила: «Повопи, баба, по тятеньке!» И она вопила: «На кого ж ты нас, сокол ясный, покинул?..» Бабушка не зря убивалась...»

Мать Прасковьи вскоре заболела. И на плечи старшей дочери — не важно, сколько лет ей исполнилось, — легли заботы о младших брате и сестре.

Татьяна лежала на лавке. Умирала она медленно, тая на глазах детей. У Прасковьи, глядя на догорающую, как свечечка, мать, всё внутри сжималось от жалости и

тоски. Чтобы жалость и страх совсем не разорвали её маленькое сердце, шестилетняя Паня забиралась на печь к бабушке и, стоя на тёплых кирпичах, пела. Она пела, глядя на мать, те самые «стоны» и «вопли», которые часто слышала из уст бабушки. Ей было жалко и маму, и сгинувшего на войне отца, и бабушку, и брата, и сестру, и себя самое, и всех на свете бедных, больных и покалеченных, обойдённых судьбой.

После сражения при Мукдене Лейкины получили извещение о гибели кормильца. Новый удар.

«Погибший» вскоре объявился на родине, в губернском Саратове. В семью не пришёл.

Бабушка сшила из старой дочерней юбки две перемётные сумы — одну себе, другую Пане — и пошли они, преодолев стыд и ведомые нуждой, по окрестным деревням, христарадничать.

Некрасивая, малорослая и кривоногая, она вскоре поняла, чем надо брать публику, пусть и небогатую, но всё же готовую подать копеечку. Её надо брать голосом. И не просто голосом. А так проникнуть и разжалобить, что не только медного пятака за песню не жаль, а и серебряного гривенника. Когда, случалось, добирались до которого-нибудь городка или богатого торгового села, а там ярмарка или воскресный базар и люди, всегда в таких местах охочие до развлечений, тут же окружали их, Паня расходилась в частушках. Уж их-то она знала превеликое множество. Ей аплодировали.

Сама Русланова о первых своих «концертах» на пару с бабушкой вспоминала так: «...А там купчихи. Вот под окошко подойдёшь, она [бабушка по матери. — С. М]: «Ну-ка, заводи!» И я — «Подайте милостыньку Христа ради... Мы есть хотим, дай нам хлебушка, тётечка милая». Открывается ставня, вылезит богатая толстая купчиха, говорит: «Ты чего, девочка, тут скулишь?» — «Тётечка, мы есть хотим». — «Ну, эт, что ж тебе есть, а ты чего умеешь?» — «Я всё умею, — говорю. — Петь я

умею, плясать. Ты нам только хлеба давай». Принесли нам хлеба. Разделили мы этот хлеб, кусочек на троих: бабушке, брату и мне. Я очень горевала по брату».

Вскоре и бабушку отнесли на кладбище. Сирот разлучили.

Не сразу дети попали в приюты. Как рассказывают родственники Руслановой, которые до сих пор живут в Саратове и других волжских городах и селениях, сперва сироты жили в семье тётки по матери Елены Ивановны Мироновой. Жалко было Елене Ивановне сестриных детей — всё же родная кровь. Но муж её, Федот Иванович, невлюбил детей свояченицы, твёрдо сказал жене: «Или они, или я». Потом какое-то время сироты жили у другой материнной сестры — Степаниды Ивановны. Но у той своих было шестеро...

Голос Прасковья унаследовала от родни по отцовской линии. Пела бабушка. Пел и дядя Яша. А душевной глубины зачерпнула из материнского рода. Да и бабушка тоже певала.

Постепенно у неё появились свои постоянные слушатели и даже поклонники. Сложился репертуар, который она меняла в зависимости от публики и иных обстоятельств. Уже тогда она научилась понимать, кому какая песня милей, какая душа по ком тоскует. За год со своей сумой и песнями она обошла весь Саратов и всю его окрестность. Ходила теперь Прасковья одна. Но иногда брала с собой брата и сестру. Тогда им подавали больше.

И вот однажды во время очередного выступления в Саратове, как повествует ещё одна легенда из местных хроник, к поющей подошла вдова некоего чиновника, погибшего под Мукденом. Добрая женщина долго слушала песни девочки — они тронули её. Понравился и голос, сильный и в то же время детски чистый, проникновенный. После того как певунья закончила свой концерт и собрала подаяние, женщина расспросила её,

кто она и откуда. Затем увела к себе домой, накормила. Узнала о сиротстве Прасковьи, о её брате и сестре. Обладая большими связями, она вскоре всех троих благополучно определила в приюты. Дабы лучше устроить будущее Прасковьи, благородная женщина добилась того, чтобы маленькую певицу взяли в лучший саратовский приют, учреждённый при Киновийской церкви. Приют опекало Братство Святого Креста. Оно открыло учебно-заботный дом для сирот. Но принимали в тот дом детей не всех сословий. Крестьянских не брали.

Так появилась на сироту новая метрика, сочинённая той богатой вдовой. Девочке дали другое, более благородное имя, и с той поры, согласно новой грамоте, девочка значилась Лидией Руслановой.

Лидия стала петь в церковном хоре. Саратовские прихожане стали ходить в Александро-Невский кафедральный собор не только для того, чтобы отстоять обедню и послушать проповедь владыки Гермогена епископа Саратовского и Царицынского, но и послушать чудный голос Сироты.

А с той вдовой, своей благодетельницей, определившей её в приют, где она получила первые настоящие уроки пения, Лида виделась ещё не раз. Приходила к ней в гости. Вместе слушали они через граммофон только что появившийся вальс «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Слушали и плакали. Вдова — о своём муже. Лида — об отце. Но однажды Лида увидела его на паперти. Отец в поношенной солдатской шинели с солдатским Георгием на груди стоял, опираясь на костыль и просил подаяния. Когда она подошла к нему, вся трепеща от восторга неожиданной встречи, солдат улыбнулся ей и приложил палец к губам.

Теперь Лида пела только для него. С тайным восторгом. С благодарностью Богу за то, что он охранил её отца от гибели, от японской пули и штыка. И хромой

солдат с Георгием на груди тоже теперь не пропускал ни одной службы, где пела ангельским голосом Сирота, доводившаяся ему родной дочерью.

— Тятенька, миленький, почему ты не рассказываешь? — пыталась она его, когда им однажды удалось побыть наедине.

Их никто не слышал, и Андриан Маркелович был откровенным.

— Доченька, Панюшка, нельзя мне рассказываться. Видишь, какой я... Работы нет. Какой я теперь работник и кормилец для вас? Молчи, что я твой отец.

Теперь Лида знала, куда надо девать те копейки, которые ей часто давали прихожане.

3

В зале Саратовской оперы не протолкнуться. Слушатели — солдаты местного гарнизона и частей, дислоцированных в губернии. В Саратове завершал работу съезд солдатских депутатов. И вот в завершение работы — концерт Сироты. Тот первый концерт состоялся по инициативе её фабричных подруг, они буквально за руки привели в оперный театр свою певунью, зная, что лучше её солдатам никто из саратовских не споёт.

Ведущий объявил:

— Поёт Лидия Русланова! Русская народная песня...

«Пою, а чуть не плачу! — рассказывала потом Русланова о том первом своём концерте перед солдатами. — Посмотрю в глаза какому-нибудь молодцу, как он слушает: сам здесь, а душа — там, дома, в родной хате, возле родной матери... А я после этого и думаю: какая тебе судьба будет, молодец, лежать тебе в болотах с закрытыми глазами...»

Лидии тогда было-то всего шестнадцать. И в каждом молодом солдате она видела старшего брата, ещё даже и не жениха. А в каждом пожилом — отца. А солдатская масса, затаив дыхание, слушала Сироту, ещё не запомнив её имени и фамилии, и видела в ней младшую сестрёнку и дочь.

Солдатская публика ей понравилась сразу.

Шла Первая мировая война. Лида, как и многие русские девушки, захваченные патриотическим порывом и христианским состраданием к ближнему, записалась сестрой милосердия в санитарный поезд. Русланова рассказала сама: «Вскоре моя жизнь резко изменилась. Началась империалистическая война. И как-то, провожая солдат, — мне так их было жалко! — я подошла и сказала: «Дяденька, возьмите меня с собой». — «Да чего ж тебя с собой брать, что ты там делать будешь, девчонка?» — Я говорю: «Да кому водички подам попить, кому песенку спою, кому ласковое слово скажу, да мало ли чего можно сделать людям приятного». — «Да-а, — сказал солдат, — пожалуй, поедем». И взяли меня с собой. Приехала я на фронт, и действительно, кому водички подам, кому ласковое слово скажу. И песни стала петь. Песни всем очень понравились. Меня часто просили петь... В 1916 году поехала на фронт сестрой милосердия и до октября 1917 года служила в санитарном поезде. В этот период познакомилась и сошлась с неким Степановым Виталием Николаевичем, от которого в мае 1917 года у меня родился ребёнок. В 1918 году Степанов от меня уехал, и я стала жить одна».

О первом замужестве нашей героини известно тоже немного. Её избранником был офицер интендантской службы Виталий Николаевич Степанов, дворянин. Когда она увидела его, белокурого красавца гвардейского роста, в узкой шинели, затянутой ремнями, когда заглянула в его серо-голубые глаза, тоже искрящиеся восторгом счастья, сердце её сжалось и она поняла, что

пропала... Всё произошло, как в старых романах. Они сошли с поезда в каком-то захолустном городке, остановились в постоялом дворе. А утром обвенчались в церкви. А после венчания в тесной комнатке постоялого двора она пела своему возлюбленному жестокие романсы.

Жестокий романс не похож на сказку. Хотя он — тоже сказка. Но, как правило, с печальным, роковым финалом.

В положенные сроки родился сын. Малыш был крепеньким, здоровым. Лида была счастлива теперь уже двойным счастьем и втайне страшилась его: не верилось, что всё это — одной ей. Среди страданий и ужасов войны, среди волнений, которые после февраля вскипали всё мощнее и круче.

Шли дни, и Лидия стала замечать женским сердцем, что её «сероглазый рыцарь» стал холоден и неприветлив. Часто тосковал. Вскоре заметила, что муж стал захаживать к молоденькой цыганке, жившей на соседней улице. У неё часто собирались шумные компании, много бывших офицеров, которые маялись от безделья, играли в карты и прокучивали последнее, что имели, бранили большевиков и, казалось, совершенно не задумывались о том, что будет завтра. Попыталась остановить мужа женским упрёком, но тот вспылил. А в один из дней исчез. Вернувшись с базара, Лидия не обнаружила в кровати и сына. Кинулась на соседнюю улицу. Но цыганки и след простыл.

Соседи и те, кто знал Виталия Николаевича и его тоску, сказали, что его погубила доверчивость и любовь к кутежам, к весёлой жизни, что слишком часто он заглядывал в пропасть, так что пропасть стала глядеть в него... Что вроде бы растратил какие-то казённые деньги. То ли в карты проиграл, то ли — на цыганку свою роковую.

Уехал, умчался её офицерик. И сыночка увёз. Посчастливилось ли ему остаться в живых и потом благополучно бежать куда-нибудь в Константинополь или в Югославию, неизвестно. Может, зарыт где-нибудь в степи «под курганом, поросшим бурьяном...»

Лидия зла на своего офицерика не держала. Любила его безмерно. Так, как потом, казалось, не полюбит уже никого. И не любила. Пока не встретила другого «офицерика», уже постаревшего, прожившего полжизни с другой. Но эта песня ещё впереди...

У этой истории есть, впрочем, и другая версия: «офицерик» погиб под Вольском в бою с большевиками под Самарой...

Что за судьба у русского человека — беда за бедой, война за войной!

Год 1919-й. Гражданская война.

Суровые времена и в людях воспитывали волю и характер. Лидия Русланова уже профессиональная певица. Редкое низкое контральто, переходящее в сопрано. Репертуар, состоящий из народных песен и городских романсов. И на сцену она выходит в своём неизменном ярком сарафане, изукрашенном традиционной русской вышивкой, иногда в лёгких сапожках, иногда в лаптях.

Слушатели её — снова солдаты. Теперь уже другой, очередной войны. Пока они объединены одной волей, мечтой в светлое будущее и жестоко противостоят своим же братьям, так же неистово воюющих под белыми знамёнами против большевиков, против Антихриста, за Веру, Царя и Отечество. Схлестнулись две лавы, два непримиримых воинства.

В годы Гражданской войны судьба носила Русланову по западу и югу России. Гастролировала с концертами по всей стране. Жила в Проскурове, Бердичеве, Могилёве, Киеве. Жизнь её проходила на колёсах, в пути, в странствии. Как верная маркитантка, она шла вслед за

армией. Иногда вместе с армией. И эта взаимная любовь — Красная армия, и Русланова — стала её судьбой. Нигде так её не принимали, как в войсках. Никто её так не любил, как солдаты. И она для них готова была петь хоть в окопах, хоть в землянках, хоть под пулями на самолётном крыле и на корме танка.

В 1919 году в Виннице Русланова познакомилась с чекистом Науминым и вскоре вышла за него замуж. Всего замуж она выходила четырежды. Один муж, первый, оставил её, двоих последующих оставила она, последнего, самого любимого и преданного, похоронила и жила потом с приёмной дочерью, зятем и внуками.

Наум Ионович (по другим сведениям — Ильич) был «влиятельным сотрудником ВЧК». В кратких биографических справках, которыми заполнены различного рода энциклопедии и Интернет, о втором замужестве Руслановой говорится скупно. Буквально, что «удачно вышла замуж» и что Наум Наумин был «прямолинейный, фанатичный, для которого мир делился на товарищей и врагов». Имя второго мужа Руслановой мне удалось отыскать в так называемом «Расстрельном списке», который опубликовали в 2002 году общество «Мемориал» и Архив Президента РФ. Наум Ионович Наумин проходит в этом довольно длинном перечне в списке «Москва-центр». Арестован 21 ноября 1937 года — «является участником террористической организации и имел намерение совершить террористический акт над руководителями Советской власти». Осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в тот же день 3 января 1938 года. Тело захоронено на территории совхоза «Коммунарка» Ленинского района Московской области. В советской истории наступил такой период, когда в затылок стреляли тех, кто стрелял в затылок

ещё вчера. Свирепая машина самоистребления ломала кости своим конструкторам и механикам...

А пока молодожёны счастливо перебрались в Москву. Наумин получил назначение. Русланова занялась самообразованием. Наконец, появилось свободное время. Его она всецело посвятила чтению. Тогда это было и модно, и необходимо. Молодёжь тянулась к образованию. Новая власть это всячески поощряла. Доступ к книгам, в театры, в музеи, наконец, появился для всех.

Русланова и Наумин жили в Москве и ни в чём не нуждались. Наумин получал неплохое жалованье. Ведомство, в котором он служил далеко не рядовым работником, умело заботиться о своих сотрудниках. Русланова тоже приехала в столицу не с пустыми руками. На гастролях успела заработать кое-какие деньги.

Первую библиотеку она собирала с любовью. Вспоминала: «Шла гражданская война, когда мы с мужем стали собирать библиотеку. Торговля книгами велась в те годы не совсем обычно. Букинисты, студенты, архитекторы, врачи — люди самых различных профессий выносили на Моховую улицу в Москве книги. Здесь можно было встретить библиографические редкости и лубочные издания, классиков русской и мировой литературы... Случайно мне тогда удалось приобрести журнал «Современник», издававшийся Пушкиным, с автографом поэта, а также прижизненное издание «Путешествия из Петербурга в Москву» Александра Радищева».

Она не делала карьеры весьма распространённым в те годы способом — по партийной дорожке. В партию она не вступит ни в двадцатые, ни в тридцатые годы, ни потом. Чувствовала свою силу и силу русской песни и знала, что её время ещё наступит.

В 1923 году она провела свой первый большой сольный концерт в Ростове-на-Дону. С тех пор именно Ростов-Дон станет второй, после Саратова, родиной Руслановой. Родиной великой певицы. Двумя годами раньше Русланова дебютировала в Ростове-на-Дону в составе солистки местного эстрадного театра «Скоморохи». Это было её первое официальное место работы.

Выразительности она добивалась удивительной, недостижимой. И благодаря своему в общем-то скромному, простому, но очень продуманному и сценически правильному костюму. Русская песня выходила к публике в своём исконном, народном наряде и обличье. Выход Руслановой к публике, а затем исполнение той или иной песни не походило на стилизацию.

Эта история произошла уже в годы войны. Во время очередного концерта фронтовой бригады в полувыгоревшем и полувырубленном артиллерийском налётом лесу к ней подошли молодые бойцы. Они только что вернулись с передовой и снова должны были уйти туда. Один из них сказал ей:

— Видишь, какие мы чумазые после боя. Но песней своей ты нас умыла, как мать умывает своих детей. Спасибо. Сердце оттаяло. Спой еще.

И она, сдёрнув с плеч платок, запела раздольную русскую песню «Вот мчится тройка удалая».

И снова родная Волга хлынула ей в душу и затопила все берега. Она пела им так, как пела бы только мать, которой изо всех сил и всей своей любовью хочется охранить их, защитить, уберечь от вражьей пули.

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,

Звенит уныло под дугой...

Как она пела им в том изрубленном войной лесу, могли бы рассказать только они.

В каноническом тексте последний стих другой: «...и заливался соловьём». Но Русланова изменила мажорную концовку на минорную. Песня в её авторской трактовке получила грустно-поэтический финал. Эта печаль в изменённом тексте выглядит более естественной и, как это ни парадоксально, слеза ямщика превращается в слезу утешения и даже надежды.

Русланова допела, поклонилась солдатам. И они ушли к передовой, в окопы. А лес содрогался от дальних взрывов снарядов крупного калибра.

Фронтные кинооператоры запечатлели фрагмент, когда Русланова готовится к выступлению — надевает сарафан прямо на одежду, на платье. Некогда. Да и холодновато, видимо.

4

В 1929 году Русланова рассталась с мужем-чекистом. С Науминым она прожила почти десять лет. Детей не было. Она больше так и не родит. Будет тосковать по сыну от офицера, своему ангелу с золотистыми кудрями, потерянному во время революции, всю жизнь искать его. И в конце жизни Бог воздаст её душевным мукам и страданиям — материнское будет одарено приёмной дочерью.

Итак, в 1929 году Русланова встретила с Михаилом Наумовичем Гаркави. Они, как говорят в народе, сошлись и жили в гражданском браке. Известная певица, любимица публики и не менее известный и популярный конферансье. Семейная лодка с Наумом

Науминым давно уже дала течь и медленно оседала в пучину. Видимо, роман с Гаркави не был уже тайной.

Михаил Гаркави — высокий, толстый, но удивительно, почти неестественно подвижный — появлялся на сцене стремительной походкой, улыбающийся, с широко разведёнными руками и обрушивал на зрителей ливень шуток-прибауток, мгновенно располагал к себе. Читал короткие фельетоны, исполнял куплеты. Иногда затевал рискованный разговор с залом. Ему задавали вопросы, а он мгновенно отвечал.

С новым мужем Руслановой было легко. Во-первых, он всегда в нужную минуту оказывался рядом. Во-вторых, они прекрасно работали в паре. Хорошо зарабатывали. В-третьих и остальных, Гаркави умел превращать жизнь в праздник. Слегка обжора, любитель хороших сигарет и всяческих розыгрышей, он любой случайный угол преображал в сцену. Если с Науминым Русланова увлекалась собирательством и коллекционированием редких книг, то Гаркави прирастил её к более, как сейчас сказали бы, бюджетному коллекционированию.

Концертов они давали много. Работали с утра до ночи. Гонорары и сборы, как правило, были высокими. Всегда — аншлаги. Так что могли себе позволить и весьма дорогие покупки.

Гаркави знал толк в редких книгах. Их Русланова покупала по-прежнему, не жалея денег. И, надо заметить, все потом прочитывала.

Неплохо он разбирался и в драгоценностях, и в живописи. Русланова завела знакомство с директорами всех антикварных и букинистических магазинов Москвы. И когда вдруг появлялась какая-нибудь редкая старинная вещь, которая могла её заинтересовать, или картина, ей тут же звонили. Она приезжала и смотрела товар. Иногда привозила с собой кого-нибудь из своих

знакомых, кто хорошо разбирался в живописи и предметах старины. Очень часто во время таких походов её адъютантом бывал Илья Грабарь.

Грабарь был ключевой фигурой в этой ещё одной масштабной и весьма удачной операции, проведённой нашими войсками в ходе Великой Отечественной войны. Его назначили главой так называемого Бюро экспертов. Со своими подчинёнными он составил реестры и каталоги лучших произведений искусства — живописных полотен, гобеленов, коллекций фарфора, серебра, скульптур малой формы, — которые хранились в музеях Европы и могли оказаться в полосе действий наших войск. Искусствоведы и научные сотрудники музеев работали как пчёлки днями и ночами, чтобы составить сводный, наиболее полный каталог сокровищ Европы, а также предметов искусства, которые могли оказаться вывезенными оккупантами с территории СССР.

Искусствоведы Грабаря, переодетые в военную форму, колесили по Германии, разбирали завалы на месте музеев, вытаскивали из подвалов шедевры старых мастеров. Иногда прямо из воды. Немцы сражались до последнего. Гибнущему солдату не до Рубенса, не до хрупких пастушек и пастушков мейсенского фарфорового завода.

Трофейные команды на месте принимали решения об изъятии и вывозе обнаруженных культурных ценностей, как «брошенного» или «бесхозного» имущества, «в целях их сохранности от порчи, разрушения или расхищения». Упаковывали, делали опись, грузили в вагоны. Можно предположить, что многое из музейных предметов, минуя склады Бюро экспертов, уходило в вагоны, где распоряжались другие люди, настоящие военные — адъютанты и порученцы генералов и маршалов.

В трофейной компании будет принимать активное и деятельное участие генерал Крюков, четвёртый муж

Руслановой. В его гараж в Москве попадут четыре трофейных легковых автомобиля. Из 50 тысяч захваченных. Но вот картин в руслановском собрании, к тому времени уже большом, довольно изысканном и цельном, отражающем вкус и стиль владелицы, из поверженных немецких городов не оказалось. Ни одной! Все работы купила на честно заработанные деньги.

На формирования собрания картин любимых художников у Руслановой ушло почти двадцать лет. Гонорары порой почти целиком спускала на покупку очередной картины. И каждая желанная работа была для неё радостью, счастьем. Русланова была не просто коллекционером или богатой дамой, которая тешила свой каприз вложением лишних денег в картины, «которые всегда будут в цене». В её коллекции были картины Нестерова, Кустодиева, Серова, Малявина, Сурикова, Врубеля, Сомова, Шишкина, Репина, Поленова, Васнецова, Верещагина, Айвазовского, Тропинина, Левитана, Маковского, Крамского, Брюллова.

Гаркави пристрастил нашу героиню и к коллекционированию драгоценностей.

У них в доме часто собирались дружеские компании, устраивались весёлые вечеринки. Это были своего рода пиры единомышленников, людей одной профессии. А потому зачастую носили характер капустников. Но — ничего вычурного и искусственного. Пошлой драматургии Русланова терпеть не могла, а уж в своём доме ничего подобного никогда не позволила бы.

И она, и Гаркави любили гостей. Угощали щедро и вкусно.

Руслановские пироги. О них ходили легенды. Отведать их и, конечно же, провести вечер с хозяйкой, потолковать о том о сём, мечтали многие. И многие в её доме бывали.

Пироги она пекла сама. А секреты вынесла из саратовской деревни, от бабушки. Самыми изысканными

и вкусными были пироги с капустой. Подавала также — с яблоками, с грибами. Но пироги с капустой были поистине шедевром кулинарного искусства. Вся артистическая Москва гудом гудела о руслановских пирогах с капустой.

5

Советско-финская война, которую в народе назовут Финской или Зимней, была проверкой прочности и Советского государства, и его Красной армии, и способностей Генштаба, и вооружения, и солдат, и генералов.

Свою проверку на прочность прошла и Русланова. И здесь, на этой «войне незнаменитой», окончательно определилось для неё многое. И её амплуа — петь для солдата, для труженика войны, ежедневно, ежечасно глядящему в глаза смерти. И её зритель. И её любовь. И судьба.

Личная же её судьба — генерал Крюков — ходила рядом. Как рядом ходила она во время Гражданской войны, когда Русланова пела для солдат Южного фронта, а он, молодой командир эскадрона Отдельной кавалерийской бригады 38-й стрелковой дивизии, метался по степи, рубая офицеров, отступающих в Крым и к Новороссийску. Ходила рядом и теперь: с февраля 1940 года полковник РККА Крюков командовал 306-м стрелковым полком 62-й стрелковой дивизии, а затем возглавил 8-ю стрелковую бригаду Ленинградского военного округа. Но ни там ни здесь, под Ханко, они не встретились. Встреча произойдёт позже, уже совсем скоро.

Уже через месяц после начала боевых действий на Карельском перешейке и по всей линии соприкосновения на фронт прибыла концертная бригада

Руслановой и Гаркави и начала выступления для бойцов. Чаще всего концерты проходили прямо в лесу, под открытым небом, в метель.

Для Руслановой эта война была уже третьей. Тогда она ещё не предполагала, что будет и четвёртая, самая долгая и самая страшная, и очень скоро.

За 28 дней фронтовых гастролей их группа дала сто один концерт. По три-четыре концерта в день. Побывали почти во всех армиях.

Заполярье. Жестокие морозы под тридцать градусов. Леса, заваленные снегами. Замёрзшие озёра и реки. Из дивизии в дивизию перебирались то на машине, то на дрезине, то на самолёте, то на гужевом транспорте. Иногда туда, куда предстояло добраться, дороги не было, и тогда они становились на лыжи и шли по лыжне, пробитой разведчиками-проводниками. Чтобы не замёрзнуть и не простудиться, выступали в ватных армейских штанах и телогрейках.

На ночь останавливались то где-нибудь в ближайшей тыловой деревне, то в армейских фанерных домиках, то в палатках в лесу. Палатки обогревались железными печурками. Печурки топили по очереди. Очередь распределяли на всех без исключения. Вставала среди ночи и Русланова, дежурила возле железной печки, сделанной солдатами из бочки из-под бензина, подбрасывала сухие поленца, чтобы пламя в топке не угасло и палатка не остыла.

Укладываясь спать, ватников не снимали. Некоторые из концертной бригады после двух-трёх суток таких гастролей начинали ныть, бранить весь свет, с тоской вспоминать Москву.

Спасал ситуацию Гаркави. Начинал шутить, поднимать людям настроение очередными своими безумными историями. Все понимали, что — врёт, снова сочиняет небылицы, но становилось забавно. И люди начинали смеяться и тоже включаться в разговор.

Когда приезжали в незнакомое, новое место и до концерта оставалось время, Русланова заходила погреться либо в какие-нибудь походные мастерские, либо в передвижной полевой госпиталь. Её сразу узнавали. Отовсюду несло: «Лидия Андреевна!.. Лидия Андреевна!..» Она им: «Голубчики мои!..» И начинала рассказывать какую-нибудь смешную историю, в которую она недавно попала либо слышала её у соседей. Сразу — смех, шутки. Настроение поднималось. Глядишь, и раненым становилось жить на свете не так мрачно. И она чувствовала, что хоть чем-то скрасила их унылое существование.

Бойцы крутили усы, восхищённо слушали великую певицу, которая и на слово оказалась легка и приветлива. Своя! Ну, в доску своя!..

На ночные посиделки, которые Сталин какое-то время любил устраивать в Кремле, приглашая туда знаменитых писателей, артистов, людей искусства, Русланова попала всего один раз. Кто-то из её биографов написал: мол, не любила она этих вечеров...

Там любви и не требовалось. Если приглашали, то послушаться никто не смел.

И вот пригласили её.

Сталин театр не просто любил, а всячески его опекал. Особенно Большой. Ничего для него не жалел, никаких миллионов. Зарплаты, премии, звания, награды, всяческие привилегии и бытовые блага в виде квартир в центре Москвы, дач в живописных районах Подмосковья, путёвок в дома отдыха и санатории. Зарплаты ведущих певцов всегда были высокими. Сталин осыпал их Сталинскими премиями и орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Награждал своих фаворитов при каждом подходящем случае и зачастую делал это собственноручно. Хотя — не без исключения. Русланова так и не была награждена никаким правительственным

орденом. Вернее, орден был, но его почти сразу же отняли...

И вот в середине 30-х годов (точная дата неизвестна) приглашения предстать пред очи Хозяина удостоилась Русланова. Сталин словно бы устал от академического пения и решил насладиться песней народной. Был какой-то очередной банкет. По установившейся традиции завершался он выступлениями самых лучших певцов страны.

О том, что значило понравиться Сталину, Русланова уже была наслышана. Да и Гаркави наставлял: «Лидочка... Лидочка... Только придержи свой характер! И твоё великолепное будущее будет обеспечено».

Русланова спела. Члены Политбюро и ближайшее окружение Сталина бурно аплодировали. Сталину тоже понравилось её выступление. Какие песни она пела тогда, на «царском» банкете, история не сохранила.

Сталин пригласил её к своему столу. Она села рядом. По обыкновению, Хозяин начал угощать свою гостью фруктами. Придвинул к ней вазу с виноградом и сказал:

— Угощайтесь.

То, что произошло в следующие мгновения, могло закончиться для Руслановой весьма плачевно. Конечно, если бы она вежливо угостилась из рук вождя, Сталин, следуя традиции и своему характеру, спросил бы у певицы, чего она желает...

Но к винограду она не притронулась. И сказала:

— Я-то сыта. А вот моих земляков в Поволжье накормите. Голодают!

Их дальнейшая беседа отклонилась в сторону от народной песни и проблем творчества Руслановой. Когда певица ушла к своему столу, Сталин посмотрел ей вслед, усмехнулся и сказал:

— Рэчистая.

Ну вот и всё. Больше они не встречались. Но последствия этой встречи Русланова ещё почувствует —

в 1948 году. Говорят, когда Сталин слышал имя Руслановой, морщился, делал пренебрежительный жест и говорил: «Мужицкая певица».

В 1933 году Русланову зачислили в штат музыкально-эстрадного управления Государственного объединения музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий. Слава певицы росла. Везде она была желанна. Концерты шли один за другим, иногда по два-три в день. Везде — аншлаг. Сборы огромны. Организаторы были довольны, строили планы на будущее, перебивая друг у друга столь популярную певицу.

Такие, как Русланова, были выгодны для государства, для учреждённого в январе 1936 года Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР. Партия и правительство наконец-то добрались до наведения централизованного порядка в культуре и искусстве. Уже был создан Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР. Со знаменитым Радиокomiteетом у Руслановой сложатся прекрасные творческие отношения, и её голос будет звучать по всей стране, по всем широтам от Минска до Петропавловска-Камчатского, и слушать её пение будут миллионы. В феврале 1937 года по всей стране была введена единая всесоюзная сетка вещания. Началось так называемое иновещание на тринадцати языках народов союзных республик — казахском, грузинском, армянском, азербайджанском, украинском, белорусском... И по всем этим каналам звучали русские народные песни Лидии Руслановой.

В 30-е годы Русланова много гастролировала — по линии Всесоюзного комитета по делам искусств, а точнее, его подразделения — Музыкально-эстрадного управления Государственного объединения музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий. Лёгкая на подъём, неутомимая, энергичная и

деятельная, она объездила всю страну. Случались и так называемые «левые» концерты. Гаркави, управлявший своими и её делами ловко и умело, с изяществом конферансье мог манипулировать не только публикой, но и ответственными товарищами на местах, которые занимались проведением концертов в городах, районах, в войсковых частях, в колхозах и на тракторных станах. От «левых» концертов вся выручка шла артистам. Такие выступления, понятное дело, были более кассовыми для них. Бригады артистов, которые ездили в Гаркави на гастроли, боготворили его. Зарабатывали хорошо. Но и работали на износ. Не у всех выдерживали нервы, голосовые связки. Некоторые пропускали выступление-другое, чтобы хоть немного отдохнуть, эмоционально восполниться. Только не Русланова. Она не пропускала ни одного концерта.

В те годы в составе концертных бригад, а также с сольными концертами колесили по стране очень многие певцы, артисты, музыканты. 30-е годы — период своего рода концертно-театрального гастрольного бума. Ездили все. Сцены возводились на лесосеках и на опалубке строек, в поле и на полигонах. Но таких стремительных маршрутов и такой интенсивной концертной работы не выдерживал никто. Кроме «Русланихи», как её начали называть в народе и в артистической среде.

Но те и другие в это прозвище вкладывали разное. Если для первых «Русланиха» была любимой, желанной, простой, то вторые подчёркивали её простонародность, сер-мяжность. Этим прозвищем её как бы выталкивали из круга столичной артистической элиты, указывали ей место.

За спиной порой шушукались. Русланова отвечала на подобное шипение очень резко. Могла и запустить по матушке. И продолжала делать своё дело. Петь так, как Бог сподобил.

Двадцать второго июня началось... Атаки пограничных застав, гибель гарнизонов и целых дивизий, оказавшихся на направлении главных ударов немецких войск, бомбардировка городов, железнодорожных станций, мобилизация резервистов. Вставай, страна огромная...

А через месяц в районе Ельни она уже пела солдатам «Катюшу», «Окрасился месяц багрянцем...» и «Саратовские страдания». Всё, казалось, возвращалось назад и двигалось, летело в тартарары по какому-то заведённому кругу. Те же серые шинели усталых солдат на дорогах, те же запахи и те же звуки, те же страдания народа, захваченного вихрем очередной войны. Эта для нашей героини стала четвёртой, и она оказалась огромной.

Русланова, гармонист Максаков, Гаркави, Хенкин и другие артисты летом 1941 года с первой же фронтовой бригадой отбыли в действующую армию.

Русланова всю войну была рядом с солдатами Красной армии. Вдохновляла их на подвиги — во имя освобождения своей Родины. И Родина впоследствии отблагодарит ее. Она пойдёт по знаменитой 58-й статье. Ее арестуют в 1948 году, дадут стандартную «десятку» без права переписки. А дальше — знаменитый своими жестокими условиями Озерлаг под Тайшетом. Потом, на исправление, направят во Владимирский централ. Из централа выйдет только в 1953 году по реабилитации, то есть отсутствию в её деле состава преступления. Никаких орденов, званий и льготных пенсий она не получит. Все блага для себя и своей семьи создаст сама, своим трудом — голосом, песнями, энергией, любовью и верностью русской народной песне. У Руслановой отнимут орден, который она заслужила на войне.

Народная любимица и лучшая исполнительница народных песен, звания народной артистки она так и не получит.

Руслановой уже за сорок. Пожилая дама. Молодёжь уступает ей место в кабине грузовика. Остальные — на кузове. Там же весь реквизит и музыкальные инструменты.

Такой любопытный штрих в дополнение к характеру нашей героини. Она всегда была очень домовитой и хозяйственной. Предусмотрительной. В дорогу брала достаточное количество снеди, чтобы не только ей, но и прожорливому Гаркави, и всем, кто окажется рядом, хватило перекусить, утолить голод до ближайшего пункта назначения, где их ждут и, возможно, покормят. Обычно это была внушительных размеров корзина, где, аккуратно переложённые бумагой и холстинками, лежали куски говядины, обжаренная курочка или две, нарезанная тонкими ломтиками колбаса, ветчина, сало и, конечно же, знаменитые руслановские пироги. На самом дне — бутылочка водки под пробкой, залитой сургучом, или вина. В дорогу Русланова готовилась основательно. И одной из наиглавнейших забот была — корзина.

Корзина со снedyю в дальний путь была частью её культуры. Её она тоже вынесла из своего саратовского детства. Узелок с едой мать носила отцу на пристань. Так же аккуратно, в холстинки, закладывала куски холодного мяса, сало, нарезанный полными краяхами-полумесяцами хлеб. Хлеб в дороге — не ноша, хлеб себя сам несёт, говорили в Даниловке.

В тех же фронтовых записях есть характеристика нашей героини: «Р.у.с.л.а.н.о.в. а Л.и.д.и. я А.н.д.р.е.е.в.н. а, женщина своенравная, трудная, порой капризная, внешне как будто некрасивая, но пение преображает её до неузнаваемости. Задушевная русская

песня, исполняемая низким, широким, как Волга, контральто, пленяет до глубины души.

Вначале она, привыкшая быть главной гастролёршей, не могла примириться с соседством ещё одного премьера — В. Я. Хенкина, с которым, кстати, дружила домами, но не на концертах. Были кое-какие взаимные колкости даже здесь, в условиях фронтовой обстановки. Но потом каждый нашёл себя, и всё обошлось».

Характер у Руслановой был. Ещё бы. Не имея твёрдого характера, разве можно было добиться в жизни и на сцене такого, чего добилась к сорока годам, к своей творческой и женской зрелости она? Талантливый, уважительный и услужливый муж. Всесоюзная любовь. Лучшие сцены страны. Полные залы. Сборы, какие имеют немногие её коллеги. Пластинки, пластинки, пластинки... Конечно же, зависть, и как следствие — интриги, наветы, козни... Но это только подстёгивало её, закаляло нрав. Действительно делая его подчас излишне крутоватым. Но песня размягчала её душу, примиряло со многим, умиротворяла. И многое она умела прощать, ради песни, ради сцены, и своим коллегам-артистам, и начальству, и невольным соперникам, но и себе в том числе.

«Танковой частью, в которой мы находимся, командует Герой Советского Союза полковник Лизюков^[173]. Часть дислоцирована на «бойком месте»^[174]. Начался концерт, Русланова посвящает своё выступление Лизюкову.

— Сколько простора в её голосе! — шёпотом говорит сероглазая шатенка, военврач 3-го ранга Нонна Тимофеевна Якушева, с которой нас познакомил за обедом командир части. [...] Гаркави сочинил про неё песенку и всячески восхвалял её, как бывший врач. Всё-таки приятно иметь такого «коллегу», как Якушева! Очевидно, она очень популярна в этой воинской части,

потому что посвящение Гар-кави все красноармейцы и командиры встречают с горячим одобрением. Только Нонна Тимофеевна вспыхивает ярким пламенем и даже немного сердится».

Вот та атмосфера общения с бойцами и командирами во время концертов. Куплетисты и конферансье тут же, в перерывах между выступлениями, сочиняли тексты своих выступлений, частушки, порой целые фельетоны и короткие рассказы. Обстановка везде была разной, и приходилось постоянно импровизировать. И Русланова, при том, что репертуар её оставался примерно тем же, каждое своё выступление делала несколько иным. Одно дело — петь солдатам, идущим в бой. Другое — раненым в госпитале. Третье — в тылу, где её слушатели и зрители и военнослужащие, и вольнонаёмные, и местные жители.

Именно об этой особенности дара Руслановой писал артист Фёдор Мишин, размышляя над тем, как она исполняла песню «Вот мчится тройка удалая...»: грустную, полную трагедии песню в другой раз «могла спеть на улыбке...».

Потому что людям, идущим на смерть или потерявшим своих родных и близких, искалеченным, нужна была хоть какая-то опора в жизни, знак надежды. Имея в себе лишь этот дар — песенный, — она и подавала людям надежду. Как могла.

Летом 1942 года в популярном тогда журнале «Огонёк» в № 30 был опубликован очерк писателя Валентина Катаева «Концерт перед боем». Вот наиболее значимые для нас фрагменты этого очерка:

«Она только что приехала с фронта. Через четыре дня она снова уезжает на фронт. Мы сидим в ее номере в гостинице «Москва». За окном громадные дома и асфальтовые перекрестки московского центра. Мчатся закамуфлированные машины, рассыпают искры трамваи

и троллейбусы. Торопятся пешеходы. Серый весенний деловой московский денек.

Она еще полна фронтовых впечатлений.

Это известная исполнительница русских народных песен Лидия Русланова. На ней скромное коричневое платье. Волосы просто и гладко убраны. Лицо чисто русское, крестьянское. Она и есть крестьянка-мордовка.

Почти с первых же дней войны она разъезжает по частям героической Красной Армии, выступая перед бойцами. Она ездит с маленькой труппой, в которую входят фокусник, баянист, скрипач, конферансье.

Где только они не побывали! И на юге, и на юго-западе, и на севере! Они дали сотни концертов. [...]

Далеко не каждый артист, даже менее известный, мог в то время войны сказать: «Бьём врага!» Сказать именно так, от первого лица и во множественном числе. Русланова на войне себя чувствовала одновременно и певицей, той яркой индивидуальностью, которой она в действительности была, и частью того множества, которое зовётся народом. В этом, кстати, один из секретов её искусства вообще. Выходя на сцену, она не чувствовала себя на пьедестале настолько, чтобы потерять связь со слушателями и зрителями. Поэтому-то всегда стремилась к ним навстречу. И сцена, как таковая, ей не всегда была нужна. Фронтовые концерты ещё сильнее сблизили её с народом. Здесь она пела что называется глаза в глаза. [...]

Лес. В лесу еще сыро. Маленький, разбитый снарядами и полусожженный домик лесника. Совсем недалеко идет бой — артиллерийская подготовка. Осколки срезают сучья деревьев. Прямо на земле стоит Лидия Русланова. На пенёчке сидит ее аккомпаниатор с гармоникой. На певице мордовский яркий сарафан, лапти. На голове цветной платок — по алому полю зелёные розы. И что-то жёлтое, что-то ультрамариновое. На шее бусы. Она поёт. Ее окружает сто или полтора ста

бойцов. Это пехотинцы. Они в маскировочных костюмах. Их лица черны, как у марокканцев. На шее автоматы. Они только что вышли из боя и через тридцать минут снова должны идти в атаку. Это концерт перед боем.

Горят яркие краски народного костюма Лидии Руслановой. Летит над лесом широкая русская песня. Звуки чистого и сильного голоса смешиваются с взрывами и свистом вражеских мин, летящих через голову.

Бойцы как зачарованные слушают любимую песню.

Рядом западная дорога, по которой идут транспорты, автомобили, сани, походная кухня, и вот, услышав голос певицы, один за другим люди и машины сворачивают к домику лесничего.

Лидия Русланова поёт уже перед громадной толпой».

Приподнятый и даже порой пафосный стиль очерка вполне оправдан. Катаев точно передаёт факты, слегка лишь придавая им те необходимые тона, которыми были окрашены тогда все корреспонденции и статьи с фронта и касающиеся событий, связанных с войной.

Вот что удивительно. В предвоенные годы о Руслановой писали нечасто и не всегда доброе. После войны будут писать очень сдержанно. А на какой-то период и вовсе изгонят с газетных и журнальных полос, ни словом не вспомнят на Всесоюзном радио, да и даже пластинки изымут из торговли. Но в годы войны писали много и охотно.

Её выступления, её постоянное присутствие на фронте, её фронтовой путь «вслед за минёрами» отражён в десятках корреспонденций, путевых очерках и статьях. О ней писали литераторы, фронтовые и армейские корреспонденты. Её много фотографировали.

Однажды концерт начался в непосредственной близости к первым линиям окопов. Командир части

попросил Русланову петь как можно громче и дольше. Она заметила, что и сцена была развёрнута в сторону нейтральной полосы. Довольно опасно. Но немцы вели себя тихо. Ни выстрела, ни звука.

— Что, тоже будут слушать? — спросила Русланова командира дивизии.

— Будут, — согласился он.

Русланова решила, что это шутка. Но про себя отметила: командир дивизии как-то уж слишком напряжён...

Звук усиливали через походную радиостанцию. Так что на этот раз она пела с «микрофоном» — в опрокинутую телефонную трубку. Получалось здорово.

Концерт действительно транслировался благодаря приспособленной армейской радиотехники сразу на две стороны. Немцы настолько увлеклись, что забыли обо всём. Наша героиня пела три часа! Пользуясь этим, командир дивизии энергично провёл необходимую передислокацию подразделений и приготовил внезапную атаку. Атака потом была проведена и завершилась успехом.

Говорили, что за этот концерт Русланова была награждена орденом Красной Звезды. Среди её немногих наград такого ордена нет. Но это и не важно. Красивая легенда, придуманная солдатами, дороже ордена. Хотя многие, в том числе и артисты, предпочитали ордена. За такую операцию заслуживала ордена и она. Вполне! И будь она понастойчивей, то награды бы добилась. Но на войну она приехала не затем...

По поводу характера Руслановой говорили и говорят многое. Осталось свидетельство артистки Надежды Ник-Калнышевской^[175]: «Самые памятные мои воспоминания связаны с поездками на фронт в составе фронтовой бригады артистов. Никогда не забуду концерт в Воронеже. В то время Воронеж стал основной базой

художественных коллективов, обслуживавших части Юго-Западного фронта. В столовой военторга, куда нас прикрепили, можно было встретить актёров всех жанров. Там же формировались и отправлялись на фронт новые части. Вот мы и решили, по инициативе Александра Довженко, объединиться с московской эстрадой и выступить перед солдатами, уходящими на фронт. Это было зимой 1942 года, был страшный мороз, а выступать надо было на улице, и некоторые артисты от выступления категорически отказались. Вступительное слово сказал Довженко, затем выступил конферансье Михаил Гаркави, я что-то прочитала, и вдруг к удивлению всех на импровизированной сцене появилась Лидия Андреевна Русланова в своём русском наряде. Не буду описывать, как принимали певицу, восторг был неопиcуемый. Пела она много, её долго не отпускали слушатели. Но когда она зашла в помещение, которое служило нам как бы кулисами, где мы отогревались у буржуйки, я увидела Русланову такой, какая она в жизни, — откровенной и прямой. Таких слов, с какими она обращалась к артистам, отказавшимся выступать, в словаре Даля не найдёшь. И те, видно, зная её крутой нрав, уже готовились к выходу на сцену. А Лидия Андреевна под села к буржуйке и, отогревая свои посиневшие от холода руки, повторяла про себя: «Ребятки на смерть идут, а они, видите ли, боятся замёрзнуть. Ишь ты, какие...» Посмотрела на меня, улыбнулась: «А мне холод нипочём. Я ведь ещё в гражданскую солдатам нашим пела. Вот сейчас отогреюсь и ещё им что-нибудь спою».

Песня на фронте — радость и опора солдатской душе. А хорошая песня — двойная радость. Командиры частей прекрасно понимали, какую помощь своими концертами оказывают московские артисты их подразделениям.

Только что закончилась самая тяжёлая военная зима 1941/42 года. Немцев отбросили от Москвы. В подмосковных полях, в лесах и перелесках в чёрном закопчённом снегу повсюду вытаивали трупы солдат двух противоборствующих армий. Кто убит, кто был ранен, но, не замеченный санитарями, истёк кровью, кто замёрз...

Русланова видела эти поля и перелески, усталые солдатскими телами. Сердце замирало при виде таких жутких картин, вторгнувшихся в столь любимый ею природный пейзаж средней сердцевинной России.

В мае концертную бригаду направили во 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Корпус генерала Крюкова вышел из зимних боёв изрядно потрепанным, с большими потерями в личном составе, лошадях и вооружении. Весной его отвели во 2-й эшелон на отдых и доукомплектование маршевым пополнением. Эскадроны пополнялись людьми. Маршевые роты поступали из тыловых районов и тут же распределялись по эскадронам. Шли эшелоны с лошадьми, в том числе монгольскими, низкорослыми. Кавалеристы пошучивали: на таких, мол, как на ишаках, далеко не уедешь... Но первые же бои показали выносливость и неприхотливость монгольских лошадок, которые к тому же и корм себе умели добывать из-под снега.

Перед выездом, ещё в Москве, Гаркави, всегда весёлый и полный уверенности в том, что и эта поездка закончится благополучно, торжественно объявил:

— Едем в гвардейский кавалерийский корпус!

Не знала наша героиня, что едет навстречу своей судьбе.

Концерт состоялся в Спас-Нуделе под Волоколамском. Концерт как концерт. Русланова в этот день была в ударе. И что на неё нашло? Какая вдруг волна накатила? Быстренько изменила репертуар. Вставила в него песню, которую исполняла редко.

В первом ряду, где сидели офицеры и политработники, она увидела командира корпуса. С генералом она познакомилась перед концертом. С подчёркнутой вежливостью, которая показалась ей обычным проявлением уважения, тот встречал приезд московских артистов в расположение его войск, отдавал своим помощникам необходимые распоряжения. Ей, Руслановой, подал руку, когда она открыла дверцу кабины.

Но мало ли кто ей руку подавал, когда она приезжала с очередным выступлением на фронт? Рука генерала была тёплой, бережной. Он посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Ну что из того?..

Теперь он сидел в зале и с той же улыбкой смотрел на неё.

Кто-то из молоденьких артисток, у которых, кажется, одни лейтенанты в голове, шепнул ей:

— Генерал-то, Лидия Андреевна, говорят, вдовец...

Другая поддакнула:

— Каков орёл! И все офицеры вокруг него — как на пружинах. Видать, строгий дядька...

Она внутренне встрепенулась. Но виду не подала.

Он не отрывал от неё восхищённых глаз. Многие на концертах смотрели на неё с восхищением и благодарностью. Но те взгляды были иные. Она их знала и ценила. А этот... Этот смотрел не так... Особенно смотрел...

Раза два и она взглянула на него. Сердце колыхнулось. Как будто не генерал сидел там, а её офицерик, тот, незабываемый, из санитарного поезда...

Снова посмотрела она на генерала. Сколько лет тому уж прошло, как узнала своё первое женское счастье — все двадцать пять. Уже и сама не красавица. И не так молода. Нет той свежести в лице и гибкости в движениях. Да и он постарел... Но ведь как похож...

Генерал ловил каждое её движение, каждый жест. И она чувствовала, с какой горячей слезой вливается в его душу её песня. Э, подумала, будь что будет, а судьбу и на вороных не объедешь...

После концерта — вот чудо небывалое! — генерал подарил ей... туфли! Разные подарки и подношения случались у неё после концертов, в том числе и на фронте. Но чтобы — туфли!..

После войны рассказывала, вспоминая их первую встречу, что Владимир Викторович нашёл где-то на складе старинные туфли на французском каблуке и преподнёс их ей в знак великой благодарности от всего корпуса. «Он этим своим вниманием меня и взял. А туфли что? Тьфу! Я такие домработнице не отдала бы».

Уж это верно. Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь...

После этого выступления концертная бригада зачастила в расположение 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Принимали их здесь хорошо. Артистам эти поездки нравились. А кавалеристы были просто в восторге.

Некоторые биографы утверждают, что с Гаркави она развелась ещё накануне войны. Однако подтверждений этому нет. Скорее всего, Русланова и Гаркави развелись, вернее, разошлись летом того же 1942 года.

По поводу развода она говорила: «Ну что делать: генерала люблю, люблю всей душой, и Мишку жалко...»

Мишке она так и заявила:

— Ничего не могу с собой поделаться, генерала люблю!

Во время второго или третьего приезда в корпус, после концерта Крюков пригласил её на прогулку. Своей взаимной, особой, приязни они уже не скрывали.

Гаркави, конечно же, сразу всё понял. Коллеги-актёры, чтобы смягчить ситуацию, а заодно и не мешать свиданиям Руслановой с генералом Крюковым, действительно подпаивали простодушного и доброго

Михаила Наумовича. Но, узнав об этом, Русланова пьянки пресекла: «Не сметь!» В тот же день она открылась перед Гаркави, не желая, чтобы её отношения с генералом Крюковым походили на нечто из расхожего народного фольклора.

Летом случилась ещё одна радость — Руслановой наконец-то было присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР».

Русланова не отличалась ласковостью по отношению к начальству. При случае могла, как не раз отмечали её коллеги, показать свой нрав. И тому, кто распределял звания и награды, это, конечно же, не нравилось.

Да и плевать она хотела на эти звания!

В 50-е она ещё сидела во Владимирском центре. А в 60-е заниматься карьерой было уже поздно. Министерству культуры надо было ублажать тех, кто постоянно мелькал перед глазами и требовал заботы и внимания. Кто был покладист и предсказуем. И кто нравился не только в своей стране, но и на Западе. Последнее было немаловажным фактором популярности молодых певцов, и с каждым годом всё больше.

Русланова имела главное — сцену и любимую русскую песню. Она искренне считала — этого вполне достаточно для певицы.

И вот жизнь дарила ей семью. Что же ещё, какие звания ей нужны, кроме звания жены и матери...

В июле 1942 года Русланова и генерал Крюков расписались.

Как только появилась пауза между концертами, Русланова купила билет до Ташкента и пустилась в дальнюю дорогу. Дочь генерала Крюкова, Маргарита, жила там в эвакуации, как сама она говорит, «с тётками».

О приезде Руслановой в Ташкент и своих ощущениях и впечатлениях детства Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова вспоминает очень живо: «Вскоре

мама приехала в Ташкент, где я находилась в эвакуации с тётками. Как раз выдалась суровая для Ташкента зима. Тётки мне предложили, что пока у меня мама больна, пусть будет вторая мама. Мне понравилось: так хорошо! У всех одна мама, а у меня целых две. Вторая мама сразу меня к себе расположила, мы обнялись. Она мне сразу что-то смешное рассказала, сказку — это она умела. Ещё сказала такое: «Знаешь, Маргоша, вот так складывается жизнь, что мы теперь будем одной семьёй, одним домом, всегда вместе». Нашла простые, сердечные слова, держалась очень естественно. И потом всю жизнь она была ко мне очень доброй, но и требовательной, во всём любила порядок, как и папа. В театральные мастерские какие-то тряпочки заказала красивые пошить для меня. Я никогда не боялась своих родителей, делилась с ними всеми секретами. Меня всегда выслушивали. Всегда разрешали, чтобы ко мне и девочки приходили, и мальчики. Мама говорила, что мальчишки в дружбе лучше девчонок. Когда я уже была взрослой, не успею прийти на работу, как раздаётся звонок — мама интересуется, дошла ли».

Первая жена генерала Крюкова Клавдия Ивановна умерла в 1940 году. Версия её гибели такова. Кто-то из знакомых жестоко пошутил, что, дескать, мужа её арестовали органы НКВД... Тогда многих брали. Арестовывали прямо на службе. Не поверить такому было трудно. У Клавдии Ивановны случилась истерика, в таком состоянии онахватила уксусной эссенции и вскоре умерла от отравления.

Замужество — генеральская жена, генеральша — сразу изменили статус Руслановой в обществе. Она сразу это заметила. Вспоминала: «Я впервые почувствовала особое к себе отношение в обществе, когда вышла замуж за Владимира Викторовича. Теперь, когда я появляюсь с ним на людях, меня представляли в первую очередь как жену генерала Крюкова, а не певицу

Русланову!» Её это нисколько не смущало. Порой даже забавляло.

Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова: «Папу арестовали в пять утра. Мы должны были в то субботнее утро встречать маму на аэродроме, собирались ехать на дачу. Папа понял, что маму арестовали, она — что его. Из всего жуковского окружения их арестовали последними. Из жён посадили только маму, потому что знали её характер, знали, что она кричала бы на каждом углу. В это время арестовали жён Молотова, Калинина. Калинин — Председатель Верховного Совета, а жена вшей давит... Знали, что Русланова устроит сраму на весь мир. Её просто убрали, она не сидела бы тихо, как Молотов или Калинин. Папа сидел в тюрьме на Лубянке, четыре года длилось следствие. В лагере пробыл меньше года. У мамы следствие длилось год.

Дали 58-ю, пункт 10 — антисоветская агитация и пропаганда. Такую статью можно приписать каждому второму. Как «особо опасную» преступницу отправили в лагерь в Тайшет».

После ареста родителей несовершеннолетнюю Маргариту Крюкову должны были отправить в детский приют. Квартира, все вещи, мебель конфисковывались. Мама в момент ареста была далеко, и ничего для любимой Маргоши сделать не могла. А вот отец, генерал Крюков, мгновенно оценил обстановку, понял, что его теперь не выпустят и поволокут, как маршала Новикова, как генерала Телегина и многих, кто все эти годы был рядом с маршалом Жуковым, по всем булыжникам и валунам, по камерам и пересылкам...

Девочка дрожала от страха. Она догадывалась, что случилось что-то серьёзное, что предстоит новая разлука с родителями.

Из рассказа Маргариты Владимировны Крюковой-Руслановой: «Их с папой забрали в один час — в пять утра 18 сентября 1948 года. Маму — в Казани, когда она

в гостинице спускалась к машине, чтобы ехать с гастролей в аэропорт. Мы с папой в Москве в тот самый час собирались во Внуково, встречать её. Когда пришли эти полковники, папа сказал: «Маргушенька, ты маму не жди, она не приедет, я думаю, что мы с ней будем в одних местах. Но тебе никогда не должно быть стыдно за своих родителей». Их потом и выпустили практически одновременно. Я должна была жить в детском доме. Но когда папу из нашего дома писателей в Лаврушинском везли на Лубянку, он этих полковников уговорил, чтобы меня отдали тётям, папиным сёстрам. Они жили на Арбатской площади. Мне было почти тринадцать».

У тех полковников была незавидная работёнка. Хотя они ею наверняка гордились. Но Бог им, должно быть, засчитал на Страшном суде тот поступок: они всё же пожалели дочь генерала и певицы...

Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова: «Излома я ушла с чемоданчиком личных вещей. Когда нам дали квартиру, то папа, мама и я вошли туда, в чём стояли. Начинай заново. А пока квартиру не дали, мы жили в гостинице. Мама сразу же начала работать. Очень быстро, меньше чем через месяц. И понеслось! Гастроли, гастроли — нужно зарабатывать на жизнь. Помню, что первым купили буфетик для кухни с выдвижными отделениями для ножей-вилочек. Из них мы пили чай — даже чашек не было. Папу направили на курсы в Академию Генштаба. Мама возмущалась, что он вынужден ездить на общественном транспорте, считала, что это неуважение к генеральской форме. Первое, что мама купила, — машина. И какую! ЗИМ! Она стоила большие деньги. В общем, чай пьём не из чашек, но ездим на ЗИМе. Мама очень не хотела, чтобы её кто-то жалел. У неё было невероятное чувство человеческого достоинства. Это не мещанская позиция. Оскорбительно, унижительно, когда ни за что ни про что сажают в тюрьму, когда вслед каждое дерьмо могли прошептать:

«Тюрьма». Мама никогда не подавала вида, что страдала внутри. Оскорблялась за отца, русского воина, прошедшего три войны».

7

Сейчас любой компакт-диск с записями Руслановой, и даже воспоминание о ней, о её неповторимом голосе невозможно представить без её знаменитых «Валенок».

Как же появилась эта песня? И почему судьба её оказалась такой счастливой?

История «Валенок» такова.

Первой её записала на грампластинку некогда знаменитая цыганская певица Настя Полякова^[176]. Настя исполняла её как цыганскую плясовую. В 1913 году звукозаписывающая фирма «Граммофон» выпустила пластинку с зажигательной плясовой Насти Поляковой. Тираж был огромным, и он разошёлся мгновенно. Песня имела огромный успех.

Рассказывают такую легенду. Однажды на фронтовой концерт Руслановой опаздывали разведчики. Ушли на задание и всё никак не возвращались. И вот, наконец, вернулись. Пришли из-за линии фронта не с пустыми руками, притащили «языка». И вот умылись, прибрались, как могли, и пришли на концерт. Место им бойцы оставили в первом ряду. Как раз напротив сцены сидел молодой разведчик в валенках. Его валенки были до того изношены, что через щели виднелись портянки.

И Михаил Гаркави, который вёл концерт, и Русланова, и все другие артисты невольно обратили внимание на эти солдатские валенки-труженики, изношенные до последней крайности.

Разведчик тоже заметил, что его валенки привлекли внимание артистов. Ему стало неловко, и после

выступления он подошёл к Руслановой и извинился за свой неопрятный вид.

— Ничего, сынок. Ты сколько в них прошёл?

— От Можайска в них иду, — ответил солдат. — Вот уже побольше двухсот километров. И ещё столько пройду. Они ещё у меня ничего, потерпят. Терпеливые...

— Терпеливые — это верно. Как всякий русский человек. А коли так, то и до Берлина дойдут. Дойдут?

— Дойдут! — радостно согласился солдат.

Вечером, после концерта, в землянке, отведённой для постоя артистов, только и разговоров было, что о том опоздавшем разведчике и его валенках. Наконец, уполномочили Гаркави, как самого пробивного и авторитетного, чтобы он сходил к командованию и попросил выдать солдату новые валенки. Гаркави, добрая душа, действительно куда-то ходил и перед кем-то ходатайствовал.

А Русланова задумалась. Она уже давно тосковала о новой песне. Специально для солдат. Для таких вот концертов. Она понимала, что не последнюю зиму воевать солдатикам в мороз и вьюгу в чистом поле и в лесу. Вспомнила старинную песню. С гармонистом Максаковым начала переключивать её мотив под свой голос и свой темп. Песня вначале не шла, не давалась. «Изведёшься, пока постигнешь душу песни, пока разгадаешь ее загадку».

Не сразу она ввела в свой репертуар новую песню. Ей казалось, что она не звучит, что нет в её исполнении того внутреннего огня, без которого песня — не песня. Какое-то время даже хотела бросить её, вывести из репертуара как неудавшуюся. Раз не пошла...

Но однажды выступить пришлось в госпитале. Огромное кирпичное здание, то ли бывший склад, то ли церковь, то ли какой-то цех, откуда вывезли оборудование. Снаружи наполовину разрушенное. Натопить невозможно. Раненые и больные лежат на

кроватях прямо в валенках, чтобы не замёрзнуть окончательно. Лица унылые, обречённые. Их бы потеплее укрыть, одеть-обуть получше... Ну как поднять их настроение? Разве что «Валенками»?

Кивнула гармонисту. Тот заиграл. «Валенки да валенки, Ой, да не подшиты, стареньки...»

Загорелись глаза раненых. Зашевелился народ под грубыми солдатскими одеялами и шинелями. Ожил.

Песня звучала. Певица каждый раз находила в ней новые и новые глубины и выразительные возможности.

Так Русланова отчистила от штампованного «цыганиз-ма», по выражению некоторых её критиков, старинную песню, вернула её в лоно народного пения, сделала лёгкой для исполнения, популярной в народе. Порой в застолье кто-нибудь вдруг воскликнет: «А давайте-ка — Русланову! Русланову споём!» — и тут же: «Валенки да валенки, ой, да не подшиты стареньки...»

Как-то раз случилась такая история.

Лётчикам одного из авиаполков просто не везло: как они ни старались, как ни заказывали артистов, но ни одна из фронтовых бригад к ним всё не ехала и не ехала. И решились воздушные асы на крайнее: раз Магомед не идёт к горе, то мы её уводом доставим...

Разузнали, что на их участок фронта прибывает бригада артистов с Руслановой, разведали маршрут движения этой бригады. Прибыли на нескольких самолётах к концу выступления и... похитили всю бригаду вместе с Руслановой, её гармонистом и конферансье. Как говорил герой одного известного кинофильма об асах кубанского неба: «После боя сердце просит музыки вдвойне...»

После концерта благодарные лётчики, узнав, что артисты уже больше неделю колесят от одной воинской части к другой, что душ принимали в последний раз в Москве, быстренько вытопили баню, устроенную в одном

из железнодорожных вагонов, стоящих в тупике, выставили охрану и занялись приготовлением хорошего ужина.

Эту тёплую встречу и человеческую доброту лётчиков Н-ской части артисты вспоминали даже после войны.

«Гвардии певицей» её стали звать не сразу. Вначале были тысячи километров по жаре и морозам, под пулями и снарядами, сотни выступлений в казармах, на лесных полянках, в госпиталях, в ангарах.

В то время в тылу по всей стране покати́лась волна жертвенного патриотизма. Люди собирали средства и строили на личные сбережения танки, самолёты, экипировали целые роты и батальоны.

Писатель Леонид Леонов передал Сталинскую премию в Фонд обороны и на эти деньги построили тяжёлый танк КВ «Леонид Леонов». Именной.

На фронт поступили эскадрильи истребителей «Саратовский колхозник», «Калужский комсомолец», «Советский артист». Под Тулой на одном из фронтовых аэродромов базировалась эскадрилья тяжёлых бомбардировщиков дальнего действия «Мещовский колхозник».

Как правило, писатели, артисты, деятели искусств передавали в Фонд обороны Сталинские премии. Народ, пуская шапку по кругу, собирал деньги в складчину, и на эти деньги строили танки, самолёты, одевали и обували солдат, закупали махорку и медикаменты.

Русланова Сталинских премий никогда не получала. Вряд ли она и претендовала на них. Первая и последняя её встреча с вождём, Хозяином, как называли Сталина в высших кругах, куда порой судьба и обстоятельства заносили и нашу героиню, произошла задолго до войны и, как мы помним, не привела к взаимной симпатии. Она решила внести свой вклад в победу и построила две

батареи БМ-13 — «Катюш». Это хорошее русское имя ей очень нравилось. Песню «Катюша» исполняла почти в каждом концерте.

Две батареи — это ни много ни мало восемь машин — знаменитых реактивных метательных установок. Целый дивизион. Их совокупный залп равен залпу 120 гаубиц калибра 152-мм.

Боевые машины Русланова передала во 2-й гвардейский кавалерийский корпус, солдатам своего «офицерики». Говорят, они дошли до Берлина, и реактивные снаряды для последних залпов расчёты ставили на рельсы установок уже в самом «логове» с надписями: «От Руслановой».

Перед тем как корпус вступил на землю Германии, Русланова приехала к кавалеристам с очередным концертом. Среди уже полюбившихся песен была новая: «Напою коней я в Шпрее» композитора Константина Листова. Корпус был в восторге. Фраза «Напою коней я в Шпрее», которую весело и задорно, с лихой уверенностью бросала в солдатские души великая певица, действовала сильнее любой политинформации.

Должно быть, именно тогда, в то лето 1942 года, когда Русланова стала законной женой генерала Крюкова, а затем передала корпусу тяжёлое вооружение и при этом спела «Напою коней я в Шпрее», благодарные кавалеристы и присвоили ей звание «гвардии певицы». В определённых обстоятельствах такое звание признавалось куда выше Сталинской премии или титула «заслуженная» или «народная». Премии назначал Сталин, титулы — наркомы или люди, сидящие в высоких кабинетах рядом с ними. А звание «гвардии певица» ей присвоили на фронте солдаты 1-го эшелона. Никто из певцов или артистов за свою работу в войсках в действующей армии такого звания удостоен не был.

Бойцы и офицеры дивизиона называли подаренные певицей установки «лидушами». На дверях машин артиллеристы сделали надписи: «Смерть немецким захватчикам!» Чуть ниже: «10-му гвардейскому миномётному полку — на средства Заслуженной артистки республики Лидии Андреевны Руслановой».

Десятый гвардейский полк храбро дрался во всех наступательных операциях, в которых участвовал 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Освобождал украинский Ковель, польский Сандомир, дрался в Померании, поддерживал кавалеристов во время форсирования Одера, затем в наступлении на Берлин.

К середине войны число её концертов перевалило уже за 500. Известно, что некоторые певцы и певицы после войны не без гордости говорили: «Да я все фронты исколесил (ла)! Почти пятьсот концертов дал (ла)!» Она эти пятьсот дала когда впереди оставались ещё не отнятая у врага Белоруссия, Украина, Прибалтика, когда немцы ещё были полны решимости и надежд снова двинуть фронт на восток, к Москве, Ленинграду и Сталинграду.

Условия у всех артистов и бригад — теперь это не секрет — были разными. Лирический тенор Вадим Козин, к примеру, имел в своём распоряжении целый железнодорожный вагон, специально оборудованный для его концертной бригады. Со спальными местами. Со столовой. С умывальником и прочими удобствами. С отоплением.

«Гвардии певица» стойко, по-солдатски переносила все тяготы и невзгоды армейской жизни, давала концерт за концертом в самых неконцертных условиях.

Бывший поручик Русской армии и георгиевский кавалер генерал Крюков был добросовестным служакой, настоящим красным командиром, из которого Великая Отечественная война сделала неплохого офицера и фронтового командира. Он умел управлять крупными массами войск и понимал душу солдата. Хотя особо ярких эпизодов действий частей и подразделений под его командованием история Великой Отечественной войны, какой она написана, мы не знаем. Более того, некоторые исследователи Великой Отечественной войны упрекают генерала Крюкова, мягко говоря, в недостаточно искусном командовании вверенного ему кавалерийского корпуса. Славу же, дескать, стяжал на несколько другом поприще — был закадычным другом-товарищем Жукова, который покровительствовал своему непосредственному подчинённому, продвигал его по службе и заботливо не обходил наградами...

Командиром Крюков был, судя по документам и свидетельствам, а также действиям вверенного ему кавкорпуса, средним. Особо выдающихся подвигов не совершил. Но и больших провалов на своём фронте не допустил. Когда корпус немцы оттрепали под Севском, делал что мог. Корпус вывел. Противника остановил. Немцы тогда были всё ещё сильны и могли нанести на участке действия 2-го гвардейского кавалерийского корпуса мощнейший удар и поставить в критическую ситуацию весь Западный фронт. Но Крюков свой корпус удержал. Не дал немцам развить удар во фланг соседям. Так что дрался честно.

Родился Владимир Викторович Крюков в крестьянской семье в слободе Бутурлиновка Бобровского уезда Воронежской губернии. Бывшая слобода ныне стала городом. В 1914 году в Рязани окончил реальное училище и сразу же, на волне патриотизма, записался вольноопределяющимся в Русскую армию. В 1915 году окончил учебную команду

запасного полка и поступил во 2-ю Московскую школу прапорщиков. Получил первый офицерский чин и тут же отбыл на Западный фронт. В бой пошёл командиром взвода 26-го Сибирского стрелкового полка. Юный прапорщик отличился в первом же бою. Вскоре переведён в штаб и назначен начальником конной разведки. Произведён в чин поручика. В декабре 1917 года, после Октябрьской революции, демобилизован. Вернулся в Рязань. Поступил в красногвардейский отряд. Командовал кавалерийской сотней. Вскоре со своей сотней отбыл на Дон, затем на Южный фронт и там участвовал в боях против белогвардейцев и махновцев. С 1918 года в Красной армии. Служил адъютантом штаба красногвардейского отряда в Баку. С декабря 1918 года — командир взвода отдельного кавалерийского дивизиона 2-й стрелковой дивизии. Через год — командир эскадрона. Начальник хозяйственной команды. Помощник начальника штаба отдельной кавбригады. Командовал отрядом особого назначения по борьбе с бандитами на Северном Кавказе. В 1924 году окончил отделение старшего комсостава при Высшей кавалерийской школе РККА в Петрограде. Был начальником полковой школы 67-го кавполка. Затем исполнял обязанности начальника штаба полка, дивизии. В 1932 году окончил курс Военной академии им. М. В. Фрунзе. С 1933 года — командир 20-го Сальского Краснознамённого кавалерийского полка 4-й кавдивизии. С октября 1937 года преподаватель тактики Краснознамённых кавалерийских курсов усовершенствования командного состава РККА (Новочеркасск). С февраля 1940 года на советско-финляндском фронте. Командир 306-го стрелкового полка 62-й дивизии. С мая 1940 года командовал 8-й стрелковой бригадой Ленинградского военного округа в районе Ханко. С 4 июня 1940 года — генерал-майор. В 1941 году вступил в ВКП(б). С 11 марта 1941 года

командир 198-й моторизованной дивизии. С нею встретил начало войны. Дивизия сражалась с начала июля 1941 года против финских войск на Карельском перешейке, понесла большие потери и была эвакуирована по Ладожскому озеру. С сентября 1941 года в составе 54-й армии на Северном и Ленинградском фронтах дивизия, ставшая 198-й стрелковой, участвовала в самых первых попытках прорыва блокады Ленинграда на Колпинском направлении, затем в Тихвинской оборонительной и Тихвинской наступательной операциях. С 12 января по 3 февраля 1942 года командовал 10-м кавалерийским корпусом на Западном фронте. 5 марта принял 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Участвовал в Брянской и Севской наступательных операциях в феврале-марте 1943 года. Корпус понёс большие потери и выведен на переформирование. Затем Курское сражение, наступление на Брянском и Рославльском направлении, операция «Багратион» в Белоруссии, Висло-Одерская операция. 1-й Белорусский фронт. Потом, на заключительном этапе войны, Восточно-Померанская. Корпус вошёл в столицу Польши Варшаву. Ему сопутствовала удача: конники уничтожили и захватили в плен более трёх тысяч немецких солдат и офицеров. 5 марта 1945 года совместно с танковыми частями фронта кавалеристы генерала Крюкова овладели важным опорным пунктом противника городом Польцин (Полчин-Здруй) в Польше. За умелое руководство частями корпуса и приданными подразделениями и проявленные при этом отвагу и мужество 6 апреля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии генерал-лейтенанту Крюкову Владимиру Викторовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» (№ 5 792).

После окончания войны генерал Крюков будет какое-то время стоять со своим корпусом в Особом военном

округе в районе Кёнигсберга. В декабре 1945 года 2-й гвардейский Померанский Краснознамённый ордена Суворова 2-й степени кавалерийский корпус 1-го Белорусского фронта будет расформирован. Состоится торжественное прощание с Боевым Знаменем. Солдаты поедут домой. Часть офицеров тоже демобилизуют. Часть, наиболее подходящих к строевой службе, молодых и здоровых, разбрасают по другим частям и военным округам. Генерал Крюков какое-то время будет находиться в распоряжении командующего кавалерией Сухопутных войск. В мае 1946 года его назначат начальником Высшей офицерской кавалерийской школы им. С. М. Будённого. С июня 1947 года он вновь окажется в распоряжении главнокомандующего Сухопутными войсками. С октября того же года займёт должность заместителя командира 36-го гвардейского стрелкового корпуса.

Но из седла боевого генерала судьба выбьет чуть позже. Век кавалерии закончился победой в самой жестокой войне. Дело было сделано. В армии стало необычайно тесно. Части расформировывались. Солдат эшелонами отправляли домой, в народное хозяйство. А куда было девать офицеров? Профессиональных военных? Генералов?

Раскручивалось «дело Жукова», «трофейное дело». Чтобы «поставить на своё место» военных и избавить их и всю страну от иллюзий возможного иного послевоенного устройства страны, от слухов о всяческих послаблениях и вольностях в отношении колхозов и вообще жизни села, Сталин решил рубануть по самому высокому дереву.

Во время войны Крюков в своём корпусе создал казачий ансамбль под управлением талантливого артиста цирка, прекрасного наездника осетина Михаила Туганова^[177]. Иногда, приезжая во 2-й гвардейский кавалерийский корпус с шефскими (бесплатными)

концертами, Русланова выступала вместе с ансамблем Туганова.

Когда арестовали генерала Крюкова по «делу Жукова», следователи интересовались и ансамблем. Ничего противоправного и аморального в действиях бывшего командира корпуса в создании казачьего ансамбля и покровительстве ему ни следствие, ни суд не нашли. Тем не менее это не помешало некоторым «историкам» называть казачий ансамбль Михаила Туганова «фронтowym борделем», которым якобы заведовала сама Русланова, будучи, мол, женой командира корпуса...

9

Все войны когда-нибудь кончаются.

Как бы ни была длинна и кровава та, Вторая мировая, а для нас Великая Отечественная, закончилась и она.

Закончилась Великой Победой. Ликовала армия. Ликовал весь советский народ. Правда, и дни великого всенародного ликования, пришедшие вместе с Победой, тоже миновали быстро.

И победители вернулись на родные пепелища. Пришли они на родину с невеликими своими трофеями — кто без руки, кто без ноги, кто с медалью за Будапешт, кто за Вену... Их ждали голодные дети, измученные непосильным трудом рано постаревшие жёны. Солдат, сняв погоны, впрягся в работу. Главной наградой в победной войне для него была жизнь. Но за такую ли жизнь он на пузе полз от Москвы до Берлина?..

Вначале было ликование и надежда на то, что жизнь теперь, когда враг повержен, будет совершенно другой — счастливой, с достатком в каждом доме и на каждом

столе, весёлой, вольной. Ведь победители заслуживали именно такого мира!

Русланова вместе со своей концертной бригадой ехала на запад с наступающей армией.

Русланова пела о любви. Вечная тема была проходной везде и во все времена. И разве это не феномен, что шуточная песня «Валенки» стала самой патриотичной песней в наступавшей армии, в побеждающей стране, символом стойкости советского солдата и его неиссякаемой жизнеутверждающей энергии. Песня утоляла солдатскую тоску по дому, примиряла его с разлукой, давала надежду, что она, эта разлука, какой бы тяжкой ни была, но — временна. Ведь до «логова» осталось совсем ничего, вот она, проклятая Германия, откуда приходило на родную землю кровавое зло фашизма...

Ещё в Белоруссии генерал Крюков начал мечтать о берлинском концерте. Всем уже становилось ясно, что именно 1-му Белорусскому фронту предстоит штурмовать берлинский укрепрайон и брать сам город. С каждым днём войска всё ближе и ближе подходили к «логову».

Артист ансамбля майора Туганова бывший музыкант мосэстрады Борис Уваров вспоминал: «Прежде чем рассказать об этом победном берлинском аккорде, хочу кратко вспомнить о том, как мы познакомились с Руслановой и как у меня появился аккордеон, про который мои друзья, глядя на этот снимок у Рейхстага, шутят: «Самое светлое пятно на фотографии...»

Белоруссия. Штаб 2-го корпуса. Просторная хата. Меня вызывает комкор генерал-лейтенант Владимир Викторович Крюков. Во время доклада замечаю нечто на лавке, прикрытое рушником. Разговор сразу — с места в карьер, по-кавалерийски:

- Извини, рояль не достали... Ты ведь пианист?
- Так точно.

— Стало быть, специалист по клавишам?

Я неуверенно киваю, туго соображая, что к чему.

— Ладно, — командующий указал рукой на это «нечто на лавке», — бери и играй от души.

Я робко иду к загадочному предмету, приподнимаю полотенце, и... белой, ослепительно-белой костью и перламутром ослепляет меня роскошный, в полные октавы, трофейный «Хонер»^[178].

— А ну, испробуй машину, — тут же попросил Владимир Викторович.

Только было я заиграл, распаивается дверь — на пороге Русланова, жена Крюкова.

— Вот, Лидия Андреевна, и помощник твоему гармонисту Максакову. Чего на одной саратовской гармонике пахать...

На следующий день я в «светёлке» у Руслановой. Лидия Андреевна у зеркальца.

— А на гармошке умеешь?

— Не умею.

Глянула на меня колко, может, даже презрительно.

— Эх, без гармошки наши саратовские частушки уж не частушки. Нуда что поделаешь... Песни народные знаешь? «Липу вековую», «Меж высоких хлебов», «Окрасился месяц»... — И выпалила на мою голову ещё с дюжину названий, часть из которых слышал я впервые. Но кое-что я знал.

Начали с «Липы вековой». Завела она вполголоса, чуть с речитативом. Но, видно, почувствовав, что я понимаю её манеру пения, ритм её особый, прибавила в голосе, прикрыла глаза, встала, руку вскинула. Потом, конечно, дошло дело и до «Валенок». Они, правда, не сразу у нас пошли.

— Ты, милоч, сыпь больше мелких ноток, озоруй, соревнуйся со мной... Да и встань с табуретки, разверни плечи, пройди следом за мной. Иль не играл в деревне?.. Не играл... Я так и знала. Тогда учись.

Первое публичное выступление с Руслановой смутно помню. Как вышла она — все не то что захлопали, обрушились шквалом хлопков, «ура!» грянули. Она пела. Я прятался за её колышущимся волной цветастым сарафаном, стараясь вовсю. Русланова мне лишь платочком отмахнёт, даст команду насчёт ритма, ногой притопнет и «косо» так, скрытно песню вполголоса обозначит.

И вот — Берлин. Победное выступление прославленной певицы. Мы, воины 2-го кавкорпуса, северней Берлина поставили последнюю боевую точку. Едем туда уже как на экскурсию.

У Рейхстага людно, шумно, пестро. Русский солдат, он, знаете, уж если отойдёт душой, шутка у него выйдет такая!.. Словом, праздник — рекой. Вошли внутрь логова. Обломки мебели, шкафы, ящики и прочий баррикадный хлам эсэсовцев догорал, нещадно чадя. Гарь душила, густой пепел под ногами. Над центральным мраморным залом провалившийся купол, вроде шатра. Увидели из других фронтовых частей Русланову — кто её тогда не знал! — стали просить спеть. И непременно русскую песню. Сначала запел наш казачий хор, потом Русланова. «Степь да степь кругом...» Ком в горле встал, слёз не сдержать. Но не только со мной такое. Герои, орлы фронтовые, на груди тесно от наград, — плакали не стыдясь. И заказывали, заказывали свои песни — кто сибирские, кто про Волгу-матушку, кто калужских мест, кто частушку саратовскую... А петь было трудно в таком дыму. Решили выйти на свежий воздух. Концерт продолжили на ступеньках Рейхстага, перед щербатыми колоннами, уже густо расписанными понизу победителями. После выступления Русланова, а следом за ней и мы, ставим на память свои автографы на рябом теле здания...»

Некоторые биографы утверждают, что «тогда же» в Берлине был издан приказ по войскам 1-го Белорусского

фронта № 109/н: «За успешное выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленное мужество, за активную личную помощь в деле вооружения Красной Армии новейшими техническими средствами наградить орденом Отечественной войны I степени Русланову Лидию Андреевну».

Однако известно, что приказ этот был датирован более поздним числом, а именно 24 августа 1945 года.

У этого несоответствия есть объяснение. По всей вероятности, орден был вручён действительно в день, когда поверженный Рейхстаг ещё тлел. А приказ издали позже, когда писали наградные списки на отличившихся в уличных боях в Берлине. Так ведь было всегда. Когда шли бои, некогда просиживать над реляциями, воевать надо.

Орден Отечественной войны 1-й степени в годы войны считался очень высокой наградой. Выше ордена Красной Звезды и даже Красного Знамени. Выше его был только орден Ленина. По архивным документам знаю, что довольно часто представления к Герою, по каким-либо причинам, заменяли либо на орден Ленина, либо — на Отечественной войны 1-й степени. Генералам «Золотую Звезду» заменяли орденом Суворова 1-й степени.

Фронтвики орден ценили.

В приказе командующего 1-м Белорусским фронтом реляция несколько расплывчатая. Видимо, Жуков понимал, что делал.

За годы войны, при том, что Русланова дала на фронте, а точнее и правильнее *дала фронту* 1120 концертов, её работа отмечена скромной медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Маршал Жуков, прекрасно понимая ситуацию, пытался хоть в какой-то мере восстановить справедливость. При этом он, конечно же, понимал, что

идёт вразрез с некой политикой, которая делалась в Москве по отношению к всенародной любимице. Можно предположить, что у награждения была своя предыстория и она, по всей вероятности, обсуждалась в узком кругу друзей: Жуков, Крюков, Русланова...

Этот марш победителя не прошёл незамеченным. Через два года приказ маршала отменят и орден у Руслановой отнимут.

Но пока чадил диваны Рейхстага и разбросанная повсюду униформа и снаряжение эсэсовцев, и великая певица пела с тем samozабвением и полной отдачей всей себя голосу и жесту, с какой артист отдаёт себя зрителю на бенефисах, на самых главных своих выступлениях.

Тот знаменитый концерт состоялся 2 мая 1945 года. Она, Русланова, именно она, и никто другой, пела в Берлине, на ступеньках Рейхстага. Это был финал величайшей трагедии века. Апофеоз Второй мировой войны по-русски. Красный флаг над куполом. Возбуждённые солдаты среди развалин, где ещё не успели убрать всех убитых в последней схватке. И — русская песня! Как «Христос воскрес!» над неостывшим полем боя. Во славу победителям и на помин души всем павшим.

Вначале выступил казачий ансамбль 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Казаки в полном соответствии с моментом исполнили что-то торжественное, посвящённое Верховному главнокомандующему.

Потом майор Туганов отыскал глазами Русланову. Она, уже одетая в концертное платье, в ответ кивнула ему и пошла вверх по лестнице, подметая широким подолом русского сарафана облупленные, со сколами от пулевых попаданий, ступеньки истории.

Всё, что связано с этим концертом, со временем стало легендами. И сам концерт вошёл в народную мифологию берлинских победных дней, оброс

различными историями. У историй, как это происходило и с песнями, появились варианты. К примеру, рассказывают, что когда Русланова с музыкантами шла к Рейхстагу — а по окрестностям ещё шла перестрелка, рвались мины и гранаты, — офицер, командир подразделения, которое вело зачистку квартала от фаустников и одиночных снайперов, увидев её, разнаряженную, праздничную, в концертном костюме, в расшитой праздничной рубахе, рявкнул:

— Куда идёшь?!

Тут раздался взрыв, над головами пролетели осколки, посыпалась штукатурка и кирпичная крошка.

— Ложись! Убьют! — снова закричал офицер.

Русланова продолжала стоять. Обстрел вскоре прекратился. Всё стихло. Она посмотрела на офицера и, вскинув голову, сказала:

— Где это видано, чтобы Русская Песня врагу кланялась! — И она вскинула голову и пошла дальше, напрямик к Рейхстагу.

Существует легенда о том, что, когда ансамбль казаков с Руслановой и её аккомпаниаторы продвигались к Рейхстагу и Бранденбургским воротам, откуда ни возмись, появилась группа немцев, которые с боем прорывались к окраинам города в надежде затеряться где-нибудь в окрестностях, а потом уйти к союзникам. Артисты тут же взяли за оружие и отбили контратаку немцев. Только после этого двинулись дальше.

А вот версия марша к Рейхстагу самой Руслановой. Опубликована она в журнале «Советская эстрада и цирк» в одном из номеров за 1968 год.

«Весна 1945-го застала нас на подступах к Берлину — мы шли с частями, штурмовавшими столицу фашистского рейха. Мы — это конный казачий ансамбль, в прошлом артисты цирка, которые добровольцами ушли на фронт, и я... Ранним утром 2 мая у какого-то

предместья Берлина молоденькая регулировщица останавливает нас:

— Дальше опасно!

— Девушка!.. Это же гвардии певица Русланова! — убеждают её Туганов и Алавердов... Но она непреклонна:

— Я всю войну храню ваши пластинки. А вдруг — шальная пуля... Нет, знаете, не пущу!

Пришлось задержаться. Но не прошло и получаса, как неожиданно, именно в этом месте прорвались гитлеровцы... Казаки залегли и тотчас же открыли огонь. Фашисты отступили... А днём, вслед за нашими войсками, и мы вступили в Берлин. Кто-то крикнул: «К Рейхстагу!»

Судя по рассказу Руслановой, ансамбль майора Туганова продвигался к центру Берлина с оружием. И ничем, в сущности, не отличался от обычного отряда, пехотного подразделения. Потому с такой лёгкостью вступил в бой и успешно отбил контратаку прорывающихся из города немцев, запертых нашими основными силами в блокированном со всех сторон Берлине.

Корпус генерала Крюкова, её мужа, наступал севернее. По приказу комфронта Жукова кавалеристы вместе с танкистами и стрелковыми частями стремительным броском на запад охватили город и его группировку с севера и северо-запада, отрезали немцев от эльбинских переправ и соединились с авангардом 1-го Украинского фронта.

Когда Русланову увидели в сопровождении казаков ансамбля майора Туганова, начали просить её:

— Лидия Андреевна! Спойте!

— Спойте славянам, Лидия Андреевна, что-нибудь душевное!

И вот выступил хор. Солдаты и офицеры различных частей, смешавшись у Рейхстага на площади и на

ступенях, уже весёлые, гремя фляжками, поздравляли друг друга с победой. Начиналось русское веселье. Но вначале снова обратились к Руслановой, чтобы спела теперь она.

Певица кивнула аккомпаниаторам. Теперь их были десятки, целый ансамбль! Каждая армия, каждый корпус и каждая дивизия прислала своего лучшего музыканта с гармошкой или аккордеоном. Певица поклонилась и обратилась к замершей в ожидании публике с такими словами:

— Спою. Спою, мои дорогие! Все песни спою, которые попросите. Для того мы сюда и пришли. — И она обвела рукой всю площадь, заполненную победителями.

Кто-то выкрикнул:

— «Валенки»! Лидия Андреевна, дорогая вы наша певица! Матушка родная! «Валенки»!

Она кивнула и сказала:

— Спою и «Валенки». Всё спою, что попросите. А сейчас «Степь да степь кругом...».

Оглянулась на своих аккомпаниаторов — и ахнула — их целый полк. Стоят ровными шеренгами на ступеньках, ждут команды. Подала знак. Те грянули зачин.

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит...

Она пела всем им, живым и мёртвым, победителям в самой жестокой и кровопролитной войне.

Позже вспоминала: «Главное, я видела глаза победителей».

Она видела, что некоторые из её слушателей плачут. По закопчённым щекам текли слёзы радости и страданий. Солдаты, слушавшие её песню-сказ об умирающем ямщике, видели своих погибших товарищей,

снова и снова переживали бои 41-го, 42-го, 43-го, 44-го и последнего, победного года своего бесконечного марша вначале на восток, к Москве, Ленинграду и Волге, а потом на запад, к Берлину. «Путь далёк...» Как же не далёк — далёк, очень далёк оказался их путь от Москвы и от Волги до распроклятого Берлина.

Слухи о концерте фронтовой гвардии певицы быстро разлетелся по Берлину. К Рейхстагу шли и ехали новые и новые взводы, роты и батальоны слушателей.

Вот ещё одна солдатская легенда о концерте на ступеньках Рейхстага. Мол, вначале выступил маршал Жуков — ему сильно рукоплескали. Потом генерал Эйзенхауэр — рукоплескали тоже, но уже сдержанней. После американца вышел генерал Шарль де Голль, и ему хлопали уже скромно. А потом вдруг вышла Русланова, и солдаты закричали: «Ура!», «Валенки!»

Потом Русланова спела другую песню, третью. Каждую из них солдаты принимали восторженными аплодисментами и криками: «Ура!»

— А сейчас — «Валенки»! — наконец, объявила певица. — Не подшиты, стареньки! Которые до самого Берлина дошагали!

Слова Руслановой потонули в новой волне людского восторга. Как точно она выразила их мысли и настроение!

В этом народном гимне нет ни слова о войне, о победе. В песне история незадачливого «Коли-Николая», который ходит на «тот конец» деревни, а может, небольшого городка или рабочей слободки, и носит девкам подарки; ходит же в драных валенках «не подшитых, стареньких», что вызывает насмешку: «Чем подарочки носить, лучше валенки подшить...» Вот и весь немудрёный сюжет! Но Русланова сумела так наполнить его, что именно «Валенки» и никакая другая песня стала символом ликующей и поющей Победы.

Русланова поделила с народом всё самое тяжкое и страшное. Позади были Вязьма, Ельня, Подмоскowie, Минск и Польша. С народом она встретила и день ликования. Такое не бывает совпадением или некой случайностью. Такое происходит по заведомо определённым путям и вплетается в общий сюжет, который пишется не на земле...

Концерт на ступеньках Рейхстага продолжался до поздней ночи. «Валенки» Русланова исполняла несколько раз на «бис». И всякий раз песню встречали и провожали криками «Ура!». Славяне в тот день разгулялись не на шутку. Просили Русланову спеть ту или иную песню снова и снова. И она пела по второму и по третьему разу. Певица была в ударе.

И вдруг толпа задвигалась, над головами пронёсся лёгкий шум. Русланова только что закончила последний куплет «Валенок», исполненных на «бис». Поклонилась своим низким поклоном. Солдаты расступились. По образовавшемуся коридору быстрой походкой к певице шёл маршал Жуков. На ходу он снял со своей груди орден Отечественной войны 1-й степени и прикрепил его к нарядному сарафану певицы.

Эта неожиданная и необычная церемония вызвала новый взрыв эмоций солдат, всё заполнявших и заполнявших Королевскую площадь или, как её называли берлинцы, Плац у Бранденбургских ворот.

Всё произошло так естественно и настолько справедливо по самой высшей мере справедливости, словно маршал этим жестом отметил заслугу всех, дотоле несправедливо забытых и пропущенных в наградных списках и обойдённых режиссёрами.

Официальный приказ о награждении с соответствующей формулировкой издадут, как уже было сказано, позже, в августе.

Когда спустя несколько лет нашу героиню арестуют и предъявят нелепые обвинения, следователи проявят

особый интерес именно к факту её награждения. И сразу начнут проявляться истинные мотивы её ареста — копали следователи-копачи под Жукова.

Ордена же её лишат за год до ареста. Лишат шумно, с позором.

В июне 1947 года выйдет особое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 58 «О незаконном награждении тт. Жуковым и Телегиным певицы Л. Руслановой и других артистов орденами и медалями Советского Союза».

Вот его текст:

«ЦК ВКП(б) установил, что тт. Жуков и Телегин, будучи первый Главнокомандующим группы советских оккупационных войск в Германии, а второй — членом Военного Совета этой же группы войск, своим приказом от 24 августа 1945 года № 109/н наградили орденом Отечественной войны первой степени артистку Русланову и приказом от 10 сентября 1945 г. № 94/н разными орденами и медалями группу артистов в количестве 27 человек. Как Русланова, так и другие награжденные артисты не имеют никакого отношения к армии. Тем самым тт. Жуков и Телегин допустили преступное нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР», караемое, согласно Указу, тюремным заключением сроком от 6 месяцев до 2 лет.

Для того чтобы скрыть противозаконное награждение Руслановой, в приказе от 24 августа были придуманы мотивы награждения Руслановой якобы «за активную личную помощь в деле вооружения Красной Армии новейшими техническими средствами», что представляет из себя явную фальсификацию, свидетельствует о низком моральном уровне Жукова и Телегина и наносит ущерб авторитету командования. Сама обстановка награждения Руслановой и вручения ей

ордена в присутствии войск во время парада частей 2-го гв. кав. корпуса представляла постыдное зрелище и ещё более усугубляет вину тт. Жукова и Телегина. ЦК ВКП(б) считает, что т. Телегин, как член Военного Совета группы войск, несёт особую ответственность за это дело... ЦК ВКП(б) постановляет:

Тов. Жукову Г. К. объявить выговор.

Тов. Телегина К. Ф. перевести из членов ВКП(б) в кандидаты.

Принять предложение т. Булганина об освобождении т. Телегина от политической работы в армии и увольнении из Вооруженных Сил.

Войти в Президиум Верховного Совета СССР с предложением об отмене награждения артистки Руслановой, а также других артистов...»

Из этого документа вырисовывается несколько иная картина награждения Руслановой.

Как известно, маршал Жуков ордена Отечественной войны не имел. А потому снимать с груди свой орден и вручать его Руслановой он попросту не мог. Но мог вручить орден как командующий войсками фронта. От имени Президиума Верховного Совета СССР. При этом, как это случалось не раз, мог позаимствовать, разумеется на время, орден у кого-нибудь из подчинённых офицеров. Возможно, так оно и произошло. А повторно, когда её включили в список «группы артистов в количестве 27 человек», орден вручили торжественно и уже тот, который соответствовал документам. Ордена, как известно, все номерные. Чужой не вручишь. Разве что для публики, временно.

По нынешним временам, кампания по лишению Руслановой ордена выглядит просто смешной.

Да и сама интрига, так жестоко задевшая Русланову как артистку, человека творческого, ранимого, проистекала не только из «дела Жукова». Её истоки крылись и в той зависти, которую испытывали

некоторые коллеги великой певицы, приближённые к вождю через его ближайших помощников. Процедура отъёма ордена и последующий арест с попыткой приладить на шею нашей героини бирку скупщицы бриллиантов в голодающем Ленинграде, этакой алчной корыстолюбивой, набивающей чулок золотом и бриллиантами в то время, когда народ умирает от голода и нуждается в самом необходимом, должны были растоптать её именно как певицу, закрыть ей навсегда путь на сцену, к народу. Певицу хотели лишиться не столько свободы, сколько главного её достояния — голоса.

Но тогда, в первых числах мая 1945 года, Русланова не думала ни о чём подобном. Она была счастлива вместе со своим мужем, который триумфально вошёл в Берлин во главе своего гвардейского корпуса. Вместе с солдатами других частей. Вместе со всей Красной армией. И со всем советским народом.

В те дни она выступала много. Был дан концерт у Бранденбургских ворот. Пела она по всему Берлину. «Валенки», «Катюша», «Липа вековая», «Степь да степь кругом...» звучали не только в расположении войск 1-го Белорусского фронта. Патефонные пластинки крутили солдаты и 1-го Украинского маршала Конева, и 2-го Белорусского маршала Рокоссовского, и всех других фронтов.

После концерта на ступеньках Рейхстага, как говорят очевидцы, певицу попросили сделать надпись на стене. Её подвели к той части, где стояли автографы солдат, первыми ворвавшихся в город. Так рядом с именами воинов, которые ставили последнюю точку в самой долгой и самой жестокой войне XX века, появилось имя гвардии певицы Руслановой.

И по праву.

Они, Русланова и генерал Крюков, ещё проживут в счастье и славе, погреются у семейного комелька. Потом будет арест. Допросы. Унижение заключения. Генерала будут жестоко избивать.

Генерал Крюков отбывал срок в Краслаге. Краслаг — типичный лесоповальный лагерь ГУЛАГа. Образован в начале 1938 года в период Большого террора. Лагпункты были разбросаны по всему Красноярскому краю от Минусинска и вниз по Енисею до полуострова Таймыр и двух морей — Карского и моря Лаптевых. В начале 50-х годов ежегодно через Краслаг этапами проходило до 100 тысяч заключённых. Половину из них составляли политзаключённые. Потом з/к Крюкова перевели в Озерлаг.

Осенью 1953 года оба, Крюков и Русланова, будут освобождены. Похлопотал маршал Г. К. Жуков.

В августе 1959 года от инфаркта умер генерал Владимир Викторович Крюков. В газете «Красная Звезда» в номере за 20 августа был опубликован некролог, подписанный «группой товарищей».

Русланова заказала в церкви отпевание. Всё сделала по-своему и правильно.

На похороны пришли друзья семьи и боевые товарищи отважного кавалериста. Маршал Советского Союза Жуков, маршал авиации Руденко, маршал Будённый с женой, генералы Минюк, Куц, семья генерала Телегина. Пришли проститься с Владимиром Викторовичем Зоя Фёдорова, Леонид Утёсов, другие артисты. На поминках старые солдаты выпили, разговорились, да так поговорили, что Жукову и Будённому потом пришлось писать объяснительные.

Генерала похоронили на Новодевичьем кладбище. Туда же в сентябре 1973 года положат и Русланову. Так

она завещала Маргарите: положить рядом с любимым «генеральчиком».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ

1900, 27 октября — родилась Прасковья Андриановна Лейкина, будущая великая русская певица Лидия Андреевна Русланова.

1901 — в селе Нижний Куркулак в Запорожье в крестьянской семье родился Николай Александрович Антипенко, будущий пограничник, затем организатор тыла, заместитель командующего фронтами по тылу, генерал-лейтенант.

1902, 8 июля — родился Иван Павлович Рослый, будущий герой штурма Берлина, командир 9-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии.

1904, 1 апреля — в семье рабочего Путиловского завода в Санкт-Петербурге родился Николай Эрастович Берзарин.

1906, 18 февраля — в селении Чардахлы (Нагорный Карабах) в крестьянской семье родился Амазасп Хачатурович Бабаджанян.

1911, 8 октября — в деревне Слободка Тульской губернии в многодетной крестьянской семье родился Михаил Георгиевич Фомичёв.

1925, 28 февраля — в городе Невеле Псковской области родился Леонид Ефремович Бураков.

1940, 21 марта — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении майору Рослому Ивану Павловичу звания Героя Советского Союза «за успешное командование полком и проявленные при этом мужество и героизм».

1941, май — генерал Н. Э. Берзарин назначен командующим 27-й армией Северо-Западного фронта.

4 мая — старший лейтенант М. Г. Фомичёв окончил Военную академию механизации и моторизации РККА

им. И. В. Сталина, направлен в 85-й танковый полк 43-й танковой дивизии Киевского Особого военного округа.

Июль — комбриг Н. А. Антипенко назначен интендантом 30-й армии Западного фронта.

Н. А. Антипенко назначен заместителем командующего Брянским, затем Центральным, 1-м Белорусским фронтами по тылу.

1942, 13 мая — полковнику И. П. Рослому присвоено звание генерал-майора.

30 августа — генерал-майор И. П. Рослый вступил в командование 11-м гвардейским стрелковым корпусом.

Декабрь — генерал-майор И. П. Рослый назначен заместителем командующего 46-й армией; затем, с *25 января по 10 февраля 1943 года*, исполнял обязанности командующего 46-й армией.

1943, февраль — Леонид Ефремович Бураков призван в ряды Красной армии, направлен на учёбу в 1-е Харьковское танковое училище, эвакуированное в Чирчик, в Среднюю Азию.

28 апреля — генерал-майору Н. Э. Берзарину присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

22 мая — гвардии подполковнику А. Х. Бабаджаняну присвоено очередное воинское звание полковника.

Июнь — генерал-майор И. П. Рослый вступил в командование 9-м Краснознамённым стрелковым корпусом.

Октябрь — 3-я механизированная бригада полковника А. Х. Бабаджаняна преобразована в 20-ю гвардейскую.

1944, 26 апреля — вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении командиру полковнику А. Х. Бабаджаняну звания Героя Советского Союза.

25 августа — полковник А. Х. Бабаджанян назначен командиром 11-го гвардейского танкового корпуса.

23 сентября — Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, гвардии полковнику М. Г. Фомичёву присвоено звание Героя Советского Союза.

1945, 12 января — началась Висло-Одерская наступательная операция. Закончилась 3 февраля 1945 года. В этот же день 63-я гвардейская Челябинская танковая бригада в составе 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса начала стремительное наступление с Сандомирского плацдарма. Действуя в составе передового отряда, ломая сопротивление врага, за десять дней наступления танкисты полковника М. Г. Фомичёва прошли более 400 километров. *16 апреля, полдень* — 11-й гвардейский танковый корпус полковника А. Х. Бабаджаняна вступил в бой в районе Зеелова.

20 апреля — командиру 9-го стрелкового корпуса генерал-майору И. П. Рослому присвоено звание генерал-лейтенанта.

20 апреля — командующему 5-й Ударной армией генерал-лейтенанту Н. Э. Берзарину присвоено очередное воинское звание генерал-полковника.

22 апреля — передовой отряд 11-го гвардейского танкового корпуса полковника А. Х. Бабаджаняна ворвался в Уленхорст — восточную окраину Берлина. Здесь, над зданием фольксштурма, в 8.00 командиром танка младшим лейтенантом Фёдором Бектимировым поднят государственный флаг СССР.

24 апреля — командующий войсками 1-го Белорусского фронта своим приказом назначил генерал-полковника Н. Э. Берзарина комендантом и начальником гарнизона Большого Берлина в границах двадцати районов.

9 мая — на рассвете танковая 63-я гвардейская Челябинская танковая бригада полковника

М. Г. Фомичёва первой ворвалась с боем в занятую противником Прагу; первым на Стар-местскую площадь прорвался экипаж лейтенанта Л. Е. Буракова.

31 мая — Указом Президиума Верховного Совета СССР за умелое руководство боевыми действиями бригады в период Висло-Одерской операции, в боях за Берлин, за стремительные и решительные действия по освобождению столицы Чехословакии — Праги полковник М. Г. Фомичёв награждён второй медалью «Золотая Звезда».

Генерал-лейтенант Н. А. Антипенко назначен на должность начальника тыла Группы советских оккупационных войск в Германии. Должность занимал до 1948 года.

16 июня — погиб комендант г. Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин.

1947, 1 июня — вышло особое Постановление Политбюро ЦК ВКП/б/ № 58 «О незаконном награждении тт. Жуковым и Телегиным певицы Л. Руслановой и других артистов орденами и медалями Советского Союза».

1948 — генерал-лейтенант Н. А. Антипенко зачислен в штат преподавателей Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. Работал старшим преподавателем до 1957 года.

Сентябрь — Лидия Русланова арестована органами МГБ в Казани после концертов. Предъявлено обвинение: «Участие в антисоветской группе, антисоветская агитация и соучастие в присвоении государственного имущества».

1949, сентябрь — Лидия Русланова осуждена Особым совещанием при МГБ по ст. 58 УК РСФСР сроком на десять лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества.

1953, август — Лидия Русланова освобождена из Владимирского централа и возвратилась в Москву.

Сентябрь — первый после возвращения и заключения концерт, который состоялся в Москве в Концертном зале им. П. И. Чайковского.

1958 — генерал-майор М. Г. Фомичёв получил очередное воинское звание «генерал лейтенант».

1961 — генерал-лейтенант Н. А. Антипенко назначен начальником Госинспекции по контролю за отчислением и использованием сельскохозяйственных продуктов общесоюзного фонда Госкомитета заготовок Совета министров СССР.

1962 — Леонид Ефремович Бураков окончил факультет графики Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

1965, январь — генерал-лейтенант Н. А. Антипенко обратился с письмом в ЦК КПСС с просьбой о прекращении несправедливых притеснений и дискриминации маршала Г. К. Жукова: «Мы идём навстречу 20-ти летию победы над фашистской Германией. С этим событием имя Жукова связано больше, нежели чьё-либо другое из отдельных лиц».

1972 — вышла в свет книга А. Х. Бабаджаняна «Дороги Победы».

1973, 21 сентября — скончалась Лидия Андреевна Русланова. Похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с мужем генералом Владимиром Викторовичем Крюковым.

1975 — по распоряжению Главного маршала бронетанковых войск А. Х. Бабаджаняна открыт Музей бронетанковой техники в Кубинке под Москвой.

1977, 1 ноября — в Москве в Центральном военном госпитале им. П. В. Мандрыки умер А. Х. Бабаджанян. Причина смерти: острая сердечная недостаточность, ишемическая болезнь сердца.

1987, 18 ноября — в Москве умер генерал-лейтенант танковых войск М. Г. Фомичёв.

1988, 24 марта — согласно завещанию генерал-лейтенант Н. А. Антипенко похоронен на родине на воинском мемориале в селе Жовтневе (Нижний Куркулак) в Запорожской области.

1991 — Леониду Ефремовичу Буракову присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

2015, 30 декабря — умер Иван Никифорович Лысенко, Герой Советского Союза, бывший разведчик группы лейтенанта Сорокина.

2017, 5 мая — в Нижнетагильском музее изобразительных искусств открылась выставка графических работ художника Л. Е. Буракова, бывшего танкиста 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Монумент «Воин-освободитель» в Трептов-парке (Берлин). Скульптор Е. В. Вучетич, архитектор Я. Б. Белопольский, художник А. В. Горпенко, инженер С. С. Валериус. Открыт 8 мая 1949 года

Полковника. Х. Бабаджанян во время боев в Берлине. Май 1945 г.

Герой войны генерал-майор А. Х. Бабаджанян

***М3А1 «Скаут кар» гвардии лейтенанта
С. А. Кирилова из 9-й гвардейского отдельного
мотоциклетного батальона 11-го гвардейского
танкового корпуса, на подходах к Берлину. 1945 г.***

ИСУ-122 399-го гвардейского самоходного артиллерийского полка 11-го гвардейского танкового корпуса. Берлин. 1945 г.

Немецкий танк «Тигр I» из состава дивизии «Мюнхеберг», оборонявший Альтонауер-штрассе в Берлине

Подбитый немецкий танк PzKpfw IV Ausf. J на улицах

Берлина

Генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин. Апрель 1945 г.

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

НА КОМАНДУЮЩЕГО 5-й УДАРНОЙ АРМИЕЙ

Генерал-лейтенанта БЕРЗАРИНА Никлая Эрстовича.

Генерал-лейтенант БЕРЗАРИН Н.Э. боевой и волевой командир. Грамотный генерал в военных операциях. При ведении современного боя понимает правильно. Вследствие умелой подготовки войск к наступательной операции и организации четкого взаимодействия их, войска армии 14 января 1945 года, прорвали сильно укрепленную; гаубично эшелонированную оборону противника на фронте Грасув-Лещилевка, продвинулись до 12 км., форсировали реку Пилица и, взломав в этот же день вторую полосу обороны по южному берегу р.Пилица, обеспечили ввод в прорыв 2-й Гвардейской танковой армии.

В результате стремительного наступления войска армии на третий день вышли на оперативный простор и громя вновь введенные в бой части противника, с ходу прорвали Померанские укрепления, первыми вышли на р.Одер, форсировали ее и отразив многочисленные атаки крупных сил противника, в трудных условиях обстановки, удержали захваченный плацдарм.

В ходе наступательных боев, войска армии с боями прошли свыше 500 км., освободили 35 городов, уничтожено и захвачено: 41.552 солдат и офицеров, ~~автомобилей~~ и самоходных орудий - 123, орудий разного калибра - 632, автомашины - 1842 и большое количество другого вооружения, снаряжения и боеприпасов.

Лично решительный, энергичный и культурный генерал, требовательный к себе и подчиненным.

Делу партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и Социалистической Родине предан.

В М В О Д: Должности командующего ударной армией
----- с о о т в е т с т в у е т.

КОМАНДУЮЩИЙ 1 БЕРЛОНСКОМ
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Р. КУКОВ

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
БЕРЗАРИН

« 11 » января 1945 года.

Боевая характеристика на командующего 5-й ударной армией Н. Э. Берзарина

***Верблюд-бактриан Володя пришел с батареями
771-го артполка в Берлин к Бранденбургским
воротам. Май 1945 г.***

***В мае 1945 года комендант Н. Э. Берзарин сказал:
«Берлин будет жить!»***

***Комендант Н. Э. Берзарин встречается с жителями
германской столицы***

***Маршал Г. К. Жуков и генерал-полковник
Н. Э. Берзарин (за ним) на ступенях поверженного
рейхстага***

***Отправка Знамени Победы на родину. В почетном карауле — 94-я гвардейская стрелковая дивизия.
20 мая 1945 г.***

***Регулировщица Галя, увидев коменданта,
представилась: «Руководитель дорожного
движения!»***

***Миллионам берлинцев требовалась пища.
Советские интенданты взялись за решение этой
проблемы***

Н. Э. Берзарин (крайний слева) на Берлинском стадионе перед футбольным матчем армейских команд Франции и СССР

***Военный комендант Берлина генерал
Н. Э. Берзарин***

Генерал-полковник Н. Э. Берзарин опрашивает немецкого военнопленного на улице Берлина

***Н. Э. Берзарин разговариваете женщинами,
разбирающими завалы на улице Берлина***

***Подбитый танк лейтенанта И. Г. Гончаренко
(бортовой номер 1-24), который первым ворвался в
1945 году на улицы Праги***

Танк лейтенанта Л. Е. Буракова (с бортовым номером 1-25) из состава 63-й гвардейской танковой бригады недалеко от Пражского Града. 1945 г.

***Командир 63-й гвардейской танковой бригады
генерал-майор М. Г. Фомичев с воспитанниками
бригады***

Командный состав 63-й гвардейской танковой бригады, в центре — полковник М. Г. Фомичев

63-я гвардейская танковая бригада. Экипаж танка лейтенанта Л. Е. Буракова

***63-я гвардейская Челябинская танковая бригада.
Знаменосец бригады старшина А. А. Соколов
читает бойцам коллективное письмо земляков***

Солдат-победитель у стен Рейхстага. Май 1945 г.

***Экипажа танка Т-34 «Гвардия» лейтенанта
А. В. Додонова (слева) 2-го батальона 63-й
гвардейской танковой бригады***

Танки 44-й гвардейской танковой бригады на улицах Уленхорста

Руководитель тыла Брянского фронта генерал-лейтенант Н. А. Антипенко с делегатами из Монголии, которые привезли бойцам теплые вещи и подарки

Солдаты и танки Т-34-85 12-го гвардейского танкового корпуса 2-й гвардейской танковой армии в Берлине

№ 010908
283.95

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество: АНТИПЕНКО Николай Александрович
2. Звание: Генерал-лейтенант в/сл. 3. Должность, часть: Начальник Тила 1-го Белорусского фронта
4. Представляется к: Президентской награде орденом ЛЕНИНА
5. Год рождения: 1901 6. Национальность: Украинец 7. Место рождения: г. Пустовица, Житомирская обл., Украина
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР в отечественной войне (указав фронт, фронт бригады в 1939г., против фашистского захватчика (указав фронт) с 2.1941г., с 10.1941г., в Отечественной войне с 22.6.41г.)
8. Имеет ли ранения и контузы в отечественной войне: Нет
9. Служил ли в Красной Армии с февраля 1920 года 10. Каким РВК призван
11. Чем удостоен награжден (за какие отличия): 2 орд. Кр. звезды, орд. Отечественной войны 1 ст., орд. Ленина, орд. Кутузова 1 ст., медаль XX лет РККА, орд. руд. Кр. Знамя
12. Постоянное домашнее адрес: Украина, Житомирская обл., Пустовица, ул. Советская, д. 10

С кратким, конкретным изложением отличного боевого подвига или заслуг

Под руководством Генерал-лейтенанта в/сл. АНТИПЕНКО Н.А. Тил фронт проводил огромную работу по сосредоточению и накоплению ресурсов для и оперативного обеспечения январской операции. Все материальные ресурсы, технические средства в войска Тила фронта были полностью и полностью направлены на обеспечение оперативных заданий Командования. В результате умелого руководства т. АНТИПЕНКО Тилом фронта в наступательной операции от р. Вислы до подступов к Берлину - войска **обеспечили** снабжение всеми необходимыми для успешного выполнения задач группами оборонителю протянулись и его преследования.

В ходе операции решены весьма сложные задачи: строительство жел. дорог и автомобильных мостов через р.р. Висла, Варта, Одер и др., быстрое восстановление зах. дор., коммуникации и организация подвоза боеприпасов к головным базам действующих войск, и горячего и бокового снабжения, умелого использования трофейного имущества для снабжения войск, создание оперативной мобильности лечебных учреждений и т.д. Фронтной для обеспечения **оперативного** выполнения оперативных задач.

За умелое руководство Тилом фронта и личный вклад в январско-февральской операции Генерал-лейтенант в/сл. АНТИПЕНКО Н.А. достоин награждения Президентской наградой орденом ЛЕНИНА.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 1-го
 МАРШАЛА СОВЕТСКОГО ФРОНТА
 Г. ВУКОВ *[подпись]*
 ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА 1-го
 МАРШАЛА СОВЕТСКОГО ФРОНТА
 ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
 Т. ТЕЛЕГИН *[подпись]*

6 марта 1945 г. Командир (подпись) _____

Наградной лист на Н. А. Антипенко

Взвод С. Е. Сорокина на стенах Рейхстага. Слева направо на переднем плане: В. Н. Правоторов, С. Е. Сорокин, Г. П. Булатов, С. Г. Орешко, М. А. Панковский, П. Д. Брюховецкий и М. С. Габидуллин (И. Н. Лысенко отсутствует на снимке).

Май 1945 г. Фотография А. Капустянского

Персональные именные снаряды советских артиллеристов

Советские артиллеристы ведут огонь по Берлину

***Советская штурмовая группа со знаменем
направляется к Рейхстагу***

Батарея 152-мм гаубиц МЛ-20 1-го Белорусского фронта на подступах к Берлину

Советские солдаты слушают гармониста на улицах Берлина

Жители Берлина, спасаясь от уличных боев, уходят в освобожденные советскими войсками районы

Мирные жители в очереди за едой у советской полевой кухни в Берлине

Берлин, вид на Бранденбургские ворота (съемка с самолета). Май 1945 г.

На улицах Берлина. Май 1945 г.

Советские солдаты оставляют надписи на стенах Рейхстага. 1945 г.

Здание Рейхстага. 3 июля 1945 г.

***Начальник Генерального штаба сухопутных войск
генерал Ганс Кребс у штаба советских войск в
Берлине. 1 мая 1945 г.***

***Командование Берлинского гарнизона в плену,
слева — командующий обороной Берлина генерал
Гельмут Вейдлинг. 2 мая 1945 г.***

Советская делегация перед подписанием Акта о безоговорочной капитуляции. Справа — Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, рядом с ним на переднем плане — заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом генерал армии В. Д. Соколовский. Берлин, 8 мая 1945 г.

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель подписывает Акт о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил Германии. Берлин, 8 мая 1945 г.

Русланова и Гаркави среди артистов фронтовой концертной бригады

***Выступление фронтовой концертной бригады
перед бойцами***

***Лидия Андреевна Русланова и Владимир
Викторович Крюков***

***Батарея «катюш», созданная на средства
Руслановой***

На фронте между концертами

***Владимир Викторович Крюков и Лидия Андреевна
Крюкова-Русланова***

С приемной дочерью Маргаритой

БИБЛИОГРАФИЯ

Антонов В. С. Путь к Берлину. М.: Наука, 1975.

Антипенко Н. А. На главном направлении. М.: Наука, 1970.

Арутюнян К. А. Главный маршал бронетанковых войск Амазасп Хачатурович Бабаджанян. Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2009.

Бабаджанян А. Х. Танковые рейды 1941-1945 гг. М.: ЭКСМО, 2009.

Баранец В. Н. О неизвестном герое Григории Булатове // Комсомольская правда. 2012. 5 мая.

Белобородов А. П. Всегда в бою. М.: Воениздат, 1978.

Берест А. П. Битва за Рейхстаг. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1975.

Боброва И. Знамя Победы не спасло от бед! // Московский комсомолец. 2009. 6 мая.

Бондарь М. М. К Рейхстагу! // Москва: Военно-исторический журнал. 1966. № 1.

Боков Ф. Е. Весна Победы. М.: Мысль, 1985.

В боях за Молдавию. Сборник. Кн.4. Кишинёв: Картя Молдовеняска, 1976.

Виньи А. де. Неволя и величие солдата. Л.: Наука, 1968 (Литературные памятники).

Гончаров Г, Купарев А. Тайна Знамени Победы. Киров: Первая образцовая типография, 2014.

Гончаров Г, Серкин С. Знаменосец Победы. Киров: Вятское книжное изд-во, 2010.

Гетман А. Л. Танки идут на Берлин. М.: Воениздат, 1982.

Горбатов Б. Л. Знамя Победы // Горбатов Б. Л. Собр. соч. Т. 3. М.: Правда, 1988.

Дайнес В. О. Советские танковые армии в бою. М.: Яуза, 2009.

Дементьев А. Н. Знамя Победы: правда и вымыслы // Военная мысль. 2006. № 2.

Дементьев А. Н. 40 стягов над Рейхстагом // Комсомольская правда. 2007. 8 мая.

Добровольский А. Последний, кто брал Рейхстаг, жив! // Московский комсомолец. 2016. 6 мая.

Долматовский Е. А. Автографы Победы. М.: ДОСААФ, 1975.

Долматовский Е. А. Знаменосцы // Ветеран. 1990. № 26.

Жаркий Ф. М. Танковый марш. СПб.: Изд-во Михайловской военной артиллерийской академии, 2015.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.

Иванов И. Д. Кто поднял Знамя над Рейхстагом? // Российская газета. 1995. 29 апреля.

Исаев А. В. Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом. М.: ЭКСМО, 2010.

Исаев А. В. Дорога на Берлин. «От победы к победе». М.: Яуза-Пресс, 2015.

Исеккев А. Герой штурма Рейхстага // Бельские просторы. 2013. № 5.

История Республики Молдова. С древнейших времён до наших дней. Кишинёв, 2002.

Казыбаев К. Подвиг молодого казаха // Ленинплл жас. 1958.

Кармен Р. Как это было // Москва. 1965. № 5.

Катуков М. Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974.

Киселёв Г. Г. Неудобная правда о взятии Рейхстага. Поиск, исследование, реконструкция. Калининград: Изд-во «Живём», 2017.

Клочков И. Ф. Знамя Победы над Рейхстагом. СПб.: Пальмира, 2000.

Конев И. С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1970.

Кривошеев Г. Ф. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010.

Куманев Г. А. Рассекреченные страницы Второй мировой войны. М.: Вече, 2012.

Куманев Г. А., Сеоев В. Б. Знаменосцы Победы // Правда. 1990. 30 апреля.

Литвак Л. П. Штурм Рейхстага: ценой крови достаётся каждый шаг. Курган: Парус-М, 2001.

Литвиненко В. В. Цена агрессии. Потери Германии на Восточном фронте. М.: Вече, 2016.

Львов М. Д. Письмо в юность. М.: Молодая гвардия, 1978.

Мединский В. Р. Война 1939–1945: Мифы СССР. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.

Мерников А. Г., Спектор А. А. Всемирная история войн. Минск, 2005.

Михеенков С. Е. Конев. Солдатский маршал. М.: Молодая гвардия, 2013 («ЖЗЛ»).

Михеенков С. Е. Жуков. Маршал на белом коне. М.: Молодая гвардия, 2015 («ЖЗЛ»).

Михеенков С. Е. Рокоссовский. Клинок и жезл. М.: Молодая гвардия, 2017 («ЖЗЛ»).

Михеенков С. Е. Лидия Русланова. М.: Молодая гвардия, 2014 («ЖЗЛ»).

Небольсин И. В. Первая из гвардейских. М.: Яуза, 2016.

Небольсин И. В. Любимая Сталиным. 2-я Гвардейская танковая армия в бою. М.: ЭКСМО, 2016.

Неустроев С. А. О Рейхстаге на склоне лет // Октябрь. 1990. № 5.

Неустроев С. А. Русский солдат: путь к Рейхстагу. Свердловск. Изд-во Уральского университета, 1996.

Родин Г. С. По следам минувшего. Тула: Приокское книжное изд-во, 1968.

Русский архив. Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Т. 15.

М.: Terra, 1995. 458

Скоробогатов В. Е. Берзарин. М.: Молодая гвардия, 2012 («ЖЗЛ»).

Фомичёв М. Г. Путь начинался с Урала. М.: Военное изд-во, 1976.

Фриснер Г. Проигранные сражения. М.: Воениздат, 1966.

Чуйков В. И. Конец Третьего рейха. М.: Советская Россия, 1973.

Широкорад А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000.

Ющук И. И. Одиннадцатый танковый корпус в боях за Родину. М.: Воениздат, 1962.

INFO

М 69

Михеенков С. Е.

Берлин-45 / Сергей Михеенков. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 460[4] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1761)

ISBN 978-5-235-04190-5

УДК 355/359

ББК 68(49)2

знак информационной продукции 16+

Михеенков Сергей Егорович

БЕРЛИН-45

Редактор *К. А. Залесский*

Художественный редактор *К. В. Забусик*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Л. С. Барышникова*

Сдано в набор 10.07.2018. Подписано в печать 02.08.2018. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 24,36+1,68 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1813700.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gyardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного электронного
оригинал-макета в ООО «Ярославский
полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Князький «ТИБЕРИЙ»

А. Якимович «ГОЙЯ»

П. Люкимсон «СПИНОЗА»

Е. Морозова «ЛЮДОВИК XVI»

И. Родимцев, С. Аргасцева «ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ
БИТВЫ»

Г. Чернявский, Л. Дубова «РЕЙГАН»

Е. Пчелов «ОЛЕГ ВЕЩИЙ»

Д. Кузнецов «БЕТАНКUR»

Н. Болдырев «РИЛЬКЕ»

А. Хорт «СМЕХАЧИ МЕЙЕРХОЛЬДА»

Е. Матонин «КРАСНЫЕ»

Л. Воронин «ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ»

notes

Примечания

1

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991.

Так (*Uncle Joe*) У. Черчилль и Ф. Рузвельт за спиной называли И. В. Сталина. Тот об этом знал и на англо-американское прозвище не обижался.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 2002.

Бабаджаниян А. Х. Танковые рейды 1941-1945. М., 2009.

Здесь и далее цитируются строки из стихотворения поэта-фронтовика А. Т. Твардовского «В тот день, когда окончилась война...».

Адриан Захарович Акименко (1898-1989) — генерал-майор (1942). В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Окончил Высшую повторную школу комсостава в Харькове (1922) и Военную академию им. М. В. Фрунзе (1935). Во время Великой Отечественной войны возглавлял штаб 34-го стрелкового корпуса, с августа 1941 года командовал 127-й стрелковой дивизией (с сентября — 2-я гвардейская). В феврале — марте 1942 года командир 3-го гвардейского, с января 1944 года — 75-го стрелковых корпусов. После войны — на преподавательской работе. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

Земляки маршала настаивают, что на самом деле он родился в 1908 году, а два года приписал себе, так как ему не хватало лет для поступления в военную школу.

8

Горные летние пастбища.

Полномасштабные военные действия между Арменией и Азербайджаном. Причиной вспыхнувшего конфликта соседних республик стали события в Нагорном Карабахе. Карабахская (Арцахская) война, по некоторым данным, унесла до 35 тысяч жизней армян и азербайджанцев.

Алексей Христофорович Ваграмов (Баграмян) — младший брат Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, родившийся в 1904 году.

Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (Закавказская федерация) была образована по инициативе В. И. Ленина 12 марта 1922 года и просуществовала до 15 декабря 1936 года. В неё входили Азербайджанская ССР, Армянская ССР и Грузинская ССР. ЗСФСР объединила многие национальности и народности. Основу республики составляли азербайджанцы, грузины, русские и армяне. В городах и селениях ЗСФСР проживали также греки, курды, евреи, талыши, лезгины, украинцы, татары, ассирийцы, езиды, абхазы и др.

ЦАМО РФ. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 11. Л. 104.

13

Имеется в виду Приказ наркома обороны СССР № 308 от 18 сентября 1941 года.

14

КС — тип зажигательной жидкости, применяемый в огнемётах, зажигательных ампулах и «коктейлях Молотова».

В оперативную группу заместителя командующего войсками Брянского фронта генерал-майора А. Н. Ермакова входили 21-я и 52-я кавалерийские, 127-я и 283-я стрелковые дивизии, а также 12-я и 150-я танковые бригады.

Немецкий пикирующий бомбардировщик «Штука» Ju-87.

17

Советская полуавтоматическая противотанковая полевая пушка поддержки пехотных войск калибра 45 мм.

Согласно его мемуарам.

Михаил Ефимович Катуков (1900–1976) — маршал бронетанковых войск (1959), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В РККА с 1919 года. Окончил Могилёвские пехотные курсы (1922), курсы «Выстрел» (1927), курсы при Военной академии механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина (1935). Во время Великой Отечественной войны командовал танковой дивизией, бригадой. С марта 1942 года командир 1-го танкового, с сентября — 3-го механизированного корпусов. С января 1943 года командующий 1-й танковой (с 1944 года — гвардейской) армией. Награждён 4 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Красной Звезды.

Бабаджанын А. Х. Танковые рейды... С. 108.

Джон Фуллер (1878-1966) — английский военный историк и теоретик, генерал-майор (1930 Первый теоретик танковой войны, автор ряда трактатов, среди которых «Танки в Великой войне 1914-1918 годов», «Военная история Западного мира» в 3-х томах и др. На основе его теории строились танковые войска Третьего рейха, из неё же вытекала, а затем осуществлялась идея блицкрига. В 1939 году был почётным гостем Адольфа Гитлера и присутствовал на военном параде в Берлине в честь 50-летия фюрера. Видя, с каким восторгом британский гость наблюдает за движением бронетанковых колонн, Гитлер обратился к нему: «Я надеюсь, вы довольны своими детьми?» — «Ваше превосходительство, — ответил Фуллер, — они выросли так быстро, что я их не узнаю».

Бабаджаниян А. Х. Танковые рейды... С. 108.

Иван Михайлович Чистяков (1900–1979) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). В РККА с 1918 года. Окончил пулемётную школу (1920), курсы «Выстрел» (1927, 1930). Во время Великой Отечественной войны командовал отдельной бригадой морской пехоты, 8-й гвардейской стрелковой дивизией. С апреля 1942 года командир 2-го гвардейского стрелкового корпуса, с сентября 1942 года — 1-й гвардейской, с октября 1942 года — 21-й (с апреля 1943 года — 6-й гвардейской) армиями. Награждён 2 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, 2 орденами Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени.

11-я танковая дивизия вермахта прошла Югославию, с первого дня операции «Барбаросса» сражалась на Восточном фронте: переправившись через Буг, она прошла Дубно, Острог, Бердичев, затем под Москвой наступала из района Рославля на Юхнов и, повернув, на север, замыкала кольцо окружения вокруг Вязьмы. Дралась у Дубосеково и брала Волоколамск, прикрывала наступление 6-й полевой армии на Сталинград. После Курска была Украина, Черкасский «котёл», Молдавия и Румыния, в 1944 году — Франция и Арденны, затем Тюрингия и капитуляция в Баварском лесу.

Воинское звание полковник А. Х. Бабаджаняну было присвоено 22 мая 1943 года, когда его механизированная бригада, заняв позиции во втором эшелоне в районе Обояни, как и вся 1-я танковая армия, готовилась к сражению на Курской дуге.

Владимир Михайлович Горелов (1909–1945) — полковник, Герой Советского Союза (1944). В РККА с 1928 года. Окончил Орловское бронетанковое училище (1931), Военную академию механизации и моторизации РККА (1939). Во время Великой Отечественной войны командир 80-го танкового полка, с сентября 1942 года — 1-й гвардейской танковой бригады. Убит мародёрами. Награждён 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды.

Действительно, как свидетельствуют документы, встречные танковые бои и схватки на Курской дуге зачастую складывались не в пользу наших экипажей.

Николай Павлович Пухов (1895–1958) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1943). В Русской армии с 1916 года, прапорщик. В РККА с 1918 года. Окончил курсы «Выстрел» (1926), курсы усовершенствования комсостава при Военной академии механизации и моторизации РККА (1935). Во время Великой Отечественной войны командовал 304-й стрелковой дивизией, с января 1942 года и до конца войны — 13-й армией. Награждён 4 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, 2 орденами Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени.

Бабаджаниян А. Х. Танковые рейды 1941-1945... С.
253.

Так в воспоминаниях. Официально 21-й гвардейской механизированной бригадой в описываемый период (с 23 июля по 25 сентября 1944 года) командовал подполковника. М. Темник.

Василий Иванович Чуйков (1900-1982) — Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В РККА с 1918 года. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1925, 1927), Высшие академические курсы при Военной академии механизации и моторизации РККА (1936). Во время Великой Отечественной войны с мая 1942-го командовал 1-й резервной (с июля — 64-й), с сентября — 62-й (с апреля 1943 года — 8-я гвардейская) армиями. Награждён 9 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденом Октябрьской Революции, орденом Красной Звезды.

Иосиф Ираклиевич Гусаковский (1904–1995) — генерал армии (1968), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В РККА призван в 1928 году. Окончил Ленинградскую кавалерийскую школу (1931), штабные курсы (1934). В 1937 году уволен из РККА, в 1941 году восстановлен. Во время Великой Отечественной войны начальник штаба полка, бригады, с сентября 1943 года 112-й (с октября — 44-й гвардейской) танковой бригады. Награждён 4 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды, орденом Дружбы.

Пётр Андреевич Мельников (1914-1984) — генерал-майор, Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1936 года. Окончил Военное училище им. ВЦИК (1938). Во время Великой Отечественной войны с 1942 года командовал отдельным артдивизионом, с ноября 1943-го по май 1945 года — 1454-м самоходно-артиллерийским полком. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, 3 орденами Красной Звезды.

Ныне город Пуцк в Польше.

Ныне город Мендзыхуда в Польше.

Михаил Сергеевич Малинин (1899–1960) — деятель, генерал армии (1953), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1919 года. Окончил пехотную школу (1922), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1931). Во время Великой Отечественной войны начальник штаба 16-й армии (1941–1942), Брянского (1942), Донского (1942–1943), Центрального (1943), Белорусского (1943–1944), 1-го Белорусского (1944–1945) фронтов. Награждён 4 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й и 2-й степеней, 2 орденами Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды.

Андрей Лаврентьевич Гетман (1903–1987) — генерал армии (1964), Герой Советского Союза (1965). В РККА с 1924 года. Окончил Школу червонных старшин (1927) и Военную академию механизации и моторизации РККА (1937). Во время Великой Отечественной войны командовал 112-й танковой дивизией, с апреля 1942 года — 6-м (с октября 1943 года — 11-й гвардейский) танковым корпусом. С августа 1944 года заместитель командующего 1-й гвардейской танковой армией. Награждён 5 орденами Ленина, 6 орденами Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

Строка из стихотворения А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом...».

Семён Ильич Богданов (1894–1960) — маршал бронетанковых войск (1945), дважды Герой Советского Союза (1944,1945). В русской армии с 1915 года, подпоручик. В РККА с 1918 года. Окончил Высшие военно-педагогические курсы (1923), Академические курсы усовершенствования комсостава при Военной академии механизации и моторизации РККА (1936). В 1938 году арестован органами НКВД, в 1939 году освобождён и восстановлен. Во время Великой Отечественной войны командир 30-й танковой дивизии, командир 12-го танкового, 6-го механизированного, 9-го танкового корпусов. С сентября 1943 года командующий 2-й гвардейской танковой армией. Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й и 2-й степени.

Иван Хотович Кравченко (1921-1945) — гвардии лейтенант, Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1940 года. Окончил Сталинградское военное танковое училище (1943). Командир взвода Т-34 3-го батальона 44-й гвардейской танковой бригады. Погиб 1 мая в Берлине. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени.

Михаил Александрович Смирнов (1894–1975) — полковник (1944). В РККА с 1918 года. Во время Великой Отечественной войны начальником оперативного отдела 31-й армии, в 1943–1944 годах начальник штаба 10-й гвардейской армии. С августа 1944 года командовал 40-й гвардейской танковой бригадой. Награждён орденами Красного Знамени, Знак Почёта, Александра Невского, Суворова 3-й степени, Кутузова 3-й степени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

Николай Викторович Моргун (1909–1980) — генерал-лейтенант (1961). В РККА с 1932 года. Окончил Саратовскую бронетанковую школу (1934), Военную академию моторизации и механизации РККА (1943). Во время Великой Отечественной войны командир 143-го танкового полка, 58-й танковой бригады. С февраля 1943 года командир 200-й (с октября 1943 года — 45-я гвардейская) танковой бригады. Награждён орденами Ленина и Красной Звезды, 2 орденами Красного Знамени.

Вернер Муммерт (1897-1950) — генерал-майор вермахта (1945), кавалер Рыцарского креста (1942) с дубовыми листьями (1944) и мечами (1944). В армии с 1914 года. Во время Второй мировой войны командовал разведывательным батальоном, с января 1944 года — 103-м моторизованным полком, с декабря 1944-го — 103-й танковой бригадой в Восточной Пруссии. С марта 1945 года командир танковой дивизии «Мюнхеберг». 2 мая взят в плен советскими войсками. Умер в плену.

Казимир Казимирович Федорович (1905–1974) — полковник (1944). В РККА с 1925 года. Окончил Петроградскую военно-инженерную школу. Во время Великой Отечественной войны командовал мотострелковым пулемётным батальоном, возглавлял отделы различных штабов. С января 1944 года начальник оперативного отдела штаба 11-го гвардейского танкового корпуса, с февраля 1945 года командир 27-й гвардейской мотострелковой бригады. Награждён 5 орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, 2 орденами Отечественной войны 2-й степени, 2 орденами Красной Звезды.

Нил Григорьевич Веденичев (1908-1970) — генерал-лейтенант (1954). В РККА с 1932 года. Окончил Ульяновское бронетанковое училище (1933), Высшие академические курсы при Военной академии механизации и моторизации РККА (1941). Во время Великой Отечественной войны начальник штаба, командир 22-й танковой бригады. С сентября 1943 года начальник штаба 11-го гвардейского танкового корпуса. Награждён орденом Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

Борис Петрович Иванов (1921-1994) — генерал-полковник (1970), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1938 года. Окончил Орловское танковое училище (1940). Во время Великой Отечественной войны командовал танковой ротой, батальоном. Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, 3 орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды.

Афанасий Дмитриевич Шеменков (1896–1972) — генерал-лейтенант (1945). В РККА с 1918 года. Окончил 6-е Киевские пехотные курсы (1919), Киевскую объединённую пехотную школу (1927), Курсы усовершенствования комсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1941). Во время Великой Отечественной войны командовал 314-й, 57-й гвардейской стрелковыми дивизиями. С августа 1944 года командир 29-го, с апреля 1945 года — 9-го гвардейского стрелковых корпусов. Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Красной Звезды.

Михаил Семёнович Безматерных (1898—?) — гвардии подполковник. В РККА с 1918 года, затем в войсках ОГПУ/НКВД. Окончил Высшую пограничную школу (1937). В 1937 году уволен из органов, в сентябре 1941 года призван в РККА. Во время Великой Отечественной войны командир 4-го отдельного стрелкового батальона 148-й отдельной стрелковой бригады, затем 3-го мотострелкового батальона 27-й гвардейской мотострелковой бригады. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

Алексей Никанорович Азаров (1922-2013) — полковник, Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1940 года. Во время Великой Отечественной войны командир взвода, батареи артиллерийского дивизиона 27-й гвардейской мотострелковой бригады. Награждён орденом Ленина, Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, 2 орденами Красной Звезды.

Андрей Яковлевич Власов (1913-1982) — гвардии капитан, Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1935 года. Во время Великой Отечественной войны командир роты 40-й гвардейской танковой бригады. Награждён орденами Александра Невского, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды.

В июле 1939 года Г. К. Жуков, командуя 1-й армейской группой в районе Халхин-Гол в ходе «Баин-Цаганского побоища», в решающий момент бросил в атаку лёгкую танковую бригаду комбрига М. П. Яковлева, чем переломил ход сражения. Бой оказал влияние на исход всей операции и обеспечил армиям-союзникам (Красной и Монгольской народно-революционной) победу.

Иван Фёдорович Кириченко (1902–1981) — генерал-лейтенант танковых войск (1944), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1919 года. Окончил 13-ю Одесскую пехотную школу (1925), Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования комсостава (1932, 1935). Во время Великой Отечественной войны командовал 9-й (с января 1942 года — 2-й гвардейской) танковой бригадой, был заместителем командира 2-го гвардейского мехкорпуса. С апреля 1943 года командир 29-го танкового корпуса, с июня 1944 года заместитель командующего 5-й гвардейской танковой армией, с декабря — командир 9-го танкового корпуса. Награжден 4 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

Евтихий Емельянович Белов (1901-1966) — генерал-лейтенант танковых войск (2.8.1944), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1920 года. Окончил 52-е Кременчугские пехотные командные курсы (1923), бронетанковые курсы усовершенствования комсостава (1932), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1934). Во время Великой Отечественной войны командовал танковым полком, 23-й танковой бригадой, был заместителем командующего танковой армией. В марте — октябре 1944 и с февраля 1945 года командир 10-го гвардейского танкового корпуса. Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 2-й степени, орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды.

Название дивизии сомнительно: подобной дивизии ни в войсках СС, ни в составе вермахта не существовало.

Глеб Владимирович Бакланов (1910–1976) — генерал-полковник (1960), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1932 года. Во время Великой Отечественной войны командир батальона курсантов, стрелковой бригады, стрелковой дивизии. С августа 1944 года командир 34-го стрелкового корпуса. Награждён орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, Суворова 2-й степени, Александра Невского, Красной Звезды.

Исаев А. В. Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом.
М., 2010. С. 263–264.

ЦАМО РФ. Ф. 299. Оп. 3070. Д. 771. Л. 32.

Василий Иванович Кузнецов (1894–1964) — генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза (1945). В армии с 1915 года; подпоручик. В РККА с 1918 года. Окончил курсы «Выстрел» (1920), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1936). Во время Великой Отечественной войны командовал 3-й, 21-й, 58-й, 1-й ударной (под Москвой), 63-й (под Сталинградом), 1-й гвардейской армиями. С 1943 по 1945 год был заместителем командующего войсками Прибалтийского фронта. С марта 1945 года командующий 3-й ударной армией. Награждён орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени.

Кочари — армянский народный массовый танец, исполняемый мужчинами в праздники. «Ритмика упругая, импульсивная с частыми синкопами». Сопровождается игрой на зурне и дхоле. Ритм задаёт ударный инструмент. Сформировался в глубокой древности.

60

ЦАМО РФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 142.

61

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 167. Л. 87.

Мороз В. Первогвардеец из Чардахлу // Красная Звезда. 2006. № 27.

Бабаджаниян А. Х. Главная ударная сила сухопутных войск // Техника и вооружение. 1977. № 9. С. 1-3.

Альфред де Виньи (1797-1863) — французский граф, писатель. Представитель французского аристократического консервативного романтизма. Противник революции, в 15 лет поступил на военную службу (в охране короля Людовика XVIII) и уволился лишь в 1827 году.

Здесь и далее по тексту: *Виньи А. де. Неволя и Величие солдата. Л., 1968.*

В то время большинство браков, тем не менее считавшихся таковыми, не регистрировались.

Афанасий Павлантьевич Белобородов (1903–1990) — генерал армии (1963), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В РККА с 1923 года. Окончил Нижегородскую пехотную школу (1926), Ленинградские военно-политические курсы (1929), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1936). Во время Великой Отечественной войны командовал 78-й (с ноября 1941 года 9-й гвардейской) стрелковой дивизией, стрелковым корпусом. С мая 1944 года командующий 43-й армией. Награждён 5 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

Кузьма Максимович Качанов (1901-1941) — генерал-майор (1940). В РККА с 1918 года. Окончил 2-е Старо-Петергофские командные курсы (1919), Высшую тактико-стрелковую школу комсостава РККА (1923), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1932). Во время Великой Отечественной войны командовал 24-м стрелковым корпусом 27-й армии. С августа 1941 года командующий 34-й армией. В сентябре 1941 года арестован, приговорён к высшей мере наказания и расстрелян. Награждён орденами Ленина и Красного Знамени.

Гальдер Ф. Военный дневник (Июнь 1941 — сентябрь 1942). М., 2010. С. 311.

Владимир Иосифович Брежнев (1897-1963) — генерал-майор артиллерии (1943). В армии с 1916 года, поручик. В РККА с 1918 года. Окончил Артиллерийскую академию РККА. В 1939 году арестован, но в 1940 году освобождён и восстановлен в РККА. Во время Великой Отечественной войны начальник артиллерии 245-й стрелковой дивизии, заместитель командующего артиллерией 34-й армии. С февраля 1942 года начальник штаба артиллерии Северо-Западного фронта, с июня 1943 года командующий артиллерией 7-й, в 1945 году — 9-й гвардейской армиями. Награждён орденом Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени, Красной Звезды.

¹ В 2015 году поисковики обнаружили в труднодоступном районе озера Селигер на границе Тверской и Новгородской областей останки Як-1, на котором воевал старший лейтенант Алексей Маресьев.

Павел Алексеевич Белов (1897-1962) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). В армии с 1916 года, прапорщик. В РККА с 1918 года. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1933). Во время Великой Отечественной войны командовал 2-м (с ноября 1941 года — 1-м гвардейским) кавалерийским корпусом. С июня 1942 года командующий 61-й армией. Награждён 5 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени.

Дмитрий Сергеевич Жеребин (1906–1982) — генерал-полковник (1961), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1923 года. Окончил Московскую военно-инженерную школу (1927), Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева (1936). Во время Великой Отечественной войны командовал 96-й и 58-й гвардейской стрелковыми дивизиями, с мая 1943 года — 32-м стрелковым корпусом. Награждён 3 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени.

Павел Андреевич Фирсов (1901-1964) — генерал-лейтенант (1945), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1918 года. Окончил 7-е Армавирские пехотные командные курсы (1921), Высшую пограничную школу ОГПУ (1924), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1940). Во время Великой Отечественной войны командир 194-й горно-стрелковой, 49-й стрелковой и 1-й артиллерийской истребительной дивизий. С марта 1943 года командир 30-го (с апреля 1943 года — 26-го гвардейского) стрелкового корпуса. Награждён 3 орденами Ленина, орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды.

Цуйка — румынский фруктовый самогон из сливы, груши, яблок, персиков после одинарной перегонки. Крепость около 30° градусов.

Евгений Александрович Шевелёв (1878-1954) — профессор медицины, невролог, психиатр, психолог и физиолог, главный врач психоневрологической больницы № 1 в г. Одессе.

ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2912. Д. 97. Л. 408.

Официально она именовалась добровольческой дивизией СС «Галиция» (SS-Freiwilligen-Division Galizien), а в июле 1944 года была переименована в 14-ю галицийскую добровольческую дивизию СС (14. Galizische SS-Freiwilligen-Division).

27 мая 1944 года новым командующим 39-й армией был назначен герой Сталинградской битвы генерал И. И. Людников, до этого командовавший 15-м стрелковым корпусом.

Франц Иосифович Перхорович (1894-1961) — генерал-лейтенант (1945), Герой Советского Союза (1945). В армии с 1916 года; прапорщик. В РККА с 1918 года. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1932). В 1938 году уволен из РККА, в 1939 году восстановлен. Во время Великой Отечественной войны командовал полком, дивизией, корпусом, с ноября 1944 года — 47-й армией. Награждён 3 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й степени.

Вячеслав Дмитриевич Цветаев (1893–1950) — генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза (1945). В армии с 1913 года, поручик. В РККА с 1918 года. Окончил Высшие академические курсы (1922) и Курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1927). В июле 1938 года арестован, но затем освобождён. Во время Великой Отечественной войны командовал опергруппой. С декабря 1942-го по май 1943 года командующий 10-й резервной (с декабря 1942 года 5-й ударной), с августа 1944 года — 6-й, с октября — 33-й армиями. Награждён 2 орденами Ленина, орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й степени и Богдана Хмельницкого 1-й степени.

Николай Захарович Галай (1901-1980) — генерал-майор (1944). В РККА с 1920 года. Окончил курсы «Выстрел» (1940). Во время Великой Отечественной войны командир полка. С декабря 1942 года командир 248-й стрелковой дивизии. В январе 1943 года тяжело ранен, в апреле вновь принял свою дивизию. Награждён 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени.

899-й стрелковый полк 248-й стрелковой дивизии. Сформирован в 1942 году из 1-го сводного курсантского полка Астраханского пехотного училища; командир — полковник Г. М. Бушин.

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 459. Л. 75.

ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10753. Д. 1425. Л. 96.

Семён Моисеевич Кривошеин (1899–1978) — генерал-лейтенант (1943). Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1918 года. Окончил курсы усовершенствования комсостава (1926), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1931). Во время Великой Отечественной войны командир 25-го мехкорпуса (1941). С февраля 1943 года командир 3-го (с октября 1943 года — 8-й гвардейский), с февраля 1944 года — 1-го механизированных корпусов. Награждён 3 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени, Красной Звезды.

Николай Матвеевич Теляков (1902-1950) — генерал-лейтенант танковых войск (1945), Герой Советского Союза (1944). В РККА с 1918 года. Окончил курсы усовершенствования комсостава (1932), Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования комсостава (1937), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1939). Во время Великой Отечественной войны командовал танковым полком, бригадой. С августа 1944 года командир 16-го (с ноября 1944 года — 12-й гвардейский) танкового корпуса. Награждён 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й степени и Суворова 2-й степени.

Исаев А. В. Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом.
М., 2010.

Иван Иванович Ющук (1898–1991) — генерал-майор танковых войск (1943). В РККА с 1918 года. Окончил тракторные курсы Высшей бронетанковой школы (1922), Военную академию механизации и моторизации РККА (1935). В 1938 году уволен из РККА, но вскоре восстановлен. Во время Великой Отечественной войны начальник штаба танковой дивизии, командир танковой бригады. С июля 1944 года командир 11-го танкового корпуса. Награждён орденом Ленина, орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

Семён Никифорович Перевёрткин (1905–1961) — генерал-полковник (1958), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1921 года. Окончил пехотную школу (1924), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1938). Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковой дивизией, служил в штабе 5-й армии. С июня 1943 года командир 207-й стрелковой дивизии, с мая 1944 года — 79-го стрелкового корпуса. Награждён 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды.

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 518-521.

Официально назначен с 30 мая 1945 года.

Имущество побеждённых было немалым: заводы, наземный транспорт, корабли, самолёты, технологии, новые разработки.

Примером этого может служить фундаментальный труд известного американского журналиста и историка Второй мировой войны Уильяма Лоуренса Ширера (1904–1993) «Взлёт и падение Третьего рейха».

Почётное наименование Берлинская она получила 11 июня 1945 года.

Третье формирование.

Немецкие источники времён войны и комиссия, проводившая расследование в 2004–2010 годах, сходятся на цифре 25 тысяч.

Название города Владикавказа в 1931-1944 и 1954-1990 годах.

Полковник А. В. Ворожищев командовал 34-й курсантской стрелковой бригадой, а полковник С. М. Бушев — 10-й отдельной стрелковой бригадой.

Владимир Семёнович Антонов (1909-1993) — генерал-майор (1945), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1928 года. Окончил пехотное училище (1931), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1940). Служил в войсках НКВД. Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковыми полком, бригадами. С июня 1943 года командир 301-й стрелковой дивизии. Награждён 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

101

Командир 140-й танковой бригады.

102

Ныне Донецк.

Пражская операция и бои в Курляндии так или иначе сливаются с Битвой за Берлин.

Владимир Семёнович Антонов (1909-1993) — генерал-майор (1945), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1928 года. Окончил военное пехотное училище (1931), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1940). В начале войны командовал 1-м отдельным Белостокеким полком НКВД. С ноября 1941 года командир стрелкового полка. В январе 1942 года тяжело ранен. После излечения — полковник, командир стрелковой дивизии, бригады. С июня 1943 года и до конца войны — командир 301-й стрелковой дивизии 9-го стрелкового корпуса. Награждён 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

Даниил Кузьмич Шишков (1907-2002) — полковник (1944), Герой Советского Союза (1943). В РККА с 1928 года. Окончил Объединённую военную школу ВЦИК (1933), Курсы усовершенствования комсостава (1938), Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова (1944). Во время Великой Отечественной войны командир стрелкового полка, с декабря 1944 года — 230-й стрелковой дивизии. Награждён орденом Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й и 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды.

ЦА МО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 403. Л. 35. — *Прим.
авт.*

107

Имеется в виду 25-я моторизованная дивизия вермахта.

Кюстрин состоял из трёх частей: Нойштадт (новый город), крепость (старый город) и пригород Китц. Их разделяли реки Варта и Одер.

Ныне Куновице на западе Польши.

Михаил Иванович Сафонов — полковник, начальник штаба 301-й стрелковой дивизии.

Дионисий Сильвестрович Наруцкий (1904–1960) — полковник, Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1926 года. Окончил Орловскую бронетанковую школу (1932). В 1945 году командовал гвардейским самоходным артиллерийским полком, затем 220-й танковой бригадой. Награждён орденом Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Суворова 3-й степени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды.

Николай Фёдорович Казанцев (1897—?) — полковник, начальник артиллерии 301-й стрелковой дивизии.

Исхак Идрисович Гумеров (1912-1993) — полковник, командир 1050-го стрелкового полка. Награждён орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красного Знамени, Красной Звезды.

Илья Архипович Мясников (1903-1976) — гвардии полковник, командир 92-го гвардейского тяжёлого танкового полка. Награждён орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского.

Александр Иванович Пешков (1908–1976) — подполковник, Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1930 года. Окончил Московскую военную авиационно-техническую школу (1932), Военно-политическую академию (1941). Во время Великой Отечественной войны командир 1052-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии. Награждён 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 3-й степени, Красной Звезды.

А. Т. Молодан и вся миномётная рота переправлялись на полуглиссерах 1-й Бобруйской Краснознамённой бригады речных кораблей Днепровской флотилии.

Иоахим Циглер (1904-1945) — бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС (1944), кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями (1945). С июля 1944-го по апрель 1945 года командир 11-й моторизованной дивизии СС «Нордланд», с марта — III танковым корпусом СС. Погиб в бою в Берлине 1 мая.

Густав Крукенберг (1888-1980) — бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС (1944). С апреля 1945 года командир 11-й моторизованной дивизии СС «Нордланд». 2 мая взят в плен советскими войсками, в 1955 году освобождён.

Речь идёт о КП командира 301-й стрелковой дивизии полковника В. С. Антонова.

Николай Николаевич Радаев (1913–1977) — полковник, Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1940 года. Окончил курсы усовершенствования комсостава (1940). С октября 1943 года командир 1054-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии. Награждён орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

121

Название Молотовской области носила в 1940-1957 годах Пермская область (ныне Пермский край).

Георгий Семёнович Родин (1897-1976) — генерал-лейтенант (1943). В армии с 1916 года; старший унтер-офицер. В РККА с 1918 года. Окончил курсы «Выстрел» (1925). Во время Великой Отечественной войны командовал танковой дивизией, танковой бригадой, корпусом. С октября 1942 года заместитель командующего Юго-Западным фронтом. С августа 1943 года командир 30-го (с октября — 10-й гвардейский) танкового корпуса. В марте 1944 года понижен в должности до командира учебной танковой бригады. Награждён орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Василий Михайлович Баданов (1895-1971) — генерал-лейтенант танковых войск (1972). В армии с 1915 года; поручик. В РККА с 1918 года. Окончил Курсы усовершенствования комсостава (1927, 1931), курсы при Военной академии механизации и моторизации РККА (1934). Во время Великой Отечественной войны командовал танковой бригадой, дивизией, 24-м (2-й гвардейским) танковым корпусом. С июля 1943 года командовал 4-й танковой армией. В марте 1944 года тяжело ранен и контужен. Награждён орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 2-й степени.

Яков Иванович Троценко (ум. 1945) — гвардии полковник. Во время Великой Отечественной войны в июне — августе 1942 года командир 156-й, в мае-августе 1943 года командир 197-й Свердловской танковых бригад, в апреле — сентябре 1944 года — 13-й, с декабря 1944 года — 5-й гвардейских механизированных бригад. Погиб 27 марта 1945 года.

Львов был освобождён в ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции, проведённой 12-14 августа 1944 года.

Wunderwaffe (*нем.*) — чудо-оружие.

Николай Григорьевич Жуков (1910-1945) — гвардии полковник. С августа 1943 года командир 197-й (с октября — 61-й гвардейской) Свердловской танковой бригады. Погиб 13 января 1945 года.

Ныне Вроцлав, Глогув и Легниц, соответственно, в Польше.

Алексей Семёнович Жадов (до 1942 года — Жидов; 1901-1977) — генерал армии (1955), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1919 года. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1934). Во время Великой Отечественной войны командовал 4-м воздушно-десантным, 8-м кавалерийским корпусами. С октября 1942 года командующий 66-й армией (с апреля 1943 года — 5-я гвардейской). Награждён 3 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й степени, Октябрьской Революции, Красной Звезды.

Сергей Игнатьевич Руденко (1904-1990) — маршал авиации (1955), Герой Советского Союза (1944). В РККА с 1923 года. Окончил военную школу лётчиков (1927), Высшую академию им. Н. Е. Жуковского (1932, 1936). Во время Великой Отечественной войны командовал авиадивизией, ВВС армии и Калининского фронта. С октября 1942 года командующий 16-й воздушной армией. Награждён 6 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й и 2-й степени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, Октябрьской Революции, Отечественной войны 1-й степени.

Александр Евгеньевич Голованов (1904-1975) — Главный маршал авиации (1944). В РККА с 1919 года. Окончил лётную школу Осоавиахима (1932). Во время Великой Отечественной войны командовал полком, дивизией дальней бомбардировочной авиации. С 1942 года командующий авиацией дальнего действия при СВГ, с декабря 1944 года — 18-й воздушной армией. Награждён 2 орденами Ленина, орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденом Красной Звезды.

132

ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 805. Л. 62-70.

133

Мотострелковый батальон автоматчиков.

134

Истребительно-противотанковая
мотострелкового батальона автоматчиков.

батарея

Григорий Иванович Вехин (1901-1989) — генерал-майор (1943), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1919 года. Окончил пехотные курсы (1922), разведывательные курсы (1933), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1936). Во время Великой Отечественной войны командовал 177-й, 152-й, 88-й гвардейской, с сентября 1943 года — 350-й стрелковой дивизиями. Награждён 3 орденами Ленина, орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени.

Генерал-фельдмаршал Фердинанд Шёрнер с 30 апреля 1945 года считался главнокомандующим сухопутными войсками вермахта, но фактически в должность он не вступил и продолжал командовать лишь войсками группы армий «Центр», которые к этому моменту были практически окружены к востоку от Праги.

Сергей Кузьмич Буняченко (1902–1945) — полковник (1938). В РККА с 1918 года. Окончил пехотные курсы (1920), Высшую военную школу (1923), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1936). Во время Великой Отечественной войны командовал 389-й стрелковой дивизией. В сентябре 1942 года приговорён к расстрелу, но затем назначен командиром бригады. В декабре 1942 года отозван с фронта, скрылся и сдался румынам. В мае 1943 года вступил в РОА. С ноября 1944 года командир 1-й дивизии РОА, генерал-майор ВС КОНР (1945). Сдался американцам, передан СССР. Приговорён к смертной казни и повешен.

С названиями малой родине Антипенко не очень повезло: если своё исконное название село носило более 135 лет, то в 1933 году его переименовали в Гавриловку, в 1938-м — в Ворошиловку, в 1958-м — в Жовтневое (то есть в переводе с украинского Октябрьское), в 2016-м — в Покровское. Ныне — в Токмакском районе Запорожской области Украины.

Александр Алексеевич Вургафт (1905–1947) — генерал-лейтенант интендантской службы (1944). В РККА с 1920 года. Окончил кавалерийскую школу, Военную академию им. М. В. Фрунзе (1939). С марта 1939 года начальник Главного управления (в 1941–1945 годах — управление) военного снабжения НКВД СССР. Покончил жизнь самоубийством. Награждён 2 орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени, 2 орденами Красной Звезды.

Василий Афанасьевич Хоменко (1899-1943) — генерал-лейтенант (1943). В РККА с 1918 года. Окончил курсы комиссаров (1920), курсы усовершенствования комсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе. Служил в пограничных войсках НКВД. В июле-декабре 1941 года командующий 30-й, с августа 1942 года — 24-й, с августа — 58-й, с ноября — 44-й армиями. Был тяжело ранен, захвачен немцами и умер от ран. Награждён 2 орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды.

Андрей Васильевич Хрулёв (1892-1962) — генерал армии (1943). В РККА с 1918 года. Окончил курсы высшего политсостава РККА при Военно-политической академии (1925). Во время Великой Отечественной войны с 1941 года начальник Главного управления тыла РККА, с 1943 года начальник Тыла РККА. Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени.

Иван Григорьевич Захаркин (1889–1944) — генерал-полковник (1943). В армии с 1910 года; подпоручик. В РККА с 1918 года. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1921). Во время Великой Отечественной войны с августа 1941 года командовал 49-й армией. С июня 1943 года заместитель командующего войсками Центрального, затем Белорусского фронтов. С марта 1944 года командующий войсками Одесского военного округа. Погиб в автокатастрофе. Награждён 4 орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды, Суворова 2-й степени.

143

Служба военных сообщений.

Макс Семёнович Ицкин (1902-1965) — генерал-майор санитарной службы (1943). Во время Великой Отечественной войны начальник военно-санитарного управления Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов. Награждён орденом Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й и 2-й степени, 2 орденами Красной Звезды.

Иван Михайлович Чистяков (1900–1979) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). В РККА с 1918 года. Окончил пулемётную (1920) и пехотную (1925) школы, курсы «Выстрел» (1927, 1929), ускоренные курсы при Военной академии им. К. Е. Ворошилова (1941). Во время Великой Отечественной войны командир отдельной бригады морской пехоты, в 1942 году — стрелковой дивизии, стрелкового корпуса. С октября 1942 года командующий 21-й (с октября 1943 года — 6-й гвардейской) армией. Награждён 2 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й и 2-й степени, 2 орденами Кутузова 1-й степени.

13-я армия генерал-лейтенанта Н. П. Пухова стояла в первой линии построения боевых порядков Центрального фронта и оказалась под ударом Северной группировки противника.

Отступая, немцы с особой тщательностью уничтожали железнодорожное полотно и всю железнодорожную инфраструктуру. Специальный шпалолом разламывал шпалы на две части, корёжил рельсы, так что и то и другое было уже непригодно для восстановления. Взрывались стрелки и тупики, уничтожались водокачки, мосты, пакгаузы, железнодорожные станции и пристанционные постройки. Всё приводилось в негодность. Тактика «выжженной земли» в отношении железных дорог немцами ужесточалась по мере их отступления на запад.

Не зря тыловики вели подсчёт эшелонов парами. Сколько паровозов и подвижного состава ушло к фронту, столько должно и вернуться в тыл на станции погрузки. Легче стало, когда наступающие войска начали захватывать большое количество паровозов и вагонов, цистерн, платформ. Порой захватывали целые депо. Немцы уже не успевали взрывать и жечь железнодорожное имущество. Наши танковые и механизированные части действовали намного энергичней.

«Вздрючка» следовала из Москвы. А командующий фронтом хвалил, что тыл смог обеспечить горючим наибольшее количество бронетехники и автотранспорта. Довольны были командармы. Танковые и механизированные корпуса и бригады получали достаточное для боя и последующего марша количество солярки и бензина.

Вот почему порой не могли в достаточной степени «заклепать» все выходы из создаваемых больших и малых «котлов», и противник частью сил вырывался из них и уходил на запад на соединение со своими войсками.

Поэтому в войсках до самой Победы ценили лёгкие орудия на конной тяге — «сорокапятки» и ЗиС-3. Они всегда могли поддержать пехоту, даже в обстоятельствах топливного кризиса. И вообще лошадь на фронте была незаменимой. Не случайно боевые потери личного состава подразделений и конского составлялись по одинаковой форме: убито, ранено...

Константин Фёдорович Телегин (1899–1981) — генерал-лейтенант (1943). В РККА с 1918 года. Окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина (1931). Во время Великой Отечественной войны член Военного совета Донского (1942–1943), Центрального (1943), Белорусского (1943–1944), 1-го Белорусского (1944–1945) фронтов. В 1948 году осуждён по «Трофейному делу», в 1953 году реабилитирован. Награждён 3 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды.

Здесь Н. А. Антипенко вступает в полемику с бывшим командующим 8-й гвардейской армией В. И. Чуйковым, который в публикации в журнале «Октябрь» (№ 4 за 1964 г.) заявил о том, что Берлин наши войска могли взять в ходе Висло-Одерской наступательной операции. Тогда многие военачальники, участники Висло-Одерской и Берлинской операций, выступили и в печати, и на научных конференциях с заявлениями, в которых утверждали, что это было невозможно. Мнение заместителя командующего 1-м Белорусским фронтом по тылу было весьма убедительным ещё и потому, что приводились цифры и факты, свидетельствующие о том, что наступательный ресурс войск был израсходован и сил едва хватило на то, чтобы удержать Кюстринский плацдарм.

154

Брага, неперегнанный самогон.

Немецкой делегации в Карлсхорсте в комплексе сапёрного училища сухопутных войск, где проводилась церемония подписания акта, был отведён небольшой отдельный домик.

Алексей Иванович Радзиевский (1911-1979) — генерал армии (1972), Герой Советского Союза (1978). В РККА с 1929 года. Окончил кавалерийскую школу (1931), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1938), Военную академию Генштаба РККА (1941). Во время Великой Отечественной войны начальник штаба кавкорпуса, с февраля 1944-го года — 2-й (с ноября — 2-й гвардейской) танковой армии, с июля 1944-го по январь 1945 года заменял раненого командующего этой армией. Награждён 2 орденами Ленина, 6 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й и 2-й степени, орденами Кутузова 1-й степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

Жан Мари де Латр де Тассиньи (1889–1952), маршал Франции (1952, посмертно). В армии с 1908 года. Окончил военную школу (1910), Высшую кавшколу (1912) и Высшую военную школу (1935). С сентября 1943 года командующий войсками «Сражающейся Франции» в Алжире, с апреля 1944 года — 1-й французской армией.

В ГСОВГ вошли войска 1-го Белорусского, часть войск 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Одновременно с ГСОВГ на освобождённых Красной армией территориях были созданы Центральная группа войск в Австрии, Венгрии и Чехословакии (маршал И. С. Конев) и Северная группа войск в Польше (маршал К. К. Рокоссовский).

Полотнище, по свидетельствам очевидцев, сшивали Григорий Булатов и Виктор Правоторов.

Командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор В. М. Шатилов названивал своим командирам полков постоянно. Беспокойство его было вызвано тем, что в штаб корпуса он с подачи командира 756-го стрелкового полка полковника Ф. М. Зинченко отрапортовал, что Рейхстаг взят и Знамя Победы установлено на куполе здания. Доклад ушёл в штаб армии, а оттуда в штаб фронта. И маршал Г. К. Жуков, не предполагая, что информация ложная, позвонил в Москву Верховному главнокомандующему и доложил, что дело сделано. Теперь генералу Шатилу надо было срочно привести опрометчивое донесение в соответствие в действительностью, хотя бы задним числом. Кто потом будет разбираться? Штабные документы тоже можно подправить. Пока вся канцелярия в руках. Победителей не судят...

Иван Никифорович рано потерял родителей, и его воспитывала тётушка Евдокия, монахиня. В благодарность за её доброту первую дочь он назвал её именем.

Когда я увольнялся из Советской армии в 1975 году, из полка, который дислоцировался на Мысе Шмидта, нам при увольнении предлагали комсомольские путёвки на золотые прииски Магаданской области — «Комсомольский» и «Юбилейный». При этом изъявившим желание старшина выдавал дополнительный комплект тёплой одежды, в том числе обуви, два комплекта белья, спальные принадлежности и сухой паёк на несколько суток. Ротные юмористы по этому поводу скребли подбородки: «Пожалуй, за сухпай стоит подумать...»

В дивизии идут разборки, кто и какое участие принимал в штурме Рейхстага, кто поднял Знамя Победы и т. д. По всей вероятности, гасятся последствия преждевременного доклада наверх о Знамени Победы. Одновременно ведутся консультации по определению имён официальных «знаменосцев». Возможно, подчищаются кое-какие документы. Так как донесения из нижестоящих штабов в вышестоящие уходят ежедневно, дважды: утреннее — о том, что произошло за ночь, и вечернее — о произошедшем за день. Сам факт запроса штаба дивизии в штаб полка 2 мая о произошедшем 30 апреля, т. е. три дня назад, беспрецедентен. Обычно такими делами занимается военная прокуратура.

Магнитофонная запись рассказа бывшего разведчика хранится в музее Московского авиационного института в Москве.

Речь идёт о фотовыставке 1965 года и снимке В. Тёмина, сделанном с самолёта, на котором запечатлён Рейхстаг и панорама окрестностей в дыму. В 1945 году снимок появился с пририсованным Знаменем Победы на куполе. В таком виде облетел весь мир.

166

ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 686198. Д. 144. Л. 22.

За орден Красного Знамени ежемесячно государство выплачивало его владельцу по 20 рублей. За другие ордена и медали — от 5 до 15 рублей. За 20 рублей после войны можно было купить килограмм краковской колбасы или три пачки «Казбека». С 1 января 1948 года выплаты были отменены и «высвободившиеся средства направлены на подъём народного хозяйства».

В моей маленькой Тарусе после войны тоже была пивная «Голубой Дунай». Видимо, это романтическое название привезли фронтовики в качестве своеобразного трофея. Тарусская пивная «Голубой Дунай» стояла на обрывистом берегу над рекой Окой. В 70-е годы прошлого века она ещё стояла, превращённая в склад стеклотары. Но краска на её тесовых стенах и изящных резных колоннах ещё стойко голубела... Когда покосившуюся бывшую пивнушку снесли, это место долго называли «Голубым Дунаем»...

Фрагмент из книги Г. Гончарова и А. Купарева «Тайна Знамени Победы», изданной в 2014 году в Кирове небольшим тиражом.

Дело в том, что 3 мая 1945 года в газете «Правда», которая была тогда главной газетой страны, появилась фотография другого фотокорреспондента — В. Тёмина, — на которой был запечатлён разбитый снарядами Рейхстаг с дымящимися окрестными кварталами. Над Рейхстагом развевалось полотнище флага. Под фотографией подпись: «Флаг Победы над Рейхстагом». Снимок был сделан с самолёта 1 мая. Флага над Рейхстагом ещё не было. Его пририсовали редакции, рассчитывая, что, когда выйдет очередной номер «Правды» с фотографией, флаг над Рейхстагом уже наверняка установят. Так и случилось.

Реминисценция стихотворения Николая Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»: «И только, страдая, израненный бывший десантник/ Расскажет в бреду удивлённой старухе своей,/ Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,/ Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...»

172

Имеется в виду Леонид Горячев.

Александр Ильич Лизюков (1900–1942) — генерал-майор (1942), Герой Советского Союза (1941). С 1919 года в РККА. Окончил Высшую бронетанковую школу (1923) и Военную академию им. М. В. Фрунзе (1927). В 1938 году арестован, но в 1939 году оправдан и освобождён. С декабря 1941 года командир корпуса, с июня 1942 года командующий 5-й танковой армией. Погиб 25 июля 1942 года. Награждён двумя орденами Ленина, орденом Красной Звезды.

5-я танковая армия входила в состав Брянского фронта и вела активные боевые действия, затем была переброшена южнее в район Воронежа.

Надежда Александровна Ник-Калнышевская (1910–2000) — актриса, артистка эстрады. Окончила театральную студию в Киеве и Театральный институт им. М. Лысенко. Работала в Киевском театре Красной армии, в Киевской филармонии. В годы Великой Отечественной войны — в составе фронтовых концертных бригад.

Анастасия Алексеевна Полякова (1877-1947) — цыганская певица. С 12 лет выступала в семейном хоре в ресторане «Яр» в Москве. Гастролировала по России, пела в лучших залах страны и в провинции. С 1920 года в эмиграции.

Михаил Николаевич Туганов (1900–1974) — цирковой артист, наездник, режиссёр, народный артист РСФСР (1958). В 1925 году создал Донской казачий ансамбль, выступал в Московском цирке. В 1941 года вместе со своим ансамблем добровольно пошёл на фронт. Награждён орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

Старинная немецкая марка аккордеона. Фирма «Хонер» начала производство музыкальных инструментов в 1857 году. Вначале специализировалась на выпуске аккордеонов и баянов (кнопочных аккордеонов), затем наладила производство губных гармошек, с которыми вермахт пришёл в Россию в 1941 году. Производит аккордеоны и поныне. Качество высочайшее. Стоимость тоже — до 500 тысяч рублей.